II

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ АЗІИ.

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ

АЗІИ

КАРЛА РИТТЕРА.

ГЕОГРАФІЯ СТРАНЪ

НАХОДЯЩИХСЯ

ВЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫХЪ СНОШЕНІЯХЪ СЪ РОССІЕЮ

Т. Е.

КИТАЙСКОЙ ИМПЕРІИ, НЕЗАВИСИМОЙ ТАТАРІИ, ПЕРСІИ И СИБИРИ,

ПЕРЕВЕДЕНА

ПО ПОРУЧЕНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ

СЛУЖАЩИМИ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ РИТТЕРОВА ТРУДА НА ОСНОВАНІИ МАТЕРІАЛОВЪ ОБНАРОДОВАННЫХЪ СЪ 1832 ГОДА

И СОСТАВЛЕННЫМИ

Т. 3

П. СЕМЕНОВЫМЪ,

ДѢЙСТВ. ЧЛ. ИМПЕРАТОРСКАГО РУСС. ГЕОГР. ОБЩЕСТВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Ноября 28 дня 1860 года.

Ценсоръ *П. Дубровскій.*

ТОМЪ III.

Алтайско-саянская горная система въ предѣлахъ Русской Имперіи и по Китайской границѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

Описаніе Саянскихъ горъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ III ТОМУ.

Третій томъ русскаго перевода Риттеровой Азіи заключаетъ въ себѣ описаніе всей *Алтайско-саянской горной системы* съ русской стороны, начиная отъ западныхъ предгорій ея, протирающихся между меридіаномъ восточной оконечности Балхаша и лѣвымъ берегомъ Иртыша до меридіана озера Коссогола, лежащаго къ ю.-з. отъ Байкала. Такимъ образомъ изслѣдованія Риттера обнимаютъ верховья исполинскихъ рѣчныхъ системъ Иртыша, Оби и Енисея, до выхода этихъ рѣкъ въ низменную Сибирскую равнину, то есть всѣ внутреннія долины сѣвернаго и западнаго склоновъ Алтайскихъ и Саянскихъ горъ. Страна, разсматриваемая въ этомъ томѣ, вмѣстѣ съ Забайкальемъ, есть, безъ сомнѣнія, самая лучшая, а въ физико-географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ самая интересная часть собственно Сибири (не принимая, конечно, въ разсчетъ присоединенныхъ къ Россіи въ новѣйшее время прекрасныхъ частей Манджуріи и Джунгаріи). Вотъ почему, со времени путешествій академиковъ въ XVIII в., на эту часть

Сибири направлялись преимущественно изслѣдованія наблюдателей, и Риттеръ пользовался для своихъ географическихъ изысканій уже весьма богатыми матеріялами.

Со времени появленія I тома нѣмецкаго подлинника Риттеровой Азіи (съ 1832 г.) географическая наука сдѣлала однакоже и здѣсь большіе успѣхи. Обнародованіе результатовъ путешествій Гумбольдта (изданіемъ сочиненія спутника Гумбольдта Густ. Розе въ 1837 — 41 г., а также классическаго сочиненія самаго Гумбольдта Asie centrale въ 1841 г.), новѣйшія путешествія Гельмерсена, Геблера, Чихачева, Врангели, Щуровскаго и труды мѣстныхъ изслѣдователей — офицеровъ Англійскаго горнаго округа, весьма подвинули впередъ географическія наши свѣдѣнія объ этой части Азіи, такъ что для продолженія географическихъ изысканій Риттера объ Алтайско-Саянской системѣ въ превосходныхъ матеріялахъ нѣтъ недостатка.

Посѣтивъ Алтай въ 1856 г., послѣ всѣхъ поименованныхъ путешественниковъ, я уже успѣлъ разработать нынѣ всѣ наличныя свѣдѣнія о странѣ, которой посвященъ предлежащій III томъ русскаго изданія, и не ожидая окончательной разработки результатовъ самой важной части моего путешествія въ обоихъ Алатау и Тянь-шанѣ, приступаю нынѣ же къ изданію IV тома Азіи, который будетъ заключать въ себѣ географическія изысканія объ Алтайско-Саянской горной системѣ, на основаніи всѣхъ новѣйшихъ источниковъ, отчасти повѣренныхъ моими личными наблю-

деніями и изслѣдованіями. Такимъ образомъ IV томъ послужитъ необходимымъ дополненіемъ и продолженіемъ III-го. Основываясь на тщательномъ и критическомъ изученіи и сравненіи всѣхъ географическихъ изслѣдованій объ Алтайно-Саянской горной системѣ, до и послѣ 1832 года, III-й и IV-й томъ русскаго изданія Азіи соединятъ въ одно цѣлое всѣ тѣ свѣдѣнія о сихъ интересныхъ странахъ, которыя могутъ быть внесены въ область географической науки и дадутъ послѣдующимъ наблюдателямъ возможность начинать свои изысканія съ тѣхъ точекъ, на которыхъ остановились ихъ предшественники.

П. Семеновъ.

1-го Ноября 1860 г.

ГЛАВА IV.

ОПИСАНІЕ АЛТАЯ.

---

§ 41.

Изложеніе 1. *Озеро Зайссанъ съ Арка-уломъ, Долонъ-Кара и Сары-Тау, верхняя долина Иртыша съ его притоками: Курчумомъ, Нарымомъ и Бухтармою.*

1. Обозрѣніе.

Рѣка Иртышъ своими многочисленными источниками беретъ начало въ главныхъ западныхъ отрасляхъ Алтайскаго хребта (см. выше Т. II, ст. 186 и 189), обтекаетъ большою дугою его высочайшія громады съ юго-западной стороны и пробивается черезъ его западныя и юго-западныя развѣтвленія, достигающія до горъ Калмыкъ-Тологой и Тарбагатай (см. Т. II, стр. 113). Далѣе къ западу отсюда горы являются уже только рядами холмовъ, не находящихся въ связи между собою, и образующихъ отдѣльныя группы незначительныхъ и по большей части низкихъ горъ Киргизской степи. Дѣйствительно на з.-с.-з. помянутыхъ горъ, лежащихъ нѣсколько далѣе къ югу, въ меридіанѣ (100° в. ш. отъ Ф.) Усть-Каменогорска, который справедливо названъ „устьемъ скалистыхъ горъ", начинается обширная, необозримая Киргизская степь, правильнѣе степь Кассаковъ или Кайсаковъ. Степь эта не есть совершенная равнина;

напротивъ между меридіанами (¹) Усть-Каменогорска и Семипалатинска, на ю. отъ Иртыша, въ параллеляхъ 49° до 50° с. ш. съ в. на з., на разстояніи 160 г. м. (до 92° в. д. отъ Ф.), все еще тянутся длинные и параллельные ряды холмовъ и по большей части низкихъ горъ (Чингисъ-тау, см. Т. II, ст. 92, Каръ-каралы, Алтынъ-тюбе). Изъ нихъ многіе возвышаются только на 500 или 600, нѣкоторые, какъ-то Семи-тау на ю.-з. отъ Семипалатинска до 1,200 футовъ, но иные также напр. Каръ-каралы, по мнѣнію д-ра Мейера, до 3000 футовъ надъ уровнемъ моря, или 2,000 футовъ надъ поверхностью степи (Симпалатинскъ 1,080 футовъ или 180 туазовъ надъ ур. м. по Ал. Гумбольдту). Они не состоятъ въ непрерывной связи съ болѣе восточными Алтайскими горами, и могутъ быть названы западнымъ продолженіемъ ихъ только въ геогностическомъ, а не въ простомъ топографическомъ смыслѣ. Эти несвязанные между собою горные кряжи образуютъ, на пространствѣ между Алтаемъ и Ураломъ, замѣчательную водораздѣльную линію между притоками Иртыша до Ишима къ сѣверу и притоками Аральскаго моря до Сарысу, къ югу. Въ наружномъ же направленіи мы, вмѣстѣ съ г. Гумбольдтомъ (²), все таки должны признать стремленіе природы или покушеніе подземныхъ силъ приподнять на этой степной поверхности горную цѣпь, однородную и одинаково направленную съ восточнымъ Алтаемъ. Горы Киргизской степи внезапнымъ своимъ возвышеніемъ въ самыхъ странныхъ формахъ надъ луговыми степями или хрящеватыми и песчаными равнинами, вводятъ въ заблужденіе воображеніе путешественниковъ, заставляя его принимать ихъ за настоящія цѣпи горъ и внѣшнія продолженія самаго Алтая. Но не смотря на незначительную вышину и ширину этихъ горъ, не одно это обстоятельство заставляетъ принимать ихъ за продолженіе Алтая: основаніе тому можно найти и глубже въ ихъ вну-

---

(1) C. A. Meyer, Reise in d. westl. Soongarische Steppe въ Ledebour Altai-Reise Th. II, p. 328, 415, 427.

(2) A. v. Humboldt, über die Bergketten u. Vulkane Inn-Asien въ Poggd. Ann. p. 11.

треннемъ составѣ. Онѣ представляютъ рядъ наружно безсвязныхъ между собою холмовъ, состоящихъ изъ кристаллической горной породы, выступившей на подобіе жилы, вдоль трещины земной поверхности (см. Т. I. стр. 62), которая до меридіана Звѣриноголовскаго простирается черезъ 16 градусовъ долготы по одному и тому же направленію, вполнѣ соотвѣтствующему нормальному направленію сѣверной окраины нагорной Азіи. Конечно эта цѣпь уже далеко отстоитъ отъ главнаго азіатскаго нагорья, а потому должна быть разсматриваема, какъ отодвинутое впередъ ея разчлененіе. Если бы моря, какъ вѣроятно и было прежде, омывали подножіе упомянутой сѣверной окраины, то холмы Киргизской степи явились бы цѣпью острововъ Сибирскаго залива, подобно ряду Зондскихъ острововъ или крайнему сѣверо-западному ихъ отчлененію — цѣпи меньшихъ Андаманскихъ острововъ въ Бенгальскомъ заливѣ. Особенную достопримѣчательность этой цѣпи холмовъ, впервые посѣщенной К. А. Мейеромъ, выставляетъ Ал. Гумбольдтъ въ краткихъ, многозначащихъ словахъ, говоря, что на этой трещинѣ оказались тѣ же самые, лишенные гнейса слоистые граниты, тѣ же самые глинистые сланцы, въ соприкосновеніи съ (содержащимъ авгитъ?) грюнштейномъ, порфирами и яшмовыми слоями, плотные, зернистые, переходные известняки, даже часть металлическихъ веществъ, находимыхъ на восточной сторонѣ Иртыша въ такъ-называемомъ Маломъ Алтаѣ (см. Т. II. ст. 175), отъ котораго простирается упомянутая трещина. Между металлосодержащими веществами особенное вниманіе возбудили серебристо-свинцовыя руды и красная мѣдная руда съ діоптазомъ (аширитомъ). Эти отношенія живо напоминаютъ линіи поднятія (Seuils, arrêtes de partage, lignes de faite), которыя Гумбольдтъ распозналъ уже прежде того въ Новомъ свѣтѣ; тамъ онѣ соединяютъ Анды съ Сіерра-Паримо и Бразильскимъ хребтомъ, проходящимъ по тамошнимъ степямъ или льяносамъ между 2° и 3° с. шир. и 16° и 18° ю. шир. (3). Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ подтверждается, что это западное, отодвинутое, однако

(3) Tableau geognost. de l'Amerique mérid. въ Voy. 4. T. III. p. 190, 240 ·

же геогностически принадлежащее къ горной системѣ Алтая продолженіе его, какъ мы уже и въ 1816 году старались доказать ([4]) совершенно вопреки доселѣ всѣми принятой догадкѣ, —отнюдь не достигаетъ до южной оконечности Урала, который, по выраженію Гумбольдта ([5]), подобно Андской цѣпи, можетъ быть названъ длинною стѣною, протянутою отъ С. на Ю. съ выходами металлоносныхъ жилъ на своей восточной сторонѣ. Всего вѣроятнѣе, что крайнее продолженіе Алтая уже кончается меридіаномъ Омска (91^0 в. ш. отъ Ф.) или далѣе на З. меридіаномъ Звѣриноголовска (около 82^0 в. ш. отъ Ф.). Хотя географы и принимаютъ здѣсь еще наименованіе Алгинскихъ ([6]) горъ, но оно совершенно неизвѣстно Киргизамъ, по крайней мѣрѣ около Троицка или Оренбурга живущимъ. Даже, напротивъ того, здѣсь начинается достопримѣчательная область озеръ въ великой впадинѣ Стараго свѣта, обозначая мѣсто исчезнувшихъ морскихъ заливовъ, теперь занятыхъ низменными степями (см. Т. I. стр. 32).

Въ другомъ мѣстѣ, при разсматриваніи этихъ обширныхъ степныхъ пространствъ, мы возвратимся къ отдѣльнымъ расчлененіямъ и группамъ, служащимъ западными продолженіями Алтая и мѣстопребываніемъ средней Киргизской орды. Но здѣсь мы ограничиваемъ наше ближайшее описаніе Алтайскихъ развѣтвленій по лѣвому берегу Иртыша, восточною стороною поименованнаго Усть-Каменогорскаго меридіана (100^0 или 101^0 в. ш. отъ Ф.). Это страна, которую нашъ ученый путеводитель въ сей области, на В. отъ Калмыкъ-Тологой до озера Зайсана, назвалъ Восточною Джунгаро-Киргизскою степью ([7]), въ противоположность западной Джунгаро-Киргизской степи, которую онъ изслѣдовалъ, начиная на З. отъ сего меридіана и Калмыкъ-Тологоя, до горъ Каръ-Каралы.

(4) Allgemeine Erdkunde, I-te Aufl. 1817. T. I. p. 479.

(5) A. Humboldt, Über die Bergketten etc. p. 12.

(6) Христ. Барданесъ, „Первое путешествіе въ Киргизскую степь“, 1771, въ Falk, Beiträge zur Topographie. T. I. p. 361—367.

(7) C. A. Meyer, Reise въ v. Ledebour Altai. T. II. p. 491.

2. Верхній Иртышъ.

Величайшій водоемъ внутри этихъ западныхъ предгорій Алтая есть большое озеро Зайссанъ. Въ него впадаетъ съ востока текущій изъ горъ *Верхній Иртышъ* или *Эрцисъ* (8) (таково его монгольское наименованіе); та же рѣка направляется изъ него къ С.-З. Отсюда до впаденія въ него Тобола простирается ея среднее теченіе, ниже котораго начинается низовье Иртыша. Хотя озеро Зайссанъ, по характеру своей ближайшей окрестности, принадлежитъ къ господствующимъ здѣсь котлообразнымъ углубленіямъ Джунгарскаго склона сѣверо-западной окраины нагорной Средней Азіи (см. Т. II. стр. 85), но оно еще не лежитъ въ низменности, а напротивъ находится на довольно значительной возвышенности всего плоскогорія. Возвышенность эта, судя по барометрическимъ измѣреніямъ Ледебура (не доходившаго впрочемъ до Зайссана) и по мнѣнію Гумбольдта, простирается до 300 туазовъ (9) или 1,800 футовъ надъ ур. моря. Такимъ образомъ Зайссанъ лежитъ гораздо выше надъ уровнемъ моря, чѣмъ всѣ обширныя и прекрасныя поверхности альпійскихъ озеръ, которыя, начиная съ Женевскаго (1150′ надъ уровнемъ моря) до Фирвальдштедскаго и Боденскаго (1164′ надъ ур. м.), въ такой степени украшаютъ Швейцарію и плоскогорія южной Баваріи. И по аналогіи съ упомянутыми швейцарскими озерами Зайссанъ все еще принадлежитъ къ Алтайскому нагорью, хотя берега его и не окружены непосредственно живописными альпійскими ландшафтами, и хотя широкая степь облегаетъ вплоть его низменное прибрежіе. Потому и Иртышъ, по истокѣ своемъ изъ Зайссана до Усть-Каменогорска, долженъ сперва еще прорѣзать предлежащую тамъ съ С. горную страну, оставляя за собою на лѣвомъ и правомъ берегахъ значительные и сплошные горные хребты, до тѣхъ поръ пока они со-

---

(8) Ssanang-Ssetsen Mongolische Geschichte въ Schmidt p. 211, Not. 6. p. 412
(9) А. Гумбольдтъ, въ пр. с. ст. 7.

вершенно не сглаживаются на лѣвомъ берегу и пока за скалистыми ущельями Усть-Каменогорска не начинаетъ преобладать на сотни миль къ западу широкая, плоская степь. Вотъ почему А. Гумбольдтъ могъ такъ утвердительно сказать: „Малый Алтай при Усть-Каменогорскѣ переходитъ черезъ Иртышъ; по этой рѣкѣ также плыли мы между Бухтарминскомъ и Усть-Каменогорскомъ въ горномъ ущельѣ, въ которомъ на большомъ протяженіи замѣтно изліяніе гранита чрезъ глинистый сланецъ.“ Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что горныя формаціи западнаго и восточнаго берега рѣки вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу, подобно тому, какъ на нѣмецкомъ Рейнѣ, а не являются противоположными формами, какъ въ Дунайской долинѣ въ Баваріи. Измѣненіе характера этого непосредственнаго продолженія Алтая на западной сторонѣ упомянутаго теченія Иртыша состоитъ только въ постепенномъ уменьшеніи его высоты. Обѣ стороны рѣки до упомянутаго меридіана составляютъ одно цѣлое, которое потому мы и будемъ разсматривать здѣсь нераздѣльно. Только далѣе внизъ по теченію Иртыша къ Семипалатинску выражается рѣзко совершенное различіе лѣвой степной и правой нагорной стороны береговъ его. Здѣсь Иртышъ уже не пробиваетъ поперечною долиною въ направленіи къ С. параллелизмъ отдѣльныхъ цѣпей всей горной системы на сѣверной окраинѣ нагорной Азіи, но, слѣдуя нормальному направленію этого параллелизма къ С.-З. направляется вдоль широкой и все болѣе и болѣе расширяющейся впадины (первоначально продольной долинѣ) къ глубокому землесклону Западной Сибири. Изъ этого главнаго отношенія проистекаетъ характеристика цѣлаго и частей; слѣдуя теченію Иртыша, которымъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ боковыхъ экскурсій ограничиваются наблюденія здѣшнихъ путешественниковъ, всѣ до сего времени произведенныя изслѣдованія распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

3. Озеро Зайссанъ.

Зайссанъ, объ открытіи и изслѣдованіи котораго мы гово-

рили выше, по выраженію Мейера (10), есть необычайное расширеніе верхней долины Иртыша, и по его мнѣнію заключаетъ въ себѣ мало достопримѣчательнаго. Съ этимъ мнѣніемъ мы впрочемъ согласиться не можемъ уже и потому, что всякая мѣстность на нашей планетѣ представляетъ географу свои особенности. По словамъ тамошнихъ рыбаковъ, берега Зайссана всюду плоски или холмисты, но нигдѣ не превышаютъ 20 футовъ. По картѣ Панснера оно лежитъ между 47° 30′ до 48° с. ш., и съ В. на З. простирается почти на 15 г. м. длины. Дегинь (11), вѣроятно основываясь на своихъ восточныхъ источникахъ, приписываетъ этому озеру слишкомъ большое протяженіе, 25 г. м. въ длину и 16 въ ширину. Къ сожалѣнію намъ еще недостаетъ здѣсь точныхъ географическихъ опредѣленій. Первые русскіе плаватели (12) полагали, что въ немъ нѣтъ сильнаго теченія и что, отъ впаденія въ него Иртыша, до выхода этой рѣки можно проплыть озеро въ теченіи сутокъ. Мейеръ (1826) остался на сѣверной сторонѣ озера, гдѣ онъ всходилъ на лежащій къ С. отсюда хребетъ Долонъ-Кара; но здѣсь встрѣтилъ онъ къ С. и В. вблизи отъ себя, другія горныя массы, загородившія ему видъ поверхности озера. Сиверсъ, которому удалось далѣе къ востоку взойти (1793) на болѣе возвышенный Сара-Тау (13), могъ съ него при ясной погодѣ обозрѣть весь Норъ-Зайссанъ, очень явственно разстилавшійся передъ нимъ въ обширной равнинѣ, однакоже въ разстояніи 15 г. м. (100 верстъ) отъ него. Сиверсу ясно было видно, какъ Верхній Иртышъ вливался въ озеро, а Средній вытекалъ изъ него на западъ. Только недавно русскіе промышленники за бобрами и выдрами, тайно воспользовавшіеся здѣсь обильною добычею, отплыли отъ озера въ теченіе двухъ недѣль. Сиверсъ полагаетъ его окружность въ 43 г. м. (300 верстъ), что̀ вполнѣ согласуется съ китайскими

---

(10) C. A. Meyer l. c. p. 250, 254.
(11) Deguignes Gesch. d'Hunnen Th. I. p. 62.
(12) Müller Samml. russ. Gesch. Th. IV. p. 259.
(13) J. Sievers Sibir. Briefe XV. p. 202.

показаніями 600 ли (45 г. м.), и при длинѣ значительно превосходящей ширину, оно показалось ему имѣющимъ видъ полумѣсяца, подобно Женевскому озеру. Въ новѣйшее время одинъ только Путимцевъ объѣхалъ его совершенно (1811), потому-что на дорогѣ отъ Бухтарминска въ Чугучакъ и Или (см. Т. II. стр. 92, 112) проѣзжалъ онъ (14) по западному, а на возвратномъ пути по восточному берегу озера. Отъ Чугучака на сѣверъ перешелъ онъ чрезъ хребетъ не очень высокихъ холмовъ, къ рѣкѣ Уласлы, которая течетъ съ Ю. къ С. и впадаетъ въ Зайссанъ съ южной стороны. Къ востоку отъ нея течетъ параллельно съ ней другая рѣчка того же наименованія; обѣ рѣчки пересѣкаются дорогою къ С.-В. По ихъ берегамъ, подлѣ Бурутайскаго пикета, Киргизы, подъ начальствомъ султановъ, пасли свои стада въ китайскихъ владѣніяхъ; они называли себя *Тагасъ-Киргизами.* Наконецъ, проѣхавъ гору *Хатунь-Аму*, послѣ двухъ дней пути, Путимцевъ достигъ сѣвернаго подножія горнаго хребта *Манракъ* (или по Сиверсу Мангаракъ), который, будучи здѣсь отдѣленъ отъ Тарбагатайскаго хребта обрывистыми, глубокими долинами, представляетъ продолженіе послѣдняго къ С.-В., и проходитъ мимо Зайссана въ разстояніи одного дня пути отъ южнаго его берега. Третій день пути Путимцевъ слѣдовалъ по этому промежутку до третьей, также текущей на С. въ Зайссанъ, параллельной рѣки — *Арассану*, берущей начало въ Манракѣ, но весьма маловодной. Возвратившіяся съ Волги племена теленгутскихъ Калмыковъ (см. Т. II. стр. 162) построили на этой рѣчкѣ храмъ изъ дикаго камня. Путимцева радушно угощали въ аулѣ Тахты-Гучукъ, подлѣ этого храма, въ тѣснинахъ Манракскихъ или Мангаракскихъ, въ 18 г. м. (125 в.) отъ Чугучака. Оттуда, такимъ же образомъ, слѣдовалъ онъ чрезъ калмыцкія кочевья, по ущельямъ Манракскихъ горъ, въ теченіе трехъ дней, на разстояніи 14 г. м. (100 верстъ) далѣе на С.-В., чрезъ пикетъ Бургасутэй и область Кара-Чиликъ, для достиженія верхняго Иртыша при восточной оконечности Зайссана. Эту дорогу

---

(14) Poutimstev, Voy. l. c. p. 90, 114.

чрезъ Бургасутэй, отстоящій прямо отъ Чугучака только на 14 г. м. (100 верстъ), Путимцевъ предлагаетъ купцамъ и караванамъ въ Бухтарминскѣ, вмѣсто обыкновенной дороги на З. отъ озера Зайссана, конечно не по краткости, но по удобству ея. Здѣсь не приходится ни переѣзжать чрезъ очень затрудняющія горы, ни переправляться чрезъ болота; по дорогѣ же могутъ слѣдовать тяжелыя телѣги, да и чрезъ Верхній Иртышъ, при впаденіи его въ Зайссанъ, можно также переѣхать въ бродъ. Этотъ бродъ, кажется, лежитъ только въ двухъ добрыхъ часахъ (10 верстахъ) разстоянія выше Зайссана; по крайней мѣрѣ, тамъ Путимцевъ переходилъ чрезъ рѣку, которая, слѣдовательно, не слишкомъ глубока, и въ тотъ же день, проѣхавъ 7 г. м. (50 верстъ), достигъ отрасли Алтайскихъ горъ, называемой здѣсь Кара-Букрукъ, и лежащихъ въ странѣ Чингель. На слѣдующій день, отъѣхавъ 4 г. м. (30 верстъ) отъ озера, прибыли по холмамъ Долонъ-Карагайскимъ на берегъ рѣки Колгуты, которая хотя и вытекаетъ съ востока изъ Алтая, но снова исчезаетъ между возвышенностями, и такимъ образомъ не достигаетъ ни озера, ни Иртыша. Отсюда только еще 6½ г. м. (45 верстъ) до Курчума, перваго праваго восточнаго притока Иртыша; а по сѣверному берегу Курчума, на протяженіи 8 г. м. (56 верстъ) тянется государственная граница. Китайскій постъ именуется Хони-малайху (по Ал. Гумбольдту онъ лежитъ 1,500 париж. ф. или 250 туазовъ надъ ур. м.); русскій же пикетъ *Баты* лежитъ на островѣ Иртыша. Къ сожалѣнію, Путимцевъ не прилагаетъ къ своему донесенію никакого ближайшаго свѣдѣнія о верхнемъ теченіи Иртыша. Кромѣ того, что мы уже сказали выше объ его истокахъ (Т. II. стр. 190) по китайскимъ показаніямъ и о плаваніи по немъ Лихарева на 12 дней пути вверхъ его теченія, только немногое сообщено намъ Русскими. К. А. Мейеръ (15) встрѣтилъ тамъ одного изъ русскихъ надзирателей надъ рыбными ловлями по озеру, Копѣйкина, который не мало удивился, увидѣвъ, что на ландкартахъ показано столько

(15) Ledebour, Altai-Reise T. II. p. 1. 250.

рѣкъ (отъ 7 до 8 на картѣ Пансиера), будто бы впадающихъ въ Зайссанъ; онъ свидѣтельствовалъ напротивъ, что объѣхавъ въ 1805 г. это озеро, нигдѣ подобныхъ рѣкъ, кромѣ Иртыша, не примѣтилъ. И по всему вѣроятію, это только степныя рѣки, которыя лѣтомъ нерѣдко отчасти, а можетъ быть и совершенно изсякаютъ, но однакоже, достаточно орошая прилежащія пастбища, доставляютъ подножный кормъ стадамъ кочующихъ тамъ Калмыковъ. По словамъ Вершинина, главнаго надзирателя тамошнихъ рыбалокъ, Верхній Иртышъ образуется изъ 7 главныхъ источниковъ, имена коихъ довольно согласовались съ показаніемъ Сиверса. Число ихъ совершенно соотвѣтствуетъ вышепомянутому показанію китайскихъ писателей; но такъ какъ ихъ названія отступаютъ отъ наименованій китайскихъ, то мы приводимъ ихъ здѣсь для сравненія. Сиверсъ говоритъ, что съ вершины высокаго Сара-Тау онъ видѣлъ 5 рѣкъ, изъ коихъ будто бы происходитъ Верхній Иртышъ. Мы однакоже не можемъ согласовать это съ изображеніемъ нашихъ ландкартъ. По словамъ Сиверса (16) онѣ называются: 1) *Ку-Иртышъ*, 2) *Кара-Иртышъ*, 3) *Буурчумъ*, 4) *Хава*, 5) *Гальчирвашъ* (Кальчирванъ у Мейера), 6-я рѣка *Исульчукъ* впадаетъ уже ниже соединенія пяти первыхъ, а еще ниже *Альхавекъ* (Алкабекъ у Мейера) и *Билль-Иссыкъ* (Бильисекъ у Мейера). А потому, прежнія показанія, собранныя Фалькомъ о четырехъ источникахъ, не вѣрны (17). На В. отъ 3-й и 4-й изъ этихъ рѣкъ живетъ племя Урянхай, за нимъ племена Дурботъ и Джунгаръ, которыя, будучи свободны отъ всякой службы, платятъ китайскому правительству дань 1 соболемъ или 2 лисицами, и должны доставлять часть урожая отъ воздѣлываемаго ими хлѣба. По обѣимъ сторонамъ Верхняго Иртыша Сиверсъ издали усмотрѣлъ длинные ряды холмовъ бѣлаго песку. Болѣе ничего не узнаемъ мы о верховьѣ Иртыша, безъ сомнѣнія заслуживающемъ особой уче-

(16) Sievers l. c. p. 207; Meyer l. c. p. 210, 250.
(17) Falk Topogr. Beitr. T. I. p. 384.

ной экспедиціи, до нѣдръ высокаго Эктагъ-Алтая. Подобная экспедиція, по словамъ Вершинина, могла бы благополучно доѣхать на рыбацкихъ лодкахъ до истока Иртыша.

Озеро Зайссанъ или, по монгольскому правописанію, Зайссанъ-Норъ, т. е. дворянское озеро, получило это наименованіе только съ 1650 года ([18]). Разсказываютъ, что тогда Калмыки, во время великаго голода, прибѣгли къ водамъ его, изобилующимъ рыбою, и въ благодарность дали ему сіе названіе. Прежде это озеро называлось туземцами Кызылъпу (см. Т. II. ст. 284); Русскіе обозначили его на своихъ картахъ именемъ Корцанà ([19]). У Калмыковъ оно еще называется Хунъ-хуту-Норъ ([20]), т. е. озеро колоколовъ, потому-что шумъ его волнъ, разбивающихся о берега, издали Калмыки сравниваютъ съ звономъ колоколовъ.

Если бы это озеро не такъ изобиловало рыбою, то было бы еще менѣе извѣстно. Его низменные берега отчасти песчаны, отчасти болотисты, а наиболѣе покрыты густыми камышевыми лѣсами, въ коихъ обитаетъ многочисленная дичь, какъ то: выдры, бобры, но преимущественно (дикія свиньи) кабаны, которые откармливаются кореньями кальмуса (Arundo calamogrostis у Сиверса). Большіе, бѣлые, трубчатые, сладкіе коренья этого кальмуса находятся во всеобщемъ и значительномъ употребленіи, а Калмыки называютъ его *кога* ([21]). Сиверсъ видѣлъ, какъ дѣти калмыцкія постоянно жуютъ эти коренья и ѣдятъ ихъ вмѣсто лакомствъ. На песчаныхъ и глинистыхъ степяхъ по сѣверной сторонѣ озера, докторъ Мейеръ при частыхъ солончакахъ встрѣчалъ *соляныя растенія* (Nitraria), низкія *акаціи* (Robinia halodendron), *тамариксъ* (Tamarix ramosissima) и другія степныя растенія. Не взирая на то, что озеро уже совершенно лежитъ въ китайскихъ предѣлахъ, Русскіе еще безпрепят-

---

(18) Müller Samml. russ. Gesch. T. IV. p. 246.

(19) См. Atlas Russicus etc. cura et opera Academiae Imperialis Scientiarum Petropolitanae. Petrop. 1745. Tab. XV.

(20) Klaproth, Not. 1. въ Magasin Asiat. 1820. T. I. p. 180.

(21) Sievers l. c. p. 193.

ственно занимаются на немъ рыбною ловлею, составляющею здѣсь главное средство пропитанія для всѣхъ окрестныхъ жителей. Каждую весну, едва Иртышъ очистится отъ льда, Русскіе рыбаки спѣшатъ ([22]) изъ Бухтарминска и другихъ мѣстъ вверхъ по теченію рѣки къ Зайсану, соединясь артелями отъ 2 до 6 человѣкъ, чтобы сообща заниматься дѣломъ. Въ своихъ лодкахъ они привозятъ съ собою муку, соль, водку и другіе припасы на лѣто, и избираютъ себѣ благопріятнѣйшія мѣстности; большая часть изъ нихъ останавливается ниже озера, только немногіе переплываютъ чрезъ него для рыбной ловли въ Верхнемъ Иртышѣ. Нѣкоторые даже зимуютъ здѣсь. Тогда главная ихъ пища состоитъ изъ рыбы съ сухарями и водкою, и довольно здорова, но легко можетъ опротивѣть чужестранцу по дурному способу ея соленія. Рыбу также сушатъ, а вязигу вынимаютъ для продажи Монголамъ, Манджурамъ, Калмыкамъ; изъ плавательнаго же пузыря вывариваютъ рыбій клей, а свѣжую рыбу привозятъ въ Бухтарминскъ. Въ Верхнемъ Иртышѣ и Зайсанѣ ловятся породы семги (нельма, Salmo nelma Pall.; тальмень — Salmo fluviatilis), также налимы (Gadus lota), щуки, встрѣчаемыя и въ Нижнемъ Иртышѣ, и тамъ вмѣстѣ съ двумя предыдущими породами обозначаемыя русскими рыбаками названіемъ бѣлой рыбы. Этихъ рыбъ ловятъ большими неводами и тѣмъ же способомъ на озерѣ зимою подо льдомъ, преимущественно у одного мыса въ сѣверо-западной оконечности озера. До Верхняго Иртыша только изрѣдка восходятъ стерляди (Accipenser ruthenus), но осетры (Accip. sturio) туда никогда не заходятъ; напротивъ того, обѣ эти рыбы обогащаютъ рыбаковъ ниже озера въ болѣе быстромъ Иртышѣ, гдѣ онѣ подлѣ самаго озера очень вкусны и жирны. Стерляди часто бываютъ длиною въ 2 добрыхъ фута (1 аршинъ), осетры по большей части вѣсомъ отъ 80 до 120 фунтовъ (2 до 3 пудовъ). Эти обѣ породы называются здѣсь *красною рыбою*. Ловля осетровъ особенно происходитъ весною, гораздо менѣе осенью, а лѣтомъ не приноситъ никакой прибыли. Эти рыбы

(22) Meyer въ Ledebour Altai Reise. T. II. p. 246 и 311—318.

обыкновенно тѣснятся въ глубокихъ струяхъ рѣки, и когда начинають ихъ ловить, то поперегъ рѣки вколачиваются толстыя сваи, къ которымъ прикрѣпляютъ крючья и примапку въ мутной водѣ Иртыша. Пошлина, взимаемая съ каждой большой рыбы, и прежде употреблявшаяся на устройство путей сообщенія, а нынѣ поступающая въ казачью войсковую казну, ежегодно простирается отъ 10 до 12,000 рублей. Судя по этой пошлинѣ, полагаютъ число ежегодно ловимыхъ осетровъ въ 2,200, стерлядей въ 22,000 штукъ; на дѣлѣ эти итоги на $^1/_3$ выше, и простираются до 3,000 и 30,000. Весь этотъ уловъ потребляется на берегахъ Иртыша, не считая другихъ маловажныхъ породъ, какъ-то: окуней (Perca fluviatilis), чебаковъ (Cyprinus lacustris), встрѣчаемыхъ здѣсь также во множествѣ.

Ниже озера для этой ловли назначены только извѣстныя мѣста, и они-то вмѣстѣ съ сторожевыми пикетами и пограничными постами до сихъ поръ остались единственными обитаемыми прибрежными пунктами этой замѣчательной рѣки. Одинъ русскій главный надзиратель рыбныхъ ловель, живущій въ Баты, и одинъ помощникъ въ Красной Яркѣ, въ званіи чиновниковъ, объѣзжаютъ подвѣдомственныя имъ мѣста. 20 верстъ ниже озера Зайссана, гдѣ заложена самая верхняя пикетная рыбалка (48° с. ш.), запрещено ловить рыбу, дабы не препятствовать ея выходу изъ озера; начиная съ того мѣста, опредѣлены разныя рыбацкія стоянки. Одна изъ самыхъ нижнихъ, есть Алексѣевская рыбалка ([23]), на сѣверѣ отъ Букона (лѣваго притока), и выше впаденія Курчума (праваго); но въ настоящее время она доставляетъ прибыль гораздо менѣе прежней. Она составляетъ собственность одного Башкирца Ив. Алексѣева, пріобрѣтающаго свой главный барышъ отъ китайскихъ (купцовъ) торговцовъ, которые сбываютъ свои товары до Курчума и Нарыма, пограничной рѣки обоихъ государствъ, и на нихъ вымѣниваютъ у Киргизовъ скотъ разнаго рода и гонятъ

(23) D-r Meyer l. c. p. 227, 261.

его въ Чугучакъ и Или. Эта торговля довольно значительна; Мейеръ видѣлъ здѣсь именно во время своего пребыванія, какъ чрезъ рѣку переправлено было 20,000 головъ овецъ. Въ прежнее время русскія рыбалки отнюдь не простирались такъ далеко вверхъ по теченію и въ китайскіе предѣлы; на то вѣроятно произошло дружественное не оффиціальное согласіе, со стороны Китайцевъ и Русскихъ, споспѣшествующее обоюдной выгодѣ. Прежде рыбалки доходили по Иртышу только до русскаго пограничнаго поста Баты, и только нѣкоторые смѣльчаки прорывались далѣе. Въ настоящее время при добромъ согласіи тамошнихъ пограничныхъ жителей, рыбалки достигаютъ до устья Нарыма, китайской пограничной рѣки. Каждое русское судно платитъ тамошнимъ манджурскимъ пикетамъ въ китайскихъ предѣлахъ опредѣленное количество соли, около 30-ти фунтовъ, въ видѣ пошлины, а пограничный китайскій начальникъ ежегодно получаетъ въ подарокъ 500 стерлядей и нѣсколько другихъ предметовъ. Манджуры охотно вымѣниваютъ свои шелковыя матеріи, табакъ, фарфоровыя чашки, кирпичный чай и т. п. на рыбные товары Русскихъ, и такимъ образомъ, Русскіе совершенно спокойно простираютъ свое рыболовство до Верхняго Иртыша. Западная оконечность озера не такъ извѣстна; западный караванный путь изъ Бухтарминска въ Чугучакъ проходитъ очень близко мимо сей оконечности но съ него не видно поверхности озера. Путимцевъ повѣствуетъ объ этомъ краѣ во время своей поѣздки туда (1811) ([24]), что онъ переѣхалъ чрезъ Буконь (лѣвый притокъ Иртыша, впадающій сѣвернѣе всѣхъ другихъ съ запада), который, какъ и южная параллельная съ нимъ, небольшая рѣка Карасу, вытекаетъ изъ Колбинскихъ горъ. Эти горы тянутся здѣсь по западной сторонѣ Иртыша и по западному берегу озера Зайсана и на югѣ примыкаютъ къ Тарбагатай. Это суть предгорія въ одномъ днѣ пути, за которыми, далѣе на западъ (7 г. м. или 50 в. по

---

(24) Putimstev, Voy. Mag. As. l. c. p. 178.

словамъ Путимцева), возвышается округленная и высокая вершина, которую туземцы называютъ головою Калмыковъ (Калмыкъ-Тологой). Болотистыя низменности долинъ поросли камышомъ, называемымъ *кога*, по обрывамъ видны только скудныя таволги (Spir. chamaedrif. Pall.). У сосноваго лѣса, Хатунь-карагай, лежитъ китайскій пикетъ государственной границы, которая огибая озеро дугою съ западной стороны, подчиняетъ его пекинскому правительству и задерживаетъ каждаго чужестранца; близь этого пикета Буконь изливается въ Иртышъ. На Букони былъ мостъ, большая рѣдкость въ здѣшней странѣ, построенный для Амбаня, китайскаго пограничнаго и таможеннаго инспектора; на пикетѣ состояло 40 человѣкъ монгольской стражи, и здѣсь надобно было заявлять товары, предназначенные въ Или. Шесть верстъ далѣе, къ югу, на восточной сторонѣ, простиралась къ Зайссану холмистая долина, чрезъ которую протекала степная рѣчка Кара-Су, уже теряющаяся прежде достиженія озера. И хотя вблизи этой рѣки южнѣе ея на русскихъ картахъ обозначается рѣка Кокбекты, которая повидимому течетъ очень издалека, изъ Киргизской степи въ озеро съ западной стороны, однако Путимцевъ не называя ея, тотчасъ же упоминаетъ о незначительной Джусъ-Агачъ (т. е. сто деревъ). И эта рѣчка также безспорно принадлежитъ къ тѣмъ степнымъ ручьямъ, впадающимъ въ озеро, но нерѣдко совершенно изсякающимъ, которыхъ Копѣйкинъ при плаваніи своемъ около береговъ озера не могъ примѣтить. Дорожникъ изъ Семипалатинска въ Чугучакъ (25) также упоминаетъ не о Кокбекты, но только переходъ при Джусъ-Агачѣ: и это есть, какъ кажется, только рукавъ рѣки, на который перенесено наименованіе сосѣдняго пограничнаго пикета Гахчи-Ханъ-Модо-Дабуту, извѣстнаго у Киргизовъ подъ именемъ Джусъ-Агачъ. По замѣчанію Клапрота, пикетъ этотъ на китайскихъ картахъ называется Абдаръ-Модо-голъ, и лежитъ при Пансперовой картѣ при Кокбек-

(25) A. de Humboldt, Fragmens Asiat. Paris 1831, T. I, p. 294.

ты, которую онъ также называетъ Бугучикъ. При Джусъ-Агачѣ, наконецъ показались единственныя здѣсь деревья: черемуха (Prunus padus), ивы и тополи, скоро исчезающіе на обширныхъ сухихъ степяхъ и горныхъ скатахъ и смѣняющіеся кустами таволги. Къ югу отсюда простиралась необозримая сухая степь и тѣмъ чудеснѣе выдается изъ нея совершенно отдѣльная горная скала *Урчукъ-башъ*. За нею чрезъ нѣсколько часовъ ѣзды достигаютъ Бугаса ([26]), перваго южнаго притока Зайссана, который, со своимъ восточнымъ рукавомъ Чорга, отдѣленъ только ничтожными горными кряжами отъ другихъ, еще болѣе восточныхъ, параллельныхъ съ нимъ и сближенныхъ между собою притоковъ Зайссана. Эти болѣе восточныя рѣки подъ именемъ Базара и обоихъ Карабугасовъ, вытекаютъ съ сѣвернаго склона Тарбагатая, который мы уже разсматривали выше какъ водораздѣлъ между Или и Иртышемъ, или Балхашемъ и Зайссаномъ. По берегамъ этихъ рѣкъ только мѣстами растутъ ивовыя деревья. Одна изъ упомянутыхъ горныхъ отраслей, отдѣляющаяся къ С.-С.-В. отъ Тарбагатая, и простирающаяся между рѣками Базаромъ и Карабугасомъ на С.-В. къ Зайссану, лишена всѣхъ произрастеній и совершенно безплодна. Она представляетъ горный проходъ для каравановъ, получившій отъ наружнаго своего вида имя Тюэ-Муйнакъ, т. е. верблюжьей шеи. На юго-востокъ отъ этого мѣста вдоль китайской большой дороги у Мангаракскихъ горъ, Путимцевъ видѣлъ 14 кургановъ, древнихъ киргизскихъ могилъ, которыя вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими этого рода памятниками, составляютъ достопримѣчательнѣйшія древности степной окрестности озера Зайссана. Не вдалекѣ отъ этихъ могилъ, протекаетъ Карабугасъ, притокъ Зайссана. Карабугасъ этотъ находится съ запада въ параллельномъ сосѣдствѣ съ обѣими вышеупомянутыми рѣками Уласлы, которыя, какъ мы выше видѣли, привели Путимцева, слѣдовавшаго изъ Чугучака, къ восточной сторонѣ озера. Такимъ образомъ мы

(26) Poutimstev, Voy. l. c. p. 181.

почти окончили объѣздъ южной половины озера, и въ то же время упомянули обо всемъ, что только мы знаемъ достопримѣчательнаго объ этой еще весьма малоизвѣстной области истоковъ Зайссана. Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть ближе его сѣверный истокъ, то есть среднее теченіе Иртыша до Усть-Каменогорска, или до выхода его изъ Алтайскихъ горъ вмѣстѣ съ боковыми его долинами.

4. Среднее теченіе Иртыша до Усть-Каменогорска, и сопровождающія его горы.

Иртышъ вытекаетъ (27) изъ обширной дуги Зайссанскаго озера, которая здѣсь отнюдь не съуживается, какъ Мейеръ, посѣтившій это мѣсто, повидимому, ожидалъ того. По лѣвому берегу Иртыша тянутся Калбинскія (28) горы, образующія подъ симъ именемъ болѣе низкія предгорія возвышающихся за ними на западѣ горъ, Калмыкъ-Тологой, Хейрекъ, Войлочной Горы, тянущихся подъ этими именами все далѣе съ Ю.-З. на С.-В. до Бухтарминска, противъ устья Бухтармы. Хребетъ ихъ образуетъ водораздѣлъ тамошнихъ степныхъ рѣкъ; съ юго-восточнаго его склона текутъ лѣвые, маловажные притоки Иртыша, выше Усть-Каменогорска (между коими важнѣйшій есть Буконь) а съ сѣверо-западнаго склона, ниже Усть-Каменогорска, лѣвые притоки Иртыша, между коими важнѣйшіе суть: Аблайкитка, Убинка и Чаръ-Гурбанъ. На правомъ же берегу Иртыша, вблизи этой рѣки и Зайссана, надъ низменною степью, которая здѣсь еще на значительномъ разстояніи занимаетъ внутренній уголъ между озеромъ и рѣкою, возвышаются предгорія Аркаулъ, потомъ болѣе высокія вершины Долонъ-Кара, и за ними на Востокъ еще болѣе высокія вершины Сары-Тау. Къ сѣверу отъ нихъ текутъ съ В. къ З. большею частью параллельно между собою три восточные притока Иртыша: Курчумъ, Нарымъ и Бухтарма. Они вырываются въ Иртышскую долину изъ ближайшихъ

(27) Meyer въ Ledebour Altai-Reise Th. II. p. 250.
(28) Poutimstev. Voy. l. c. p. 177, 181.

крутыхъ предгорій, подходящихъ очень близко къ правому берегу Иртыша, и называемыхъ у Русскихъ Курчумскими горами—между Курчумомъ и Нарымомъ, и Нарымскими—между Нарымомъ и Бухтармой. Но это только предгорія поднимающагося на В. и Ю.-В. несравненно выше ихъ великаго Эктагъ-Алтая, который еще не изслѣдованъ ни однимъ наблюдателемъ, но съ которымъ эти предгорія непосредственно соединены (29). Ледебуръ (30) съ высоты 2,728 футовъ надъ моремъ видѣлъ изъ Малаго-Нарымска, что эти горы поднимаются на югѣ очень высокою горною цѣпью, въ которой лежатъ истоки Нарыма и Курчума. Въ половинѣ августа эта цѣпь горъ была покрыта множествомъ снѣга, который однакоже выпалъ только дня за два, и обыкновенно начинаетъ выпадать въ это время года. Когда Гумбольдтъ, около половины августа (1829), на казачьемъ форпостѣ Красноярскомъ, при Иртышѣ, на сѣверъ отъ устья Нарыма, бралъ азимуты окрестныхъ горъ для опредѣленія ихъ высотъ, то онъ ясно видѣлъ на Ю.-В. (31), за двойною горою Цулучоко, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Тагъ-Тау, въ предѣлахъ Китайской Монголіи, слѣдовательно въ направленіи Большаго Алтая. Когда же Сиверсъ (32), гораздо далѣе на Ю.-В., восходилъ 29-го іюля (1793) на вершину упомянутаго выше Сара-Тау, то въ разстояніи 80 верстъ (11 до 12 г. м.) хребетъ Алтая показался ему очень высокимъ, простирающимся отъ В. къ З. и покрытымъ вѣчнымъ снѣгомъ. Видъ, простирающійся во всѣ стороны на неизмѣримую даль, былъ ограниченъ только на С. и С.-В. высочайшимъ, совершенно обнаженнымъ горнымъ гребнемъ настоящаго Алтая, еще далеко возвышавшимся надъ гордымъ куполомъ Сара-Тау. Высокая снѣговая утесистая стѣна дымилась во многихъ мѣстахъ и въ самую ясную

---

(29) Engelhardt zur Kentniss der Felsbeshaffenheit des kleinen Altai въ Ledebour R. Th. I. p. 414.

(30) Ledebour Altai Reise Th. I. p. 293.

(31) A. v. Humboldt Über die Bergketten etc. p. 9.

(32) Sievers Sibirische Briefe p. 206.

погоду представляла взорамъ наблюдателя свѣтлое облако. Эти горы полагали здѣсь предѣлъ горному протяженію Тарбагатая, который проходилъ съ запада по южной сторонѣ Зайссана, къ востоку подъ именами Мангарака (или Манрака, см. выше ст. 8), Сайхонъ-Хамуръ и близь Алтая, къ Ю.-В. отъ Зайссана,— Савра. Именно тамъ, на востокѣ, было видно между горами небольшое озеро Марка-Голъ, изъ котораго выходитъ главный источникъ Гальчирваша, впадающаго на югъ въ Верхній Иртышъ; изъ сѣвернаго же подножія Сара-Тау истекалъ Курчумъ и быстро направлялся на западъ къ Среднему Иртышу.

5. Предгорія Высокаго Алтая: Аркаулъ, Долонъ-Кара, Сара-Тау.

Только отъ двухъ очевидцевъ получаемъ мы свѣдѣнія объ этихъ ближайшихъ предгоріяхъ — отъ Сиверса, 1793, и д-ра Мейера, 1826.

Изъ Киргизской степи, вдоль рѣки Букони, по берегамъ которой съ С. на Ю. тянутся особенно достопримѣчательные ряды ослѣпительно-бѣлыхъ большихъ песчаныхъ холмовъ, состоящихъ изъ чистыхъ, при солнечномъ свѣтѣ блестящихъ, раздробленныхъ кварцовыхъ зернышекъ (ихъ замѣтилъ и Мейеръ) Сиверсъ прибылъ на переправу къ Иртышу ([33]). Удобнѣйшее для переправы мѣсто находится кажется вблизи теперешней Алексѣевской рыбалки между устьями Букони и Курчума. Положеніе этой переправы тѣмъ удобнѣе, что оттуда можно проѣхать во всѣ стороны по здѣшнему краю. Устья обоихъ притоковъ находятся только въ нѣсколькихъ верстахъ одно отъ другаго; озеро Зайссанъ, Долонъ-Кара и Кучумскія горы — отстоятъ отсюда, на день пути, а до Сары-Тау на 3 дня. Здѣсь переправляются и караваны; отчего близь этого же мѣста располагаются киргизскіе разбойники, выходящіе преимущественно на конокрадство. И здѣсь именно Сиверсъ, переодѣтый

(33) Sievers Sibir. Briefe XIV и XV p. 189—210; Meyer въ Ledebour Altai-Reise Th. II. p. 255.

*

Киргизомъ, подобно разбойнику, какъ онъ говоритъ, счастливо переѣхалъ въ Китайское Государство, изъ любви къ ботаникѣ, съ опасностью попасться въ плѣнъ Китайцамъ. На Иртышѣ, подлѣ берега, въ тамошнихъ камышовыхъ лѣсахъ, Киргизы скрыли для переправы нѣсколько челноковъ, изъ коихъ каждый былъ вырубленъ изъ одного ствола чернаго тополя. Двое изъ всадниковъ Сиверса переплыли чрезъ рѣку и перетащили челноки на другую сторону. На нихъ свалили поклажу, прикрѣпили ихъ къ хвостамъ двухъ лошадей и переправили; стада послѣдовали за лодками. Для избѣжанія китайскихъ патрулей. проводники Сиверса направились чрезъ тамошнюю степь на южный берегъ быстрой рѣки Курчума, по которому тянутся превосходныя пастбища съ отличнѣйшими подножными кормами: донникомъ (Trif. melilotus) и Trigonella ruthenica. На берегахъ этой рѣки, омываемыхъ прекраснѣйшею водою, въ изобиліи растутъ тѣнистые тополи (Populus nigra et tremula) и березы (Betula alba). Кромѣ того, еще видны были остатки многихъ каналовъ, проведенныхъ для удобренія почвы, и слѣды прежняго земледѣлія, которымъ занималась здѣсь одна возвратившаяся въ 1771 году и поселенная подъ китайскимъ покровительствомъ орда Тургутовъ, вскорѣ послѣ того переселенная далѣе на югъ въ страну Кобокъ-Сари (см. Т. II. стр. 79 и 123), въ степи показывались сайги (Antelope saiga Pall.), дикія овцы (Ovis ammon?), въ тростниковыхъ лѣсахъ много кабановъ. Часто встрѣчались древнія чудскія могилы; Сиверсъ проѣхалъ мимо нѣсколькихъ соляныхъ озеръ, по коимъ во множествѣ расли мясистая солянка (Salicornia caspica) и лебеда (Atriplex tartarica). На 2-й день пути къ востоку отъ Иртыша начали постепенно возвышаться отлогія, но еще обнаженныя горы, за коими вскорѣ послѣдовали болѣе обильующія паствою высоты, на которыхъ паслись стада верблюдовъ и овецъ, принадлежавшія одному мирному калмыцкому султану. Его аулъ былъ расположенъ за первымъ волнистымъ кряжемъ въ замѣчатель-

ной скалистой долинѣ при озерѣ Баллакъ-Чилекъ (34). На с.-в-й сторонѣ его возвышался болѣе высокій Алтай. Въ этой долинѣ, о наименованіи которой д-ръ Мейеръ (1826) на всѣ свои разспросы не могъ получить никакого положительнаго отвѣта, Сиверса угощали въ юртѣ калмыцкаго султана Сандюка. Семеро братьевъ султана кочевали съ своими юртами и стадами около небольшаго прѣснаго горнаго озера, которое не имѣетъ даже и получаса длины; также и окрестныя долины были наполнены юртами, а высоты оживлены стадами. Многія изъ высочайшихъ горъ были еще (26-го іюля) покрыты снѣгомъ. Эта Алтайская долина, находящаяся такъ сказать въ преддверіи снѣговыхъ горъ, единственная въ этомъ родѣ изъ посѣщенныхъ Европейцами, по описанію Сиверса, очень замѣчательна. Она лежитъ уже очень высоко, имѣетъ въ длину не много менѣе мили, а въ ширину около часа ѣзды. На западной ея оконечности есть множество небольшихъ, отдѣльныхъ холмовъ, состоящихъ изъ кварцовыхъ валуновъ съ кварцовыми щетками. Изъ нихъ выдаются бѣлыя, обилующія полевымъ шпатомъ гранитныя скалы, только изрѣдка поросшія гребенщикомъ (Tamarix gallica). Средняя часть долины, гдѣ юрты расположены около озера, состоитъ изъ гранитнаго хряща и заключаетъ въ себѣ нѣсколько выгоновъ; лучшія альпійскія пастбища лежатъ на часъ ѣзды во внутренность страны, а табуны приходится выгонять еще за 10 или 12 миль (80 верстъ) на лучшіе нагорные луга. На С.-З. и С. эта долина огорожена какъ-бы стѣною, состоящею изъ огромныхъ красноватыхъ гранитныхъ глыбъ. Въ иныхъ мѣстахъ стѣна эта поднимается совершенно отвѣсно; въ другихъ мѣстахъ она состоитъ изъ нагроможденныхъ одна на другую округленныхъ глыбъ. Наибольшая часть дна долины какъ бы вымощена гранитными плитами отъ 2 до 10 саж. длины, между которыми кое-гдѣ возвышаются отдѣльныя груды гранитныхъ глыбъ или плитъ. Между этими гранитными утесами образует-

(34) Sievers Sibir. Br. XIV и XV. p. 189—20; Meyer въ Ledebour Altai-Reise T. II. p. 255.

ся простирающійся къ С. естественный скалистый водопроводъ, вдоль по которому протекаетъ небольшой, прозрачный источникъ. Между гранитными скалами произрастаютъ акаціи (Robinia tragacanthoides), таволги (Spir. alpina), шиповники (Rosa canina), полыни (Artemisia), лапчатки (Potentilla) и другіе. На восточной оконечности долины возвышаются горы, по которымъ въ изобиліи растетъ ревень (Rheum nanum). Часахъ въ двухъ ѣзды отсюда, 10 верстъ далѣе на югъ, лежитъ нѣсколько небольшихъ солончаковъ, изъ коихъ добывается чистѣйшая поваренная соль. Эти солончаки находятся между низменными кварцевыми вершинами, содержащими въ себѣ прекрасныя щетки горнаго хрусталя; объ этихъ вершинахъ Сиверсу говорили, что прежде ихъ прекрасные каменья были покупаемы Ташкентцами. Одно изъ этихъ озеръ, по словамъ Сиверса, совершившаго туда поѣздку, окружено горамы Долонъ-Кара и Арахулунъ (Доленъ-Кара и Арка-улъ у Мейера) и есть тотъ же солончакъ, окрестность котораго съ большой точностью изслѣдована Мейеромъ (1826). Эта скалистая долина при Баллакъ-Чилекѣ особенно любопытна для здѣшней исторіи своими древними надгробными памятниками. Она наполнена ими въ такомъ множествѣ (35), какъ ни одна изъ долинъ, которыми Сиверсъ проѣзжалъ до того, изъ чего достовѣрно заключить можно о значительномъ народонаселеніи этихъ горныхъ странъ въ прежніе вѣка, такъ какъ эти памятники относятся къ исчезнувшему народу (называемому Чудью, см. ниже). Сиверсъ провелъ два дня надъ отрытіемъ перваго кургана, при чемъ принуждены были разбрасывать множество большихъ гранитныхъ глыбъ, прежде нежели достигали до слоя чернозема въ одинъ футъ толщиною (произведенъ-ли этотъ черноземъ произрастеніемъ или пожаромъ?), подъ коимъ не оказалось ничего кромѣ обыкновеннаго прозрачнаго кварца и гранитнаго хряща со слюдистымъ пескомъ, которымъ была покрыта вся долина. Слѣдовавшій за симъ могильный сводъ былъ сложенъ изъ боль-

(35) Sievers, l. c. p. 196—199.

шихъ необтесанныхъ гранитныхъ плитъ, но теперь давно уже обрушился; разрывъ песокъ, нашли истлѣвшій остовъ лошади, которую Киргизы по зубамъ признали за шестилѣтнюю; онъ лежалъ въ направленіи съ С. на Ю. Послѣ того, разрывая весьма долго, нашли человѣческія кости рукъ и берцовыя, также черепъ, у котораго не доставало нижней челюсти. По замѣчанію Сиверса, черепъ былъ калмыцкаго образованія, но его лобная кость была особенно плоско откинута назадъ, глазныя впадины четырехъ-угольнаго очертанія, а шовъ (sutura coronalis) на немъ почти сросся. Между обоими остовами лежалъ заржавленный остатокъ обоюдоостраго, прямаго желѣзнаго меча, длиною въ полтора локтя и въ дюймъ шириною. Металлъ растирался въ порошокъ; подлѣ него находились десять трехгранныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ. На груди человѣческаго остова лежало много золотыхъ листочковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе нерѣдко встрѣчаются самородками въ Колыванскихъ рудахъ. На мѣстѣ правой руки оказались два кованые, золотые кольца, каждое въ полтора золотника вѣсомъ; кругомъ много пряжекъ, кованыхъ вещей, мѣдная сбруя слегка посеребренная; далѣе мѣдныя стремена съ остатками дерева и мѣдная дощечка въ два дюйма въ квадратѣ съ остаткомъ по видимому лосиной кожи (вѣроятно грудная бляха для конскаго украшенія). Могила имѣла полторы сажени глубины, посрединѣ лежалъ какъ будто бы слой золы въ три дюйма толщиною. Изъ второй изъ этихъ разрытыхъ могилъ, Сиверсъ досталъ мѣдный котелъ въ 38 фунтовъ вѣсомъ, 28 дюймовъ вышиною и 16 дюймовъ въ поперечникѣ; подъ этимъ котломъ лежалъ бердышъ изъ того же металла; но за неимѣніемъ ломовъ Сиверсъ не могъ совершенно приподнять слишкомъ крѣпкій сводъ этой могилы. Сухая гранитная почва въ могилахъ при-алтайскихъ, подобно сухому песку Нильской долины въ египетскихъ катакомбахъ, повидимому сохранила древности въ мало измѣненномъ видѣ на изысканіе потомства. Но еще не пробудилось никакое ученое рвеніе для ближайшаго изслѣдованія этихъ

памятниковъ исчезнувшаго, древняго, богатаго оружіемъ наѣзднического Алтайскаго народа, свѣдущаго въ горномъ дѣлѣ, плавкѣ металловъ и любившаго украшенія (см. ниже Чудскія могилы). Отъ этихъ могилъ, Сиверсъ, еще нѣсколько дней, іюля 29-го, продолжалъ свою отважную поѣздку далѣе на С.-В., (преслѣдуя главную свою цѣль — изслѣдованія родины настоящаго ревенняго корня (см. Т. I. ст. 530), до вершины Сары-Тау. Киргизы провели его по той же горной дорогѣ, по которой слѣдуютъ обыкновенно Китайцы или Манджуры когда они осенью снимаются со своей временной лѣтней стражи на постахъ по государственной границѣ при Иртышѣ и удаляются во внутренность страны (военнаго управленія Гобдо, Т. II. ст. 260, къ коему принадлежитъ и область при Зайсанѣ, на сѣверо-востокъ отъ пограничной провинціи Или и Чугучака, см. Т. II. ст. 182).

Мы ѣхали, говоритъ Сиверсъ ([36]), вдоль по долинѣ, вымощенной природою, потомъ по весьма плодоносной, романтической мѣстности, по обнаженнымъ горамъ, переправлялись чрезъ многія небольшія рѣки, впадающія въ Курчумъ, которыхъ берега украшены ивами, березами, калиною (Viburnum opulus), бояркомъ (Crataegus sanguinea), шиповникомъ. Эти обнаженныя горы образуютъ западное подножіе упомянутаго высокаго Алтая на востокѣ. Въ концѣ перваго дня пути, на возвышенномъ нагорномъ лугу, рвали превосходную землянику въ величайшемъ изобиліи, и субальпійскія растенія, генціаны (G. adscendens), таволги (Spiraea), Thalictrum alpinum и aquilegifolium, породы лука (Allium senescens, tartaricum), альпійскую черную смородину (Ribes alpina), и мн. др., и переночевали у гостепріимныхъ киргизскихъ пастуховъ, въ красивой горной долинѣ. Слѣдующій день былъ назначенъ для отдыха вьючныхъ животныхъ, потому-что поѣздка оттуда въ горы очень затруднительна. Окрестныя высокія горы были здѣсь отнюдь не такъ сухи и обнажены какъ болѣе низкія ихъ предгорія,

---

(36) Sievers Sibir. Br. XV, p. 204.

но по большей части покрыты отличнѣйшимъ черноземомъ и подернуты прекраснымъ луговымъ покровомъ, усѣяннымъ альпійскими травами, между коими земляника росла въ изобиліи, также какъ сибирскій ревень (Rheum sibiricum), пэоны (Paeonia laciniata), красотою не уступающіе садовымъ, но отличающіеся отъ нихъ не махровыми цвѣтами и т. д. Іюля 31 рано утромъ сѣли на коней для подъема на высокія горы. Три часа (10 верстъ) ѣхали по обильнымъ горнымъ лугамъ, и тогда только достигли до роскошнаго лѣса лиственничныхъ деревьевъ (Pinus larix), стволы которыхъ возвышались подобно стройнымъ колоннамъ. Sison crinitum Pall. и Cineraria alpina часто встрѣчались на пути. Чѣмъ горы болѣе приближаются къ гребню Алтайскаго хребта на востокѣ и къ одному изъ истоковъ *Гальчирсаша*, тѣмъ онѣ болѣе возвышаются. У этого истока поѣздъ Сиверса снова началъ спускаться (вѣроятно на С.-В.?) чрезъ высокія травы и кусты, ангелики (Angelica archangelica), ревеня (Rheum sibiric.), Aconitum pyrenaicum, черной смородины (Ribes nigrum), ивъ (Salix alnoides) и елей (Pinus abies). Наконецъ вечеромъ Сиверсъ прибылъ въ лѣсистую продольную долину, гдѣ Киргизы съ наслажденіемъ упивались своимъ прохладительнымъ лѣтнимъ напиткомъ—кумысомъ (кислымъ кобыльимъ молокомъ). Этотъ ночлегъ былъ расположенъ на лугахъ при подножіи Сары-Тау, высочайшей изъ окрестныхъ горъ. Она возвышаетъ свою гордую, мѣстами снѣгомъ покрытую вершину, надъ всѣми окружающими ее сосѣдними горами. Два мѣсяца разъѣзжая по сухой Киргизской степи, Сиверсъ до этого высокаго хребта не видалъ ни одного порядочнаго лѣса, и эта страна показалась ему восхитительною. На слѣдующій день, 1-го августа, Сиверсъ взошелъ на вершину Сары-Тау ([37]); на срединѣ подъема лиственица достигла своего предѣла, и только немногія сосны и ели восходили еще далѣе. Около вершины Сары-Тау и на самой вершинѣ красовалась чудная альпійская флора (Aquilegia

(37) Въ пр. с. стр. 206.

alpina. grandiflora: Bartsia nov. sp. Bupleurum ranunculoides, Cnicus asiaticus; Cucubalus, Lepidium alpinum, Trollius asiaticus, Viola altaica и др.). Сары-Тау, о вышинѣ котораго Сиверсъ не упоминаетъ ни слова, еще вовсе не принадлежитъ къ обнаженнымъ снѣговымъ вершинамъ Великаго Алтая. Однако же его высочайшая верхушка, съ которой торчали вывѣтрившіеся агрегаты гранита, представляла обширный, превосходный видъ на покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ высоты и на всю поверхность Зайссана. По этому виду старались мы выше ознакомиться съ окрестною страною. Отсюда, говорили Сиверсу, считается 8 дней до Телецкаго озера (къ С.-С.-В.; показаніе это по времени слишкомъ уменьшено) и столько же до китайскаго города Гобдо на С. (это скорѣе возможно, но только не на С., а на В.-С.-В. по нашему означенію мѣстности), и до губернскаго города Ирумчи на В. (т. е. Урумчи, см. Т. II. стр. 72, который лежитъ гораздо далѣе на Ю.-В.). За самымъ восточнымъ продолженіемъ Тарбагатая, называемаго здѣсь, какъ уже было упомянуто, Савра, вершины коего, еще покрытыя снѣгомъ и льдомъ, съ ослѣпляющимъ блескомъ отражали солнечные лучи—на востокѣ (или правильнѣе на Ю., или по крайней мѣрѣ на Ю.-Ю.-В.) есть говорятъ вулканъ. По разсказамъ Киргизовъ, вулканъ этотъ безпрестанно дымится, иногда извергаетъ огонь, доставляетъ нашатырь, сѣру и особенно селитру, которую ихъ племена употребляютъ на приготовленіе огнестрѣльнаго пороха (это вѣроятно та же самая, означенная, на стр. 82 Т. II мѣстность, которая посему вѣроятно должна находиться въ поименованномъ уже рядѣ сольфатаръ между Урумчи и Кобокъ-Сари Т. II. ст. 79, если это мѣсто не лежитъ еще нѣсколько сѣвернѣе и до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ). Кромѣ того, на вершинѣ высокаго Сары-Тау, Сиверсъ былъ изумленъ двумя чудскими могилами, потомучто взгромоздить тамъ огромные обломки скалъ показалось ему значительнымъ трудомъ. Онъ почелъ ихъ гробницами шамановъ или жрецовъ, которыхъ обыкновенно хоронили на

вершинахъ горъ; къ сожалѣнію, говоритъ онъ, при немъ не было ни работниковъ, ни орудій, необходимыхъ для разрытія этихъ чародѣйскихъ могилъ. Восхищенный величественною природою и ея красотою, онъ возвратился въ тѣнистую долину, гдѣ въ полдень при подножіи горы термометръ показывалъ 15° Реом., а на вершинѣ горы остановился на 5° Реом. Проникнуть далѣе во внутренность горъ показалось Сиверсу неблагоразумнымъ, потому что въ Урянхайской области Гобдо около сосѣдственнаго горнаго озера Марка-Куль (Голъ, т. е. озеро, см. Пансперову карту), уже началась большая осенняя охота на оленей, ланей, лисицъ, бобровъ (которые становятся все рѣже), на соболей, волковъ, медвѣдей, тигровъ, и трудно было избѣжать встрѣчи съ этою охотою. Два киргизскихъ посланца, отправленные къ сему озеру, съ порученіемъ привезти предполагаемое настоящее ревенное растеніе, по сказанію Киргизовъ будто бы тамъ произрастающее, воротились съ обыкновеннымъ корнемъ Rheum sibiricum. Посему цѣль поѣздки была исполнена. Покинувъ лѣтнее пастбище табуновъ киргизскаго султана, ботаникъ благополучно возвратился къ Иртышу.

Вотъ единственный взглядъ, который намъ дозволено бросить на высокіе бѣлки (альпы) этого Алтая: другихъ свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ. Только поѣздка д-ра Мейера ([38]) отъ пикетныхъ рыбалокъ при Иртышѣ къ тѣмъ же самымъ солончакамъ до Арка-Ула и его восхожденіе на Долонъ-Кара обогощаетъ и распространяетъ эти свѣдѣнія объ Алтайской Terra incognita новыми важными наблюденіями: а потому и мы послѣдуемъ за нимъ по пути его.

Отъ верхней Пикетной Рыбалки, въ первый день. 14 мая (1826), онъ проѣхалъ 5 г. м. (35 верстъ) на В.; первыя двѣ мили дорога пролегала по степи, потомъ по низменности. Эта низменность совершенно затопляется водою отъ тающихъ снѣговъ и на ней между глинистыми пластами образуются меньшія

(38) C. A. Meyer въ Ledebour Altai-Reise T. II. p. 251—261 и Engelhardt, ibid. T. I. p. 414.

или бо̀льшія поросшія лѣсами камышей мелководныя озера, въ нѣсколько сотъ шаговъ, а иныя въ нѣсколько верстъ окружности. Когда эти озера совершенно высыхаютъ, то на мѣстѣ ихъ обыкновенно остается мелкій глинистый илъ и глауберова соль. На этой соляной степной почвѣ почти не замѣтно никакой растительности, и она производитъ только нѣкоторыя артемизіи и соляныя растенія, также два вида исполинскихъ зонтичныхъ, (подобныхъ небольшимъ деревцамъ Peucedanum elatum и paniculatum), которыхъ количество увеличивается съ увеличеніемъ числа озеръ въ направленіи къ Арка-Ульскимъ горамъ, отчего цѣлая страна получаетъ весьма странный видъ. Только изрѣдка тянутся по степи полосами, подобныя землянымъ валамъ, возвышенности въ нѣсколько футовъ, недосягаемыя водоразлитіями и поросшія мелкимъ кустарникомъ: таволгами (Spiraea hypericifolia), робиніями (Robinia halodendron, frutescens), гребенщиками (Tamarix elongata), астрагалами, и др. Эта почва простиралась до подножія Арка-Ульскихъ горъ и солончака, по берегамъ коего обитали Киргизы. Къ этому солончаку Мейеръ прибылъ въ 5 часовъ вечера и разбилъ здѣсь свои палатки. Это мѣсто служитъ зимовкою множеству Киргизовъ, которые называютъ его Акнайманскія муллы. Теперь, въ половинѣ мая, здѣшняя окрестность была пустынна и безлюдна; одинокія и робкія сайги-газели, немногочисленные жаворонки, пиголицы, дикія утки по болотамъ и озерамъ, а на сухихъ мѣстахъ ящерицы, мелькавшія въ разныхъ направленіяхъ, оживляли пустыню. Только въ іюлѣ возвращаются сюда Киргизы для добыванія самосадочной поваренной соли, или при переходахъ своихъ стадъ къ высшимъ лѣтнимъ пастбищамъ (гдѣ Сиверсъ встрѣтилъ ихъ въ концѣ іюля); кромѣ того мѣсто это посѣщается хищными Киргизами.

Во время своего только двухъ-дневнаго здѣсь пребыванія, д-ръ Мейеръ былъ изумленъ совершенно новою флорою, раскрывшеюся здѣсь предъ нимъ; онъ тотчасъ собралъ 26 до сего имъ еще не найденныхъ растеній, между коими было 10 со всѣмъ но-

выхъ видовъ — достаточное возмездіе для естествоиспытателя, который для подобной добычи еще болѣе углубился бы въ страну. На другой день была совершена ботаническая экскурсія за 10 верстъ отъ стоянки, чрезъ нѣсколько горныхъ хребтовъ и низменныхъ долинъ, къ высочайшимъ вершинамъ горъ Долонъ-Кара. Горы Аркаулъ и Долонъ-Кара собственно образуютъ одинъ соединенный хребетъ: первыя должно разсматривать собственно какъ предгорія гораздо высшаго Долонъ-Кара. По мнѣнію Мейера, ихъ положеніе было до сего времени ошибочно обозначаемо на русскихъ картахъ. Состоя изъ грюнштейна съ содержащимися въ немъ роговыми порфирами, оба горные кряжа на своихъ южныхъ скатахъ падаютъ круче нежели на сѣверныхъ. Эти кряжи, состоящіе изъ почти вертикально поднятыхъ пластовъ, находятся между собою въ связи на востокѣ и расходятся на З.; низшій кряжъ Арка-Улъ, около 300 футовъ возвышающійся надъ степью, удерживаетъ это направленіе къ западу и понижается къ Иртышу; но Долонъ-Кара, отъ 1,000 до 1,200 футовъ вышиною, тянется на сѣверъ и понижается къ Курчуму. Между этими цѣпями лежитъ волнообразная степная поверхность; оба кряжа сухи, почти лишены источниковъ и деревьевъ, и только поросли кустарниками: таволгами (Spir. hypericif.), робиніями (Rob. frutescens), Tragopyrum buxifolium и др. Съ высокаго Долонъ-Кара взоръ далеко простирается на С. и З., къ лѣснстымъ берегамъ Курчума; которые являются змѣеобразно извитою полосою и тянутся къ Иртышу; за Курчумомъ горизонтъ ограниченъ Курчумскими горами. На западѣ и Ю.-З. разстилалась открытая степь и въ величайшемъ отдаленіи едва только замѣтны для невооруженнаго глаза горныя громады, примыкающія къ Тарбагатаю. На югѣ и востокѣ, болѣе южныя вершины Долонъ-Кара лежали такъ близко, что поверхности зайсанскихъ водъ не было видно. Здѣсь Мейеръ открылъ, на одной отвѣсной скалѣ, многія едва на полъ-линіи углубляющіяся изсѣченныя изображенія животныхъ; изъ нихъ половина была уничтожена временемъ. Другія, хорошо сохранив-

шіяся показывали явственное очертаніе лоси, каменнаго барана, нѣсколько изображеній животныхъ съ завитыми рогами, вѣроятно архаровъ (Ovis argali). Мейеръ удостовѣрился, что эти изображенія отнюдь не были дѣломъ нынѣшнихъ Киргизовъ, но принадлежатъ древности, подобно исписаннымъ скаламъ на Енисеѣ ([39]). Въ ущельяхъ скалъ видны были слѣды киргизскихъ зимовокъ. Вечеромъ д-ръ Мейеръ возвратился въ степь къ Волости у могилъ. Солончакъ простирается на 1 версту въ окружности: его прозрачная вода покрывается корою поваренной и глауберовой солей; онъ занимаетъ глубочайшую впадину здѣшней мѣстности, другія озера облегаютъ его. Господствующіе здѣсь вѣтры несутся съ З. и Ю.-З., и часто превращаются въ ураганы, вмѣстѣ съ рыхлымъ пескомъ вырывающіе изъ долинъ степныя травы и уносящіе ихъ на горы; вотъ почему степная флора восходитъ тамъ, довольно изумительно, также на горные хребты. Также многія изъ здѣшнихъ растеній заключали въ себѣ уже зрѣлыя сѣмена, между-тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ Мейеръ не встрѣчалъ ихъ даже и въ цвѣту; безъ сомнѣнія это есть также слѣдствіе теплыхъ, господствующихъ здѣсь западныхъ и юго-западныхъ степныхъ вѣтровъ, дующихъ изъ внутренней Азіи. Вообще ботаникъ встрѣтилъ здѣсь весьма обильную жатву. Какъ бѣдна являлась фауна ничего не представлявшая, за исключеніемъ рѣдкихъ сайгъ, нѣсколькихъ сернъ, немногихъ галочьихъ и вороньихъ гнѣздъ между утесами, двухъ парившихъ соколовъ, только одного рода утокъ (Anas rutila) на озерахъ, пары овсянокъ, такъ обильна была жатва флоры. Въ четыре дня было собрано 55 непримѣченныхъ прежде видовъ, изъ которыхъ отъ 18 до 19 были новые. Изъ киргизскихъ могилъ Мейеръ замѣтилъ троякаго рода курганы, простирающіеся съ В. на З. и состоящіе иногда изъ большихъ, неправильныхъ грудъ камней (древніе), иногда же изъ правильно сложенныхъ на подобіе хлѣбныхъ печей обмазанныхъ глиною камней. Послѣдніе вѣ-

(39) J. G. Gmelin Sibirische Reise 1751, 8. T. I. p. 305, 378. G. Spassky, Inscriptiones Sibiricae, Petrop. 1822, 4. Journ. des Savans 1822, p. 600.

роятно принадлежатъ Киргизамъ новѣйшаго времени, которые преимущественно завѣщаютъ хоронить себя вблизи древнихъ гробницъ. Мужскія могилы познаются по древку копья, замурованному со стороны головы, или тамъ выдающемуся. Отсюда Мейеръ воротился къ своей рыбацкой стоянкѣ при Иртышѣ.

6. Рѣка Курчумъ, Курчумскія горы.

Если отъ озера Зайсана плыть внизъ по Иртышу, то сначала его теченіе до устья Курчума весьма медленно. Но потомъ, покидая обширный степной уступъ плоскогорія Зайсанскаго озера, въ которомъ онъ до того мѣста многократно извивается, Иртышъ становится быстрѣе, и пробиваясь чрезъ скалы, поперегъ простиранія предлежащихъ горныхъ цѣпей, пріобрѣтаетъ сильную быстроту и паденіе. Мейеръ плылъ (40), отъ верхней Пикетной рыбалки до Бухтарминска, въ худой лодкѣ по теченію рѣки. Въ первый день (5-го іюня) проѣхалъ онъ мимо 5 различныхъ рыбалокъ, между коими важнѣйшія суть Верхняя Кузнецкая, потомъ Вершининская, и, въ 4 верстахъ ниже по теченію, Нижняя Кузнецкая. Послѣдняя находится въ 6 г. м. (40 верстахъ) выше устья Курчума. Іюня 6-го доѣхали до Алексѣевской рыбалки; до сего мѣста рѣка въ теченіи своемъ извивается весьма медленно и образуетъ множество большихъ, низменныхъ острововъ, такъ, что оплывая ихъ, часто описывали дуги въ 4 до 5 верстъ, между-тѣмъ какъ хорды ихъ едва составляли третью часть версты. Иногда рѣка обращалась совершенно на В.; раздѣленіе на множество протоковъ дѣлаетъ ее во многихъ мѣстахъ мелководною и часто затрудняетъ плаваніе. Подобно берегамъ, острова совершенно безлѣсны и только изрѣдка показываются на нихъ черные тополи и уродливыя ивы, за то самые берега рѣки покрыты весьма густымъ, высокимъ камышевымъ лѣсомъ (Arundo phragmites), въ которомъ

---

(40) Д-ръ К. Ант. Мейеръ въ Ledebour Altai R. T. II. p. 243, 283.

водятся кабаны, а воды изобилуютъ утками, гусями, лебедями, зимородками, и м. д. Прилежащая глинистая степь только мѣстами образуетъ крутые, но не слишкомъ высокіе берега; по большей части, обширныя низменности отдѣляютъ рѣку отъ поверхности степи. Вблизи рыбацкихъ пристаней, гдѣ камышевые лѣса выжигаютъ и истребляютъ, вскорѣ образуются прекрасныя поляны, которыя впрочемъ здѣсь рѣдки. Берега Иртыша большею частію широки, и возвышаются едва на три или четыре фута надъ поверхностью воды; въ нихъ часто замѣтны глубокія промоины, въ которыя заливается вода; не смотря на то Иртышъ рѣдко наводняетъ окрестную страну во время весенняго половодья. Эта окрестная страна окаймлена сухими, во многихъ мѣстахъ солонцоватыми степями, лежащими едва на десять футовъ выше рѣки, и если этихъ степей не достаетъ на одномъ изъ крутыхъ береговъ рѣки, то онѣ тѣмъ обширнѣе на противоположномъ берегу.

Около верхней Пикетной рыбалки, у иныхъ острововъ на Иртышѣ есть небольшіе водовороты ([41]); это мѣсто избираютъ осетры для метанія своей икры; вотъ почему собираются тамъ стаи чаекъ и заложена рыбацкая стоянка. По лѣвому берегу, при впаденіи рѣки Букони, вверхъ по которой д-ръ Мейеръ далеко распростеръ свою ботаническую экскурсію, взорамъ этого путешественника, на сколько могъ обнимать глазъ его, представились песчаные холмы, которые тянутся къ З. и Ю.-З. и по крайней мѣрѣ на разстояніе 4 до 5 г. м. (30 верстъ) превращаютъ здѣшній край въ пустыню. Это настоящіе сыпучіе пески ([42]) (не ослѣпительной бѣлизны, какъ говорилъ Сиверсъ), образующіе дюны (песчаные бугры) въ 50 или 60 футовъ вышиною, и доставляющіе пищу немногимъ растеніямъ и мѣстопребываніе немногимъ животнымъ. Въ числѣ растеній, безъ сомнѣнія самыхъ достопримѣчательныхъ, былъ зага-

---

(41) Мейеръ въ пр. с. стр. 245, 261.
(42) Тамъ же стр. 170, 174.

дочный до тѣхъ поръ саксаулъ ([43]), встрѣчаемый не только здѣсь и на сыпучихъ пескахъ при Зайссанѣ и Балхашѣ, но и вывезенный подъ тѣмъ же самымъ названіемъ изъ Бухарскихъ песчаныхъ степей при Аральскомъ морѣ, гдѣ онъ образуетъ цѣлые лѣса, единственные въ безлѣсной степи. Д-ръ Мейеръ досталъ здѣсь первые цвѣтущіе экземпляры саксаула, не принадлежавшіе ни къ Pinus ни къ Tamarix, и назвалъ это новое растеніе Anabasis ammodendron. Оно весьма примѣчательно по своему тяжелому, необыкновенно твердому дереву, дающему уголь, который долгое время сохраняетъ жаръ, такъ что, будучи прикрытъ пепломъ, не потухаетъ впродолженіе нѣсколькихъ дней, даже подъ снѣгомъ, и потому Киргизы очень охотно жгутъ зимою этотъ кустарникъ, называемый ими саксауломъ. Между живыми существами здѣсь болѣе всего саранчи, которая летаетъ тучами, и воронъ (Corvus corone), преслѣдующихъ стаями первую и во множествѣ пожирающихъ ее; но есть также здѣсь и небольшіе грызуны, которые свои ходы и норы выкладываютъ тонкою сухою травою. Во сколько песокъ здѣшнихъ дюнъ остается сыръ отъ растаявшаго весенняго снѣга, во столько онъ поросъ такими растеніями, которыя по крѣпкому строенію своего корня утверждаются въ глубинѣ, какъ-то, Calligonum, Astragalus longiflorus и др., и хотя рыхлый сыпучій песокъ съ нихъ сдувается, но они все-таки возникаютъ снова. Гдѣ этого нѣтъ, тамъ песчаная поверхность на значительныхъ протяженіяхъ совершенно обнажена. Если глинистая почва прерываетъ кое-гдѣ эту песчаную поверхность, то первая всегда лежитъ гораздо ниже послѣдней. Только подлѣ самаго берега, омываемаго водою Букони, простирается плодоносная поверхность; тамъ стоятъ прекрасные тополи (Populus nigra и alba), ивовый кустарникъ, жимолость (Lonic. tartarica), кизильникъ (Mespil. melanocarpa), крушина (Rhamnus catharcticus), боярокъ (Crataegus sanguinea) розы и другіе кустарники: тамъ летаютъ нѣсколько Motacilla,

(43) Тамъ же стр. 279, 283, 498; Eversmann Reise v. Orenburg n. Buchara, herausgegeben v. Lichtenstein Berl. 1823. 4. p. 49.

голубей, красивая щурка (Merops apiaster) и др. птицы. Чрезъ Буконь лежитъ переправа большой караванной дороги изъ Семипалатинска и Усть-Каменогорска въ Чугучакъ и Кульджу (44). Эта дорога, идетъ вдоль западнаго берега Иртыша, и направляется кратчайшимъ путемъ чрезъ Киргизскую степь. Длиннѣйшимъ болѣе западнымъ путемъ, отъ котораго Чугучакъ остается на востокѣ (см. дорогу Путимцева Т. II. ст. 239), считается 25 дней пути до Кульджи (45). На кратчайшій же болѣе восточный путь, потребны только 22 дня ѣзды, въ городъ Чугучакъ пріѣзжаютъ на 12-й день, переправясь на 5-мъ днѣ пути (24 г. м., именно 170 верстъ отъ Семипалатинска) чрезъ эту Буконь-Чигелэкъ, какъ она названа въ Киргизскомъ дорожникѣ (46). Д-ръ Мейеръ на этомъ болѣе посѣщаемомъ пути также встрѣчалъ купцовъ, слѣдовавшихъ съ своими товарами изъ Семипалатинска.

Если поплыть нѣсколько верстъ внизъ по теченію Иртыша отъ Алексѣевской рыбалки, то на лѣвой или западной сторонѣ его вскорѣ начинается крутой песчаный берегъ (47), который только черезъ 3 мили (20 верстъ) смѣняется плоскими холмами глинистаго сланца, примыкающими къ степной горѣ, называемой Войлочною. При устьѣ вскорѣ послѣ того слѣдующаго Курчума, впадающаго съ правой стороны въ Иртышъ, лежатъ роскошные луга, которые по словамъ Мейера большею частію покрыты только европейскими луговыми растеніями, а вся окрестность гораздо болѣе оживлена здѣсь птицами, чѣмъ болѣе возвышенная степь; между птицами этими можно назвать изъ водныхъ—утокъ и куликовъ, а изъ сухопутныхъ—тетеревовъ и голубей.

Рѣку Курчумъ (48) (Курчинъ-Голъ или Куйцылъ у Китайцевъ) часто посѣщаютъ Русскіе для охоты и для рубки лѣса на

---

(44) Мейеръ, въ пр. с. стр. 273.

(45) A. de Humboldt, Fragmens de Géol. et de Climatologie Asiatiques, 1831, T. I. Прил. Routier VI, p. 274—283.

(46) Тамъ же, Routier X. p. 292—303.

(47) Мейеръ въ Ledebour Altai-Reise. T. II. p. 277, 284.

(48) Мейеръ, тамъ же стр. 242.

ея берегахъ. Такъ какъ количество дичи уже весьма уменьшилось, то охотники принуждены подниматься далеко вверхъ теченія рѣки, гдѣ еще встрѣчаютъ бобровъ. И лѣса уже значительно опустошены; многія деревья полуобуглены лѣсными пожарами. Курчумъ, очень быстрая горная рѣка, образуетъ много больщихъ острововъ, а берега ея обильно поросли черными тополями, черемухою и другими деревьями. Въ августѣ Сиверсъ ([49]) собиралъ по берегамъ этой рѣки превосходную малину и ежевику. Лѣвый или южный берегъ плосокъ, правый или сѣверный скалистъ, и имѣетъ нѣсколько сажень вышины. Только въ получасѣ ѣзды на С. отсюда, въ углу впаденія Курчума въ Иртышъ, возвышается Кындыкъ, т. е. туманная гора, подобно береговымъ скаламъ состоящая изъ глинистаго сланца съ пластами кварца и полеваго шпата. За этимъ холмомъ простирается сухая солонцоватая степь, до болѣе возвышенныхъ горъ Курчумскихъ, которыя далѣе вскорѣ приближаются къ самому Иртышу. Преимущественно тополи (Populus nigra и laurifolia nov. spec. одной породы съ бальзамическимъ тополемъ), березы (Betula alba), черемуха, нѣсколько породъ ивъ, прекрасное украшеніе нашихъ садовъ—кустарникъ Lonicera tartarica, калина (Viburn. opulus), крушина (Rhamnus catharcticus), черная смородина, малина (Rubus idaeus) и вьющіеся хмѣль и чертова пряжа (Cuscuta), представляютъ на берегахъ Курчума характеристическую физіономію лѣсной растительности, какъ видно мало различной отъ европейской. Добыча въ растеніяхъ низменности была гораздо разнообразнѣе и обильнѣе: подлѣ самаго Иртыша цвѣли спаржа (Asparagus officinalis) и Dodartia orientalis.

Отъ Курчума до пограничной рѣки Нарыма, протекающей почти въ такомъ же разстояніи отъ Курчума, въ какомъ послѣдній лежитъ отъ озера Зайсанъ, теченіе Иртыша, не взирая на его многочисленные и значительные изгибы, становится все стремительнѣе и быстрѣе. Въ половинѣ пути туда, на од-

---

(49) Sibir. Brief. p. 215.

*

номъ изъ многихъ поросшихъ тополями острововъ рѣки, находится послѣдній, самый южный русскій пограничный пикетъ Баты, между двумя китайскими пограничными караулами. Одинъ изъ этихъ карауловъ, на лѣвомъ берегу Иртыша (Коитопье Хониманн Лехань у Мейера) принадлежитъ къ области Чугучакъ и содержится Мандчжурами и Монголами, другой на правомъ берегу Иртыша (по словамъ Мейера) ([49]), не имѣющій будто бы никакого особеннаго наименованія, по принадлежащій къ области Гобдо (по китайски Гобдо-Хото), содержится Калмыками подъ начальствомъ одного Мандчжура. Лѣвое прибрежье на этомъ пространствѣ состоитъ изъ крутыхъ песчаныхъ холмовъ, до 200 футовъ вышины, за которыми (гдѣ Мейеръ на нихъ восходилъ), простиралась песчаная область, потому-что рядъ гранитныхъ горъ, проходящій далѣе на западъ между высокимъ глинисто-сланцовымъ хребтомъ и Иртышемъ, здѣсь еще не доходитъ до Иртыша. Только на сѣверѣ песчаной области поверхность становится волнистою, но остается плоскою; только ниже впаденія Нарыма лѣвый берегъ также становится гористъ и крутъ. Но правый берегъ Иртыша уже съ самаго начала непосредственно возвышается гораздо значительнѣе, до 800 футовъ, подобно Долонъ-Кара, но гораздо круче. Онъ состоитъ изъ глинистаго сланца и граувакки и потому очень разщелистъ и подверженъ ежегоднымъ обваламъ. Только на сѣверѣ отъ пикета Баты, эти глинисто-сланцевыя и граувакковыя горы отодвигаются болѣе къ востоку и подымаются все выше и выше въ эту сторону. Передъ ними же появляются низкія гранитныя горы, имѣющія одинаковый составъ съ болѣе сѣверными гранитными горами у Бухтарминска. Но и эти горы не постоянно тянутся подлѣ самаго Иртыша, и исчезаютъ тамъ, гдѣ Нарымскія горы далѣе на В. примыкаютъ къ горамъ Курчумскимъ, и рѣка Нарымъ прорываетъ и тѣ и другія въ западномъ направленіи. Отъ русскаго поста Баты на В. д-ръ Мейеръ взошелъ на ближнія

(49) C. A. Meyer въ Ledebour Altai-Reise T. II. p. 285.

Курчумскія горы (50), (съ 1-го до 5 мая), и съ ихъ высотъ спустился къ сѣверному берегу Курчума, слѣдуя по тому же самому пути, по которому обыкновенно ѣдутъ китайскіе караулы, возвращаясь съ лѣтнихъ пикетовъ на востокъ на свои зимовья. По ущелью обильнаго водою горнаго ручья взобрались на вершины горъ; на нихъ весна, уже окончившаяся въ долинѣ, еще не начиналась; внизу отцвѣли многія растенія, которыя на верху при тающемъ снѣгѣ только что распускались, напр. алтайская вѣтреница (Anemone altaica), Leontice altaica, также ивы и березы. Холодныя вершины Курчумскихъ горъ, на которыя Мейеръ взобрался на первый же день, называетъ онъ обширнымъ плоскогоріемъ, съ незначительными холмами. Эта возвышенная плоскость служитъ ежегодно съ апрѣля мѣсяца пребываніемъ множеству Киргизовъ, которые съ равнинъ при Иртышскихъ, Норъ-Зайссанскихъ и Курчумскихъ перекочевываютъ на эти болѣе прохладныя высоты, и лѣтомъ все болѣе и болѣе приближаются къ высшимъ пастбищамъ снѣговыхъ бѣлковъ (альповъ) Курчумскихъ и Нарымскихъ. Вверху, Киргизы съ своими стадами избѣгаютъ столь непріятныхъ въ низменныхъ степяхъ комаровъ или мошекъ, и на этихъ изобилующихъ пастбищами высотахъ весьма гостепріимны. Не взирая на отсутствіе киргизскаго султана, д-ръ Мейеръ былъ чрезвычайно благосклонно принятъ жителями его аула, лежащаго при истокѣ рѣчки Дженишке, въ 25 верстахъ (около 4 миль) отъ Иртыша. Отсюда Мейеръ проѣхалъ по всему плоскогорію съ ея низменными холмами и узкими неглубокими долинами. Глинистый сланецъ составляетъ главную горную породу; кое-гдѣ выдаются гранитныя вершины. Многія растенія, которыя встрѣчаются также и около Бухтарминска, были найдены и здѣсь. Флора здѣшняя не богата, но также и суровая погода препятствовала успѣхамъ флоры, и еще въ первыхъ дняхъ мая, вòды каждую ночь покрывались льдомъ. По рѣчкамъ и болотистымъ

(50) Meyer l. c. II, p. 232.

мѣстамъ, какъ по Бухтармѣ и Нарыму, расло много породъ ивняку, изъ которыхъ только Salix pentandra являлась въ видѣ дерева; березы, таволги (Spiraea hypericif., triloba), розы (Rosa altaica), Daphne altaica, Mespilus melanocarpa встрѣчались также весьма часто. Изъ птицъ попадалось здѣсь только множество переловъ и кукушка (Cuculus canorus). Болѣе разнообразная флора украшала южный склонъ сихъ горъ къ рѣкѣ Курчуму, гдѣ оказалось множество прекрасныхъ и новыхъ растеній.

Китайскій пограничный пикетъ, сосѣдній съ русскимъ пикетомъ Баты, прославился посѣщеніемъ Гумбольдта (19 авг. 1829); уже прежде посѣтилъ его Мейеръ. На картѣ Панснера и у Путимцева онъ называется Хони-Мальхай, правильнѣе Хони-Майлаху; Киргизы называютъ этотъ пикетъ Коштюбе ([51]); названіе это встрѣчается и у Мейера. Астрономическое положеніе этого пункта — на Панснеровой картѣ—48° 50′ сѣв. шир., а по Гумбольдтовымъ хронометрическимъ опредѣленіямъ 82° в. д. отъ П., что̀ хорошо подтверждаетъ показаніе Панснера, — слѣдовательно пунктъ этотъ лежитъ въ меридіанѣ Катманду въ Непалѣ и Патны при Гангѣ. Это астрономическое опредѣленіе не есть единственный важный географическій результатъ посѣщенія Гумбольдта. Усмотрѣнныя тамъ замѣчательныя геогностическія явленія уже изложены имъ въ немногихъ строкахъ. А именно: вдоль тамошнихъ Иртышскихъ береговъ на протяженіи болѣе 5,000 метровъ (около 16,000 футовъ) почти горизонтально ослоившіеся граниты, часто просѣкаемые порфировыми жилами, излились какъ огнеизверженная (еруптивная, плутоническая) формація чрезъ массы глинистаго сланца, котораго слои отчасти приподняты до угла въ 85°, отчасти совершенно отвѣсно. Чинъ-фу, начальникъ посѣщеннаго А. ф. Гумбольдтомъ пограничнаго китайскаго поста, былъ образованный пекинскій мандаринъ, привезшій съ собою своихъ классическихъ историковъ на самый

(51) A. v. Humboldt, Üb. die Bergk. Inn. As. 1 и Fragmens Asiatiques, T. II, p. 589.

крайній пограничный караулъ Небесной имперіи. Но монгольскіе солдаты походили на оборванныхъ нищихъ, которыхъ обычаи представляли странную противоположность съ пріемами тонко образованнаго офицера, одѣтаго съ ногъ до головы въ шелковыя ткани. Онъ угощалъ Гумбольдта чаемъ и въ обмѣнъ за его подарки поднесъ ему китайскія классическія книги, желая тѣмъ самымъ почтить посѣщеніе великаго ученаго. Уже и д-ръ Мейеръ превозноситъ учтивое обращеніе, съ какимъ тамошній китайскій пограничный начальникъ дозволилъ ему ѣхать въ своей лодкѣ далѣе вверхъ по теченію Иртыша. Вмѣсто обыкновенной подати (соли) ботаникъ просилъ его принять два топора; Китаецъ отвѣчалъ ему, что онъ съ него не возьметъ никакой подати, потому-что Мейеръ ѣхалъ не ради рыбной ловли, а также обѣщалъ отнюдь не препятствовать его путешествію. Кто не испыталъ бы худшаго даже на иной границѣ европейскаго государства?

Мейеръ ([52]) замѣчаетъ, что мандчжурскій гарнизонъ этого пикета является сюда съ перваго мая, и снова снимается въ половинѣ сентября. Калмыцкій караулъ также прибылъ изъ Гобдо 30 апрѣля, и состоялъ изъ 50 человѣкъ съ 200 лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, козами, которыхъ стерегли собаки, и войлочными юртами; они разбили порядочный лагерь на своемъ пикетѣ. Оба караула, какъ мандчжурскій такъ и калмыцкій, находились подъ начальствомъ природныхъ Мандчжуровъ, которымъ, какъ сподвижникамъ царствующей династіи, всегда отдается преимущество, такъ что нерѣдко калмыцкій Зайссанъ, въ чинѣ майора, находится подъ начальствомъ мандчжурскаго прапорщика. Мандчжурская стража въ 40 человѣкъ получаетъ свое жалованье въ Чугучакѣ, большею частью товарами: кирпичнымъ чаемъ, чашками, шелковыми матеріями, табакомъ, мукой и т. д. Притомъ они сами производятъ небольшой торгъ и обыкновенно привозятъ съ собою иголки, табакъ и т. п. для промѣна на

---

(52) Meyer въ Ledebour Altai-Reise T. II. p. 225—231.

киргизскія войлочныя юрты, овецъ, и проч.; въ ихъ лагерѣ тотчасъ появляются киргизскія гетеры, какъ и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ Чугучакѣ, Кульджѣ и т. д. На правомъ берегу Иртыша, близь калмыцкаго лагеря, Мейеръ замѣтилъ каменный курганъ, на который каждый Калмыкъ при совершеніи утренней молитвы приносилъ новый камень, отчего холмъ безпрестанно увеличивается, такъ что по объему своему можетъ уже давно послужить къ постройкѣ новаго пикета. Ботаническія экскурсіи на этихъ берегахъ Иртыша были очень удачны.

Русскій пограничный пикетъ Баты, на островѣ, состоитъ изъ небольшаго, худо построеннаго блокгауза, бани и камышоваго домика съ тремя комнатками и тремя окнами, для помѣщающихся тамъ казаковъ и ихъ офицера. Этотъ пикетъ ведетъ надзоръ надъ рыбными ловлями и сбираетъ съ нихъ подати, а также долженъ поддерживать добрыя отношенія съ Китайцами. Едва только Иртышъ очищается отъ льда, какъ рыбаки уже отправляются на свой промыселъ, а русскій караулъ занимаетъ пикетъ; зимою караульные снова присоединяются къ гарнизону Красно-Ярскаго форпоста. Главную пищу ихъ составляетъ рыба изъ Зайссана. Островъ рѣки Иртыша, какъ и прочее его прибрежье, поросъ нѣсколькими родами ивняка, а впрочемъ здѣсь нѣтъ никакихъ другихъ кустарниковъ, и въ дровахъ ощущается совершенный недостатокъ. За то камышовыя рощи (Arundo phragmites) растутъ здѣсь столь сильно, что ихъ нельзя даже выжечь; но ростъ луговыхъ растеній развитъ еще весьма незначительно; настоящіе луга повидимому составляютъ рѣдкость въ этомъ краѣ. Вообще окрестность весьма пустынна, суха и производитъ очень немного зелени. Курчумскія горы, начинающіяся въ разстояніи около мили на востокѣ, тянутся вдаль и поднимаютъ свои весьма крутыя, обнаженныя высокія скалистыя вершины, лишенныя зелени, и еще въ началѣ мая покрытыя бѣлыми снѣжными полянами. Говорятъ, что тамъ въ изобиліи водится дичь, особенно козули (Cervus pygargus), которыхъ здѣсь обыкновенно называютъ дикими козами. На западѣ, въ гораздо большемъ отдале-

ніи 8-ми г. м. (60 вер.) еще видны также обилующія дичью, но безлѣсныя, обнаженныя вершины, извѣстныя подъ именемъ Войлочной Горы.

7. Рѣка Нарымъ, Нарымскія горы.

Ближайшій притокъ Иртыша далѣе къ сѣверу, текущій съ восточной стороны, есть Нарымъ (На-линъ-голъ у Китайцевъ), который здѣсь, какъ пограничная рѣка (53), раздѣляетъ оба государства. До этой рѣки, при подножіи Курчумскихъ горъ, доходятъ кочевья Киргизовъ, которые здѣсь начинаютъ даже заниматься земледѣліемъ. Они взрываютъ землю самою простою сохою. Это уже достаточно для засѣва; боронованіе они совершаютъ посредствомъ пучковъ таволожнаго кустарника. Не смотря на то жатвы обильны, потому-что Киргизы, подобно Крымскимъ Татарамъ, мастера въ искусствѣ орошенія, къ чему необходимую воду доставляютъ многочисленные небольшіе горные ручьи ближнихъ, обильныхъ снѣгомъ Курчумскихъ горъ. До сего времени Киргизы сѣютъ только просо и ячмень. По мнѣнію Мейера, Курчумскій хребетъ простирается съ Ю. на С., а потому здѣсь также и теченіе Иртыша слѣдуетъ параллельному съ нимъ направленію, но Нарымскій хребетъ (54) тянется съ С.-В. къ Ю.-З. Такимъ образомъ опредѣляется теченіе Иртыша ниже Нарыма, гдѣ онъ принимаетъ почти западное направленіе, и, до устья Бухтармы, течетъ мимо сѣвернаго подножія невысокихъ горъ его западнаго берега; но отъ устья Бухтармы Иртышъ пробиваетъ себѣ дорогу сквозь болѣе высокія отрасли Бухтарминскихъ и Убинскихъ горъ.

Красно-Ярскій форпостъ (имя, часто повторяющееся на Иртышскихъ берегахъ) есть первое русское поселеніе на сѣверѣ отъ Нарыма, съ 12 домами, въ которыхъ живетъ около 30 казаковъ въ гарнизонѣ, а еще болѣе на поселеніи, и 28 душъ

---

(53) Meyer l. c. p. 218.
(54) Id. p. 219.

женскаго пола. Это незначительное поселеніе пріобрѣло нѣкоторое благосостояніе благодаря пчеловодству (55), введенному здѣсь только съ 1793 года, когда командиръ Иркутскаго казачьяго полка, полковникъ Аршеневскій, велѣлъ перенести сюда первые ульи и тѣмъ сдѣлался благодѣтелемъ края. Пчеловодство было первоначально введено именно здѣсь, и старики-казаки, которыхъ д-ръ Мейеръ о томъ распрашивалъ, еще очень хорошо помнили ту пору, когда промыселъ этотъ былъ здѣсь еще совершенно неизвѣстенъ. Въ настоящее время пчеловодство составляетъ довольно значительный доходъ большей части казацкихъ форпостовъ, какъ въ сосѣдствѣ теплой, южной Киргизской степи, такъ и въ теплѣйшихъ долинахъ Алтая. Доказательствомъ тому, что трудолюбивая пчела нашла здѣсь себѣ приличный климатъ, служитъ ея весьма частое съ того времени одичаніе. Въ Алтаѣ величайшій вредъ пчеловодамъ причиняютъ медвѣди. Степная флора и воздѣлываніе гречихи доставляютъ здѣшнимъ пчеламъ обильную пищу; ихъ медъ отличнѣйшей доброты развозится по уральскимъ рынкамъ. Въ болѣе холодныхъ горныхъ странахъ около Бухтарминска пчела уже не находитъ себѣ такого приволья, но еще тѣмъ лучше преуспѣваетъ въ Усть-Каменогорской долинѣ Иртыша, на болѣе теплой степной почвѣ, до сѣверо-западнаго подножія Алтая, около Колыванска, гдѣ иной зажиточный крестьянинъ обладаетъ часто 200 до 400 ульями. Около Змѣиногорска считается въ настоящее время до 80,000 ульевъ—результатъ полувѣковаго труда и многократно повторенныхъ, первоначально неудачныхъ попытокъ. Кажется, Палласу принадлежитъ заслуга указанія на возможность введенія этого полезнаго насѣкомаго, которое въ его пору (1771) еще не проникало до Шеманаихи (56) при рѣкѣ Убѣ (правомъ притокѣ Иртыша), а польскіе поселенцы изъ Подоліи, коимъ трудно было обойтись здѣсь на Иртышѣ безъ своихъ роди-

---

(55) Meyer id. II. p. 218, 220; p. 15, 118, 485; T. I, p. 67, 93, 202.
(56) Pallas Russ. R. T. II, 2. p. 517.

мыхъ плодовыхъ садовъ и пчелиныхъ роевъ, вѣроятно были тамъ первыми пчеловодами. Такимъ образомъ полезная республика насѣкомыхъ незамѣтно совершила переселеніе изъ средины Европы въ средину Азіи, обусловленное сходствомъ климата, флоры и быта поселенцевъ. Какъ поучительна была бы исторія распространенія животнаго царства по земному шару, если бы эту исторію всюду можно было преслѣдовать сравнительно съ распространеніемъ растительнаго царства и рода человѣческаго. На С.-В. отъ Красноярска ([57]) поднимаются еще никѣмъ не посѣщенныя Нарымскія горы выше описанныхъ нами горъ Курчумскихъ. На западномъ склонѣ первыхъ, подлѣ самаго Иртыша, лежатъ небольшіе форпосты: Черемшанскій, и 3 г. м. (22 вер.) далѣе на С. Вороной, въ умѣренно-холмистой странѣ, гдѣ флора походитъ на бухтарминскую, рожь даетъ самъ тринадцать, а пшеница часто еще болѣе. Близь Воронаго лежитъ Верхняя пристань для судовъ, получающихъ руды Бухтарминскаго края и въ особенности богатыя руды Зыряновскихъ копей на южномъ берегу Бухтармы, на западномъ склонѣ Нарымскихъ горъ. Эти руды сплавляются симъ удобнѣйшимъ путемъ на югъ въ Иртышъ, и оттуда внизъ по теченію его къ Нижней пристани, лежащей нѣсколько выше Усть-Каменогорска. Тамъ эти руды выгружаются и слѣдуютъ уже сухимъ путемъ на Алтайскіе заводы для настоящей переработки, потому-что на Бухтармѣ нѣтъ достаточно лѣса для плавки руды. Къ сѣверу отъ этой Верхней пристани гранитные утесы Нарымскихъ горъ приближаются къ самому Иртышу, такъ что на его правомъ берегу въ долинѣ остается только весьма опасная узкая тропинка, по которой при высокомъ половодьѣ нельзя пройти: гористая окольная дорога проходитъ по тѣмъ же гранитнымъ предгоріямъ мимо высшей ихъ вершины, которую называютъ Войлочной Сопкой. Здѣсь весьма много древнихъ чудскихъ могилъ, обозначенныхъ огромными каменными кругами, подобно тѣмъ, которыя Мейеръ

(57) Meyer l. c. p. 217.

открылъ далеко на западѣ Киргизскихъ степей около Каръ-Каралы и Алтынъ-Тюбэ, что и побудило этого наблюдателя считать оба рода памятниковъ происшедшими изъ одной и той же первобытной области распространенія древнихъ народовъ.

На южномъ берегу Бухтармы снова простирается часа на два широкая равнина, на сѣверной же ея сторонѣ берега ея подымаются очень круто, представляя предгорія Бухтарминскаго хребта, коему на лѣвомъ берегу Иртыша также соотвѣтствуетъ еще болѣе возвышенный хребетъ, состоящій изъ глинистаго сланца, граувакки и грюнштейна. Хребетъ этотъ простирается оттуда высокою цѣпью по Киргизской степи на Ю.-З., горами Хейрекомъ, Калмыкъ-Тологоемъ къ Тарбагатаю. Эту-то пограничную цѣпь на западѣ отъ Иртыша мѣстныя пограничныя начальства не дозволили изслѣдовать путешествующему ботанику, не смотря на всѣ его старанія, и потому наши познанія о здѣшнемъ краѣ должны ограничиться правымъ берегомъ Иртыша. Однакоже, судя по сравненію собранныхъ горныхъ породъ, одинъ опытный геогностъ ([58]) уже предполагаетъ, что Киргизскую степь на лѣвой сторонѣ Иртыша и сѣверную покатость Алтая на правой сторонѣ этой рѣки должно разсматривать какъ одну и ту же горную массу, состоящую главнымъ образомъ изъ грюнштейна и гранита. Обѣ породы перемежаются между собою, часто вытѣсняя одна другую и выклиниваясь. Обыкновенное простираніе породъ съ Ю.-В. на С.-З., а паденіе на С.-В., по крайней-мѣрѣ вездѣ, гдѣ это не нарушаютъ изгибы пластовъ. Въ подчиненіи грюнштейну попадаются здѣсь зеленые сланцы, глинистые сланцы, граувакки, кварциты, яшмы, известнякъ, а въ подчиненіи граниту порфиръ (просѣкающійся жилами, см. выше стр. 38) съ янтаровиднымъ и яшмовиднымъ тѣстомъ, вѣроятно часто переходящимъ въ фельзитъ или кварцъ. Порфиры — и это безъ сомнѣнія также говоритъ въ пользу помянутой огнеизвер-

---

(58) Engelhardt z. Kentniss. des Felsbeschaffenheit d. kleinen Altai und d. soongarischen Kirgisensteppe въ Ledebour Th. I. p. 418.

женной формаціи—обыкновенно выдаются изъ грюнштейновыхъ массъ, въ видѣ высшихъ горныхъ вершинъ. Вывѣтрившійся гранитъ образуетъ низшія разрушенныя горы, какъ на Иртышѣ, такъ и въ Киргизской степи, и даже далѣе къ сѣверо-западу, при подножіи горнаго хребта около Колывани. Гдѣ гранитъ и грюнштейнъ соприкасаются, тамъ находятъ обыкновенно кварцъ, роговой камень, порфиры, а также известнякъ, и въ разсѣлинахъ, жилахъ и гнѣздахъ металлическія руды, содержащія въ себѣ преимущественно мѣдь, серебро и свинецъ. Тщательное сравненіе флоры ([59]) отъ Зайссана, Курчумскихъ и Нарымскихъ горъ, до Бухтармы къ сѣверу, и за Иртышъ къ западу, чрезъ всю Киргизскую степь, до посѣщенныхъ впослѣдствіи Мейеромъ горъ Чингисъ-Тау, Каръ-Каралы и Алтынъ-Тюбе (см. выше стр. 2), показало, что здѣсь распространена одна обширная, естественная область степной флоры, потому-что многія тождественныя растенія встрѣчаются здѣсь какъ на холмахъ Каръ-Каралы, такъ и на горахъ Долонъ-Кара при Зайссанѣ (исчисленіе ихъ см. у Мейера). Но по точнѣйшемъ изслѣдованіи можно замѣтить, что восточная болѣе гористая сторона, на В. отъ Калмыкъ-Тологоя, или флора такъ-называемой восточной Джунгаро-Киргизской степи, все-таки чрезвычайно отличается отъ западной стороны гораздо бо̀льшимъ числомъ новыхъ и особенныхъ видовъ растеній. Напротивъ того, на западной сторонѣ, даже въ гористыхъ и скалистыхъ предѣлахъ встрѣчается только очень мало особенныхъ растеній, которыхъ не достаетъ на востокѣ. Горныя высоты Долонъ-Кара и Курчума поросли чудными астрагалами и особенно-кустарниковыми ихъ видами, и украшены прекрасными злаками, молочаемъ (Euphorbia), Thalictrum, Tragopogon, Carex и др., коихъ нѣтъ въ сухихъ западныхъ степяхъ, гдѣ встрѣчаются только немногіе новые виды Scabiosae, гвоздикъ (Dianthus), лапчатокъ (Potentilla), астръ (Aster) и другихъ, составляющихъ принадлежность самой

---

(59) Meyer l. c. T. II. p. 492—498.

сухой почвы. Однако же и на этомъ западѣ—что довольно достопримѣчательно—въ небольшихъ углубленіяхъ и хорошо орошенныхъ долинахъ растетъ обильная мурава, представляющая вблизи Алтая мало особенныхъ травъ. Напротивъ того песчаный край восточной стороны заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе особенныхъ растеній, нежели песчаный край западной стороны, вѣроятно все-же по той причинѣ, что первый орошается болѣе послѣдняго. На солонцахъ этой восточной стороны прозябаютъ нѣкоторыя растенія, также принадлежащія флорѣ при-Каспійскихъ солощцовъ, но ихъ совершенно нѣтъ на болѣе сѣверо-западной Джунгарской степи, которая повидимому вообще отличается какою-то скудностью въ растеніяхъ.

8. Рѣка Бухтарма, Бухтарминскія горы.

Бухтарма есть самый замѣчательный восточный притокъ Верхняго Иртыша какъ по величинѣ своей, своимъ поселеніямъ, своимъ рудникамъ, такъ и по изслѣдованіямъ, которымъ еще столь недавно подверглось верховье этой рѣки. Ея источникъ находится совершенно въ китайскихъ предѣлахъ области Гобдо, но до него еще не достигалъ ни одинъ Европеецъ. Среднее теченіе Бухтармы на извѣстномъ протяженіи составляетъ границу между Сибирью и Китайскимъ государствомъ, а именно: начиная отъ китайскаго пограничнаго пикета Чингисъ-тэй, лежащаго только въ получасѣ разстоянія отъ южнаго берега Бухтармы, откуда тотчасъ начинаются китайскія владѣнія. Низовье Бухтармы находится совершенно въ русскихъ предѣлахъ. ибо китайская граница, пересѣкая поперегъ Нарымскія горы, обращаетъ на югѣ въ пограничную рѣку — Нарымъ до впаденія его въ Иртышъ. какъ мы уже замѣтили выше. На сѣверѣ Бухтарма течетъ съ В. на З., параллельно высокой снѣговой цѣпи Русскаго Алтая, называемой Бѣлками, т. е. снѣговыми горами, готорыя, начиная отъ южныхъ притоковъ Телецкаго озера—отъ Башкауса, Чуи и Катуни — до Убы означаются раз-

личными наименованіями: Іикъ-ту или Божья гора у Калмыковъ, Чуйскія Альпы, Катунскіе столбы, Холсунскіе, Тургусунскіе, Коксуйскіе и Ульбинскіе бѣлки или снѣговыя горы до окрестностей Риддерскаго рудника на Ульбѣ и далѣе на С. Коргонскіе и Тигерецкіе бѣлки, до промежутка Убы и Алея. — Все это составляетъ одинъ великій водораздѣльный хребетъ между притоками Иртыша и Оби. И такъ страна низовьевъ Бухтармы по обѣ стороны еще составляетъ русскія владѣнія. Оттуда началось открытіе дальнѣйшаго теченія сей рѣки, о которой полагали, что она простирается на какія-нибудь 40 г. м. (300 вер.), хотя это предположеніе впослѣдствіи оказалось слишкомъ невѣрнымъ (см. Т. II. ст. 302); а потому и мы въ этомъ направленіи начнемъ описаніе Бухтармы.

На югѣ отъ изліянія (устья) Бухтармы только въ двухъ добрыхъ миляхъ (15 верстъ) вверхъ по теченію Иртыша, какъ уже сказано, лежитъ при Ворономъ форпостѣ на правомъ берегу рѣки — Верхняя пристань (60), а близъ нея, изъ западнаго склона Нарымскихъ горъ, съ С.-В. на Ю.-З. съ правой стороны въ Иртышъ впадаетъ рѣчка Желѣзенка. Въ разстояніи около трехъ часовъ (10 вер.) оттуда, глубже въ горы, лежитъ первое (61) шурфовое мѣсто здѣшняго края, такъ-называемый Бухтарминскій мѣдный рудникъ (*), въ настоящее время оставленный, потому-что открытіе его повело къ открытію гораздо богатѣйшаго, сосѣдственнаго серебрянаго рудника, привлекшаго къ себѣ наибольшую дѣятельность. Вблизи этого рудника, для защиты, былъ заложенъ форпостъ Надежда для егерскаго пикета, какъ противъ китайскихъ пограничныхъ отрядовъ, такъ и противъ угрожавшихъ тогда съ сѣверной стороны Бухтармы бѣглецовъ. Отсюда дорога идетъ слишкомъ на 8 г. м. (60 вер.)

---

(60) Meyer in Ledeb. Altai-Reise T. II. p. 216.

(61) Донесеніе о новой работѣ въ рудникѣ при рѣкѣ Бухтармѣ внѣ Колыванской пограничной линіи, въ Pallas N. N. Beitr. T. V. 1793 p. 266—270 съ картою; Sievers Sibir. Briefe IX, 105 до 108.

(*) Бухтарминскій рудникъ лежитъ на р. Долиновкѣ въ 27 вер. къ В.-Ю.-В. отъ Бухтарминска и въ настоящее время не разработывается.—*Пр. Пер.*

нѣсколько отдаляясь отъ Иртыша вверхъ по теченію незначительнаго ручья Желѣзенки, по солонцамъ, чрезъ безлѣсныя сухія низкія горы, къ весьма богатому серебряному руднику Зыряновскому ([62]). Онъ лежитъ при рѣчкѣ Магленкѣ (или Грязнушкѣ по словамъ Палласа), которая въ соединеніи на сѣверъ съ рѣчкою Крутинкою, впадаетъ въ Березовку, лѣвый притокъ Бухтармы. При переходѣ чрезъ эту западную отрасль нижняго Нарымскаго хребта, съ вершины водораздѣла къ сѣверу отъ Бухтармы, видна высокая горная цѣпь Холсунская. Одинъ слесарскій подмастерье, въ 1791-мъ году отправленный изъ Бухтарминскаго рудника на оленью охоту, открылъ обнаженіе горной сереброносной охры, которое по шурфовкѣ доставило богатѣйшія руды, и рудникъ былъ названъ Зыряновскимъ, по имени открывшаго его, Герасима Зырянова. Уже гораздо прежде существовали также именно здѣсь древнѣйшіе шурфы искуснаго въ горномъ дѣлѣ народа, который обозначаютъ именемъ Чуди. Остатки чудскихъ работъ оказались при разработкѣ рудника, и состояли между прочимъ изъ рудныхъ отваловъ и изъ остатковъ полузаросшаго, однако же мѣстами еще углубленнаго до двухъ локтей рва ([63]), цѣль котораго впрочемъ трудно было опредѣлить. Этотъ рудникъ, по барометрическому измѣренію Ледебура, лежитъ въ 1,475 ф. надъ уровнемъ моря и совершенно окруженъ низкими горами, состоящими изъ глинистаго сланца. Самый рудникъ заложенъ въ глинистомъ сланцѣ въ 21 саж. (126 ф.) надъ поверхностью рѣчки и былъ уже прежде разрытъ чудскими шурфами, которые почти всюду въ Алтаѣ служили указаніемъ для позднѣйшихъ рудокоповъ. Зыряновскія руды такъ легко добывались, что уже въ первый годъ 23 работника могли въ нѣсколько мѣсяцевъ вырыть болѣе 8,000 пудъ, которые были удобно сплавляемы на судахъ сначала къ Верхней, а потомъ къ Нижней пристани. Рудникъ подавалъ большую надежду на значи-

(62) Ledebour Altai-R. T. I. p. 285—289; Hermann Mineralog. Reise n. Sibirien. Abth. II Über d. Bergwesen in Altai p. 352.

(63) См. Таб. у Палласа l. c. p. 270.

тельную добычу, потому-что сланцевыя рудосодержащія породы занимаютъ здѣсь гораздо бо̀льшій объемъ нежели въ Колыванскомъ и Змѣиногорскомъ рудникахъ, гдѣ онѣ какъ въ котлѣ отвсюду окаймлены гранитомъ. Охристыя руды оказались нѣжно подернутыми весьма тонкою пылью перемѣшаннаго съ серебромъ блѣднаго золота и при выплавкѣ доставили обильную прибыль, не исключая штуфовъ, обрѣтенныхъ на чудскихъ разносахъ. Тощій окрестный лѣсъ оказался недостаточнымъ для заложенія плавильнаго завода, но годнымъ для плотничьей работы въ рудникѣ. Перевозъ дровъ изъ болѣе отдаленныхъ сосновыхъ лѣсовъ также можно было хорошо совершать зимою по замерзшимъ рѣкамъ. Эти-то обстоятельства подали поводъ къ заложенію въ 1791 г. внѣ тогдашней Колыванской пограничной линіи, близь договорами опредѣленной границы доставшейся Китаю Джунгаріи, при устьѣ рѣки Бухтармы первой крѣпости — Бухтарминской, какъ укрѣпленія Иртышской линіи, которую тогда продолжили до богатаго рудника Зыряновскаго. Ботаникъ Ледебуръ, въ 1826 году посѣтившій Зыряновскій рудникъ, замѣчаетъ, что тамошнія серебряныя руды богаче всякихъ другихъ содержаніемъ золота, но что до 1804 года однакоже выплавлялось ихъ мало: дровъ не было, перевозъ сухимъ путемъ нашли затруднительнымъ, а перевозъ водою по гораздо ближайшей Бухтармѣ оказался неудобоисполнимымъ вслѣдствіе стремительности ея теченія. Только съ 1824 года, для нарочнаго отправленія рудъ, въ Усть-Каменогорскѣ были построены перевозныя суда большаго объема и приведены вверхъ по Иртышу для нагрузки. Съ тѣхъ поръ стали доставлять болѣе руды для выплавливанія не только золота и серебра, но также и свинцу. До 1818 года по разсчету оказалось вообще 13,000 пудъ добытаго изъ этого рудника серебра. Теперь ежегодно ходятъ (64) 14 транспортныхъ судовъ, каждое съ грузомъ въ 2,000 пудъ руды. Эти суда совершаютъ путь отъ Верхней

(64) Ledebour Altai-Reise T. I. p. 102.

пристани въ теченіи 14-ти или 24-хъ часовъ до Нижней при Усть-Каменогорскѣ, и до замерзанія рѣки обыкновенно повторяютъ переѣздъ 9 разъ ежегодно. Но чтобы снова привести суда на буксирѣ вверхъ по теченію рѣки потребно отъ 8 до 10 дней. Ледебуръ совершилъ эту поѣздку въ 4 дня на греблѣ. Дальнѣйшая отправка рудъ къ плавильнымъ заводамъ совершается потомъ на колесахъ. Отъ Зыряновскаго рудника до Бухтармы считается около 2 часовъ ѣзды, на сѣверъ, до устья впадающаго съ правой стороны, съ С.-В., горнаго ручья Хаиръ-кумынъ, на коемъ, по словамъ Ледебура, также недавно были открыты весьма значительныя рудныя мѣсторожденія.

Крѣпость Бухтарминская ([65]) (подъ 49° 19′ с. ш. 101° 18′ в. д. отъ Ферро) построена на правомъ берегу Бухтармы, только въ ½ часѣ пути отъ Иртыша; она все еще мала и состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, комендантскаго дома, казармъ, магазиновъ и т. п., съ валомъ, рвомъ и кирпичными воротами, обращенными на западъ. Большая часть жителей поселилась внѣ крѣпости на примыкающей съ сѣвера долинѣ, обнесенной и защищенной рогатками; всѣ дома, госпиталь, таможня, провіантскіе магазины, даже церковь во имя св. Екатерины выстроены изъ дерева. Жители, числомъ до восьми сотъ, по преимуществу военные; почти все для нихъ необходимое доставляютъ пріѣзжіе торговцы. Они выгодно сбываютъ свои товары начиная съ Ирбити на Уралѣ до сего мѣста, и на эти товары вымѣниваютъ произведенія здѣшняго края, какъ-то: медъ, воскъ, холстъ и китайскіе товары, хотя доселѣ только въ незначительномъ количествѣ привозимые съ озера Зайссана, ибо это есть только китайское жалованье пограничныхъ войскъ, состоящее изъ низшихъ сортовъ чаю, грубаго фарфора, табаку, шелковыхъ матерій и проч. Рыбу доставляетъ Иртышъ, строевой лѣсъ подвозятъ издалека. Д-ръ Мейеръ встрѣтилъ здѣсь только

(65) Meyer въ Alt. R. T. II. p. 203.

двухъ осѣдлыхъ купцовъ. Товары ихъ были весьма дороги, а потому нашему ученому очень затруднительно было снарядиться въ поѣздку на Зайсанъ. Ржаную муку для сухарей Мейеръ прежде всего долженъ былъ велѣть закупить въ деревнѣ Таловкѣ, на востокѣ отъ города; тесъ былъ здѣсь большою рѣдкостью, всего оказалась только одна пила; лодокъ почти не было совершенно, ибо годныя уже отправились на рыбные промыслы. Въ военныхъ пекарняхъ напекли для Мейера сухарей; худую лодку надобно было сначала законопатить, палатку сшить, и еслибы къ Пасхѣ не пріѣхали сюда мелочные торговцы, то нельзя было бы достать мѣновыхъ товаровъ, необходимыхъ для найма лошадей у Киргизовъ, не считая уже утраты времени на всѣ эти хлопоты, что̀ именно при такихъ странствованіяхъ составляетъ самое драгоцѣнное. Мейеръ, не смотря на усильныя просьбы, не могъ получить отъ помощника коменданта крѣпости, Кузнецова, необходимый конвой для поѣздки въ Тарбагатай и на озеро Балхашъ. Напротивъ того, нѣсколько ранѣе, именно изъ этой же крѣпости отправленъ былъ (66) комендантомъ новой Сибирской линіи генераломъ Глазенапомъ, переводчикъ Путимцевъ (1811), чрезъ Тарбагатай въ Или, для собранія свѣдѣній о тамошнемъ краѣ и о торговлѣ Киргизовъ и Китайцевъ въ этихъ смежныхъ странахъ. Для избѣжанія всякаго подозрѣнія Путимцевъ отправился туда съ карававомъ подъ видомъ татарскаго торговца. Эта торговля находится въ рукахъ Бухарцовъ и Ташкентцовъ, или Туркестанцовъ, извѣстныхъ подъ именемъ таджиковъ или сартовъ, гуртовыхъ торговцовъ. Ихъ семейства съ давняго времени поселились въ различныхъ значительнѣйшихъ городахъ Западной Сибири, вплоть до Оренбурга и Астрахани, но они, какъ всѣми уважаемая и самая зажиточная торговая каста, живутъ также почти во всѣхъ торговыхъ городахъ Средней Азіи и сѣвернаго Китая (кромѣ Хань-Чу-фу въ области Чекянъ и Кантона). Напротивъ того, киргизскіе султаны съ сво-

---

(66) Путимцевъ, Voy. въ Magasin Asiat. T. I. p. 174, 228.

нми людьми и стадами, подобно аравійскимъ бедуинамъ, служатъ вожаками каравановъ, защитниками путешественниковъ и отдаютъ въ наемъ вьючныхъ животныхъ, верблюдовъ и лошадей проѣзжимъ чрезъ ихъ обширныя Киргизскія степи. На переѣздъ отъ Бухтарминска до Букона лѣвымъ берегомъ Иртыша по обыкновенному западному караванному пути караванъ Путимцева употребилъ 6 дней пути и достигъ такимъ образомъ до западной оконечности Зайсана. Оттуда считается 12 дней пути чрезъ Тарбагатай въ Чугучакъ (итого 18-ть), а оттуда до Кульджи (см. Т. II. ст. 121, 27), слѣдовательно до Или всего 34 дня пути. На возвратномъ пути Путимцевъ избралъ восточную караванную дорогу, идущую мимо восточной оконечности Зайсана; и хотя сей путь на 288 верстъ (41 г. м.) длиннѣе перваго, но онъ несравненно удобнѣе для тяжелыхъ каравановъ по незначительности болотъ. Вышеупомянутый западный путь отъ Бухтарминска до Чугучака имѣетъ 64 г. м. (446 в.), а оттуда до Кульджи 104½ г. м. (731 в.), всего 168 г. м. (1,177 в.); тогда какъ восточный путь до Чугучака 85 г. м. (595 в.), а оттуда по болѣе удобной околицѣ до Кульджи 124 г. м. (870), всего 209 г. м. Но гораздо ближе была бы торговая дорога изъ Бухтарминска въ самый Китай, прямо по правому берегу Иртыша къ восточной оконечности Зайсана, до коего считается 8 дней пути или 39 г. м. (272 вер.), еслибы черезъ верховья Иртыша было бы съ востокомъ до Ху-ху-хотоня прямое сообщеніе, нѣкогда существовавшее во времена Джунгаровъ (см. Т. II. ст. 257).

Но еще ближе можно было бы провести китайскую торговую дорогу отъ Бухтарминска, вверхъ по Бухтармѣ, чрезъ пограничный пикетъ Чингисъ-Тай въ Гобдо-Хото (см. Т. II ст. 116) чрезъ самую сѣверную пограничную область Гобдо-Улясутай, которая только съ полвѣка тому назадъ начала нѣсколько образовываться и повидимому совершила довольно значительные успѣхи. Выше мы старались обратить вниманіе на важность сообщенія Русскихъ изъ Или черезъ Баркюль со внутренностью Ки-

тая — по сѣверной дорогѣ (см. Т. II. ст. 71, 106). Но кромѣ этой джунгарской дороги, проводящей китайскую торговлю прямо въ Туркестанъ, и поворачивающей на С. чрезъ Киргизскую степь въ Сибирь, совершенно особенное вниманіе государственнаго человѣка заслуживаетъ необыкновенно благопріятное положеніе Бухтарминска для прямаго сообщенія между Западною Сибирью и Китаемъ чрезъ самыя сѣверныя части области Гань-Су. Здѣсь не было бы никакого вмѣшательства другихъ народовъ, какъ напр. Киргизовъ, а кромѣ того и Бухтарминскъ былъ бы ея центральнымъ рынкомъ. Большое преимущество этого направленія торговли предъ кяхтинскою дорогою также ясно, потому-что послѣдняя значительно удлиняетъ перевозъ товаровъ. Уже и прежде Спасскій очень вѣрно замѣтилъ, что купцы изъ средней Россіи, занимающіеся кяхтинскою торговлею, кромѣ большаго удобства этого пути въ Китай по Бухтармѣ, еще сократили бы (67) свою дорогу на 350 г. м. (2,500 верстъ). Притомъ они избѣгли бы опасной во всѣ времена года переправы чрезъ Байкалъ, и могли бы воспользоваться, болѣе нежели на 150 г. м. пути, судоходнымъ теченіемъ Иртыша для провоза товаровъ водою по Западной Сибири до подножія Урала. Высокія цѣны китайскихъ товаровъ чрезвычайно понизились бы, потому-что по теперешнимъ перевознымъ расходамъ отъ Кяхты до Тюменя съ С.-З. отъ Тобольска на каждый пудъ набавляется 10 или 13 руб. асс. Дешевизна наиболѣе требуемыхъ товаровъ повсемѣстно распространила бы сбытъ оныхъ, увеличеніе числа торговцовъ уничтожило бы монополіи, весь край оживился бы и вообще народонаселеніе съ увеличеніемъ благосостоянія стало бы умножаться. Но кажется до сихъ поръ не извлечено еще никакой выгоды изъ счастливаго положенія Бухтарминска, хотя горные жители верховьевъ Бухтармы тѣмъ самымъ достигли въ короткое время замѣчательнаго благосостоянія. Физическое положеніе Бух-

---

(67) Григ. Спасскій, Путешествіе въ Южный Алтай, въ Сибирскомъ Вѣстникѣ, 1818, Т. III и IV; перев. въ Oldekop. St. Petersb. Zeitschrift. 1824, T. XV, стр. 144.

тарминска отличается многими особенностями. Если слѣдовать сюда Иртышемъ съ юга или съ сѣвера, то приходится проѣзжать мимо скалистыхъ береговъ и черезъ ущелья, сквозь которыя Иртышъ пробивается уже до впаденія Бухтармы. На югѣ Ледебуръ ([68]) проплылъ мимо ихъ, и замѣтилъ, что тогда, въ половинѣ августа, около переходовъ черезъ скалы и въ самыхъ ущельяхъ было протянуто много деревянныхъ изгородъ, за которыми были расположены западни для излова сернъ. Эти животныя забѣгаютъ сюда часто осенью многочисленными стадами, возвращаясь съ холоднаго нагорья снова въ болѣе теплую степь, но падаютъ въ ямы въ такихъ узкихъ проходахъ и попадаются охотникамъ. То же самое замѣтилъ д-ръ Мейеръ при своемъ плаваніи на сѣверѣ отъ устья Бухтармы, подлѣ Иртышскаго берега. Спасскій ([69]) ѣхалъ въ Бухтарминскъ по проселочной дорогѣ съ сѣвера 3 г. м. отъ послѣдней станціи Березовской (23 вер.), но долженъ былъ сперва проѣхать черезъ длинный горный проходъ, усыпанный низвергнувшимися каменными глыбами, прежде нежели достигъ прекрасной долины, въ которой построенъ Бухтарминскъ. При выходѣ изъ ущелья эта долина пріятно изумляетъ своею обширностью и снова со всѣхъ сторонъ окружена высокими округленными горами, которыя украшены елями и соснами. Иртышъ, нѣсколько выше орошающій довольно широкіе, обильно поросшіе камышами берега, спокойно протекаетъ между ними, а потому самому доселѣ именуется „Тихій Иртышъ", и только отъ устья Бухтармы становится стремительнымъ ([70]). Его мутное, сильное теченіе долгое время прижимаетъ къ правому берегу, узкою полосою, мелководныя, быстрыя, но менѣе значительныя и свѣтлыя струи Бухтармы, подобно тому, какъ Рейнъ тѣснитъ воды Майна; ниже, гдѣ горы еще болѣе стѣсняютъ рѣку и становятся выше, паденіе Иртыша гораздо сильнѣе и теченіе стремительно. По барометриче-

(68) Ledebour Altai-Reise T. I. p. 284; T. II. p. 200, 321.
(69) Спасскій, l. c. p. 143.
(70) Ledebour Altai R. T. I. p. 284; Meyer id. T. II. p. 319.

скому измѣренію Ледебура, Иртышскій берегъ немного выше устья Бухтармы, у Верхней пристани имѣетъ 1,511 футъ (*), а у Нижней пристани 1,262 ф. надъ ур. м. Такимъ образомъ, на краткомъ разстояніи одного дня пути внизъ по теченію до Усть-Каменогорска различіе абсолютной высоты составляетъ почти 250 футовъ (по Энгельгардту 374 фута) (71). Вслѣдствіе сего Бухтарминская долина вѣроятно лежитъ въ среднемъ возвышеніи около 1,500 футовъ надъ ур. ок., т. е. около 300 ф. ниже уровня водъ Зайссана (см. выше). Положеніе (72) крѣпости на возвышенномъ правомъ берегу Бухтармы, вблизи судоходнаго Иртыша, утесистые гранитные берега, черныя сланцовыя и известняковыя горы вокругъ, зеленыя лѣсистыя высоты, плодородная земледѣльческая почва, стройные стволы тополей и другихъ лиственныхъ деревъ по берегамъ рѣки, успѣхи просвѣщенія, все это здѣсь, вблизи однообразной степи, придаетъ особенную прелесть обширной долинѣ. Весна большею частію пріятна и прекрасна, лѣто обыкновенно жарко и сухо, осень продолжается до половины ноября, зимы не слишкомъ суровы и ртуть рѣдко и то не на долго ниспадаетъ на —25°. Но бичъ здѣшняго края—комары или мошки (Bibio sanguinarius Pall) такъ тягостны, что отъ мая до сентября нельзя выходить безъ покрывала па головѣ, хотя впрочемъ замѣчаютъ, что количество ихъ уменьшается съ успѣхомъ культуры страны. Народонаселеніе постоянно увеличивается; часто рождаются близнецы. Земледѣліе преуспѣваетъ здѣсь; почва никогда не удобривается, а жатва всегда доставляетъ самъ-десять; скотоводство значительно, такъ какъ до сихъ поръ сибирская зараза на рогатый скотъ сюда еще не проникала. Иртышская вода здорова, но бухтарминская, по содержанію въ ней извести, вредно дѣйствуетъ на раны.

Рядъ гранитныхъ горъ, уже начинающійся на правомъ берегу Иртыша, ниже города, тѣсниною Березовскаго форпоств,

(*) По измѣренію Гельмерсена только 999 п. ф. — *Пр. Пер.*

(71) Ledebour Altai T. I. Anh. z. Kentn. d. Felsbeschaffenheit etc. p. 475.

(72) Spassky l. c. III. p. 143; Meyer l. c. II. p. 203—210.

на сѣверо-западѣ отъ Бухтарминска претерпѣваетъ перерывъ на какіе-нибудь полчаса пути: но точно такимъ же образомъ продолжается на южномъ берегу Бухтармы вдоль Иртышскаго берега, до самаго Курчума. Эти гранитныя горы образуютъ здѣсь только узкую горную цѣпь, позади которой лежатъ болѣе возвышенныя и обширныя глинисто-сланцевыя горы. Гранитъ почти горизонтально наслоенъ ([73]) огромными пластами и плитами, но кромѣ того растрескивается вдоль и поперегъ почти подъ прямымъ угломъ, такъ что обломки его образуютъ массы, нагроможденныя одна на другую въ видѣ перинъ. Онъ весьма легко распадается и вывѣтривается. Это ослоеніе горъ въ видѣ плитъ, часто съ блюдообразными углубленіями сверху и снизу, и параллелопипедовъ, дало Русскимъ поводъ назвать ихъ Плитняжными горами, а Бухтарминскъ первоначально Плитняжною крѣпостью. Крѣпость была построена на одномъ такомъ обнаженномъ гранитномъ утесѣ, совершенно круто падающемъ къ рѣкѣ. Вслѣдствіе сего, горы и береговыя высоты, подобно тому какъ около Колыванскаго озера, получаютъ видъ огромныхъ развалинъ старинныхъ крѣпостей или замковъ. Часто эти скалы образуютъ ужасные подводные камни и настоящія развалины, съ вывѣтрѣлыми дырами и отверстіями, сквозь которыя одинокій солнечный лучъ проникаетъ въ ихъ тѣнистыя углубленія. Высочайшая изъ этихъ округленныхъ вершинъ есть отдѣльно стоящая Мохнатая Сопка, на которой прежде росъ лѣсъ, а теперь находятся только одинокія березы и сосны. Съ сѣвернаго склона горы течетъ рѣчка, которая теряется въ трещинѣ скалы, и уже далѣе, соединясь съ рѣчкою Селезневкою, съ юга впадаетъ въ Бухтарму. Далѣе, на востокъ, по ту сторону гранитныхъ горъ, воздымается гораздо высочайшій хребетъ, состоящій изъ зеленыхъ сланцевъ, простирающихся по наблюденію д-ра Мейера съ С. на Ю.—Этотъ хребетъ прорѣзываетъ текущая съ самаго высокаго хребта рѣчка Урмухайка (или Урум-

(73) См. первое изображеніе въ Hermann Min. R. in Sibir. T. III. p. 84. Tab. 13.

хайка, названная по имени одного тамъ поселившагося Калмыка), образуя глубокое, узкое ущелье, простирающееся съ В. на З.: выше крѣпости она изливается въ Бухтарму. Южный берегъ долины весьма дикъ, крутъ и обрывистъ, сѣверный болѣе отлогъ и менѣе разрушенъ. Горная порода только мѣстами покрыта тонкимъ пластомъ земли, но по большей части обнажена, а во многихъ мѣстахъ принимаетъ видъ огромныхъ срубленныхъ древесныхъ стволовъ.

Крутой, правый берегъ рѣки Бухтармы около крѣпости весьма замѣчателенъ по различнымъ залежаніямъ гранита, мелкозернистаго глинистаго сланца съ листочками слюды, мелкозернистаго полеваго шпата и кварца, перемежающихся между собою и сверху покрытыхъ какъ бы разлившимся по нимъ гранитомъ. На одной изъ этихъ скалъ есть слѣды какъ бы конскаго копыта и человѣческой ступни. Преданіе говоритъ, что будто бы какой-то богатырь, преслѣдуемый врагами, поднялся сюда на лошади и совершилъ счастливый скачекъ чрезъ широкую Бухтарминскую долину: другіе же утверждаютъ, что эти слѣды изсѣчены только въ недавнее время, при постройкѣ крѣпости. Д-ръ Мейеръ не могъ навѣрное разузнать, существовали ли эти слѣды до поселенія Русскихъ. Спасскій говоритъ, что будто бы это двѣ человѣческія ступни, одна въ 5, а другая въ $2\frac{1}{2}$ вершковъ длиною, и нѣсколько слѣдовъ копытъ обыкновенной величины: Киргизы называли это Адамовымъ шагомъ (74), и оказывали особенное почитаніе памятнику, который казался имъ столь же древнимъ какъ и самое вѣрованіе. Безъ конскаго слѣда можно было бы подумать о буддійскомъ Прабатѣ (75), который своимъ существованіемъ обязанъ вѣроятно только мѣсту вывѣтрившагося гранита; но такого объясненія нельзя искать у киргизскихъ послѣдователей Ламы. На равнинѣ между гранитными горами около Бухтарминска есть также много старинныхъ чудскихъ могилъ,

---

(74) Спасскій I. с. XV. р. 145.
(75) Vorhalle europ. Völker Gesch. v. Herodotus. Berl. 1820 p. 332.

свидѣтельствующихъ о прежней густотѣ народонаселенія здѣшняго края въ древнѣйшія времена, подтверждаемой также и горнымъ дѣломъ. Большая часть этихъ рудокопенъ была уже давно открыта. Подлѣ нѣкоторыхъ д-ръ Мейеръ видѣлъ еще камни съ грубо на нихъ изсѣченными и впрочемъ едва примѣтными человѣческими лицами. Въ нѣкоторомъ отдаленіи къ востоку отъ Бухтарминска въ тамошнихъ известковыхъ горахъ, совершенно лишенныхъ окаменѣлостей, Спасскій (въ 1809 г.) нашелъ пещеры, лежащія въ разстояніи 1½ версты отъ сѣвернаго берега Бухтармы, въ коихъ за нѣсколько лѣтъ прежде находились неизвѣстныя письмена, которыя однакоже, говорятъ, стерлись отъ времени. Стѣны пещеръ хотя и гладки, но образованы какъ кажется самою природою, а отъ письменъ оставались только еще неразборчивые слѣды на наружныхъ стѣнахъ известковыхъ гротовъ. Немного позже и д-ръ Мейеръ совершилъ поѣздку къ этимъ Таловскимъ известковымъ горамъ, получившимъ названіе отъ сосѣдней деревни Таловки ([76]). Здѣсь видѣлъ онъ двѣ малыя, сами по себѣ незначительныя пещеры, изъ коихъ одна внутри была закопчена дымомъ и сажею. Изъ немногихъ остатковъ надписи, сочиненной на манджурскомъ языкѣ, толмачи заключили только о насмѣшкахъ на Русскихъ, и потому говорятъ, что одинъ извѣстный путешественникъ нарочно уничтожилъ эти остатки. Д-ръ Мейеръ въ точности изслѣдовалъ ([77]) флору окрестной равнины; эта флора, вмѣстѣ съ фауною здѣшнихъ насѣкомыхъ, представила нѣкоторые новые виды. По берегамъ Урумхайки растутъ прекрасные тополи (Populus laurifolia и tremula), нѣсколько березъ, ивы, боярокъ (Crataegus sanguinea), жимолость (Lonicera tartarica), европейскій видъ крушины, калина, черемуха (Prunus padus), черная смородина, шиповникъ (Rosa altaica, laxa) и многія европейскія горныя растенія. Скаты горъ безлѣсны; на нихъ растутъ только немногія березы и кустарники, между коими, кромѣ уже поименованныхъ есть так-

(76) Meyer l. c. T. II. p. 290.
(77) Meyer l. c. p. 206—209.

же таволги (Spiraea hypericifolia, chamadrifolia, triloba), акаціи, (Robinia frutescens и caragana). дикій персикъ (Amygdalus nana), кизильникъ (Mespilus melanocarpa), верескъ (Juniperus sabina) и мн. др.; флора гранитныхъ горъ состоитъ часто изъ тѣхъ же растеній. Ближайшая на востокѣ деревня Таловка, лежащая у известняковыхъ горъ, есть поселеніе польскихъ эмигрантовъ, на прекраснѣйшихъ луговыхъ берегахъ Бухтармы, осѣненныхъ тополями. Хлѣбопашество здѣсь процвѣтаетъ, по луговымъ цвѣтамъ порхали красивый ласточкинъ хвостикъ (Papilio machaon) и подалирія (Papilio podalirius) ([78]), величайшія европейскія дневныя бабочки, которыхъ правда нѣтъ въ болѣе сѣверной Сибири, но которыя однакоже не чужды Алтайскому горно-заводскому округу подобно многимъ другимъ европейскимъ породамъ насѣкомыхъ.

Далѣе вверхъ по долинѣ Бухтармы лежитъ деревня Крестовка, осѣненная тополевыми и осиновыми рощами и окруженная лугами. Въ восхитительномъ разнообразіи, на холмахъ, покрытыхъ свѣжею зеленью, тянутся прочія поселенія; чистые домики, кругомъ пасущіяся стада, зажиточные и повидимому счастливые поселяне—все это въ лѣтнее время составляетъ самую оживленную картину. Но жизнь эта кратковременна: осень въ горахъ по большей части дождлива, зима приноситъ глубокій снѣгъ и свирѣпые бураны, которые легко засыпаютъ путешественника своими снѣговыми тучами. Также и лавины скатываются съ горъ; однакоже онѣ здѣсь не такъ губительны какъ въ Альпахъ.

Въ небольшомъ днѣ пути, на востокѣ отъ послѣдней изъ названныхъ деревень, только въ 7 г. м. (50 вер.) на В. отъ Бухтарминска, лежитъ богатый Зыряновскій рудникъ, до котораго мы уже прежде сопровождали Ледебура отъ Верхней пристани на Иртышѣ; теперь мы послѣдуемъ за этимъ превосходнымъ наблюдателемъ въ его поучительномъ странствованіи по верх-

(78) Spassky l. c. p. 146; Gebler Bemerk. üb. die Insekten d. Altai въ Ledebour Altai Reise T. II. App. III. p. 21.

ней Бухтарминской долинѣ далѣе вверхъ по теченію рѣки; съ этою долиною мы преимущественно знакомимся изъ его сообщенія (1826) ([79]), а съ ея жителями изъ нѣкоторыхъ архивныхъ извѣстій Спасскаго (1809). Ниже Зыряновскаго рудника, лѣвый или южный притокъ Бухтармы—Березовка на нѣкоторомъ протяженіи параллельный съ Бухтармою, внезапно обращаясь на С., изливается въ нее, а противъ него впадаетъ съ сѣверной стороны правый притокъ, быстрая горная рѣка Хаиръ-кумынъ. Оба наблюденія соглашаются въ томъ, что здѣшній край необыкновенно живописенъ. Горы при Хаиръ-кумынѣ, на правомъ берегу Бухтармы составляютъ южныя предгорія упомянутой цѣпи Тургунскихъ, Коксунскихъ, Холсунскихъ бѣлковъ и пріобрѣли въ послѣднее время значеніе по открытіи въ нихъ рудъ. Ущелье этой быстрой горной рѣки узко, извилисто, поросло лиственнымъ лѣсомъ, тополями и березами, какъ и Бухтарминская долина, между-тѣмъ какъ Зыряновская сторона безлѣсна. На сѣверѣ вдалекѣ величественно воздымается высокій хребетъ Холсунскій, вершины котораго уже (14 августа) были покрыты только что выпавшимъ снѣгомъ.

Начиная отсюда, еще до конца прошедшаго столѣтія, страна была совершенно недоступна по необузданности *каменьщиковъ* (см. Т. II. ст. 278) или вольныхъ охотниковъ. Бухтарминская долина была еще вполнѣ необитаема, и только начала заселяться со времени помилованія каменьщиковъ (1791); при первомъ исчисленіи для наложенія подати оказалось въ ней 300 душъ. Съ 1803 г. народонаселеніе значительно прибывало, и въ 1826 году уже считали тамъ 1,100 душъ мужескаго пола, между коими 800 крестьянъ и 300 ясачниковъ (т. е. платящихъ ясакъ или дань шкурами): такимъ образомъ все народонаселеніе съ женами и дѣтьми простиралось отъ 4 до 5,000 душъ. Это юное поселеніе преступниковъ на самой крайней Китайско-Сибирской границѣ, конечно достойно нѣкотораго вни-

(79) Ledebour Altai R. T. I. p. 188—327; Spassky l. c. p. 149—168.

манія, ибо принадлежитъ къ такимъ, которыя, безъ всякаго пособія отъ правительства, развились свободно и быстро. Оно достигло прочнаго благосостоянія, не смотря на то, что составилось изъ преступниковъ, бѣглыхъ и одичалыхъ (см. примѣчаніе).

Въ слѣдующемъ году (1792), нѣкто Снегиревъ, открылъ близъ Зыряновска мѣдный рудникъ, который и былъ названъ по его имени Снегиревскимъ. Онъ замѣчателенъ по весьма обширной старинной или Чудской копи, гдѣ почти цѣлая гора прорыта съ сѣверной до южной стороны. Одинъ изъ ходовъ имѣетъ необыкновенную длину, что̀ вообщѐ рѣдко случается у этого древняго, свѣдущаго въ горномъ дѣлѣ народа, и служитъ доказательствомъ его долговременнаго пребыванія въ этихъ отдаленныхъ горахъ. Спасскій посѣщалъ еще другой, по имени открывшаго его Мурзинцова названный серебряный рудникъ, котораго Ледебуръ не видалъ. Этотъ рудникъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ въ цѣломъ Алтаѣ, къ открытію которыхъ повидимому не служили предварительныя работы Чуди.

Ледебуръ во время своего путешествія отъ Зыряновскаго рудника, на первый день пути проѣхалъ 2 г. м. (15 вер.) на В., посѣтилъ деревню Мяхиику на рѣкѣ Березовкѣ, лежащую въ 1,568 ф. надъ ур. м., на плоской до сего мѣста возвышенности, окруженной невысокими холмами. Берегъ рѣки поросъ здѣсь березами, откуда и произошло самое названіе „Березовки“; берега предшествовавшихъ незначительныхъ рѣчекъ окаймлены только кустарникомъ. Деревенька была красиво построена, ея жители весьма достаточны, разряжены въ праздничныя платья и гостепріимны. Потомъ, проѣхавъ добрыхъ 4 г. м. (30 вер.) далѣе на В., путешественникъ прибылъ въ деревню Александровскую, лежащую въ болѣе холмистой странѣ и построенную только съ 1820 г. на высотѣ 1,735 футовъ надъ ур. м. Лучшая крестьянская изба была отведена подъ квартиру путешественника.

Утромъ, на 2-й день пути, 16 августа, вся окрестность

покрылась инеемъ; проѣхавъ $2^1/_2$ г. м. (18 вер.) оставили Березовку и прибыли къ гораздо меньшему, южному, впадающему въ Бухтарму съ южной стороны ручью, на коемъ лежитъ деревенька Сѣнная. Окрестность обильно поросла прекрасною жимолостью (Lonicera tatarica); путешественнику встрѣчались мужчины и женщины, красиво одѣтые въ китайскія шелковыя матеріи пестрыхъ яркихъ цвѣтовъ; эти поселяне ѣхали верхомъ на жатву. Ледебуръ нашелъ въ деревнѣ расправу Бухтарминской волости или приказа, которому подчинены деревни ясачныхъ. Эта волостная управа состоитъ изъ двухъ крестьянъ, а именно головы и старосты съ писаремъ. Когда Ледебуръ предъявилъ письменные приказы, въ которыхъ имъ предписывалось содѣйствовать его предпріятію, они учтиво и почтительно помогли ему сойти съ лошади (почетный обычай Киргизовъ въ отношеніи къ гостю), и приняли его весьма радушно. Они угощали своего рѣдкаго гостя пшеничнымъ хлѣбомъ, превосходнымъ медомъ, закололи для него куръ, гусей, зарѣзали телятъ, и кромѣ того, сверхъ всего, поднесли еще подарокъ въ 10 рублей, желая тѣмъ выразить свою великую радость при посѣщеніи имъ отдаленныхъ странъ. При этомъ водка содѣйствовала всеобщей радости. Деревня была почти совершенно пуста; все ея населеніе находилось на жатвѣ; въ ней 30 домовъ, а близь нея расположены киргизскія юрты, владѣльцы коихъ нанимаются къ крестьянамъ въ пастухи; здѣшнее пчеловодство въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Съ новыми проводниками, еще въ тотъ же самый день, проѣхали 3 г. м. (20 вер.) далѣе къ деревнѣ Мало-Нарымской, которая по барометрическому измѣренію лежитъ уже въ 2,728 ф. надъ ур. м. Почва здѣсь по прежнему ровная, но вообще значительно возвышается и горы становятся все выше и выше; не смотря на то урожаи всегда удачны въ здѣшнемъ краю. Деревня лежитъ на востокѣ отъ вершины, съ которой течетъ рѣчка Березовка, а именно при рѣчкѣ Нарымкѣ, которая, низвергаясь съ водораздѣльной высоты между Бухтармою и Нарымомъ, впадаетъ съ С. въ

рѣку Нарымъ, параллельную Курчуму. Нарымъ протекаетъ только въ $1\frac{1}{2}$ г. м. на югѣ отъ деревни, и въ такомъ же разстояніи отъ него къ югу возвышаются вершины Нарымскія, въ которыхъ, на югъ, въ направленіи Эктагъ-Алтая, находятся истоки Нарыма и Курчума. Когда Ледебуръ увидѣлъ отсюда эти вершины, то онѣ только что за три дня покрылись снѣгомъ, который, по словамъ проводниковъ, обыкновенно выпадаетъ здѣсь въ половинѣ августа. Гораздо далѣе, но также и величественнѣе возвышается на сѣверѣ отъ Бухтармы высокій снѣговой хребетъ Холсунскій, возвышающій свою главу надъ всѣми другими болѣе низкими горами. Онъ стоитъ на границѣ рѣчныхъ областей Иртыша на Ю. и Оби на С. Въ Иртышъ съ южнаго склона Холсунскаго хребта, течетъ Бухтарма съ своими притоками, между-тѣмъ какъ Обь принимаетъ воды Катуни и Чуи, Башкауса и Чулышмана, черезъ посредство Телецкаго озера и Біи—текущія съ обильнаго снѣгомъ сѣвернаго склона длинной цѣпи Холсунскихъ Столбовъ. При приближеніи же къ сему хребту и именно изъ долины Бухтармы, онъ совершенно исчезаетъ за своими ближайшими предгоріями, подобно тому, какъ Монбланъ исчезаетъ при Арвѣ въ долинѣ Шамуни, у самаго своего подножія, потому-что меньшія передовыя горы заграждаютъ его, какъ часто въ глазахъ свѣта великое закрывается малымъ.

На третій день пути, августа 17, при восходѣ солнца, вся окрестность была покрыта инеемъ. Вдоль рѣчки Нарымки на сѣверъ, Ледебуръ взобрался до истока ея на водораздѣлъ, возвышенный здѣсь на 4,343 ф. надъ ур. м. Южный склонъ этой высоты отлогъ, мѣстами болотистъ, поросъ только немногими деревьями, напр. группами тополей, а впрочемъ безлѣсенъ; за то сѣверный склонъ ея крутъ; на немъ беретъ начало рѣчка Коровиха и быстро низвергается въ Бухтарму. Узкая тропинка ведетъ внизъ по крутому обрыву скалъ, чрезъ дикую романтическую долину, обильнѣе другихъ мѣстностей поросшую лѣсомъ. Вся южная сторона Бухтарминской долины съ ея предгоріями,

до сихъ поръ отличается сухостью: обиліе рѣчныхъ водъ ея незначительно, да и самыя воды мутны. Начиная отсюда, по удаленіи отъ степи глубже въ горы, воды становятся обильнѣе, а растительность богаче. Скалистая долина украшена березами, осинами (Populus tremula), соснами (Pinus sibirica), рябинами (Sorbus aucuparia), черемухою (Prunus padus), не достигающими впрочемъ большихъ размѣровъ; здѣсь также есть много породъ ивняку и другихъ кустарниковъ: черной и красной смородины, малины, шиповника, жимолости, таволги, дафны (Daphne altaica) и мн. др. Проѣхавъ съ добрую милю (8 верстъ), достигли деревни Коровихи, расположенной при устьѣ рѣчки того же имени и на лѣвомъ берегу Бухтармы (3 г. м., 22 версты отъ Мало-Нарымска). Эта деревня лежитъ при подножіи высокихъ лѣсистыхъ сланцовыхъ горъ, на возвышенности, между деревьями, въ 2,027 футахъ надъ ур. р.; на западъ отъ нея, рѣчка Язовая течетъ съ сѣвера, изъ дикой скалистой долины въ Бухтарму. Этотъ типъ скалистой мѣстности, съ ея ущельями, оврагами, утесами и долинами, сохраняется и далѣе на востокѣ, въ дико разорванной высокой горной странѣ, черезъ которую прорывается на З. рѣка Бухтарма. Только несчастные, помилованные преступники, говоритъ Ледебуръ, могли поселиться въ такомъ краю, и они все-таки зажиточны; въ деревенькѣ считается около 20 хижинъ, въ коихъ, не смотря на отдаленность городовъ, господствуетъ даже нѣкоторое щегольство. Крестьяне искусны въ ремеслахъ: будучи сами кузнецами, столярами, плотниками, они изготовляютъ себѣ всѣ земледѣльческія орудія; домы ихъ снабжены оконными стеклами. Всѣ поселяне обладаютъ лугами, плодородными пашнями, занимаются пчеловодствомъ, охотою за обильною дичью, и торговлею съ Китайцами и Киргизами, доставляющею хорошій барышъ. Во всѣхъ деревняхъ этихъ, такъ называемыхъ *каменьщиковъ*, былъ отличный пшеничный хлѣбъ; у нихъ свои собственныя водяныя мельницы; свою муку продаютъ они за хорошія цѣны въ китайскіе пограничные пикеты. За 1½ пуда муки, цѣною отъ 40 до 50

коп. асс., получаютъ они отъ Китайцевъ 1 кусокъ *дабы*, т. е. 22 локтя бумажной одноцвѣтной матеріи, цѣною отъ 4 до 5 руб. асс.

Отъ Коровихи, путешественникъ въ челнокѣ переправляется чрезъ Бухтарму, которая здѣсь уже какъ горная рѣка бушуетъ, стремясь чрезъ скалы; лошади переплываютъ быстрый потокъ, а ихъ вожаки, молодые парни изъ каменьщиковъ, ловко плывутъ подлѣ нихъ и искусно правятъ ими. На сѣверномъ берегу Ледебуръ нашелъ, въ первый разъ со времени своего путешествія въ Алтаѣ и по Киргизской степи, лягушку, ибо эти земноводныя повидимому рѣдко встрѣчаются на западѣ, именно вслѣдствіе сухости почвы.

Бухтарминская долина имѣетъ здѣсь только $1^1/_2$ версты ширины; съ обѣихъ сторонъ поднимаются крутыя горы въ 400 до 800 футовъ вышины; поросшія одинокими березами и осинами; гранитные и сланцовые обломки скалъ мѣстами низвергаются съ вершинъ. По проѣздѣ $2^1/_2$ г. м. (17 вер.), по мѣрѣ удаленія отъ горъ открывается подобно волшебной картинѣ — широкая, очаровательная долина, въ видѣ амфитеатра окруженная горными высотами, надъ которыми къ югу снова примѣтно возвышаются громадныя скалистыя вершины Курчумскаго и Нарымскаго хребтовъ въ видѣ разнообразнѣйшихъ, снѣгомъ покрытыхъ пирамидъ. На правомъ берегу Бухтармы, во впадинѣ лежитъ деревенька Верхъ-Бухтарминская, или Печиченская (отъ печей), построенная какими-нибудь 20-ю семьями каменьщиковъ и получившая свое наименованіе отъ нѣсколькихъ земляныхъ впадинъ, въ солонцеватой почвѣ, въ которыхъ окрестные скотъ и дичь вылизали печевидныя углубленія. Эта гостепріимная деревня лежитъ въ 2,121 футъ надъ ур. м., по барометрическому измѣренію Ледебура; и здѣсь также подлѣ крестьянъ, въ должности ихъ пастуховъ, живутъ Киргизы, предпочитающіе свои войлочныя юрты деревяннымъ домамъ.

Въ 4-й день пути, 18 августа, Ледебуръ направился къ С.-В., на самый дикій возвышенный хребетъ. Съ него къ югу

низвергаются въ Бухтарминскую долину дикіе ручьи Язовая и Бѣлая. На востокѣ отъ обоихъ лѣсныхъ ручьевъ, надъ самою Бухтармою, возвышаются огромные передовые бѣлки Холсунской горной цѣпи. Подымаясь на 6,000 футовъ надъ ур. м., тянется она съ З. на В. на протяженіи отъ 9 до 10 г. м. вверхъ теченія по сѣверному берегу рѣки до Черновой (Черной), небольшаго горнаго потока, впадающаго въ Бухтарму съ сѣвера, и перерѣзываетъ его на востокѣ, а Бѣлую на западѣ. Этотъ высокій горный хребетъ, въ двѣ мили (15 вер.) шириною, представляетъ нѣсколько остроконечныхъ верхушекъ и наиболѣе возвышается къ С.-В., гдѣ и примыкаетъ къ самому Холсуну. На западѣ отъ Бѣлой хребетъ этотъ называется Малою, на востокѣ отъ нея Большою Листвягою или Лиственничными горами, потому-что вершины его поросли лиственницами (Pinus larix, у Русскихъ листвяга). Ихъ дебри, высоты, лѣсныя чащи, пещеры, трущобы были настоящимъ притономъ дикихъ каменьщиковъ и кровавымъ позорищемъ ихъ мятежей. Въ ущельяхъ Лиственнаго хребта, лежатъ высшія изъ всѣхъ горныхъ деревень, Бѣлая и Фыкалка; многія изъ его высотъ недоступны, въ нѣкоторыя, вѣчно мрачныя ущелья его, никогда не проникаетъ солнечный лучъ; только хищные звѣри задыхаются тамъ въ глубокомъ снѣгу или погибаютъ подъ обломками скалъ. Имена урочищъ всюду русскія (напр. рѣка Поскочи, т. е. перепрыгни, потому-что ее наполняютъ скалистыя глыбы; Маралье озеро, т. е. Оленье, и м. д.). Они были даны живущими тамъ звѣровщиками и часто напоминаютъ имена и дѣла этихъ людей; напротивъ того въ прочей Сибири, а тѣмъ болѣе въ Алтаѣ, удержались древнія мѣстныя наименованія, такъ что каждый уголокъ обладаетъ своими собственными. Впрочемъ, доказательствомъ того, что и эта дебрь привлекала уже древнѣйшихъ обитателей, служатъ встрѣчавшіяся и здѣсь могилы; но ихъ мѣстное наименованіе въ то время было уже неизвѣстно.

Отъ деревни Верхъ-Бухтарминской, Ледебуръ поднялся на Малую Листвягу, которая раздѣляетъ воды Язовой и Бѣлой, на

горный проходъ въ 3,477 ф. надъ ур. м., и потомъ спустился къ С.-В. въ горную долину, въ которой расположена деревня Бѣлая на высотѣ 2,463 футовъ надъ ур. м. (въ 23 вер. отъ Верхъ-Бухтарминской). Она окружена гораздо высочайшими горами, которыя однакоже только на западной сторонѣ покрыты лѣсомъ, а съ другихъ обнажены и представляютъ обвалы, передъ которыми лежатъ огромныя глыбы низвергнувшихся скалъ. Рѣка Бѣлая вытекаетъ изъ высоко лежащаго Маральяго озера (Оленьяго озера). Длина ея теченія незначительна, но она принимаетъ въ себя много обильныхъ водою горныхъ потоковъ, такъ что при деревнѣ ширина ея простирается отъ 25 до 30 саж. Въ 10-ти верстахъ ниже Верхъ-Бухтарминской она изливается въ Бухтарму. Деревня состоитъ только изъ 16-ти дворовъ, населенныхъ каменьщиками. Отсюда, къ востоку, горный хребетъ поднимается все выше и выше, и на сѣверной сторонѣ своей, обращенной къ обильному снѣгомъ Холсуну, также обильнѣе поросъ лиственницами (Pinus larix), деревомъ, которое и здѣсь, какъ и на европейскомъ Монбланѣ (Melèze у Савоярдовъ), кажется преимущественно любитъ атмосферу, близкую къ царству вѣчныхъ снѣговъ. Однакоже Ледебуръ и на этой высотѣ, по его измѣренію простирающейся до 4,000 ф. надъ ур. м., встрѣтилъ еще земледѣліе на 3,891 п. ф. и еще выше старыя пашни, такъ, что онъ полагаетъ достовѣрно, что высшая граница земледѣлія достигаетъ здѣсь до 4,000 ф. абс. выс. Когда Спасскій проѣзжалъ по этому пути, то послѣ долговременной ясной погоды высокіе пики помрачились на сѣверѣ и возвѣстили перемѣну въ атмосферѣ; туземцы говорятъ въ такомъ случаѣ: „сопки топятся, сопки затопились“. Вечеромъ Фыкалка облеклась моремъ тумана, а въ слѣдующіе за тѣмъ дни, пошли дождь и снѣгъ. На 4-й день своего пути, августа 18-го, пройдя 3½ г. м. на В., Ледебуръ прибылъ въ эту отдаленнѣйшую русскую горную деревню Фыкалку, лежащую на достопримѣчательной границѣ обоихъ великихъ всемірныхъ государствъ. Эта деревня, въ которой считается 10 или 12 крестьянскихъ дворовъ, окружена высокими

горами и находится при горномъ потокѣ Фыкалкѣ, вытекающемъ изъ Большой Листвяги и впадающемъ въ Бѣлую. Эта деревня лежитъ выше всѣхъ осѣдлостей Алтайскихъ, въ 3,951 ф., т. е. почти въ 4,000 ф. надъ ур. м. Ближайшія къ ней скалистыя горы состоятъ изъ грюнштейна, отвѣсные стѣны котораго, кажется, падаютъ къ Ю.-В. (80). Не смотря на возвышенное мѣстоположеніе здѣсь все еще преуспѣваетъ обработка ячменя, овса, ржи, чечевицы и яровой пшеницы: въ деревенскихъ же огородахъ воздѣлываютъ капусту, лукъ, макъ, тыкву, огурцы. Это тѣмъ болѣе достопримѣчательно, что жители деревни Уймона (при рѣкѣ Коксунѣ, лѣвомъ притокѣ Катуни, конечно однимъ градусомъ широты сѣвернѣе и притомъ на сѣверномъ склонѣ Алтая), которая почти на 1,000 футовъ лежитъ ниже Фыкалки, жалуются на то, что рожь у нихъ не каждый годъ дозрѣваетъ. Но Фыкалка, расположенная у южной подошвы высокаго Холсуна, защищена симъ послѣднимъ, какъ стѣною отъ суровыхъ сѣверныхъ вѣтровъ, и все еще довольно доступна теплымъ, даже жгучимъ западнымъ и южнымъ вѣтрамъ Киргизской степи, а потому ея лѣтняя температура при большей абсолютной высотѣ, также гораздо выше. Такимъ образомъ подъ 50° с. ш., на такой высотѣ могутъ дозрѣвать лѣтнія растенія, которыя безъ мѣстнаго, весьма благопріятнаго отношенія въ положеніи сей деревни не доставляли бы никакого успѣшнаго результата для хлѣбопашества. Эту мѣстность, по частному преимуществу ея положенія предъ сосѣдственными полосами земли средней Азіи можно сравнить съ особенно благопріятными по своему положенію въ средней Европѣ сѣверными частями долинъ Тейсса и Гернада (81), въ Кашаускомъ округѣ. Эта родина токайскихъ лозъ, на высотѣ почти 1,000 футовъ надъ ур. м., защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокимъ хребтомъ Татра, и продувается въ продолженіи трехъ четвертей года господствующими тамъ теплыми вѣтрами жаркой

(80) Engelhardt въ Ledebour Altai R. T. I. Anh. p. 415.

(81) G. Wahlenberg. De elevatione et conformatione Carpatorum etc., въ Flora Carpatorum principalium, 1814. 8° p. XXXII.

Венгерской низменности. Оттого виноградный сокъ (между 48 — 49° сѣв. шир.) превращается въ сладкое вино, подобное испанскому, а ломбардская флора достигаетъ до южнаго подножія Татры, точно также, какъ въ средней Азіи флора жаркой Киргизской степи поднимается до хребтовъ Долонъ-Кара (см. выше) и Листвяги.

Съ 22-го по 25-е августа, при отличной, ясной погодѣ возвращаясь ([82]) въ Зыряновскъ, Ледебуръ замѣчалъ, что нерѣдко поздно вечеромъ при легкомъ вѣтрѣ или совершенномъ безвѣтріи внезапно распространялась теплота, которая тотчасъ же снова исчезала; явно, вслѣдствіе того всеобщаго явленія, которое являлось только съ временными перерывами. Такимъ мѣстамъ, гдѣ замѣчаются эти перерывы, здѣшніе крестьяне при новыхъ поселеніяхъ часто даютъ преимущество предъ другими мѣстностями.

Оба очевидца ([83]) выгодно отзываются о настоящемъ положеніи этой замѣчательной колонизаціи раскольниковъ, бѣглыхъ и браконьеровъ, что именно и доставляетъ величайшій этическій интересъ этому отдаленнѣйшему углу Сибири на самомъ крайнемъ предѣлѣ Китая, и заслуживаетъ особаго вниманія администрацій. Какая причина могла произвести подобное благосостояніе? Независимое ли положеніе поселенца при достаточной прибыли отъ его труда, или положеніе особенно благопріятное для торговли? Какъ бы то ни было, а религіозное начало и смиреніе въ признаніи своей вины, вмѣстѣ съ покорностью закону, облагородили оба эти отношенія, и возвратили дикую толпу людей, прошедшую черезъ всѣ опасности величайшей испорченности, къ благоразумному внутреннему и внѣшнему равновѣсію. Какъ поучительна была бы частная исторія такой колонизаціи для каждаго филантропа. Настоящее положеніе этого края справедливо изумило Ледебура; какая метаморфоза, гово-

---

(82) Ledebour Altai R. T. I. p. 328.
(83) Spassky l. c. p. 160; Ledebour Altai R. T. I. p. 300.

ритъ онъ, со времени полувѣка. Тогда разстилалась здѣсь пустыня, обитаемая дикими звѣрями, кочевья номадовъ, страна ужаса отъ преступленій, разбоевъ и убійствъ; никто не пользовался лѣсами, обильными лугами, пахатною землею. Въ настоящее время здѣсь всюду народонаселеніе, возрастающій рядъ общинъ, и крестьяне зажиточны, откровенны, благонравны, доброжелательны и гостепріимны; они старательно воздѣлываютъ землю и трудолюбиво заработываютъ всѣ необходимые для себя предметы. Училищъ и церквей нѣтъ у нихъ совершенно; они старовѣрцы, но заботятся о томъ другимъ образомъ: у нихъ есть свои молельни, свои церковные старосты, каждый умѣетъ читать и писать; родители обучаютъ дѣтей сами. Господствующій въ этомъ краю горный промыселъ чрезвычайно благодѣтеленъ для сихъ поселеній; онъ споспѣшествуетъ благосостоянію земледѣльца, и много способствуетъ къ распространенію между ними практическихъ свѣдѣній, такъ, что всѣ роды ремеслъ производятся самими крестьянами. Добываніе металловъ вдвойнѣ выгодно для казны и увеличенія народонаселенія; мѣстная администрація дѣйствуетъ притомъ весьма благодѣтельно. Близость Китайской государственной границы возвышаетъ эти замѣчательныя выгоды непрерывнымъ размѣномъ взаимныхъ потребностей, которыя направляются сюда съ двухъ противоположныхъ центровъ просвѣщенія, изъ Москвы и Пекина. Расположенные вдоль пограничной линіи китайскіе и манджурскіе лѣтніе караулы привозятъ съ собою свое жалованье въ товарахъ, и рады всегда обмѣнять ихъ здѣсь на непривезенные предметы жизненныхъ потребностей. Такимъ образомъ, между тамошними поселенцами, въ видѣ домашнихъ потребностей, распространились китайскія матеріи, штофы (канфы), шелкъ, фарфоръ, утварь разнаго рода и проч., и тѣмъ самымъ въ домашній бытъ юнаго народонаселенія внѣдрились извѣстное щегольство, чистота, изящество, которыя изумляютъ путешественника въ такомъ отдаленіи отъ всякой цивилизаціи. Прислуживавшій Ледебуру старшина въ Верхъ-Бухтармин-

скѣ, былъ одѣтъ въ кафтанѣ изъ хорошаго синяго сукна, обшитомъ золотыми галунами.

Совершенно вблизи отъ Фыкалки, на Ю. и В., возвышается большой горный хребетъ Листвяга, который тянется вверхъ по теченію, на В. отъ Бухтармы; на его вершинахъ видѣнъ былъ свѣжевыпавшій снѣгъ. Этотъ хребетъ не достигаетъ до линіи вѣчныхъ снѣговъ, подобно высокимъ Катуньскимъ снѣговымъ вершинамъ или такъ называемымъ Холсунскимъ столбамъ, возвышающимся далѣе на С. отъ него и видимымъ изъ Фыкалки. Остроконечный, круглый пикъ на Листвягѣ или на Лиственничномъ хребтѣ, покрытый гранитными обломками и снѣгомъ, одиноко возвышающійся надъ ближайшею окрестностью Фыкалки, получилъ наименованіе: Щебенухи. Чтобы достигнуть до его вершины Ледебуръ отправился верхомъ изъ деревни на С.-В., около мили (5 верстъ) до устья рѣчки Фыкалки, впадающей въ Бѣлую; въ самой дикой скалистой долинѣ, сначала только 60 до 90 футовъ шириною, рѣчка Фыкалка съ шумомъ и пѣною низвергается черезъ пороги въ ущелье, которое все болѣе и болѣе съуживается и при впаденіи въ Бѣлую не имѣетъ даже 20-ти футовъ въ ширину. Узкое ущелье, чрезъ которое пробивается рѣка Бѣлая, поражаетъ дикостью еще болѣе чѣмъ ущелье Коргона, только въ меньшемъ размѣрѣ. Отвѣсные, совершенно нагіе и только мхомъ поросшіе утесы, въ 200 ф. отвѣсной высоты ограничиваютъ восьмисаженную трещину, въ воды которой даже и лѣтомъ здѣсь не проникаетъ ни одинъ лучъ солнца. На сколько можно разсмотрѣть узкую долину чрезъ выдающіеся зубцы утесовъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ черезъ нея можно переѣхать, она удерживаетъ и далѣе тотъ же ужасный видъ.

На сырой, тѣнистой землѣ расли только одинокія растенія, которыя жадно стремились къ верхнему слою воздуха, какъ напримѣръ кипрей (Epilobium angustifolium), архангелика (Arch. decurrens), достигая 9 и 12 ф. и являлись какъ рѣдчайшіе слѣды жизни. Отсюда до деревни Бѣлой, на Ю.-З., считается 2 г. м. (13 верстъ) вдоль долины; здѣсь она расширяется и обра-

зуетъ котловину, по которой вода струится спокойно. Ниже долина снова съуживается въ ущелье, которое, какъ котловина р. Боде при подножіи Брокена, тогда только проходимое, когда чрезъ него лежитъ ледяной мостъ: но выше деревни напоръ воды такъ великъ, что многія мѣста никогда не замерзаютъ. Отъ этого брода на рѣкѣ Бѣлой Ледебуръ взобрался на весьма высокій остроутесистый пикъ Щебенуху ([84]). Онъ подымается на 5,471 футъ, состоитъ изъ грюнштейна и, судя по вышинѣ, на немъ можно было бы ожидать по крайней мѣрѣ субальпійскихъ растеній. Но ботаникъ обманулся, и нашелъ на немъ только обыкновенныя растенія низменнаго края, напр. даже и на вершинѣ росли кусты акаціи (Robinia caragana) и ирги (Mespilus cotoneaster), которые впрочемъ обыкновенно не достигаютъ такихъ высотъ. Правда, на вершинѣ стоялъ засохшій стволъ сибирскаго кедра (Pinus cembra), но уединенно, а 100 футовъ пониже попался еще одинъ совершенно здоровый. Та же самая причина, которая возвышаетъ надъ уровнемъ моря хлѣбныя растенія поселеній по Бухтармѣ, къ великой выгодѣ тамошнихъ поселенцовъ, обманула здѣсь, какъ и по всей р. Бухтармѣ ожиданія ботаника. Причина эта есть открытое положеніе Бухтарминской долины къ югу. Прочія горы здѣшняго края были безлѣсны, только за исключеніемъ Листвяги, по сѣверному склону которой повсюду растетъ весьма хорошій лиственичный лѣсъ, отъ коего сей хребетъ по справедливости получилъ свое наименованіе. Далѣе на востокъ, возвышаются тѣснѣе сомкнутые его гребни выше одинокой Щебенухи, до 6,000 футовъ надъ ур. м.

Не взирая на теплое степное лѣто, въ горныхъ деревняхъ, лежащихъ на такой высотѣ, зима все-таки наступаетъ преждевременно и весьма сурова, такъ, что начиная уже съ половины августа ночью окрестность постоянно покрывается инеемъ, а на большихъ высотахъ ощущается морозъ. Августа 20-го полага-

---

(84) Ledebour Alt. R. T. I. p. 306.

ли въ Фыкалкѣ, что слишкомъ быстро наступившая тамъ осень дѣлаетъ опасною поѣздку на сосѣдній дикій высокій горный хребетъ. Проводники страшились замерзнуть и умереть съ голода на обледенѣлыхъ высотахъ, гдѣ Калмыки уже не кочуютъ, и гдѣ, за отсутствіемъ стадъ, разстилается безграничная пустыня и вьючныхъ животныхъ достать невозможно. Эти обстоятельства, равно какъ и усталость и уже исчезающая флора, побудили путешественника ([85]) отказаться отъ предполагаемаго имъ восхожденія на снѣговыя Холсунскія цѣпи и отъ попытки проникнуть съ южной стороны до неизвѣстныхъ доселѣ источниковъ Катуни — отважное предпріятіе, которое однакоже два года спустя, въ половинѣ лѣта, удалось доктору Бунге ([86]). Мы тотчасъ возвратимся къ сему небывалому до того путешествію на С.-В., но сперва послѣдуемъ за Ледебуромъ къ самому крайнему юго-востоку до Китайской границы: ибо какъ одно, такъ и другое, составляютъ для насъ самыя крайніе предѣлы новѣйшихъ изслѣдованій въ томъ мало посѣщаемомъ углу Средней Азіи.

9. Китайская граница на Верхней Бухтармѣ, пограничный пикетъ Чингисъ-Тэй.

Отъ Фыкалки къ Ю.-В. лежитъ ближайшій пограничный пикетъ Китайскаго государства, только въ разстояніи 7 г. м. (50 верстъ) на югѣ отъ Бухтармы, которая ниже этого пункта составляетъ пограничную рѣку обоихъ государствъ, а выше принадлежитъ совершенно Китаю. Чтобы попасть туда изъ деревни Фыкалки должно перейти чрезъ хребетъ Листвягу и переправиться чрезъ Бухтарму. Всего безопаснѣе посѣщать этотъ пикетъ въ званіи торговца, подъ предлогомъ размѣна товаровъ. Сѣверный склонъ горъ поросъ большею частью лиственичными лѣсами и сибирскими соснами (Pinus sibirica). Многіе засохшіе стволы были замѣтно повреждены градомъ, который, говорятъ, падаетъ здѣсь весьма часто и большими кусками — досто-

(85) Ledebour l. c. I p. 288, 309.
(86) Ledebour l. c. II. p. 518—522.

примѣчательное подтвержденіе теоріи образованія града, основанной Л. Бухомъ ([87]) на наблюденіяхъ въ Европейскихъ Альпахъ и дающей вообще столь хорошее объясненіе горныхъ климатовъ. Послѣ трехъ съ половиною часовъ, подвигаясь по сѣверному склону горъ, достигли ихъ гребня; вдоль его всадники ѣхали болѣе 2 часовъ (8 верстъ) до рѣки Каменухи, а на В. отъ нея почти столько же (9 верстъ) по хребту, который такимъ образомъ, подобно многимъ Алтайскимъ горнымъ высотамъ, кажется образуетъ плоскую возвышенность. Наконецъ прибыли къ одному мѣсту, гдѣ горы понижались сначала постепенно, но потомъ довольно круто къ Ю.-В. При южномъ подножіи этой высшей цѣпи, въ 10-ти верстахъ отъ Каменухи, разстилаются возвышенныя равнины, спускающіяся нѣсколькими террасами или уступами къ Бухтармѣ и Черновой (правому ея притоку). Сланцовая порода является здѣсь, какъ и въ болѣе сѣверномъ Алтаѣ (напр. при Сентелекѣ), такими большими ступенями, что при спускѣ должно быть очень осторожнымъ. На крутыхъ обнаженныхъ сланцовыхъ обрывахъ, съ которыхъ при вышинѣ ихъ нельзя было перешагнуть на слѣдующій за тѣмъ уступъ, привычные къ спускамъ кони садились на заднія ноги и скользя спускались съ своими сѣдоками. Можетъ быть, полагаетъ Ледебуръ, ступенчатыя тропинки съ высокой Гоби къ Пекину (см. Т. I. стр. 330 и проч.) пробиты въ такихъ же сланцовыхъ горахъ, только отчасти искусственно. Высочайшія вершины Листвяги, около 6,000 ф. надъ ур. м., были уже покрыты снѣгомъ; надъ высшею террасою по правому берегу Черновой, онѣ возвышались по крайней мѣрѣ на 3,000 футовъ. Гребни ихъ казались еще гораздо выше Щебенухи, и потому конечно высота ихъ не преувеличена; барометра же нельзя было взять съ собою, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія со стороны китайскихъ пикетовъ.

И здѣсь также, какъ и на Щебенухѣ не было еще слѣ-

(87) L. v. Buch Üb. Hagel Feb. 4. 1814.

довъ субальпійской флоры, и во всемъ абсолютно столь высоколежащемъ краю Ледебуръ не встрѣтилъ ни одного изъ такихъ растеній. Между-тѣмъ, весьма недавно и такъ часто наблюдалъ онъ и собиралъ ихъ очень недалеко отсюда, на сѣверѣ отъ Холсунской цѣпи въ тамошнихъ внутреннихъ Алтайскихъ долинахъ, до коихъ теплые степные вѣтры недостигаютъ чрезъ эту снѣговую цѣпь (подобно тому какъ сильный и теплый южный вѣтеръ „фёнъ" не проникаетъ во внутреннія долины Граубиндтена и Готардскаго Рейса на сѣверной сторонѣ Альповъ). По первой, достигающей до 3,000 футовъ высоты, террасѣ, въ два съ половиною часа (10 верстъ), доѣхали до рѣки Черновой, а отсюда въ 2 часа (7 верстъ) до Бухтармы. Растительность этой второй, нижней равнины теперь уже совершенно засохла, и кромѣ артемизій, Statice speciosa, астръ (Aster fastigiatus), Molinia squarrosa, Diotis ceratoides, Bupleurum baldense, не представляла ничего замѣчательнаго; вѣроятно весенняя флора роскошнѣе осенней, на что̀ указывали многіе засохшіе стебли. Весною Бухтарма наводняетъ эту равнину, обтекаетъ мно̀гіе низменные острова, берега коихъ поросли ивами. Рѣка не слишкомъ глубока, иначе было бы невозможно переправиться черезъ этотъ быстрый потокъ. Вода доходила лошадямъ до половины туловища; ширина рѣки съ рукавами превосходитъ 400 футовъ (70 саженей), а потому при переправѣ необходима величайшая осторожность. Оба берега покрыты лиственнымъ лѣсомъ, особенно же ивами, березами, тополями, господствующими деревьями степнаго края.

За Бухтармою начинаются уже китайскія владѣнія и только въ 2 верстахъ отъ берега отстоитъ пограничный пикетъ. Ледебуру дозволено было посѣтить его, подъ предлогомъ размѣна нѣкоторыхъ товаровъ. Этотъ пограничный караулъ называется Чингисъ-Тэй, и лежитъ на обширной равнинѣ, которая тянется вдоль рѣки. Въ одной милѣ за этою равниною возвышается рядъ горъ, за протяженіемъ которыхъ на обѣ стороны къ С.-В. и Ю.-З. можно слѣдить такъ далеко, какъ только дозволяетъ зрѣніе

ихъ вершины уже покрылись свѣжимъ снѣгомъ. Пикетомъ Чингисъ-Тэй начинается китайская пограничная область Гобдо (Хобдо у Ледебура по монгольскому произношенію; Хо-пу-то у Китайцовъ). Пикетъ состоялъ изъ 70 человѣкъ монгольскихъ и калмыцкихъ войскъ; не въ дальнемъ разстояніи оттуда Китайскіе Киргизы разбили свои юрты. Для гарнизона построены небольшіе блокгаузы, которыхъ окна изнутри были заклеены бумагою, а снаружи обиты соломенными плетенками; кромѣ того было вырыто также нѣсколько землянокъ. Передъ большею частью блокгаузовъ на длинномъ шестѣ развѣвалось зеленое знамя. Путешественника тотчасъ окружили китайскіе солдаты въ длинныхъ халатахъ, безъ оружія; русскій толмачъ, 82-хъ лѣтній старецъ, привелъ его къ коменданту, одѣтому весьма изящно. Онъ принялъ Ледебура въ своемъ небольшомъ блокгаузѣ, содержавшемъ только одну комнату въ 2 сажени въ квадратѣ. Эта комната была загромождена ящиками, на которыхъ были разложены перины для спанья. Комендантъ увѣрялъ, что онъ можетъ въ 2 недѣли (14 дней) получить сюда депеши изъ Пекина; но самъ онъ слѣдовалъ сюда два мѣсяца; онъ утверждалъ, что по всей дорогѣ стоятъ караулы (вѣроятно на Бэйлу, сѣверной дорогѣ) (см. Т. I. стр. 27). Ледебуръ замѣтилъ, что цѣль его поѣздки состоитъ въ томъ, чтобы искать на Алтаѣ травы, и его тотчасъ спросили, какія же цѣлебныя травы растутъ на Алтаѣ: Китайцы ничего не знали о ревенѣ. Для успокоенія радушно принятаго гостя была изготовлена юрта, и даже дано было позволеніе посѣтить ближнія горы, какъ вдругъ шумно распространилась вѣсть, что будто бы генералъ ближайшей крѣпости выступилъ въ походъ для обозрѣнія пограничныхъ карауловъ. Тогда исчезла всякая надежда на дальнѣйшее изслѣдованіе, и чтобы ревизоръ не узналъ, что уже обмѣнялись подарками, Ледебуръ принужденъ былъ поспѣшно пуститься въ обратный путь. Китайцы еще не знали употребленія сахара къ чаю, также шоколатъ былъ имъ неизвѣстенъ. Въ обмѣнъ идутъ капканы различной величины, юрты, топоры и другіе желѣзные

снаряды. Бархатъ, тонкій холстъ, мѣдная монета, часы и огнестрѣльное оружіе составляютъ лучшія торговыя статьи, но вывозъ ихъ воспрещенъ съ русской стороны. Размѣнный товаръ Китайцевъ состоялъ только изъ кирпичнаго чая, курительнаго табаку, крученаго пестраго шелка всѣхъ цвѣтовъ, бѣлаго и синяго, дабы и другихъ мелочей. Этотъ пикетъ не смѣняется новымъ гарнизономъ, какъ-то обыкновенно бываетъ на другихъ караулахъ. Здѣсь стоятъ тѣ же самые солдаты, которые ежегодно съ своихъ зимнихъ квартиръ (въ Гобдо) снова возвращаются на этотъ лѣтній караулъ, чѣмъ ихъ положеніе хотя отчасти дѣлается сноснѣе, потому-что они сживаются здѣсь и могутъ вступать въ нѣкоторыя сношенія съ Русскими, и вымѣнивать все для себя необходимое. Но именно это знакомство противно началамъ китайскаго правительства. Также и начальники перемѣняются здѣсь только иногда; женщины не смѣютъ жить здѣсь, какъ и въ Маймачинѣ. Вѣроятно не трудно было бы, полагаетъ Ледебуръ, въ званіи ботаника, подъ защитою Чингисъ-Тэя, собирать травы на китайской почвѣ. Желательно, чтобы какой-нибудь отважный путешественникъ удачно совершилъ на этомъ пути важную дотолѣ небывалую поѣздку въ высокій, до сего времени оставшійся неизслѣдованнымъ Эктагъ-Алтай и въ пограничную область Гобдо и Улясу-тай отъ истоковъ Верхняго Иртыша до верховьевъ Енисея. Эта поѣздка, по назначенію своему для землезнанія, исторіи и науки вообще, не уступила бы недавно предпринятому путешествію отъ истоковъ Нила чрезъ Лунныя горы къ истокамъ самаго восточнаго Нигера, или Кворра и Чада.

10. Катунскіе Столбы, Холсунскій Алтай, Іийкту или Божья гора, или горы, дающія начало Катуни и Чуѣ, по изслѣдованіямъ Бунге.

Показанія (88) крестьянъ деревни Фыкалки о лежащей передъ ними на сѣверѣ высокой цѣпи Холсунскаго Алтая, снѣго-

(88) Ledebour Alt. R. T. II. p. 518—522.

выя вершины котораго Ледебуръ усматривалъ въ различныхъ мѣстахъ, ограничивались тѣмъ, что эта цѣпь горъ отстоитъ отъ нихъ на 11 или 12 г. м. (80 верстъ); тамъ-то говорили они, можно достигнуть вѣчныхъ снѣговыхъ горъ, въ которыхъ берутъ начало источники Катуни, текущей на сѣверъ въ Обь; весьма высокую гору, изъ которой выходятъ эти истоки, называли они Бѣлухой. Источники Береля, говорили они, берутъ начало оттуда же, и съ С.-З. текутъ на Ю.-В., на соединеніе съ Верхнею Бухтармою, текущей съ В.-Ю.-В.; обѣ вѣтви рѣки по ихъ удостовѣренію почти равной ширины. Но истокъ Верхней Бухтармы лежитъ въ Китайскомъ государствѣ, и тамъ называется Буруль. Китайцы же не пропускали никого на В. черезъ свою границу, а потому тамъ болѣе ничего неизвѣстно. О притокахъ Бухтармы, впадающихъ въ него справа, начиная отъ Бѣлой до Береля, Ледебуръ узналъ только слѣдующія имена и разстоянія: 1) Кауриха 30 верстъ выше; 2) Каменуха, 45 в.; 3) Черновая, 55 в., та самая, которая изливается противъ Чингисъ-Тея и есть, говорятъ, величайшая изъ всѣхъ. Слѣдующіе затѣмъ притоки до Береля не велики: 4) Таловка, 85 в.; 5) Березовка, 88 верстъ; 6) Фадиха, 108 верстъ; 7) Сохатушка, 113 в., и 8) Берель въ 123 верстахъ. Такимъ образомъ, Бухтарма протекаетъ вообще разстояніе около 100 г. м. (647 верстъ), изъ коихъ почти 74 г. м. (517 верстъ) совершенно находятся въ Китайскихъ владѣніяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, начертаніе теченія Бухтармы на русской генеральной картѣ и томской губернской картѣ совершенно ложно, и эта рѣка гораздо значительнѣе, нежели она тамъ показывается. Такому показанію, не взирая на всю его неопредѣленность, однакоже вполнѣ соотвѣтствуетъ подлинно — китайская спеціальная карта области Хо-пу-то, 1818-го года ([89]); въ сію карту дѣйствительно внесенъ южный рукавъ Бухтармы (Би-хи-

(89) Да-цынь-Вэй, отдѣленіе Ли-п'ань-юань, т. е. Дворъ для управленія чужеземцовъ, 27 книгъ, Хо-пу-то, Табл. II.

ту-ла-ну по картѣ) подъ именемъ Пу-лу-ерлъ, т. е. Бу-ру-ль (Буруллъ), и придается цѣлой рѣкѣ до Иртыша. Эта южная вѣтвь, по китайскому начертанію, течетъ съ сѣвернаго склона Ортая (т. е. Алтая) — наименованіе, принятое китайскими географами въ этой новѣйшей географіи — на западъ отъ того края, гдѣ кочуютъ 7 знаменъ Ортай-Улянъ-хай, или Алтай-Урянъ-хай, на западѣ отъ источника Наръ-го (?) и на сѣверѣ отъ праваго источника Верхняго Иртыша (см. Т. II. стр. 190). Такимъ образомъ можно было бы сдѣлать нѣсколько довольно важныхъ повѣрокъ европейскихъ описаній Китайской стороны Алтайской системы, если бы мы не такъ высокомѣрно мечтали о томъ, что одни обладаемъ истиннымъ познаніемъ, и болѣе обратились къ положительной сторонѣ китайскихъ свѣдѣній, особенно въ географіи, на сколько простираются собственныя наблюденія Китайцевъ.

Ледебуру не удалось открыть истоки Катуни и подняться на высокіе бѣлки Холсунскаго Алтая, въ которомъ также беретъ начало главный сѣверный рукавъ Бухтармы, Берель, коему Китайцы придаютъ русское наменованіе (Бу-хи-ту-ла-му по ихъ правописанію).

Чрезъ 2 года, въ половинѣ лѣта (іюнѣ 1829 г.) удалось совершить это открытіе неутомимо-отважному путешественнику и ботанику д-ру Бунге. Поучительное донесеніе его, заимствованное изъ одного письма его, сообщимъ мы здѣсь какъ соединительное звено къ познанію Алтайской системы съ южной и сѣверной стороны, потому-что поѣздка его началась переѣздомъ съ Ю. на С. черезъ Холсунъ, съ сѣверными склонами котораго насъ отчасти только познакомили всѣ бывшія до того извѣстія, оставившія насъ въ совершенномъ сомнѣніи о его южной сторонѣ. Этотъ пробѣлъ теперь по крайней мѣрѣ хотя временно выполненъ, пока астрономическія наблюденія не проникнутъ сюда и не положатъ конецъ неточности нашихъ научныхъ знаній касательно этихъ странъ; ибо можно сказать навѣрно, что недостаетъ еще весьма значительныхъ и обшир-

ныхъ географическихъ опредѣленій на нашихъ картахъ здѣшняго края.

Іюня 8-го 1829 года, д-ръ Бунге отправился изъ Фыкалки на С.-В., и поднимаясь постепенно ([90]), прибылъ на высокое, болотистое плоскогоріе, значительно растянутое съ Ю. на С. и представлявшее чудный видъ. Высокая равнина повидимому только что освободилась изъ-подъ снѣга и была покрыта прекраснымъ ковромъ альпійскихъ цвѣтовъ, генціанъ (G. altaica), фіялокъ (V. altaica), Pedicularis verticillata, кандыкъ (Erythronium dens canis), Callianthemum rutaefolium, и между ними одинокими лютиками (Ranunc. lasiocarpus). Эта равнина отовсюду была окружена крутыми горами, еще покрытыми снѣгомъ; на Ю.-В. лежало Маралье озеро, въ часъ ѣзды въ длину и полчаса въ ширину, черезъ которое протекаетъ Бѣлая, притокъ Бухтармы. На С.-В. выдавались исполинскіе столбы Катунскихъ бѣлкòвъ, восточное продолженіе ([91]) Россійскаго высокаго Алтая, простирающееся прямо на В. отъ Коксунскихъ бѣлкòвъ, черезъ Тургусунскіе и Холсунскіе бѣлки (*) (изъ коихъ на сѣверъ текутъ Коксунъ и Большая Уба). Они образуютъ высокій водораздѣлъ, съ южныхъ склоновъ котораго текутъ на югъ правые притоки Бухтармы. Катунскіе столбы возвышались, одѣтые своимъ неизмѣннымъ густымъ снѣговымъ покровомъ, и пламенѣли въ блескѣ заходившаго солнца. Видъ этотъ восхитилъ путешественника, потому-что съ этой стороны поднималась цѣль его путешествія. Іюня 9-го перешли черезъ снѣговой хребетъ (истинный водораздѣлъ), и потомъ вступили въ долину, которая съуживается и медленно поднимается съ З. на В. Она была усѣяна тѣми же самыми альпійскими растеніями; но особенный видъ представила взорамъ Бунге рѣка Катунь, значительная уже

(90) Д-ра Бунге, поѣздка отъ Зыряновскаго рудника къ источникамъ Катуни, въ письмѣ его см. Led. Alt. R. T. II. p. 518—522.

(91) Ledebour Alt. R. T. I. p. 270.

(*) На В. отъ Тургусунскихъ, но на С. отъ Холсунскихъ, параллельно съ сими послѣдними, отъ которыхъ они отдѣлены продольною долиною Верхней Катуни.

Пр. Пер.

здѣсь на этой альпійской высотѣ (то-есть при весеннемъ половодьѣ); черезъ нее можно переправиться только въ немногихъ мѣстахъ. Сѣрозеленыя, мутныя, густыя воды Катуни (подобныя водамъ глетчеровъ), многократно извиваясь, текутъ по долинѣ, которая въ позднѣйшее время года, вѣроятно, доставила бы ботанику обильную добычу, но теперь здѣсь не разцвѣтали даже ивы, изъ чего уже можно заключить о значительной высотѣ долины. Съ нѣкоторою опасностью переѣхали черезъ страшную рѣку, и направились по ея правому берегу вверхъ теченія, и вскорѣ оказалась большая перемѣна. Ложе рѣки становилось все каменистѣе, вода журчала съ бо̀льшимъ шумомъ, и при обычномъ своемъ цвѣтѣ, вся обращалась въ густую пѣну, а потому казалась еще страшнѣе прежняго. Здѣсь, два огромные горные потока низвергаются вмѣстѣ, сливаясь въ одну рѣку; надобно было переправиться чрезъ одинъ изъ нихъ, чтобы далѣе вверхъ по теченію идти по берегу праваго, бо̀льшаго потока. Но это было совершенно невозможно, ибо по необычайному напору рѣки и страшному шуму ея волнъ, не могли противостоять ни люди, ни лошади. А потому удовольствовались подъемомъ по правому берегу лѣваго притока, чрезъ который уже переправились. И этотъ притокъ, чѣмъ выше поднимались по скаламъ, все болѣе и болѣе устрашалъ путешественниковъ при высокомъ половодьѣ. Поднявшись выше отчасти пѣшкомъ черезъ большія снѣжныя глыбы, переѣхали верхомъ черезъ прозрачную воду рѣки. Преданіе о какомъ-то бѣломъ озерѣ, изъ коего будто бы проистекаетъ Катунь, оказалось неосновательнымъ. Дорога была чрезвычайно затруднительна до одной узкой долины, рѣдко освѣщаемой солнцемъ и почти совершенно засыпанной снѣгомъ, гдѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи показался первый ледникъ (глетчеръ), хотя только небольшой. Надъ головами путешественниковъ поднимались разнообразныя горныя вершины, состоявшія изъ обломковъ скалъ, съ коихъ низвергаются два водопада, образуемые водами глетчеровъ, а изъ мрачнаго горнаго ущелья справа вытекала такая же рѣка. На послѣднемъ подъемѣ уже невозможно

было проѣхать на лошадяхъ, да и дальнѣйшій путь для пѣшеходовъ былъ совершенно загражденъ страшными массами снѣга, утесовъ и крутыхъ осыпей. По всему вѣроятію, бѣлые, легко растирающіеся известко-сланцовые обломки скалъ придавали водѣ бѣлый цвѣтъ. Здѣсь встрѣчалось только одно растеніе Lycopodium alpinum. Высокихъ Катунскихъ Столбовъ не было видно, ибо ихъ закрывали отвѣсные утесы и осыпи, хотя эти столбы лежали непосредственно за ними. По всей вѣроятности, это есть вышеупомянутая гора *Бѣлуха* (наименованіе, котораго Бунге однакоже не приводитъ). Отсюда вытекаютъ 4 рѣки, катящія свои бѣлыя воды въ различныя стороны: 1) *Катунь* и 2) *Бусая* (притокъ первой, но обѣ направляются къ С.-З.); 3) *Берель* (или Берелъ), впадающій справа въ Бухтарму (направляясь къ Ю.-В.), и 4) *Бѣлая*, но невышеупомянутый, одноименный правый притокъ Бухтармы, протекающій черезъ Маралье озеро, но другая рѣка того же имени, впадающая на сѣверъ въ рѣку Аргутъ, и черезъ нее въ Катунь. И именно эта возвышенная Аргутская долина отдѣляетъ еще далѣе въ-глубь страны величественные снѣговые Столбы Катунскіе отъ горъ Чуйскихъ на востокѣ, о которыхъ Бунге, кажется, прежде полагалъ, что они находятся въ непосредственной связи между собою. Однакоже и тѣ и другія принадлежатъ къ одному, простирающемуся отъ В. къ З. водораздѣльному высокому хребту Россійскаго Алтая, который именно немного далѣе на востокѣ, при Чуѣ (правомъ притокѣ Катуни), у Калмыковъ называется *Аласъ-ту* (т. е. Лысая гора), или *Іайкъ-ту*, т. е. Божья гора. Эта послѣдняя издревле посвящена у нихъ богамъ, и на нее никто изъ нихъ не смѣетъ входить. Александръ Гумбольдтъ (92) справедливо называетъ ее наивозвышеннѣйшимъ пунктомъ Россійскаго Алтая. Но, по словамъ Токарева, до снѣговой линіи ея подняться довольно легко, чего нельзя сказать про Катунскіе Столбы. Судя по словамъ Бунге, послѣдніе повидимому лежатъ на сѣверъ отъ Ка-

---

(92) A. Humboldt üb. Inn. As. l. c. p. 10.

туни, которая такимъ образомъ, подобно Инду, въ хребтѣ величайшихъ высотъ Гималайскихъ, имѣетъ свой истокъ на югѣ высшихъ Катунскихъ вершинъ, а потому она въ теченіи своемъ должна была сперва пробиться сквозь самую цѣпь на сѣверъ. Точно въ такомъ же отношеніи находится и рѣка Чуя, источники которой по всему вѣроятію находятся въ одной и той же продольной долинѣ на югѣ отъ Божьей горы, прилежащей съ сѣвера (*); ибо Бунге узналъ, что по пройденной имъ дорогѣ безъ большаго затрудненія можно достигнуть отъ Катуни до Чуи, и потомъ спуститься по возвышенной Чуйской степи. Объ этой возвышенной Чуйской степи, о коей рѣчь будетъ далѣе, замѣтимъ здѣсь только, что по ней тянется Русско-Китайская граница. Послѣ трехъ дней пути по этому обширному плоскогорію на югъ, доходятъ до рѣкъ, текущихъ къ югу и вскорѣ послѣ того достигаютъ до китайскаго города Кемчика ([93]), гдѣ производится значительная торговля. Дорога туда, увѣряютъ, совершенно безопасна. Къ сожалѣнію, и это извѣстіе дошло до Ледебура слишкомъ поздно, иначе оно проложило бы ему путь къ Верхнему Енисею, китайской рѣкѣ Кемъ, въ которую съ З. впадаетъ Кемчикъ, протекающій по такому краю, который до сихъ поръ составляетъ еще невѣдомую страну (см. ниже Енисей). Между-тѣмъ, на сей разъ поѣздка Бунге не простерлась далѣе истока Катуни, откуда путешественникъ возвратился въ Фыкалку. Отъ этой деревни, вдоль Катуни, переходятъ черезъ горы въ 6 дней пути до Уймона; но по прямой дорогѣ въ три дня пути; дорога эта по всему вѣроятію проложена сначала первоначальными поселенцами. Говорятъ, что только въ какихъ-нибудь 6 г. м. (40 верстахъ) отъ Катунскихъ источниковъ, ле-

(*) Это несправедливо: Чуйская долина ограничиваетъ съ С. Чуйскій хребетъ и Божьи горы, а въ одинаковомъ отношеніи съ Верхней Катунью находится вѣроятно верхнее теченіе Аргута, ограничивающее Божью гору съ юга. Аргутъ на соединеніе съ Катунью пробивается поперегъ главнаго Алтая, отдѣляя Чуйскій хребетъ отъ Катунскаго. — *Пр. Пер.*

(93) Ledebour Altai R. T. II, p. 271.

*

жатъ горячіе ключи, называемые Фыкалкинскими теплыми ключами; но ихъ не посѣтилъ еще ни одинъ наблюдатель.

Примѣчаніе 1. Поселенія каменьщиковъ и ясачныхъ крестьянъ по верхней Бухтармѣ (1791—1826), на самой крайней Сибирско-китайской границѣ ([94]).

Эти восемь крестьянскихъ общинъ, обитающія въ верховьяхъ рѣки Бухтармы, составляютъ самое крайнее и позднѣйшее сибирское поселеніе около Китайской границы, и обязаны своимъ значеніемъ и своимъ благосостояніемъ только первой четверти настоящаго столѣтія. Онѣ извѣстны тамъ подъ именемъ каменныхъ (каменистыхъ) деревень: ихъ жители, говорятъ, живутъ „въ камняхъ" или „за камнями", откуда происходитъ и наименованіе каменьщиковъ, или ясачниковъ, потому-что на нихъ наложенъ былъ ясакъ. Они состояли въ вѣдомствѣ Бійскаго округа Томской губерніи, теперь же находятся въ вѣдѣніи Бухтарминской волости. Первоначально платили они свою дань мѣхами, впослѣдствіи деньгами. Поводъ къ ихъ происхожденію подали, въ шестидесятыхъ годахъ, нѣкоторые бѣглые раскольники, весьма многочисленные въ Сибири. Они бѣжали изъ Колыванскаго горнаго округа и поселились по верховью Ульбы на сѣверѣ отъ дикихъ Холсунскихъ горъ. Но когда одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и открылъ притоны своихъ трехъ прочихъ товарищей, то послѣдніе бѣжали еще далѣе въ самыя дикія скалистыя пустыни на В. отъ Бухтарминска, чрезъ высокія горы, въ дебри, которыя опустѣли со времени тогда еще недавняго уничтоженія джунгарской власти. Однакоже, оттуда они иногда приходили въ русскія деревни Алтайскаго горнаго округа, въ которыхъ жили ихъ единовѣрцы-раскольники (правильнѣе старовѣрцы), подкрѣплявшіе ихъ фанатическое пустосвятство. Многіе изъ этихъ де-

(94) Spassky l. c. Th. XV. p. 161—168; Hermann Üb. Bergbau im Altai и его Mineral. Reisen Th. I. p. 352; Sievers Sibir. Briefe IX. p. 105—108; Ledebour Reise im Altai Th. I. p. 288.

ревенскихъ жителей, равномѣрно отступились отъ своихъ общинъ и по примѣру первыхъ раскольничьихъ поселенцевъ, ушли въ скалистый Бухтарминскій край съ своими женами и дѣтьми. Это новое народонаселеніе на югѣ отъ Холсунскихъ горъ, построило себѣ хижины въ самыхъ дикихъ долинахъ Бухтармы (подлѣ самой Китайской границы) и ея сѣверныхъ притоковъ Язовой, Бѣлой и Черновой, подъ защитою скалистыхъ высотъ. Сначала они жили здѣсь совершенно мирно, занимались скотоводствомъ и земледѣліемъ, и за свои усилія въ послѣднемъ, были вознаграждены обильными жатвами, но вскорѣ и между ними появились буйныя головы.

Алтайское управленіе хотя и предпринимало нѣкоторыя мѣры противъ этихъ безпорядковъ, но чрезвычайно трудно было настигнуть виновниковъ въ ихъ отдаленныхъ дебряхъ. Они все болѣе и болѣе завлекали мародеровъ, бѣглыхъ изъ горнаго округа, и не только каторжники и преступники искали у нихъ убѣжища, но даже рудокопы и заводскіе работники, отчасти даже мастера, по какому-то странному фанатизму, мечтали обрѣсти тамъ лучшій міръ. Къ этимъ безпорядкамъ вскорѣ присоединились воровства, похищенія женъ, убійства, несогласія и преступленія разнаго рода, отчего первоначальное спокойствіе раскольниковъ въ этомъ убѣжищѣ превратилось въ безначаліе, сдѣлавшее вооруженныя дѣйствія неизбѣжными. По большей части каменьщики жили тогда разбоемъ, какъ браконьеры, появлялись во всей окрестности и, считаясь лучшими стрѣлками, устрашали все сосѣдство. Головы ихъ были оцѣнены, и гдѣ только они появлялись, ихъ тотчасъ разстрѣливали; однакоже дѣйствія русскихъ разъѣздныхъ командъ были вообще безъуспѣшны: ихъ партіи возвращались изъ скалистыхъ дебрей обыкновенно съ большимъ урономъ. Также безплодны были нападенія сосѣднихъ Китайцевъ, желавшихъ отомстить имъ за многократные набѣги на при-иртышскихъ Киргизовъ, которые, впрочемъ, гдѣ только могли, платили раскольникамъ тою же монетою.

Наконецъ такое положеніе сдѣлалось невыносимымъ для благона-

дежнѣйшихъ изъ старовѣровъ: они избрали въ начальники самыхъ способныхъ изъ среды своей, для наказанія преступниковъ. Но когда приступили къ первому суду и двое изъ убійцъ были приговорены къ смерти, на нихъ врасплохъ напалъ китайскій отрядъ пограничнаго начальника, за то, что одинъ изъ его Китайцевъ былъ убитъ каменьщикомъ. Въ сумятицѣ принуждены были освободить приговоренныхъ, и такимъ образомъ попытка къ установленію порядка не удалась. Послѣ того три года сряду былъ неурожай, нужда каменьщиковъ возрастала: они стремились къ своимъ прежнимъ мѣстопребываніямъ, но страшились ожидавшаго ихъ тамъ наказанія. Около 60 человѣкъ изъ нихъ соединились, чтобы вмѣстѣ съ своими семьями передаться Китайцамъ. Сначала они отправили впередъ шесть переговорщиковъ въ ближайшій китайскій пограничный пикетъ, лежавшій въ 5 геогр. миляхъ (35 верстахъ) отъ нынѣшней деревни Фыкалки, для узнанія намѣреній тамошнихъ пограничныхъ чиновниковъ (нойоновъ), но какъ эти переговорщики были задержаны, то прочіе, въ отчаяніи, сами рѣшились отправиться съ женами и дѣтьми къ нойонамъ пикета Чингисъ-Тея.

Едва прибыли они туда, какъ тотчасъ же отправлены были подъ конвоемъ вооруженныхъ всадниковъ, чрезъ горы и долы, въ городъ Гобдо, главное мѣстопребываніе тамошняго китайскаго пограничнаго управленія. Мѣсяцъ времени провели они въ дорогѣ: тамъ принялись ихъ допрашивать и заключили въ казарму, гдѣ ихъ впрочемъ хорошо кормили, но содержали подъ строгимъ надзоромъ. Наконецъ отъ пекинскаго Богдохана прибылъ указъ, по которому онъ не соглашался принять ихъ въ подданство, но приказалъ препроводить назадъ.

Изъ состраданія къ бѣднякамъ снабдили ихъ лошадьми, рисомъ, баранами и отвели ихъ изъ Гобдо-Хото по той же дорогѣ, по которой они прибыли. Съ какою радостію возвратились эти люди домой: смертныя казни устрашили ихъ, потому-что въ Гобдо не только воръ былъ жестоко наказываемъ, но и обкраденный, за свою оплошность, также подвергался взысканію.

По возвращеніи въ свои „каменныя“ деревни они хотя и получили защиту отъ китайскихъ пограничныхъ чиновниковъ противъ киргизскихъ набѣговъ, но положеніе ихъ относительно русскихъ разъѣздовъ, которые были высылаемы для поимки и наказыванія преступниковъ, приводило ихъ безпрестанно въ страхъ и трепетъ. Нечистая совѣсть, постоянно возрастающая нужда и надежда на прощеніе привели ихъ наконецъ къ раскаянію, когда число ихъ уменьшилось уже до 300. Они прибѣгли къ великодушію Императрицы Екатерины II, умоляли ее о помилованіи, и рѣшились покориться, испрашивая позволенія остаться горными жителями. Челобитчикомъ ихъ былъ Буйковъ, драгунскій дезертеръ, котораго они уже и прежде провозгласили своимъ главою. Когда былъ открытъ Зыряновскій рудникъ, въ 1791 году, и русскіе пикеты еще ближе подвинулись къ каменьщикамъ, то Буйковъ рѣшился явиться туда: благоразумное и человѣколюбивое обращеніе горныхъ чиновниковъ побудило и другихъ каменьщиковъ явиться туда же. Чиновники довели это до свѣдѣнія Императрицы и Екатерина рескриптомъ своимъ отъ 15 сентября 1791 г. увѣрила ихъ въ своей милости—принявъ въ подданство, подъ именемъ ясачниковъ: умѣренный ясакъ могли они выплачивать также и деньгами. Тогда водворились между ними порядокъ и согласіе: они покинули свои страшныя ущелія, наполненныя преступленіями, и имъ назначены были болѣе удобныя мѣста, гдѣ они могли заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ. Такъ возникли ихъ деревни, которыхъ въ 1809 году считалось 5 собственно въ Бухтарминской долинѣ, а 4 въ сторонѣ отъ р. Бухтармы (Ледебуръ считаетъ только 8); но съ того времени число ихъ еще увеличилось. Первыя вверхъ по долинѣ съ З. на В., называется Осочиха, Буйкова, Сѣнная, Коровишенская (Коровиха), Верхъ-Бухтарминская: послѣднія на высотахъ по южному берегу Бухтармы называются: Мало-Нарымская (Мало-Нарымскъ), а надъ сѣвернымъ берегомъ Язовая, Бѣлая и Фыкалка. Почти въ каждой деревнѣ есть молельня, но ни въ одной нѣтъ церкви: всѣ жители принадлежатъ къ сектѣ староверовъ или по тамошнему

раскольниковъ, которые для отправленія богослуженія избираютъ изъ среды своей грамотныхъ старцевъ. Только для совершенія бракосочетанія ѣздятъ они въ церковь, находящуюся въ Бухтарминской крѣпости. Новобрачныхъ встрѣчаютъ потомъ ружейными выстрѣлами, и сверхъ покрывала невѣста при этомъ случаѣ надѣваетъ на голову мужскую шапку.

Во всемъ остальномъ ихъ обычаи совершенно сходны съ русскими. Но слѣды прежняго образа жизни, который принуждалъ ихъ къ постоянной войнѣ, безпрерывнымъ стычкамъ, и теперь еще поддерживаемые охотою и совершеннымъ отчужденіемъ отъ другихъ людей, проявляются извѣстною грубостью въ обращеніи, одичалостью, но также смѣлостью и ловкостью. Они привыкли къ верховой ѣздѣ, и по причинѣ множества окружающихъ ихъ хищныхъ звѣрей, всегда ходятъ вооруженные винтовками. Земледѣліе, скотоводство, охота, а также и мѣновая торговля съ Китайцами и Киргизами составляютъ главные ихъ промыслы. Товары, получаемые ими отъ Китайцевъ, суть большею частію предметы, выдаваемые послѣднимъ вмѣсто жалованья, а именно: нанка, шелкъ, фарфоровая посуда, кирпичный чай, изрѣдка и болѣе тонкія шелковыя матеріи. Отъ Киргизовъ получаютъ они рогатый скотъ, лошадей, сѣдла и уздечки; войлокъ, камлоты, хлопчато-бумажныя матеріи, извѣстныя дабу и бязь (см. Т. II. ст. 106)—все это они охотно промѣниваютъ русскимъ торговцамъ на юфть и сапожный товаръ, желѣзныя западни, топоры, ножи и другія орудія, на соль и муку. Спасскій полагаетъ, что эти горные жители превосходятъ многихъ Альпійцевъ въ гостепріимствѣ и простотѣ нравовъ, а Ледебуръ свидѣтельствуетъ, что настоящее поколѣніе осуждаетъ разбойническую жизнь своихъ предковъ и сознаетъ, что своимъ настоящимъ благосостояніемъ они обязаны милости Россійскихъ Монарховъ.

11. Прорывъ Иртыша черезъ Алтай отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска и выходъ его изъ горной страны.

Мы ознакомились выше съ судоходною дистанціею отъ

Верхней Пристани или устья Бухтармы до Усть-Каменогорска, составляющею 11 до 12 г. м. (120 — 130 вер.): нагруженныя барки проходятъ это разстояніе въ одинъ день. На подъемъ вверхъ теченія нужно для большихъ барокъ отъ 8 до 9 дней, а для меньшихъ лодокъ отъ 3 до 5 дней. Прибрежныя горы (95) поднимаются отъ Бухтарминска къ С.-З. и достигаютъ между Александровскимъ и Феклистовскимъ форпостами наибольшей высоты. Потомъ эта цѣпь опять понижается и не доходя до Усть-Каменогорска. оканчивается горою, не слишкомъ высокою, извѣстною подъ именемъ *Пригонной сопки*. Она состоитъ (96) изъ глинистаго сланца. грюнштейна и гранита, перемежающихся между собою: кромѣ грюнштейна. котораго здѣсь всего болѣе, попадается еще слоистый известнякъ. сѣробѣлаго цвѣта. и кварцовыя жилы. Слои сланца имѣютъ паденіе къ С.-С.-В. и С.-В.: только крѣпкій и богатый кварцомъ грюнштейнъ уклоняется отъ этого направленія. При выходѣ Иртыша изъ узкой долины у Усть-Каменогорска. слюдяной сланецъ падаетъ къ С.-С.-В. и на южной сторонѣ Иртыша очень изогнутыми слоями соприкасается съ гранитомъ и гнейсомъ: на Пригонной же сопкѣ слюдяной сланецъ переходитъ въ глинистый. Эти высоты, лежащія у пристани. по измѣренію Ледебура возвышаются на 650 ф. надъ уровнемъ Иртыша или на 1,882 п. ф. надъ ур. м.. поэтому высота Усть-Каменогорска составляетъ 1.232 ф. надъ ур. м. Горы по большей части состоятъ изъ глинистаго сланца: кое-гдѣ попадается и гранитъ. Покатости на правомъ берегу Иртыша по большей части круты, часто совершенно отвѣсны и обнажены, а на лѣвомъ онѣ слабо покрыты растительностью. Мѣстами встрѣчаются небольшіе водопады; мѣстами рѣка съ шумомъ ударяется объ утесы, въ особенности тамъ, гдѣ она перемѣняетъ свое направленіе. Судоходство только на нѣкоторыхъ мѣстахъ опасно. какъ напр. у 7 скалъ, на-

(95) C. A. Meyer l. c. T. II. p. 319; Ledebour Altai R. T. I. p. 103.
(96) M. v. Engelhardt въ Ledebour Alt. R. T. I. Anh. p. 415.

званныхъ Семью братьями. Суда, ударяясь о нихъ, неизбѣжно погибаютъ. Впрочемъ вообще плаваніе незатруднительно и не такъ опасно, какъ кажется съ перваго раза: несчастія случаются рѣдко. По быстротѣ теченія суда тянутъ вверхъ по рѣкѣ бичевой, съ помощью лошадей. Лодки, для плаванія по Иртышу (97), обыкновенно строятся въ Зыряновкѣ или на Бухтармѣ, гдѣ тополи достигаютъ чрезвычайной толщины. Онѣ дѣлаются изъ одного только ствола, который выдалбливаютъ и вытягиваютъ, пока онъ еще сыръ, до того, пока въ немъ могутъ помѣститься 2 человѣка рядомъ. Въ такую лодку садятся обыкновенно шестеро: одинъ кормчій и 5 человѣкъ гребцовъ.—Въ плаваніи своемъ они держатся какъ можно ближе къ берегамъ, покрытымъ богатою растительностью, исключая мѣстъ, гдѣ тому не препятствуютъ утесы и солончаки.

Сухопутная дорога (98), на правомъ берегу Иртыша тянется по ближайшимъ вершинамъ горъ постоянно въ разстояніи 1 или 2 г. м. отъ рѣчнаго берега. До первой станціи Березовской (15 верстъ) встрѣчаются по ней гранитные проходы, которые формою своихъ утесовъ напоминаютъ скалы у Колыванскаго озера (подобно Шнархернъ при Ширкѣ у Брокена въ Германіи). Березовскій форпостъ состоитъ только изъ 28 жилыхъ домовъ, въ которыхъ считается не болѣе 200 жителей: онъ лежитъ на разстояніи 2 г. м. (10 верстъ) отъ Александровскаго редута. Дорога туда не затруднительна, растительность весьма однообразна, горная цѣпь къ Иртышу здѣсь разорвана и наполнена источниками и ручьями: почва весьма удобна для хлѣбопашества и благопріятствуетъ пчеловодству. По большей части здѣсь растутъ ивы и тополи, но попадаются калина (Viburnum opulus) и черемуха (Prun. padus). Внутрь страны тянутся высокія горы (99), на которыхъ пихты (Pinus pichta) образуютъ

(97) Ledebour l. c. T. I. p. 283.

(98) Meyer l. c. T. II. p. 191—202; Spassky l. c. p. 141; Sievers Sibir. Br. IX. p. 91.

(99) Meyer l. c. II. p. 304.

красивые лѣса; кромѣ того встрѣчаются: сосны (Pinus silvestris), березы (Betula alba), осины (Popul. tremula); обыкновенная сосна растетъ слабѣе и въ меньшемъ количествѣ. Страну мѣстами можно назвать живописною: но здѣсь другая невыгода: люди въ лѣтнее время ужасно страдаютъ отъ мошекъ. На станціи считается только 16 домовъ, но хлѣбопашество однако довольно значительно: здѣсь произрастаетъ озимая и яровая пшеница, яровая рожь, польская пшеница (Triticum polonicum), ячмень и овесъ. Значительную выгоду доставляетъ также воздѣлываніе льна. Отсюда начинаются многіе горные овраги съ большими и малыми ручьями, воды которыхъ изливаются въ Иртышъ. — Дорога черезъ Пихтовое сѣдло достигаетъ Сѣвернаго редута, на р. Смолянкѣ. Редутъ этотъ лежитъ на плоскогоріи, прерываемомъ только небольшими холмами: въ немъ считается около 30 жилыхъ домовъ. Съ этихъ высотъ видны нѣсколько на сѣверѣ самыя выдающіяся вершины сосѣднихъ Ульбинскихъ бѣлковъ, на Ю.-В. вся цѣпь горъ Нарымскихъ, на Ю.-З. въ далекой степи Монастырская сопка. Поднимаясь отсюда чрезъ значительные холмы, къ высокой долинѣ, дорога проводитъ въ Феклистовскій редутъ (окруженный высокими горами, въ странѣ холодной), состоящій изъ 21 дома. Пчеловодство здѣсь скудно, но земледѣліе идетъ успѣшно: весна настаетъ позже, нежели въ пріятной Ульбинской долинѣ, черезъ которую усть-каменогорская дорога проходитъ нѣсколько далѣе. Но прежде должно перейти вершину Осиновой сопки и переправиться около 30 разъ черезъ небольшую, но быструю рѣчку Проходную, весьма живописно извивающуюся въ узкой скалистой долинѣ. — Долина рѣки Ульбы, въ которой лежитъ небольшой редутъ Ульбинскій, отличается превосходными лугами, простирающимися внизъ по горной долинѣ, прорѣзанной верхнимъ теченіемъ рѣки. Но чтобы добраться до Усть-Каменогорска, нужно еще цѣлый день переходить черезъ множество крутыхъ и затруднительныхъ горныхъ хребтовъ западной Ульбинской степи. Всѣ они, начиная отъ хребта Феклистовскаго, сходны въ

томъ, что скаты ихъ къ востоку слишкомъ круты и обрывисты, а къ западу отлоги. —Съ ихъ вершинъ довольно ясно можно видѣть Монастырскую сопку, не смотря на то, что она лежитъ отъ Усть-Каменогорска къ югу на разстояніи отъ 11 до 12 г. м.

Ближайшія окрестности Усть-Каменогорска весьма плоски; только на часъ пути къ востоку отъ города, лежитъ Пригонная сопка; за нею поднимаются сопки Ульбинскія, выше первой. Рѣка Иртышъ затопляетъ весною эту большую равнину до самаго города, оставляя на ближайшихъ плоскостяхъ свои огромныя льдины. Такимъ же образомъ рѣка Ульба, изливающаяся въ Иртышъ, къ сѣверу отъ города, своими сильными разливами сноситъ весною мосты и плотины. — Иртышъ, до сихъ поръ стѣсненный съ обѣихъ сторонъ между скалистыми берегами, выступаетъ изъ горъ, какъ изъ воротъ: отсюда названіе города. Теченіе Иртыша все такъ же быстро до этого мѣста (100); утверждаютъ, что вода его на поверхности не замерзаетъ, но что отдѣльныя льдины образуются на днѣ рѣки, поднимаются на поверхность и, взгромоздясь однѣ на другія, образуютъ ледяную плоскость, которая ежегодно покрываетъ рѣку. На рѣкѣ находится нѣсколько плоскихъ острововъ; на восточномъ ея берегу выше города на пристани производится выгрузка зыряновской руды; здѣсь построены магазины и дома. На лѣвомъ берегу разстилается необозримая степь, но не въ видѣ плоской равнины, а холмистой страны, ограниченной вдали рядами значительныхъ возвышеній. На этой же сторонѣ, немного пониже города, находится базаръ, или мѣсто для мѣноваго торга каравановъ. Сюда переселились Ташкентцы и татарскіе купцы, кочующіе Киргизы ставятъ здѣсь же свои войлочныя юрты. Рѣка на этомъ мѣстѣ имѣетъ не болѣе $^1/_4$ версты ширины.

Крѣпость Усть-Каменогорскъ построена на небольшой возвышенности, подъ которою въ небольшомъ разстояніи съ С.

---

(100) Ledebour Altai R, T. I. p. 97.

рѣка Ульба впадаетъ въ Иртышъ. Крѣпость эта довольно велика, но некрасива, дома въ ней по большей части деревянные, изъ нихъ только немногіе повыше и почище обыкновенныхъ избъ. Церковь есть единственное каменное зданіе. Со временъ Мюллера и Гмелина, городъ, служившій имъ, цѣлый вѣкъ назадъ, крайнимъ предѣломъ путешествія въ ученой экспедиціи на Иртышѣ, въ 1733 году ([101]) кажется не слишкомъ улучшился. Недалеко отъ Усть-Каменогорска, государственный исторіографъ Мюллеръ въ то время нашелъ въ землѣ нѣсколько скелетовъ, вѣроятно древней Чуди. Черепа этихъ скелетовъ были обращены къ востоку; они лежали между рѣчными голышами и заржавѣвшими кусками желѣза. Въ одной верстѣ отъ самой крѣпости къ В. построенъ собственно городъ и Казацкая слобода, а немного подалѣе военный лазаретъ. Число жителей не заслуживаетъ особеннаго вниманія: оно въ 1826 году не превышало 2,000, изъ которыхъ мужескаго пола было вдвое болѣе противъ женскаго пола; удивительно также разнообразіе ихъ состояній. Купцовъ было 3, мѣщанъ 37, отставныхъ солдатъ 27, а отставныхъ казаковъ 10; изъ служащихъ же: казаковъ 109, солдатъ 847 и офицеровъ 63; духовныхъ 15, Магометанъ 42. Только съ недавняго времени Усть-Каменогорскъ сдѣлался окружнымъ городомъ: округъ его граничитъ къ В. съ Нарымскими горами, къ сѣверу съ Горнымъ округомъ, къ югу съ Иртышемъ, отдѣляющимъ его отъ степи, а къ западу съ рѣкою Шульбою (правый притокъ Иртыша), гдѣ Шульбинскимъ форпостомъ начинается округъ Семипалатинскій. Что̀ каса́ется до жителей, то они богаты и гостепріимны, но китайская торговля здѣсь менѣе значительна чѣмъ въ Семипалатинскѣ; она производится посредствомъ киргизскихъ племенъ, кочующихъ на лѣвомъ берегу Иртыша и состоящихъ въ подданствѣ Россіи. Они же способствуютъ и сбыту товаровъ въ Ташкентъ, а именно: лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота, овецъ,

(101) Gmelin Reise n. Sibirien T. I. p. 238—241.

и тѣхъ дешевыхъ европейскихъ мелочныхъ товаровъ, къ которымъ жители этой страны мало по малу привыкли. Ближайшіе холмы у южнаго плоскаго берега Иртыша, значительно изгибающагося въ этомъ мѣстѣ, находятся въ разстояніи одной г. м. къ Ю.-З. отъ крѣпости; они лежатъ на 400 ф. (102) выше поверхности водъ рѣки и служатъ кочующимъ Киргизамъ пастбищами ихъ табуновъ. Во время путешествія Ледебура, одинъ ташкентскій купецъ, жившій въ городѣ, имѣлъ табунъ въ 505 лошадей; пастухами его были Киргизы, ѣздившіе верхомъ на быкахъ и сверхъ того имѣвшіе у себя двугорбыхъ верблюдовъ. Окрестная степь не есть настоящая равнина, но пересѣкается возвышающимися одинъ за другимъ рядами холмовъ. Ледебуръ замѣтилъ три такихъ ряда, простирающихся отъ В. къ З. Первый изъ нихъ весьма близокъ, второй видѣнъ еще простыми глазами, а третій только въ зрительную трубу. Всѣ они носятъ степной характеръ, т. е., безлѣсны, но усѣяны кустарниками. За третьимъ рядомъ на востокѣ, видны были вдали покинутыя Иртышомъ довольно высокія вершины, покрытыя снѣгомъ. Безъименный степной ручей течетъ здѣсь съ лѣвой стороны въ Иртышъ. На плоскихъ островахъ рѣки растутъ ивы; флора обоихъ береговъ рѣки почти одинакова, хотя и на южномъ берегу, ближайшемъ къ степи, она развилась богаче нежели на правомъ. Здѣсь также переправляются черезъ рѣку не иначе, какъ въ длинныхъ, но узкихъ лодкахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльныхъ тополей. Два гребца, по большей части казаки, искусно умѣютъ управлять ими при переѣздахъ черезъ широкую, быструю рѣку, а лошадей пускаютъ вплавь. Во время путешествія Гмелина (1733 г.) (103), эта мирная нынѣ страна была еще подвержена нападеніямъ Киргизъ-Кайсаковъ. Чтобы отнять у стадъ ихъ пастбища, безпрестанно жгли степи. Въ то время, эта страна изобиловала оленями (маралями), дикими козами, сайгами

(102) Ledebour Alt. R. T. I. p. 100.
(103) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 240.

(степными баранами), лосями (сохатыми), кабанами и др. животными, о которыхъ теперь нѣтъ и рѣчи.

12. Теченіе Иртыша отъ Усть-Каменогорска до Семипалатинска, сопровождающее Алтайскую систему съ южной стороны, на границѣ между горною и степною страною къ низменности съ правыми притоками Ульбою и Убою.

Отъ Усть-Каменогорска до Семипалатинска Иртышъ течетъ (104) спокойнѣе, съ частыми и значительными изгибами и образуетъ множество острововъ съ отличными сѣнокосами. (По свидѣтельству Гумбольдта, Семипалатинскъ лежитъ на 1,040 п. ф. или на 180 т. выше ур. м., слѣдовательно 190 ф. ниже Усть-Каменогорска, если вѣрить только приблизительнымъ барометрическимъ наблюденіямъ Ледебура, не подтвержденнымъ еще соотвѣтствующими наблюденіями). Рѣка по большой части глубока, но при низкой водѣ имѣетъ нѣсколько отмелей, затрудняющихъ по ней судоходство; медленно текущія воды не изобилуютъ рыбою; по берегамъ растутъ березы, ивы и тополи. Степные притоки лѣвой стороны въ этомъ мѣстѣ мелководны; только между правыми притоками есть довольно глубокіе, что впрочемъ относится исключительно къ двумъ изъ нихъ, именно: Ульбѣ и Убѣ. Эти рѣки берутъ начало свое на заднихъ или сѣверныхъ склонахъ снѣжныхъ береговыхъ цѣпей, именно на собственно Бѣлкàхъ или на снѣговыхъ вершинахъ Алтая, и должны пробиться черезъ горы для впаденія въ Иртышъ. Изъ нихъ Уба значительнѣе и сѣвернѣе Ульбы. Всѣ другіе притоки могутъ быть названы только второстепенными рѣками передоваго или южнаго склона тѣхъ же береговыхъ цѣпей. Онѣ по временамъ быстры, протекаютъ по дикимъ, но короткимъ ущельямъ, и по недостатку мостовъ весьма препятствуютъ со-

(104) Meyer въ Ledeb. R. T. II. p. 343 и T. I. p. 105.

общеніямъ. Въ отношеніи къ обогащенію водою самаго Иртыша онѣ весьма незначительны.

Сухопутная дорога, по сѣверному берегу Иртыша, сначала идетъ чрезъ горную страну крайняго юго-западнаго склона Алтая, а потомъ прямо выводитъ на обширную степную равнину, лежащую на 1,000 ф. надъ ур. м. При входѣ въ эту степь построенъ Семипалатинскъ. Въ обширной системѣ Иртыша, пространство это по всей справедливости можно назвать посредствующимъ переходомъ отъ гористой страны къ степному плоскогорію, или отъ верхней ступени къ средней. Вообще, здѣсь-то и склоняется рельефъ сѣверо-западной Азіи къ обширной Азіятской низменности.

Рѣка Ульба ([105]) беретъ свое начало въ русскомъ Алтаѣ между сѣверною стороною Ульбинскихъ и западною Тургусунскихъ снѣжныхъ бѣлковъ. Съ сѣверо-запада, тамъ гдѣ лежитъ Риддерскъ, лучше всего можно было проникнуть въ эти горы, но до сихъ поръ это никому еще не удалось: ни нашему ботанику, ни туземнымъ горнымъ офицерамъ. Рѣка образуется изъ многихъ снѣжныхъ потоковъ. Самые большіе изъ нихъ сѣверный—Тихая и южный—Грамматуха; послѣдній въ особенности отличается быстротою теченія; оба они принимаютъ названіе Ульбы не ранѣе соединенія своего на западѣ. Грамматуха, низвергается съ шумомъ съ высотъ Ульбинскихъ бѣлковъ въ направленіи къ сѣверо-востоку; въ глубокомъ, скалистомъ руслѣ, достигаетъ она широкой долины, посреди которой находится Риддерскій рудникъ на рѣчкѣ Быструхѣ. Эта рѣчка течетъ между обѣими упомянутыми, параллельно съ ними. Она не такъ разрушительна какъ Грамматуха; на берегахъ ея показываются ровные луга, ели и березы. Долина ея болѣе чѣмъ вдвое выше поверхности Иртыша, т. е. лежитъ на 2,528 футовъ выше ур. м., по измѣренію Ледебура.

Здѣшній богатый серебряный рудникъ открытъ не ранѣе какъ

(105) Ledebour Altai R. T. I. p. 64—76, 90, 109, 275.

полвѣка назадъ (см. Т. II. ст. 299). Названіе свое онъ получилъ отъ имени горнаго чиновника Риддера. Рудникъ лежитъ въ глубокой долинѣ, но значительныя высоты горъ, его окружающія, до того понижаютъ температуру мѣстности, что еще въ началѣ мая мѣсяца здѣсь иногда выпадаетъ на цѣлый футъ снѣга ([106]). Обитатели этихъ странъ занимаются земледѣліемъ, но хлѣбъ здѣсь созрѣваетъ гораздо позже нежели внѣ горъ; садоводство незначительно, только капуста, картофель, лукъ, огурцы и тыква достигаютъ полной зрѣлости; пчеловодство же производится успѣшно. Такъ какъ здѣшніе рудники довольно глубоки, то ихъ температура, не смотря на значительную суровость здѣшней зимы, въ продолженіе года умѣренна и пріятна (10-12° Р.), между-тѣмъ какъ работники въ рудникахъ Нерчинскихъ много страдаютъ отъ холода, потому-что сіи послѣдніе лежатъ вообще довольно высоко. За то рудники Риддерскіе имѣютъ ту невыгоду, что воды, текущія съ высотъ, скопляются въ нихъ и много затрудняютъ работу. Впрочемъ вода, орошающая долину, способствуетъ растительности, воздухъ въ этой странѣ здоровъ, и повальныя болѣзни Сибирскихъ степей, похищающія людей и животныхъ въ степяхъ Киргизскихъ, не проникаютъ въ эту долину, защищенную цѣпью бѣлко́въ, не смотря на близость ея. Населеніе Риддерска состоитъ изъ горныхъ работниковъ, и находится въ зависимости отъ Управленія Змѣиногорскаго края, но по строгости заведеннаго порядка и надзора за ними онъ походитъ на мѣсто ссылки. По временамъ приходятъ сюда Калмыки съ восточныхъ снѣговыхъ Альповъ и рѣки Катуни, для обмѣна своихъ товаровъ, состоящихъ изъ сырыхъ шкуръ, шерсти и произведеній ихъ охоты или скотоводства; на нихъ они вымѣниваютъ различныя мелочи, въ которыхъ нуждаются какъ обитатели дикихъ странъ, или къ которымъ уже пристрастились. Не далѣе версты отъ Риддерскаго рудника на Ю.-В. находится Крюковскій серебряный рудникъ (гора 2,580 фут.

(106) Ledebour id. T. I. p. 76—88, p. 112—130.

выше ур. м.; входъ въ рудникъ 2,342′). Онъ былъ открытъ Крюковымъ, не ранѣе 1811 года, и теперь принадлежитъ къ богатѣйшимъ рудникамъ Алтайскаго горнаго округа, ибо съ тѣхъ поръ сдѣланы были въ немъ открытія важнѣе первыхъ. Потому вся горная страна въ верховьяхъ Ульбы, по природѣ своей и администраціи во многихъ отношеніяхъ ближе подходитъ къ сѣвернымъ Алтайскимъ руднымъ горамъ чѣмъ къ Иртышскимъ степямъ, отъ обитателей которыхъ жители верховьевъ Ульбы не переняли ни промысловъ, ни образа жизни. Высочайшія изъ горъ, поднимающихся почти отвѣсно надъ рудникомъ, заходятъ за предѣлы лѣсной растительности, но и прочія въ настоящее время уже сдѣлались отчасти безлѣсными. Ледебуръ имѣлъ случай всходить на гору Чесноковку, лежащую на востокѣ, въ 10 верст. отъ рудника, между рѣками Быструхою и Филиповкою. Вышиною она не превосходитъ германскій Брокенъ и съ С.-З. стороны на нее можно подняться верхомъ отъ подошвы до самой вершины. Вершина эта расширяется въ видѣ площади, возвышающейся надъ моремъ почти на 3,615 футовъ. По причинѣ дующихъ здѣсь суровыхъ вѣтровъ, растетъ въ сосѣдствѣ этой возвышенности только нѣсколько лиственницъ и немного кривыхъ березъ. Къ сѣверу отъ Риддерска, между двумя горными рѣками, Большою и Малою Таловкою, возвышается Таловская сопка, которая по Ледебуру на 5,065 футовъ выше уровня моря. Обѣ рѣки берутъ свое начало на юговосточномъ склонѣ и текутъ въ Филиповку. Истокъ Малой Таловки лежитъ на высотѣ 3,751 ф., и 26 мая 1826 года, при температурѣ воздуха $+21^{0}5'$ Р. въ тѣни, вода его имѣла температуру $+4^{0}$ Р. Прямо надъ нимъ находится негустая роща изъ березъ и осинъ. Вершина горы состоитъ изъ растрескавшагося грюнштейна; скалистый гребень тянется съ В. на З., другой, подобный же, параллельно съ нимъ, но сѣвернѣе перваго и нѣсколько ниже; на промежуточной равнинѣ, почти незамѣтно склоняющейся къ С., расло нѣсколько травъ (Dracocephalum altaiense, Gentiana angulosa, Doronicum altaicum), а так-

же одинокія лиственницы; сѣверный же склонъ по ту сторону гребня, гдѣ еще долго держится снѣгъ, поросъ густымъ лѣсомъ сибирскихъ сосенъ (Pinus sibirica) и нѣсколькихъ березъ. Съ восточнаго склона собираются съ болотистой нагорной поверхности, воды Большой Таловки, не имѣющей другаго источника. Природа этихъ горъ вообще такова, что нижняя часть ихъ скалиста и, пока онѣ поднимаются круто, суха; но какъ скоро верхняя часть, при стремленіи къ образованію плоскогорій на вершинахъ, дѣлается положе, то образуется множество пологихъ углубленій, наполненныхъ снѣгомъ и болотами. Такія углубленія продолжаются внизъ природными жолобами и соединяются скоро въ углубленныя русла, по которымъ стремятся шумные и пѣнистые ручьи между каменными стѣнами. Вотъ какимъ способомъ образуется большая часть горныхъ рѣкъ, въ верхнихъ горныхъ полосахъ, и только немногія изъ нихъ имѣютъ собственные источники, а потому Ледебуръ, находя ихъ только въ маломъ количествѣ, не былъ въ состояніи сдѣлать много наблюденій надъ температурою ключей.

Гораздо выше поднимается на Ю.-В. отъ Риддерска ближайшая вершина Ульбинскихъ Бѣлковъ, подъ названіемъ *Крестовой горы*, на 6,631 футъ выше уровня моря; она считается высочайшею въ окрестности, но вѣроятно потому, что она ближе другихъ. Отъ Риддерска за переправою чрезъ Большую и Малую Быструху, разстилаются роскошные луга; на южной сторонѣ ихъ беретъ свое начало рѣка Грамматуха. На Крестовую гору удобнѣе всходить съ юго-западной стороны. Это и было совершено весною, 23 мая 1826 года. Результатъ наблюденій надъ предѣлами растительности былъ слѣдующій: надъ подошвою этой горы, на ея безлѣсныхъ, обнаженныхъ пригоркахъ, гдѣ по крутымъ скатамъ произрастаютъ европейскія весеннія травы и лиственница; здѣсь же встрѣчаются отдѣльные стволы березъ, Pinus sibirica и cembra, таволга (Spir. hypericifolia, chamaedrifol., laevigata; послѣдняя повыше), ирга (Mespilus cotoneaster) и алтайскіе шиповники, стелющійся сибирскій барбарисъ (Berberis sibirica), не превосходящій высо-

*

тою болѣе 1 фута и чрезвычайно вѣтвистый. Въ тѣнистыхъ лѣсахъ на сѣверѣ земля покрыта густыми массами Saxifraga sibirica и crassifolia. Вмѣстѣ съ Mespil. uniflora и Spiraea laevigata, встрѣчающихся только въ высшихъ полосахъ, восходятъ можжевельники (Juniperus sabina и nana) почти до самыхъ высшихъ горныхъ вершинъ. Въ тѣни верхнихъ лѣсовъ встрѣчались уже въ цвѣту Dracoceph. altaiense и Viola altaica желтаго и фіолетоваго цвѣта, подобно тому, какъ надъ долиною Шамуни Viola alpina), потомъ Cochlearia integrifolia, Pedicularis rubicunda, Potentilla nivea; Gentiana angulosa только на обнаженныхъ мѣстахъ. Голубика (Vaccin. myrtillus) находилась почти вездѣ, но только безъ листьевъ.

На высотѣ 4,536-хъ футовъ, березы исчезаютъ, граница лѣсовъ лежитъ надъ предѣломъ березъ на 1,000 футовъ, именно на 5,500 ф. надъ ур. м. Выше встрѣчались отдѣльные сибирскіе кедры (Pinus cembra), съ наклоненными и по землѣ распущенными сучьями, а также можжевельникъ обѣихъ породъ. Кое-гдѣ стояли уединенныя лиственницы, порядочно выросшія, но совсѣмъ засохшія, отъ 9 до 12 ф. высоты. Послѣдняя лиственница найдена была на высотѣ 6,187 ф. надъ ур. м. За предѣломъ лѣсной растительности простиралась полоса скудной альпійской флоры. Здѣсь цвѣли: Thermopsis alpina, Érigeron alpinus, красивая вѣтренница (Anemone narcissiflora), Ranunculus frigidus, но встрѣчающійся ниже Doronicum altaicum на этой высотѣ еще не совсѣмъ разцвѣлъ. На безлѣсныхъ скатахъ до подошвы высшаго конуса, вездѣ встрѣчались (т. е. съ 6,000 ф. выше уров. м.) слѣдующія растенія: Corydalis bracteata, Anemone altaica, A. patens, Erythronium dens canis, Trollius asiaticus. Въ лѣсу лежало еще во многихъ мѣстахъ снѣгу на цѣлый футъ. Верхній конусъ еще совершенно былъ покрытъ снѣгомъ; до его подошвы, гдѣ температура источника была въ + 0°,5 по Р., можно было еще ѣхать верхомъ, но оттуда пришлось подниматься пѣшкомъ (*). По мѣ-

(*) Нынѣ взбираются верхомъ до самой вершины. — *Пр. Пер.*

стамъ защищеннымъ, только что стали зацвѣтать Draba hydrophila, Arenaria Helmii affin., Euphorbia nov. spec., Sedum elongatum. Вершина самаго конуса горы поднимается совершенно круто еще на 630 ф. На такой высотѣ, 6,631 футъ надъ ур. м., эта вершина весьма плоска; на ней поставленъ деревянный крестъ, отъ котораго гора получила свое названіе. Около 1/2 часа пути далѣе къ востоку поднимается пикъ, еще выше перваго, а на югѣ спускается стѣсненная скалами долина рѣки Грамматухи. По снѣжнымъ полянамъ видно было множество снѣжныхъ куропатокъ (Tetrao lagopus), красивыя Tringa alpina смѣло и попарно бѣгали кругомъ; сибирскій сурокъ (Arctomys babac) боязливо прятался въ скалистыхъ ущельяхъ. Взбѣгая съ чрезвычайною живостію на высоты, онъ сперва останавливается, свищетъ рѣзкимъ, далеко раздающимся по утесамъ голосомъ, и потомъ вмигъ исчезаетъ, подобно савойскому сурку Жардена, надъ Ледянымъ моремъ (mer de glace) Монбланской цѣпи. Въ другой разъ, 29-го мая, всходя на эту гору по кратчайшему пути, Ледебуръ познакомился съ весьма крутымъ сѣвернымъ скатомъ. Прямо отъ вершины — начинается множество глубокихъ овраговъ, тянущихся съ самой подошвы; по нимъ стремительно и съ шумомъ низвергаются снѣжныя воды. Въ этихъ оврагахъ снѣгъ остается и въ лѣтнее время, хотя на вершинѣ горы, наконецъ, совершенно исчезаетъ. Эти снѣжныя полосы весьма затрудняютъ подъемъ на гору. Въ глубочайшемъ изъ этихъ овраговъ шумитъ рѣчка Хризовка, вытекающая изъподъ снѣжнаго моста. Сѣверный склонъ покрытъ рѣдкимъ лѣсомъ сибирскихъ сосенъ и кедровъ (Pinus sibirica и cembra). Между деревьями и надъ ними распространяется очень замѣчательная альпійская флора, зараждающаяся отъ холодныхъ какъ ледъ снѣжныхъ водъ, и часто сокрытая отъ взоровъ густыми неподвижными туманами, которые внезапно образуются и точно также вдругъ разсѣеваются по всѣмъ направленіямъ. Ульбинскіе бѣлки состоятъ изъ роговика и полевошпатоваго порфира, рас-

падающихся на таблицы, окруженныхъ грюнштейномъ и далѣе смѣняющихся гранитомъ ([107]).

Риддерская рудная сопка безлѣсна и только на вершинѣ ея есть нѣсколько лиственницъ; она мало возвышается надъ селеніемъ, именно имѣетъ 2,580 ф. абс. выс., между-тѣмъ какъ послѣднее на днѣ долины возвышается на 2,350 ф. надъ ур. м. Изъ этой гранитной долины, имѣющей альпійскій характеръ и изобилующей медвѣдями, соболями и дичью, богатой растительностью, и въ особенности сосновымъ лѣсомъ (Pinus sylvestris), рѣка Ульба прорывается чрезъ дикія лѣсистыя горы, поросшія березами и соснами; скалистая ея долина на южномъ берегу дѣлается совершенно недоступною для путешественниковъ. Пройдя мимо селеній Бутачихи и Черемшанки (послѣднее лежитъ на 1,436 ф. выше ур. м.) она все еще прорѣзываетъ въ югозападномъ направленіи цѣпь праваго берега Иртыша, уже менѣе дикую, но сохраняющую ширину нѣсколькихъ дней пути и пройдя мимо селъ Тарханскаго (1,348 ф.) и Согры (1,250 ф. выше уров. м.), достигаетъ Иртыша близъ Усть-Каменогорска. Горы около Черемшанки покрыты весною роскошною алтайскою растительностью и богатыми красивыми лѣсами, въ которыхъ въ лѣтнее время слышны европейская кукушка (Cuculus canorus) и соловей. Тогда развивается здѣсь и роскошная лѣтняя флора, между-тѣмъ какъ къ югу отъ Черемшанки, по обѣимъ сторонамъ рѣки Ульбы, уже поднимаются степные горные кряжи. Водораздѣлъ, простирающійся между рѣками Ульбою и Убою, отъ Черемшанки на З. чрезъ Быструху къ Убѣ лежитъ на 1,683 фута выше ур. о. Черезъ него перевозятъ всѣ руды отъ Риддерска на плавку въ алтайскіе заводы, отъ чего на этихъ высотахъ и зимою находится постоялый дворъ. Къ югу отсюда, въ направленіи къ Иртышу, на хребтѣ береговой цѣпи, лежитъ деревня Бобровка (1,457 ф. выше ур. о.), почтовая станція по дорогѣ изъ Змѣиногорска въ Усть-Каменогорскъ. Окрестность ея пред-

(107) Engelhardt Anh. въ Ledebour Altai R. p. 416.

ставляетъ широкую долину рѣчки Бобровки, возвышенную на 500 ф. надъ уровнемъ Иртыша и принимаетъ уже степной характеръ ([108]), т. е. безлѣсна, но покрыта еще кустарниками, напр. Daphne altaica. Здѣшніе жители занимаются земледѣліемъ и въ особенности пчеловодствомъ; садоводство же и разведеніе фруктовыхъ деревьевъ не удаются, и нужно довольствоваться одною капустою, лукомъ и нѣкоторыми другими овощными растеніями. Иной крестьянинъ имѣетъ до 400 ульевъ, доставляющихъ ему самый лучшій, ароматный, бѣлый медъ. По словамъ Мейера, въ 1825 году такой крестьянинъ получалъ съ каждаго улья среднимъ числомъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ пудовъ (88 фунтовъ), а всего около 3,000 пудовъ, и выручалъ за каждый пудъ лучшаго сорта $5\frac{1}{2}$ талеровъ. Медвѣди съ Алтая часто еще прокрадываются сюда къ ульямъ. Самая высшая изъ окрестныхъ горъ — Круглая сопка, мало возвышена и вдавлена по срединѣ въ видѣ сѣдла. На ней растутъ сибирскія сосны (Pinus sibirica) и осины. Къ югу страна постепенно принимаетъ видъ болѣе открытый и пріятный. $2\frac{1}{2}$ мили (17 верстъ) далѣе къ югу, до Согры, на Ульбѣ, простирается волнистая степь, лишенная лѣса, который какъ будто нарочно бѣжитъ отъ степи, находя себѣ убѣжище только по внутреннимъ вершинамъ горъ. Здѣсь же встрѣчаются кустарники: татарская жимолость (Lonic. tatarica), таволга (Spir. chamaedrifolia), Dictamnus fraxinella, молочай (Euphorbia lutescens) и мн. др. На В. отъ Ульбы остаются Ульбинскія горы; онѣ состоятъ изъ пластовъ гнейсса (?), покоящихся на круто падающемъ глинистомъ сланцѣ, перемежающемся съ чернымъ переходнымъ известнякомъ. Долина рѣки Ульбы ([109]) близь Черемшанки не имѣетъ ни мостовъ ни перевозовъ, не смотря на то, что прорѣзывается весьма быстрою рѣкою, вырывающею и увлекающею весною деревья и скалы и громоздящею изъ нихъ новыя прибрежныя плотины и прерываю-

---

(108) Ledebour, Altai-Reise T. I. p. 23; D-r Meyer id. II. p. 188—190.
(109) Ledebour Altai R. I. p. 275—280.

щею старыя. Рѣчная долина слѣдовательно еще не вполнѣ развилась и не получила опредѣленной формы. Когда Ледебуръ проѣзжалъ здѣсь въ августѣ, русло рѣки ушло на 1 ½ до 2 верстъ къ сѣверу отъ русла предъидущаго года, засыпаннаго валунами и заросшаго желтымъ макомъ (Papaver croceum), подобнымъ встрѣчающемуся въ подобныхъ же мѣстахъ въ Савойскихъ Альпахъ Papaver alpinum. Сибирскій бальзамическій тополь (Populus laurifolia) образуетъ прибрежныя рощи. Когда въ Риддерскѣ, 4 августа хлѣбъ на поляхъ еще зеленѣлъ, въ окружности Тарханской онъ уже былъ сжатъ: такое вліяніе на температуру производитъ удаленіе отъ снѣжныхъ горъ и болѣе низкое положеніе. Недалеко отъ деревни Тарханской, у рѣки Ульбы, лежитъ на З. гора Больная, о которой говорятъ, будто она производитъ странный шумъ (см. Т. I. ст. 570), но никто не можетъ объяснить причины этого явленія. Нѣкоторые утверждаютъ, что этотъ шумъ происходитъ отъ птицъ или змѣй, что̀ напоминаетъ сказаніе о Змѣиной горѣ (см. ниже), но здѣсь ихъ вовсе нѣтъ. Село Тарханское основано не ранѣе 1823 года, но хорошо выстроено и довольно велико; крестьяне, живущіе въ немъ, богаты и гостепріимны, занимаются садоводствомъ, земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Они угощали путешественника вареньемъ изъ смородины и земляники, что̀ на Алтаѣ, кажется, составляетъ рѣдкость. Отъ деревни Согры, около двухъ часовъ пути на югъ отъ Иртыша, встрѣчаются высоты, состоящія изъ глинистаго сланца, но не превосходящія 300 ф. Черезъ нихъ идетъ большая дорога, и онѣ по всеобщему устройству здѣшнихъ горъ падаютъ круто въ направленіи къ Ю.-В. какъ бы онѣ, вмѣстѣ съ сосѣдними на В. горами, были подняты извнутри кнаружи; правый берегъ Ульбы уже совершенно плоскій, между-тѣмъ какъ на лѣвомъ или восточномъ берегу у переправы чрезъ рѣку находятся послѣдніе утесы изъ глинистаго сланца, которые однакоже, въ разстояніи 3-хъ верстъ отъ берега Иртыша, переходятъ въ плоскую болотистую степь.

Рѣка Уба, протекающая къ сѣверу отъ Ульбы, гораздо зна-

чительнѣе послѣдней и выше Убинска изливается въ Иртышъ. Между этими рѣками впадаютъ въ Иртышъ еще другія незначительныя береговыя рѣчки, какъ напр. Глубокая, Красноярка, Берёзовка, Барашевка и проч. Онѣ суть спутники южнаго склона низкой, степной, волнистой цѣпи, которая тянется постепенно понижаясь по правой сторонѣ Иртыша вдоль ея болѣе низменной долины. Вдоль этого южнаго склона проходитъ большая сухопутная дорога въ Семипалатинскъ и далѣе, пересѣкая упомянутыя рѣки, близь устьевъ ихъ. Отъ Усть-Каменогорска до Красноярскаго форпоста (1,225 ф. выше уров. м.) на рѣкѣ Красноярке, считается менѣе 6 г. м. (40 верстъ). На лѣвомъ берегу рѣки все еще появляются на степи многосвязные ряды холмовъ, которые, достигая высоты 500 футовъ, тянутся въ направленіи отъ С.-С.-В. къ Ю.-Ю.-З. На правомъ берегу рѣки, богатой островами, встрѣчаются три породы тополей (Populus nigra, alba, laurifolia), но только въ долинахъ вышеупомянутыхъ небольшихъ притоковъ; а вообще ростутъ здѣсь только таволга и татарская жимолость, а начиная съ рѣки Глубокой, встрѣчается преимущественно низкое миндальное дерево (Amygdalus nana), о которомъ уже говоритъ Гмелинъ ([110]) (подъ именемъ Amygdalus persicaefolia).

При впаденіи рѣки Красноярки, построена деревня Красноярская ([111]) или Красный Яръ, на высокомъ и крутомъ берегу, во ста шагахъ отъ Иртыша. Значительнѣйшая вершина въ одномъ часѣ пути къ С.-В. возвышается на 607 футовъ надъ берегомъ. На ней Ледебура, ночью 11-го мая 1826 года, застала очень сильная гроза. Съ высоты этихъ горъ, замѣтилъ онъ въ Киргизской степи, за Иртышомъ, нѣсколько горныхъ кряжей. На алтайской сторонѣ рѣки, изъ растеній онъ нашелъ Daphne altaica, которая къ сѣверу до того умножилась, что составила вдоль дороги живую изгородь. Кустарникъ этотъ очень красивъ и въ по-

---

(110) Gmelin R. n. Sibir. T. I. p. 244.

(111) Ledebour Altai R. T. I. p. 108; D. Meyer id. T. II. p. 334.

ловинѣ мая усѣянъ самыми душистыми цвѣтами. За этой возвышенностью поднимаются опять другія горы, такъ что сухопутная дорога въ Алтай на сѣверъ извивается сначала между горными кряжами. Но мало по малу, поднимается она въ гору и въ $2^1/_2$ г. м. (19 верстъ) отъ деревни, высокая страна принимаетъ видъ плоскогорія, которое лежитъ 208 ф. выше горъ за Красноярскомъ, слѣдовательно на 615 ф. выше уровня Иртыша или на 2,040 ф. надъ ур. о. Затѣмъ дѣлается она волнистою и поднимается до 2,090 ф., а потомъ спускается къ долинѣ небольшой рѣки Секисовки, впадающей въ Красноярку. Въ этой долинѣ, на 5 г. м. (35 вер.) къ сѣверу отъ Иртыша, лежитъ деревня Секисовка (1674 ф. надъ ур. м.). Къ С. отсюда рѣки текутъ въ верховья Убы. Деревня Секисовка имѣетъ 400 жителей ([112]), добывающихъ себѣ ежегодно отъ 2 — 300 пудовъ самаго лучшаго меда. Прежде число жителей было еще значительнѣе, но многіе изъ нихъ переселились въ 5 бухтарминскихъ деревень и перенесли туда земледѣліе и пчеловодство. Деревня Секисовка вмѣстѣ съ деревнями — Согрой, Бобровкой и Лосихой на Убѣ, принадлежитъ къ казачьимъ форпостамъ, образующимъ Кузнецкую линію. Надъ Секисовкою поднимаются двѣ высокія горы, извѣстныя подъ именемъ Большой и Малой Календарной, потому-что ихъ считаютъ предвѣщателями погоды, утверждая, что онѣ при каждой перемѣнѣ погоды издаютъ странный звукъ (см. Т. I. ст. 570).

Недалеко въ $^1/_4$ часѣ пути отъ деревни Красноярки, на Иртышѣ, находится казачій форпостъ того же имени, близь котораго видны развалины прежней крѣпости, теперь оставленной въ забвеніи. Казаки прежде необходимые стражи границъ, превратились нынѣ въ мирныхъ земледѣльцевъ, и занимаются кромѣ хлѣбопашества, скотоводствомъ и рыбною ловлею; они хотя все еще обязаны военною службою, но рѣдко употребляются въ дѣло. По словамъ Мейера, этотъ форпостъ составляютъ: 30 се-

---

(112) D-r Meyer l. c. II. p. 187.

мействъ съ 35 служилыми, 8 отставными и 15 резервными казаками 47 казацкими кантонистами и 111 женами. Между форпостомъ и деревнею находится красивая деревянная церковь. Лѣвый берегъ Красноярки весьма высокъ и крутъ; по правому или западному ея берегу простираются луга и только въ значительномъ разстояніи поднимаются обнаженныя высокія горы. До рѣки Березовки мѣстность ([113]) состоитъ изъ глинистой почвы съ земляными обвалами и покрыта плоскими сланцовыми холмами. Но съ деревни Березовки она мало по малу принимаетъ видъ пустынной степи: горная растительность исчезаетъ и только нѣсколько видовъ полыни (Artemisia), Elymus giganteus и немногія другія растенія, любящія сухую степную почву, встрѣчаются по одиначкѣ на пустыхъ дорогахъ однообразныхъ, глинистыхъ степей, не измѣняющихъ своего характера до самой рѣки Убы. Эти же самые пустынные холмы, сопровождающіе правый берегъ Иртыша, обратили на себя, большимъ числомъ древнихъ чудскихъ могилъ, вниманіе знаменитаго государственнаго исторіографа Миллера ([114]), когда онъ, въ 1773 году, во времена Гмелина, въ первый разъ путешествовалъ по этимъ странамъ. Большая часть могилъ была однакоже разрыта и ограблена; всѣ лежали на высокихъ мѣстахъ. Онѣ доставили искателямъ богатую добычу; все такъ-называемое курганное серебро и золото, продававшееся на Ирбитской ярмаркѣ ([115]), вырыто было изъ этихъ могилъ, и этотъ промыселъ означался особымъ словомъ „бугровать". Находимые здѣсь клады состояли изъ разныхъ украшеній, конской сбруи, печатей, браслетовъ, кумировъ; также находили здѣсь довольно желѣза, мѣди и латуни. Къ сожалѣнію промышленники расплавляли на мѣстѣ лучшія части металла, а прочее бросали. Далѣе къ югу отъ Усть-Каменогорска, сохранилось еще въ цѣлости нѣсколько могилъ; вокругъ нихъ былъ наваленъ булыжникъ, а мѣсто, гдѣ находился трупъ, на-

(113) D-r Meyer l. c. II. p. 335.
(114) G. F. Müller Diss.
(115) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 122, 230, 293.

полнено было камнями и землею; нѣкоторыя могилы однакоже были пусты. Путешественники новѣйшихъ временъ не говорятъ ничего объ этихъ могилахъ, можетъ-быть потому, что въ теченіе цѣлаго столѣтія онѣ уже совсѣмъ были разрушены.

Большая рѣка Уба, вытекающая изъ отдаленнаго рудоноснаго русскаго Алтая и впадающая близь Убинскаго, или Усть-Убинскаго форпоста въ Иртышъ, нижнимъ своимъ теченіемъ до устья составляетъ, кажется, естественную границу между гористою страною на востокѣ и плоскою степью на западѣ Центральной Азіи. Точно также на С. рѣка Алей вступаетъ въ плоскую, совершенно безгорную равнину и потомъ поворачиваетъ къ Оби на сѣверъ, такъ какъ Уба направляется къ Иртышу на югъ, такъ что между ними водораздѣлъ отъ Бухтарминскихъ горъ продолжается до сихъ поръ непрерывною цѣпью. Далѣе къ востоку начинаются солончаки степныхъ озеръ, начиная отъ меридіана Семипалатинска (98^0 в. д. отъ Ф.) черезъ степи Барабинскую и Ишимскую. Обѣ послѣднія прорѣзываются Иртышемъ, который ниже Семипалатинска перемѣняетъ свое западное теченіе, поворачивая діагонально черезъ степи къ С.-З. и С. до Омска и Тары. Соотвѣтственно этой границѣ между нагорьемъ и степью, при первомъ вступленіи Русскихъ въ эти горы, проведена была на С. отъ Иртыша *старая линія* форпостовъ, проходившая отъ устья рѣки Убы къ Шаманайхѣ на Ново-Алейскъ и т. д. (см. Т. II. ст. 295). Верхнее теченіе Убы находится въ дикихъ и высокихъ, снѣжныхъ горахъ Алтая; длинное среднее ея теченіе къ западу прорѣзываетъ на Ю. отъ главнаго водораздѣла западныя его предгорія, а кратчайшее ея нижнее теченіе, поворачивая къ югу, образуетъ границу нагорья отъ степи, составляющей промежуточный уступъ теченія Иртыша къ низменности рѣкъ Тобола и Оби на С.-З. Истоки Убы находятся къ сѣверу отъ Риддерска и описанныхъ нами истоковъ рѣки Ульбы. Уба образуется изъ слiянiя нѣсколькихъ рѣчекъ, изъ которыхъ важнѣйшія Черная и Бѣлая Уба, текущія на З. изъ дикой горной котловины, ограниченной съ С. Тигерецкими и Кор-

гонскими, съ В. Коксунскими и Тургусунскими, а съ Ю. Ульбинскими бѣлкàми. Эти горныя цѣпи и долины снѣжнаго и высокаго Русскаго Алтая будутъ разсмотрѣны ниже при описаніи другихъ Альпійскихъ странъ. Онѣ принадлежатъ еще къ почти неизвѣстнымъ горнымъ странамъ; здѣсь же обратимъ наше вниманіе собственно на долину Убы, которой верхняя часть хорошо описана Ледебуромъ ([116]). Она ведетъ насъ къ южному склону высокихъ Коргонскихъ бѣлкòвъ, которые для отличія отъ другихъ Алтайскихъ, мы, по примѣру Ледебура, должны называть Коргонскимъ плоскогоріемъ Алтайскихъ бѣлкòвъ. Отважный ботаникъ перешёлъ его съ рѣки Сентелека (текущаго на сѣверъ въ Чарышъ), на югъ при высотѣ почти въ 7,000 футовъ на ур. м. Коргонское плоскогоріе тянется съ В. къ З., покрыто вѣчнымъ снѣгомъ и принадлежитъ къ самымъ дикимъ странамъ Алтая. Съ южнаго его склона низвергаются, въ направленіи къ югу три близкія между собою рѣчки. (Коровиха, Благодарная, Кедровка), образующія самые сѣверные истоки Убинки. На южномъ склонѣ образуется въ глубокой долинѣ Малая или Бѣлая Уба (которую не должно смѣшивать съ одноименною рѣкою—однимъ изъ самыхъ южныхъ источниковъ системы, вытекающимъ изъ Ульбинскихъ и Тургусунскихъ бѣлкòвъ, въ той же котловинѣ, но направленнымъ съ юга къ сѣверу). Эти горы, на южной окраинѣ Коргонскаго плоскогорія, называемыя Убинскими бѣлкàми, не составляютъ по Ледебуру, самостоятельной горной цѣпи. Они представляютъ только южный край высокой Альпійской равнины, которая и образуетъ водораздѣлъ между водами Коксуна, Чарыша, Коргона, Сентелека, Еги и Тигерека, принадлежащими къ системѣ Оби на С. и Убы, принадлежащій къ системѣ Иртыша и простирается отъ В. къ З. на 7 или 8 г. м. (50-60 вер.) при ширинѣ 3 и 4 г. м. (25-30 вер.). Коргонское плоскогоріе есть настоящая альпійская масса, выражающая собою главный типъ въ характеристикѣ Алтайскихъ горъ, къ которой мы перейдемъ

(116) Ledebour Altai R. T. I. p. 263—280.

ниже. Обрывъ этого Коргонскаго плоскогорія въ самомъ дѣлѣ ужасенъ, потому-что онъ спускается круто въ самыя дикія ущелья, выдающіеся и часто скатывающіеся утесы и сѣти переплетенныхъ корней. Съ опасностью жизни только можно спускаться по такимъ скатамъ, а ѣхать верхомъ даже на самыхъ привычныхъ лошадяхъ совершенно невозможно. Путешественники, спускаясь внизъ, только съ неописанными трудами достигаютъ глубины непроходимой долины. Здѣсь-то проходитъ отъ В. къ З. Большая Уба, отстоящая въ одной милѣ отъ упомянутой Убинки и въ $3\frac{1}{2}$ г. м. (25 вер.) отъ склона Коргонскаго плоскогорія. Абсолютная высота долины на мѣстѣ пустыннаго ночлега оказалась въ 2,132 ф. Большая Уба имѣетъ здѣсь значительную ширину 70 саж. (490 ф). Она образовалась верстъ 10 выше ночлега изъ сліянія двухъ главныхъ ея вѣтвей: Становой Убы съ В. и Черной Убы съ юга. Черная Уба въ свою очередь опять образуется изъ сліянія съ правой стороны рѣки того же имени, текущей съ западнаго склона Коксунскихъ бѣлкòвъ, а съ лѣвой — Бѣлой Убы, берущей начало свое на сѣверозападномъ склонѣ Тургусунскихъ и Ульбинскихъ бѣлкòвъ. Мы уже ознакомились съ водораздѣломъ между этими важнѣйшими притоками и между истоками сосѣдней, меньшей Ульбы къ югу, въ направленіи къ Риддерску. Къ сѣверу отъ Риддерска, какъ извѣстно, лежитъ Таловская сопка (5,665 ф. надъ ур. м.); это есть вѣроятно одна изъ самыхъ значительныхъ высотъ водораздѣла, потому-что ближайшій проходъ, перейденный Ледебуромъ, между Кондрачихою и Чесноковкою, возвышается только на 3,918 ф. надъ ур. м. ([117]) и слѣдовательно несравненно проходимѣе чѣмъ проходъ Коргонскаго плоскогорія.

Западный прорывъ Большой Убы, выше упомянутаго ночлега, остается, кажется, до сихъ поръ еще Terra incognita; Убинская же долина отсюда до деревни Лосихи была совершенно необитаема, и принадлежитъ къ самымъ дикимъ горнымъ

---

(117) Ledebour Altai R. T. I. p. 273.

странамъ. Долина, при расширеніи своемъ, наводняется ежегодно отъ 3 до 4 футовъ. Узкая сначала окраина рѣки, какъ далеко ее можно было окинуть взоромъ, все расширяется и наконецъ представляетъ обширные луга съ роскошною растительностію: по берегамъ часто видны густые лѣса, кое-гдѣ прямо прорѣзываемые утесами. Ледебуръ перешелъ въ этомъ мѣстѣ долину поперегъ. Отсюда на Ю. идетъ дорога въ Риддерскъ, черезъ который направляются для того, чтобы достигнуть деревни Лосихи, лежащей ниже по Убѣ, избѣгая прямаго пути внизъ по дикой Убинской долинѣ. Здѣсь и мы можемъ перейти къ описанію самаго начала нижняго теченія рѣки Убы.

Деревня Лосиха ([118]) живописно расположена въ Убинской долинѣ, которая здѣсь имѣетъ не болѣе ½ часу ширины. Она окружена довольно высокими горами, которымъ уцѣлѣвшіе на нихъ полосы снѣга, придавали въ концѣ марта знакомый всѣмъ альпійцамъ пестрый видъ. Эти горы совершенно обнажены и безлѣсны, и оживляются только весною многочисленными стадами перелетныхъ журавлей; съ высотъ видна рѣка Уба, широкою, серебристою лентою извивающаяся по долинѣ и принимающая въ себя маленькую рѣчку Лосиху. При впаденіи ея въ Убу лежитъ деревня съ небольшою церковью; жителей здѣсь около 400. Это и есть станція почтовой дороги изъ Змѣиногорска въ Усть-Каменогорскъ, проходящей черезъ селеніе Шаманаиху, гдѣ нужно переправиться черезъ рѣку, и тянущейся по южному берегу Убы. Вблизи находятся казачьи форпосты *Убинскій* и далѣе къ Ю.-В. *Бобровскій*. Путешественникъ, ѣдущій изъ Барнаула, съ сѣвера, встрѣчаетъ здѣсь впервые войлочныя юрты Киргизовъ. Бѣднѣйшіе изъ Киргизовъ какъ здѣсь, такъ и на Бухтармѣ нанимаются въ пастухи у крестьянъ и казаковъ; они славятся конокрадствомъ ([119]) и такъ проворно угоняютъ лошадей въ южную степь за Иртышъ,

---

(118) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II. p. 185.
(119) Ledebour l. c. T. I. p. 10—64.

что всѣ розыски бываютъ тщетны. Отъ Лосихи къ югу Убинска, лежащаго 110 ф. выше у. ок., считается 4 г. м. (30 вер.). Здѣсь дорога поднимается въ гору, и Секисовка лежитъ опять выше Убинска (см. выш. стр. 106). Къ западу дорога идетъ по долинѣ р. Убы, поверхность которой поднимается только на 1,096 ф. чрезъ деревню Выдриху (1,088 ф. выше уров. м.), и достигаетъ Шаманаихи, лежащей на 1,016 ф. выше ур. ок. По дорогѣ изъ Барнаула черезъ Алтай, въ этой долинѣ ([120]) встрѣчаемъ мы первыя пашни, выжигаемыя лѣтомъ послѣ жатвы. Въ началѣ апрѣля, Мейеръ нашелъ здѣсь еще много снѣга; на лугахъ, по лѣвому берегу рѣки, раньше другихъ растеній распускались Ornithogalum angulosum, Adonis villosa и др. На правомъ берегу горы доходятъ до самой рѣки и круто въ нее обрываются.

У деревни Шаманаихи быстрая Уба очень расширяется; здѣсь на пути къ Иртышу переправляются на паромахъ черезъ рѣку, которая однакоже лѣтомъ иногда очень мелѣетъ. Ея высокіе и крутые берега поросли татарскою жимолостью, черемухою и Corydalis nobilis. Уба съ обѣихъ сторонъ принимаетъ множество небольшихъ рѣчекъ и доставляетъ рыбакамъ щукъ, окуней, карповъ (Cyprinus idus) и лососей (Salmo thymallus). Въ 1826 году, въ Лосихѣ, по свидѣтельству Мейера, было 77 домовъ и 319 душъ мужескаго пола. Къ сѣверу отъ нея, у рѣкъ Спасской и Таловки тянется большая почтовая дорога отъ Иртыша, образовавшаяся изъ соединенія дорогъ бухтарминской съ Ю.-В., семипалатинской съ Ю.-З. Отсюда направляется она къ С., переходя черезъ вершину водораздѣла между Иртышемъ и Обью, достигающаго на вершинѣ прохода до высоты 1,675 ф. надъ ур. м. (или 600 ф. надъ ур. Иртыша у Семипалатинска) между Шаманаихою на Убѣ къ югу и Екатерининскою на Алеѣ, къ сѣверу (1,029 ф. выше уров. м.). Мы уже сказали, что этотъ водораздѣлъ можно считать послѣднею западною отраслью цѣпи Тигерецкихъ бѣлковъ. Но эта западная отрасль, на этомъ мѣстѣ, не только ли-

(120) Meyer l. c. T. II. p. 183—186.

шается своихъ снѣжныхъ вершинъ, но переходитъ даже въ низкія цѣпи холмовъ, постепенно понижаясь къ С.; не смотря на то въ нѣкоторыхъ пунктахъ она еще живописна. Здѣсь, въ особенности на западной сторонѣ Убы, водораздѣлъ этотъ довольно богатъ мѣдью, какъ уже замѣтилъ Палласъ; мѣдныя руды открыты вездѣ по древнимъ Чудскимъ копямъ. Знаменитый Палласъ ([121]), ограничившій путешествія свои на Иртышѣ, на Ю. В. достиженіемъ *Шаманаихи*, всходилъ съ этой стороны на водораздѣлъ и не могъ не обратить вниманія на особенность его природы. Прежде чѣмъ перейдемъ къ рѣчной системѣ Оби, мы приведемъ слова Палласа объ этомъ крайнемъ предѣлѣ Иртышской системы: „Восходя на водораздѣлъ деревни Шаманаихи—говоритъ Палласъ—и пройдя 2 г. м. (16 верстъ) встрѣчаемъ рѣки, впадающія въ Алей и въ Обь. Горная порода состоитъ здѣсь вообще изъ красноватаго, разрушеннаго гранита или *дресвы*. По всей вѣроятности вся горная цѣпь, пролегающая черезъ Алей и Корболиху къ С. до р. Локтевки и соединяющаяся съ Синею сопкою, состоитъ изъ этой однообразной горной породы, т. е. гранита и слюдистаго песку. По обѣимъ сторонамъ этой дикой цѣпи, въ особенности въ ея ущельяхъ и долинахъ, расположены тѣ слащовыя породы, которыя служатъ материкомъ для рудъ, и такое общее строеніе имѣетъ большая часть Алтайскихъ рудныхъ горъ. Палласъ, почевавшій въ 1771 году въ Шаманаихѣ, говоритъ, что эта деревня въ то время недавно еще была основана, потому-что въ ней было не болѣе 30 дворовъ, а теперь ихъ вдвое. Колонисты состояли изъ Поляковъ, однакоже русскаго происхожденія; они говорили русскимъ языкомъ и принадлежали къ староверцамъ. Отцы ихъ нѣкогда переселились въ Подолію. Палласъ говоритъ, что они трудолюбивые и хорошіе земледѣльцы, но не могутъ еще привыкнуть къ тамошнимъ зимнимъ морозамъ и къ буранамъ, свирѣпствующимъ въ этой сторонѣ. Почва на вершинахъ, говоритъ онъ, слишкомъ камениста, отчего колосья

(121) Pallas R. R. T. II. p. 320.

не достигаютъ совершенной зрѣлости, а низменности содержатъ въ себѣ слишкомъ много соли; этимъ именно доказывается близость степи. Поселенцы въ то время очень желали возвратиться къ прекраснымъ огородамъ и богатымъ ульямъ, которыми они владѣли на родинѣ. Хотя огороды ихъ и до сихъ поръ мало еще улучшились, но опыты пчеловодства увѣнчались полнымъ успѣхомъ (см. выше стр. 42). Палласъ подавалъ имъ уже эту мысль въ то время, когда пчеловодство здѣсь еще не существовало, и доказывая, что въ горахъ и долинахъ много цвѣтовъ и ароматическихъ растеній, совѣтовалъ имъ, чтобы они, какъ польскіе колонисты, изъ любви къ пчеловодству засѣвали бы гречу, какъ они это дѣлали въ Польшѣ. Добрые совѣты знаменитаго естествоиспытателя были исполнены въ точности. На мѣстѣ нынѣшней деревни прежде находился форпостъ.

Отсюда долина рѣки Убы ([122]) направляется къ югу, оканчивая свой прорывъ къ Иртышу; на ея берегахъ находятся скалистые холмы, состоящіе изъ красноватаго, сланцоватаго песчаника и другихъ сланцовъ; снѣжныя воды прорыли въ нихъ глубокіе овраги. Высшія же сопки состоятъ изъ гранита и кремнистаго сланца (напр. *Сурковая сопка*), онѣ понижаются въ направленіи къ Иртышу, на югѣ. Только въ лощинахъ встрѣчаются еще здѣсь кустарники, но съ приближеніемъ къ Киргизской степи страна все болѣе и болѣе дѣлается безлѣсною.—Ближайшее значительное селеніе Красноярское, на правомъ или западномъ берегу рѣки Убы, было посѣщено Палласомъ, который заболѣвъ здѣсь, долженъ былъ отказаться отъ горной поѣздки въ Бухтарминскъ. Новѣйшіе путешественники умалчиваютъ о немъ и можно было бы сомнѣваться въ настоящемъ существованіи этого мѣстечка, еслибы Мейеръ ([123]), положительно не сказалъ, что его нельзя смѣшивать съ Краснымъ Яромъ, о которомъ мы говорили выше (см. выше ст. 106). Во времена Палласа Красноярскъ этотъ, основавшійся на мѣстѣ бывшаго казачьяго форпоста на старой

---

(122) Pallas R. R. T. II. p. 516.
(123) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II. p. 334.

пограничной линіи, имѣлъ 20 дворовъ. Поселеніе было построено за 5 лѣтъ до того (124) помилованными ссыльными, получавшими въ первое время отъ казны достаточное количество провіанта и небольшое жалованье. Почва въ окрестности показалась способною къ земледѣлію, но на высотахъ отъ жара и господствующей засухи хлѣбъ не созрѣлъ. Вода Убы причиняетъ, какъ говорили, лихорадку, отъ содержанія въ ней, по мнѣнію Палласа, мѣднаго колчедана, который приносится въ нее каждымъ дождемъ. Эти лежавшія вдоль старой пограничной линіи и вообще почти всѣ въ то время основанныя здѣсь для безопасности и защиты горныхъ заводовъ, въ особенности же для воздѣлыванія земли — селенія по словамъ Палласа имѣли выгодное мѣстоположеніе; земледѣліе въ нихъ должно было идти успѣшно, доходъ съ лѣса при хорошемъ присмотрѣ могъ быть значителенъ, притомъ еще въ то время ожидали выгодъ для поселеній отъ причисленія ихъ къ Колыванскому горному округу; съ того же времени успѣхъ развитія поселеній сдѣлало ихъ самостоятельнѣе, но о нынѣшнемъ состояніи Красноярска мы ничего не знаемъ. Палласъ замѣчаетъ, что по дорогѣ отъ Семипалатинска, на западъ, вверхъ по Шульбѣ, къ рѣкѣ Убѣ, встрѣтилъ онъ здѣсь въ первый разъ крупную землянику, которая исчезла съ самаго Урала, по всей Западной Сибири. Мы уже прежде говорили о ея распространеніи далѣе на востокъ (см. выше ст. 25). Отсюда часто встрѣчалась сибирская акація (Rob. caragana) толщиною въ руку и очень значительной вышины; она расла въ особенности на скатахъ горъ и по долинамъ большихъ и малыхъ рѣкъ. Отъ Красноярской деревни, къ югу до устья рѣки Убы, въ разстояніи $3\frac{1}{2}$ г. м. (24 версты), долина этой рѣки какъ кажется мало посѣщается людьми. Усть-Убинскъ, по всей вѣроятности, принадлежалъ также къ казачьимъ форпостамъ старой пограничной линіи.

Рѣка Шульба (125) есть первый замѣчательный на западѣ и

---

(124) Pallas R. R. T. II. p. 514.

(125) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 225; Pallas R. R. T. II. p. 508; Meyer въ Ledebour R. II. p. 337.

*

притомъ послѣдній къ Семипалатинску притокъ Иртыша, съ правой стороны. Изъ этого города, чрезъ рѣку Шульбу первые ученые путешественники отправились въ Алтай. Во времена Гмелина (1733) сухопутныя дороги оттуда, чрезъ песчаныя возвышенности горъ къ рѣкѣ Шульбѣ, находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что путешественникъ принужденъ былъ отправить свой багажъ окольной дорогой внизъ по рѣкѣ до ея устья, куда онъ прибылъ не ранѣе какъ въ пять дней; самъ Гмелинъ совершилъ поѣздку вдоль берега въ 3 дня и, по его разсчету, проѣхалъ почти 10 г. м. (68 верстъ). На другой день переправился онъ чрезъ рѣчку Березовку и въ разстояніи $2^1/_2$ г. м. (17 верстъ) къ востоку, съ провожатымъ своимъ нашелъ развалины древняго калмыцкаго храма, отъ котораго сохранилось только одно развалившееся зданіе изъ глины, состоявшее изъ 6 комнатъ. Въ окружности находилось нѣсколько канавъ, служившихъ нѣкогда бухарскимъ поселенцамъ для орошенія полей. Во время *Галданъ-Церена* (см. Т. II. ст. 289) они, какъ плѣнники Джунгаровъ, никогда не занимавшихся хлѣбопашествомъ, должны были обрабатывать для нихъ землю, подобно многимъ другимъ несчастнымъ, которые еще до временъ русскаго владычества въ Сибири, до самой Омской губерніи, были невольными оратаями береговъ Иртыша.

Палласъ, какъ проницательный наблюдатель, поучителенъ для насъ особенно тѣмъ, что онъ первый замѣтилъ тѣ большія перемѣны въ природѣ, которыя, показываясь постепенно отъ западной степи къ востоку, возвѣщаютъ близость азіятскаго нагорья прежде достиженія его.—Если мы теперь послѣдуемъ за нимъ по пути отъ Симипалатинска до рѣки Убы, то порядокъ нашихъ наблюденій будетъ противоположенъ тому, которому мы слѣдовали до сихъ поръ, но за то мы будемъ имѣть случай прослѣдить появленіе великаго типа природы во всемъ его разнообразіи.

Палласъ, изъ Семипалатинска (22 іюня 1771 года) ([126]),

---

(126) Pallas R. R. T. II. p. 503—510.

въ срединѣ лѣта отправился къ востоку, и держась весьма близко сѣвернаго берега Иртыша, прошелъ сухія песчаныя возвышенности, изъ которыхъ кое-гдѣ, по береговымъ окраинамъ, выдавались черныя, сланцовыя скалы. Сланцы имѣли простираніе съ С. къ Ю. и паденіе на З. подъ угломъ въ 45°. Они образуютъ основу горъ и прорѣзываются правыми притоками Иртыша. Первый изъ этихъ притоковъ Баба-рѣчка получилъ свое названіе отъ кургана на южномъ ея берегу, на которомъ нашлась каменная плита съ легкими очертаніями человѣческаго лица, весьма грубо высѣченными. Ко второй рѣчкѣ, Березовкѣ, ведутъ солонцеватыя лощины, преобладавшія отъ самаго Урала до сихъ поръ по степнымъ низменностямъ, но теперь все болѣе и болѣе исчезающія. Съ ними вмѣстѣ исчезаетъ и растеніе, служившее ихъ представителемъ отъ Урала до сихъ поръ, именно: Robinia halodendron (127). Палласъ сорвалъ его здѣсь, въ послѣдній разъ, ибо онъ не нашелъ его болѣе за водораздѣломъ къ Оби. Д-ръ Мейеръ также находилъ его еще здѣсь, вмѣстѣ съ другими соляными растеніями, какъ-то съ Salsola, Atriplex, Schoberia, Statice и мн. друг. Вышеупомянутая рѣчка, на которой впослѣдствіи построена была деревня Березовка, довольно обильна водою, но все еще течетъ между песчаными холмами, покрытыми здѣсь (въ послѣдній разъ) соснами. Эта страна называется Шульбинскимъ боромъ и представляетъ особенную лѣсную полосу на границѣ степной и горной страны, на распространеніе которой мы далѣе обратимъ свое вниманіе. Съ высокихъ береговъ открывается прекрасный видъ на широкую низменность Иртыша, богатаго островами, обросшими кустарникомъ. Д-ръ Мейеръ, посѣщая это мѣсто (8 іюля 1826 года), мѣсяцемъ позже Палласа, засталъ крестьянъ за сѣнокосомъ, чѣмъ вся страна была замѣтно оживлена. На рѣчкѣ Талицѣ, къ востоку Березовки, во время Палласа, была построена станица Та-

---

(127) Pallas R. R. p. 481, 741 tab. IV; Meyer въ Ledebour Altai R. T. II. p. 338.

лицкая съ 10-ю казачьими хижинами; нынѣ (1826) это мѣсто впятеро увеличилось. Мейеръ нашелъ въ немъ 52 двора и 258 душъ мужескаго и женскаго пола. Всѣ редуты и форпосты, лежащіе отъ Шульбинска къ востоку, по рѣкамъ Бухтармѣ и Нарыму, принадлежатъ 8-му казачьему полку; но находящіеся внизъ по рѣкѣ, около Семипалатинска до Семіярска, причисляются къ 7-му казачьему полку; въ Талицѣ находится таможня и при ней чиновникъ изъ Семипалатинска. Отсюда къ югу отъ Иртыша возвышается въ далекой, но видимой дали, большой скалистый кряжъ горъ, называемый Караульнымъ камнемъ, у котораго Джунгары, какъ говорятъ, во время ихъ господства на Алтаѣ, имѣли крѣпкую караульню. Къ востоку отъ него, недалеко отъ Талицы, выходитъ съ юга, изъ гористой, но безлѣсной Киргизской степи, рѣка Чаръ-Гурбанъ и противъ Шульбинскаго форпоста ([128]) изливается съ южной стороны въ Иртышъ. Сто лѣтъ тому назадъ, она еще изобиловала выдрами и бобрами ([129]). Южный берегъ Иртыша, въ этомъ мѣстѣ, состоитъ изъ слоевъ крѣпкаго глинистаго сланца, отчего проѣзжіе чаще слѣдуютъ по этой дорогѣ, нежели по пролегающей вдоль сѣвернаго песчанаго берега, потому-что съ сѣверной стороны непрерывная гряда песчаныхъ холмовъ такъ близко примыкаетъ къ берегу Иртыша, что между нею и рѣкою едва остается узкая низменность. Эта гряда идетъ до самыхъ устьевъ рѣки Шульбы, на протяженіи $2\frac{1}{2}$ г. м. (18 верстъ) и сильно препятствуетъ путешествію по этому берегу. Здѣсь оканчивается большой Ульбинскій сосновый боръ, или считая съ Алтайскихъ горъ, онъ здѣсь начинается ([130]), и въ скудномъ видѣ продолжается къ западу до Семіярска на Иртышѣ, а потомъ переходитъ на С., черезъ понижающіяся уже водораздѣльныя высоты Иртыша и Оби.

Палласъ первый замѣтилъ ([131]) этотъ сосновый боръ и ви-

(128) Routiers dans l'Asie centrale, въ Fragm. Asiat. Александра Гумбольдта, T. I. p. 293.

(129) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 227.

(130) Meyer въ Ledebour R. T. I. p. 337.

(131) Pallas R. R. T. II. p. 491.

дѣлъ, какъ онъ, недалеко отъ Семіярска, въ сѣверовосточномъ направленіи тянулся по Иртышу до рѣки Шульбы, но только въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ къ сѣверу отъ берега, не ранѣе какъ на хребтѣ водораздѣла къ сѣверу, простираясь до рѣки Алея, гдѣ къ западу отъ Локтевскаго завода, извѣстенъ подъ именемъ Алейскаго сосноваго бора; оттуда ([132]) онъ непрерывно тянется до лѣваго берега Оби и въ окрестности Барнаула называется Барнаульскимъ боромъ. Спускаясь потомъ дугой съ Иртыша въ степь, онъ въ видѣ однообразной пустынной лѣсной полосы проходитъ чрезъ песчаные холмы всей степи, вдоль рѣки Касмалы, до впаденія ея въ Обь съ лѣвой стороны, самою сѣверною своею отраслью ([133]) оканчивается на низкихъ песчаныхъ холмахъ берега этой рѣки, къ С.-З. отъ Барнаула, ниже Павловскаго завода; нынѣ этотъ боръ конечно очень истребленъ заводами.

Выше Семіярска боръ опять удаляется отъ Иртыша и отъ солончаковъ, разбросанныхъ въ немъ до р. Алея, получаетъ названіе Соленаго бора. Онъ снабжаетъ всю линію по Иртышу лучшимъ въ этой странѣ строевымъ лѣсомъ; суда, плавающія по рѣкѣ, строятся изъ огромныхъ стволовъ имъ доставляемыхъ; изъ его же деревъ были сооружены во время Палласа суда для перевоза соли. Суда, назначенныя въ наше время для доставленія руды изъ Зыряновскаго рудника въ Усть-Каменогорскъ, строятся на Шульбинской пристани ([134]), гдѣ ихъ спускаютъ на воду и оснащиваютъ. На нихъ грузятъ до 2,000 пудовъ. Этотъ лѣсъ принадлежитъ Алтайскимъ горнымъ заводамъ и, говорятъ, изобилуетъ источниками съ свѣтлою какъ хрусталь водою. До рѣки Шульбы, гдѣ его наибольшая ширина обращена къ сѣверу, достигаетъ онъ своимъ восточнымъ концемъ ([135]). Мейеръ, посѣщавшій эту страну, соглашается съ Палласомъ въ томъ, что

(132) Id. II. p. 592, 621.
(133) Id. II. p. 637.
(134) Ledebour Altai R. T. I. p. 102.
(135) Pallas R. T. II. p. 509.

основную почву этой лѣсистой возвышенности составляютъ сланцовыя горы, которыя къ З. на своихъ голыхъ скалахъ богаты источниками, но къ востоку покрыты слоями песку.

Растительность этой песчаной полосы Палласъ нашелъ сходною съ растительностью выше Курчума; кромѣ того онъ замѣтилъ, что въ низменности далѣе къ западу, около Семипалатинска, все болѣе господствуютъ галофиты (соляныя растенія). Палласу, напротивъ того (136) шедшему съ запада, на каждомъ шагу встрѣчались новыя растенія, возвѣщавшія близость Алтайской горной страны, хотя повидимому богатѣйшая новая флора начинается не ранѣе, какъ съ Енисея. Здѣсь же нашелъ онъ въ первый разъ обитательницу горъ, прекрасную бабочку: Papilio Apollo (137). На Иртышѣ показался бальзамическій тополь и это красивое дерево преобладало здѣсь въ лиственныхъ лѣсахъ; на холмахъ произрастала прекрасная татарская жимолость, высокая какъ дерево; въ сосновомъ лѣсу расли ліаны: Clematis orientalis и др. Съ приближеніемъ къ Убѣ и къ горной странѣ, на востокъ отъ рѣки Шульбы, богатство новой растительности увеличивалось; сухость земли исчезала: она повсюду была покрыта цвѣтами. Эти предвѣстники богатой алтайской растительности встрѣтились ему въ первый разъ (138) на рѣчкѣ Осиновкѣ, протекающей между Шульбою и Убою у Пьяноярска и изливающейся въ Иртышъ.

Рѣка Шульба уже не изобилуетъ здѣсь водами, хотя еще съ быстротою течетъ между утесами, но при всемъ томъ очень мелководна и незначительна. Деревня Старо-Шульбинская, построенная, по словамъ Палласа, близь Демидовскихъ горныхъ заводовъ въ 1740 году, давно уже перенесена на другое мѣсто, а заводы, уступленные казнѣ, не были приведены въ полную дѣятельность; впрочемъ развалины ихъ еще частію сохранились. Открытыя и

(136) Id. T. III. p. 313, 321.
(137) Id. T. II. p. 484.
(138) Id. T. II. p. 511.

плоскія возвышенности, лежащія между Шульбою и Убою и по берегамъ ихъ, по словамъ Палласа, состоятъ изъ буро-сѣраго и черноватаго сланца; на Шульбѣ находятся аспидныя плиты, годныя для столовыхъ и грифельныхъ досокъ; кромѣ того здѣсь встрѣчается и красный песчаный сланецъ. Здѣсь есть много рудоносныхъ жилъ, которыя открыты долгими трудами древней Чуди, народа вполнѣ знавшаго горное искусство. Памятниками, оставленными ими на Алтаѣ, воспользовались Русскіе въ прошедшемъ вѣкѣ, именно, Демидовъ, который нашелъ здѣсь преимущественно мѣдные рудники Шульбинскій, Вавиловскій, Макаровскій, Дмитріевскій и др. Но чтобы сохранить лѣса для горныхъ заводовъ въ Змѣиногорскѣ, ихъ впослѣдствіи времени не увеличивали. Именно здѣсь, говоритъ Палласъ, съ этого самаго мѣста, начинаются *рудоносныя* Алтайскія горы, которыхъ настоящее направленіе идетъ отъ Ю.-З. къ С.-В. къ Оби и оттуда далѣе, по сѣверному краю нагорной Азіи и т. д.; онъ продолжаетъ словами нами вышеприведенными (см. Т. II. ст. 184).

Многія изъ характеристическихъ альпійскихъ растеній Алтая не спускаются на крайнія предгорія его. Такъ напримѣръ, сибирскій ревень (см. Т. I. стр. 530), здѣсь совершенно не встрѣчается (также какъ, по свидѣтельству Ледебура, его нѣтъ и у Змѣиногорска); Сиверсъ нашелъ, что страна, въ которой распространено это растеніе ([139]), не превосходитъ 60 верстъ, считая къ западу отъ Усть-Каменогорска. Крайнія предгорія Алтая, кромѣ многочисленныхъ рудъ и давно выработанныхъ металлическихъ жилъ, подобно вышеописанной горной странѣ, имѣютъ еще и другіе памятники историческіе. На всѣхъ этихъ предгоріяхъ, говоритъ Палласъ, встрѣчаются курганы, состоящіе изъ набросанныхъ камней, уже разрытые, обросшіе кустами акацій, и подобные тѣмъ, которые находятся вверхъ по Березовкѣ и на Зайсанѣ. На Шульбѣ, Палласъ имѣлъ слу-

(139) Sievers Sibir. Br. p. 109.

чай видѣть одинъ изъ самыхъ огромнѣйшихъ кургановъ, находившійся на высшемъ въ окрестности пунктѣ (у Сидоровскихъ копей). Его разрытіемъ занимались 150 крестьянъ изъ окрестныхъ деревень. Трудъ ихъ вознаградился богатыми золотыми антиками, вѣсомъ въ 1 пудъ 10 фунтовъ золота. Но какъ обыкновенно случается, жадные счастливцы сейчасъ же сплавили этотъ кладъ, и не допустили разсмотрѣть его ученымъ образомъ, какъ историческій памятникъ. По этой непростительной алчности часто пропадаетъ множество подобныхъ вещей. Курганъ этотъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Золотаря. Теперь, прежде нежели вступимъ въ са̀мый Семипалатинскъ, мы должны сперва пройти остальную часть восточной Киргизской степи, лежащей на южной сторонѣ Иртыша, именно чрезъ Аблайкитъ къ Калмыкъ-Талогою и къ Чаръ-Гурбану, а оттуда возвратиться въ Семипалатинскъ, какъ главное мѣсто и средоточіе всей здѣшней торговли. Семипалатинскъ, лежащій на крайней западной оконечности Алтайской системы, можетъ быть названъ пограничнымъ камнемъ Азіятскаго нагорья во всѣхъ его физическихъ и историческихъ отношеніяхъ.

---

§ 42.

Изложеніе 2. *Прерванныя горныя группы восточной Джунгаро-Киргизской степи. Киргизская степь лѣваго берега Иртыша, отъ озера Зайссана до Семипалатинска, и описаніе ея.*

1. Обозрѣніе и источники.

Восточная Джунгаро-Киргизская степь простирается отъ южной стороны рѣки Иртыша къ озеру Зайссану до Тарбагатайскихъ горъ и даже до озеръ Ала-куль и Балхашъ на югѣ; на западѣ же предѣлы этой степи проходятъ черезъ горы Каръ-

Каралы и Чингисъ-Тау къ Чаръ-Гурбану и обратно къ Семипалатинску. Горныя пространства этой степи и лежащія между ними высокія площади принадлежатъ еще къ крайнимъ западнымъ расчлененіямъ прерывающейся здѣсь Алтайской горной группы. Горное это пространство лежитъ на границѣ обоихъ великихъ типовъ природы Средней Азіи, т. е. нагорья и низменности. Оно занимаетъ промежутокъ между 45° и 50° с. ш., слѣдовательно не менѣе половины Германіи. Въ дополненіе нашихъ изслѣдованій, мы еще разсматриваемъ и это пространство, лежащее внѣ китайскихъ пограничныхъ пикетовъ, которыми мы выше ограничивали наши показанія. На русскихъ ландкартахъ оно входитъ въ политическія границы Сибири, и никакое другое, постоянное государство Средней Азіи не мѣшаетъ здѣсь русскому владычеству, потому-что единственныя сосѣднія страны Коканъ и Ташкентъ съ западной стороны недалеко переходятъ за рѣку Чу (см. Т. II. ст. 88) и касаются только западнаго берега озера Балхаша. Не смотря на то, это пространство никакъ не составляетъ прочнаго владѣнія Россійской Имперіи, подобно тому какъ взволнованное бурями, хотя и замкнутое море не принадлежитъ своимъ берегамъ и часто разрушаетъ корабли, отваживающіеся плавать по немъ, допуская только иногда, при благопріятномъ вѣтрѣ, счастливый переѣздъ черезъ свои волны. То же самое повторяется и здѣсь, въ Киргизской степи, неимѣющей постоянныхъ поселеній и наполненной только кочующими ордами. Двойное отношеніе ихъ къ двумъ сосѣднимъ государствамъ, послужило къ поддержанію ихъ независимости, не смотря на собственную ихъ слабость. Покровительство, оказываемое имъ съ обѣихъ сторонъ и проистекающее не изъ довѣрія къ нимъ, но изъ зависти къ успѣхамъ могущественнаго сосѣда, съ одной стороны даетъ населенію этой степи благосостояніе и силу, но съ другой заманиваетъ ихъ къ добровольному присоединенію къ пограничнымъ областямъ той или другой страны, и даже къ совершенному переходу въ границы того или другаго государства. Путешествіе чрезъ эту страну свобод-

ныхъ кочевниковъ допускается только съ соизволенія начальниковъ значительнѣйшихъ изъ ихъ ордъ, или киргизскихъ султановъ, которые, подобно эмирамъ и шейхамъ арабскихъ Бедуиновъ, принимаютъ подъ свое покровительство караваны и отдѣльныхъ путешественниковъ только для того, чтобы извлечь изъ того свою выгоду. Пограничные начальники должны уже быть съ ними въ дружескихъ сношеніяхъ для того, чтобы ввѣрять имъ путешествующихъ чрезъ ихъ владѣнія. Безъ того нельзя отправлять товары черезъ степь, въ Или, Ташкентъ или Чугучакъ, и даже поѣздки здѣсь ботаниковъ, антикваріевъ и охотниковъ не могутъ совершаться безъ вооруженной эскорты. Этимъ объясняется рѣдкость извѣстій объ этой странѣ, хотя ученымъ наблюдателямъ и позволено было путешествовать въ ней, но и то только съ половины прошлаго столѣтія, т. е. по уничтоженіи могущества Джунгаровъ, сдѣлано было нѣсколько поѣздокъ, не всегда успѣшныхъ; впрочемъ всѣ экспедиціи выходили только изъ одного изъ трехъ пограничныхъ мѣстъ: Семипалатинска, Усть-Каменогорска или Бухтарминска. Это въ новѣйшее время подтверждается усиліями д-ра Мейера, желавшаго пробраться здѣсь до Тарбагатая, что впрочемъ не было ему разрѣшено ([140]) сколько онъ ни хлопоталъ о томъ. Отъ Усть-Каменогорска удалось ему пройти черезъ Курчумъ до озера Зайссана; но ни оттуда, ни изъ Бухтарминска не дозволено было ему проникнуть въ Тарбагатай по причинѣ большой опасности пути. И въ самомъ дѣлѣ, къ З. отъ Иртыша, на Букони, при боковой экскурсіи къ караванной дорогѣ, онъ встрѣтилъ киргизскихъ разбойниковъ, и исключая одной небольшой поѣздки изъ Усть-Каменогорска въ Аблайкитъ, долженъ былъ удовольствоваться ([141]) посѣщеніемъ изъ Семипалатинска самыхъ западныхъ Джунгаро-Киргизскихъ степей, чрезъ Каръ-Каралы и Алтынъ-Тюбе. Открывъ эти страны, онъ принужденъ былъ возвратиться въ Семіярскъ и оттуда въ Семипалатинскъ. Такимъ

(140) Meyer въ Ledebour Altai Reise T. II. p. 191, 298, 304, 264.

(141) Meyer Reise in d. westliche Kirgisensteppe въ Ledebour Altai R. Th. II p. 324—332 и 356—498.

же образомъ, Ледебуръ, съ Усть-Каменогорска къ югу отъ Иртыша, безъ казачьяго отряда не могъ пробраться, при всѣхъ стараніяхъ, далѣе ближайшаго берега Киргизской степи. А. Гумбольдтъ, во время своего путешествія по Уралу, проникалъ только немного далѣе, именно по линіи Иртыша до Китайской границы къ рѣкѣ Нарыму. Другихъ подобныхъ попытокъ ни послѣ этого времени, ни до временъ Гмелина и Палласа, мы не знаемъ. Потому источники изученія этого края очень ограничены и состоятъ только изъ слѣдующихъ разбросанныхъ показаній наблюдателей:

1) Посольство Байкова (1654), о которомъ мы уже говорили выше (см. Т. II. ст. 126 и 258). Его путь идетъ отъ Ямышева, чрезъ страну Семипалатинскую ([142]), къ нынѣшнему Аблайкиту и оттуда мимо озера Зайссана, на востокъ въ Китай.

2) Первое описаніе Аблайкитскихъ развалинъ, сдѣланное въ экспедицію одного урядника, съ 30 солдатами и однимъ писаремъ, по приказанію Г. Ф. Миллера и Гмелина, находившихся тогда въ Усть-Каменогорскѣ (1734) ([143]).

3) Путешествіе Христіана Барданеса, хирурга, родомъ Грека, прибывшаго изъ Швеціи и сопутствовавшаго петербургскому академику Фальку въ качествѣ помощника при собираніи азіятскихъ естественныхъ произведеній (1769—1774). Въ 1771 г. при возвращеніи Тургутъ-Элютовъ съ Волги на Или въ китайскіе предѣлы, онъ воспользовался случаемъ, при помощи русскихъ отрядовъ, преслѣдовавшихъ бѣглецовъ отъ Омска по Иртышу, черезъ Семипалатинскъ и Киргизскія степи, мимо Чаръ-Гурбана, вверхъ черезъ Калмыкъ-Тологой до Кокбекты, лѣваго притока Зайссана.

Первая его поѣздка, въ западныя Киргизскія степи, совер-

---

(142) Müller v. d. ersten Reisen d. Russen n. China въ Samml. russ. Gesch. Th. IV. 1760. p. 482—490.

(143) Gmelin Reise n. Sibirien Th. I p. 232, Müller, Dissert. de scriptis Tanguticis in Sibiria repertis, въ Ком. С.-Петербургской Академіи Наукъ, 1738. Т. X, 4. 1747, 420—468 съ планомъ и чертежомъ.

шилась въ маѣ: вторая ([144])—въ восточныя, теперь нами разсматриваемыя, въ августѣ и сентябрѣ того же года, подъ начальствомъ подполковника Рычкова; но еще прежде того онъ проникъ изъ Семипалатинска, съ отрядомъ маіора Зейферта, черезъ Чаръ-Гурбанъ, глубже въ такъ-называемыя Джунгарскія степи и именно на 44 г. м. (300 вер.) прямо къ Ю.; онъ возвратился благополучно въ Семипалатинскъ въ концѣ сентября. Изъ этого путешествія Фалькъ почерпаетъ первыя свѣдѣнія о Киргизскихъ степяхъ, которыя онъ не могъ посѣтить лично.

4) Экспедиція Соколова изъ Усть-Каменогорска до Аблайкита (1771 г.) ([145]) по порученію академика Палласа, сообщившаго намъ вмѣстѣ съ его записками чертежи и планы, снятые Соколовымъ съ развалинъ Аблайкита. Самъ же Палласъ былъ задержанъ болѣзнью на Убѣ и принужденъ былъ возвратиться изъ Семипалатинска въ Змѣиногорскъ.

5) Сиверсъ, въ своихъ многолѣтнихъ ботаническихъ изслѣдованіяхъ, пытался открыть настоящую родину ревеня, а потому посѣтилъ на Иртышѣ складочныя мѣста бухарскихъ купцовъ, на которыхъ они сбывали этотъ корень въ большомъ количествѣ. Затѣмъ онъ отправился, при помощи киргизскихъ вожаковъ, изъ Семипалатинска на Чаръ-Гурбанъ и Тарбагатай и вернулся оттуда мимо озера Зайссана (1793 г.) ([146]). Съ этимъ обратнымъ его путемъ мы уже имѣли случай ознакомиться. Въ томъ же году Сиверсъ проѣхалъ съ р. Курчума къ развалинамъ Аблайкита и обратно въ Усть-Каменогорскъ. Его замѣтки объ этой странѣ, не посѣщенной Ледебуромъ, Мейеромъ, Бунге, Палласомъ, Георги, Гмелиномъ и др., особенно поучительны, а потому онѣ будутъ служить намъ руководительною нитью, къ которой мы отнесемъ и всѣ прочія объяснительныя показанія.

---

(144) Falk Beitr. z. topogr. Kentn. d. russ. Reiches 1785. Th. I. herausgeg. v. J. G. Georgi Abth. I. p. 29—36; Bardanes 2-te R. in die Kirgisische u. Soongor. Steppe 1771. Ibid. p. 368—376.

(145) Экспедиція студента Соколова изъ деревни Красноярской въ Усть-Каменогорскъ и Аблайкитъ и обратно въ Алтай въ Pallas Reise T. II. p. 540—554.

(146) Sievers Sibir. Briefe X—XIII p. 111—188; XVII p. 215—219.

6) Экспедиція рудокопа Снегирева (1795 г.) изъ Верхней Пристани на Иртышѣ и Бухтарминскаго рудника въ Киргизскія степи, для отысканія золотаго песку. Онъ проникъ черезъ р. Курчумъ и горы Тарбагатай до р. Кара-унгуръ и возвратился оттуда болѣе восточнымъ путемъ черезъ горы Мангаракъ и мимо озера Зайссана ([147]).

7) Путешествіе Путимцева, изъ Бухтарминска, западнымъ берегомъ Иртыша и черезъ степь, мимо западнаго берега Зайссана до Букони ([148]). Обратное его путешествіе къ югу, описано выше на ст. 8.

8) Маршруты ([149]), собранные подполковникомъ и полиціймейстеромъ А. Клостерманомъ, въ 1839 году, въ Семипалатинскѣ и изданные А. Гумбольдтомъ съ замѣчаніями Клапрота: изъ Семипалатинска черезъ Киргизскія степи въ Или, Ташкентъ, Коканъ, Кашгаръ и т. д.

2. Аблайкитъ или Аблайнъ-Кидъ, развалины храма у ручья Аблайкитки; Буддійскій монастырь Киргизской степи и его библіотека.

При заложеніи Усть-Каменогорскаго укрѣпленія, нѣсколько солдатъ отправились на дальнюю охоту къ Ю.-З. отъ крѣпости въ степныя горы. Здѣсь набрели они на развалины города, построеннаго ([150]) въ половинѣ XVII вѣка калмыцкимъ княземъ Аблаемъ для лицъ духовнаго званія, и получившаго названіе Аблайкитъ (или Аблайнъ-Кидъ у Палласа). Эти развалины сходны съ менѣе значительными остатками храмовъ, извѣстныхъ подъ

(147) Fr. J. Hermann Mineralogische Reise in Sibirien St.-Pet. 1801. 4. Th. III. p. 103—107.

(148) Putimstev Voy. à Gouldja etc. въ Klaproth Mem. Asiat. I. p. 173—178.

(149) Alex. de Humboldt Fragm. de Géologie et de Climatologie Asiat. 1831. T. I. 8. p. 236—306.

(150) Müller Samml. russ. Gesch. Th. IV. p. 273, cp. Abulhasi Khan Hist. gén. des Tatares ed. Leyden 1726. 8. VIII. p. 508 Nota; Ph. J. Strahlenberg N. и östl. Europa und Asien. Stokholm. 1730. 4. p. 312.

названіемъ Семи-Палатъ, отъ которыхъ Семипалатинскъ получилъ свое имя, и съ другими большею частію кирпичными жилищами, служившими временнымъ мѣстопребываніемъ древнимъ калмыцкимъ или джунгарскимъ князьямъ, исповѣдовавшимъ ламайскую вѣру.

Мюллеръ и Гмелинъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ только что открытыхъ древностей, пользовались способомъ, которому не должны подражать послѣдующіе путешественники. Не имѣя времени лично присутствовать при изысканіяхъ и опасаясь нападенія Киргизъ-Кайссаковъ, они послали отрядъ, состоящій изъ 30 человѣкъ и одного писаря, въ Усть-Каменогорскъ, съ порученіемъ сдѣлать подробное описаніе ([151]) мѣстности и привезти съ собою всѣ находящіяся тамъ рѣдкости, для того, чтобы онѣ могли послужить въ пользу исторіи.

Степная рѣка нынѣ называемая Русскими Аблайкиткой, а прежде, по свидѣтельству Витсена, называвшаяся Беска, течетъ съ юга и впадаетъ въ Иртышъ 2 г. м. выше Усть-Каменогорскаго укрѣпленія (см. выше ст. 17), хотя Витсенъ перенесъ эту рѣку гораздо далѣе на В., что было опровергнуто Мюллеромъ. Слѣдуя 2 небольшихъ дня пути или около 10 г. м. (70 вер. по Мейеру, 80 вер. по Мюллеру), вверхъ по скалистой долинѣ этой рѣки, путешественникъ достигаетъ до упомянутыхъ развалинъ. При своемъ устьѣ Аблайкитка течетъ по галешнику въ узкой долинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ небольшими холмами, поросшими скудною зеленью; въ ея водахъ кроется множество форелей. Низко-холмистая страна повышается однакоже къ верховьямъ Аблайкитки. Д-ръ Мейеръ замѣтилъ еще, что гранитныя горы ([152]) большею частію значительно превышаютъ сланцовыя, между-тѣмъ какъ до сихъ поръ онъ замѣчалъ совершенно обратное явленіе. Впрочемъ это само собою объясняется далѣе на западѣ (см. выше ст. 38), гдѣ гранитныя горы при р. Бух-

(151) Gmelin l. c.
(152) Meyer въ Ledebour R. Th. II. p. 326.

тармѣ, хотя и превышаютъ сланцевыя, но все однакоже не достигаютъ слишкомъ большой высоты (см. выше стр. 45 и 56), потому-что пересѣкаются порфировыми вершинами. Самыя высокія вершины, по мнѣнію Мейера, не превышаютъ 3,500 ф. надъ поверхностью рѣчки; но крутизна и дикость гранитныхъ горъ придаетъ имъ большую кажущуюся величину. Русскіе называютъ всю эту цѣпь горъ Аблайкитскими сопками (153); горы эти мало посѣщаются Киргизами; долины ихъ большею частію поросли хвойнымъ лѣсомъ, кое-гдѣ встрѣчаются солончаки и соляныя растенія; по обѣимъ сторонамъ рѣки Мейеръ находилъ множество Чудскихъ могилъ, изъ которыхъ Мюллеръ упоминаетъ только объ одной (154), находящейся у западнаго берега рѣки. За сто лѣтъ предъ тѣмъ въ ней было найдено нѣсколько золотыхъ слитковъ, вѣсомъ въ одинъ фунтъ, почему и назвали ее Золотухой. Но въ это время, большая часть могилъ была уже разрыта; между ними Мейеръ нашелъ нѣсколько вертикально поставленныхъ сланцевыхъ плитъ, съ изображеніями человѣческихъ фигуръ. Кое-гдѣ были разбросаны группы киргизскихъ могилъ, относящіяся къ новѣйшему времени. Послѣ перваго дня пути ($6\frac{1}{2}$ г. м., 45 вер.) Мейеръ расположился на ночлегѣ въ рѣчной долинѣ, гдѣ былъ обрадованъ открытіемъ растеній: Cineraria thyrsoidea, Oxytropis glabra и другихъ. На второй день пути онъ проходилъ по болотамъ, покрытымъ Triglochin palustre; на пути встрѣчались киргизскія поля, засѣянныя шестиграннымъ ячменемъ, придававшимъ нивѣ необыкновенно роскошный видъ.

Въ полдень путешественники достигли Аблайкитскихъ развалинъ, лежащихъ, по указанію Мюллера, собственно на Малой Аблайкиткѣ, правомъ притокѣ главной рѣки, образующей здѣсь локоть и текущей отъ В. къ З. въ большую Аблайкитку, берущую начало въ западныхъ вершинахъ Калмыкъ-Тологоя.

---

(153) Meyer въ Ledebour R. T. II. p. 326.
(154) Müller Comm. de Scriptis Tanguticis. l. c. X, p. 443.

Эти Аблайкитскія палаты, какъ называютъ ихъ русскіе туземцы, едва существуютъ; однако въ 1826 году, Мейеръ открылъ одну стѣну, проведенную по острымъ и крутымъ гранитнымъ скаламъ. Но большая часть прежнихъ красивыхъ, твердыхъ и весьма большихъ кирпичей, изъ которыхъ были сложены находящіяся на степи строенія, растасканы въ новѣйшее время Киргизами, воспользовавшимися ими для сооруженія могилъ своимъ султанамъ и военачальникамъ. Сиверсъ ([155]), напримѣръ, нашелъ въ 6 г. м. къ В. отъ Аблайкита, при р. Сантасъ киргизскій памятникъ, выстроенный изъ большихъ твердыхъ, звонкихъ синеватыхъ аблайкитскихъ кирпичей. Берега Аблайкитки во времена Мюллера были окаймлены густыми рощами березъ и тополей; окрестность изобиловала всякаго рода дичью, какъ-то: оленями, сернами, лосями, антилопами и другими, которыхъ число въ настоящее время, при постоянной охотѣ, вѣроятно значительно уменьшилось.

Мейеръ нашелъ здѣшнюю фауну очень скудною; ему встрѣчались одни только суслики; насѣкомыхъ, по причинѣ сыраго и холоднаго воздуха, вовсе не было.

Въ пріятной, но пустынной равнинѣ, ограниченной съ одной стороны высокими скалистыми горами, а съ другой искуственною стѣною, находятся развалины построекъ, утратившихъ прежнее свое величіе. Эти строенія, отъ которыхъ и рѣка и горы получили свои названія, находились на южномъ склонѣ горы, отдѣленной на С. отъ прочихъ сланцевыхъ горъ довольно широкою равниною. По долинѣ, въ направленіи къ С., извивается ручей, котораго берега покрыты зелеными лугами. Въ восточной долинѣ также протекаетъ ручей, омывающій съ юга упомянутую стѣну и впадающій потомъ въ Аблайкитку къ З. Долина наиболѣе расширяется къ сѣверу и къ востоку и туда направляется Аблайкитка; въ этомъ направленіи, на разстояніи двухъ часовъ пути, есть нѣсколько большихъ озеръ ([156]), которыя

(155) Sievers Sibir. Briefe XVII. p. 218.
(156) Meyer l. c. p. 328.

впрочемъ никѣмъ еще не были посѣщены. Къ С.-З. между крутыми скалами, Мейеръ открылъ небольшое, но чрезвычайно глубокое озеро, длиною въ 100 ф. и шириною въ 50; оно было наполнено карасями. Это озеро было уже извѣстно топографу Василію Шишкову, который нанесъ его на карту, представленную имъ Мюллеру ([157]), но не включилъ въ описаніе. На картѣ же Соколова, представленной Палласу, оно совсѣмъ опущено.

Въ окрестностяхъ Мейеръ нашелъ множество могилъ, очень сходныхъ съ Чудскими, но, по его предположенію, можетъ-быть принадлежавшихъ новѣйшимъ Джунгарамъ. За 25 лѣтъ назадъ, туда была послана команда изъ 100 солдатъ, съ цѣлью раскопать всѣ могилы, но впродолженіе двухъ мѣсяцевъ они не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ костей и небольшой мѣдной кружки. Впрочемъ легко себѣ представить, какъ дѣйствовала подобная экспедиція. Между сосѣдними скалами Мейеръ открылъ, въ двухъ мѣстахъ, искусственно расширенныя трещины, которыя, какъ онъ полагаетъ, служили какому-нибудь калмыцкому князю выходами изъ укрѣпленія, построеннаго ордою въ этой горѣ.

По плану Шишкова, снятому по порученію извѣстнаго въ то время начальника горныхъ заводовъ Татищева, и заслужившему по своей точности предпочтеніе предъ планомъ Палласа (*), площадь Аблайкита, обнесенная стѣною, занимаетъ пространство въ 500 саж. длины и 250 ширины, и походитъ болѣе на продолговатый четырехугольникъ, нежели на овалъ. Вездѣ, гдѣ только къ ней примыкаютъ скалы, она неприступна; съ другихъ сторонъ проходитъ стѣна въ четыре аршина толщины и въ пять вышины; внутри ея, вѣроятно, находился княжескій лагерь. Здѣсь свободно могло помѣститься нѣсколько войлоч-

---

(157) Ichnographia Aedium Ablaikitensium et totius moenium ambitus etc. T. III. въ Comment. Acad. sc. Petropol. T. X. l. c.

(*) Между планами Палласа есть за то интересный видъ этой скалистой мѣстности см. Tab. X къ T. II. p. 544.

ныхъ юртъ; единственныя же прочныя и постоянныя постройки. представляютъ развалины древнихъ храмовъ.

Часть стѣны проходитъ по самымъ скаламъ, изъ которыхъ для ея сооруженія были высѣчены большія плиты. Южныя ворота, сложенныя изъ кирпичей, развалились еще въ 1734 году, между-тѣмъ какъ остальныя постройки еще сохранились по крайней мѣрѣ на столько, чтобы судить о ихъ прежнемъ устройствѣ. Изъ этихъ воротъ вела дорога къ двумъ главнымъ строеніямъ, поставленнымъ на кирпичной террасѣ, немного превышавшей вышиною ростъ человѣческій.

Одно изъ нихъ, длиною въ 16 саж. и столько же шириною, съ виду похожее на обыкновенный некрытый дворъ, служило, вѣроятно, преддверіемъ для другаго крытаго строенія, лежащаго къ С. отъ перваго. Въ первомъ строеніи особенно бросались въ глаза два углубленія, подлѣ которыхъ лежали остатки топлива и обломки старыхъ печей. Это наводитъ на мысль, что эти углубленія нѣкогда составляли очаги и доменныя печи, въ которыхъ ламы, посвященные въ тайны лечебнаго искусства, приготовляли свои лекарства, а также плавили металлы и обжигали глину, изъ которой дѣлали своихъ домашнихъ идоловъ. Такими идолами ламы и донынѣ снабжаютъ всѣхъ правовѣрныхъ ламайцевъ. Второе строеніе ([158]), немного менѣе перваго, состояло только изъ одной комнаты и представляло храмъ болѣе разукрашенный, но конечно незамѣчательный по своей архитектурѣ. Замѣчательны однакоже найденные въ немъ идолы, фрески и тангутскія рукописи. Храмъ соединяется со дворомъ посредствомъ двери; нѣсколько оконъ освѣщаютъ его внутренность. Внутри храма найдено было 16 пьедесталовъ, расписанныхъ цвѣтами; они вѣроятно служили подножіями для небольшихъ истукановъ. Между прочимъ были найдены остатки огромной статуи, разбитой когда-то казаками; по этимъ обломкамъ можно было замѣтить, что внутренность статуи состояла

(158) Müller Comment. de Scriptis Tanguticis. l. c. p. 445.

изъ ивовой плетенки, на которой легко могла держаться лѣпная глина, покрытая снаружи бѣлою глиною и легкимъ трепеломъ. Всѣ стѣны были украшены изображеніями многоглавыхъ и многорукихъ буддійскихъ индійскихъ идоловъ и жрецовъ, сидящихъ въ извѣстномъ положеніи на цвѣтахъ лотоса, съ сложенными на крестъ ногами. Число этихъ изображеній простиралось до 200 и всѣ они были написаны въ томъ же грубомъ стилѣ, который замѣченъ Мюллеромъ на фрескахъ стѣнъ Семи Палатъ.

Палласъ ([159]), въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Монголахъ, очень обстоятельно говоритъ объ устройствѣ этихъ калмыцкихъ храмовъ и предметахъ ихъ наполняющихъ. Но всего замѣчательнѣе въ нихъ библіотека, чуднымъ образомъ сохранившаяся посреди степи, какъ въ заколдованномъ мѣстѣ, до тѣхъ поръ, пока казаки и ученые не узнали о ея существованіи. Сѣверная стѣна храма заключала въ себѣ большой шкафъ съ отдѣленіями, которыя наполнены различными тангутскими и монгольскими рукописями. Въ 1734 г. ихъ хранилище было найдено разрушеннымъ и всѣ бумаги разбросанными по комнатѣ; однако, не смотря на частыя поврежденія, которыя эта святыня потерпѣла отъ Киргизовъ, казаковъ, солдатовъ и другихъ невѣжественныхъ посѣтителей, въ ней еще осталось много драгоцѣннаго. Многія рукописи были увезены въ Усть-Каменогорскъ и упортеблены на обертки товаровъ или на обклейку оконъ городскихъ домовъ. Урядникъ, посланный туда съ отрядомъ, по порученію академика, привезъ съ собою въ Усть-Каменогорскъ до 1,500 листовъ тангутскихъ рукописей, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ досокъ, разрисованныхъ фресками. По словамъ его, тамъ оставалось еще 10 вьюковъ (у Гмелина 20 повозокъ) такихъ рѣдкостей. Тридцатью семью годами позже (въ 1771 г.), Соколовъ ([160]) нашелъ тамъ скудные остатки, валявшіеся въ му-

(159) Pallas Samml. russ. Gesch. historisch. Nachrichten üb. die Mongolisch. Völkerschaften St. Petersb. 1801. Th. II. p. 52 etc.
(160) Pallas R. R. Th. II. p. 551.

сорѣ, разбросанномъ по полу храма. Изо всѣхъ рукописей, бумажныя наименѣе сохранились; собранныя Палласомъ превращались въ пыль отъ малѣйшаго прикосновенія, но за то онъ нашелъ другія, написанныя на тончайшей березовой корѣ, черными монгольскими буквами, которыя хотя кое-гдѣ и стерлись, но все же сохранились удовлетворительно. вслѣдствіе чего Палласъ замѣчаетъ, что рукописи на березовой корѣ представили бы современнымъ ученымъ болѣе надежную вѣчность, чѣмъ бумажныя книги. Сверхъ того казаки принесли Мюллеру 6-ть найденныхъ ими въ храмѣ деревянныхъ таблицъ съ вырѣзанными на нихъ деревянными буквами, которыя, по всему вѣроятію, были назначены ([161]) для печатанія. Такимъ образомъ искусство книгопечатанія проникало въ отдаленныя времена и въ эти пустыни, черезъ посредство монастырей и буддійскихъ миссій. Посѣщенный въ 1831 г. профессоромъ Нейманомъ буддійскій монастырь въ Кантонѣ, имѣлъ свою собственную типографію, издавшую уже нѣсколько сотъ буддійскихъ сочиненій. Главная типографія находится въ самомъ Тибетѣ, въ монастырѣ Хобамдо ([162]), находящемся въ Хлассѣ, средоточіи всей ихъ литературы; но подчиненныя ей типографіи были разсѣяны по всему ламайскому міру, даже, какъ это здѣсь оказывается, до самой Иртышской долины. Аб. Ремюза полагаетъ, что подобныя ламайскія библіотеки, встрѣчаемыя въ *ургахъ* (резиденціяхъ) кочевыхъ хановъ нагорной Азіи, столь важны для Европейцевъ, что заслуживаютъ снаряженія особыхъ экспедицій. Многія изъ сихъ библіотекъ сохраняются въ *китахъ* (кидъ у Ремюза) ([163]) или монастыряхъ и въ резиденціяхъ кутухтъ; впрочемъ, теперь многія изъ этихъ драгоцѣнностей уже истреблены окончательно.

При основаніи Усть-Каменогорскаго укрѣпленія, нѣсколько образцовъ изъ найденныхъ, вѣроятно, охотничьими партіями въ

---

(161) Gmelin Sibir. Reise 8. Th. I. p. 237.

(162) Descript. de Tibet, trad. p. l. père Hyacinthe revue p. Klaproth въ Nouv. Journ. Asiat. T. IV. p. 285.

(163) Recherches sur les langues Tartares ed. Paris I. 1820. 4. p. 228.

Аблайкитѣ рукописныхъ свитковъ, были доставлены Петру Великому тогдашнимъ губернаторомъ Сибири, не объяснившимъ, впрочемъ, гдѣ они были найдены и какой націи принадлежали. Это были первыя рукописи, обратившія вниманіе европейскаго ученаго міра на восточно-азіятскую и преимущественно тибетскую литературу. Онѣ были написаны золотыми и серебряными буквами на голубой и черноватой бумагѣ, и такъ какъ никто въ Русской столицѣ не могъ разобрать ихъ, то любознательный Государь послалъ ихъ за границу и преимущественно въ славившуюся тогда Парижскую академію. Мнѣнія ученыхъ о нихъ были весьма разнообразны: Ла-Крозъ смѣшивалъ ихъ съ уйгурскими; великій Ф. Сигфр. Байеръ, однако, въ скоромъ времени призналъ ихъ тангутскими ([164]), но братья Фурмонъ, подъ покровительствомъ аббата Биніона ([165]), не задумались послать Государю переводъ, или лучше сказать, произвольную перифразу подлинника. Въ этомъ они были обличены послѣдними критическими изслѣдованіями Мюллера ([166]), который доказалъ, что весь переводъ есть произвольная выдумка и что они не поняли ни одной буквы текста; „ужасный примѣръ тогдашней французской вѣтренности", восклицаетъ критическій историкъ А. Л. Шлёцеръ ([167]) въ своихъ письмахъ къ Лаксману. Между свертками, собранными Мюллеромъ на берегахъ Иртыша, нашлось очень мало голубыхъ съ золотыми буквами; большая часть были писаны на бумагѣ чернымъ или краснымъ шрифтомъ, квадратными печатными буквами, а также и мелкими прописными. Большая часть ихъ были не напечатаны, а написаны; рѣдко попадались Мюллеру черные съ золотымъ письмомъ и золотою живописью. Вмѣстѣ съ другими свертками привезъ онъ въ Императорскую библіотеку 3 калмыцкія рукописи, написанныя на березовой корѣ, что̀ вѣроятно было сдѣлано только по недостат-

(164) Въ Acta eruditorum Lips. T. IX. p. 20.
(165) Hist. Acad. Inscr. Paris. T. V. p. 109.
(166) Müller, Comment. de Scriptis Tanguticis l. c. p. 427.
(167) Erich Laxmann's Sibir. Briefe. Götting. 1769 p. 15. Not.

ку бумаги, въ которой тамъ нуждались и Русскіе, жившіе въ Восточной Сибири, ибо они также пользовались березовыми лыками для своего письма. По сообщеннымъ образцамъ оказалось, что большая часть тангутскихъ рукописей — какъ и вообще памятники буддійской литературы — содержанія религіознаго.

Кромѣ упомянутыхъ, двухъ главныхъ строеній, въ Аблайкитѣ есть еще два: третье служило, вѣроятно, жилищемъ ламамъ, съ выходами въ южной стѣнѣ, сообразно съ древнимъ обычаемъ Монголовъ и Калмыковъ; четвертое же было меньше остальныхъ и служило кухнею. Вблизи послѣдняго, у западной скалы, было найдено множество костей животныхъ, заваленныхъ грудами каменьевъ.

Изъ отчета посольства Байкова (1654), разсмотрѣннаго выше (см. Т. II. ст. 126 и 257), узнаемъ мы, что это мѣсто было мѣстопребываніе калмыцкаго князя Аблая, по имени котораго и названо Русскими Аблайкитомъ, ибо *кетъ* или *китъ* у Калмыковъ значитъ монастырь (монастырь Аблая) (по мнѣнію Аб. Ремюза, правильнѣе Аблай-инъ-кидъ) ([168]); но такъ какъ при монастырѣ находилась урга и улусъ ордынскаго князя, и всѣ строенія были окружены стѣною, то все мѣсто получило названіе города. Аблай былъ княземъ Хошотъ-Калмыцкаго племени (см. Т. II. стр. 142) и жилъ въ половинѣ XVII вѣка, т. е. во время проѣзда Байкова. Онъ выслалъ ([169]) сему послѣднему на берега Иртыша и Ямышевскаго озера (см. Т. II. ст. 283) 50 лошадей и 40 верблюдовъ, которые должны были перевезти Байкова черезъ мѣсто Калбазинъ (8 дней пути) и Долонъ-Карагай (т. е. 7 сосенъ, 2 дня пути) въ жилище ламы (еще 2 дня пути далѣе: вѣроятно тѣже Семь Палатъ, подлѣ которыхъ впослѣдствіи Русскіе построили Семипалатинскъ), имѣвшаго въ своемъ услуженіи Бухарцевъ, которые засѣвали ему поля ячменемъ, просомъ, горохомъ и др. полевыми хлѣбами. Оттуда Байковъ отправился въ резиденцію

(168) Recherches sur les Langues Tartares l. c. p. 228.
(169) Müller Samml. russ. Gesch. Th. IV p. 483—484.

тайдши Аблая и пріѣхалъ туда 22 ноября 1645 г.; это мѣсто, окруженное съ трехъ сторонъ горами, прилегаетъ съ четвертой къ рѣкѣ, которую Байковъ называетъ Карабуга. Эта мѣстность, лежащая вѣроятно къ З. отъ Аблайкита, еще неизвѣстна, почему и смѣшивается легко съ послѣднимъ. Нѣкоторые изъ подданныхъ тайдши, а именно бухарскіе земледѣльцы, жили здѣсь въ мазанкахъ, однако у всѣхъ было множество скота и богатыя жатвы.

Н. Витсенъ, переводя на голландскій языкъ донесеніе Байкова, называетъ это мѣсто Аблайскими укрѣпленіями (Sterkten или Boerhoe, т. е. урга или княжеская ставка). Здѣсь московскій посланникъ роздалъ свои подарки и прозимовалъ до слѣдующей весны, пробывъ тутъ 4 мѣсяца и 10 дней. 3 апрѣля 1655 г. онъ отправился далѣе на востокъ къ китайскому императору, въ сопровожденіи посланниковъ тайдши. По прошествіи 12 дней они достигли ручья Беска, впадающаго въ Иртышъ; здѣсь князь Аблай приказалъ выстроить два дома изъ кирпичей и окружить ихъ каменною стѣною. Въ другомъ мѣстѣ (170), Витсенъ, упоминая о ручьѣ Беска, говоритъ о немъ слѣдующее: „Князь Аблай приказалъ выстроить на немъ два каменныя зданія и укрѣпленіе, между скалами; онъ выписалъ для этого работниковъ изъ Китая“. Въ этомъ Мюллеръ видитъ происхожденіе Аблайкита, который сдѣлался столь извѣстнымъ своею храмовою библіотекою и ламами, постоянно пребывавшими въ резиденціяхъ князей (см. Т. II. стр. 99, 199 и др.), между-тѣмъ какъ другія подобныя мѣста, процвѣтавшія только временно, вовсе не могли сдѣлаться извѣстными Европейцамъ. Но и Аблайкитъ былъ бы преданъ забвенію, безъ прекрасныхъ изслѣдованій исторіографа Мюллера. Отсюда, 30 іюня, Байковъ продолжалъ свое путешествіе далѣе на В. въ Китай, мимо озера Зайсанъ; на своемъ пути онъ встрѣчалъ такія же храмовыя строенія (какъ это видно изъ того, что онъ обозначилъ въ сво-

(170) N. Witsen N. et O. Tatarie, ed. 2, 774 и Müller T. IV. p. 486.

ихъ запискахъ цѣлый рядъ осѣдлыхъ поселеній, по всему государству отъ востока до запада. Владычество Хошотъ-калмыцкаго тайдши Аблая, окруженнаго безпокойными кочующими племенами, было очень непродолжительно. Во время междоусобной войны, начатой въ 1671 г. (см. Т. II. ст. 146) Галданомъ Элютовъ, онъ былъ вытѣсненъ изъ своей резиденціи и принужденъ бѣжать на Яикъ, откуда дѣлалъ частыя нападенія на Тургутовъ, т. е. Волжскихъ Калмыковъ (см. Т. II. ст. 150). Въ одномъ изъ этихъ нападеній онъ былъ взятъ въ плѣнъ, выданъ Русскимъ и сосланъ въ Астрахань, гдѣ окончилъ жизнь въ глубокой старости.

Хотя мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о бѣгствѣ Аблая изъ его резиденціи съ береговъ Бески, однако тѣмъ не менѣе можемъ съ достовѣрностью сказать, что вся масса тангутскихъ рукописей, не смотря на ихъ священное значеніе, должна была остаться на томъ же мѣстѣ при поспѣшномъ бѣгствѣ Аблая, по трудности перевозки; даже со стороны побѣдителя онѣ остались неприкосновенными, потому-что воинственная его жизнь скоро увлекла его далѣе на востокъ. А поэтому то, что̀ какъ святыня было пощажено Калмыками и Киргизами, досталось на расхищеніе казакамъ, увозившимъ съ собою все, что̀ могло быть имъ полезно.

Подобная участь постигла вѣроятно и киргизскія мѣста, упомянутыя въ отчетѣ Байкова и еще менѣе намъ извѣстныя; отъ нихъ едва ли остались слѣды существованія и самое положеніе въ точности не опредѣлено.

Мюллеръ ([171]) называетъ Калбазинъ (ср. Т. II. ст. 258) Калбазинскою башнею. Мѣсто это лежитъ къ югу отъ Иртыша въ 90 верстахъ отъ Ямышевскаго озера и 4 вер. отъ зимовья Калбазинской Заостровки, основанной въ 1717 г. и омываемой небольшимъ рукавомъ Иртыша. Калмыки называютъ это мѣсто Джалинъ-Обо, по имени князя, царствовавшаго тамъ, какъ полагаютъ,

(171) Müller, Comment. de Scriptis Tanguticis l. c. p. 430; его же Samml. russ. Gesch. IV. p. 249.

съ 1680 до 1700 г. и бывшаго вассаломъ одного изъ монгольскихъ эрдени-кунъ-тайдши (см. Т. II. ст. 146 и 198). Князь этотъ былъ однакоже въ 1702 г. побѣжденъ Киргизами и бѣжалъ черезъ горы на В., гдѣ и укрылся въ своихъ владѣніяхъ. Исторіографъ Мюллеръ, во время своего путешествія 1734 года, поручилъ живописцу снять рисунокъ ([172]) съ развалившагося храма, который казаки за нѣсколько лѣтъ видѣли еще въ цѣлости; стѣны его были кирпичныя и внутри украшены живописью, но ни рукописей, ни идоловъ въ храмѣ не было. На картѣ Витсена это мѣсто отнесено было ближе къ Иртышу, а на новѣйшихъ картахъ оно вовсе опущено; Штраленбергъ ([173]) означаетъ всю равнину, простирающуюся до этого мѣста, именемъ Аблайскихъ степей.

Семь Палатъ (см. Т. II. ст. 283), представляющія теперь жалкіе остатки обрушившейся стѣны, едва возбуждаютъ любопытство путешественниковъ ([174]); подлѣ нихъ находится крѣпость и городъ Семипалатинскъ, которому они сообщили свое названіе. Не смотря однакоже на ветхость этого памятника, Палласъ удостоилъ его подробнѣйшаго описанія ([175]). Онъ состоитъ изъ расположенныхъ на высокомъ, правомъ берегу Иртыша, бухарскихъ зданій, построенныхъ на сланцевой скалѣ. Ближе къ берегу есть ничтожная четырехугольная бѣдная хижина, выстроенная изъ необожженныхъ кирпичей, безъ оконъ, въ 16 ф. въ квадратѣ, съ дверью на рѣку. Остальныя зданія расположены далѣе, на возвышенности; величайшее изъ нихъ имѣетъ только 40 ар. въ квадратѣ; ближайшее къ берегу построено изъ сланцевыхъ плитъ, смазанныхъ глиною; оно обращено своими углами къ 4 сторонамъ свѣта, дверь ея выходитъ на западъ, а окна на сѣверъ и югъ. Еще нѣсколько кучъ щебня дополняютъ чи-

(172) Rudera Calbassumensia Tab. I. въ Comment. Acad. Sc. Petropol. T. X. p. 430.

(173) Nova Descriptio Georg. Tartaria Magnae cum delineatione totius Imperii Rossici imprimis Sibiriae, изд. Штраленберга, 1730.

(174) Sievers Sibir. Briefe p. 110.

(175) Pallas R. R. T. II. p. 500 и Tab. 9.

сло семь, на которое указываетъ самое названіе Семи Палатъ.

Въ сосѣдней низменности, Мюллеръ (176), за 37 лѣтъ посѣтившій и срисовавшій эту мѣстность, нашелъ еще нѣсколько орнаментовъ колоннъ, также грубую живопись съ изображеніемъ сидящихъ и стоящихъ человѣческихъ фигуръ, звѣрей, драконовъ и цвѣтовъ, переплетенныхъ своими стеблями и листьями. Тутъ же нашлось нѣсколько рукописей. За большой стѣной поднималась скала съ изображеніемъ человѣческаго лица, грубо вырѣзаннаго на ея поверхности. Надо полагать, что нѣкогда она служила надгробнымъ памятникомъ, потому-что подлѣ нея находилась могила, изъ которой вырывали нѣсколько унцій золотыхъ украшеній. Мюллеръ принимаетъ ее за Чудскую могилу. По тогдашнимъ сказаніямъ здѣсь жилъ какой-то Дарханъ Зарджи, имя котораго впрочемъ болѣе нигдѣ не встрѣчается. Что эти строенія дѣйствительно относятся къ отдаленнымъ временамъ, то въ этомъ насъ убѣждаетъ архивъ древняго города Тюмени, гдѣ Мюллеръ нашелъ письмо Царя Михаила Θеодоровича, отъ 25 октября 1616 года, въ которомъ упоминаются каменныя развалины Семи Палатъ. Но исторія ихъ постройки и разрушенія остается намъ неизвѣстною. Николай Витсенъ смѣшивалъ ихъ съ семью соснами Долонъ-Карагая, лежащими въ 40 вер. отъ Семипалатинска, но ошибка эта была еще поправлена Мюллеромъ. Около сего послѣдняго мѣста Русскіе построили Долонское укрѣпленіе, противъ устья ручья Чаганки (177), вытекающей изъ степнаго кряжа Чингисъ-Тау; оно было разрушено во время войны 1660 и 1670 годовъ и лишилось своихъ вѣковыхъ сосенъ, но при всемъ томъ Калмыки и донынѣ называютъ его Долонъ-Карагай.

Еще упоминается нѣсколько подобныхъ мѣстъ, коихъ положеніе хотя въ точности и неизвѣстно, но тѣмъ неменѣе мо-

---

(176) Rudera septem Palatiorum. Tab. II. въ Comment. Acad. sc. Petr. T. X. l. c. p. 433.

(177) Meyer in Ledebour R. T. II p. 380, 389. Маршруты въ Fragm. asiat. Ч. I стр. 258.

жетъ быть современемъ отыскано. А потому мы упомянемъ о нихъ, тѣмъ болѣе что подобныя мѣстности показываютъ намъ, что не все это пространство было столь дико и лишено всякихъ памятниковъ народной литературы, какъ это кажется нынѣ. Старшій братъ князя Аблая, по имени Учурту-Тайдши сдѣлался калмыцкимъ ханомъ въ 1672 году. Онъ также имѣлъ своихъ ламъ въ своей резиденціи, находившейся въ 5 дняхъ пути къ западу отъ Аблая; тамъ построилъ онъ храмъ, вѣроятно съ монастыремъ и библіотекою. Мѣсто это называлось Учурту-Ханъ-Китомъ. Въ скоромъ времени оно было разрушено элютскимъ Галданъ-Ханомъ зятемъ Учурту-Хана. Родственная связь не помѣшала Галдану выгнать своего тестя изъ его владѣній и затѣмъ принять титулъ Бошокту-Хана (см. Т. II. ст. 146) въ 1676 году. Чтобы умилостивить боговъ за свои тяжкіе грѣхи, онъ соорудилъ имъ храмъ въ совершенно неизвѣстной землѣ, недалеко отъ Зайсана, въ 6 дняхъ пути къ Ю.-В. отъ Аблайкита; этотъ храмъ назывался Бошокту-Ханъ-Китъ ([178]), (Боштуханъ-Кидъ у Палласа); Палласъ причисляетъ его къ самымъ многолюднымъ монастырскимъ городкамъ, но болѣе о немъ не говоритъ ни слова. Впрочемъ существованіе этого храма, по свидѣтельству Мюллера, продолжалось не долго. Во время кровопролитной монгольской войны онъ былъ разрушенъ Киргизъ-Кайсаками (въ 1689 году). Не смотря на близкое сосѣдство этихъ мѣстъ съ русскими границами, они очень мало извѣстны Русскимъ. Послѣ наблюдательнаго Мюллера немногіе изслѣдователи удостоили эти предметы должнаго вниманія. Неизвѣстно даже куда попала огромная библіотека Галданъ-Церена (см. Т. II. ст. 153), современника Мюллера, обладавшаго всею страною до Зайсана. Галданъ повсюду возилъ съ собою эту библіотеку рукописей ([179]), составлявшую сто верблюжьихъ вьюковъ. Драгоцѣнности же тангутской

---

(178) Müller, Comment. de Scriptis Tanguticis l. c. p. 451; Pallas Samml. histor. Nachr. üb. Mongolen T. II. p. 152.

(179) Müller Comment. de Scriptis Tanguticis l. c. p. 427, Abel Remusat Rech. sur les Lang. Tart. p. 229.

или тибетской и монгольской литературы, посланныя изъ Аблайкита въ Петербургъ, до сихъ-поръ остались неизданными.

3. Путешествія по степи къ Чингисъ-Тау, и вдоль Чаръ-Гурбана черезъ Калбинскія горы и Калмыкъ-Тологой къ Тарбагатаю.

Мейеръ (1826) и Сиверсъ (1792) служатъ намъ единственными источниками для подробнѣйшаго изслѣдованія внутренности восточныхъ Джунгаро-Киргизскихъ степей. Первый, проѣхавъ все пространство отъ Семипалатинска на Ю.-З. до Чингисъ-Тау, знакомитъ насъ съ ихъ крайними западными границами; оттуда онъ направляетъ свой путь на З., куда мы пока за нимъ еще не послѣдуемъ. Второй посѣтилъ пространство отъ Усть-Каменогорска, по болѣе юго-восточной дорогѣ, черезъ Чаръ-Гурбанъ и горныя группы Калбу и Калмыкъ-Тологой до Тарбагатая; оттуда онъ отправился на В. къ озеру Зайссану.

а) *Путешествіе Мейера черезъ Аркалыкскія и Аркатскія горы къ Чингисъ-Тау* (1826).

25-го іюля, Мейеръ ([180]) выѣхалъ изъ Семипалатинска и послѣ 8 дней пути дошелъ, 2-го августа, до предгорій Чингисъ-Тау, прилегающихъ къ западной границѣ нашего восточнаго отдѣленія Киргизской степи. Изъ его путешествія извлекаемъ мы достаточныя свѣдѣнія о природѣ этихъ степей. Переправа черезъ Иртышъ совершается при Семипалатинскѣ, гдѣ служащіе къ тому паромы часто уносятся быстрымъ теченіемъ рѣки; на лѣвомъ берегу ея, подлѣ мѣноваго двора, стоитъ нѣсколько киргизскихъ юртъ и амбаровъ.

Этотъ песчаный берегъ лежитъ на 30 или 40 ф. выше поверхности рѣки и очень крутъ; онъ состоитъ однакожъ изъ глинистаго наноса, покоящагося на известнякѣ. Известнякъ ([181])

(180) Meyer въ Ledebour R. T. II. Abth. V. p. 356—382.
(181) М. Энгельгардтъ, въ Ledebour R. T. I. p. 418.

имѣетъ крутое паденіе и простираніе отъ Ю.-В. къ С.-З.; онъ прикрытъ наносомъ съ гранитными валунами. Подобный же характеръ имѣютъ и ближайшія возвышенности; только здѣсь, глинистый наносъ заключаетъ въ себѣ валуны известняка вмѣсто валуновъ гранита. Кое-гдѣ, известнякъ перемежается съ глинистымъ сланцомъ; возвышенности мѣстами, въ горахъ Аркалыкъ, содержатъ гранитъ.

Къ глинистому сланцу примыкаетъ на югѣ мелко-зернистая граувакка, которая отъ примѣси полеваго шпата дѣлается порфировидною; изъ нея состоятъ почти всѣ холмы и горы. Немногія растенія показываются на этомъ пространствѣ, а далѣе, во внутренность степи распространена твердая глинистая почва, скудно поросшая артемизіями и соляными растеніями. Къ югу, на сколько простирается зрѣніе, растилается степь, пересѣченная многими прерванными рядами холмовъ.

На 2-й день пути Мейеръ слѣдовалъ черезъ голые и совершенно плоскіе холмы, состоящіе большею частію изъ чистаго кварца, между которыми растутъ во множествѣ соляныя растенія, а также характеризующія степную флору: артемизіи, нѣсколько видовъ чесноку (Allium moschatum, nitidulum), Cotyledon spinosa, Chrysocoma angustifolia, Stipa capillata и т. д. Въ 4 часа по-полудни Мейеръ достигъ до сухаго русла рѣчки Турунги, которая, вытекая изъ низкой цѣпи горъ Аркалыкъ, впадаетъ въ Иртышъ. Весною она изобилуетъ водою, а теперь, только въ одномъ мѣстѣ представила лужу, наполненную инфузоріями. Проѣхавъ 34 версты впродолженіе 9½ часовъ, путешественники остановились ночевать; вдали показывались зайцы (Lepus jaculus) и нѣсколько боязливыхъ сайгъ или газелей; стаи прекрасныхъ розоваго цвѣта скворцовъ (Sturnus roseus или Turdus roseus у Палласа) ([182]), которыхъ Палласъ такъ часто наблюдалъ на Иртышѣ, возвращались къ этой рѣкѣ. Кромѣ того вообще встрѣчено было немного животныхъ, насѣкомыхъ и растеній.

---

(182) Pallas R. R. T. II. p. 491, 511.

На 3-й день пути, Мейеръ слѣдовалъ вдоль русла р. Турунги, мимо группъ прекрасныхъ черныхъ тополей, въ тѣни которыхъ рѣзвились пиголицы. Проѣхавъ 12 верстъ, онъ достигъ до низкихъ холмовъ, состоявшихъ изъ известняка, а черезъ часъ пути до подошвы горы Аркалыка, гдѣ былъ обрадованъ открытіемъ прекраснаго ключа. Кругомъ видны были слѣды киргизскихъ зимовьевъ, сѣно было скошено, но худо, и превосходная трава покрывала луга. До сихъ поръ путешественники шли впередъ наугадъ, здѣсь же должны были найти торную караванную дорогу въ Чугучакъ и Кульджу (см. Т. II. ст. 112), по которой удобнѣе было перейти горы Аркалыкъ. Къ вечеру они достигли киргизскихъ могилъ, сложенныхъ изъ дикихъ камней и глины. Отсюда нужда въ съѣстныхъ припасахъ прекратилась, потому-что количество дичи здѣсь все увеличивалось. Ежедневно показывались сайги, которыхъ мясо хотя и грубо и пахнетъ мускусомъ, однако похоже на говядину, очень питательно и даетъ крѣпкій бульонъ.

На 4-й день (28 іюля), путь лежалъ чрезъ холмы, въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, съ крутыми восточными скатами и обнаженными скалами изъ порфировидной граувакки съ полевымъ шпатомъ, и весьма скудною растительностію, имѣвшею одинаковый характеръ съ флорою Арка-Ула и Долонъ-Кара. Караванная дорога отыскалась въ прекрасной долинѣ съ источниками, пересѣкающей въ южномъ направленіи горы Аркалыкъ. Черезъ часъ пути, онѣ уже остались назади, а впереди снова разстилалась степь, но менѣе гладкая, чѣмъ равнина, простирающаяся на С. отъ горъ Аркалыкъ до Иртыша. Поверхность степи здѣсь волниста, частію камениста, а частію покрыта солончаками. Небольшой караванъ изъ 20 каменогорскихъ, семипалатинскихъ и барнаульскихъ купцовъ, возвращавшійся изъ Чугучака, отдыхалъ здѣсь; верблюды его были навьючены дабою, (бумажною матеріею) и мерлушками. Среди этой степи, заросшей галофитами (соляными растеніями), находился колодезь. Два часа пути далѣе, простиралось соляное озеро, подернутое слоемъ

соли въ дюймѣ толщиною; берега его были покрыты налетомъ сѣрнокислаго натра и по нимъ бродили только сайги.

Здѣсь, передъ 5-мъ днемъ пути (29 іюля), сдѣланъ былъ роздыхъ въ полдень. Вся долина была покрыта сѣрно-кислымъ натромъ (подобно египетской долинѣ натряныхъ озеръ, ср. Erdkunde T. I, Ausg. 2, p. 860), изъ котораго, кажется, здѣсь еще не дѣлаютъ никакого употребленія. Здѣсь произрастали Saussurea salsa и glomerata, Chrysocoma, Salicornia herbacea, многіе роды лебеды, Artiplex, астры (Aster dracuncoloides). Плоскіе холмы состоятъ изъ рогово-каменнаго порфира и кое-гдѣ обросли растеніями и низкимъ кустарникомъ, напр. акаціями и т. д. На востокѣ лежала цѣпь горъ Кучумбетъ, совершенно похожая на горы Аркалыкъ. На волнистой степи попадались кусты розъ, съ листьями похожими на барбарисовые (Rosa berberifolia) и многія небольшія растенія неболѣе дюйма вышины, но снабженныя длинными корнями, углубляющимися фут. на 5 въ землю. Сайги, а изъ птицъ огромныя драхвы, показывались здѣсь рѣдко. Вдругъ поднялись надъ степью Аркатскія горы, съ вершинами, разорванными подобно развалинамъ и стѣнамъ разрушенной крѣпости. У подошвы ихъ нашлось нѣсколько ключей, при которыхъ путешественники остановились на ночлегѣ. Здѣсь кустарная акація (Robinia frutescens) почти вездѣ преобладала надъ малорослою (Robinia pygmaea) и даже вытѣсняла ее, какъ это вообще свойственно общественнымъ растеніямъ.

На 6-й день пути (30 іюля) сначала показалась роскошная флора соляныхъ растеній, при двухъ соляныхъ озерахъ, на почвѣ, состоящей изъ наносныхъ глинистыхъ пластовъ, покрытыхъ сѣрнокислымъ натромъ и поваренною солью. Затѣмъ путешественники продолжали путь по довольно холмистой мѣстности къ Аркатскимъ горамъ, гдѣ счастливо отвратили отъ себя нападеніе хищныхъ Киргизовъ. Аркатскія горы отдѣляются здѣсь на З. узкимъ ущельемъ отъ Альджанскихъ горъ, лежащихъ на В. и не превосходящихъ 200 фут. высоты, между-тѣмъ какъ Аркатскія возвышались надъ степью отъ 400 до 500 ф. Ущелье,

въ самомъ узкомъ его мѣстѣ, имѣетъ около 25 шаговъ ширины. Затѣмъ горные кряжи опять расходятся, постепенно понижаясь и сглаживаясь. Встрѣчавшіеся уже и прежде въ Алтайскихъ предгоріяхъ кустарники (Spiraea hypericifolia, Robinia frutescens, R. pygmaea, Mespilus melanocarpa, Rosa altaica, R. laxa, Ephedra и др.), росли также и здѣсь. Окрестная флора ([183]) была довольно точно изслѣдована; съ самой возвышенности взоръ наблюдателя проникалъ далеко черезъ степи и ограничивался отдаленнымъ Чингисъ-Тау на Ю.-З. Смотря тщательно въ зрительную трубу, ботаникъ замѣтилъ, что высочайшія вершины Аркатскихъ горъ, состоящія у подошвы изъ вертикально растрескавшагося порфира, представляли горизонтальные слои, которые онъ могъ принять за гранитныя плиты, совершенно сходныя съ гранитными плитами въ Бухтарминскѣ. Точно также, лежащія далѣе къ западу горныя вершины: Джигиль, Ку, Каръ-Каралы и Кентъ, издали совершенно похожія на вершины Аркатскихъ горъ, вблизи оказались при разсмотрѣніи дѣйствительно гранитными горами, такъ, что слѣдовательно и здѣсь аналогіей горной породы и строенія горныхъ массъ, поднятыхъ до вершины здѣшнихъ сопокъ, подтверждается гипотетическая связь дѣйствовавшихъ при ихъ поднятіи причинъ.

На 7-й день пути (1-го августа), Мейеръ своротилъ съ направляющейся къ Ю. Чугучакской караванной дороги, на З.-Ю.-З. чрезъ голую холмистую степь, въ направленіи къ высокому Чингисъ-Тау ([184]). Здѣсь показались въ первый разъ стаи необыкновенныхъ степныхъ птицъ — Tetrao paradoxa ([185]), которыя такъ скоро бѣгаютъ, что ихъ чрезвычайно трудно убить; мясо ихъ очень вкусно. Число новыхъ обитателей степи увеличивалось все болѣе; татарскіе жаворонки (Alauda tatarica) летали большими стаями; по обѣимъ сторонамъ дороги попадались также степныя мыши (Mus vagus), четыре различныя породы

(183) Мейеръ, въ Ledebour R. T. II. p. 371; также Энгельгардта T. I. p. 418.
(184) Meyer l. c. p. 371.
(185) Pallas R. R. T. II. Tab. 25 p. 712.

быстроногихъ ящерицъ, необыкновенные кузнечики (Gryllus Laxmanni), множество антилопъ и наконецъ хищные Киргизы. Степной жаръ былъ невыносимъ; на отдаленныхъ горахъ падалъ дождь; въ дрожащихъ отъ зноя слояхъ воздуха происходили разнообразные миражи, извѣстные подъ именемъ Fata morgana. Такъ напр. появлялись обширные лѣса, озера; но эти образы мгновенно исчезали по мѣрѣ приближенія къ горамъ. По той же причинѣ маленькія сайги, бѣгавшія по степи, принимали видъ огромныхъ лошадей; онѣ нерѣдко своимъ появленіемъ наводили страхъ, представляясь издали толпою киргизскихъ разбойниковъ. Постоянное появленіе и исчезновеніе самыхъ разнообразныхъ картинъ, доставляли путешествующему наблюдателю увлекательное и великолѣпное зрѣлище ([186]). Но здѣсь фантазія туземца не создала того поэтическаго сказочнаго міра, который создало себѣ воображеніе бедуина, сына каменистой Аравіи. Къ вечеру путешественники достигли до восточныхъ предгорій Чингисъ-Тау и расположились въ широкой долинѣ, между этими предгоріями и сѣвернымъ скатомъ главнаго хребта. Въ долинѣ были замѣтны слѣды кочующихъ здѣсь Киргизовъ, которыхъ многочисленныя кладбища сообщали этому мѣсту какое-то подобіе города. Чингисъ-Тау состоитъ изъ нѣсколькихъ параллельныхъ цѣпей, простирающихся одна за другою отъ В. къ З. на ширинѣ отъ 3 до 4½ геогр. миль (20—30 верстъ). Высота ихъ, относительно степи, простирается отъ 500 и 600 до 700 ф., а надъ поверхностію моря около 1,700 ф. Къ Ю. эти горы, впрочемъ, еще выше. Сѣверныя предгорія покрыты травою и въ нихъ принимаютъ начало обильные водою источники, текущіе въ р. Чаганку (впадающую въ Иртышъ при Долонской). По наблюденію Мейера, слѣдовавшаго между этими предгоріями на западъ, къ горамъ Кар-Каралы, эти горы состоятъ изъ грюнштейна, который, перемежаясь съ грауваккою, во многихъ мѣстахъ, прикрытъ гранитомъ ([187]). Этотъ гранитъ

(186) Meyer l. c. p. 377.
(187) Энгельгардтъ, въ Ledebour R. T. I. p. 419.

раздѣленъ на горизонтальныя плиты и разсѣченъ вертикальными трещинами. Онъ отличается отъ бухтарминскаго тѣмъ, что въ послѣднемъ преобладаютъ вертикальныя трещины, а въ первомъ горизонтальныя. Большое количество дичи наполняло романтическія долины, густо заросшія ивами, тополями и многочисленными лиственными деревьями. Превосходныя травы привлекали въ сырыя низменности питающихся кореньями кабановъ, а на холмы — сайгъ. На высокихъ скалахъ Чингисъ-Тау, Мейеръ видѣлъ дикихъ барановъ, называемыхъ у Киргизовъ архарами (Aegoceros Argali), которыхъ очень трудно поймать. Кромѣ того, встрѣчались стаи также быстрыхъ Tetrao paradoxa, бекасовъ, парившихъ надъ зубцами скалъ соколовъ и черныхъ орловъ (Aquila clanga). Лѣтомъ здѣсь нѣтъ людей, но за то, зимою, тысячи Киргизовъ располагаютъ въ этихъ долинахъ свои аулы.

b) *Путешествіе Сиверса вдоль Чаръ-Гурбана черезъ Калбинскія горы къ источникамъ Кокбекты и Аягуза, и черезъ Кызылъ-Талъ къ рѣкѣ Бугасу (1793 г.)* ([188]).

Поводомъ къ путешествію неутомимаго ботаника Сиверса, послужила молва, что настоящій бухарскій ревень, привозимый бухарскими купцами для продажи на русско-сибирскіе рынки, растетъ по ту сторону Тарбагатая на р. Урджарѣ. Хотя это путешествіе далеко не достигло своей цѣли, какъ и всѣ другія въ этомъ родѣ, однакоже оно не осталось безъ пользы для нашихъ изслѣдованій.

Сиверсъ переправился черезъ Иртышъ, при Усть-Каменогорскѣ (9 іюня) къ мѣновому двору степнаго берега, гдѣ было сборное мѣсто значительнѣйшихъ купцовъ, торговавшихъ съ Киргизскою степью. Недалеко отъ находящихся тамъ кладбищъ былъ рас-

---

(188) Sievers Sibir. Br. 1796. 8. письмо X до XIV p. 111 — 188. Его же, Письма въ Pallas N. N. Beitr. T. VII. p. 264—287.

положенъ аулъ одного киргизскаго рода Итилигирей, при степной рѣчкѣ Уланъ-Булакѣ. Здѣсь у султана Чурга, Сиверсъ купилъ необходимыхъ для его путешествія вьючныхъ животныхъ.

Покупка эта происходила на 2-й день (20 іюня): за верблюда Сиверсъ платилъ 20 р.; за лошадь отъ 10 до 24 р.; въ проводники былъ нанятъ Киргизъ за 12 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ Сиверсъ пустился въ путь съ 1-мъ вожакомъ, 11-ю крестьянами, 4 казаками, всего съ 22 человѣками, довольно хорошо вооруженными, такъ что въ случаѣ необходимости они могли защищаться противъ 200 хищныхъ Киргизовъ, очень часто нападающихъ на эту страну.

На 3-й день 22 іюня путь лежалъ вверхъ по теченію р. Уланъ-Булака мимо двухъ родовъ могилъ, которыя довольно искусно были сложены изъ необожженныхъ кирпичей безъ всякой ограды. Легко можно было замѣтить различіе между могилами бѣдныхъ и богатыхъ. На могилахъ богатыхъ людей курганы были гораздо выше, трупы же бѣдняковъ были покрыты кучею простыхъ камней. Вдоль дороги часто тянулись сланцовыя возвышенности съ острыми гребнями, шедшими въ 2 и 5 паралельныхъ ряда другъ подлѣ друга и казавшимися издали разрушенными стѣнами. Дорога проходила мимо Монастырей, или Монастырскихъ сопокъ ([189]), названныхъ такъ Русскими по ихъ формѣ, походящей на монастырь съ тремя колокольными шпицами.

Еще издали онѣ рѣзко бросаются въ глаза посреди степи, даже если смотрѣть на нихъ съ сѣверной стороны Иртыша, несмотря на то, что разстояніе ихъ отъ Усть-Каменогорска простирается отъ 11 до 12 г. м. (80 верстъ).

Главная вершина, если смотрѣть на нее съ С., походитъ на изукрашенное многими башнями зданіе. Это происходитъ вѣроятно оттого, что здѣсь, какъ и въ Чингисъ-Тау, вертикальное растрескиваніе преобладаетъ передъ горизонтальнымъ, что̀ и сообщаетъ горамъ подобную характеристическую форму. Д-ру Мейе-

(189) Sievers l. c. p. 115, Мейеръ, въ Ledebour R. T. П. p. 195, 330.

ру разсказывали, что Монастырскія сопки окружаютъ, какъ бы высокими скалистыми стѣнами, лугъ въ $^1/_2$ часа пути въ окружности, орошаемый прекрасными источниками, образующими рѣку, русло которой есть единственный входъ въ средину этой скалистой котловины. Сиверсъ не говоритъ ничего подобнаго. Онъ описываетъ эту горную группу какъ высокую, уединенную, твердую и крупно-зернистую гранитную массу, отъ которой бури и вѣтры оторвали милліоны обломковъ. Все это представляло родъ развалинъ, чрезъ которыя Сиверсъ съ трудомъ могъ проѣхать верхомъ, чтобы достигнуть до своего ночлега въ луговой долинѣ. Киргизы и Калмыки называютъ эту горную группу Дуллагала Чёкотъ.

На 3-й день пути, поднимаясь въ гору, путешественники достигли р. Уланъ-Булака, гдѣ было прекрасное пастбище; алтайскій чеснокъ (Allium altaicum Pall.), питательное растеніе альпійской зоны Алтая, растетъ здѣсь въ изобиліи. Отъ источниковъ Улана должно было переходить сланцовыя горы, на вершинѣ которыхъ разстилались высокія луговыя пространства, служившія лѣтними кочевьями Киргизовъ. Спускъ къ югу чрезъ узкую, крутую, покрытую однакоже кустарникомъ и засыпанную сланцовыми осыпями долину, былъ очень затруднителенъ.

Сиверсъ спустился такимъ образомъ къ р. Кызылъ-су, текущей отъ В. къ З., а потомъ къ С.-З. и впадающей въ Иртышъ съ степной стороны нѣсколько ниже Большой Убы. Здѣсь путешественники поймали неводомъ 15 фунт. щукъ и нѣсколько другихъ рыбъ (признакъ богатства рѣки), изъ которыхъ уха, приправленная чеснокомъ, доставила ему славный ужинъ.

Въ этотъ день надъ сухой степью разразились двѣ громовыя тучи; къ вечеру лагерь былъ перенесенъ на рѣчку Джаманъ, въ сосѣдство киргизской волости. Сиверсъ былъ удивленъ тѣмъ, что несмотря на обиліе травъ, въ здѣшнихъ долинахъ онъ встрѣтилъ въ нихъ мало киргизскихъ юртъ. Это дало ему поводъ заключить, что едва ли численность средней Киргизской орды, населяющей эти страны, простиралась до 200,000 душъ, какъ это тогда прини-

малось; по позднѣйшему счисленію Спасскаго численность эта оказалась еще болѣе, именно до 259,000 семействъ (190).

На 4-й день пути (23 іюня) Сиверсъ слѣдовалъ 3 г. м. (20 вер.) къ долинѣ Чаръ-Гурбанъ (т. е. три быка по-калмыцки) чрезъ романтическіе, богатые травою луга. Знакомыя уже намъ акаціи (Robinia frutescens и pygmaea), жимолости (Lonicera tatarica) и таволги (Spiraea) были здѣсь единственными кустарниками; прекрасный ясенецъ (Dictamnus albus) украшалъ своими цвѣтами эти равнины. Чаръ-Гурбанъ, по свидѣтельству маршрута X (191) вытекающій изъ Калбинскихъ горъ, есть самая большая рѣка этой степной страны. О впаденіи ея въ Иртышъ выше Семипалатинска, при станціи Талицкой мы упоминали уже выше (см. выше). Теперь, среди лѣта Чаръ-Гурбанъ былъ незначителенъ, но весною, во время таянія снѣговъ, онъ простирается отъ 100 до 180 ф. Сиверсъ полдневалъ на его берегу около находящихся тамъ Чудскихъ могилъ: отсюда вверхъ, то есть къ востоку, до трехъ истоковъ рѣки Киргизы считали еще 14 г. м. (100 вер.). Всѣ эти три истока выходятъ изъ горныхъ группъ Хейрекъ и Калмыкъ-Тологой, изъ которыхъ текутъ еще и другіе притоки Иртыша: р. Буконь (см. выше стр. 14 и 32), впадающая въ Иртышъ близь устья Курчума. Войлочная. проходящая мимо горы того же имени (см. выше стр. 43) и впадающая въ Иртышъ близь Бухтарминска, и р. Аблайкитъ, текущая на С. къ Усть-Каменогорску (см. выше ст. 128). На высокомъ и каменистомъ берегу Чаръ-Гурбана лежали могилы (192), 3 большія и 5 малыхъ, подлѣ нихъ и Киргизы избрали мѣсто для погребенія своихъ покойниковъ. Всѣхъ могильныхъ холмовъ можно было насчитать до 7. Они были высоки, длинны и усыпаны камнями. Кромѣ нихъ былъ найденъ небольшой глиняный мавзолей въ 1 1/2 саж. вышиною, обведенный стѣною, въ которой у изголовья героя было вставлено

---

(190) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II. p. 449.
(191) Маршруты въ Humboldt Frag. Asiat. T. I. p. 293.
(192) Sievers l. c. p. 118.

копье. Три Чудскія могилы представляли круглые, невысокіе курганы, до 16 шаговъ въ діаметрѣ, обставленные большими, округленными и бѣлыми гранитными массами. Одинъ изъ нихъ былъ разрушенъ, но не Киргизами, для которыхъ эти могилы всегда священны; красивые степные цвѣты Convolvulus, Scutellaria, Hedysarum и др. украшали эти могилы. Берега рѣки были осѣнены прекрасными ивами, тополями (Pop. tremula, balsamifera) и березами; воды ея были оживлены многочисленными рыбами: щуками, окунями и чебаками (Cyprinus lacustris). По мнѣнію Сиверса, эта прекрасная мѣстность была бы очень удобна для основанія города, къ чему однакоже на югъ отъ Иртыша на русской землѣ не сдѣлано никакихъ попытокъ (*). Къ вечеру путешественники переѣхали рѣку. На лѣвомъ ея берегу было также 24 кургана различной величины, какъ будто бы эта рѣка для древнихъ аборигеновъ была священнѣйшимъ мѣстомъ. Нѣкоторыя изъ могилъ были очень велики, а на иныхъ стояли кубическіе домики, представляющіе вѣроятно позднѣйшія постройки. Другія могилы были огорожены порфировыми глыбами. Многочисленныя подобнаго рода Чудскія кладбища, встрѣчаемыя здѣсь впродолженіе цѣлаго дня пути, указываютъ на густоту древняго народонаселенія этой страны. Дорога шла по лѣвому берегу Чаръ-Гурбана, по глинисто-сланцевымъ горамъ, гдѣ Сиверсъ нашелъ новый видъ ревеня (Rheum nanum), потомъ черезъ рѣчку Дауву (лѣвый притокъ Чаръ-Гурбана) и наконецъ черезъ довольно высокую гору, роскошно заросшую еспарцетомъ (Onobrychis). Недалеко отъ этой послѣдней, у подошвы другой горы, показался березовый лѣсокъ, составляющій здѣсь, посреди Киргизской степи, большую рѣдкость; затѣмъ уже знакомые намъ кустарники образовали здѣсь низкую поросль.

На 5-й день пути (24 іюня) съ восходомъ солнца, Сиверсъ отправился къ С.-З. черезъ тянущійся отъ З. къ В. хребетъ

(*) Въ этой части степи существуетъ нынѣ городъ Кокбекты, въ верховьяхъ рѣчки того же имени, впадающей въ Зайсанъ. — *Пр. Пер.*

Калбинскій, который Киргизы сдѣлали столь удобопроходимымъ, какъ бы вдоль его лежала большая дорога. Западная оконечность хребта извѣстна подъ именемъ Калмыкъ-Тологоя, или калмыцкой головы; отъ нея хребетъ направляется на Ю.-В. къ оз. Зайссанъ, а на С.-В. къ Хейреку. Перейдя на южную сторону хребта Сиверсъ спустился къ р. Курменты (у Сиверса Курмульты), черезъ которую переправился два раза. Рѣчка эта течетъ къ Ю. въ болѣе значительную Кокбекты, которая, какъ мы говорили выше, течетъ къ В. въ озеро Зайссанъ (*). По теченію р. Курменты встрѣчены были киргизскіе посѣвы пшеницы; а далѣе къ Ю. отъ нея встрѣчалось еще нѣсколько подобныхъ полей, искусно орошенныхъ каналами. Впрочемъ Киргизы не сами занимаются этою работою, но держатъ для нея особыхъ батраковъ. Р. Кокбекты обильна рыбою; теченіе ея тихо. Разстояніе ея отъ Иртыша при Усть-Каменогорскѣ составляетъ не болѣе 30 г. м. (200 вер.) и слѣдовательно рѣка эта впадаетъ въ озеро Зайссанъ около 48° с. ш. До нея проникалъ въ январѣ 1771 г. русскій отрядъ, подъ начальствомъ маіора Зейфферта ([193]), слѣдовавшій вверхъ теченія р. Чаръ-Гурбана (см. выше стр. 126). Сиверсъ говоритъ, что на Иртышѣ слышалъ онъ въ послѣдній разъ пѣнье соловья, уже не повторявшееся въ степи до Чаръ-Гурбана. Здѣсь же, какъ и на всѣхъ слѣдующихъ рѣкахъ, во всякомъ кустарникѣ слышался голосъ этого прекраснаго пѣвца Киргизскихъ странъ, также встрѣчалось много перепеловъ, жаворонковъ, другихъ пѣвчихъ птицъ, между-тѣмъ какъ число змѣй, по мѣрѣ удаленія отъ Иртыша, уменьшилось. На тихихъ водахъ Кокбекты плавали: красивая, желтая кувшинка (Nymphea lutea) и другія водяныя растенія (Potamogeton natans, lucens, perfoliatum). Впрочемъ различіе въ почвѣ, растеніяхъ и насѣкомыхъ этого края съ природою русской иртышской степи было довольно незначительно.

(*) Послѣдующая фраза Риттера выпущена въ переводѣ, потому-что въ ней р. Кокбекты смѣшана съ болѣе южнымъ Бугазомъ.—*Пр. Пер.*

(193) Falk Beitr. z. Topog. Kenntn. T. I. p. 375.

Впродолженіе знойнаго 6-го дня пути (25-го іюня), Сиверсъ все еще слѣдовалъ вдоль верхней Кокбекты, текущей здѣсь отъ Ю. къ С. и поворачивающей только нѣсколько далѣе къ В. Путешественники слѣдовали вверхъ р. Кокбекты и вскорѣ перешли черезъ лѣвый притокъ ея Кара-су (черная вода) и прошли мимо высокой обнаженной горы Кушъ-Муруна (птичій носъ), изъ которой этотъ притокъ беретъ начало. Степь покрыта здѣсь слоями красной желѣзистой глины и повсюду представляетъ обильные солончаки, поросшіе прекрасными соляными растеніями (Salsola) и породами лебеды (Atripl. sibirica, laciniata и др.). Съ одного изъ сланцовыхъ холмовъ видна была, хотя еще вдали, одна изъ вершинъ Тарбагатая, покрытая снѣгомъ.

7-й день пути (26 іюня). Рои комаровъ, составляющихъ самый ужасный бичъ низменныхъ степей, исчезли въ этой возвышенной странѣ, и потому можно было здѣсь встрѣтить кочующихъ съ своими стадами Киргизовъ, которые всегда стараются избавиться отъ этихъ несносныхъ насѣкомыхъ, какъ отъ одного изъ величайшихъ золъ. Лѣсу здѣсь мало, но за то травы роскошны; большія гранитныя глыбы, распавшіяся на таблицы, какъ близь Бухтарминска и Колывани, были здѣсь отчасти разбросаны, отчасти навалены въ огромныя пирамиды. Высокій Кушъ-Муруνъ остался въ сторонѣ, на западѣ отъ Кара-гиреевской волости, которой служила въ этотъ день ночлегомъ путешественникамъ.

На 8-й день (27 іюня), путь лежалъ между гранитными скалами, которыя къ югу все болѣе и болѣе переходили въ возвышенныя горы. Подвергнутыя впродолженіе тысячелѣтій разрушительнымъ дѣйствіямъ вѣтра, непогодъ и дождя, онѣ были почти совершенно разрушены. Черезъ нѣсколько часовъ, Сиверсъ достигъ южнаго склона тѣхъ горъ, съ сѣвернаго ската которыхъ течетъ р. Кокбекты. Горы эти, къ Ю. отъ поперечной ея долины, тянутся діагональною цѣпью къ сѣверной подошвѣ Тарбагатая, а на С.-З. соединяется съ скалистымъ Кушъ-Муруномъ. Съ сѣверо-восточнаго склона этой діагональной цѣпи

текутъ западные притоки озера Зайссана, какъ напр. Бугасъ (см. выше ст. 16) и др.: съ юго-западнаго же воды Аягуза (см. Т. II. ст. 193) и притоковъ его въ озеро Балхашъ. Въ слѣдующіе дни путь шелъ большими изгибами, по прохладнымъ, богатымъ лугами, высотамъ горной цѣпи ([194]) къ Тарбагатаю. А потому на этомъ пути Сиверсъ могъ удобно наблюдать полную картину народной жизни Киргизовъ на лѣтнихъ ихъ кочевьяхъ. Первый притокъ Аягуза, до истока котораго достигли путешественники, слѣдуя черезъ безлѣсные, но богатые лугами холмы, есть р. Балтакаръ (правый притокъ Аягуза); имя его заимствовали и сосѣднія горы (на картѣ Пайснера). Долина, казалось, была очень удобна для земледѣлія; два небольшихъ горько-соленыхъ озера лежали близь источника. Въ здѣшнихъ горахъ есть желѣзная руда. Сиверсъ замѣтилъ, что здѣсь выходитъ на поверхность слоистая ленточная яшма съ прекрасными черными дендритами. У верховьевъ Балтакара, путешественники имѣли ночлегъ въ киргизской волости Бури-Найманъ.

На 9-й день пути (28 іюня) Сиверсъ слѣдовалъ черезъ песчаныя, глинистыя и безводныя степи и бѣдныя растительностію долины, поросшія только кустарниковыми артемизіями. По мѣрѣ приближенія къ Тарбагатаю, окрестныя горы становились все скалистѣе; однѣ представляли округленныя вершины, другія — острые гребни, а нѣкоторыя — тупые, клинообразные шпили. Всѣ равнины были покрыты Чудскими могилами, еще нетронутыми и неразрытыми, какъ на берегахъ Иртыша. Нѣкоторыя изъ могилъ обставлены гранитными столбами, высотою въ нѣсколько локтей; поверхность ихъ вывѣтрилась, что и доказываетъ глубокую ихъ древность. Одна изъ могилъ была огорожена не очень большими гранитными столбами, въ окружности которыхъ находился еще другой, меньшій кругъ, а въ центрѣ, надъ трупомъ, возвышалась груда камней. Это была могила, вѣроятно, какого-нибудь князя, или героя совершенно забытыхъ и безъимен-

(194) Sievers Sibir. Br. p. 129.

ныхъ аборигеновъ, напоминающая намъ подобные памятники древнихъ, давно преданныхъ забвенію народовъ, жившихъ на оконечности стараго свѣта въ землѣ Ировъ ([195]), въ Ирландіи и Касковъ (Casci) въ древнемъ Лаціумѣ. Въ описываемой же нами странѣ встрѣчались и кладбища, воздвигнутыя позднѣе, по обычаю туземцевъ подлѣ уважаемыхъ ими предковъ. Недалеко отсюда къ востоку, Сиверсъ достигъ рѣки Бугаса, текущей на протяженіи $11\frac{1}{2}$ г. м. къ С.-В. и впадающей въ озеро Зайссанъ. Здѣсь путешественники остановились въ волости Карагирей-Хошамбетъ ([196]), въ аулѣ киргизскаго султана Букея (котораго Императрица Екатерина II, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, произвела въ чинъ русскаго капитана).

10-й день пути (29 іюня). Огромная гранитная скала Кызылъ-Ташъ (т. е. красная скала), возвышается недалеко на Ю. отсюда и раздѣляется болотистою долиною на два скалистые пика. Эти высоты протянуты къ Ю.-З. на нѣсколько верстъ и состоятъ изъ плотныхъ красныхъ, большихъ, гранитныхъ обломковъ и плитъ съ ямами и углубленіями, служащими прибѣжищемъ орламъ (беркутамъ). Киргизы такъ дорого цѣнятъ этихъ птицъ, что охотно платятъ за нихъ по 2 и по 3 лошади. Каменные бараны (Ibex у Палласа, въ N.N. Beitr. VII p. 276, или аргали?) здѣсь также нерѣдки; альпійск. жимолость (Lonicera alpigena) достигаетъ здѣсь 9 ф. высоты, Ephedra polygonoides Pall. дюйма толщины, можжевельникъ (Iuniperus lycia), иссопъ, (Hyssopus officinalis), Dictamnus albus, Aquilegia viscosa и другія примѣчательныя растенія, также растутъ на этихъ дикихъ высотахъ, сильно согрѣваемыхъ палящими лучами солнца. Тутъ же около верховьевъ рр. Бугаса и Аягуза, киргизскій старшина Сарембетъ ([197]) пасъ въ то время свои стада. Ему

(195) L. C. Beaufort Essay upon the state of Architecture and Antiquities previous to the landing of the Anglo-Normans in Ireland in Transact. of the Roy. Irish Academy. Dublin 1828. T. XV. p. 101. Annal. dell' Instituto di Correspondenza Archeologica 1829 Roma.

(196) Sievers Sibir. Br. p. 132.

(197) Sievers Sibir. Br. p. 137.

было 87 лѣтъ отъ роду, женѣ его 81 годъ. При нихъ было 15 сыновей и дочерей, множество внуковъ и многочисленныя стада и все это жило въ патріархальной простотѣ, напоминавшей времена Авраама.

Отсюда, съ высокаго Кызылъ-Таша и истоковъ Бугаса, изъ аула Сарембета, Сиверсъ совершилъ экскурсію (отъ 13 іюня до 14 іюля) въ высокій Тарбагатай, откуда снова возвратился въ гостепріимный аулъ киргизскаго патріарха ([198]). Этою экскурсіею возстановляется для насъ связь южныхъ степей съ водоемами Балхаша и Ала-Куля (см. Т. II. ст. 91 и 110). Мѣстность эта есть страна сѣверныхъ, богатыхъ пастбищами предгорій Тарбагатая, въ которой, нѣсколько далѣе къ В., на рѣкѣ Карабугасъ, Путинцевъ, въ 1811 году, встрѣтилъ дружескій пріемъ у киргизскаго султана Камбара ([199]), кочевавшаго тамъ съ своими стадами, по обѣимъ сторонамъ горной цѣпи. Подъ покровительствомъ Камбара онъ счастливо совершилъ свое путешествіе въ Кульджу (см. Т. II. ст. 112).

c) *Продолженіе: поѣздка Сиверса изъ аула Зарембета на Кызылъ-Ташъ, къ истокамъ Бугаса на югъ, черезъ Тарбагатай до Игенъ-булака и Урджара, впадающаго въ Ала-Куль, и обратное путешествіе отъ 30 іюня до 14 іюля (1793 г.)*

Предъидущій ночлегъ на богатыхъ пастбищами высотахъ находился между горою Кызылъ-Ташъ и длиннымъ обнаженнымъ горнымъ гребнемъ, называемымъ Тюэ-Муйнакъ (см. выше ст. 16), т. е. верблюжья шея, изъ котораго беретъ начало р. Бугасъ, въ томъ же самомъ хребтѣ обнаженныхъ горъ, черезъ который нѣсколько восточнѣе переходилъ Путинцевъ.

Въ 1-й день новаго пути (30 іюня) путешественники вышли

(198) Sievers Sibir. Br. p. 138—160.
(199) Poutimstew Voy. l. c. p. 91.

рано утромъ и слѣдовали при большомъ зноѣ, безъ всякой тѣни и зелени, мимо высокихъ скалистыхъ горъ Боръ-Обкэты, къ мутной рѣчкѣ Чингискѣ. Воды ея, хотя глинистыя, но прохладныя и освѣжающія, обильно орошаютъ сосѣднія пастбища и впадаютъ къ Ю.-З. въ р. Аягузъ, съ правой стороны. Вблизи возвышались тальковые холмы, украшенные прекрасными цвѣтами (Statice argentea, reticulata, Anabasis cretacea, aphylla); синеватые слои талька и бѣлый гранитъ выходили здѣсь на поверхность; далѣе тянулись вдоль р. Аягуза высоты, состоящія изъ сланца и вакки. На берегу этой рѣки путешественники остановились на первомъ ночлегѣ. Ширина ея простиралась только отъ 12 до 20 футовъ; но воды ея были прекрасны, прозрачны и быстры. Онѣ изобиловали щуками и лососями (Salmo hucho? L.), а берега ихъ поросли ивами.

На 2-й день (1 іюля) Сиверсъ направился вверхъ по Аягузу, до истоковъ его, опять въ сердце горъ, оставляя Боръ-Обкэты влѣво. Такимъ образомъ Сиверсъ достигъ до прекрасной долины, въ которой кочевали волости Карагирей Байджигитъ-Тау-ке и пребывали на своихъ лѣтнихъ кочевьяхъ два брата — султаны Джайдекъ и Сюкъ. Карагирей есть общее названіе болѣе чѣмъ 8 различныхъ волостей, или родовъ, подвластныхъ нѣсколькимъ киргизскимъ султанамъ. Сиверсу сказали, что здѣсь растетъ настоящій ревень, но онъ нашелъ только извѣстный Rheum sibiricum Pall. Ночлегъ былъ имъ выбранъ на другомъ источникѣ Аягуза, болѣе близкомъ къ Тарбагатаю; тутъ, на прекрасныхъ альпійскихъ лугахъ были расположены многочисленныя киргизскія юрты.

На 3-й день (2 іюля), путь лежалъ черезъ скалы зеленоватаго порфира съ бѣлымъ полевымъ шпатомъ, и наконецъ, послѣ 1¹/₄ часа пути черезъ степные холмы, путешественники достигли сѣверной подошвы знаменитаго Тарбагатая. (Вѣроятно это было нѣсколько западнѣе того мѣста, гдѣ проходилъ Путинцевъ черезъ туже гору отъ верхняго Карабугаса къ аулу султана Камбара, расположенному на южномъ склонѣ Тарбагатая на пути въ Вэйтанъ-цзы и Чугучакъ (см. Т. II. ст. 112).

Верблюдамъ было чрезвычайно трудно подниматься на Тарбагатай,

или хребетъ сурковъ (тарбага); шесть разъ нужно было давать имъ роздыхъ. Богатые горные луга покрывали эти высоты и ботаникъ былъ восхищенъ щедрою жатвою горныхъ растеній (напр. Ranunculus nivalis, Papaver alpinum и др.); очень жаль, что д-ръ Мейеръ не могъ продолжить своего путешествія до сихъ поръ. По свидѣтельству Сиверса (200), всѣ здѣшніе горные гребни состояли изъ мелкозернистаго гранита, внѣшнимъ видомъ своимъ походящаго на песчаникъ. Это обстоятельство кажется для насъ очень любопытнымъ въ отношеніи къ внутреннему строенію этой высокой горной массы, потому-что имъ объясняется сохраненіе связи высшаго гребня Тарбагатая при всеобщемъ разрушеніи его окрестностей. Кромѣ того, здѣсь лежатъ обломки крупно-зернистыхъ горныхъ породъ: огромныя плиты сѣраго сланца, также порфиръ, покрытый налетомъ мѣдной зелени, и сѣрый роговой сланецъ, похожій на яшму. Эти горныя породы образуютъ на вершинѣ и на склонѣ горы самыя странныя фигуры, какъ то: колонны, корытовидныя углубленія, листоватыя массы или огромные агрегаты. Яшмовыя массы съ волнообразными полосами были здѣсь также кое-гдѣ разбросаны. Во всѣхъ ущельяхъ и углахъ горъ, у подошвы каменныхъ стѣнъ, лежало еще много снѣга, который казался особенно пріятнымъ при безоблачномъ лазуревомъ небѣ, и оттого въ воздухѣ не было комаровъ и пасущіяся стада не страдали отъ оводовъ.—Окрестная мѣстность въ это время года представляла самое пріятное прибѣжище въ мірѣ, украшенное восхитительными видами на всѣ стороны. Для измѣренія высоты у путешественниковъ не было инструментовъ. Всѣ горы, казавшіяся до-сихъ-поръ Сиверсу высокими, лежали у ногъ его истинными лилипутами, въ сравненіи съ Тарбагатаемъ, и терялись на далекомъ горизонтѣ въ голубомъ туманѣ. Только одинъ красноватый и величественный Боръ-Обкэты могъ состязаться высотою своей съ Тарбагатаемъ; это была голая скала изъ твердаго гранита, подобная Кызылъ-Ташу, но значительно превосходящая его высотою. Рѣзко отличался отъ него

(200) Sievers Sibir. Br. p. 141.

покрытый свѣжею зеленью хребетъ Тарбагатай. Отсюда караванъ началъ спускаться на южную сторону горы, черезъ богатыя лугами возвышенности, къ истоку р. Базара, текущей отсюда на С.-В. и впадающей въ озеро Зайссанъ (см. выше стр. 16). Здѣсь было избрано мѣсто для ночлега. На всемъ пути путешественнику попадались горные Киргизы Большой орды ([201]). Они населяютъ болѣе внутреннія южныя степи и страшнѣе другихъ Киргизовъ; но малоизвѣстны и хотя считаются китайскими подданными, однако мало повинуются этому владычеству. Они отличаются бо̀льшею храбростію и вмѣстѣ съ тѣмъ хищничествомъ и жестокостію, и превосходятъ въ этомъ сосѣднихъ съ ними на С. и З. обитателей Средней орды, черезъ область которыхъ Сиверсъ старался пробраться къ югу. Величественные ландшафты были чудно оживлены этими кочевниками. Со всѣхъ сторонъ видны были скалистыя горы, снѣжныя поляны, а между ними зеленые луга, шумные потоки. Тутъ же тянулись большія стада сытыхъ двугорбыхъ верблюдовъ, навьюченныхъ юртами, также стада рогатаго скота, овецъ и табуны лошадей, сопровождаемые мужчинами, женщинами, дѣвушками и дѣтьми въ странной, пестрой одеждѣ. Дѣвушки и женщины пѣли пѣсни, послѣднія очень дружелюбно просили табаку; но вообще смотрѣли довольно дико. Здѣсь, на высотахъ, весна только-что наступила съ началомъ іюля, и только-что распускались цвѣты, отцвѣтшіе уже за двѣ недѣли въ Усть-Каменогорскѣ. Въ воздухѣ носились ястребы, залетая выше самыхъ высокихъ вершинъ Тарбагатая ([202]). Взглядъ простирался далеко на югъ, гдѣ видна была неизмѣримая поверхность озера Ала-куль, за которымъ вдали (на разстояніи 50 верстъ), виднѣлись вершины Ала-Тау (см. Т. II. ст. 110). На востокѣ взоры наблюдателя встрѣчали китайскій пограничный городъ Чугучакъ, къ сѣверу отъ котораго простирается длинная, лѣсистая цѣпь горъ Тохта. Недалеко отъ южной подошвы Тарбагатая извивалась р. Урджаръ, направлявшаяся къ озеру Ала-

(201) Meyer въ Ledebour Reise l. c. T. II. p. 449.
(202) Sievers Sibir. Briefe p. 144.

куль; но на берегахъ ея не было видно ни лѣса, ни ауловъ. Прекрасныя фіалки (Viola grandiflora, coerulea), снѣжные могущники (Potentilla nivea) и другіе альпійскіе цвѣты покрывали эти киргизскія альпы.

На 4-й день пути, 3 іюля, Сиверсъ спускался по южному, очень крутому и трудному горному склону; непостижимо, какимъ образомъ верблюды могли держаться на отвѣсномъ почти скатѣ; однако всѣ спустились благополучно. На этомъ южномъ склонѣ весь снѣгъ уже растаялъ и при подошвѣ въ долинѣ Урджара на обоихъ берегахъ рѣки поражала взоры путешественника цѣлая роща прекраснѣйшихъ мелкихъ яблонь (см. Т. II. ст. 120). Во всей Сибири, какъ извѣстно, кромѣ растущихъ за Байкаломъ китайскихъ яблонь (Pyrus baccata), употребляемыхъ на варенье, нѣтъ никакихъ плодовъ. Эти же яблоки на вкусъ очень пріятны; Сиверсъ почиталъ ихъ лучшимъ дессертомъ и полагалъ, что они акклиматизировались бы въ Усть-Каменогорскѣ, еслибъ пересадить ихъ на Иртышъ. Величиною они съ куриное яйцо; Киргизы называютъ ихъ *алма.* Сдѣланы ли опыты такой пересадки? изъ новѣйшихъ свѣдѣній кажется слѣдуетъ, что этимъ выгоднымъ дѣломъ еще никто не имѣлъ случая воспользоваться. Рѣка Урджаръ къ югу становится шире, ея берега были болѣе покрыты растительностію, чѣмъ это казалось съ высоты; на нихъ растутъ прекраснѣйшіе бальзамическіе тополи и высокія бѣлыя ивы (Salix alba). Пѣніе соловьевъ, воркованіе голубей раздавались въ воздухѣ; богатство растительнаго царства увеличивается съ удаленіемъ отъ Тарбагатая къ югу. Здѣсь въ первый разъ (послѣ европейской русской равнины) были встрѣчены сочные болиголовы (Conium maculatum); также расли цикорій (Cichorium intybus) и прекрасные астрагалы. Плодородный черноземъ, орошаемый посредствомъ каналовъ, проведенныхъ трудами Киргизовъ, даетъ богатую жатву проса (Panicum miliaceum); здѣсь могутъ, по мнѣнію Сиверса, произрастать рисъ, хлопчатая бумага, маисъ, ленъ, дыни, арбузы и даже виноградъ. Но вся эта огромная, плодородная равнина лѣтомъ совершенно необитаема, потому-что бездна ко-

маровъ, мухъ, оводовъ, мелкихъ мошекъ и другихъ лѣтнихъ насѣкомыхъ прогоняетъ Киргизовъ въ горы, гдѣ воздухъ гораздо холоднѣе.

На 5-й день пути (4 іюля) путешественники прибыли къ рѣчкѣ Игенъ-булакъ, впадающей справа въ Урджаръ: уже съ первой мили пути показался давно ожидаемый ревень (Rheum cruentum), но это былъ не настоящій. Сиверсъ почитаетъ его тождественнымъ съ степнымъ ревенемъ, который Палласъ уже прежде нашелъ въ окрестностяхъ Астрахани. Вокругъ путниковъ разстилалась знойная степь, большая часть растеній была спалена солнцемъ, потъ лилъ градомъ съ ихъ лицъ; лошади были всѣ въ мылѣ и искусаны до крови комарами, и только сѣтки могли защитить лица людей отъ нападеній безчисленныхъ насѣкомыхъ. Киргизскіе проводники не хотѣли идти далѣе; крайній предѣлъ путешествія былъ достигнутъ. Сиверсъ принужденъ былъ возвратиться (достигнувъ 46° с. ш.). Къ несчастію онъ не дошелъ до весьма близко лежащаго озера Ала-Куль, котораго берегъ отстоялъ отъ него не болѣе какъ на одинъ день пути: но уже и здѣсь начали расширяться характеристическіе камышевые лѣса. Проводники говорили Сиверсу, что въ 6 дняхъ пути оттуда, къ югу, лежитъ китайскій городъ Кульджа-Курэ на Или (см. Т. II ст. 94) (*).

На 1-й день (5 іюля) обратнаго пути Сиверсъ слѣдовалъ опять къ р. Урджаръ, мимо многочисленныхъ Чудскихъ могилъ, которыхъ большая часть, какъ можно было догадываться, вѣроятно принадлежала знатнымъ покойникамъ этого народа; также прошелъ онъ мимо укрѣпленія окруженнаго валомъ, существовав-

---

(*) Здѣсь выпущено около страницы Риттерова текста, потому-что она заключаетъ въ себѣ разспросочныя свѣдѣнія Д-ра Мейера о пути къ озеру Балхашу, отчасти утратившія свой интересъ передъ положительнымъ знаніемъ этихъ странъ, отчасти совершенно невѣрныя. Такъ напр. Мейеръ говоритъ совершенно ошибочно, что дорога къ Балхашу изъ Семипалатинска проходитъ мимо Снѣжныхъ горъ и смѣшиваетъ Балхашъ съ болѣе южнымъ Иссыкъ-Кулемъ, называя его также „Теплымъ озеромъ“. Также выпущена фраза Риттера, выражающая сожалѣніе его о недостаткѣ положительныхъ свѣдѣній о двойномъ озерѣ Ала-Кулѣ, такъ какъ теперь это озеро уже хорошо извѣстно. — *Пр. Пер.*

шаго можетъ-быть съ 1771 г., но совершенно оставленнаго; около него, говорятъ, происходило сраженіе. О послѣдствіяхъ этого событія, повлекшихъ за собою подчиненіе этой мѣстности китайскому владычеству, было уже говорено выше. Къ сѣверу возвышается одинокая, обнаженная, не слишкомъ высокая гора Джай-Тюбе, изъ которой на югѣ вытекаетъ рѣчка Хатунь-Су (рѣка царицы) (*). Берега рѣчки были покрыты багровыми цвѣтами ревеня (Rheum cruentum). И здѣсь, при восхожденіи на Тарбагатай, встрѣтились курганы очень странной формы, почитаемые Сиверсомъ (203) за древнія чудскія укрѣпленія; о нихъ Киргизы не умѣли ничего сообщить.

2-й день пути привелъ путниковъ, хотя послѣ очень утомительнаго перехода по жаркой равнинѣ, къ умѣреннымъ, прохладнымъ высотамъ, опять въ гостепріимную область Киргизовъ, гдѣ уже собрались друзья и родственники проводниковъ Сиверса, чтобы послѣ тяжкихъ трудовъ провести нѣсколько дней въ отдохновеніи и попойкахъ.

d) *Продолженіе. Лѣтнія кочевья и кочевой бытъ Киргизовъ на альпахъ Тарбагатая.*

Для праздника по случаю возвращенія путешественниковъ (204) въ аулъ мирнаго племени горныхъ Киргизовъ былъ приготовленъ кумысъ и баранъ. Юрта (205) на первой горѣ была уже наполнена мужчинами и женщинами. Гости были радушно угощаемы вареною и жареною бараниною, безъ хлѣба и соли и, конечно, безъ ложекъ и вилокъ; кушанье запивали крѣпкимъ кумысомъ. Двое мужчинъ играли довольно монотонно на сувусагѣ и кобызѣ; одинъ изъ этихъ инструментовъ есть родъ свирѣли, другой родъ

(*) Въ текстѣ Риттера ошибочно сказано: „лѣвый притокъ Урджара". Хатунь-Су впадаетъ въ Ала-Куль. — *Пр. Пер.*

(203) Sievers Sibir. Br. p. 154.

(204) Sievers Sibir. Br. XI. p. 155, XII, XIII p. 159—188.

(205) Sievers Sibir. Br. p. 155, 156.

*

балалайки. Мужчины кололи барановъ и готовили кушанье; женщины не принимали участія въ пиршествѣ и занимались въ юртѣ другимъ дѣломъ: однѣ пряли веретеномъ и крутили руками верблюжью шерсть въ нити, между-тѣмъ какъ другія были заняты убираніемъ своей головы, заплетали косы и украшали ихъ съ большимъ тщаніемъ. Незанятые мужчины щипали себѣ волосы изъ бороды. Киргизки, обыкновенно разодѣтыя и разукрашенныя, носятъ всегда кольца на трехъ первыхъ пальцахъ и постоянно находятся за домашней работой, какъ невольницы мужей своихъ. Онѣ доятъ стада, приготовляютъ масло, сыръ, и кумысъ; онѣ же сѣдлаютъ и кормятъ лошадей, строятъ юрты при перекочевкахъ, шьютъ мужчинамъ одежды, даже сапоги, и очень искусно вяжутъ и плетутъ (206) тесьмы изъ верблюжьей шерсти. Киргизъ же между-тѣмъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, куритъ, загоняетъ стада, ѣздитъ на охоту и на грабежъ.

Нѣсколько дней въ аулѣ, на вершинѣ Тарбагатая, было употреблено на роздыхъ; при совершенно ясномъ небѣ термометръ Реомюра никогда не показывалъ болѣе 10° и менѣе 6° въ тѣни; небольшія грозы освѣжили воздухъ. Затѣмъ Сиверсъ опять направился къ сѣверу; тѣмъ же самымъ путемъ, но болѣе удобною дорогою, мимо истоковъ Базара и Аягуза въ открытой степи, оставивъ вправо обнаженную скалу Боръ-Обкэты. Но такъ какъ дружелюбныя ему орды съ своими стадами уже оставили тамошніе луга, то онъ послѣдовалъ за ними и перешелъ въ направленіи къ сѣверо-востоку значительный хребетъ порфировыхъ горъ. Сиверсъ примѣтилъ здѣсь черный порфиръ съ бѣлыми зернами полеваго шпата, красноватую яшму съ кварцовыми жилками, темносѣрый порфиръ съ кристаллами полеваго шпата и зелено-сѣрый роговикъ. Въ полдень пошелъ онъ къ извѣстному уже верховью Чингиски, въ которой цвѣла прекрасная кувшинка (Nymphaea), представлявшая пріятную пищу для верблюдовъ и лошадей. Вечеромъ достигъ онъ, слѣдуя по этому горному кряжу, до

---

(206) Sievers Sibir. Br. p. 200.

истока четвертой рѣки, именно Бугаса, а на слѣдующій болѣе короткій день пути достигъ до горы, на которой былъ разбитъ аулъ патріарха-султана Сарембета (13 іюля). Источникъ Бугаса выходитъ изъ темносѣрой сланцевой скалы, распадающейся на плиты и представляющей единственныя окаменѣлости, найденныя Сиверсомъ въ его путешествіе. Въ юртахъ Сарембета путешественникъ нашелъ то же гостепріимство, благодаря которому онъ могъ бросить взглядъ на внутреннюю жизнь этого кочеваго племени Киргизской Средней орды. Сиверсу, по-крайней-мѣрѣ при тогдашнемъ его настроеніи, показалась эта бродячая жизнь счастливѣйшею долею народовъ—жизнью безъ заботъ и грѣховъ, въ сладкомъ бездѣйствіи. Конечно можно согласиться, что такая жизнь, соединяя въ себѣ прелесть природы и свободы, можетъ вознаградить на нѣкоторое время человѣка за непріятности, связанныя съ цивилизаціею, но нельзя согласиться однакоже съ безусловною похвалою, расточаемою ей Сиверсомъ, который утверждаетъ, что только между Киргизами можно научиться понимать J. J. Rousseau, Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. При ближайшемъ же освѣщеніи выступаютъ столь же ярко и темныя стороны хищническихъ киргизскихъ племенъ.

При вступленіи Сиверса въ аулъ только-что возвратились съ пастбищъ многочисленныя стада козъ, барановъ, лошадей, рогатаго скота и до 500 верблюдовъ; дѣвушки тотчасъ отправились доить ихъ. Гости (числомъ 36) были приглашены на вечерній пиръ. Слѣдующій день прошелъ также въ веселомъ пиршествѣ; было впрочемъ сдѣлано нѣсколько ботаническихъ прогулокъ и приготовленъ провіантъ для новаго путешествія на Зайсанъ. Сиверсъ приказалъ посолить нѣсколько пудовъ сыраго козьяго и бараньяго мяса, и потомъ разрѣзать его на тонкіе ломтики и повѣсить на солнце для сушенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ на свой счетъ праздничное угощеніе Киргизамъ и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ, какъ самъ утверждаетъ, любовь всего семейства своего хозяина Сарембета. Въ аулъ прибыла толпа незнакомыхъ Киргизовъ для полученія *калыма* за молоденькую дѣвушку, высватанную одному

изъ внуковъ Сарембета, 12-лѣтнему мальчику. У Киргизовъ родители уже заранѣе сговариваютъ своихъ дѣтей, принимая въ разсчетъ взаимное богатство; если случится, что женихъ умретъ, право его переходитъ на ближайшаго его родственника, если же и этотъ умретъ, то *калымъ* возвращается назадъ. *Калымъ* этотъ, исключая самыхъ бѣдныхъ, равняется обыкновенно отъ 150 до 1,000 руб. асс. и состоитъ изъ нѣкотораго числа кобылъ и другихъ животныхъ. Невѣста взамѣнъ того выноситъ за собою въ приданое полную войлочную юрту, также постели, платья, ящики, золотыя и серебряныя украшенія, кораллы, жемчугъ и т. п., на сумму часто равную самому *калыму*. Женихъ и невѣста не видятся предварительно, и все ихъ счастіе зависитъ отъ сватовъ; не смотря на то, супружества ихъ бываютъ вообще довольно счастливы. Ссоры между мужемъ и женой очень рѣдки, но происходятъ часто при многоженствѣ между женами. Вдова сохраняетъ по мужѣ трауръ цѣлый годъ.

16 іюля, султанъ Сарембетъ перекочевалъ на 2 часа пути далѣе на злачную долину р. Бугаса съ 40 навьюченными верблюдами и тысячами головъ разнаго скота. Мужчины, женщины, дѣвушки, дѣти, ѣхали верхомъ въ праздничной одеждѣ. Даже верховыя лошади были наряжены по праздничному, вьючные верблюды были обвѣшаны бухарскими коврами, или пестрыми киргизскими войлоками; на нихъ лежали небольшія перекладины съ позвонками. Весь этотъ веселый поѣздъ, двигавшійся по зеленому и мѣстами скалистому скату, представлялъ очень живую картину. Одна богатая вдова, бывшая уже 4 мѣсяца въ траурѣ, слѣдовала за поѣздомъ также въ пышномъ убранствѣ; но вся она была закутана въ длинный, черный, бархатный плащъ; подлѣ нея ѣхалъ мальчикъ, державшій въ рукахъ маленькое трехугольное черное знамя. Впродолженіе дороги говорила она на распѣвъ надгробную рѣчь, которой вторили сопутствовавшія ей и окружавшія ее три подруги. Поѣздъ достигъ до новой горы: мгновенно отдѣлилось каждое семейство другъ отъ друга и черезъ полтора часа было поставлено полукругомъ 10 юртъ, въ

срединѣ которыхъ находились палатки Сарембета и Сиверса. Мужчины заботились о стадахъ своихъ, собирая и раздѣляя ихъ по принадлежности, связывая жеребятъ въ ряды, одною длинною веревкой. Женщины, между-тѣмъ, строили юрты ([207]), сначала скрѣпивъ старательно плетенки изъ тонкихъ прутьевъ (тереги), ставили, укрѣпляли ихъ и обвѣшивали войлокомъ. Вслѣдъ за постройкой юртъ одна женщина родила ребенка; черезъ два дня Сиверсъ видѣлъ ее уже за работою; она получила въ подарокъ: отъ проводника 3 куска бархату, отъ Сиверса фунтъ табаку. Въ благодарность за то принесла она въ палатку путешественнику свѣжее козье масло и *еремчикъ*—родъ сладкаго творога, мѣстное лакомство, подаваемое изъ вѣжливости исключительно гостямъ. Кислый сыръ (куртъ) составляетъ главную пищу Киргизовъ. На верховьѣ Бугаса было приготовлено большое угощеніе для сватовъ. Къ обѣду (18 іюля) были заколоты жеребенокъ и два барана на 60 гостей, которые расположившись вокругъ, курили табакъ, пили кумысъ и громко болтали. Посреди юрты патріарха Сарембета поставленъ былъ напитокъ въ четырехугольномъ деревянномъ чанѣ, украшенномъ сверху, подобно цвѣточному горшку, пластинками лосиннаго рога, прибитыми гвоздиками изъ желтой мѣди. Двое молодыхъ людей разносили гостямъ опьяняющее питье въ деревянныхъ чашахъ. Одинъ изъ домашнихъ наполнялъ чаши до краевъ; у дверей юрты стояла тетка хозяина, и полными руками бросала гостямъ куски еремчика (разсыпчатаго сыра) во всѣ стороны, съ большою ловкостію. Даже и малѣйшій кусокъ не былъ потерянъ. Только черезъ полтора часа было принесено приготовленное кушанье. Сначала подали разрѣзанную лошадиную голову на деревянномъ блюдѣ: это было почетное кушанье, приготовленное только на долю старшихъ и знатныхъ. Затѣмъ послѣдовали остальныя части лошади. Женщинамъ, сидѣвшимъ передъ юртою, было посылаемо кушанье; только 80 лѣтняя жена

(207) Sievers Sibir. Briefe p. 168.

Сарембета сидѣла позади своего господина и ѣла вмѣстѣ съ нимъ въ одной юртѣ; подлѣ нея сидѣла еще одна родственница. Что же касается до мужчинъ, то они обѣдали въ юртѣ всѣ вмѣстѣ, т. е. хозяева, слуги и невольники; и только женихъ, слѣдуя принятому обычаю, не показывался. Послѣ обѣда всѣ умылись, пробормотали молитву (по-магометански) и закурили трубки. Вечеромъ собралась въ одной юртѣ вокругъ огня толпа дѣвушекъ и женщинъ ([208]); онѣ пѣли хвалебную пѣсню въ честь жениха, а 15 мужчинъ такую же въ честь невѣсты и супружества, впродолженіе чего одинъ изъ присутствовавшихъ неутомимо проповѣдывалъ на распѣвъ о вѣчной жизни. Одна изъ дѣвушекъ представляла невѣсту, а одинъ изъ молодыхъ людей—жениха. Въ юртѣ не должно было быть ни одного посторонняго мужчины, а потому Сиверсъ съ своими товарищами принужденъ былъ выйти вонъ, иначе бы дѣвушки разсѣялись и церемонія разстроилась. Пѣсни продолжались цѣлую ночь и тѣмъ заключилось пиршество того дня. На слѣдующій день (19 іюля) происходилъ уговоръ сватовъ; послѣ многихъ споровъ, отецъ жениха обязался дать за невѣсту 70 лошадей, цѣною на 600 рублей; 20 іюля сваты удалились, оставя 30 кобылъ до совершенія настоящей свадьбы. Это празднество, съ огнями и пѣснями напоминало древніе, патріархальные нравы, а не было слѣдствіемъ магометанскаго ученія; оно доказывало, что и Киргизы, извѣстные на границахъ за дикарей и разбойниковъ, внутри своего отечества, въ своихъ мирныхъ убѣжищахъ, имѣютъ священные обряды и жизнь ихъ не лишена поэтическихъ минутъ. Слѣдующія черты взяты изъ ихъ вседневной жизни. Въ каждую киргизскую юрту можетъ войти гость и распоряжаться какъ въ своей собственной; если онъ поподчуетъ Киргизовъ табакомъ, то считается превосходнымъ человѣкомъ и можетъ пить кумысъ сколько ему угодно. Если гость ѣстъ вмѣстѣ съ Киргизами безъ ложекъ и вилокъ, по ихъ обычаю и сверхъ

---

(208) Sievers Sibir. Br. p. 177.

того платитъ: за барана какое-нибудь зеркальце, или пару бритвъ, и т. п., то его повсюду называютъ *тюре* (т. е. султанъ), или *башлыкъ* (т. е. владѣтель); его подхватываютъ по обычаю страны подъ руки, когда онъ хочетъ садиться на лошадь или слѣзать съ нее. Даже и дикій и хищный Киргизъ китайско-русскихъ границъ, какъ замѣчаетъ Сиверсъ ([209]), дѣлается здѣсь подобнымъ послушному ребенку и у него проявляются многія трогательныя черты глубокаго чувства. Но конечно Киргизъ, подобно дикимъ звѣрямъ, съ которыми онъ живетъ въ степи, всегда слѣдуетъ своему природному инстинкту. Какъ они, хочетъ онъ быть свободнымъ; съ собственнымъ *тюре* (султаномъ) бѣднѣйшій изъ нихъ мало церемонится; садится спокойно подлѣ него, куря свою трубку. Если тотъ получаетъ подарокъ, этотъ требуетъ также своей части и вырываетъ ее у него изъ рукъ. Если встрѣтитъ сопротивленіе, то приходитъ въ бѣшенство; но черезъ минуту опять становится лучшимъ другомъ. Кротостью и подарками можно пріобрѣсти въ нихъ вѣрнѣйшихъ слугъ; справедливымъ обхожденіемъ — лучшихъ защитниковъ въ величайшей нуждѣ. Многочисленныя стада составляютъ ихъ благосостояніе: для пріобрѣтенія ихъ выходитъ Киргизъ не задумавшись на грабежъ; для защиты ихъ собираетъ онъ на каждый вечеръ стада около своей юрты и объѣзжаетъ ихъ съ пикою въ рукѣ, заботясь цѣлую ночь въ сопровожденіи своихъ собакъ о безопасности стада. Нерѣдко приходится ему поднимать крикъ для устрашенія волковъ, не смотря на то, что овцы часто бываютъ похищены. Потерю вознаграждаетъ онъ охотно грабежемъ, а потому сосѣды не имѣютъ къ Киргизу никакого довѣрія и Русскіе постоянно повторяютъ: „берегись Киргизовъ!“ Китайцамъ же всегда приходится поплачиваться передъ Киргизами ([210]) для того, чтобъ удержать ихъ за собою и чтобы хвастать своимъ владычествомъ надъ ними. Кир-

---

(209) Sievers Sibir. Br. p. 194, 221.
(210) Sievers Sibir. Br. p. 217.

гизъ очень суевѣренъ въ болѣзняхъ ([211]); привлекательнѣйшая же сторона его есть любовь къ своему семейству, доброжелательство къ родственникамъ и радушный пріемъ ихъ при свиданіи, причемъ нерѣдко чувство выражается радостными слезами. Это добродушіе дикаго сына природы и его грубое вѣрованіе въ невидимую силу, его рвеніе въ исполненіи молитвы, предписываемой заповѣдью ислама ([212]), хотя она совершается только при восходѣ и закатѣ солнца, или на могилахъ предковъ въ пустынной степи, выражаясь тихимъ шопотомъ, складываніемъ рукъ, глаженіемъ бороды и пр.; присоединеніе нынѣшнихъ могилъ къ древнимъ Чудскимъ могиламъ, поминки по покойникамъ (называемые *ашъ*) ([213]) и т. д. показываютъ, вмѣстѣ съ туземнымъ патріархальнымъ родомъ жизни и началами земледѣлія, способность этихъ необузданныхъ дикарей къ цивилизаціи. Киргизы, по замѣчанію Сиверса ([214]), по крайней мѣрѣ здѣсь, еще не пристрастились къ водкѣ и вину, которымъ предалась большая часть туземцевъ, находящихся въ сношеніяхъ съ русскими Сибиряками. Также и ужасныя послѣдствія, сопровождающія невоздержаніе и влекущія за собою порчу туземцевъ, каковы напр. чахотка, сифилитическая болѣзнь, оспа, до сихъ поръ еще не показывались здѣсь. Киргизы имѣютъ страсть только къ кумысу ([215]), но при простомъ приготовленіи этого цѣлебнаго и холоднаго, хотя опьяняющаго напитка изъ кобыльяго молока, онъ мало раздражаетъ и слабѣе дѣйствуетъ на ихъ организмъ. Торговыя сношенія ихъ съ сосѣдями до сихъ поръ ограничиваются мѣною; монеты у нихъ нѣтъ и торговые ихъ обороты походятъ болѣе на хитрое и недовѣрчивое пріобрѣтеніе, нежели на честное занятіе; при этомъ нерѣдко Европеецъ теряетъ всякое терпѣніе отъ по-

---

(211) Id. p. 210.
(212) Sievers Sibir. Br. p. 135.
(213) Id. p. 156
(214) Id. p. 133.
(215) Id. p. 134.

стоянныхъ перемѣнъ въ результатѣ. Сиверсъ оставилъ намъ занимательный перечень товаровъ ([216]), встрѣчающихся въ мѣновой торговлѣ на Чаръ-Гурбанѣ. Страсть къ воровству, т. е. преимущественно къ конокрадству ([217]), имѣютъ всѣ Киргизы, а потому эти самыя гостепріимныя племена грабятъ караваны (особенно около Бухтарминска, Аблайкита и еще болѣе въ земляхъ Большой и Малой Орды, нежели Средней). Роздыхи каравановъ и безпрестанныя перекочевки облегчаютъ имъ это ремесло тѣмъ болѣе, что они часто переходятъ въ подданство то одного, то другаго изъ своихъ сосѣдей. Но нынѣ уже приближается эпоха ихъ ослабленія и перехода къ осѣдлости. Такъ изъ свѣдѣній, собранныхъ Мейеромъ ([218]), слѣдуетъ, что нынѣ, когда въ китайскихъ областяхъ между Киргизами еще сохранилась древняя хищническая жизнь, многія свободныя племена добровольно покорились русскому владычеству. Вѣроятно этому примѣру послѣдуютъ и другія киргизскія племена; до сихъ же поръ главнымъ препятствіемъ къ образованію Киргизовъ была зависть китайскаго правительства къ взаимнымъ отношеніямъ пограничныхъ народовъ. О состояніи всего Киргизскаго народа будетъ еще сказано ниже.

e) *Возвращеніе отъ Тарбагатая по р. Бугасу къ озеру Зайсану и Иртышу. Дорога Снегирева къ золотымъ pескамъ Кара-Унгура (1795). Маршруты Клостермана (1829).*

Не ранѣе какъ послѣ совершеннаго окончанія обѣщаннаго сватовства и сопровождающихъ его праздниковъ, могъ Сиверсъ уговорить своего новаго киргизскаго проводника Сандюка, къ выступленію ([219]) изъ гостепріимнаго аула Саресмбета (21 іюля). Весь аулъ двинулся вмѣстѣ съ нимъ на двѣ мили (15 верстъ) внизъ по Бугасу, чтобы выбрать себѣ другое кочевье. Каждое

(216) Id. p. 125.
(217) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II. p. 291.
(218) Meyer Ledebour l. c. T. II. p. 292, 429.
(219) Sievers Sibir. Br. p. 179.

движеніе аула, говоритъ Сиверсъ, есть праздникъ для женщинъ, показывающихся тогда въ своемъ полномъ убранствѣ. Одна изъ нихъ ѣхала на прекрасномъ меринѣ, покрытомъ кармазиннымъ краснымъ ковромъ, на богатомъ сѣдлѣ; сама она была закутана въ черную, шитую золотомъ, бархатную одежду; вся грудь ея была увѣшана жемчугомъ, кораллами, змѣиными головками, обшивками и т. д., по лицу ея опускалось тонкое, прекрасное, хлопчато-бумажное покрывало, ниспадавшее до колѣнъ. Прекрасная собою дочь старшаго сына Сарембета была одѣта въ розовое шелковое платье; молоденькія дѣвушки, въ праздничномъ убранствѣ, весело скакали мимо, съ своими длинными пиками.

Вдоль р. Бугаса растутъ только простыя ивы, поздній цвѣтъ которыхъ въ это время распространялъ кругомъ пріятный запахъ. На сѣверо-востокѣ возвышалось восточное продолженіе упомянутаго уже выше (при описаніи Кокбэкты) скалистаго кряжа Кушъ-Муруна. Здѣсь онъ состоитъ изъ яшмы съ весьма бѣдною растительностію; но за то кругомъ разбросаны красивые обломки полосатой яшмы; собаки выпугивали зайцевъ Dipus jaculus (*кассаякъ* у Киргизовъ). На второй день пути (22 іюля) Сиверсъ перешелъ черезъ эту яшмовую гору, поднявшись на нее по злачной долинѣ и затѣмъ спустился къ С.-В. на сухую, соляную степь; вправо отъ него остались пять другихъ, почти стольже изрытыхъ, обнаженныхъ горъ (Бесъ-Чоку, т. е. 5 горъ у Киргизовъ); слѣва степь была ограничена высокимъ кряжемъ, называемымъ *Лава*. Путь этотъ проходилъ внѣ Китайской границы, потому-что первый китайскій пикетъ Боро- Тастыганъ, остался на $3^1/_2$ г. м. (25 верстъ) вправо. Путешественники достигли до р. Базара (см. выше стр. 16) въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хотя и было нѣсколько пашенъ, но уже разстилалась степь со всѣмъ ея однообразіемъ. Здѣсь она была покрыта краснымъ, желѣзосодержащимъ сланцемъ и болотною рудою (лимонитомъ). Вообще степь эта, кажется, столь же неудобна для земледѣлія, сколько и для скотоводства. Хотя она подвержена частымъ наводненіямъ отъ сильно прибывающихъ потоковъ, однако потоки эти, подобно неразвитымъ ав-

стралійскимъ рѣкамъ, своимъ неравномѣрнымъ теченіемъ кажется болѣе опустошаютъ, нежели оплодотворяютъ почву. Кое-гдѣ степь эта пересѣкается низкими, но острыми и прямыми гребнями сланцевыхъ горъ, на которыхъ полынь, нитраріи, акаціи, таволги, тамариксы и другіе кустарники нарушаютъ нѣсколько однообразіе почвы, а глинистые солончаки поросли галофитами. Передъ нами, говоритъ Сиверсъ, т. е. къ востоку (между Бугасомъ на З. и Базаромъ на В.) подымалась невысокая, часто прерывающаяся цѣпь скалистыхъ горъ Сары-Коль, состоящая изъ многочисленныхъ гранитныхъ холмовъ. Здѣсь застала путниковъ ужасная гроза, явленіе, которое въ этой степи нерѣдко и очень сильно.

На С.-В. отсюда Киргизы показали путешественнику высокую гору съ закругленною вершиною, называемую ими Эртень-Тау. Сиверсъ принималъ ее за погасшій вулканъ (*). Другіе путешественники не упоминаютъ совершенно объ этой горѣ, хотя напр. маршрутъ по восточному пути на З. отъ Зайсана на Джусъ-Агачъ (см. выше ст. 16) пересѣкаетъ р. Бугасъ и Базаръ (220) именно на мѣстѣ этого предполагаемаго вулкана. Но на картахъ Панснера и Ледебура, Эртень-Тау помѣщенъ тамъ, гдѣ пролегаетъ караванная дорога, повидимому согласно съ первымъ показаніемъ. Что эта мѣстность заслуживаетъ вниманіе послѣдующихъ путешественниковъ, то доказываютъ дорожныя замѣтки Путинцева (221), слышавшаго объ этой горѣ, но только подъ другимъ именемъ. Онъ говоритъ: 10 іюня, на 2-й день пути, послѣ переѣзда черезъ Буконь (см. выше стр. 15) и Джусъ-агачъ, когда сбыла послѣдняя вода, шли мы два часа по степи; но какъ удивились мы при видѣ горы Урчукъ-Баша, образую-

---

(*) Здѣсь текстъ Риттера измѣненъ немного, потому-что и самъ Риттеръ склонялся къ мнѣнію Сиверса, но нынѣ достовѣрно извѣстно, что во всемъ Колбинскомъ хребтѣ нѣтъ вулканическихъ породъ. — *Пр. Пер.*

(220) Routiers dans l'Asie centrale въ A. de Humboldt Fragm. Asiatiq. T. I. p. 295.

(221) Putimstev. Voy. въ Magas. Asiat. T. I. p. 181.

щей въ этой обширной равнинѣ удивительную по формѣ, отдѣльную массу. Къ сожалѣнію Путимцевъ не сообщаетъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой горѣ.

Далѣе отсюда, а именно прямо къ сѣверу отъ Эртень-Тау, Сиверсъ видѣлъ закругленный куполъ извѣстнаго Калмыкъ-Тологоя (или калмыцкой головы). Къ востоку отсюда расширяется около вышеупомянутыхъ (см. выше стр. 15) западныхъ притоковъ Зайссана открытая степная площадь, поросшая, въ концѣ іюля, лукомъ, и простирающаяся на 2 дня пути до самаго озера. Скоро Сиверсъ достигъ до упомянутаго уже выше китайскаго пограничнаго пикета (см. выше стр. 16) Джусъ-агачъ, т. е. сто деревьевъ, отстоящаго отъ упомянутаго также пикета Боро-Тастагана, на 8 г. м. (55 верстъ). Это необыкновенно далекое разстояніе между двумя сосѣдними китайскими пикетами есть, конечно, слѣдствіе совершенной безплодности промежуточнаго пространства, въ которомъ недостатокъ воды и подножнаго корма препятствуетъ осѣдлости. Однакоже и здѣсь не было недостатка въ древнихъ Чудскихъ могилахъ. Отсюда Сиверсъ направился далѣе на С.-В. къ Букони, мимо китайскаго пограничнаго пикета Хатунь-Карагай, также какъ и мимо четвертаго по этой линіи пикета Кошъ-тюбэ (т. е. Баты, см. выше стр. 38) на Иртышѣ, который, какъ говорили, былъ подвѣдомственъ болѣе восточной крѣпости Сагистану (или собственно Чангасты?) (222). Что такое этотъ Сагистанъ, мы не можемъ опредѣлить; можетъ-быть здѣсь городъ Гобдо смѣшанъ съ пикетомъ Чингисъ-Тей на Верхней Бухтармѣ (см. выше ст. 73). До Иртыша, по западной сторонѣ его, Сиверсъ замѣтилъ, что эти китайскіе пограничные пикеты охраняются Калмыками, подъ командою китайскаго офицера, и только на правомъ берегу до самаго Амура пикетные гарнизоны состоятъ изъ Монголовъ и Манджуровъ. Ни одинъ чужеземецъ съ этой стороны не смѣетъ приблизиться къ пикетной линіи, не подвергаясь опасности быть

(222) Sievers Sibir. Br.

отосланнымъ въ цѣпяхъ до самаго Пекина. Такой переѣздъ былъ бы конечно нѣсколько затруднительнымъ; но за то имѣлъ бы характеръ интереснаго открытія. О переходѣ Сиверса чрезъ Иртышъ, къ востоку въ китайскія владѣнія, къ Арка-Улу, было уже сказано выше (см. выше ст. 19). На возвратномъ пути (223) Сиверсъ, при томъ же китайскомъ пограничномъ пикетѣ Хонимайлаху (или Коштюбэ) переправился съ праваго берега Иртыша на лѣвый, но конечно ночью при лунномъ свѣтѣ, для избѣжанія вниманія стражи, и вообще могъ наблюдать только очень мало, потому-что большую часть дороги былъ нездоровъ. Это тѣмъ болѣе жаль, что кромѣ его ни одинъ наблюдатель не посѣщалъ страны, прилежащей къ лѣвому берегу Иртыша, отъ Курчума, чрезъ ручей Аблайкитъ до Усть-Каменогорска. Его немногія замѣтки объ этой степной странѣ заставляютъ насъ желать еще многаго относительно здѣшней картографіи. Сиверсъ проходилъ здѣсь мимо озера Балыкъ-куль и черезъ рѣчку Каинды, впадающую въ Иртышъ слѣва. Когда мы къ ней приближались, говоритъ Сиверсъ, завидѣлъ я опять большое количество Чудскихъ могилъ; многія возвышались на подобіе холмовъ и были украшены длинными стрѣлами. Должно полагать, что здѣсь была столица (?) какого-нибудь неизвѣстнаго туземнаго племени; тѣмъ болѣе, что недалеко отсюда Сиверсъ замѣтилъ рядъ стоящихъ на разстояніи 100 локтей другъ отъ друга каменныхъ пилястровъ, врытыхъ въ степь; происхожденіе этихъ памятниковъ Киргизы не могли объяснить. Какъ поучительны были бы основательныя, не только ботаническія, но также археологическія и этнографическія разысканія въ такихъ странахъ для исторіи земель и народовъ и ихъ образованія! До сихъ поръ дорога была ровная; но противъ устья р. Нарыма, на западномъ берегу Иртыша, возвышался обнаженный сланцевый кряжъ (Войлочная гора, см. выше стр. 17), соединенный съ западною цѣпью Калмыкъ-Тологоя и другими, въ которыхъ Буконь, Аб-

(223) Sievers Sibir. Br. p. 216—218.

лайкитъ и Чаръ-Гурбанъ берутъ свое начало. Кряжъ этотъ представляетъ на пространствѣ отъ 10 до 12 г. м. (80 верстъ) весьма трудную и неудобную для проѣзда дорогу. Одна изъ вытекающихъ отсюда рѣкъ Акъ-тасъ (т. е. бѣлая скала) получила свое имя отъ бѣлой, крутой и огромной скалы, состоящей изъ известняка, покрытаго слоемъ туфа, въ которомъ попадались кварцевые валуны и желѣзистая слюда. Флора здѣсь кажется совершенно тождественна съ бухтарминскою. Далѣе Сиверсъ проходилъ мимо Санъ-Таса, лежащаго отъ развалинъ Аблайкита на В. въ 6 г. м. (40 верстъ) и мимо меньшаго изъ остатковъ древнихъ киргизскихъ мавзолеевъ (см. выше ст. 130), гдѣ растетъ въ большомъ количествѣ Cnicus esculentus (*гегезе* у Монголовъ), коего стебель Киргизы ѣдятъ сырой. Киргизы называютъ эту пищу, весьма похожую на артишоки, *тюэ-таванъ*, т. е. верблюжью ногу. Отсюда слѣдующій день пути пролегалъ черезъ воздѣланныя поля, на которыхъ полевой горохъ обѣщалъ хорошую жатву, мимо Итилигирейской волости, удаленной на 3 геогр. мили (20 верстъ), наконецъ послѣ долгихъ обходовъ назадъ, къ Иртышу и Усть-Каменогорску. Съ благодарностью сочувствуемъ мы труду собранія столь замѣчательныхъ извѣстій объ отдаленной, негостепріимной странѣ, которая безъ него можетъ быть до сихъ поръ оставалась бы terra incognita.

Экспедиція рудокопа Снегирева (224) отъ Верхней Пристани на золотыя розсыпи къ Тарбагатаю, даетъ намъ нѣсколько рудокопныхъ замѣтокъ, и маршрутъ Клостермана (225), хотя достойный похвалы, сообщаетъ намъ объ этой области только немногія имена и разстоянія нѣкоторыхъ караванныхъ дорогъ; но о нихъ мы должны еще вкратцѣ поговорить прежде, нежели совсѣмъ перейдемъ съ южной стороны Иртыша на его сѣверный берегъ, въ средину богатаго металлами Алтая.

Снегиревъ, два года спустя послѣ Сиверса, въ 1795 году

(224) Экспедиція Снегирева 1795, въ Hermann Mineral. Reisen etc. T. III. 1804 p. 103—107.

(225) Al. Humboldt Fragmens Asiat. T. I. App.

былъ посланъ для отысканія уже столь часто упоминаемыхъ золотыхъ розсыпей (еще ранѣе въ 1731 г., какъ утверждаютъ, совершилъ подобную экспедицію изъ Зыряновскаго рудника (см. выше стр. 59) горный мастеръ Гейденрейхъ ([226]). Только Киргизы Тарбагатайскіе могли сообщить ему объ этомъ нѣкоторыя свѣдѣнія; они слышали, что Китайцы дѣйствительно находятъ золотой песокъ, но только на южной сторонѣ Тарбагатая близь Чугучака, на рѣчкѣ Кара-Унгуръ. Снегиревъ дошелъ, при помощи киргизскихъ проводниковъ, до южной стороны горъ, но сторожевые огни Китайцевъ принудили путешественниковъ быть осторожными. На ручьѣ Хабаръ ([227]), при которомъ лежитъ городъ Чугучакъ, Снегиревъ сдѣлалъ привалъ въ 2 часахъ пути (6 верстъ) отъ города, для собранія необходимыхъ свѣдѣній. У этого ручья возвышались двѣ сопки изъ твердаго, синяго сланца, въ которомъ вырыты были многія ямы, служившія Китайцамъ каменоломнями для постройки домовъ. Здѣсь узналъ Снегиревъ, что въ ручьѣ Кара-Унгуръ дѣйствительно промываютъ золото, и старался добраться до этого мѣста вдоль по Тарбагатайскимъ горамъ, но тайно, избѣгая быть замѣченнымъ китайскими пикетами. Рѣка, текущая съ южнаго склона Тарбагатая, была счастливо имъ достигнута въ такомъ мѣстѣ, гдѣ она имѣетъ отъ 2 до $2^1/_2$ саж. ширины. На берегу ея находилось много шурфовыхъ ямъ, но свѣжаго слѣда людей, производившихъ работы, замѣтно не было. Говорятъ, что Китайцы промываютъ песокъ точно такъ, какъ на золотопромывальняхъ; здѣсь же путешественники нашли остатки плотинъ. Эта мѣстность лежитъ въ 4 г. м. (30 верстъ) отъ Чугучака (на востокѣ?). Д-ръ Мейеръ (1826) узналъ тоже, что нѣкоторыя рѣки ([228]) Тарбагатая содержатъ въ себѣ золото, и что въ различныхъ мѣстахъ занимались его промываніемъ; но когда произошли съ-тѣхъ-поръ

(226) Русскій Меркурій Ольдекопа 1831, стр. 67.
(227) Routiers въ A. de Humboldt Fragm. asiat. T. I. p. 297.
(228) Мейеръ въ Ledebour Altai R. T. II. p. 498.

споры между китайскими стражами и Киргизами, и нѣсколько Монголовъ было убито, то Китайцы строго запретили золотой промыселъ. Сиверсъ слышалъ, что здѣсь находится много горнаго хрусталя, дымчатыхъ топазовъ и много развалинъ съ разными изваяніями, о чемъ однако до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній.

Рудокопъ Снегиревъ, совершившій эти открытія, счастливо возвратился чрезъ Тарбагатай, уже покрытый снѣгомъ (въ сентябрѣ). Ему говорили, что на высотахъ его снѣгъ остается въ продолженіе всего лѣта. На возвратномъ пути онъ прошелъ мимо горы, гдѣ находились копи каменнаго угля, служащаго топливомъ въ Чугучакѣ. Это, вѣроятно, мѣстечко Кумырчи (Дзиморзекъ, т. е. Кумурги на китайской картѣ), гдѣ Китайцы занимаются ломкою каменнаго угля, по свидѣтельству дорожниковъ Клостермана ([229]) (ср. Т. II. ст. 113). Вблизи находится теплый ключъ, посѣщаемый Киргизами. Отсюда вдоль горнаго ручья Татаръ-арассана (?) Снегиревъ прибылъ къ порфировымъ и гранитнымъ горамъ, и оттуда (слѣдовательно на В.) черезъ степь и нѣсколько горныхъ потоковъ, текущихъ въ озеро Зайссанъ, черезъ горы Магаракъ (Мангаракъ, см. выше стр. 16), вышелъ къ западному концу озера, и обратно къ Верхнему Иртышу; но объ этомъ переходѣ не сказано ничего замѣчательнаго. Золотой песокъ, который по позднѣйшимъ разсказамъ промываютъ также около Аблайкита, состоялъ, по словамъ главнаго горнаго начальника Чулкова ([230]), изъ такъ-называемаго *кошачьяго золота*, т. е. слюды съ сѣрнымъ колчеданомъ, такъ часто обманывавшимъ золотоискателей. Дорожники, сообщающіе намъ свѣдѣнія о западной Киргизской степи, суть слѣдующіе:

I. Изъ Семипалатинска на Ю. въ Кашгаръ (см. маршр. I. въ Fragments Asiat.) ([231]) 40 дней пути. Изъ нихъ до западной подошвы Чингисъ-Тау 10 дней пути черезъ маленькія рѣч-

---

(229) Routiers въ A. de Humboldt Fragm. asiat. T. I. p. 297.
(230) Hermann Miner. R. l. c. T. III. p. 107.
(231) A. de Humboldt Fragm. asiat. T. I. p. 236—239.

ки и бугорки, упоминаемые также Мейеромъ; это разстояніе равняется почти 33 г. м. (230 вер.). Отсюда до рѣки Аягузъ при Джусъ-Агачѣ только 20 верстъ, а еще 10 верстъ далѣе, на 12-мъ днѣ пути, находится киргизская могила, называемая Кузу-Курпечъ на картѣ Панснера (см. Т. II. стр. 93 и т. д.). О продолженіи этого пути на Ю. упомянуто уже выше (Т. II. ст. 92). Не должно смѣшивать здѣсь приведенный Джусъ-Агачъ (т. е. сто деревъ) съ урочищемъ того же имени, лежащимъ далѣе къ В. на западномъ берегу озера Зайссана (см. выше стр. 15).

II. Изъ Семипалатинска на З. до Ташкента (см. Дорож. IV. въ Fragm. Asiat.) (232) 40 дней пути; изъ нихъ только 6 дней пути до рѣки Чеганки или $16^1/_2$ г. м. (115 верстъ) къ Ю.-З., приходятся на эту степную область. Дорога проходитъ мимо ключа Узунъ-булака, черезъ гору Семи-Тау къ Кара-су (черная вода), низменнымъ горамъ Когалы-обалы, между двумя горными вершинами Юссалы, къ броду рѣки Чеганки, текущей съ Чингисъ-Тау, и впадающей на С. отъ крѣпости Долонской (см. выше стр. 140) въ Иртышъ. О дальнѣйшемъ пути на Ю.-З. къ Токрау уже упомянуто было выше; онъ ведетъ черезъ западную часть степи и о немъ будемъ говорить еще впослѣдствіи.

III. Изъ Семипалатинска до Кульджи на Ю.-В. 25 дней пути (Маршр. VI. въ Fragm. Asiat.) (233); изъ нихъ первые 9 дней почти 43 г. м. (300 верстъ), до Тарбагатая, по дорогѣ, проходящей черезъ нѣкоторыя урочища, упомянутыя Сиверсомъ и опредѣленныя ближе означеніемъ разстояній въ маршрутѣ.

Первый день караваннаго пути, на Ю. до вершины Май-ташъ, 100 верстъ, черезъ нѣсколько непоименованныхъ водъ, лежащихъ на пути.

Второй день 25 вер. до озера Балыкъ-Куль (т. е. богатаго рыбою), имѣющаго 7 верстъ въ длину, 3 въ ширину; оно остается влѣво, слѣдовательно на В. отъ дороги.

---

(232) Id. p. 257—260.
(233) Id. p. 274—277.

Третій день, до ключа Джармы — 25 верстъ.

Четвертый день 25 вер., до горъ Кандагатай и Альджанъ, которыя довольно высоки и тянутся далеко въ степь: Альджанъ на З., Кандагатай на В.

Пятый день, 25 верстъ до озера Саванда-куль, которое остается на З. отъ дороги, длиною 2 версты, шириною одна. Близь него находится гора Кушъ-мурунъ (т. е. птичій клювъ); она встрѣчается два раза въ путешествіи Сиверса на Тарбагатай. Подобно большей части степныхъ холмовъ, она тянется далеко, отъ З. къ В.

Шестой день 25 вер. до Башмаша, высокой горной вершины, лежащей на дорогѣ.

Седьмой день 25 вер. до переправы чрезъ рѣку Аягузъ, стремящуюся въ озеро Балхашъ.

Осьмой день 35 вер. до переправы черезъ Уланъ-голъ (т. е. красную рѣку).

Девятый день 15 вер. до довольно высокой горы Котель. Она отстоитъ отъ дороги въ 2 верстахъ, и соединена съ Тарбагатаемъ, лежащимъ на В. Отъ Семипалатинска до этого хребта всего 300 верстъ. По переходѣ черезъ Тарбагатай дорога ведетъ:

На десятый день до переправы черезъ Урджаръ, 40 верстъ.

На одиннадцатый день, черезъ рѣку Хатынь-су, 25 верстъ. На З. отъ дороги находится гора Джай-Тюбэ (упоминаемая Сиверсомъ).

На двѣнадцатый день, 30 верстъ до переправы черезъ Имиль (см. Т. II. стр. 112). Здѣсь соединяются двѣ дороги: чугучакская и семипалатинская, и по этой дорогѣ, извѣстной намъ вполнѣ изъ вышесказаннаго, доходятъ послѣ 10 дней пути до города Кульджи при Или.

V. Изъ Семипалатинска въ Чугучакъ, 12 дней пути къ Ю.-В., или считая таможенныя станціи 14-ть, до города 55 г. м. (387 вер.) ([234]). Этотъ путь есть болѣе восточный (Маршр. XI. въ Fragm. Asiat.).

---

(234) A. de Humboldt Fragm. Asiat. T. I. p. 292—297.

Первый день, отъ Семипалатинска до малаго Караваннаго озерка (Караванъ-куль), 40 верстъ.

Второй день, до переправы черезъ Чаръ-Гурбанъ, 15 верстъ. Эта рѣка вытекаетъ изъ горы Калбы (см. выше стр. 144); она протекаетъ на З. отъ дороги и впадаетъ въ Иртышъ, противъ деревни Шульбы. Въ восточной сторонѣ отъ дороги находится горная вершина Сулу-чоку, а 6 верстъ далѣе по этому пути, также на лѣвой, восточной сторонѣ, лежитъ подошва высокой горы Дельбегетей; она простирается на 15 верстъ къ В. и имѣетъ здѣсь 6 верстъ ширины.

Третій день, вдоль восточнаго берега Чаръ-Гурбана, 30 верстъ, до второй переправы. Здѣсь начинается гора Калба, простирающаяся на В. 30 верстъ, а на З. тянущаяся далеко по степи.

Четвертый день, 30 верстъ, черезъ гору Калбу на другую сторону ея; въ 6 вер. оттуда къ В. находится, влѣво отъ дороги, высокая цѣпь холмовъ Тологой, а къ З., вправо отъ дороги, высокая продолговатая гора Кара-джелъ, длиною въ 5 верстъ, шириною въ 2 версты.

Пятый день, 20 вер. пути до переправы черезъ Буганъ-Чигелекъ (Чегедыкъ на картѣ Панснера). Верхняя часть этой рѣки называется Кокбекты; она впадаетъ въ Зайсанъ съ западной стороны (см. выше стр. 15), и слѣдовательно отличается отъ р. Букони, лежащей сѣвернѣе, и впадающей въ Зайсанъ также съ С. (см. выше стр. 14).

Шестой день до второй переправы при Джусъ-Агачѣ 25 верстъ.

Седьмой день до переправы черезъ Бугасъ, 40 верстъ.

Осьмой день до переправы черезъ Базаръ, 20 верстъ.

Девятый день до переправы черезъ Карабугасъ, 20 верстъ. Эти три рѣки текутъ съ Тарбагатая въ Норъ-Зайсанъ (ср. выше стр. 14 и слѣд.).

Десятый день 25 верстъ до маленькаго озерка Кичкене-

Куль, въ ¼ версты въ длину и ширину. Оно остается въ сторонѣ отъ дороги.

Одиннадцатый день до пограничнаго китайскаго пикета Хабаръ-Караулъ, 25 верстъ. Здѣсь начинаются горы Тарбагатай.

Двѣнадцатый день — до города Чугучака, 17 верстъ. Онъ также называется Тарбагатаемъ, не великъ, но сильно укрѣпленъ, состоитъ подъ управленіемъ китайскаго амбаня, и по новѣйшимъ извѣстіямъ (1811 г. ср. выше, стр. 116) имѣетъ 500 домовъ и 10,000 жителей.

4. Семипалатинскъ съ его окрестностями, при переправѣ черезъ Иртышъ, къ Ю.-В., въ прилежащую на В. Джунгаро-Киргизскую степь и при входѣ на С.-В. въ горныя страны Алтая.

Семипалатинскъ еще разъ привлекаетъ при этихъ изслѣдованіяхъ наше вниманіе, не столько по своей величинѣ, сколько по своему положенію, и именно какъ крайній западный пунктъ разсмотрѣннаго уже нами типа природы сѣверо-восточной нагорной Азіи. Семипалатинскъ построенъ на Иртышѣ, текущемъ на протяженіи 450 г. м. длины къ Уралу и Сѣверному Ледовитому океану, и именно при самомъ входѣ этой рѣки въ степь, которая безъ ея водъ осталась бы совершенно мертвою и безжизненною. Семипалатинскъ сдѣлался первымъ значительнымъ мѣстомъ въ необозримой степи, наполненной кочевыми народами, которые подобно вѣчно волнующемуся широкому, хотя мелкому морю, препятствовали переходъ черезъ нее уединеннымъ путникамъ. Потому образованная Европа была бы, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, совершенно отдѣлена отъ образованной восточной Азіи, если бы мало-по-малу не были обузданы безпрестанныя движенія этихъ народовъ на З. Но для этого нужно было устроить плотину отъ напора ихъ, въ видѣ укрѣпленной линіи вдоль Иртыша. Эта плотина, не смотря

на нѣкоторые прорывы въ первые полвѣка, достигла своего назначенія, состоявшаго въ удержаніи главнаго напора кочевыхъ ордъ изъ настоящаго отечества ихъ, отъ подошвы Алтая, и даже для того, чтобы дать имъ другія направленія и воспрепятствовать новымъ наводненіямъ заселенныхъ мѣстъ. Долина Иртыша служила первою безопасною дорогою для водворенія здѣсь привившихся успѣховъ европейскаго просвѣщенія, и представила рядъ хотя по себѣ незначительныхъ, но постоянныхъ пунктовъ, способствовавшихъ началамъ колонизаціи и просвѣщенія, и тѣмъ самымъ подвинувшихъ впередъ, хотя и по истеченіи столѣтій, общее развитіе.

Подобно тому какъ морское теченіе послужило Колумбу путемъ къ открытію новаго міра на З., такъ эта рѣка, протекавшая черезъ равно неизвѣстныя страны, служила путемъ къ открытію новаго міра на В. Здѣсь такъ сказать найдена первая гавань, изъ которой можно было предпринять новыя экспедиціи съ бо̀льшимъ успѣхомъ, чѣмъ прежде. Положеніе Семипалатинска, на границѣ горной и степной страны на В. и З., и при простирающейся къ С. и Ю. величайшей рѣчной системѣ Азіи, обезпечиваетъ этому городу постепенное, хотя медленное развитіе и долгое существованіе, не смотря на перемѣны, происходящія въ окрестностяхъ, и на другія вовсе неблагопріятныя обстоятельства. Потому онъ составляетъ главное мѣсто для торговли съ сосѣдями и служитъ точкою соединенія главныхъ караванныхъ дорогъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, мѣстомъ отдыха, исходнымъ и окончательнымъ пунктомъ ученыхъ изслѣдованій европейскихъ путешественниковъ. При всей своей бѣдности въ дарахъ природы, Семипалатинскъ сдѣлался центромъ управленія обширной области и достигъ до значительной степени гражданскаго благосостоянія, а торговля и наука обязаны ему весьма многими свѣдѣніями о его окрестностяхъ (см. у Гмелина, Палласа, Мейера, А. Гумбольдта).

Никто изъ новѣйшихъ наблюдателей еще не пробылъ достаточно времени въ этомъ замѣчательномъ центрѣ караванныхъ

станцій Средней Азіи на Иртышѣ, центрѣ, имѣющемъ подобное, хотя и не столь огромное, значеніе какъ Каиръ на Нилѣ, вслѣдствіе своей караванной торговли съ Среднею Африкою. Отсюда слѣдовало бы сдѣлать основательныя наблюденія надъ языками, народами, естественными произведеніями и товарами Средней Азіи, расширяя эти наблюденія на дальнѣйшія разстоянія, собирая матеріалы со всѣхъ концовъ изъ существующихъ туземныхъ источниковъ, по разсказамъ, языкамъ, сношеніямъ всякаго рода, чтобы познакомиться какъ вообще, такъ и въ частности съ Среднею Азіею; это предпріятіе до сихъ поръ еще не приведено въ исполненіе. Судя по новѣйшимъ частнымъ сообщеніямъ искуснаго и остроумнаго изслѣдователя, судя также по наблюденіямъ и коллекціямъ, разливающимъ новый свѣтъ на всѣ отрасли науки ([235]), можно надѣяться, что подобное предпріятіе не осталось бы безполезнымъ для будущаго времени. Оно приготовило бы данныя для предпріятій, дѣлаемыхъ на удачу и часто неудающихся, предупредило бы безполезное раздробленіе силъ со стороны правительства и способствовало бы изысканіямъ на пользу науки. Оно сохранило бы много сокровищъ для языка, литературы, исторіи и древностей, между-тѣмъ какъ въ-продолженіе столѣтій многое потеряно и уничтожено безвозвратно. Учрежденіе въ Семипалатинскѣ, для означенной цѣли, какого-нибудь зародыша туземнаго общества, подобнаго Калькутскому Обществу, Филадельфійской Академіи, Каирскому Институту, такъ близко къ сокровищницѣ древнихъ памятниковъ и первобытныхъ свѣдѣній объ этой странѣ, гдѣ всѣ эти свѣдѣнія можно подвергнуть критикѣ и повѣркѣ прежде, чѣмъ многія заблужденія совершатъ длинный путь въ Европу, гдѣ они часто вкореняются до прибытія вѣрныхъ свѣдѣній; учрежденіе такого общества современемъ могло бы имѣть большую важность для развивающагося изученія Средней Азіи. Можетъ-быть, что нѣкоторыя до-сихъ-поръ собранныя замѣтки, вмѣстѣ съ послѣдующими, полученными изъ Семипалатинска, въ особенности тѣми, которыми мы обязаны Мейеру ([236])

(235) Routiers etc. въ A. de Humboldt Fragm. asiat. l. c.
(236) Мейеръ въ Ledebour R. l. c. T. II. p. 347—355, 499—516.

дадутъ намъ возможность идти впередъ, слѣдуя за немногими данными.

О первоначальномъ основаніи Семипалатинска, въ 1718 г., мы говорили уже выше Т. II. стр. 293; вслѣдствіе неблагопріятнаго положенія, близь берега, первыя постройки были разрушены водами Иртыша, и уже во время Гмелина, въ 1743, городъ переносили въ четвертый разъ ([237]). Не ранѣе, какъ въ 1772 г. на 2 часа пути (15 верстъ) далѣе къ В., по весьма достаточнымъ причинамъ, понятымъ уже Палласомъ во время его тамъ пребыванія ([238]), была заложена нынѣшняя крѣпость на крутомъ правомъ берегу Иртыша, но она до сихъ поръ осталась только редутомъ. Въ недальнемъ разстояніи отъ нея находятся нѣкоторые слѣды вышеупомянутыхъ семи палатъ. Крѣпость въ настоящее время обведена каменною стѣною, которая къ Ю. однакоже обрушилась, и сухимъ рвомъ; въ ней находятся красивая церковь, домъ коменданта и офицеровъ, казармы, гауптвахта и проч., но кромѣ солдатъ въ ней мало жителей. Самый городъ находится въ четверти часа пути отъ крѣпости. Онъ довольно великъ, но состоитъ изъ деревянныхъ домовъ, маленькихъ и некрасивыхъ; въ немъ считается четыре магометанскія мечети, гостинный дворъ и обветшалое зданіе таможни. На сѣверной сторонѣ города стоятъ многія киргизскія юрты, на западной впадаетъ въ Иртышъ ручей Семипалатинка. Жители состоятъ изъ Русскихъ, Татаръ, Ташкентцевъ, Нѣмцевъ, Жидовъ и многихъ Киргизовъ. Гостинницъ вовсе нѣтъ. Чуждая европейскому глазу одежда Татаръ, закутанныя женщины, стройные минареты съ своими муллами, созывающими на молитву, и проч., придаютъ городу восточный видъ, но мало прелести. Глубокій песокъ на улицахъ дѣлаетъ всякую прогулку трудною и непріятною. Только близь берега Иртыша можно заводить маленькіе сады, гдѣ разводятся хозяйственныя растенія; арбузы вызрѣваютъ хорошо, дыни

(237) Gmelin Sibir. Reise T. I. p. 221.
(238) Pallas R. R. l. c. T. II. p. 499.

только при тщательномъ трудѣ, хотя лѣто бываетъ знойное. Зимою холодъ сильный и доходитъ часто до 30° Реом.; но морозы непостоянны, и климатъ представляетъ величайшія противоположности.

Поля находятся на довольно большомъ разстояніи отъ города, на 3½ географ. м. (25 верстъ) къ С., по ту сторону волнообразной, песчаной равнины и холмовъ, покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ, которые тянутся по сѣверной сторонѣ города. За этимъ лѣсомъ на С. находится рядъ колодцевъ, огражденныхъ деревяннымъ срубомъ и называемыхъ Гусиными колодцами. Въ нихъ вода не хороша, но она единственная, пригодная для земледѣлія. Лѣтомъ эти колодцы, при глубинѣ 90 ф. (15 саженей) все-таки высыхаютъ. Ими орошаются поля, расположенныя на столь высокой плоскости, что съ нея, черезъ лѣсъ, можно видѣть весь городъ. Здѣсь каждый житель города обработываетъ земли сколько желаетъ, безъ всякой пошлины. Почва состоитъ изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и чернозема, толщиною въ 2 ф.; подъ нимъ лежитъ сплошная глина. Прохлада, господствующая на этой высотѣ, защищаетъ почву отъ прокаленія лучами солнца, но не смотря на то, здѣсь нерѣдко бываетъ засуха, а многолѣтніе неурожаи въ странѣ, гдѣ господствуютъ самые большіе климатическіе контрасты, превратили обширныя, прежде обработываемыя пространства — въ пустыни. Поля воздѣлываются только 3 года сряду, потомъ оставляются отъ 6 до 10 лѣтъ въ залежьѣ. Поднятое въ первый разъ поле, называемое *залогъ*, остается безъ воздѣлыванія отъ іюня до слѣдующей весны, потомъ поднимаютъ его во второй разъ и засѣваютъ, и тогда оно называется *перелогъ*. Полевыя работы исполняются большею частію наемными Киргизами, работающими дешевле и лучше казаковъ и солдатъ. Этотъ кочевой народъ кажется дѣйствительно начинаетъ переходить къ осѣдлости. Изъ яровыхъ хлѣбовъ сѣются здѣсь преимущественно (239): пшеница польская, китайская, калмыцкая (Tritic. polonicum, tricoccon, kalmanka

(239) Meyer, l. c. T. II. p. 351—354.

и обыкновенная (Tritic. vulgare), также ячмень, яровая рожь (ярица), овесъ и просо. Говорятъ, поля прежде давали урожай самъ-35, а нынѣ менѣе; хлѣбъ убираютъ въ началѣ августа. Занимательная исторія здѣшняго земледѣлія была бы важнымъ дополненіемъ географіи этой страны. Флору окрестностей Семипалатинска можно назвать уже бѣдною; тоже можно сказать и о фаунѣ, хотя она не уклоняется отъ вышеозначенныхъ отношеній, исключая уменьшенія видовъ и отдѣльныхъ животныхъ.

Семипалатинскій округъ ([240]) простирается отъ Тяторижскаго форпоста съ В. на З. до Пьяноярскаго, лежащаго на половинѣ дороги въ Красный-Яръ. Семипалатинскій округъ граничитъ на Ю. съ Иртышемъ, на С. съ горнымъ округомъ, имѣетъ въ длину 70 г. м. (500 верстъ) и весьма узокъ. Ревизія 1825 г., по достовѣрнымъ извѣстіямъ, дала занимательный обзоръ нынѣшняго народонаселенія: оно состояло во всемъ округѣ, съ крѣпостью Ямышевскою и со всѣми форпостами до Пьяноярска, изъ 24,051 души (12,376 мужск., 11,675 женск.). Въ этомъ числѣ было 15 духовныхъ лицъ православнаго, 8 магометанскаго вѣроисповѣданій; 62 гражданскихъ чиновника, 1,566 военныхъ лицъ, 1,972 казаковъ, 38 купцовъ, 88 служителей, 21 Калмыкъ, 113 казенныхъ крестьянъ, 14 свободныхъ хлѣбопашцевъ, 14 осѣдлыхъ Киргизовъ, 6,980 кочевыхъ и 89 ссыльныхъ. Большая часть этого народонаселенія принадлежала къ магометанской религіи, именно 14,464; православныхъ было 9,513, Евреевъ 12, и только 7 лютеранъ, да нѣсколько Калмыковъ, на которыхъ при этомъ исчисленіи не было обращено вниманія. Нельзя еще, по причинѣ неудовлетворительности отчетовъ, съ точностію составить выводы касательно смертности, размноженія и другихъ отношеній. Ясно видно однакоже, что кромѣ чиновниковъ, военныхъ и казаковъ, остальныхъ сословій, т. е. купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ и ссыльныхъ, здѣсь мало, и что Киргизы составляютъ главнѣйшую часть народонаселенія этого округа.

---

(240) Meyer, l. c. p. 499 и пр.

Въ округѣ, особенно въ западной части его, нѣтъ почвы, удобной для земледѣлія, и онъ принадлежитъ къ наиболѣе безплоднымъ; въ немъ считалось пашни всего только 2,454 десятины, сѣнокоса 12,622 десятины, лѣсу 6,323 десятины, совершенно неудобныхъ земель 8,023 дес., да подъ дорогами 7,923 дес., пространство обширное, почти равное количеству неудобной земли. Однако же восточная часть округа доставляетъ еще столько хлѣба, что его достаетъ на мѣстное потребленіе, а часть продается Киргизамъ, чего нѣтъ въ западной части. Скотоводство значительнѣе, но производится только Киргизами; въ 1825 г. во всемъ округѣ было не болѣе 12,387 лошадей, 11,964 головъ рогатаго скота, 5,629 барановъ, 286 козловъ, 492 свиней и 97 верблюдовъ.

Промышленности еще почти не существуетъ; въ округѣ только три кожевенныхъ завода для выдѣлыванія юфти, подошвъ, бараньихъ шкуръ; кромѣ того нѣтъ никакихъ заводовъ. Рѣчное судоходство весьма ограничено; на счетъ казны строятся только плоскія барки, доставляющія соль въ складочные магазины и известь въ Омскъ, съ грузомъ отъ 25 до 27,000 пудовъ. Также по Иртышу сплавляютъ строевой лѣсъ, доски и проч. Рыбная ловля незначительна; въ рѣкѣ много осетровъ, стерлядей, щукъ, нельмъ (Salmo nelma Pall.), язей (Cyprinus idus), чебаковъ (Cypr. lacustris), окуней, ершей (Perca fluviatilis, Perca cernua) и налимовъ (Gadus lota). Охота также незначительна; она происходитъ на волковъ, лисицъ, кабановъ, зайцевъ, векшъ, драхвъ, тетеревей, гусей, утокъ и проч. Изъ минеральныхъ богатствъ, въ этомъ округѣ находятся только извѣстная каменоломня, при Известковомъ форпостѣ, дающая ежегодно 70,000 пудовъ извести, да соленыя озера на З., именно Коряковское и Ямышевское (см. Т. II. ст. 282) снабжаютъ весь западный округъ и всю сѣверозападную Сибирь превосходною солью. Торговля, производимая съ отдаленными странами, служитъ самою выгодною промышленностью и источникомъ благосостоянія края; она здѣсь значительна, потому-что, по оффиці-

альнымъ отчетамъ начальника таможни, г. Даниловича, цѣна пошлинъ со ввоза и вывоза товаровъ составляла около милліона рублей ассигнаціями. Сюда не входятъ товары, оставшіеся на мѣстѣ мѣны у лѣваго берега Иртыша и продающіеся тамъ Киргизамъ. Вслѣдствіе возвышенія торговли города Петропавловска, торговля Семипалатинска съ нѣкотораго времени пришла въ упадокъ. Она также не возвышается и потому, что издержки на перевозъ товаровъ въ Россію слишкомъ велики, между-тѣмъ какъ предметы торговли состоятъ большею частію изъ грубыхъ и весьма малоцѣнныхъ товаровъ. Однако она привлекаетъ сюда много иностранцевъ, какъ-то Русскихъ, Татаръ, и изъ Средне-Азіатцевъ уже съ давняго времени преимущественно Ташкентцевъ (241). Послѣдніе, считавшіеся во время Палласа (1771 г.) грубѣе прочихъ Бухарцевъ, большею частію производятъ отсюда торговлю съ большими городами Средней Азіи, съ Кашгаромъ, Коканомъ, Ташкентомъ, но также съ Кульджею и Китаемъ, и даже на Ю. до Кашмира, черезъ посредство Киргизовъ. Они объѣзжаютъ также русскія ярмарки, свободны отъ всѣхъ податей и пользуются въ Россійской Имперіи правами купцовъ первой и второй гильдій.

О всѣхъ этихъ странахъ, куда частая перевозка товаровъ возбуждаетъ многія экспедиціи и развиваетъ хорошее знаніе ихъ произведеній, языковъ и людей, можно было собрать много любопытныхъ свѣдѣній. Изъ оффиціальныхъ данныхъ узнали мы, напримѣръ, сколько семипалатинское купечество платитъ съ пуда въ десятилѣтней сложности за перевозъ на Ирбитскую ярмарку и въ Чугучакъ, на подводахъ, зимою и лѣтомъ за каждый пудъ, а на другіе южные рынки съ каждаго верблюжьяго вьюка отъ 12 до 15 пудовъ. За верблюжій вьюкъ въ Кульджу платили по 14 р. асс.; путь туда и назадъ, 500 верстъ разстоянія (около 70 г. м.), совершается въ 3 мѣсяца. За верблюжій вьюкъ въ Ташкентъ и Коканъ платятъ столько же денегъ, а на путь туда употребляютъ столько же времени. Въ

(241) Pallas R. R. T. II. p. 501 и пр.

Кашгаръ же платятъ 27 рублей, и употребляютъ 6 мѣсяцевъ на провозъ товаровъ туда и назадъ. Лошади у Киргизовъ вдвое дешевле нежели верблюды; скотъ, падающій на дорогѣ, составляетъ ущербъ киргизскихъ вожаковъ, и проч.

У Киргизовъ вымѣниваютъ всякаго рода скотъ, шкуры, мѣха, войлока, тонкую козлиную шерсть, мерлушки и проч., а даютъ имъ въ обмѣнъ юфть, табакъ, металлическія издѣлія, грубыя русскія бумажныя матеріи, ситцы, затрапезу, бархатъ, грубое сукно, зеркала, сундуки, лекарства и хлѣбъ. Иногда возвращающіеся на родину китайскіе караваны продаютъ часть своихъ товаровъ Киргизамъ, которые, въ свою очередь, перепродаютъ ихъ купцамъ семипалатинскимъ. Весною купцы посылаютъ своихъ прикащиковъ, обыкновенно русскихъ Татаръ, съ русскими товарами къ Киргизамъ, чтобы обмѣнивать ихъ на китайскіе. Рѣже, сами Киргизы привозятъ ихъ въ Семипалатинскъ, но они часто приходятъ сюда осенью и зимою, чтобы достать себѣ хлѣба. Торговля производится преимущественно Среднею ордою и отчасти дикими Киргизами юго-западной, такъ-называемой Большой орды. О способѣ торговли съ Китайцами въ Чугучакѣ и Кульджѣ было упомянуто уже выше (см. Т. II. ст. 105); подобнымъ же образомъ она производится и въ Кашгарѣ и особенно туда сбываютъ: скотъ, овецъ, юфть, металлическіе товары, чугунъ, сукно и проч., вымѣнивая ихъ на вышеупомянутые товары, а въ новѣйшее время на ямбы, т. е. чистое серебро въ вылитыхъ и штемпелеванныхъ кускахъ. Обыкновенно, говоритъ Мейеръ въ примѣчаніи ([242]), изъ Китая серебра вывозили мало, потому-что китайскіе купцы болѣе выигрывали на товарахъ; но были исключенія, какъ напр. въ 1826 и 1827 годахъ, когда русскими купцами накуплено было много серебра, потому-что вслѣдствіе возстанія оказался недостатокъ въ товарахъ (см. выше стр. 410, 468). По письмамъ изъ Барнаула, семипалатинскіе купцы, въ 1827 г., на

---

(242) Мейеръ l. c. T. II. p. 506.

Нижегородской ярмаркѣ пустили въ оборотъ 600 пудовъ китайскихъ серебряныхъ ямбъ. Но и на Ирбитскую ярмарку ([243]) Бухарцы и ташкентскіе купцы привезли около 175 пудовъ серебра въ такъ-называемыхъ ямбахъ: изъ нихъ 100 пудовъ отправлено за товары въ Москву. Этотъ оборотъ не остался временнымъ, но съ того времени значительно увеличился, что̀ показываетъ удивительное возрастаніе этихъ сношеній, на важность которыхъ мы уже указывали во многихъ мѣстахъ (напр. см. Т. II. ст. 105). Въ 1826 г. ввозъ ямбъ равнялся 166,184 рублямъ; въ 1827 г. уже 684,042; въ 1828—993,447; въ 1829 около 704,090; въ 1830 — 759,682. Но эта торговля стѣснялась тѣмъ, что русскіе товары допускались только подъ ложнымъ именемъ киргизскихъ товаровъ и тѣмъ, что она производилась съ китайскими чиновниками, а не съ купцами и частными лицами, что̀ было бы гораздо выгоднѣе для Русскихъ. Торговля съ Ташкентомъ и Коканомъ не менѣе значительна, хотя въ общности уступаетъ торговлѣ съ Китаемъ. Но перевозка туда товаровъ (около 214 геогр. м., 1,500 верстъ) возможна только на верблюдахъ, по причинѣ пространныхъ, безводныхъ пустынь, гдѣ также нерѣдки нападенія Киргизовъ. Туда вывозятся слѣдующіе товары: юфть, сафьянъ, кожа, металлическія издѣлія, красильные матеріалы, сукно, квасцы и проч. Ввозимые предметы суть даба, платки, бумажныя нитки, шелковые халаты, шелковыя и бумажныя матеріи, сушеные плоды, изюмъ, кишмишъ, урюкъ (сладкіе абрикосы, весьма вкусные), яблоки, сливы, миндаль, фисташки, много рису и проч.

Торговля съ Кашгаромъ въ такомъ же родѣ и довольно значительна; съ Кашмиромъ она гораздо незначительнѣе, чѣмъ должно было бы полагать. Оттуда вывозятъ драгоцѣнные, бумажные платки, шали и матеріи, за которые обыкновенно платятъ ташкентскою, коканскою или бухарскою золотою моне-

---

(243) Русскій Меркурій Ольдекопа, 1831 г. стр. 67.

тою. Эти золотыя монеты имѣютъ высокую цѣну 15 — 16 р. Дорога въ Кашмиръ еще слишкомъ опасна. О караванныхъ путяхъ въ Кашгаръ, Яркандъ, Тибетъ, Кашмиръ, Ташкентъ, Коканъ, Турфанъ, Аксу, Чугучакъ и Или собраны весьма любопытныя свѣдѣнія Ф. Клостерманомъ ([244]).

Послѣ Киргизовъ, значительную часть народонаселенія Семипалатинскаго, какъ и Усть-Каменогорскаго округа составляютъ казаки ([245]). Они происходятъ отъ Уральскихъ, прежде Яицкихъ. Всѣ большею частію высокаго роста, съ красивыми, правильными лицами, имѣютъ частію синіе глаза и свѣтлорусые волосы, рѣдко черные. Они способны и понятливы, чему служитъ доказательствомъ изученіе ими чуждыхъ азіатскихъ языковъ, на которыхъ они превосходно говорятъ. Хвалятъ ихъ мужество на войнѣ, ихъ постоянство въ перенесеніи трудностей; они считаютъ самихъ себя непобѣдимыми. Въ домахъ господствуетъ опрятность. Главнѣйшіе ихъ недостатки — лѣность и склонность къ пьянству. Всѣ форпосты и редуты Иртышской линіи заняты казаками; они составляютъ главнѣйшую часть здѣшняго войска, котораго кромѣ казаковъ, въ каждой крѣпости находится батальонъ пѣхоты и нѣсколько артиллеріи. Вооруженіе казаковъ состоитъ изъ карабина, пистолета, сабли и пики. Всѣ они носятъ одну форму, составляютъ хорошую конницу, свободны отъ всѣхъ податей, но подлежатъ рекрутской повинности. Всѣ здоровые, способные казаки составляютъ служащій корпусъ, которому ввѣрена защита границы. Изъ нихъ также образуются отряды, посылаемые за границу. Если они неспособны болѣе къ исполненію этой должности, то вступаютъ въ резервы, употребляемые на внутреннюю службу, наприм. для помощи чиновникамъ въ ихъ разъѣздахъ по дѣламъ службы, или какъ ветеранамъ, они получаютъ отставку. Когда казацкіе кантонисты уже способны къ

---

(244) Въ Fragm. Asiat. de Humboldt. См. Routiers Append. T. I. p. 239—306.
(245) Мейеръ, l. c. T. II. p. 511—515.

фронтовой службѣ, они занимаютъ мѣста отставныхъ. Служба ихъ вовсе не трудна. Эти области въ настоящее время пользуются большою тишиною, и рѣдко приходится собирать команды со всей линіи. Но ежегодно лѣтомъ созываются всѣ служащіе казаки, и идутъ на 6 недѣль въ лагерь для военныхъ упражненій; въ прочее время года они свободны. Всѣ записанные на службу казаки получаютъ содержаніе, оружіе, аммуницію, фронтовую лошадь и фуражъ; при отставкѣ жалованье ихъ обращается въ пенсію.

Во всякомъ форпостѣ начальствуютъ *пятидесятники*, подъ которымъ состоитъ нѣсколько *урядниковъ*. Нѣсколько редутовъ составляютъ сотню, предводительствуемую *сотникомъ*. Рядъ редутовъ образуетъ полкъ, подъ командою *есаула*. Три полка составляютъ бригаду; начальникъ ея называется бригаднымъ командиромъ. Во главѣ казацкаго корпуса стоитъ атаманъ и Войсковое Правленіе, пребывающіе въ Омскѣ. Ни полки, ни сотни неравны по числу людей, зависящему отъ величины редутовъ; но число ихъ увеличивается. Каждый казакъ изъ рядовыхъ можетъ дослужиться до званія атамана, а потому, хотя нѣкоторые начальники еще и грубоваты, но всѣ они надежны и совершенно соотвѣтствуютъ своему мѣсту; нѣкоторые изъ нихъ получаютъ все болѣе и болѣе образованія, чему способствуютъ училища. Мальчики, одаренные бо̀льшими способностями, посылаются тотчасъ въ Омскъ, гдѣ ихъ учатъ математикѣ, исторіи, географіи, рисованію и проч. (*); даровитыхъ готовятъ въ учителя, также отдаютъ обучаться ремесламъ, потому-что ремесленниковъ на Иртышѣ очень мало. Въ Семипалатинскомъ училищѣ упражненія въ рисованіи доведены до нѣкоторой степени совершенства.

Къ каждому форпосту прирѣзана земля, состоящая въ общинномъ владѣніи, и каждый казакъ обработываетъ ее столько

(*) Прежде въ Войсковомъ училищѣ, нынѣ въ Сибирскомъ кадетскомъ корпусѣ.— *Пр. Пер.*

земли, сколько может; при истощеніи ея, онъ начинаетъ пахать въ другомъ мѣстѣ. Также и пастбища составляютъ общее достояніе; въ пастухи нанимаютъ Киргизовъ. Каждый казакъ коситъ свой лугъ самъ, смотря по времени и надобности. При необременительности службы и при разнаго рода льготахъ казаки сами могутъ сѣять хлѣбъ, а при меньшей лѣности они имѣли бы его большее количество; даже предприняты мѣры, чтобы поощрить ихъ къ хлѣбопашеству на столько, на сколько оно необходимо для ихъ содержанія. Скотоводство также могло бы быть значительнѣе; но все однакоже каждый казакъ содержитъ, кромѣ фронтовой лошади, еще 2 или 3 лошади для обработыванія поля, а также нѣсколько рогатаго скота и овецъ. Во многихъ мѣстахъ снѣга выпадаетъ такъ мало, что скотъ можетъ быть цѣлую зиму на подножномъ корму. Пчеловодство по Иртышской линіи на В. ничтожно, а на З. его совсѣмъ нѣтъ; рыболовство же очень значительно. Охотою линейскіе казаки занимаются мало, не имѣя на то случая; изъ Бухтарминска однакоже охотятся за лосями, а на З. за сайгами. Садоводство и огородничество очень незначительны и ограничиваются только разведеніемъ обыкновеннѣйшихъ овощей, арбузовъ, дынь и табаку. Съ Киргизами казаки производятъ мелочную, незначительную торговлю. Прилежные казаки имѣютъ хорошія средства къ существованію; многіе изъ нихъ зажиточны, хорошо одѣты, имѣютъ чистыя комнаты, превосходный хлѣбъ, хорошія кушанья и хорошо сохраненную рыбу. Д-ръ Мейеръ изъ личнаго опыта хвалитъ привѣтливость и гостепріимство линейнаго казака.

---

§ 43.

Изложеніе III. *Непрерывная горная группа русскаго Алтая между Иртышемъ и Енисеемъ, или Алтайскія рудныя горы съ альпійскимъ хребтомъ Алтайскихъ Бѣлковъ.*

1. Обозрѣніе; главный кряжъ Алтайскихъ Бѣлковъ; водораздѣлъ между Иртышемъ и Обью; Саянскій хребетъ; водораздѣлъ между Обью и Енисеемъ. Сѣверныя предгорія Алтая, верхнія и нижнія продольныя долины, поперечные прорывы. Алтайскій рудный хребетъ на З., внутренній верхній Алтай на В.

Совершенно оставляя гидрографическую область южнаго Иртыша, обращаемся мы къ рѣчной области болѣе сѣверной Оби. Сія послѣдняя, по величинѣ своей и обилію водъ, едва равна Иртышу, но получила надъ нимъ первенство, по крайней мѣрѣ по названію, въ низовьяхъ системы, какъ Рона надъ Саоною и Дунай надъ Инномъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ мы вступаемъ собственно въ средину тѣхъ особенныхъ горныхъ группъ главной Алтайской системы (см. Т. II ст. 185), которыя исключительно принадлежатъ русскому Алтаю и болѣе извѣстны подъ обычнымъ именемъ Алтайскихъ рудныхъ горъ. Горы эти лежатъ совершенно въ русскихъ предѣлахъ и очень богаты всякими рудами. Онѣ вполнѣ заслуживаютъ оба названія, но не вполнѣ самостоятельны, потому-что въ нихъ не включена вся главная центральная ось цѣлаго хребта, а именно простирающіяся отъ З. къ В. на 100 геогр. м., между 199 — 107° вост. долг. (отъ мер. Фер.), высокія снѣжныя горы или Бѣлки, рядъ которыхъ при сѣверномъ берегу Бухтармы уже исчисленъ нами (см. выше стр. 46, 80). Теперь повторимъ мы, отъ З. къ В., имена и положенія этихъ отдѣльныхъ горныхъ группъ, чтобы, по недостатку общихъ названій, можно было, избѣгая дальнѣйшихъ повтореній, употреблять принятыя нами, сообразно ихъ природѣ, наименованія, и тѣмъ сократить объ-

ясненія при ихъ обзорѣ. 1) Водораздѣлъ, покрытый обширнымъ боромъ на С. отъ Семипалатинска къ верхней Шульбѣ и средней Убѣ, до горнаго прохода близь Шамананхи, ведущаго на С. (1,675 п. ф. надъ ур. м.) къ р. Алею. Отсюда начинаются: 2) Рудныя горы Колыванскаго горнаго округа, которыя къ С.-В. отъ истоковъ Алея подпимаются въ Ревенной Сопкѣ (3,988 париж. ф. надъ ур. м.), почти на 4,000 ф. надъ ур. м. и продолжаются по сѣверному берегу Убы еще далѣе на С.-В. подъ именемъ: 3) Тигерецкихъ Бѣлкòвъ, и 4) Коргонскаго плоскогорія, при высотѣ 6,000 фут., достигая до предѣловъ вѣчнаго снѣга. Но уже Уба прорѣзываетъ ихъ южныя предгорія (см. стр. 110), и онѣ тянутся слѣдовательно по южной сторонѣ ея далѣе къ В., между Убою на С. и Ульбою на Ю. къ Риддерску (см. ст. 96) подъ именемъ: 5) Ульбинскихъ Бѣлкòвъ. Сіи послѣдніе снова примыкаютъ къ юго-восточной сторонѣ Коргонскаго плоскогорія, около истоковъ Коксуна (гдѣ высшая точка ихъ, по измѣренію Ледебура, достигаетъ 9,692 фут. надъ ур. м., 1,615 тоазовъ по измѣренію Ал. ф. Гумбольдта ([246]). Эти до сихъ поръ развѣтвленныя, вѣчно снѣжныя вершины принимаютъ здѣсь названіе: 6) Тургусунскихъ и 7) Коксунскихъ Бѣлкòвъ. На В. соединяются онѣ въ одну господствующую главную массу, тянущуюся отсюда постоянно въ направленіи къ В., до китайской границы. Тамъ восточное продолженіе этой горной массы, подъ именемъ Улангомъ-Ола, идетъ далѣе въ томъ же направленіи и сталкивается съ западною оконечностью горъ Танъ-ну-Ола, которыя отсюда поворачиваютъ, какъ кажется, на С.-В. (см. выше, N 2 и 3 Т. II. ст. 188) Этотъ исполинскій горный гребень, простирающійся до границъ Китая, гдѣ онъ принимаетъ вышесказанныя китайскія имена, называется на Ю. отъ Коксунской и Уймонской долинъ: 8) Холсунскимъ Бѣлкòмъ до источника Катуни (къ С.), а далѣе

---

(246) Ledebour, Altai R. Th. I. p. 405 N. 53; A. v. Humboldt Bergketten Inn. As. I. c. p. 10. Note.

9) Катунскими Столбами и Катунскими Бѣлками (см. выше стр. 80). Далѣе, между истоками Чуи (на С.) и истоками Бухтармы (на Ю.), онъ возвышается, какъ исполинскій водораздѣлъ, между Иртышемъ съ Ю. и Обью съ С., превращаясь опять въ самыя дикія снѣжныя вершины. Вершины эти, восточнѣе Аргута, отдѣляющаго ихъ отъ Западныхъ Катунскихъ столбовъ, принимаютъ названія: 10) Чуйскихъ горъ, потому-что сѣверовосточный скатъ ихъ орошается горною рѣкою этого имени, впадающею въ Катунь къ З.-С.-З. Между высочайшими вершинами этой послѣдней цѣпи къ Ю.-В. отъ верховьевъ Чуи, и къ С.-В. отъ послѣднихъ притоковъ Бухтармы, возвышается наконецъ: 11) Священная Божья гора Калмыковъ, называемая *Іїикъ-ту* (247) или *Ижикъ-ту*, переходящая за линію вѣчныхъ снѣговъ, также какъ и другія вершины этой цѣпи. Но она представляетъ ту особенность, что на нее можно безъ большаго затрудненія восходить до границы снѣжной линіи, между тѣмъ какъ на другія, исчисленныя выше, такое восхожденіе невозможно (см. выше стр. 82).

Этотъ-то главный, не прорванный никакою рѣкою, высокій водораздѣльный хребетъ, простирающійся отъ З. къ В., т. е. отъ Тигерецкихъ Бѣлкòвъ на Средней Убѣ до Ижикъ-ту или Божьей горы Калмыковъ, при истокахъ Чуи, между 50° до 51° широты, можемъ мы, согласно съ принятымъ для нераздѣльной массы Монъ-Блана (248) и другихъ швейцарскихъ горъ терминомъ, назвать альпійскимъ гребнемъ (Alpenstock) Алтайскихъ Бѣлкòвъ. Такимъ образомъ характерически отличимъ его, какъ отъ всѣхъ другимъ отраслей Алтая, не имѣющихъ выражаемаго этимъ названіемъ характера, такъ и отъ всѣхъ подобныхъ частей другихъ высокихъ горныхъ системъ. Этотъ альпійскій гребень Алтайскихъ Бѣлкòвъ слѣдуетъ въ главныхъ своихъ

---

(247) Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II. p. 521.

(248) Geogr.-histor.-topograph. Beschreibung zu K. W. Kummers Stereorama, o. Relief d. Monblanc Gebirg's etc. v. C. Ritter. Berl. 1824. p. 5. etc.

частяхъ нормальному направленію всей сѣверной окраины возвышенности (см. Т. II. ст. 184) и въ своемъ восточномъ продолженіи является онъ настоящею окраиною нагорья; но въ западныхъ развѣтвленіяхъ кажется болѣе ея передовою массою (Vormasse), подобно гласису укрѣпленія. Именно на Ю. (см. Т. I. ст. 55, Т. II. ст. 6) значительное углубленіе долинъ Бухтармы, Нарыма и Курчума, простирающихся отъ В. къ З., и долинъ озера Зайссана и верхняго Иртыша съ прорванною горною группою восточной Джунгаро-Киргизской степи, многократно отдѣляютъ эту передовую массу отъ лежащихъ за нимъ внутреннихъ ступеней плоскогорія (см. Т. II. ст. 85) и отъ Т'янъ-Шаньской системы. Нѣтъ никакой достаточной причины предполагать существованіе связи между этою передовою массой и лежащими далѣе къ Ю. высокимъ Сара-Тау, а также снѣжными горами Эктагъ-Алтая, возвышающимися далѣе къ В.-Ю.-В. (см. Т. II. ст. 176 и выше ст. 18). Напротивъ того, дорога китайскихъ пограничныхъ пикетовъ, идущая отъ Нарыма на В. (см. выше, стр. 37) къ зимнимъ станціямъ, или отъ Чингисъ-Тея, на верхней Бухтармѣ, на В. въ Гобдо-Хото, не проходитъ, кажется, ни черезъ какой высокій снѣжный хребетъ (см. выше, стр. 86), хотя, повидимому, должно было бы ожидать этого. Но если бы такая связь дѣйствительно существовала, то она не ускользнула бы отъ вниманія путешественниковъ.

Мы замѣтили, что главный хребетъ Алтайскихъ Бѣлков̀ъ, въ своихъ восточныхъ продолженіяхъ, является настоящимъ хребтомъ окраины нагорья. Наше замѣчаніе основывается на общемъ стремленіи здѣшнихъ высокихъ цѣпей къ образованію широкихъ плоскогорій, въ которыя превращаются ихъ высокіе гребни, рѣзко отличаясь отъ узкихъ хребтовъ другихъ горныхъ вѣтвей. Отсюда получило также названіе Коргонское плоскогоріе ([249]), котораго верхняя площадь (на 6,000 фут. надъ уровнемъ моря) имѣетъ около $3^{1}/_{2}$ г. м. (24 верст.) ши-

(249) Ledebour, Altai R. T. I. p. 260 и 269.

рины. Горная цѣпь Холсунскихъ Бѣлковъ, по наблюденіямъ Бунге ([250]), также образуетъ широкій гребень, и слѣдовательно на высотахъ своихъ представляетъ также родъ плоскогорія. Къ Ю.-В. цѣпь эта, по свидѣтельству того же путешественника, находится въ связи съ болѣе высокимъ горнымъ хребтомъ на лѣвомъ берегу р. Чуи, который составляетъ водораздѣлъ между Чуею и Бухтармою. Онъ оканчивается на Ю.-В. у возвышенной равнины, на которой, вѣроятно, обѣ эти рѣки берутъ свое начало. Весь подъемъ этого высшаго гребня Чуйскихъ горъ, по высотѣ своей — говоритъ Бунге — заслуживаетъ первое мѣсто между прочими подъемами этой страны, и принимаетъ, начиная отъ р. Чуи, видъ плоскогорія въ нѣсколько ступеней. Это вполнѣ подтвердилось при осмотрѣ его обширныхъ степныхъ высокихъ равнинъ. По достиженіи, на верхней Чуѣ, высшей степной равнины (въ концѣ мая), гдѣ были разбиты юрты Зайсанъ-Монгола (монгольскаго князя) на Тегагомѣ (лѣвомъ притокѣ Чуи), видно было, что то же плоскогоріе тянется къ Ю. до китайской границы, которая простирается въ 4 г. м. (30 верстъ) отъ юртъ и не отдѣлена никакимъ снѣжнымъ хребтомъ (см. выше ст. 83). Молодой монгольскій князь, въ то время когда прибыли туда путешественники, только что возвратился верхомъ съ ближайшихъ китайскихъ пограничныхъ пикетовъ въ свои юрты. Близь этого мѣста, на плоской возвышенности, которая, судя по растительности, должна быть весьма высока, поднимается Ижикъ-Ту. На эту гору, нагроможденную на плоскогоріи, сравнительно гораздо легче подняться до границы снѣжной линіи, чѣмъ на другія крутыя, уединенныя вершины. Ледебуръ получилъ еще изъ другаго источника опредѣлительныя свѣдѣнія о значительномъ расширеніи плоскогорія, и отчасти по собственнымъ замѣчаніямъ, отчасти основываясь на свидѣтельствѣ другихъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Цѣпь Холсунскихъ горъ примыкаетъ на Ю.-В. къ хребту или, лучч-

---

(250) Bunge l. c. II, p. 113.

ше сказать, къ высокой равнинѣ, принадлежащей къ Китайской имперіи, и образующей здѣсь черепъ горной отрасли, названной на картѣ Сибири (см. Т. II ст. 175), изданной при Депо географическихъ картъ въ С.-Петербургѣ въ 1825 году, Малымъ Алтаемъ. На этой равнинѣ, совершенно согласно съ характеромъ рѣкъ, орошающихъ плоскогорія, какъ напр. Онона и Кэрулэна, также Инда и Сутледжа, текущихъ сначала по высокимъ равнинамъ Гоби и Тибета, а потомъ прорывающихся чрезъ хребетъ окраины, берутъ начало съ западной стороны: Иртышъ, Курчумъ и Бухтарма; съ сѣверной: Чуя, Башкаусъ, Чулышманъ и Енисей, и съ восточной Селенга. Горныя цѣпи, составляющія водораздѣлы между долинами этихъ рѣкъ, походятъ на лучеобразныя отрасли того же высокаго нагорья. Близь русской границы, слѣдуя по теченію Чуи, путешественникъ приходитъ къ обширному плоскогорію, на которомъ, послѣ трехъ дней пути, встрѣчаетъ рѣки, текущія къ Ю. (вѣроятно къ озеру Убса или какому-нибудь другому, судя по китайскимъ картамъ; къ сожалѣнію Ледебуръ не сообщаетъ о томъ ничего вѣрнаго). Недалеко отсюда (вѣроятно къ С.-В.) находится значительный китайскій торговый городъ Кемчукъ (Кему-Чикъ у Китайцевъ значитъ малый Кемъ или западный притокъ Кема, т. е. верхняго Енисея) на Ю. отъ Саянскихъ горъ въ китайской пограничной области Уляссу-Тай, на сѣверномъ скатѣ горъ Тан-ну. По увѣреніямъ китайскихъ купцовъ, путь въ этотъ городъ (см. выше стр. 183) незатруднителенъ.

Но мы не можемъ (см. Т. II. ст. 175) сохранить этому исполинскому альпійскому гребню названіе Малаго Алтая, совершенно противорѣчащее его величинѣ. Конечно, мы не рѣшимся также по прежнему называть его исключительно Большимъ Алтаемъ (см. Ледебура стр. 271). Во-первыхъ, собственно названіе Алтай вовсе неизвѣстно здѣшнимъ туземцамъ; они не обозначаютъ имъ восточной, самой высокой половины этого альпійскаго гребня, и вообще кажется, что слово Алтай не столько означаетъ здѣсь извѣстный горный

хребетъ, сколько извѣстную страну. Крестьяне, живущіе здѣсь, распространяютъ названіе Алтая на весь округъ (впрочемъ самую дикую часть этой страны), населенный Калмыками, въ которомъ еще нѣтъ русскихъ деревень. Даже на пограничныхъ столбахъ своихъ деревень они пишутъ, что внѣ ихъ границы находится Алтай.

Вышеозначенное показаніе дѣйствительно справедливо относительно сѣверной стороны Коргонскаго плоскогорія. Но далѣе, въ горахъ на верхней Чуѣ, по наблюденіямъ Бунге, оно не оправдывается. Жители, говоритъ онъ, какъ Русскіе, такъ и Калмыки, разумѣютъ подъ именемъ Алтая не столько горы, сколько страну отъ верхняго Чарыша до Біи и къ Ю. до Катуни; слѣдовательно, только горную страну сѣверозападныхъ отдаленныхъ вѣтвей альпійскаго гребня, обращенныхъ къ Сибири. И такъ, эта страна заключаетъ въ себѣ, говоритъ Бунге, всю область подвластныхъ Россіи Калмыковъ, извѣстныхъ также между Русскими подъ названіемъ Алтайцевъ, для отличія отъ Двоеданцевъ (см. Т. II. ст. 306) или жителей береговъ Чуи, Башкауса и Чулышмана. То же различіе дѣлаютъ и Калмыки, употребляя названіе Алтай-да (въ Алтаѣ) для отличія отъ Чуй-да (живущіе на рѣкѣ Чуѣ). Вотъ все, что можно было сказать о народонаселеніи верхней Чуи, около высокаго альпійскаго гребня Бѣлковъ. Здѣсь, ни Бунге въ восточныхъ частяхъ его, ни Ал. Гумбольдтъ въ западныхъ (см. Т. II. ст. 173), не слыхали ничего о различіи между Большимъ и Малымъ Алтаемъ ни отъ русскихъ туземцевъ, ни отъ Калмыковъ. Впрочемъ, въ старину, названіе Малаго Алтая было общеупотребительно въ ближайшихъ окрестностяхъ Змѣиногорскаго горнаго округа, какъ видно изъ писемъ тамошняго пастора Эриха Лаксмана (251) къ Шлецеру, въ 1767 году. Лаксманъ разсказываетъ о пер-

---

(251) Laxmann, Briefe aus Sibirien ausgeg. v. Schlözer. Gótting. 1769. p. 31. Примѣчаніе.

выхъ барометрическихъ измѣреніяхъ, тамъ имъ произведенныхъ, а именно: въ Барнаулѣ, оказавшемся въ 377 ф. надъ ур. м., въ Змѣиногорскѣ—на 1,548 ф., и на высшихъ вершинахъ Алтайскихъ горъ, называемыхъ, по его словамъ, Малымъ Алтаемъ. По тогдашнему измѣренію Іоанна Бекмана, вычисленному по формулѣ Бугера, вершины эти оказались въ 6,559 ф. надъ уровн. моря. Отсюда слѣдуетъ, что, вѣроятно, подъ названіемъ Малаго Алтая ученый пасторъ разумѣлъ близъ лежащіе Тигерецкіе Бѣлки, достигающіе этой высоты. Новые картографы и писатели совершенно несправедливо распространяютъ это названіе, свойственное только передовымъ высотамъ горъ въ русскихъ предѣлахъ, на весь главный, величественный альпійскій гребень Бѣлко̀въ.

Далѣе къ В. и Ю.-В. идетъ вдоль р. Чуи высокая, обширная равнина (подъ 50° с. широты и 107° в. долготы отъ острова Ферро), которую, какъ связь между альпійскимъ гребнемъ Алтайскихъ Бѣлко̀въ, Улангомъ-Ола и Танъ-ну-Ола, можно назвать Чуйскимъ плоскогоріемъ. О немъ мы не имѣемъ никакихъ показаній очевидцевъ. Единственный очевидецъ, Бунге, сообщаетъ (1826) слѣдующія замѣчанія о ея сѣверовосточномъ развѣтвленіи, подъ 107° в. д. отъ Ферро и отъ 50° до 53° с. широты, вдоль южныхъ притоковъ Телецкаго озера, и ближайшихъ восточныхъ рѣкъ къ Чуѣ, которыя, отклоняясь отъ нея къ В. и протекая черезъ Телецкое озеро, образуютъ р. Бію. На правомъ берегу Чуи, говоритъ Бунге, проходитъ горная цѣпь, не столь высокая, какъ на лѣвомъ берегу, но едва ли не столь же широкая, къ С.-З. чрезвычайно растянутая въ длину. Она отдѣляетъ притоки Телецкаго озера, а именно Башкаусъ и Чулышманъ отъ Чуи (252). Далѣе, къ С.-В., она понижается близъ угла, образуемаго соединеніемъ Катуни, въ которую изливаются Чуя и Бія. Бунге (253), при переходѣ къ Башкаусу, убѣдился изъ собственнаго наблюденія, что этотъ

(252) Bunge, Altai R. T. II. p. 113.
(253) Idem. p. 151.

высокій, крутой хребетъ образуетъ плоскогоріе, шириною слишкомъ въ 2 г. м. (15 верс.), покрытое болотами и снѣжными озерами, между которыми торчатъ массы скалъ. Телецкое озеро занимаетъ узкую трещину, простирающуюся далеко на С. Вдоль береговъ его, какъ на Комскомъ и Фирвальдштедскомъ озерѣ въ Альпахъ, прибрежье до отвѣсныхъ скалъ имѣетъ ширину, едва достаточную для узкой тропинки, что чрезвычайно затрудняетъ и даже дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшій осмотръ берега ([254]), отъ Ю. къ С. Восточнѣе этого мѣста и Чулышмана, возвышается крутая, скалистая горная стѣна, возлѣ самаго берега озера, на которую еще не восходилъ ни одинъ Европеецъ. Перейдя черезъ нее на восточный склонъ, можно было бы достигнуть верховьевъ р. Абакана. Сѣверовосточныя отрасли ея, до 53° широты, называются *Саянскимъ хребтомъ* (см. Т. II. т. 184), а болѣе низменныя и не столь дикія, сѣверозападныя отрасли, между Біею и Томью къ Кузнецку — *Кузнецкимъ хребтомъ*. Этотъ хребетъ составляетъ водораздѣлъ, совершенно отдѣляющій систему западной Оби и Иртыша отъ системы восточнаго Енисея. Вотъ граница настоящаго нашего общаго обозрѣнія; къ Саянскому-хребту мы перейдемъ далѣе.

И такъ, по извѣстіямъ, сообщеннымъ очевидцами, и другимъ вѣрнымъ источникамъ, не вдаваясь ни въ какія ипотезы, какъ прежде, мы обозначили довольно вѣрно область Русскаго Алтая, для отличія отъ другихъ, ближайшихъ къ нему южныхъ, западныхъ и восточныхъ горныхъ группъ. Теперь мы познакомились также съ главнымъ альпійскимъ гребнемъ Алтайскихъ Бѣлковъ, отъ котораго на С.-З. отдѣляются многочисленныя развѣтвленія къ Семипалатинской, Барнаульской и Кузнецкой низменностямъ, обильно орошаемымъ рѣками, берущими начало на вѣчно снѣжныхъ вершинахъ горъ.

Всѣ эти рѣки, начиная отъ Алея, текутъ въ нормальномъ направленіи отъ С. къ С.-З, съ большею или меньшею быстротою, а именно: Тигерекъ, Коргонъ, Чарышъ, Коксунъ, Уй-

(254) V. Bunge, l. c. p. 113, 160.

монъ, Катунь, Аргутъ, Чуя, Башкаусъ, Чулышманъ и далѣе къ С. до Томи соединяющіяся въ болѣе низменное русло Оби.

Не смотря на то, что всѣ рѣки текутъ къ С. и С.-З., и что горныя цѣпи, простирающіяся вдоль ихъ береговъ, слѣдуютъ тому же направленію, ошибочно было бы заключить, что господствующее направленіе всей горной системы есть сѣверное, что̀ совершенно противорѣчило бы направленію главной оси Алтайскихъ Бѣлко̀въ, отъ З. къ В. Хотя нѣкоторые сѣверные отроги болѣе развѣтвленныхъ и раздробленныхъ предгорій выступаютъ къ С. и С.-З., однакоже это не есть общее направленіе горъ, въ чемъ ясно можно убѣдиться при внимательномъ разсмотрѣніи продольныхъ и поперечныхъ долинъ этихъ сѣверныхъ стоковъ и сравненіи съ подобными горными образованіями, напримѣръ, болѣе извѣстныхъ частей Гималайской системы, или великой Альпійской страны. Безспорно, лабиринтъ безчисленныхъ долинъ, въ главныхъ направленіяхъ, составляетъ довольно правильную сѣть очень длинныхъ, продольныхъ долинъ, параллельныхъ направленію главнаго Альпійскаго гребня Алтайскихъ Бѣлко̀въ отъ З. къ В. или отъ З.-С.-З. къ В.-Ю.-В. и поперечныхъ долинъ, образующихъ съ ними на С. большею частію рѣзкіе углы. Поперечныя долины, часто принимающія видъ ущелій въ самыхъ высокихъ параллельныхъ цѣпяхъ, служатъ проводниками водъ, текущихъ изъ заднихъ возвышенныхъ котловинъ, спускаясь по уступамъ въ нижнія равнины. Система этой рѣчной сѣти, въ наиболѣе извѣстной части Алтайскихъ горъ, такъ ясно видна на вѣрной картѣ, что не требуетъ дальнѣйшаго описанія. За то, правда, цѣлая половина этой горной страны, именно сѣверовосточная, отъ верхняго Чарыша и р. Ануя до Телецкаго озера къ С.-В., и южнѣе, отъ источниковъ Чуи и Башкауса къ С.-В. до Бійска, до сихъ поръ еще можетъ назваться Terra incognita. Верхняя долина Иртыша до Зайсана, долины Курчума, Нарыма и Бухтармы, суть именно такія продольныя долины, параллельныя, въ главныхъ своихъ частяхъ, съ осью хребта. Воды ихъ текутъ въ

одинаковомъ нормальномъ направленіи отъ В. къ З. или З.-С.-З., на Ю. отъ главнаго хребта Алтайскихъ Бѣлковъ. Воды эти, отдѣливъ своими глубоко врѣзанными долинами упомянутый гласисъ горной системы (см. Т. I. ст. 55, Т. II. ст. 6), сливаются въ поперечную долину Иртыша отъ Зайсана до Бухтарминска и Усть-Каменогорска, и выносятся ею въ степь. На сѣверѣ отъ того же главнаго альпійскаго гребня, мы видимъ длинный рядъ продольныхъ долинъ, параллельныхъ какъ съ нимъ, такъ и съ Иртышемъ и долиною верхней Бухтармы. Хотя онѣ не связаны текущими по нимъ рѣками, однако по нимъ протекаютъ верховья главныхъ рѣкъ Алтайской системы. Между ними всѣ горные перешейки ведутъ отъ З. къ В. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи, эти перешейки, вѣроятно, окажутся сходными съ такъ-называемыми Cols французскихъ и швейцарскихъ Альповъ, которые тамъ не составляютъ горныхъ проходовъ, ведущихъ чрезъ главную цѣпь въ Италію (какъ Больш. С-тъ Бернаръ, Симплонъ, С-тъ Готаръ), но образуютъ только внутренніе горные проходы изъ одной продольной долины въ другую; напр. какъ Col de Balme, ведущій съ Арвы къ Ронѣ, Фурка — съ Роны къ Рейссу, Ober-Alp-See-Pass съ Рейсса къ верхнему Рейну и т. п. Такъ, вѣроятно, и здѣсь есть проходы въ направленіяхъ продольныхъ долинъ (напримѣръ между Чарышемъ и Коксуномъ) хотя большая часть ихъ, вѣроятно, еще не изслѣдована. Со временемъ, они конечно будутъ посѣщены при точнѣйшемъ изслѣдованіи связи между горами, простиранія горныхъ пластовъ и гидрографіи вообще всей Алтайской системы. Особенно характеристическіе такого рода перешейки ведутъ изъ продольной долины Алея къ верхней продольной долинѣ Убы, и изъ нея къ обширной продольной долинѣ большаго Коксуна. Сему послѣднему можетъ соотвѣтствовать на Ю. главнаго хребта Алтайскихъ Бѣлковъ перешеекъ между продольною долиною Убы (Грамматуха) и продольною долиною верхней Бухтармы. На сѣверной сторонѣ Большаго Коксуна наиболѣе замѣчательнымъ горнымъ проходомъ яв-

ляется тотъ, который ведетъ изъ верхней продольной долины Чарыша въ долину Урсула (впад. съ лѣв. стороны въ Катунь). Онъ тянется далеко къ Ю.-В., въ одинаковомъ направленіи съ долиною верхняго Коксуна и долиною Чуи, до возвышенной степи на китайской границѣ. Тамъ, по видимому, весьма удобно проходимый перешеекъ ведетъ къ упомянутому выше городу Кемчику. Можно почти съ увѣренностью полагать это уже потому, что нигдѣ не упоминается о затруднительности переправы чрезъ высокій горный проходъ. Тому, кто знакомъ съ природою Европейской Альпійской системы, взглядъ нашъ будетъ понятенъ, и намъ остается только присовокупить, что алтайскія воды, прорывающіяся къ С. въ своихъ среднихъ теченіяхъ, подобны тѣмъ дико-романтическимъ узкимъ ущельямъ, по которымъ низвергаются извилистыя альпійскія рѣки; напримѣръ воды С.-Готардскаго Рейсса отъ Урнеръ-Лоха до Альторфа, рѣка Эчъ, отъ Бриксена до Вероны, рѣка Зальцаха отъ Верфена до Зальцбурга и др. Таковы ущелья, являющіяся вообще во всѣхъ поперечныхъ трещинахъ, относительно главныхъ направленій горныхъ цѣпей, поднятыхъ здѣсь въ правильномъ параллелизмѣ и величественныхъ размѣрахъ.

Но за этими поворотами къ С. алтайскія рѣки мало по малу принимаютъ въ своемъ теченіи направленіе градусовъ широты и совершенно выходятъ изъ системы горъ на предлежащую ей низменность или степь. Здѣсь онѣ слѣдуютъ (что, впрочемъ, все равно въ отношеніи общаго очертанія) или отъ В. къ З., какъ р. Бія ниже Телецкаго озера отъ Сандыпска чрезъ Бійскъ, до впаденія Чарыша, или отъ З. къ В, какъ Чарышъ, ниже города Чарыша до Біи, гдѣ изъ соединенія ея съ Катунью образуется Обь; или же наконецъ въ діагональномъ направленіи, какъ напримѣръ самая западная изъ горныхъ рѣкъ, Алей. Эта послѣдняя протекаетъ весьма небольшое пространство, по самой горной странѣ (отъ В. къ З.); у Локтевскаго завода вдругъ поворачиваетъ къ С. и течетъ черезъ степь совершенно по прямой линіи на С.-В. къ Оби, параллельно ли-

нія степныхъ озеръ, лежащихъ на С.-З. отъ этой рѣки. Отъ южнаго ряда высокихъ продольныхъ долинъ у сѣвернаго подножья альпійскаго гребня Бѣлкòвъ, орошаемыхъ въ направленіи въ В.-Ю.-В. на З.-С.-З. водами Чуи, Коксуна и Чарыша и нѣкоторыхъ другихъ, менѣе замѣчательныхъ рѣкъ, простирается также къ С. на разстояніи 30 г. м. (отъ $1^1/_2$ до 2^0 с. шир.), значительною ступенью ниже, вторая главная продольная долина, параллельная главному направленію, именно долина Біи и начала Оби отъ Сандыпска чрезъ Бійскъ, до впаденія Чарыша, отъ В. къ З. на разстояніи болѣе 30 г. м. или 3-хъ градусовъ долготы (отъ 101^0 104^0 В. долготы отъ Ферро). Между этими двумя главными линіями верхнихъ и нижнихъ продольныхъ долинъ находятся тѣ части большой горной группы, которыя мы можемъ обозначить общимъ названіемъ: Сѣверныхъ предгорій Алтая. Онѣ прорѣзаны тремя болѣе значительными, направленными къ С. поперечными долинами, которыхъ длина увеличивается въ замѣчательной прогрессіи отъ З. къ В., именно: 1) поперечная долина Чарыша отъ впаденія въ него Локтевки (съ лѣв. стор.) до города Чарыша къ С.; это есть кратчайшая изъ нихъ; 2) поперечная долина Ануя, выходящая на С. близь Ануйской, уже нѣсколько длиннѣе первой; 3) поперечная долина Катуни есть самая длиннѣйшая изъ нихъ: она прорѣзываетъ всю значительную ширину сѣверныхъ предгорій Алтая ($50^1/_2{}^0$ до $51^1/_2{}^0$ с. шир.), принимаетъ, у подножія Бѣлкòвъ, текущія изъ заднихъ продольныхъ долинъ, снѣжныя воды Коксуна, Чуи и Катуни. Она тянется почти въ прямомъ направленіи къ С. до внезапнаго поворота рѣки на З., гдѣ теченіе ея продолжается вдоль нижней продольной долины, по границѣ горной страны и низменности до впаденія въ Бію, при Катунской и Бійской. Башкаусъ съ Телецкимъ озеромъ, въ которое онъ впадаетъ, и съ вытекающею изъ него Біею, можно бы назвать четвертою, болѣе восточною, значительною поперечною долиною. Совершенно параллельная долинѣ Катуни, она отличается отъ другихъ только тѣмъ, что въ ней находится озеро. Впрочемъ, три послѣднія,

упомянутыя нами долины, покуда очень мало извѣстны. Потому ограничимся преимущественно только разсмотрѣніемъ прежде названныхъ. Довольно отчетливо извѣстны только части западнаго развѣтвленія альпійскаго гребня Алтайскихъ Бѣлковъ, т. е. горная страна между параллельною долиною верхняго Чарыша и продольною долиною верхней Убы къ З. до поперечной долины средняго Алея. Это пространство, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, можно назвать Алтайскими рудными горами. Къ В. отъ него, начиная отъ Коргонскаго плоскогорія, которое прежде составляло границу заводской части Алтая, находится обширная продольная долина Коксуна, простирающаяся чрезъ Уймонъ, вверхъ до истоковъ Чуи, и заключающая болѣе 4-хъ градусовъ долготы (отъ 102—106 в. д. отъ Фер.). Мы познакомились съ нею изъ нѣсколькихъ обзоровъ; именно, при посѣщеніи болѣе восточной группы внутренняго верхняго Алтая, еще не изрытаго шурфами. Знакомая намъ дорога старой и новой пограничной линіи (см. Т. II, ст. 294, 296) не проходитъ по этой долинѣ, а тянется отъ рудоноснаго западнаго Алтая, перерѣзывая его поперегъ большою дугою въ С.-В., по самому краю сѣверныхъ предгорій Алтая. Послѣ общаго обзора, приступаемъ теперь къ описанію отдѣльныхъ частей, отъ З. къ В. Руководствуемся при томъ свѣдѣніями, которыя находимъ у наблюдателей, уже заслужившихъ всеобщее довѣріе.

2. Западные пути чрезъ степи къ Алтайскому рудному хребту: юго-западная дорога изъ Семипалатинска на Иртышъ, отъ Шаманаихи черезъ Убу и верхній Алей къ Змѣиногорскому Заводскому Округу, въ предгоріяхъ Алтая; сѣверозападная дорога туда же изъ Барнаула на Оби черезъ Нижній Алей, Локтевку и Секисовку.

До сихъ поръ, всѣ путешественники отправлялись къ богатому рудами западному Алтаю только по двумъ дорогамъ: 1) Съ Ю. отъ Иртыша, чрезъ Шаманаиху по Убѣ, къ верх-

нему Алею, при деревнѣ Екатерининской, или чрезъ Большерѣцкую, Ново-Алейскую и долину верхняго Алея въ Змѣиногорскъ. 2) Съ С. отъ Оби, чрезъ Барнаулъ вверхъ по нижнему Алею, или по Чарышу,—мимо Колыванскаго озера туда же. Дороги эти были предпочитаемы, потому-что обширная степная страна, простирающаяся къ западу отъ Алея, и пересѣкаемая большою лѣсною полосою или безплоднымъ и необитаемымъ пихтовымъ лѣсомъ (см. выше стр. 108), представляла бы чрезвычайныя, почти непреодолимыя препятствія для прямаго сообщенія съ Заводскимъ округомъ, какъ со стороны Ямышева, такъ и со всѣхъ прочихъ сторонъ.

а) Южная дорога отъ Иртыша черезъ Шамананху въ Змѣиногорскъ и къ р. Алею. Мы уже познакомились выше (стр. 111) съ южной дорогой отъ Иртыша чрезъ Шамананху до вершины водораздѣла (1,675 ф. выше уровня моря). Водораздѣлъ этотъ называется Спасскою Сопкою ([255]), отъ р. Спасской, которая беретъ начало на южной сторонѣ его и впадаетъ въ Убу. Съ вершины сопки открывается къ В. превосходный видъ на высокія горныя массы, которыя были уже покрыты снѣгомъ, когда Д. Мейеръ (3 октября 1826 г.) возвращался по этой дорогѣ изъ степи. Отсюда до Змѣиногорска не болѣе одного дня ѣзды. Но сначала, при Екатерининской (1,024 фут. выше ур. моря), нужно переправиться чрезъ Алей, въ который течетъ съ С., съ водораздѣла, рѣчка Таловка ([256]), первая изъ рѣкъ, принадлежащихъ къ системѣ Оби. Палласъ, который переѣзжалъ черезъ горы, возвышающіяся по обѣимъ сторонамъ этой рѣчки, говоритъ, что снѣгъ здѣсь не держится, и свободныя отъ него высоты были, до основанія на нихъ поселеній, любимымъ мѣстопребываніемъ маралей (оленей), что подтверждалось еще въ 1772 г. множествомъ сброшенныхъ оленьихъ роговъ. Палласъ встрѣтилъ здѣсь много сурковъ и

(255) Ledebour Altai-R. Th. I, p. 60; Meyer Ibid. Th. II, p. 516.
(256) Pallas R. R. Th. II, p. 521.

въ первый разъ горныхъ ласточекъ — Hirundo alpestris, которыя, какъ онъ впослѣдствіи замѣтилъ, очень часто гнѣздятся въ въ разсѣлинахъ скалъ на Алтаѣ, но къ З. совсѣмъ не встрѣчаются. Острая мохнатая Сопка, одна изъ значительнѣйшихъ послѣднихъ вершинъ западнаго Алтая, бросается въ глаза въ западныхъ предгоріяхъ, къ Ю.-З. отъ Екатерининской, своими обнаженными и нагроможденными гранитными скалами, изъ которыхъ она составлена, наподобіе Бухтарминскихъ горныхъ стѣнъ и Монастырскихъ горъ (см. выше, стр. 56, 147). Такія особенности въ формѣ скалъ встрѣчаются еще чаще далѣе къ С., и въ огромныхъ размѣрахъ являются на утесистыхъ берегахъ Колыванскаго озера и въ Тигерецкихъ Бѣлкахъ. Палласъ ([257]) описываетъ характеръ скалъ Острой мохнатой Сопки. По ущельямъ растутъ, говоритъ онъ, одинокія пихты, березы и рябины; вся вершина покрыта стелящимся верескомъ, котораго суковатые стволы образуютъ самые странные изгибы, вѣроятно отъ бурь, наподобіе кривой сосны (Силезскихъ снѣжныхъ вершинъ); дерево его, по цвѣту и запаху, походитъ на кедровое, и подъ зеленою тѣнью его водятся во множествѣ змѣи, ужи, жабы и т. под.

Когда Палласъ посѣтилъ (1772) Екатерининскую деревню, она только что была основана и населена польскими колонистами, которые и здѣсь, какъ вообще вездѣ, отличались тщательнымъ воздѣлываніемъ земли и прилежно занимались хлѣбопашествомъ. Они были въ то время разселены въ трехъ поселкахъ. Ссыльные же вообще были лѣнивы. При проѣздѣ д-ра Мейера (1826), въ деревнѣ было уже 40 дворовъ и 400 крестьянъ ([258]), довольно зажиточныхъ.

Исключая стороны, обращенной къ рѣкѣ, она окружена горами, достигающими впрочемъ значительной высоты только на В. Отъ деревни, вдоль подошвы этихъ предгорій, черезъ

(257) Pallas R. R. T. II, p. 523.
(258) Д-ръ Мейеръ, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 181.

холмистую степь пролегаетъ почтовая дорога въ Змѣиногорскъ, подобная той, которая идетъ на С. изъ Змѣиногорска чрезъ Саушку. Одну изъ утесистыхъ гранитныхъ горъ, лежащихъ къ Ю.-З. отъ деревни, д-ръ Мейеръ называетъ Острою Сопкою. Вѣроятно, это та же самая гора, которую Палласъ называетъ Мохнатой; другія большею частію состоятъ изъ глинистаго сланца, какъ напр. Толстая, Ключевская, Большая Сопка и др.

Въ началѣ апрѣля, на всѣхъ высотахъ жгли сухую прошлогоднюю траву, отъ чего быстрые палы распространялись по всѣмъ направленіямъ. Берега Алея поросли здѣсь лѣсомъ ивъ и тополей; осенью русло его мелко и несудоходно, весной же, въ половодье, переправа въ челнокахъ изъ выдолбленныхъ пней не безопасна.

Р. Алей прорѣзываетъ здѣсь еще, отъ В. къ З., свою извилистую продольную долину; верховья ея находятся на нѣсколько дней пути далѣе къ В., въ глухихъ Тигерецкихъ горахъ, выше Ново или Верхне-Алейскаго ([259]), гдѣ съ С. впадаетъ въ него рѣчка Глубокая.

По словамъ маркшейдера Гериха ([260]), Алей къ В., на разстояніи 95 верстъ отъ Алейскаго завода (*), гдѣ ширина рѣки достигаетъ отъ 30 до 40 ф., слагается изъ трехъ вѣтвей: сѣверной, восточной и западной, берущихъ начало у подошвы Чесноковой Сопки, изъ гранитныхъ горъ.

Мѣстечко Верхне-Алейское обязано своимъ происхожденіемъ проложенію пограничной линіи отъ р. Убы у Верхне-Убинска (см. выше стр. 108) и Большерѣцка чрезъ Кабанью высоту (1,790 ф. надъ у. м.) до Плоской (1,048 ф. надъ у. м.) на рѣкѣ того же имени (южномъ притокѣ Алея съ лѣвой стороны). Верхне-Алейское находится на верхнемъ

---

(259) Pallas R. R. T. II, p. 539.

(260) Гериха (Gerich), Путешествіе и измѣреніе рѣки Алея, въ Hermann Miner. R. n. Sibirien 1801. T. III, p. 36—41.

(*) Нынѣ этого завода не существуетъ. — *Пр. Пер.*

Алеѣ, при пересѣченіи его Усть-Каменогорскою дорогою, такъ какъ Екатерининская при пересѣченіи этой рѣки Семипалатинскою дорогою. Оба селенія расположены на сѣверномъ склонѣ водораздѣла Плоской горы (261). Къ Ю. отъ Верхне-Алейска находится станція Плоская (262), гдѣ на берегахъ рѣки растутъ березы, осины, ивы и калина. По этой дорогѣ слѣдовалъ Гмелинъ въ 1743 году. Онъ упоминаетъ о рудникѣ, находившемся въ его время на Плоской горѣ; 30 рудокоповъ добывали здѣсь ежедневно отъ 100 до 200 пудовъ серебряной руды для Колыванскихъ заводовъ. Но, по словамъ путешественника, зимою снѣга здѣсь такъ глубоки, что не позволяютъ работать, а также зимой и осенью работы въ то время были опасны, по случаю частыхъ набѣговъ Киргизовъ. Потому рудокопство продолжалось здѣсь только въ теченіи 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ и рабочіе жили лѣтомъ во временныхъ шалашахъ. При посѣщеніи этихъ мѣстъ Гмелинымъ, Ново-Алейское еще не существовало. Во время пребыванія здѣсь Палласа, деревня эта была еще новымъ поселкомъ, однако уже состояла изъ 30 дворовъ; отъ нападеній же охранялась казаками и гарнизономъ подъ начальствомъ капитана. Здѣсь Палласъ опять встрѣтился съ студентомъ Соколовымъ, который возвращался отъ Аблайкитскихъ развалинъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ посѣтилъ линію устроенныхъ предъ тѣмъ небольшихъ пограничныхъ укрѣпленій на С. Германъ называетъ упомянутый выше рудникъ Алейскимъ заводомъ. Долина р. Алея здѣсь очень низменна. Рѣчка Глубокая течетъ съ С., по дикимъ, извилистымъ долинамъ, обильнымъ снѣжными водами, чрезъ березовыя рощи и между кустами розъ. Красивые піоны и Dictamnus albus украшаютъ долины, между-тѣмъ какъ горные ягели одѣваютъ скалы. Выше къ С., р. Глубокая течетъ по своей долинѣ черезъ горы, къ Ключевскому маяку, укрѣпленному деревяннымъ редутомъ, для защиты отъ набѣговъ. Въ этомъ старомъ пограничномъ посту

(261) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 244.
(262) Ledebour Altai R. T. I, p. 330.

живутъ казаки. Воды, текущія къ В. отсюда (Глухариха), принадлежатъ къ верхней Убѣ, а горные потоки, ниспадающіе къ сѣверу (Слесариха) у Бѣлорѣцкой крѣпостцы, текутъ въ р. Бѣлую, лѣвый притокъ большаго, болѣе сѣвернаго Чарыша.

Ниже впаденія Глубокой въ Алей, впадаютъ въ него также съ правой (сѣверо-восточной стороны) 3 или 4 параллельные притока, а именно: Семеновка, Каменка, Гольцевка и р. Корболиха, на которой находится знаменитый Змѣиногорскій рудникъ, а еще къ С.-З., почти рядомъ, течетъ маленькая рѣчка Березовка. Всѣ эти притоки берутъ начало на выступающихъ къ З. сопкахъ рудоноснаго Алтая, богатыхъ также рудами. Разработка ихъ со временемъ сдѣлается самымъ прибыльнымъ промысломъ. Ближе всѣхъ къ Глубокой находится открытый въ 1763 г. Семеновскій рудникъ ([263]) у западнаго подножія высокаго крутаго предгорья. Во время Палласа, онъ былъ богатѣйшимъ послѣ Змѣиногорскаго, но доставка рудъ по горнымъ дорогамъ на плавильные заводы была чрезвычайно затруднительна. Палласъ посѣтилъ эту прекрасную горную страну, и нашелъ въ ней очень богатую флору. Вечеромъ слышались ему здѣсь, у горъ, скрипящіе, нѣжные, но продолжительные звуки, которые рудокопы во многихъ мѣстахъ Алтая приписываютъ многочисленнымъ змѣямъ (см. выше, стр. 104). Ночью вездѣ раздавался пискъ мелкихъ зайцевъ (Lepus minutus), которые, по свидѣтельству Палласа, вовсе не встрѣчаются въ Киргизской степи и рѣдко попадаются даже въ Алтайскихъ горахъ.

Гольцевскій рудникъ находится на С. недалеко отсюда и западнѣе горныхъ высотъ, прорѣзанныхъ глубокими долинами. Высоты эти возвышаются не болѣе 300 фут. надъ окрестными равнинами, но съ сѣверной стороны оканчиваются крутыми обрывами. Съ 1759 г. шурфованіе открыло здѣсь богатыя серебряныя и мѣдныя руды.

Въ одной милѣ отсюда степь простирающаяся отъ Алея становит-

---

(263) Pallas R. R. T. II, p. 532.

ся волнистою отъ многихъ крутыхъ высотъ, черезъ которыя только съ 1743 г. устроены дороги къ Пихтовой горѣ ([264]), гдѣ во время путешествія Гмелина еще находился одинъ изъ значительнѣйшихъ Демидовскихъ рудниковъ (Пихтовскій). Онъ состоялъ изъ 5 жилъ, большею частію въ 7 саж.. и не болѣе 17 саж. глубины; здѣсь, при легкой разработкѣ, добывались богатыя мѣдныя руды, потому-что стоило только слѣдовать по шурфамъ древней, искусной въ горномъ дѣлѣ Чуди, безъ которыхъ здѣсь не скоро открывались новые рудники. При этихъ старинныхъ шурфахъ находили еще слѣды древнихъ каменныхъ строеній того же народа, исчезнувшаго безъ вѣсти. На С.-З. отъ этой горной высоты течетъ рѣчка Ревенная, впадающая западнѣе въ Гольцовку. Близь нея показывали Палласу мѣсто сраженія, на которомъ, какъ памятники этого событія, выкапывались во множествѣ черепа и острія стрѣлъ. Ему разсказывали, что здѣсь, при калмыцкомъ ханѣ Галданъ-Церенѣ, происходила кровопролитная битва между Калмыками и Киргизами (Бурутами), которые тогда еще (см. Т. II. ст. 290, 304) двигались съ С.-В. на Ю.-З. Палласъ замѣтилъ также у обрыва одной горы остатки каменнаго укрѣпленія ([265]). Къ С.-З., на разстояніи менѣе 5 верстъ отъ Пихтовой горы, возвышается Лазуревскій хребетъ (Лазуревыя горы, у Палласа), гдѣ нынѣ находится серебряный рудникъ Лазуревскій (*). Ледебуръ ([266]) посѣтилъ его, и нашелъ абсолютную высоту его въ 1,650 ф. Къ С.-В., близъ тѣхъ же горъ, находится высокій лѣсистый хребетъ, въ концѣ апрѣля еще покрытый снѣгомъ. Березы и ивы, здѣсь произраставшія, въ то время едва только начинали давать почки, между-тѣмъ какъ въ мѣстахъ болѣе закрытыхъ листья на деревьяхъ уже распустились.

---

(264) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 247, Pallas R. R. T. II. p. 531.

(265) Pallas R. R. T. II, p. 531.

(*) Нынѣ рудникъ этотъ, также какъ и Пихтовскій, Гольцовскій и др. совершенно оставленъ. — *Пр. Пер.*

(266) Ledebour Altai R. I, p. 56.

Однако же лѣсная растительность становится здѣсь обильнѣе въ сравненіи съ сѣверозападною, бѣдною деревьями степью. Здѣсь встрѣчаются напр. рябина (Sorbus aucuparia), бузина (Sambucus racemosa), калина (Viburnum opulus) и смородина (Ribes petraeum); растительность же травъ здѣсь въ лѣтнее время, судя по 8 футовымъ стеблямъ высохшихъ прошлогоднихъ зонтичныхъ растеній (Angelica archangelica), должна быть очень обильна. По ту сторону лѣсистаго хребта, близъ рѣчки Логовушки, возвышаются (надъ моремъ на 1,915 фут.) яшмовыя горы. Здѣсь находятся превосходныя яшмовыя ломки, въ которыхъ выламываются куски для цѣльныхъ колоннъ. Въ одной полу-милѣ отъ ломокъ находятся три горныя вершины, извѣстныя уже съ давнихъ временъ подъ общимъ именемъ Ревенныхъ сопокъ. Палласъ ([267]) говоритъ, что онѣ получили названіе отъ большаго количества растущаго тамъ Rheum undulatum, и что кромѣ болѣе сѣверной Синей сопки, онѣ представляютъ высшія вершины Малаго Алтая. Тоже подтверждаетъ и Германнъ ([268]). Рѣчка Шипуниха ниспадаетъ съ горъ на З. къ Алею. Ледебуръ предпринималъ къ ней, въ концѣ апрѣля, изъ Колывани, особенную ботаническую поѣздку ([269]) и нашелъ, по барометрическому измѣренію, высоту ея въ 3,088 фут. надъ ур моря. Онъ говоритъ, что три вершины ея стоятъ въ одной линіи, направленной отъ С. къ Ю., но средняя нѣсколько выступаетъ къ В., и есть высшая изъ трехъ.

Онъ всходилъ на нее съ южной стороны, гдѣ она сначала возвышается исподволь; но послѣдніе 400 или 500 шаговъ, приходится подниматься по такой крутизнѣ, что только съ большимъ трудомъ можно вскарабкаться на вершину. Между ея дико-разрушенными гранитными глыбами Ледебуръ нашелъ нѣсколько

(267) Pallas R. R. T. II, p. 531.
(268) Hermann Miner. R. in Sibir. T. III. 1801. 4, p. 40.
(269) Ledebour Altai R. T. I, p. 59.

кустарниковъ: иргу (Mespilus cotoneaster), смородину (Ribes nigra), рябину, березу, сибирскую пихту (Pinus sibirica), барбарисъ, розы и др. Но стволы ихъ подымаются едва на нѣсколько дюймовъ надъ поверхностью, и вѣроятно отъ частыхъ бурь, растутъ, склонившись къ землѣ или прижавшись къ утесамъ. На вершинѣ горы еще почти не было зелени; но уже во всѣхъ углубленіяхъ она начинала появляться. Ревеню (Rheum), отъ котораго гора получила названіе, не было ни малѣйшаго слѣда. Ревенная сопка лежитъ къ Ю. отъ Змѣиногорска и р. Корболихи въ 35 верстахъ, и примыкаетъ къ другимъ болѣе низкимъ горамъ, тянущимся грядою до Синей сопки, самаго западнаго предгорія Алтая. Эта цѣпь, скрывающая въ своихъ нѣдрахъ богатыя серебряныя и мѣдныя руды, отдѣляетъ восточные притоки Алея на Ю.-З. отъ западныхъ притоковъ Чарыша.

Алей, отъ деревни Екатерининской къ З., имѣетъ до 100 ф. (15 саженъ) ширины и 12 ф. глубины, и течетъ между глинисто-сланцовыми горами, по гранитнымъ валунамъ, наносимымъ водами его съ болѣе отдаленныхъ горъ. Далѣе, онъ продолжаетъ свое теченіе все по направленію къ З. мимо деревни Старо-Алейской, которая прежде была форпостомъ [270], но уже во время путешествія Палласа составляла большую деревню въ 150 дворовъ, населенную польскими колонистами. Но, кажется, окрестность ея суха и неудобна для хлѣбопашества. Почва состоитъ здѣсь изъ гранита, такъ же какъ на всемъ пространствѣ до деревни Корболихи, при которой Алей принимаетъ рѣку того же имени [271]. Рѣчка эта составляетъ здѣсь границу богатой рудоносной горной страны, окружающей Змѣиногорскъ; съ западной стороны Корболихи уже не встрѣчается значительныхъ предгорій Алтая, а видны только низкія гряды скалъ. Капица, на восточномъ берегу Корболихи,

---

(270) Pallas R. R. T. II, p. 524.
(271) Hermann Miner. R. d. Sibirien T. III, 4. p. 39.

при впаденіи ея въ Алей, считается послѣднею значительною горою. Рядомъ съ нею, близь дороги, находится древняя могила, на которой стоитъ высокій гранитный столбъ. Отъ Корболихи, по измѣреніямъ Гериха ([272]), Алей течетъ въ направленіи къ З. еще 100 верстъ (15 г. м.); а по свидѣтельству Палласа, по прямому пути чрезъ степь, телько 10 г. м. (71 версту, по словамъ Ледебура) и принимаетъ нѣсколько притоковъ до Локтевскаго рудника. Рудникъ, кажется, содержалъ прежде только мѣдную руду, но въ настоящее время имѣетъ и серебряную (Локтевскій), и называется также Алейскимъ въ Локтѣ ([273]), потому-что находится у локтя или колѣна, образуемаго поворотомъ Алея къ С. (*) Съ этого пункта, пограничнаго между степью и горной страною, и возвышеннаго еще на 939 ф. надъ ур. м., по измѣренію Ледебура, Алей внезапно дѣлаетъ поворотъ, направляется къ С. черезъ ровную степь, принимая совершенно характеръ значительной степной рѣки. Далѣе къ С.-В., совершенно параллельно Алею, текутъ по степи еще нѣсколько рѣкъ, какъ кажется, сходныхъ съ нимъ, хотя еще мало изслѣдованныхъ. Рѣки эти протекаютъ черезъ многочисленныя озера. Значительнѣйшія изъ сихъ рѣкъ, Барнаулка и параллельная ей Касмала, текутъ прямо къ С.-В. Палласъ и Ледебуръ проѣхали отъ Корболихи до Локтевскаго завода (10 геогр. миль) въ сутки. Они слѣдовали правымъ или сѣвернымъ берегомъ Алея, по степной дорогѣ ([274]) къ С., отъ которой разстилается уже совершенно открытая равнина. Недалеко отъ береговъ Алея есть еще рощи (тополь), по въ степи до деревни Гилевы встрѣчаются только одинокія березы. Не доѣзжая этой деревни, на лѣвомъ берегу Алея, нѣ-

---

(272) Маркшейдера Гериха дневникъ при измѣреніи и осмотрѣ рѣки Алея, въ Hermann l. c. p. 36.

(273) Pallas R. R. T. II, p. 588; Ledebour Altai R. T. I. p. 355—359; Bunge id. T. II, p. 9.

(*) Локтевскій рудникъ въ настоящее время уже не разработывается, но нынѣ здѣсь находится Локтевскій заводъ. — *Пр. Пер.*

(274) Pallas R. R. T. II, p. 589—593.

сколько сотъ сажень выше впаденія въ него рѣчки Березовки, находятся песчаные наносы, въ которыхъ тамошніе жители отрывали большіе клыки. Палласъ, осмотрѣвъ эти пески, нашелъ въ нихъ также огромные клыки и зубы мамонтовъ, носороговъ, буйволовъ и другихъ исполинскихъ ископаемыхъ допотопныхъ животныхъ. Къ З. отъ деревни Гилевы, вправо, стоитъ рядъ гранитныхъ, совершенно обнаженныхъ и низкихъ холмовъ, называемыхъ Коморской горой. Изъ нихъ течетъ рѣчка Шельчиха, впадающая въ Алей. Западнѣе появляются еще разъ болѣе высокія горы, называемыя Устянцовыми, изъ которыхъ течетъ рѣчка Устянка, впадающая также въ Алей. Палласъ говоритъ еще о какихъ-то двухъ плоскихъ черныхъ скалахъ, и находящихся за этими горами. Около десяти верстъ далѣе, теряется послѣдній слѣдъ горъ въ высокой, волнистой, довольно безводной степи, на которой только изрѣдка на возвышенныхъ мѣстахъ попадаются кусты акацій (Robinia frutescens), а на низменныхъ солодковый корень (Glycirhiza glandulifera), и рѣдко анемоны. Въ этой Алейской степи, вдоль рѣки, Палласъ видѣлъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько чудскихъ могилъ, покрытыхъ грудами камней; но всѣ онѣ были уже разрыты. Далѣе рядъ незначительныхъ высотъ до Локтевскаго завода, гдѣ лежащія къ Ю. отъ него порфировыя горы заставляютъ Алей поворотить къ С. чрезъ степь. Съ восточной стороны примыкаетъ къ нимъ упомянутый низкій гранитный кряжъ. Эти порфировыя горы ([275]) огибаютъ здѣсь Алей полукругомъ, и стоятъ впереди болѣе южныхъ и болѣе значительныхъ высотъ, состоящихъ изъ брекчіи. Здѣшній порфиръ принимаетъ высокую политуру и обработывался на здѣшней гранильнѣ ([276]), которая впослѣдствіи переведена въ Колыванскую гранильную фабрику. Между сопровождающими Алей вверхъ до Змѣиногорска порфирами на З. и гранитами на В., находятся (по сви-

(275) Hermann Miner. R. n. Sibirien. T. III, p. 19—24.
(276) Ledebour R. n. d. Altai T. I, p. 49.

дѣтельству Германна) трапповыя породы (*). Палласъ, осматривая Ивановскій мѣдный рудникъ, близь Локтевскаго завода, встрѣтилъ здѣсь множество змѣй. Ему показывали гладко полированныя углубленія въ выступающихъ утесахъ и приписывали это явленіе змѣямъ, ползающимъ будто бы по этимъ мѣстамъ. Тоже самое повторяли ему и въ Змѣиногорскѣ. Въ трехъ верстахъ, въ сторону отъ Алея и отъ Алейскихъ мѣдныхъ рудниковъ, видны величественные остатки чудскихъ копей, именно разносъ, выкопанный вдоль рудной жилы, въ 153 саж. (1,000 ф.) длины и отъ 9 до 10 ф. глубины, при неодинаковой ширинѣ. Слѣдуя по шурфамъ древнихъ своихъ предшественниковъ, Демидовы продолжали разработку рудъ. Палласъ говоритъ, что надобно удивляться, какъ древняя Чудь могла справиться съ здѣшними твердыми рудами: отъ плавильныхъ заводовъ ихъ здѣсь найдены черепки и даже цѣлые горшки. Весьма вѣроятно, что найденныя здѣсь, разбросанныя по степи могилы, покрытыя кучами камней, есть памятники древнѣйшихъ обитателей страны, о которыхъ ничего болѣе неизвѣстно. Въ степи на Алеѣ, Палласъ нашелъ зайцевъ большой породы (Dipus), еще никѣмъ не замѣченной на Иртышѣ. По обѣимъ сторонамъ водораздѣльнаго кряжа, между Иртышемъ и Алеемъ, говорятъ, тянутся съ С.-З. къ Ю.-В. изъ степи въ направленіи къ Алтаю. между его предгоріями, песчаникъ съ каменноугольными пластами. Недалеко отъ Стараго Семипалатинска Реповацъ видѣлъ еще каменноугольные слои, но о нахожденіи ихъ здѣсь на Алеѣ при Локтевскомъ заводѣ (277) узнали еще недавно.

Только Германнъ и Ледебуръ, посѣщавшіе эти страны, сообщили намъ свѣдѣнія о возвышенной фут. на 1,000 надъ ур. м. Алейской степи. Западное прибрежье Алея (на 300 до

(*) Подъ именемъ траппа разумѣютъ въ Алтаѣ не базальтовыя и трахитовыя (т. е. вулканическія) породы, какъ въ Англіи и многихъ мѣстностяхъ Германіи, но грюнштейнъ или діоритъ. — *Пр. Пер.*

(277) Engelhardt въ Ledebour Altai R. T. II, p. 423.

1,800 ф. ширины), еще орошаемое влагою рѣчныхъ водъ, поросло ольхами и осинами—единственными лиственными деревьями, которыя могутъ расти здѣсь. Переѣхавъ по пловучему мосту на другой берегъ рѣки, путешественникъ вступаетъ на прибрежную полосу роскошныхъ зеленыхъ луговъ; на западномъ ихъ краю начинается однообразный Шульбинскій боръ, о протяженіи котораго къ Ю. до Иртыша и къ С. до Оби мы уже говорили выше (см. стр. 118). Отъ Семипалатинска до западнаго берега Алея, говоритъ Германнъ, тянется по всей степи нѣсколько возвышенный хребетъ, состоящій изъ ряда песчаныхъ холмовъ, поросшихъ однакоже прекраснымъ сосновымъ лѣсомъ, между-тѣмъ какъ вся окрестная степь безлѣсна. За этой узкой лѣсною полосою путешественникъ опять вступаетъ въ совершенно открытую, безводную, ровную, но уже нѣсколько солонцоватую степь, на которой только изрѣдка встрѣчаются малорослыя акаціи, полынь и т. п., мѣстами виденъ кипецъ. А потому мѣстность эта любопытна для энтомолога, прибывшаго съ суроваго сѣвера, тѣмъ болѣе, что онъ встрѣчаетъ здѣсь также и первыхъ степныхъ насѣкомыхъ ([278]), водящихся только въ болѣе южныхъ и теплыхъ степяхъ, какъ напримѣръ на озерѣ Зайссанѣ. Насѣкомыя эти заносятся сюда, вѣроятно, теплыми вѣтрами съ Иртыша, подобно тому, какъ морскія теченія заносятъ иногда рыбу экваторіальныхъ водъ въ моря тропической и даже умѣренной зоны.

Въ этой степи, въ 21 верстѣ (по свидѣтельству Ледебура только въ 18) отъ Локтевскаго завода къ З.-Ю.-З. находится горько-соленое озеро, снабжающее всѣ тамошнія аптеки, а также по свидѣтельству Германна—и Барнаульскій стеклянный заводъ 500 пудами горькой соли. Нынѣ, по словамъ Ледебура, озеро доставляетъ до 2,000 пудовъ, изъ которыхъ 1,000 идутъ на Барнаульскій стеклянный заводъ, а 700 въ очищен-

(278) *Геблера*, О сибирскихъ насѣкомыхъ въ Алтаѣ, въ Ledebour Altai R. T. I, p. 424.

номъ видѣ на медицинское употребленіе въ аптекахъ. Озеро мелководно и имѣетъ неболѣе 2-хъ миль въ окружности; низкіе берега его покрыты налетомъ натра, подобнымъ хлопьямъ снѣга; солонцовый грунтъ подергивается здѣсь сплошною корою кристалловъ поваренной соли. Растительность, свойственная солончакамъ, съ приближеніемъ къ озеру и вокругъ него, значительно увеличивается. Къ З. отъ него, между песчаниками каменноугольной формаціи, появляются какъ бы въ замѣнъ формаціи ([279]) каменной соли и эти солонцовыя оазисы съ солеными ключами, горько-соляными и поваренно-соляными озерами, столь многочисленными на пространствѣ всей степи до извѣстныхъ Коряковскихъ и Ямышевскихъ соляныхъ озеръ. Между ними встрѣчается однакоже и гипсъ, какъ обыкновенный спутникъ соли въ болѣе древнихъ песчаниковыхъ формаціяхъ. Растенія, по близости Локтевскаго горько-соленаго озера, также облѣплены горькою солью; они описаны въ подробности только Ледебуромъ. Островъ на озерѣ покрытъ такою же растительностію, но многимъ путешественникамъ страннѣе всего показалось отсутствіе въ ней всѣхъ видовъ Salsola и Glaux maritima, такъ часто встрѣчающихся на Иртышѣ. Отъ восточнаго края Шульбинскаго бора до восточнаго подножія Урала, тянется обширная Иртышская Барабинско-Ишимская степь. На возвратномъ пути ([280]) въ Барнаулъ, Ледебуръ ѣхалъ черезъ Бѣлую и Павловскій заводъ, въ направленіи къ С.-В. вдоль сосноваго лѣса, по однообразной глинисто-песчаной степи, лишенной всякихъ возвышеній.

Лиственный лѣсъ состоитъ здѣсь только изъ кустовъ акацій (Robinia frutescens, caragana), и ни одна рѣчка не протекаетъ по степи, покрытой только озерами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вода прѣсная, въ другихъ соленая; иныя содержатъ въ себѣ поваренную соль, другія вмѣстѣ съ тѣмъ и горькую. Скотъ

(279) Engelhardt въ Ledebour Altai R. T. I, p. 424.
(280) Ledebour Altai R. T. I, p. 329.

пьетъ воду только изъ нѣкоторыхъ озеръ; отсюда можно заключать о значительномъ различіи въ свойствахъ ихъ водъ. Во всѣхъ деревняхъ выкопаны колодцы, и исторія выкапыванія ихъ была бы чрезвычайно любопытна для изученія этой почвы. Всѣ значительныя деревни расположены здѣсь при озерахъ, между которыми пролегаютъ степныя дороги. Вообще эта страна, съ тремя параллельными степными рѣками, удивительна во многихъ отношеніяхъ. Она рѣзко отличается отъ окрестностей горныхъ поселеній, лежащихъ въ одномъ днѣ пути къ В. у предгорій Алтая, которыя омываются самыми быстрыми, извилистыми, холодными горными рѣками. Къ В. отъ Шульбинскаго бора, течетъ мелкій Алей, почти въ прямомъ, хотя излучистомъ, направленіи, къ С.-С.-В. до Оби, выше Барнаула. Всѣ старанія сдѣлать его судоходнымъ ([281]) остались тщетными.

б) Сѣверная дорога изъ Барнаула, на Оби, мимо Колыванскаго озера, въ Колывань и Змѣиногорскъ.

Барнаулъ ([282]), окружный городъ съ 1822 г. (подъ 53° 21′ с. ш. и 101° 6′ 45″ в. д. отъ Ф., 366 п. ф. надъ ур. м. по измѣренію Ледебура), окруженъ лѣсами, и расположенъ на песчаной равнинѣ при впаденіи рѣчки Барнаулки (средней изъ параллельныхъ съ Алеемъ степныхъ рѣкъ) въ Обь. Къ В. отъ этой равнины, но нѣсколько ниже ея, разстилается широкая долина Оби, водная поверхность которой еще на 40 ф. ниже. Потому, при весьма незначительномъ паденіи, она продолжаетъ медленное теченіе еще на 200 верстъ до впаденія въ Сѣверный Ледовитый Океанъ. Слѣдовательно, уже здѣсь, такъ близко отъ высокаго Алтая, начинается низменность Сѣверной Сибири. Положеніе Барнаула, какъ перваго складочнаго мѣста, близъ Алтайскихъ горъ, на пути съ С. по Сибирской степи, вдоль теченія Оби, соотвѣтствуетъ положенію Семипалатинска

---

(281) Pallas R. R. T. II, p. 622.
(282) Ledebour Altai R. T. I, p. 35, 359—390.

на Ю., по теченію Иртыша, съ тою однако разницею, что Барнаулъ лежитъ не на высокомъ среднемъ уступѣ, какъ Семипалатинскъ (около 1,000 ф. надъ ур. м.), а на двѣ трети ниже, въ низменности Ледовитаго Океана. Отсюда, по направленію къ Ю., низменность начинаетъ возвышаться, сначала почти непримѣтно, уединенными холмами или низкими грядами возвышенностей, уже не понижающихся болѣе. Такимъ образомъ она превращается въ высокую степную равнину, облегающую сѣверное и западное подножія рудоносныхъ предгорій Алтая. Отъ Барнаула до деревни Саушки, лежащей у самаго подножія горъ ([283]), мѣстность возвышается постепенно уступами, отъ 366 до 1,156 п. ф., или почти на 800 ф. отвѣсной высоты.

Мы уже упомянули выше (см. Т. II ст. 290, 299) объ основаніи и постепенномъ развитіи этого главнаго центра администраціи горныхъ промысловъ и заводовъ сосѣдней горной системы. Далѣе, въ особомъ замѣчаніи, объяснимъ мы нынѣшнее значеніе этого главнаго пункта на С.-З. отъ Русскаго Алтая, также такъ объяснили выше значеніе Семипалатинска, главнаго пункта на Ю.-З. Но сначала приблизимся отсюда, начиная отъ Барнаулки отъ С. къ Ю., на протяженіи 40 г. м. (280 вер.) горной стороны, точно такъ же какъ мы приблизились къ ней съ Ю. къ С. отъ Иртыша (см. стр. 116). До вскрытія рѣкъ ([284]) санная дорога по Оби къ Ю., до устья Алея, представляетъ кратчайшій путь изъ Барнаула. По этой дорогѣ, чрезъ станціи Шадринскую и Калманку, 18 марта 1826 г. д-ръ Мейеръ и Бунге слѣдовали къ Алтаю. Лѣвый или западный берегъ Оби возвышается здѣсь не одинаково, но вообще крутъ, восточный же совершенно низменъ и во многихъ мѣстахъ поросъ ивовыми и тополевыми лѣсами, покрывающими также многочисленные острова огромной рѣки. Ѣзда по сухопутной дорогѣ въ сильные морозы почти совер-

(283) Ledebour Altai R. T. I, p. 340.
(284) Meyer въ v. Ledebour Altai R. T. I, p. 173; v. Bunge Ibid. I, p. 1.

шенно прекращается, именно по причинѣ гористаго мѣстоположенія западнаго берега, который то возвышается футовъ на 100, то опять нѣсколько понижается. Съ рѣки почти невозможно подняться на крутые берега иначе, какъ по поперечнымъ оврагамъ. Болѣе низкія мѣста берега служатъ спусками къ рѣкѣ и ведутъ къ деревнямъ, лежащимъ на береговыхъ высотахъ. Эти высоты состоятъ большею частію изъ глинистой наносной почвы, производящей только тощія уродливыя сосны, пихты и березы. Сухопутная же дорога изъ Барнаула пролегаетъ сначала около 200 фут. по песчанымъ и глинистымъ мѣстамъ вверхъ по берегу рѣчки Барнаулки, къ гладкой возвышенной равнинѣ. Здѣсь сначала растутъ еще березы и пихты; но за первой станціею (Шадринской 25 вер.) равнина обращается въ безплодную, открытую песчаную степь. Во время ([285]) проѣзда по ней Ледебура (9 апрѣля 1826 г.) только что начинали распускаться красныя головки весенняго адониса (Adonis vernalis), характеристическаго степнаго цвѣтка. Далѣе, но только на небольшомъ пространствѣ, песчаная почва замѣняется тучнымъ черноземомъ съ богатою растительностью. На второй станціи (Калманкѣ, 23½ вер.), 9 г. м. южнѣе Барнаула, еще видна на лѣвомъ берегу Алея волнистая степь, изрѣзанная маленькими рѣчками и ручейками, которые лѣтомъ вѣроятно высыхаютъ. Палласъ ([286]), проѣзжая отъ Чарыша къ западу, еще увидѣлъ издали высокій западный берегъ Алея, поросшій пихтовымъ лѣсомъ, отъ болѣе южной Кашинской станціи до станціи Усть-Калманки. Онъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что возвышенная степь, называемая Алейскою гривою, до сихъ поръ сопровождавшая западный берегъ Алея, именно здѣсь, у Калманки, оканчивается какъ будто отрѣзанная. Слѣдовательно, здѣсь предѣлъ короткой средней ступени Алтайскихъ горъ къ С., представляющей возвышенную степь,

---

(285) Ledebour Altai R. T. I, p. 35—40; p. 366.
(286) Ledebour l. c. I, p. 35—40; p. 366.

и отсюда уже начинается низменность Барнаульская и Сибирская (менѣе 400 ф. надъ ур. м.). Такъ какъ твердые, деревянистые стебли травъ препятствуютъ сѣнокосу молодой травы, то возвышенныя степи на Алеѣ часто выжигаются. Пастбища многочисленнаго скота и лошадей находятся здѣсь близь деревень, а поля отдалены.

Въ началѣ апрѣля, степь была еще совершенно обнажена; единственныя тогда на ней встрѣчавшіяся растенія: весенній адонисъ и анемона (Anemone patens) не годятся на кормъ скоту. Значительное отдаленіе полей отъ деревень, иногда на нѣсколько миль, часто заставляетъ крестьянъ, въ особенности во время жатвы, оставаться на нихъ по нѣскольку дней и даже недѣль. Въ это время, они только по субботамъ возвращаются домой; но такое продолжительное отсутствіе нерѣдко разстроиваетъ ихъ домашнее хозяйство. Правда, хлѣбопашество все еще здѣсь на низкой степени совершенства и колонизація не въ цвѣтущемъ состояніи. Нельзя однако же не сознаться, что въ теченіи вѣка ([287]) съ тѣхъ поръ, какъ Гмелинъ и Миллеръ проѣзжали здѣсь (1734), страна сдѣлала весьма большіе успѣхи, очевидные изъ сравненія тогдашнихъ свѣдѣній съ новѣйшими (Гмелинъ и Миллеръ принуждены были еще тогда брать для себя конвой изъ Семипалатинска для защиты отъ нападенія киргизскихъ шаекъ). Вверхъ по лѣвому берегу Алея, степная природа нигдѣ не измѣняется (чрезъ Читинку, Кашину, Чупанову, 120 верстъ или 17 г. м.), но вся страна поднимается болѣе и болѣе весьма незамѣтно возвышающимися террасами, которыя тянутся съ В. отъ горъ на З. къ болѣе низменной степи. На ней встрѣчаются тетерева, бѣлыя куропатки и первые суслики, настоящіе обитатели болѣе возвышенныхъ степей, которые отсюда распространяются по всѣмъ высотамъ. При Чупановѣ, гдѣ есть мостъ чрезъ Алей, на лѣвомъ берегу рѣки, по низменностямъ опять встрѣчаются

(287) Gmelin. Sibir. R. T. I, p. 260.

березы, но уродливыя и малорослыя. Въ болѣе низкихъ мѣстахъ на Ю. до р. Локтевки, впадающей въ Чарышъ съ лѣвой стороны, встрѣчается опять немного чернозема. Западный берегъ Локтевки еще низокъ, на немъ растутъ ольхи и ивы. Но на восточномъ берегу ея возвышается первый отсюда рядъ холмовъ, съ которыхъ д-ръ Мейеръ (288) нѣсколько верстъ южнѣе Калмыцкихъ мысовъ въ первый разъ увидѣлъ Алтайскія горы. Степная растительность становится здѣсь обильнѣе и ботаникъ встрѣчаетъ уже довольно рѣдкія растенія. Степь начинаетъ замѣтнѣе возвышаться черезъ Курью, по Локтевкѣ, текущей съ Ю.-В. съ высокой Синей сопки, до деревни Сашки (92 в. или 13 г. м. отъ переѣзда чрезъ Алей) при истокѣ Секисовки, гдѣ достигаетъ уже значительной высоты (1,156 ф. надъ ур. м.).

Палласъ (289), слѣдуя по барнаульской дорогѣ отъ Чарыша, черезъ Локтевку, въ направленіи къ С. замѣчаетъ, что здѣсь мѣстность, еще возвышенная, нѣсколько волнистая, въ немногихъ мѣстахъ даже скалистая, начинаетъ значительно понижаться; еще встрѣчаются нѣсколько гранитныхъ вершинъ, но потомъ слѣдуетъ только красноватый сланецъ; наконецъ въ углу, между Чарышемъ и Локтевкою, торчатъ еще нѣкоторыя крутыя вершины скалъ бѣлыхъ породъ, выходящихъ жилами на поверхность. Ими совершенно оканчиваются горы. Начиная отсюда, рѣшительно ничего не видно, кромѣ глинистой или песчаной степи, содержащей по низменностямъ солончаки и похожей во многихъ отношеніяхъ на низкія степи Иртыша. Остроумный путешественникъ прибавляетъ, къ этимъ замѣчаніямъ, еще мѣстное наблюденіе, оказавшееся впослѣдствіи почти всеобщимъ закономъ для полярной стороны земли. На всей сѣверной сторонѣ Алтайскихъ горъ, а равно и на всей восточной Урала, почти вовсе незамѣтно осадочныхъ (флецовыхъ)

---

(288) *Мейеръ*, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 175.
(289) Pallas R. R. T. II, p. 619.

породъ, но до самой равнины, по большей части все пространство занято плутоническими формаціями. Осадочныя породы находятся можетъ быть на Ю. Здѣсь, на границѣ горной страны и степи, вытекаетъ рѣчка Секиссовка, течетъ по направленію къ С. между Локтевкою и Алеемъ, параллельно съ ними, и впадаетъ наконецъ съ правой стороны въ Алей. Именно съ этого порога, при переходѣ изъ степи въ горную страну, гдѣ торчатъ первыя обнаженныя, но все еще низкія гранитныя вершины, и гдѣ неподалеку находится извѣстное Колыванское озеро, окруженное фантастическими утесами, путешественникъ, ѣдущій изъ Барнаула, впервые видитъ на Ю.-В., въ синеватомъ отдаленіи, Алтайскія горы. Отсюда, по мѣрѣ приближенія къ нимъ, открываются вершина за вершиною въ болѣе и болѣе величественныхъ формахъ и массахъ. Нерѣдко, оставя уже скучную степь, приходится проѣзжать здѣсь обширныя гранитныя поверхности. Виды кругомъ становятся красивѣе и живописнѣе. На переднемъ планѣ находятся гранитныя горы, съ странными очертаніями; онѣ начинаются уже у деревни Саушки и тянутся до Колыванскаго озера. Далѣе возвышаются предгорья, а за ними второй рядъ еще высшихъ горъ, которыхъ самая высокая вершина, Синяя сопка ([290]), рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ, по странному выступу ея изъ ряда другихъ. За ней видны еще болѣе высокія Тигерецкія снѣжныя горы (Бѣлки), образующія здѣсь высшую точку на дальнемъ востокѣ. У Саушки, послѣдней станціи передъ Змѣиногорскомъ (19½ в., менѣе 3 г. м.), уже встрѣчаются нѣкоторые цвѣты, общіе предгоріямъ, и здѣсь же впервые появляется представительница тамошнихъ кустарниковъ: татарская жимолость (Lonicera tatarica). Съ появленіемъ ея все растительное царство принимаетъ другой видъ и горная флора вытѣсняетъ степную. Потомъ за предгорьями, которыя по мѣрѣ приближенія кажутся все болѣе и болѣе возвышенными, скрываются вершины высокихъ Бѣлкòвъ, и скоро затѣмъ путешественникъ, уже вступая въ горную стра-

(290) *Д-ръ Мейеръ*, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 175; *Бунге*, тамъ же, II, p. 5.

*

пу, за гранитными скалами видитъ столбы дыма, поднимающагося изъ заводовъ отдаленнаго Змѣиногорска. Слѣдовательно это мѣсто, лежащее на 40 г. м. (280 вер.) къ Ю. отъ Барнаула и на высотѣ отъ 1,100 до 1,200 ф. надъ ур. м., по вѣрнымъ опредѣленіямъ можно принять за природную границу Алтайской горной системы. Съ безлѣснаго, обнаженнаго, широкаго гребня, лѣсистаго предгорія, называемаго Гляднемъ (291) (1,856 ф. выше ур. м. при наибольшей высотѣ на С.-З.), открываются отдаленные горные виды; съ западной подошвы его течетъ рѣчка Секиссовка. Предгорье это отдѣляетъ здѣсь своимъ сѣверозападнымъ выступомъ, воды Корболихи, впадающей къ З. въ Алей (съ юго-западной котловиной, въ которой находится Змѣиногорскъ съ его рудоносными окрестностями (1,209 фут. надъ ур. моря) (292) отъ водъ Локтевки на С.-В. съ такою же котловиною, принадлежащей къ бассейну Чарыша, отъ которой только въ 4 г. м. на С.-В. (30 верстъ) находятся богатые рудами округи, въ коихъ Воскресенскъ и Колыванскъ на р. Бѣлой (впадающей въ Чарышъ) возвышаются на 1,209 ф. надъ ур. м. Этотъ лѣсистый водораздѣльный кряжъ на Ю.-В. примыкаетъ къ высшимъ цѣпямъ передняго Алтая. Надъ нею господствуетъ Синяя сопка (4,135 ф. надъ ур. м. по свидѣтельству Патрена, см. ниже) только въ 6 верстахъ къ Ю.-З. отъ Колывани. Въ концѣ апрѣля, она еще была покрыта толстымъ слоемъ снѣга, такъ что невозможно было восходить на нее. Восхожденіе легче съ С.-З. стороны, потому-что съ Ю.-В. она слишкомъ крута.

3) Западныя отрасли Русскаго Алтая или Алтайскій рудоносный хребетъ, между Убою, Алеемъ и Чарышемъ. Гранитная полоса Колыванскаго озера; Алтайскій горный округъ; Змѣиногорскъ или рудный Змѣиногорскій край.

Входъ въ романтическую горную страну украшенъ восхи-

(291) Ledebour Altai R. T. I, p. 48.
(292) Id. T. I, p. 42, 49.

тительнымъ Колыванскимъ озеромъ, привлекающимъ здѣсь въ преддверіи горъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ ([293]). Озеро лежитъ верстахъ въ трехъ къ В.-С.-В. отъ деревни Саушки. Поверхность его выше ур. м. только на 1,105 фут., слѣдовательно нѣсколько ниже деревни. Оно почти кругло и не превосходитъ 2 часовъ ѣзды въ окружности. Любопытно было бы знать его глубину, вѣроятно довольно значительную, потому-что озеро представляетъ собою родъ провала на порогѣ горной страны, подобно Гальштетскому и Гмюндскому озерамъ въ Зальцкаммергутѣ, и мн. др., лежащимъ въ подобныхъ же мѣстностяхъ на окраинахъ горъ. Отъ Ю.-З. и С.-В. двѣ косы вдаются въ озеро, котораго поверхность, при посѣщеніи д-ра Мейера и Бунге, въ концѣ марта, еще была покрыта льдомъ. Несмотря на то, озеро изобилуетъ рыбою, въ немъ водятся: щуки, окуни, чебаки (Cyprinus lacustris). Въ юговосточной части его даже растетъ въ большомъ изобиліи чилимъ (Trapa natans). Плоды этого растенія, называемые рогульками, собираются въ августѣ и употребляются въ пищу; 60 штукъ продаются на рынкѣ, въ Змѣиногорскѣ, по копѣйкѣ. Лѣтомъ, когда Ледебуръ посѣтилъ озеро, воды его были прозрачны и чисты; близь береговъ мѣстами росъ камышъ и кувшинка (Nuphar). Небольшая рѣчка, Нижняя Колыванка ([294]), впадаетъ въ озеро и, протекая его, по словамъ Палласа, при выходѣ соединяется съ Локтевкою. Показаніе это совершенно согласно съ географическимъ планомъ и описаніемъ озера, составленнымъ Германномъ. Почему Ледебуръ сомнѣвался въ справедливости этого мнѣнія, мы не знаемъ: дѣйствительно, выходъ рѣчки изъ озера довольно скрытъ; она пролагаетъ себѣ путь между двумя скалами, а потому могла остаться незамѣченной нѣкото-

---

(293) Pallas R. R. T. II, p. 618. Hermann Miner. R. d. Sibirien T. III, p. 10 карт. X, XI, XII и XIII. Ledebour T. I, p. 331 etc.

(294) Pallas R. R. T. II, p. 618.—Hermann Miner. R. d. Sibirien T. III, Tab. X.

рыми путешественниками (*). Палласъ полагаетъ, что прежде озеро было обширнѣе, потому-что вездѣ одинаковый гранитный хрящъ покрываетъ окружающую его равнину. Но этому предположенію противорѣчатъ высокіе скалистые берега озера. Деревня Колыванская ([295]), выстроенная нѣкогда на берегу озера, была перенесена за 2 версты отъ него, на Ю.-З., по причинѣ устройства проѣзжей дороги, и населена иркутскими поселенцами. Западный берегъ низокъ, но на сѣверномъ и еще болѣе на восточномъ выступаютъ гранитныя скалы возлѣ самаго берега. Скалы эти возвышаются понемногу къ южному берегу, гдѣ высота ихъ достигаетъ отъ 600 до 700 фут. Онѣ поросли здѣсь одинокими пихтами, кустами жимолости, акаціи (Robinia), розъ, а нѣкоторыя изъ нихъ даже пихтовымъ лѣсомъ. Это придаетъ озеру, если смотрѣть на него съ сѣверной или сѣверо-западной стороны, чрезвычайно живописный видъ ([296]). На заднемъ планѣ видны болѣе высокія горы, а еще далѣе Бѣлки, составляющіе западную часть Коргона и Тигерецкихъ альповъ (**). Онѣ рѣдко обрисовываются своими снѣжными вершинами на темныхъ массахъ позади ихъ лежащихъ горъ и составляютъ, подобно Lac de Chède за Servoz, противъ горы Монъ-Бланъ, пріятный своимъ контрастомъ и тѣмъ болѣе красивый ландшафтъ. Но болѣе всего придаютъ особенности этому виду странныя гранитныя скалы ([297]), которыя разсѣяны уединенно по всей окрестности, совершенно на ровной поверхности, въ видѣ развалинъ, пирамидъ, террасъ, башень и т. п., и съ приближеніемъ къ озеру становятся все чаще, какъ будто бы провалъ его имѣлъ вліяніе на ихъ об-

---

(*) Изъ озера не вытекаетъ никакой рѣки. Рѣка Локтевка беретъ начало въ болотахъ недалеко отъ озеръ. Легко можетъ быть, что въ прежнія времена сообщеніе озера съ Локтевкой дѣйствительно существовало. — *Пр. Пер.*

(295) Pallas R. R. T. II, p. 617.

(296) Ledebour Altai R. T. I. Два ландшафта Колыванскаго озера съ с.-з. и ю.-з. стороны.

(**) Впрочемъ, снѣга этихъ бѣлковъ исчезаютъ посреди лѣта. —*Пр. Пер.*

(297) Hermann Miner. R. d. Sibirien. T. III, p. 10—15.

разованіе. Директоръ горныхъ заводовъ статскій совѣтникъ Германнъ, посвятившій особенное вниманіе и много времени на ихъ изслѣдованіе, замѣчаетъ, что большая часть этихъ странныхъ скалъ, образуя значительную цѣпь подъ названіемъ Колыванскихъ горъ, отдѣляется отъ самой высшей точки горнаго хребта Синей горы въ видѣ особаго отрога на С.-З., и постепенно понижаясь, оканчивается очень невысокими холмами. Никто изъ путешественниковъ не упоминаетъ, тотъ ли же самый гранитъ находится и на высотѣ 4,000 ф. на самой вершинѣ Синей сопки, но по наблюденіямъ Патрена, это очень вѣроятно. Къ Ю. и Ю.-В. склоны этой сопки очень круты и на двуглавой вершинѣ ея лежатъ горизонтально гранитныя плиты. Къ сожалѣнію никто изъ позднѣйшихъ наблюдателей Синей сопки не измѣрялъ ея и не восходилъ на нее. По свидѣтельству Германна тѣ же самыя гранитныя горы тянутся непрерывно и по дорогѣ въ Змѣиногорскъ до 1-й отъ него версты, на протяженіи по крайней мѣрѣ 16 верстъ. На всемъ этомъ пространствѣ, между скалами хребта и холмами, не найдено никакой другой породы, кромѣ гранита. Передъ Змѣиногорскомъ возвышается, какъ пограничные стражи ея, нѣсколько одинокихъ голыхъ вершинъ чернаго порфира съ полево-шпато-порфирнымъ тѣстомъ. Гранитъ, находящійся вокругъ Колыванскаго озера, почти совершенно одного свойства. Онъ состоитъ изъ сѣробѣлаго кварца съ мясо-краснымъ полевымъ шпатомъ, изрѣдка съ примѣсью слюды и съ сложеніемъ мелкозернистымъ подобно песчанику. Гранитъ этотъ обыкновенно называется сѣрымъ камнемъ.

Самыя живописныя скалы, удивляющія разнообразіемъ очертаній и прихотливостью формъ, находятся близь деревни Фарафонтовой, гдѣ частью на холмахъ, частью въ мрачной долинѣ, отдѣльныя группы ихъ походятъ то на рядъ волшебныхъ дворцовъ, то на развалины древнихъ рыцарскихъ замковъ феодальныхъ временъ. Въ окрестныхъ долинахъ дѣйствительно встрѣчаются и искуственные обломки скалъ, поставленные рукою че-

ловѣка. Это могилы древней Чуди. На каждой изъ нихъ поставлены каменныя плиты, сильно возбуждавшія любопытство Палласа. Впрочемъ, въ этихъ гранитахъ видны только жилы колчедана и кварца; металловъ же нѣтъ никакихъ. Окрестности покрыты крупной гранитной дресвой, и несмотря на разбросанность и дикость массъ, здѣсь господствуетъ то же однообразіе въ содержаніи и формахъ. Жители селеній, окружающихъ озеро—такъ-называемые раскольники или, правильнѣе, старовѣры. По словамъ Ледебура, характеръ ихъ нѣсколько соотвѣтствуетъ дикой скалистой природѣ, ихъ окружающей, слѣдовательно они не столь гостепріимны и обходительны, какъ поселенцы южныхъ заводскихъ округовъ этой гористой страны.

По переѣздѣ черезъ Колыванскія гранитныя горы къ Ю. и по достиженіи упомянутыхъ выше порфировыхъ сопокъ за 9 верстъ до Змѣиногорска, путешественникъ внезапно обнимаетъ взглядомъ весь рудный округъ Корболишенской долины и природа начинаетъ оживляться бо́льшимъ разнообразіемъ. Здѣсь смѣняютъ другъ друга ряды долины и гряды болѣе и менѣе значительныхъ горъ, столь же разнообразныхъ по своему составу, какъ и по наружнымъ формамъ.

Въ сѣверный истокъ Колыванскаго озера, называемый Колыванкою, впадаетъ рѣчка Локтевка, которая беретъ свое начало на южномъ склонѣ Синей сопки и сохраняетъ названіе свое до соединенія съ рѣкою Чарышемъ. Восточнѣе, она принимаетъ еще рѣчку Бѣлую, текущую съ сѣвернаго склона Синей сопки, при соединеніи ея съ Колыванскими горами. На рѣчкѣ Бѣлой устроена Колыванская шлифовальная фабрика, извѣстная прежде подъ названіемъ Колывано-Воскресенскаго завода, самаго древняго изъ Алтайскихъ заводовъ. Не надобно смѣшивать его съ городомъ Колыванью, лежащимъ на С. отъ Барнаула на Оби. Названіе Колывань происходитъ отъ слова Колыба (изба, палатка, или крѣпость), которымъ обозначали вообще горныя селенія и заводы. Южная Колывань, часто называемая просто шлифовальною фабрикою, извѣстна нынѣ болѣе

другихъ, древнѣйшихъ заводовъ, потому-что съ 1826 г. работы на нихъ уже совершенно прекращены. Абсолютная высота Колыванской фабрики при директорскомъ домѣ, по свидѣтельству Ледебура, простирается на 1,209 г. надъ ур. м.; по измѣреніямъ же Бунге, высота фабрики, расположенной на р. Бѣлой, составляетъ 1,462 ф. надъ ур. м., а разстояніе отъ Змѣиногорска къ С.-В. 4 г. м. (30 верстъ). Мѣстечко хорошо отстроено. Отъ него, какъ отъ перваго изъ построенныхъ здѣсь заводовъ, весь заводскій округъ получилъ названіе Колывано-Воскресенскаго. Когда, въ царствованіе Императрицы Екатерины II, было учреждено намѣстничество, тогда деревня Чаускъ (на лѣв. берегу Оби подъ $55^1/_2$ с. широты), лежащая болѣе къ С. внѣ предѣловъ Алтая, назначена была главнымъ городомъ устроеннаго Колыванскаго намѣстничества и названа Колыванью, но по уничтоженіи впослѣдствіи намѣстничества, проектированная постройка новаго главнаго города не была приведена въ исполненіе, и вновь названный городъ Колывань остался уѣзднымъ городомъ Колыванскаго округа, лежащаго совершенно внѣ Алтая. Впрочемъ въ этомъ округѣ никогда и не было рудниковъ; они находятся только въ Кузнецкомъ, Барнаульскомъ и Чарышскомъ округахъ Томской губерніи ([298]). Въ послѣднемъ изъ этихъ уѣздовъ, около старыхъ Колывано-Воскресенскихъ плавильныхъ заводовъ, которые уже болѣе не дѣйствуютъ, устроена шлифовальная фабрика, переведенная въ эту новую еще страну съ р. Алея изъ нынѣшняго Локтевскаго завода. Здѣсь съ 1799 года ([299]), выдѣлываются превосходныя вещи, украшающія залы и музеи русскихъ Императорскихъ дворцевъ и другихъ европейскихъ столицъ, куда присланы онѣ въ подарокъ отъ Русскихъ Государей.

(298) См. карту Томской губ., заключающую въ себѣ Колывано-Воскресенскій горный округъ, у Ледебура.

(299) Реестръ большимъ работамъ, которыя съ 1799 по 1826 г. произведены на Колыванской гранильной фабрикѣ и пересланы въ С.-Петербургъ, и проч. въ Ledebour Altai R. T. I, p. 1—8.

Произведенія эти, въ видѣ плитъ, чашъ, вазъ, каменныхъ орнаментовъ и колоннъ, выдѣлываемыхъ изящно, по формѣ и полировкѣ, изъ прекрасныхъ породъ гранита, порфира, яшмы и агата, составляютъ собственность Императорскаго Кабинета. На р. Бѣлой устроены шлюзы, приводящіе въ движеніе машины заводовъ, кузницъ, и т. д. Работники этихъ и другихъ заводовъ и рудниковъ вербуются какъ рекруты изъ здѣшнихъ крестьянъ. На гранильной фабрикѣ обыкновенно работаютъ 300 человѣкъ, но подвозы совершаются сверхъ того приписными крестьянами. Императорскій Кабинетъ отпускаетъ ежегодно 20,000 руб. на поддержаніе заведенія. Яшма и порфиръ большею частью добываются на р. Коргонѣ и на сѣверной покатости Коргонскаго плоскогорія; но на Ревенной сопкѣ ([300]) и въ другихъ мѣстахъ есть также прекрасныя ломки. Перевозъ каменныхъ глыбъ на фабрику и выдѣланныхъ здѣсь произведеній въ Екатеринбургъ совершается зимою въ саняхъ, изъ Екатеринбурга же отправляются оные далѣе водянымъ путемъ по р. Камѣ въ Волгу. Колыванская фабрика, по свидѣтельству Бунге, устроена подобно Екатеринбургской ([301]). Во время посѣщенія этихъ мѣстъ Палласомъ (1771), здѣшніе рудники и заводы были еще въ полномъ дѣйствіи ([302]), хотя уже съ 1766 г. ощущался нѣкоторый недостатокъ въ дровахъ; руды были тогда еще очень обильны; приготовленіе мѣдной посуды распространилось отсюда по всей Сибири и по всѣмъ Калмыцкимъ землямъ. Впрочемъ, уже съ 1752 г. число плавильныхъ печей было уменьшено до 6-ти, вслѣдствіе истощенія топлива; дрова же становились все необходимѣе при улучшенной методѣ плавки, при которой серебро добывалось изъ рудъ въ бо̀льшемъ количествѣ. Но многіе изъ посѣщенныхъ тогда Палласомъ рудниковъ, какъ-то Воскресенскіе и другіе,

---

(300) *Бунге*, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 10.
(301) См. Erdmann Reise im Inn. Russlands 1826. 8, p. 116 etc.
(302) Pallas R. R. T. II, p. 580—587.

давно уже истощились; а новыя руды и новые запасы лѣсовъ дали жизнь новымъ заводамъ. Вся окрестность здѣсь изрыта; между поселенцами Палласъ насчитывалъ только 50 семействъ, занимавшихся, хотя нѣсколько, земледѣліемъ. Большая часть принадлежала къ сектѣ старовѣровъ, которые теперь распространились по всей здѣшней горной системѣ (см. выше стр. 84). Въ то время, когда Ник. Демидовъ устроилъ первые свои заводы (см. Т. II. ст. 287), здѣсь была также заложена крѣпость, потерявшая теперь совершенно свое значеніе. Но отъ нея еще уцѣлѣли валы и рвы, свидѣтельствующіе, что тогда она была необходима для защиты здѣшняго заводскаго округа. Еще въ 1732 г. ([303]) за нѣсколько лѣтъ до посѣщенія этихъ странъ Гмелинымъ, дикія Киргизъ-Кайсацкія разбойничьи племена, дѣлавшія безпрерывные набѣги, доходили до самой крѣпости, защищенной съ сѣверовосточной стороны р. Бѣлою. Съ того времени, двѣ близь-лежащія горы сохранили названія: Будка-гора ([304]) на Ю.-З. и Караульная сопка на С.; обѣ онѣ круты и поросли пихтовымъ лѣсомъ.

Синяя сопка, лежащая на 2 часа ѣзды южнѣе, во время пребыванія тамъ Бунге, въ концѣ марта, была еще совершенно покрыта снѣгомъ, такъ что взойти на нее было невозможно. Единственная удобная дорога, ведущая на ея вершину, находится съ сѣверной стороны. Уединенное повидимому положеніе ([305]) ея между другими горами, въ особенности если смотрѣть на нее съ западной стороны, объясняетъ ея названіе сопки, означающее отдѣльно стоящую вершину; а синева, въ которой она представляется глазамъ путешественника, указывая ему дорогу, даетъ поводъ называть ее Синей. Палласъ ([306]) утверждаетъ, что она почти всегда бываетъ окружена синеватымъ туманомъ, и далеко не

---

(303) Gmelin Sibir R. T. II, p. 251.
(304) *Бунге,* въ Ledebour Altai R. T. II, p. 11.
(305) Gmelin Sibir. R. l. c.
(306) Pallas R. R. T. II, p. 587.

такъ высока, какъ лежащія за нею снѣжныя горы, потому-что лѣтомъ, несмотря на ея сѣверное положеніе, снѣгъ на ней совершенно исчезаетъ. Измѣренія ея высоты, произведенныя до сихъ поръ Райзеромъ и Репованцемъ ([307]), были очень невѣрны. Вѣрнѣйшимъ должно считать сообщенное Патреномъ ([308]) (1780), который говоритъ, что она выше Змѣиногорска на 2,518 фут. (а Змѣиногорскъ онъ полагаетъ въ свою очередь выше уровня моря на 1,548 фут.) или выше поверхности моря на 4,135 фут. Патренъ и Репованцъ восходили на Синюю сопку. Первый называетъ ее предгоріемъ Алтая, у подножія котораго находится озеро съ конусообразнымъ островомъ. Онъ нашелъ на предгорьяхъ сопки огромные обвалы гранита, между которыми, какъ между исполинскими развалинами дворцевъ, взбирался онъ до двуглавой вершины горы. Каждая вершина, разсматриваемая съ высоты другой, имѣетъ видъ пирамиды, составленной изъ огромныхъ горизонтальныхъ гранитныхъ скалъ и слоевъ. Патренъ прибавляетъ еще любопытное замѣчаніе, что вершины эти собственно ничто иное, какъ предгорія Алтая, далѣе другихъ выступающія къ З. Рядъ ихъ, начиная отъ Алтайскихъ Бѣлкòвъ, соединенъ высокими плоскогоріями, а именно Тигерецкими Бѣлкàми (отрѣзанными впрочемъ отъ Синей сопки съ восточной стороны р. Бѣлой). Плоскогоріе пересѣчено, впрочемъ, со всѣхъ сторонъ оврагами (ravins); вершины его представляютъ одинаковую высоту, выполняя все пространство (около 30 верстъ) между Синею сопкою и самими Бѣлкàми. Итакъ, даже до этого западнаго предгорія видна наклонность къ образованію плоскогорій и горизонтальныхъ гранитныхъ плитъ. Палласъ не всходилъ на вершину Синей сопки, но посылалъ только за травами, на ней растущими. Ему сказали, что растительность Синей сопки уже прекращается

---

(307) Pallas R. R. T. II, p. 587.—Pallas N. N. B. T. II, p. 363.

(308) *Патрена,* Письмо въ Pallas N. N. B. T. II, p. 368; *его же* Отчетъ о поѣздкѣ къ Алтаю, 1786 г., Ibid., T. IV, p. 172; Renovanz Altaische Nachrichten 4, p. 222.

около 6-го августа. Подножіе Синей сопки, также какъ и другихъ окрестныхъ горъ, поросло пихтовымъ и другимъ лѣсомъ, на вершинѣ же ея почти нѣтъ деревьевъ и только видны кусты барбариса, покрытые ягодами. Но и кустарникъ достигаетъ только вышины нѣсколькихъ дюймовъ. Прочія растенія тѣ же самыя, какія находятся на Тигерецкихъ горахъ; дичь здѣсь, какъ и тамъ, состоитъ изъ каменныхъ зайцевъ (Lepus alpinus), оленей и лосей. Колыванскіе жители занимаются здѣсь прибыльною охотою.

Змѣиногорскъ и Корболишенская долина составляютъ второй важный центръ поселеній въ Западномъ Алтаѣ. Дорога, ведущая сюда изъ Колывани, проложена съ трудомъ по гранитной поверхности, во многихъ мѣстахъ взорваны скалы, и эти затрудненія распространяются до самаго начала Корболишенской долины, въ которой мѣстоположеніе становится уже ровнѣе и открытѣе. Въ долинѣ расположенъ Змѣиногорскъ или сокращенно, Змѣевъ, нынѣ горный городъ Томской губерніи, подъ 51° 9′ 27″ с. ш. и 99° 49′ 30″ в. д. отъ Ф., лежащій въ 1,261 ф. надъ ур. м. (по Ледебуру). Хотя уже за годъ до проѣзда Гмелина ([309]) (1733) открыты были здѣсь богатыя руды, но такъ какъ разработка ихъ началась только съ 1745 г., то онъ могъ лишь упомянуть о нихъ впослѣдствіи, въ своихъ примѣчаніяхъ. Палласъ дважды ([310]) посѣщалъ эти рудники въ самое цвѣтущее ихъ время, въ 1771 году, и справедливо назвалъ ихъ вѣнцомъ всѣхъ Сибирскихъ рудниковъ. Объ исторіи и значеніи ихъ, съ 1745 года, говорено выше (см. Т. II. ст. 292). Въ концѣ XVIII в. и даже еще въ началѣ нынѣшняго вѣка они были дѣйствительно замѣчательнѣйшими рудниками, по необыкновенному изобилію серебра въ сравненіи со всѣми прочими. Но въ настоящее время, они по-

(309) Pallas R. R. T. II, p. 524—540 и 593—617.
(310) Gmelin Sibir. R. T. I, p. 258. Примѣчаніе.

чти совсѣмъ истощились ([311]); тяжелый шпатъ, который прежде составлялъ породу или материкъ, смѣнился теперь роговикомъ, содержащимъ въ себѣ только отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ золотниковъ серебра на пудъ. Только въ немногихъ мѣстахъ находятъ еще прежній тяжелый шпатъ съ обильнымъ содержаніемъ серебряной руды. Остальной материкъ состоитъ изъ сѣрнаго или желѣзнаго колчедана, мѣднаго колчедана и небольшаго количества свинцоваго блеска. Въ прочихъ рудникахъ, близъ Змѣиногорска, какъ-то въ Петровскомъ, Карамышевскихъ, Семеновскихъ, Николаевскихъ и другихъ, руды тѣ же самыя, которыя были сначала, но и онѣ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ истощатся, какъ и въ главномъ рудникѣ. Ледебуръ (1826) замѣчаетъ, что несмотря на то, всѣ машины и гидравлическія постройки содержатся въ полномъ порядкѣ, что внутренность рудника составляетъ замѣчательный лабиринтъ ходовъ, поддерживаемыхъ въ главныхъ мѣстахъ стѣнами и деревянными крѣпями, и что глубина шахтъ доходитъ до 107 саж. (по Мейеру), по Ледебуру же до 110 саж. По свидѣтельству Палласа ([312]), въ 1759 г. глубина ихъ достигала 80 саж. Это горное производство, говоритъ классическій писатель о металлургіи ([313]), который вполнѣ сознаетъ точность и вѣрность Палласовыхъ показаній, производится въ порфировыхъ горахъ, и порфиръ есть здѣсь выводящая металлы горная порода ([314]), какъ замѣчаетъ Л. Бухъ, столь поучительно изложившій всѣ горныя системы, при наблюденіи Тюрингенвальда.

По замѣчаніямъ его, это горное производство сходствуетъ во многомъ съ тѣми, помощію которыхъ добываются золотыя и серебряныя руды въ Нижней Венгріи (въ Хемницѣ и Кремницѣ). Въ Змѣиногорскѣ работы производятся на огромномъ штокѣ, какъ

---

(311) Karsten System d. Mettallurgie. Berl. 1831. T. I, p. 352.
(312) Pallas R. R. T. II, p. 600.
(313) Karsten Syst. d. Metallurgie. T. I, p. 344.
(314) L. v. Buch Schreiben an Schlotheim üb. d. Thüringenwald въ Leonhardt Taschenbuch. 1842 г., p. 437.

кажется, состоящемъ изъ множества жилъ съ небольшими и узкими пропластками той же породы. Тамошнее горное производство существовало уже въ самыя древнія времена, но древность эта не позволяетъ рѣшить, сколько столѣтій или тысячелѣтій находилось оно въ бездѣйствіи до своего возобновленія Русскими. Вѣрно только то, что древняя Чудь дѣйствовала каменными и мѣдными орудіями, и слѣдовательно могла работать только на поверхности, и то въ мягкой горной породѣ, такъ что болѣе твердыя породы сохранили свои металлическія богатства еще для позднѣйшихъ поколѣній. Великолѣпные образцы мѣдныхъ, серебряныхъ и золотыхъ самородковъ Змѣевскаго рудника извѣстны въ минералогическихъ кабинетахъ. Вотъ все, что мы можемъ сказать для объясненія этого подземнаго міра, который подробнѣе разсматривается въ сочиненіяхъ металлурговъ ([315]). Возвратимся на поверхность земли. Самая Змѣиная гора, съ плавильными заводами, называемая также Заводскою сопкою, скрывавшая въ нѣдрахъ своихъ эти богатства, низка и стоитъ отдѣльно отъ другихъ высотъ на обширной долинѣ, окруженной горами; слѣдовательно климатъ здѣсь гораздо суровѣе, чѣмъ въ Барнаулѣ, лежащемъ на низменной равнинѣ. Жители часто страдаютъ отъ глубокихъ снѣговъ и страшныхъ булановъ, часто забивающихъ всю долину снѣгомъ, чего почти никогда не случается въ степи на Алеѣ; такъ что стада и зимой могутъ на ней пастись. Растительность Змѣиногорской долины изслѣдована Ледебуромъ ([316]). Змѣиная гора возвышается постепенно и только на Ю. и З. скалиста; вокругъ ея югозападнаго подножія течетъ рѣчка Змѣевка, впадающая на С.-З., въ Корболиху. Змѣевка беретъ свое начало на высшей вершинѣ Караульной сопки, которая на В. отъ Змѣиной горы (по словамъ Мейера) или на С.-В. (по словамъ Палласа)

---

(315) Pallas R. R. T. II, p. 524—540, 588—616, Hermann Beschr. d. Kolywano-Woskresensk Silberbergwerke въ его Mineralog. R. T. III, p. 119 — 312. Karsten Syst. d. Metallurgie, T. I, p. 272—274; 342—357.

(316) Ledebour Altai R. T. I, p. 46; T. II, p. 176.

значительао возвышается и достигаетъ до 2,006 фут. надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, она выше Змѣиной горы на 805 фут. Она считается высшею изъ всѣхъ сосѣднихъ вершинъ и состоитъ изъ глухой, безрудной горной породы. Менѣе высока Пригонная сопка, лежащая къ С., только на разстояніи $1/2$ мили отъ города; она на 1,462 фут. выше уровня моря и направлена отъ Ю.-В. къ С.-З. По наблюденіямъ Мейера, который всходилъ на обѣ эти сопки, онѣ состоятъ изъ глинистаго сланца. Въ концѣ марта онѣ были еще покрыты снѣгомъ. Съ Караульной сопки открывается прекрасный видъ на Синюю сопку и на Тигерецкія Бѣлки. О растительности на ней ботаникъ могъ судить только по засохшимъ остаткамъ прошлогодняго лѣта. На Ю. отъ города тянется рядъ высокихъ горъ, которыя Реновацъ ([317]) называетъ Корболишенскими. На З.-Ю.-З. между горами и р. Корболихою находятся известковыя ломки, въ которыхъ часто встрѣчаются окаменѣлости и ископаемые кораллы, впрочемъ весьма неясные. Уже Палласъ находилъ здѣсь эти ископаемые остатки. Д-ръ Мейеръ ([318]) нашелъ въ этомъ известнякѣ такія же окаменѣлости, но не встрѣчалъ раковинъ. Известнякъ твердъ, плотенъ, сѣро-коричневаго цвѣта; изъ него выдѣлываются прекраснѣйшія доски для столовъ; онъ также употребляется часто какъ флюсъ, при плавкѣ рудъ.

Палласъ ([319]) описываетъ еще Змѣиногорскую крѣпость, какъ неправильный многоугольникъ, съ бастіонами и т. п., занимающій высшую часть горы и заключающій въ себѣ постройки для горнозаводскихъ работъ, производимыхъ на земной поверхности. Крѣпостныя строенія тянулись по южной и восточной поверхностямъ горы, а мѣстечко было пристроено къ нимъ

(317) Renovantz Nachr. v. Altai-Geberge. 1788 r. 4, p. 65.
(318) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II, p. 180.
(319) Pallas R. R. T. II, p. 611.

на восточной и сѣверной покатостяхъ и простиралось вплоть до долины. Съ тѣхъ поръ, со времени помѣщенія этихъ мѣстъ Палласомъ, крѣпостные верки, какъ совершенно ненужные, уже давно снесены, а городъ значительно увеличился. Тогда въ немъ считали 400 домовъ, нынѣ (320) считается 900 и около 4,000 жителей, состоящихъ преимущественно изъ горнорабочихъ, горныхъ чиновниковъ, военныхъ и нѣсколькихъ купцовъ. Здѣсь есть большой госпиталь на 300 больныхъ, съ садомъ, для прогулки выздоравливающихъ и для разведенія аптекарскихъ растеній; устроены также желѣзныя дороги для перевозки горныхъ рудъ, кузницы, гидравлическія машины, плавильныя печи, минералогическіе кабинеты и т. п. Все это составляетъ достопримѣчательности этого важнаго мѣста, игравшаго въ исторіи цивилизаціи Алтая ту же роль, какую за 100 лѣтъ до того игралъ Екатеринбургъ на Уралѣ, на границѣ Азіи и Европы, а за нѣсколько столѣтій въ цивилизаціи Новаго свѣта горные города на хребтѣ Кордильерскомъ, рудники Потози и Квито, къ Ю. отъ перешейка Панамскаго и Мексики до группы Дуранго (321). Въ рудныхъ округахъ, значительно отдаленныхъ другъ отъ друга, примѣчаются часто большія аналогіи въ свойствѣ рудъ и геогностическомъ составѣ горныхъ породъ; такъ напримѣръ серебряныя и золотыя руды окружены порфировыми породами, въ рудныхъ жилахъ Змѣиногорска, Хемница въ Венгріи у подножья Карпатскихъ горъ и Гуанахато въ Кордильерахъ (322). При аналогіи историческихъ обстоятельствъ они тысячу лѣтъ оказывали благодѣтельное вліяніе на всю окрестную страну, какъ напримѣръ Фрейбергскій горный округъ (323), который во времена Гогенштауфеновъ былъ центромъ горныхъ

---

(320) Ledebour Altai R. T. I, p. 41. Meyer p. 177.

(321) Al. Humboldt Essai politique s. la nouv. Espagne. Paris. 1827. 2 ed. IV T.

(322) Elie de Beaumont Coup d'oeil s. les mines. Paris. 1824. 8, p. 69.

(323) Gmelin Beitr. z. Gesch. d. deutsch. Bergbaues. Halle 1783. 8, p. 246, 172 и др.

промысловъ Германіи. Еще за нѣсколько столѣтій, при саксонскихъ и франконскихъ императорахъ, въ такомъ же отношеніи находился богатый серебромъ Раммельсбергъ въ Гарцѣ, который спачала также составлялъ только исключительную собственность германскихъ императоровъ, однако же вскорѣ послѣ возвысилъ забытый городокъ Госларъ на степень одного изъ значительнѣйшихъ центровъ и вольныхъ городовъ, развивавшихся тогда въ Германіи. Какъ легко, при успѣхахъ, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ искусствами и науками въ завоеваніи природы, можно было бы, при доброжелательности владѣльцевъ и знаніи дѣла, обратить такое вліяніе руднаго богатства въ истинный и богатый источникъ благосостоянія народовъ и государствъ тамошней части свѣта. На то всеблагій Творецъ безспорно и вызвалъ его изъ нѣдръ планеты.

Переходя къ настоящему состоянію народонаселенія Змѣиногорскаго края, присовокупимъ (324) къ вышесказанному еще слѣдующее замѣчаніе новѣйшихъ путешественниковъ. Къ Ю. отъ Змѣева, по дорогѣ къ Риддерску деревни довольно велики, крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, иногда и пчеловодствомъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ по 200 и болѣе ульевъ, но вообще хлѣбопашество ихъ требуетъ значительныхъ улучшеній и бо̀льшихъ попеченій. Полей здѣсь не удобряютъ, но оставляютъ ихъ, когда они истощены, на нѣсколько лѣтъ безъ посѣва, и вмѣсто оставленныхъ вспахиваютъ новыя мѣста. Хлѣбъ обыкновенно родится самъ-семь и даже самъ-десять; если же больше, то это считается отличнымъ урожаемъ. Сѣется пшеница, ячмень, рожь, овесъ, просо, и послѣднее родится даже самъ-40 и самъ-50. Избытокъ хлѣба складывается въ хлѣбные магазины, изъ которыхъ рудокопы и заводскіе работники покупаютъ муку и хлѣбъ по очень умѣреннымъ цѣнамъ. Ихъ лошади сильны и способны для земледѣльческихъ работъ и для извоза горныхъ и заводскихъ произведеній. Въ нѣкото-

(324) Ledebour Altai R. T. I, p. 67.

рыхъ мѣстахъ коннозаводство и вообще скотоводство довольно значительны. Скотъ, остающійся почти безъ присмотра и зимующій подъ открытымъ небомъ, хотя иногда и страдаетъ отъ малаго объ немъ попеченія, однако водится вообще хорошо. О пчеловодствѣ было сказано уже выше (см. выше стр. 42). Охота и рыбная ловля составляютъ также немаловажные промыслы. Сборъ съ крестьянъ состоитъ изъ подушной и поземельной подати; къ натуральнымъ повинностямъ относятся исправленіе дорогъ, обывательскія подводы и рекрутскій наборъ, но не для укомплектованія арміи, а для горныхъ промысловъ и заводовъ. Еще есть волостныя подати, для содержанія головы въ волости и старшинъ въ деревняхъ. Кромѣ того, крестьяне обязаны еще ставить работниковъ на заводы, но это считается однако же не государственною податью, а чѣмъ-то въ родѣ барщины въ пользу Государя, какъ частнаго владѣльца заводовъ. О существующемъ нынѣ положеніи, относительно горныхъ и заводскихъ работъ, Ледебуръ сообщаетъ ([325]) подробныя свѣдѣнія. Въ Колыванскомъ горномъ округѣ работники дѣлятся на два различные класса: настоящихъ горныхъ и заводскихъ. Кромѣ того есть еще приписные крестьяне. Послѣдніе обязаны рубить дрова, приготовлять уголья, возить топливо, руды и флюсы (вещества, способствующія плавленію рудъ и отдѣленію изъ нихъ металловъ для плавиленныхъ заводовъ), исправлять плотины послѣ наводненій и т. п. Ихъ работы раздѣляются на пѣшія и конныя, т. е. рубку дровъ, приготовленіе угольевъ и перевозку ихъ. Каждое лицо мужескаго пола, записанное въ ревизіи, обязано отбывать въ теченіи года 17 дней пѣшихъ и 12 дней конныхъ. Съ 1799 года всѣ эти обязательныя работы подробно исчислены и утверждены, для отвращенія всякаго произвола. Кромѣ того, рабочіе дни, соотвѣтственно возвысившейся съ тѣхъ поръ поденной платѣ, вознаграждаются небольшою отдѣльною платою. Не всегда и

(325) Ledebour Altai R. T. I, p. 78—84.

*

не всѣ крестьяне успѣваютъ быть на работѣ и часто третья часть ихъ освобождается отъ нея. Горный Совѣтъ, состоящій изъ управляющихъ заводами, подъ предсѣдательствомъ главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, собирается ежегодно, весной, въ Барнаулѣ. Онъ назначаетъ работы на текущій годъ и, сдѣлавъ роспись имъ, сообщаетъ ее въ волости, предоставляя головамъ поголовную раскладку работъ. При значительномъ отдаленіи рудниковъ и заводовъ отъ деревень, часто находящихся въ другихъ уѣздахъ, обязанность выставлять работниковъ становится затруднительною. Многіе крестьяне нанимаютъ работниковъ, потому-что хозяйство ихъ терпѣло бы упущенія, если бы они сами отправлялись на работы. Число приписныхъ крестьянъ Колыванскаго Горнаго Округа въ 1826 году простиралось до 87,000 душъ.

Второй классъ состоитъ изъ настоящихъ рудокоповъ и заводскихъ работниковъ, набранныхъ во время рекрутскихъ наборовъ изъ приписныхъ крестьянъ. Дѣти рудокоповъ, такъ сказать, родятся уже заводскими работниками. Этотъ классъ состоялъ въ 1826 году изъ 17,514 душъ. На нихъ должно смотрѣть какъ на солдатъ. Они получаютъ жалованье, провіантъ и проч.; обязанности ихъ сходны съ обязанностями крестьянъ, работающихъ на барщинѣ, но относительно содержанія они болѣе обезпечены, и трудолюбіемъ могутъ открывать себѣ путь къ достатку. Живя съ семействами на заводахъ, и получая достаточно провіанта, они еще имѣютъ довольно свободнаго времени для хозяйственныхъ занятій и вольныхъ работъ. Почти у каждаго есть свой домъ, садъ, лошади, скотъ, поля, сѣнокосы и, кромѣ того, они пользуются еще правомъ безплатной рубки лѣса. Число свободныхъ дней опредѣлено у нихъ правилами. Они смѣняются или поденно или понедѣльно, смотря по обязанности. Суточная работа продолжается 12 часовъ; остальное время назначено для отдыха. Часто, кромѣ домашняго и полеваго хозяйства, они еще занимаются охотою, рыбнымъ промысломъ и т. д. Дѣти ихъ обучаются въ горныхъ учили-

щахъ до 10 лѣтняго возраста; по достиженіи 10 лѣтъ начинаютъ работать при сортировкѣ рудъ; достигнувъ совершеннолѣтія, вступаютъ въ число рудокоповъ съ бо̀льшимъ жалованьемъ и пріобрѣтаютъ право освобожденія отъ работъ на каждую третью недѣлю, право, которымъ они пользуются будучи еще сортировщиками. Многіе изъ нихъ богатѣютъ, но многіе также предаются пьянству; нищихъ между ними вообще нѣтъ. Назначенный срокъ службы — 40 лѣтъ; но раненые, хотя и не выслужившіе срока, получаютъ пенсію. Отъ неосторожности при взрывахъ для добыванія рудъ изъ твердыхъ горныхъ породъ, часто случаются несчастія, и потому здѣшніе госпитали всегда полны. За строгое исполненіе своихъ обязанностей и хорошее поведеніе, рабочіе награждаются прибавкою жалованья и унтеръ-офицерскимъ званіемъ, освобождающимъ ихъ отъ горныхъ работъ. Унтеръ-офицерамъ поручается только надзоръ за другими.

По причинѣ значительной глубины Алтайскихъ рудниковъ, зимняя температура здѣсь очень умѣренна и благопріятна для работниковъ; работы же на заводахъ, по рѣзкимъ переходамъ съ сильнаго мороза (до 30° по Р.) въ сильный жаръ плавильныхъ печей, чрезвычайно тягостны и затруднительны.

Крестьянскіе дворы, соединенные въ деревни, составляютъ улицы или разбросаны въ безпорядкѣ одинъ возлѣ другаго; но каждый дворъ огороженъ заборомъ. Дома построены безъ оконъ, на каменныхъ фундаментахъ, составляющихъ нижній этажъ и служащихъ обыкновенно подваломъ для храненія припасовъ. Въ самое жилье, надъ каменнымъ фундаментомъ, состоящее изъ двухъ или трехъ комнатъ, ведетъ лѣстница; одинъ изъ покоевъ, съ большою печью, служитъ вмѣстѣ и общею комнатою для всего семейства. Хозяинъ дома съ женою живетъ во второй комнатѣ, уступаемой, въ случаѣ нужды, гостю. Все чисто, опрятно и не закопчено дымомъ, который выходитъ черезъ трубу. Около стѣнъ стоятъ скамьи, передъ ними въ углу столъ, но стулья здѣсь рѣдки; къ стѣнѣ прикрѣпляется кіота для образовъ. Ря-

домъ съ печью помѣщается или кровать или ткацкой станокъ хозяйки, или висятъ шубы и тулупы; а иногда тамъ же стоитъ шкапикъ съ стаканами, чашками и фаянсовой посудой. Въ окна вставляется стекло, бумага, рыбья кожа или бумажная матерія. Для помѣщенія проѣзжихъ, каждая деревенская община нанимаетъ особенный домъ, чтобы избавиться отъ безпокойствъ при слишкомъ многолюдномъ проѣздѣ. Путешественникъ, во все время своего пребыванія, полный хозяинъ въ этомъ домѣ; но вся деревня, желая удовлетворить своему любопытству, ищетъ случая видѣть его. Гостя снабжаютъ прекраснымъ хлѣбомъ, большею частію пшеничнымъ, медомъ, молокомъ, яйцами, часто и мясными блюдами, рыбою, пирогами, вареньемъ и т. п. При отъѣздѣ обыкновенно не берется съ посѣтителя никакой платы, и еще съ радушіемъ просятъ его опять пожаловать на обратномъ пути. Гостепріимство здѣшнихъ сельскихъ обывателей, говоритъ Ледебуръ, надобно цѣнить тѣмъ болѣе, что по своимъ религіознымъ понятіямъ они неохотно имѣютъ дѣло съ иновѣрцами, то есть иначе мыслящими, и даже посуду свою считаютъ оскверненною, если она была употреблена иновѣрцемъ. Они принадлежатъ большею частію къ сектѣ староверовъ (т. е. priscae fidei addicti), названіе, которое сами себѣ придаютъ, или старообрядцевъ (т. е. priscas caeremonias servantes), обыкновенно болѣе извѣстныхъ подъ общимъ именемъ раскольниковъ (т. е. Schismatici) ([326]). Они разсѣяны, какъ мы уже видѣли выше, по всему Алтаю, до Китайской границы на верхней Бухтармѣ. Здѣсь они поселились въ царствованіе Екатерины II. О благосостояніи ихъ упомянуто было выше, и народонаселеніе увеличивается, но не ссыльными, потому-что ихъ нѣтъ въ цѣломъ Алтайскомъ Горномъ округѣ. Число родящихся очень велико, но безпечность, съ которою оставляютъ грудныхъ младенцевъ лѣтомъ въ деревняхъ, вѣроятно, составляетъ

(326) Theoph. Ed. Lenz Theolog. Prof. o. Commentatio de Duchoborciu. T. I. Not. pp. 2. Dor. 1829. 4.

причину большой смертности между дѣтьми. Мужчины почти всѣ большаго росту и хорошо сложены. Женщины сложены дурно, но отличаются цвѣтущимъ здоровьемъ; онѣ большею частію свѣтлорусы; темные волоса и черные глаза между ними рѣдкость. Съ того времени, какъ крестьяне поступили въ вѣдомство Горнаго правленія, т. е. съ 1799 года, и до 7-й ревизіи, т. е. до 1815 года, слѣдовательно въ продолженіе 18-ти лѣтъ, народонаселеніе увеличилось 23 тысячами душъ. Отъ древнихъ туземныхъ жителей не осталось, кажется, ни малѣйшаго слѣда, кромѣ описаннаго выше явленія (см. Т. II. ст. 294), упоминаемаго Гмелинымъ. Вообще, мы не находимъ никакахъ признаковъ возвращенія аборигеновъ.

Примѣчаніе. *Барнаулъ, большой плавильный заводъ; средоточіе металлургической дѣятельности на Алтаѣ.*

Мы уже обратили вниманіе читателя на мѣстоположеніе Барнаула, у начала Сѣверной Сибирской низменности, на сѣверномъ краю, узкой на этомъ мѣстѣ, средней ступени волнистой степи (между низменностью и Алтайской горной страной). Говорили также о его значеніи, какъ перваго складочнаго мѣста на сѣверовосточной линіи сообщенія съ европейскимъ Западомъ. Сюда принадлежитъ, въ противоположность къ Семипалатинску на Иртышѣ, исчисленіе различныхъ отношеній, возникшихъ вслѣдствіе основанія этого города на Оби, города, сдѣлавшагося потомъ главнымъ въ Заводскомъ округѣ. Этими фактами ([327]) заключимъ мы обозрѣніе самаго западнаго рудоноснаго предгорія Алтая и перейдемъ къ болѣе восточной области его.

Барнаулъ лежитъ въ упомянутой широтѣ почти на 400 футовъ надъ уровнемъ Океана въ 300 г. м. отъ Сѣвернаго Ледовитаго моря, слѣдовательно въ срединѣ Азіятскаго материка. Отъ него до Омска, находящагося на З.,

---

(327) Ledebour Altai R. p. 34, и гл. IX, p. 359—390; также Tab. 2—18. Pallas R. R. T. II, p. 622—636.

на Иртышѣ, считается 134 г. м. (937 верстъ); до Тобольска около 210 г. м. (1,468 верстъ), и до С.-Петербурга почти 650 г. м. (4,519 верстъ). Этимъ путемъ слѣдуютъ караваны съ драгоцѣнными металлами изъ Алтая въ С.-Петербургъ, подобно тому, какъ въ минувшіе вѣка, испанскіе флоты перевозили моремъ серебро изъ одной части свѣта въ другую, какъ монополію властителей. Эта серебряная дорога представляетъ одну изъ жизненныхъ артерій колоссальнаго государства, съ которою тѣсно связана судьба какъ здѣшнихъ поселенцевъ, такъ и туземныхъ жителей.

Барнаулъ принадлежитъ къ Томской губерніи и къ Алтайскому горному округу, независимому отъ губернскаго управленія, и подчиненному непосредственно Императорскому Кабинету въ С.-Петербургѣ. Онъ считается главнымъ городомъ Барнаульскаго округа. На главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ возложена вмѣстѣ съ тѣмъ должность Томскаго Гражданскаго Губернатора. Уже Палласъ замѣтилъ, что несмотря на свое сѣверное положеніе, Барнаулъ пользуется климатомъ болѣе умѣреннымъ и лѣтомъ болѣе теплымъ, нежели страна, лежащая южнѣе у самаго Алтая. Въ Барнаулѣ вызрѣваютъ весьма хорошо всякія овощи (даже артишоки), за исключеніемъ впрочемъ цвѣтной капусты. Арбузы дозрѣваютъ совершенно, даже на грядахъ, и довольно рано. Умѣренному климату этой страны, довольно низменной, наиболѣе способствуютъ песчаная почва и защита, представляемая окрестными лѣсами, растущими на сухой мѣстности. Только вода здѣсь почти вездѣ дурна и негодна къ употребленію, по причинѣ солонцоватой подпочвы (по мнѣнію Палласа, распространенной во всей низменности), разстилающейся предъ Алтаемъ къ З.-Ю.-З. и къ С.-В. между Иртышемъ и Обью.

Будущія изысканія покажутъ, есть ли эта подпочва (328) осадокъ древняго моря, на который только впослѣдствіи

(328) Humboldt Ub. Bergk. Inn. Asiens, p. 13, 343.

наслоились пески въ видѣ морскаго дна, или же образовалась она одновременно съ осадочными формаціями (если соли безводны), поднятыми вулканическими силами.

Весна 1826 года наступила въ Барнаулѣ съ началомъ апрѣля; однако же это было необыкновенно рано, уже въ половинѣ марта погода сдѣлалась теплою. Въ концѣ сентября, снова начались морозы и выпалъ снѣгъ. Говорятъ, здѣсь бываютъ такіе холода, что ртуть замерзаетъ обыкновенно три или четыре раза въ годъ; однако же такой морозъ не очень ощутителенъ, потому-что онъ всегда сопровождается безвѣтріемъ. Напротивъ, лѣтомъ, нерѣдки чрезвычайно жаркіе дни, въ особенности въ первую половину его. Такія противуположности составляютъ причину низкой средней температуры, равняющейся, по тщательнымъ выводамъ, —1°,72. Безъ сомнѣнія, этому содѣйствуетъ близость обильнаго снѣгами Алтая. Теплѣйшій мѣсяцъ— іюнь (средняя температура его = +16°,57); холоднѣйшій — январь (средняя температура = —13°,28).

Городъ занимаетъ пространство въ 4 квадратныхъ версты; построенъ очень правильно и красиво, щеголяетъ широкими, прямыми улицами, пересѣкающимися подъ прямыми углами; украшенъ бульварами и гульбищами. Въ немъ считается 16 большихъ улицъ и 10 переулковъ, 4 русскія церкви, 31 казенное зданіе, и 1,211 частныхъ домовъ, изъ числа которыхъ очень немного каменныхъ. Большой заводъ съ плавильными печами, магазинами и разнаго рода мастерскими пересѣкается рѣчкою Барнаулкой, наполняющей здѣсь, съ помощью плотинъ и шлюзовъ, пруды, и во всякое время доставляющей потребное количество воды для движенія машинъ. Торговля города сосредоточивается въ двухъ гостиныхъ дворахъ, съ 65 лавками, и проч. Жителей считалось (въ 1826 году): 384 военныхъ, изъ остальныхъ 3,605 мужескаго и 2,519 женскаго; съ тѣхъ поръ народонаселеніе города возрасло до 9,000. Въ Барнаулѣ есть также госпитали, музей, коллекціи, фабрики и стеклянный заводъ. Въ ремеслѣнникахъ, еще и теперь, не-

рѣдко чувствуется недостатокъ, также какъ и въ Семипалатинскѣ. Торговля, а именно привозъ изъ Москвы и Ирбитской ярмарки, удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ. Живутъ здѣсь очень весело и гостепріимно; почти всѣ держатъ экипажи; нѣтъ недостатка ни въ новѣйшихъ модахъ, ни въ балахъ, ни въ музыкѣ, ни въ пѣніи, ни въ занятіяхъ искусствами и науками. Здѣшній начальникъ, подобно владѣтелю значительнаго княжества, можетъ быть величайшимъ благодѣтелемъ своихъ подчиненныхъ, и въ этомъ отношеніи Ледебуръ упоминаетъ съ особеннымъ уваженіемъ о Фроловѣ, котораго заслуги сохранятся въ памяти отдаленнаго потомства. Къ полезнымъ ученымъ предпріятіямъ принадлежатъ здѣшнія собранія туземныхъ достопримѣчательностей. Таковы, напримѣръ: коллекція древностей, найденныхъ въ чудскихъ и киргизскихъ могилахъ и такимъ образомъ сохраненныхъ отъ разрушенія; музей естественной исторіи. Главнымъ же обстоятельствомъ, которому городъ обязанъ своимъ возрастающимъ благосостояніемъ, должно почитать самое положеніе его относительно горной разработки Алтая ([329]). Русское правительство оставило для себя одинъ округъ, въ которомъ разработка можетъ быть производима единственно только на счетъ казны, а компаніямъ и частнымъ лицамъ добыча руды не дозволяется. Горный округъ этотъ пространствомъ своимъ равняется цѣлому Королевству Венгерскому. Онъ лежитъ между Иртышемъ и городами Колыванью на р. Оби, Томскомъ на р. Томи, Ямышевскимъ солянымъ озеромъ на западѣ и Телецкимъ на востокѣ, и заключаетъ въ себѣ часть Алтая, самую обильную рудами. Почти въ самой срединѣ округа построенъ Барнаулъ, одинъ изъ семи окружныхъ городовъ Томской губерніи. Въ этомъ городѣ, какъ мѣстѣ пребыванія ежегодно собирающагося Горнаго Совѣта и главноуправляющаго цѣлымъ округомъ, а также и мѣстѣ, гдѣ горные получаютъ свое первоначальное образованіе, сосредоточивается, конечно, вся нравственная сила, управ-

(329) Karsten System. v. Metallurgie I, p. 342.

ляющая цѣлымъ Алтаемъ. Кромѣ того, въ его плавильный заводъ и магазины стекается весь матеріальный доходъ округа, уже отсюда пересылаемый въ Петербургъ. На этомъ двойномъ значеніи основывается существованіе города и его округа, родъ населенія, занятій, его развитія и успѣха. Въ особенности мѣстные промыслы и различныя благосостоянія объусловливаются разнообразнымъ положеніемъ и производствомъ заводовъ и рудниковъ. Рудники этого Горнаго округа находятся недалеко отъ его южныхъ границъ, собственно въ Алтаѣ. Но есть рудники и внѣ его, у сѣверо-восточныхъ и западныхъ границъ. Въ сѣверной части округа вовсе не занимаются разработкою рудниковъ, а только заводскою промышленностью; заводы же переведены изъ многихъ частей внутренняго Алтая на сѣверъ, по теченію рѣки Оби и ея притоковъ.

О древнихъ Чудскихъ рудникахъ, о которыхъ мы упоминали уже нѣсколько разъ, какъ объ указателяхъ для открытія новѣйшихъ, будемъ говорить впослѣдствіи, при описаніи различныхъ памятниковъ, принадлежащихъ, по преданію, этому древнему народу. Съ главнѣйшими изъ новыхъ рудниковъ мы уже отчасти познакомились выше: 1) Зыряновскій на р. Бухтармѣ, въ настоящее время весьма важный, есть самый юго-восточный (см. выше, стр. 48). 2) Риддерскій и Крюковскій, ближайшіе къ нимъ, при р. Ульбѣ, въ южной части Бѣлкòвъ, (см. выше стр. 96) — замѣчательны по обилію серебряныхъ рудъ. 3) Семеновскій, на сѣверо-западъ отъ Шаманаихи (см. выше стр. 113), на низкомъ водораздѣльномъ хребтѣ. 4) Змѣиногорскій. 5) Воскресенскій, близъ Колывани. 6) Лòктевскій, на р. Алеѣ, преимущественно мѣдный; наконецъ 7) Салаирскій (гораздо далѣе къ сѣверу на С.-З. отъ Кузнецка и С.-В. отъ Барнаула), лежащій внѣ предѣловъ нами разсматриваемыхъ, но тѣмъ не менѣе весьма важный для здѣшняго Горнаго округа. Эти-то рудники должны, по существую-

щему закону, доставлять изъ Алтайскаго Горнаго Округа въ Петербургъ — 1,000 пудовъ золотосодержащаго серебра. Но такъ какъ рудники вообще не слишкомъ богаты, хотя мѣстами попадаются между ними весьма обильные, то для добычи такого количества металла они подвергались слишкомъ усиленной разработкѣ, отчего вскорѣ истощались и нужно было отыскивать новыя рудоносныя мѣста. Колывано-Воскресенскій рудникъ, какъ мы видѣли выше, давно уже истощенъ. Такая же участь въ непродолжительномъ времени ожидаетъ и Змѣиногорскій. Вѣроятно, вслѣдствіе такого истощенія, страна эта вскорѣ совершенно опустѣетъ и горнопромышленные жители ея, подобно Бусконнесамъ (330), или кочующимъ разбойничьимъ толпамъ горнорабочихъ въ Мексикѣ, должны будутъ переселиться далѣе. При огромномъ количествѣ оскудѣвшихъ рудъ, которое необходимо ежегодно добывать и переплавлять для доставки требуемаго казною серебра, весьма понятно, почему, какъ замѣтилъ Карстенъ, главные пункты горной разработки, со времени занятія ихъ Русскими, въ довольно краткій періодъ времени совершенно измѣнились. Вредна ли подобная система какъ для настоящаго, такъ и для будущаго, это другой вопросъ; едва ли она не сдѣлается губительною для постояннаго населенія и цивилизаціи страны, если принять въ соображеніе, что рудники истощатся прежде, нежели населеніе успѣетъ глубоко пустить корни и обезпечить свое существованіе. Нынѣ существованіе это исключительно зависитъ отъ рудниковъ и лѣсовъ и только впослѣдствіи можетъ быть обусловлено предметами болѣе разнообразныхъ занятій, какъ то: земледѣлія, промышленности, торговли.

Карстенъ (331) замѣчаетъ, что не только горное, но и заводское дѣло въ этомъ округѣ, со временъ Палласа, потерпѣло большія перемѣны, которыя зависѣли отъ многихъ причинъ.

---

(330) H. G. Ward Mexico in the Y. 1827. Lond. 1828 г. T. II, p. 23.
(331) Karsten System d. Metallurgie T. I, p. 347.

Во-первыхъ прежде были здѣсь неизвѣстны, а впослѣдствіи найдены въ Риддерскѣ свинцовыя руды, необходимыя для отдѣленія металла. Во-вторыхъ введена новая метода извлеченія серебра изъ роштейновъ, непохожая на методу фрейбергскую, и приближающаяся къ венгерской (т. е. нижне-венгерской). До того времени руды, добываемыя во всемъ округѣ, плавились на 6-ти заводахъ, между которыми былъ и до сихъ поръ считается главнымъ—Барнаульскій, по своей обширности и потому что тамъ прежде исключительно производилось извлеченіе серебра изъ роштейновъ. Въ настоящее время дѣло это не сосредоточивается на одномъ Барнаульскомъ заводѣ, но и на всѣхъ другихъ. Прежде на заводахъ: Павловскомъ (на З. отъ Барнаула), Локтевскомъ (на р. Алеѣ), Гавриловскомъ (на З. отъ Кузнецка), и Корболишенскомъ (на р. Корболихѣ) производилась только первоначальная плавка, потому-что роштейны, со всѣхъ этихъ заводовъ, отправлялись въ Барнаулъ для извлеченія изъ нихъ серебра. Изъ Барнаула же, по извлеченіи изъ нихъ серебра, они были отправляемы на заводъ Сузунскій (на С.-З. отъ Барнаула), гдѣ плавились однѣ только мѣдныя руды со всего округа; но потомъ стали переработывать и эти роштейны въ черную мѣдь и наконецъ въ совершенно очищенную.

Вотъ почему все мѣдное производство сосредоточивалось въ Сузунѣ, золотое же и серебряное въ Барнаулѣ: здѣсь производилось однако не только извлеченіе серебра изъ роштейновъ, но и очень значительная сырая плавка, не отличавшаяся отъ подобныхъ работъ, производимыхъ другими заводами. Причина, по которой отдѣленіе серебра производилось прежде только въ Барнаулѣ, была та, что для работы этой нуженъ былъ свинецъ, а прежде количество добываемаго въ Алтаѣ свинцу было такъ ничтожно, что нужно было подвозить его изъ Нерчинска (см. Т. II. стр. 299) и доставка его въ Барнаулъ обходилась очень дорого. Изъ семи нынѣшнихъ плавильныхъ заводовъ замѣчательнѣйшій во всемъ горномъ округѣ,

по плавкѣ серебряныхъ рудъ есть: 1) Барнаульскій; за нимъ слѣдуетъ 2) Павловскій, въ 7 м. на западъ, также перерабатывающій серебряныя руды, доставляемыя изъ всѣхъ округовъ. Заводы: 3) Гавриловскій и 4) Гурьевскій, на С.-З. отъ Кузнецка предназначены только для тамошнихъ Салаирскихъ рудниковъ. Заводы: 5) Змѣиногорскій и 6) Локтевскій, также какъ и первые два, плавятъ серебряныя руды изъ всѣхъ рудниковъ, исключая 3 и 4-го, по причинѣ весьма отдаленнаго разстоянія отъ нихъ. Такъ-какъ оба завода находятся недалеко и отъ мѣдныхъ рудниковъ, то кромѣ серебряныхъ рудъ плавятъ на нихъ и мѣдныя. Только возрастающій недостатокъ въ топливѣ, не смотря на шульбинскіе лѣса, причиною тому, что часть Локтевскихъ мѣдныхъ рудъ отправляется Обью въ 7) Сузунскій плавильный заводъ. Съ этого завода отсылали на Сузунскій монетный дворъ очищенную мѣдь, изъ которой серебро не было отдѣлено, потому-что издержки на перевозку потребнаго для того свинца не могли бы покрываться. Сузунскій монетный дворъ чеканилъ только мѣдную монету, съ 1808 года, ежегодно на сумму 250,000 р. ([332]). Барнаульскій заводъ вовсе не доставлялъ металла на монетный дворъ, а отсылалъ все золото-содержащее серебро въ Императорскій Кабинетъ, который уже самъ распоряжался отдѣленіемъ одного металла отъ другаго.

Руды помянутыхъ выше рудниковъ, приносящихъ золото, серебро, мѣдь и свинецъ, весьма различны, какъ по содержанію своему и составу, такъ и по нахожденію. Потому и образъ добычи ихъ не можетъ быть одинаковъ. Составъ Бухтарминскихъ серебряныхъ рудъ пока неизвѣстенъ, но, кажется, онѣ самыя важныя, потому-что приносятъ болѣе половины серебра, доставляемаго цѣлымъ Алтайскимъ Округомъ. Рудники на Ульбѣ доставляютъ въ изобиліи свинцовыя руды, но съ малымъ содержаніемъ серебра. Салаирскіе рудники, на С.-З. отъ Куз-

---

(332) Ledebour Altai R. T. I, p. 381.

нецка, хотя и доставляютъ ежегодно огромное количество (до милліона пуд.) серебряной руды, но содержаніе ея не превышаетъ $^3/_4$ золотника серебра въ пудѣ. Такая скудость въ содержаніи серебра вознаграждается только плавкостью рудъ. На шести серебряныхъ заводахъ (Сузунскій заводъ мѣдный) плавится ежегодно отъ 3 — 350,000 пуд. серебряной руды, которой среднее содержаніе только $1^1/_2$ золотника, или, выключая самые отдаленные и вмѣстѣ съ тѣмъ самые бѣдные рудники Салаирскіе, отъ 2 — $2^1/_2$ золотниковъ въ пудѣ руды. Разумѣется, отъ бòльшаго или меньшаго содержанія зависитъ самый образъ плавки и производства ([333]). Важность здѣшней горной промышленности видна изъ количества ежегодно добываемаго золото-содержащаго серебра. Съ 1745 по 1809 годъ, въ 64 года, отдѣлено было въ Петербургѣ изъ золото-содержащаго серебра Колыванскихъ рудниковъ — 44,804 пуда 21 фунтъ 90 золотниковъ серебра и 1,279 пуд. 24 фунта 64 золотника золота. Значитъ, серебряное производство, въ теченіи 64-хъ лѣтъ, дало 3,137,130 кельнскихъ марокъ, или среднимъ числомъ ежегодно 49,018 марокъ серебра, и въ послѣднія десять лѣтъ, среднимъ числомъ, 21 пуд. или 1,470 марокъ золота. Эта средняя цифра однако гораздо ниже нынѣшней ежегодной добычи. Серебряное производство приноситъ, съ 1799 года, постоянно каждый годъ по 72,000 марокъ. Точно также увеличилось, въ послѣднее время, т. е. съ 1827 года, отъ золотыхъ розсыпей, количество всего добываемаго золота. Нынѣ Алтайскіе горные заводы должны доставлять ежегодно 925 пудовъ чистаго серебра и 25 п. золота.

Для этихъ работъ на различныхъ заводахъ находятся въ дѣйствіи 115 плавильныхъ печей ([334]) и еще 43 другихъ: горновъ, трейбофеновъ и проч. Вмѣстѣ съ плавкою потребнаго для заводовъ количества чугуна и штыковаго желѣза, необхо-

---

(333) Karsten System d. Metallurgie. T. I, p. 353—357.
(334) Ledebour, Altai R. T. I, p. 381.

димо по разсчету ежегодно 12,000,000 пуд. руды, что̀ составитъ объемъ рудъ въ 5,000 куб. саж., для расплавки которой сожигается въ шестнадцать разъ бо̀льшій объемъ (80,000 кубическихъ саж.) дровъ. Большая часть вырубаемыхъ лѣсовъ обращается на производство угля, котораго ежегодно приготовляется 2,600,000 коробовъ. Каждый коробъ вмѣщаетъ въ себѣ 20 пудовъ. Недостатокъ въ лѣсѣ, вблизи рудниковъ, заставлялъ переносить заводы на другія мѣста, и перемѣнять мѣста вырубки лѣса. Все это повлекло за собою довольно сложную систему перевозки; образовался даже особенный классъ людей — углевозовъ, нанимающихся у заводскихъ крестьянъ, на которыхъ собственно лежитъ повинность поставки подводъ. Весь добытый металлъ сосредоточивается наконецъ въ Барнаулѣ, гдѣ его сплавляютъ въ однобразныя формы, согласно существующимъ правиламъ. Употребляемая для этого печь ([335]) вмѣщаетъ въ себѣ 100 пудовъ серебра вдругъ. Въ 24 часа сплавляютъ 600 пудовъ серебра и отправляютъ его разомъ въ Петербургъ съ такъ-называемымъ первымъ серебрянымъ караваномъ. Остальные 400 пудовъ пересылаются зимою. Блескъ массы расплавленнаго въ этой печи серебра, ослѣпителенъ. Въ 1826 году, Ледебуръ писалъ, что одинъ изъ рабочихъ долженъ постоянно наблюдать за плавкою, смотря сквозь небольшое отверстіе, чтобы не пропустить того мгновенія, когда серебро, еще не начиная улетучиваться, уже совершенно расплавится. Въ теченіи сорока лѣтъ, эту трудную должность занималъ одинъ и тотъ же работникъ; но кромѣ ослѣпительнаго серебрянаго блеска, старикъ не видѣлъ уже ничего. Онъ получалъ хорошее жалованье и въ остальное время года съ него болѣе ничего не требовалось. Удивительна и необъяснима способность развитія глаза, благороднѣйшаго изъ органовъ чувствъ, болѣе другихъ отдѣленныхъ отъ человѣческаго организма, такъ что онъ живетъ почти особенною, имъ пріобрѣтенною, внутреннею жизнью и

(335) Ledebour, Altai R. T. I, p. 384.

сохраняетъ ее даже при самыхъ противоположныхъ крайностяхъ, смотря ли, подобно тому какъ здѣсь, на эти серебряные блики, или созерцая солнце ([336]). Я обращался съ вопросомъ объ этомъ загадочномъ явленіи къ Самуилу Земерингу, величайшему и ученѣйшему анатому прошлаго вѣка, которому посвящено было первое изданіе моей географіи Азіи въ 1818 году. Въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣлалъ онъ ежедневно самыя тщательныя и безпрерывныя наблюденія надъ солнечными пятнами, для изслѣдованія формы и вращенія центра нашей планетной системы. Осенью 1829 года (ему было тогда 74 года), я выразилъ ему удивленіе, какъ можетъ глазъ его (Земерингъ писалъ объ отправленіяхъ и свойствахъ глаза) смотрѣть ежедневно и безнаказанно въ фрауенгоферовскій телескопъ на яркій, свѣтлый солнечный шаръ. Онъ, съ незабвеннымъ для меня спокойствіемъ и хладнокровіемъ изслѣдователя истины, отвѣчалъ мнѣ: „глаза мои упиваются солнечнымъ свѣтомъ“. (Mein Auge trinkt das Sonnenlicht).

---

§ 44.

Изложение 4. *Алтайскіе бѣлкй. Рѣчная область Чарыша, Тигерецкіе бѣлкй и Коргонское плоскогоріе.*

1. Обзоръ и источники.

Единственная изъ главныхъ рѣкъ внутренняго Высокаго Алтая, котораго продольная долина склоняется къ З. и С.-З. и вступаетъ въ низменность ниже Чарышской крѣпости (см. Т. II, ст. 297) до впаденія своего въ Обь, есть Чарышъ, ко-

---

(336) Ludovico Thilo, Dissertatio de solis maculis ab ipso, s. v. Sommeringio observatis. Francofurti ad Maen. 1828.

его течеліе мы разсмотримъ здѣсь. Чарышъ имѣетъ параллельное направленіе съ болѣе южною — верхнею Убою и беретъ начало въ сосѣдствѣ съ нею и рѣкою Коксуномъ въ Коксунскихъ бѣлкàхъ. Коргонское плоскогоріе раздѣляетъ теченіе обѣихъ рѣкъ и образуетъ высокій водораздѣлъ между ихъ рѣчными областями до самыхъ Тигерецкихъ бѣлкòвъ.

Во время Гмелина ([337]), никто не отваживался идти далѣе нижняго выхода Чарышской долины и туда проникали только смѣлые рудокопы (1733); Палласъ въ 1771 г. ([338]) былъ, къ сожалѣнію, боленъ, во время посѣщенія имъ Чарышской долины, и довольствовался только осмотромъ селеній *новой пограничной линіи*, пересѣкающей діагонально сѣверо-западный уголъ Алтая, отъ верхняго Алея при Ново-Алейскѣ вверхъ до Ключевскаго маяка (см. выше ст. 212). Такимъ образомъ Палласъ пересѣкъ Бѣлую при Бѣлорѣцкомъ, Тигерекъ при Тигерецкомъ, Тулату при Тулатинскомъ форпостахъ. Всѣ эти рѣки текутъ въ Чарышъ съ Тигерецкихъ бѣлкòвъ и впадаютъ въ него съ лѣвой стороны. При Чарышскомъ форпостѣ Палласъ достигъ до самаго Чарыша, но повернулъ отсюда не вверхъ его теченія, а внизъ, и слѣдовалъ вдоль рѣки черезъ Чагирскій рудникъ, что на старой линіи, до селенія Харлова, лежащаго при впаденіи рѣчки Камышинки (съ правой стороны). Здѣсь оканчивается Алтайское нагорье, смѣняясь низменностью. Отсюда Палласъ, поворотивъ къ югу, возвратился въ Колыванскій рудный округъ и всѣ свѣдѣнія, сообщенныя имъ о Тигерецкихъ бѣлкàхъ, основаны на бѣглой экскурсіи сопровождавшаго его студента Соколова на ближайшія снѣжныя вершины. Патренъ ([339]), вскорѣ послѣдовавшій по слѣдамъ Палласа (1782), также не проникалъ далѣе Тигерецкихъ бѣлкòвъ. Въ 1786 г. была выслана сюда первая шурфовальная экспе-

---

(337) Gmelin Sibir. R. T. I. p. 257.
(338) Pallas R. R. T. II. p. 556 — 579.
(339) Patrin Bericht einer Altaischen Gebirgsreise 1782 въ Pallas N. N. Beitr. T. IV. 1783. 8. p. 163 — 198.

диція, подъ начальствомъ оберъ-гиттенфервальтера Шангина, который, какъ неутомимый изслѣдователь и отличный наблюдатель, проложилъ путь черезъ всю область Чарыша и сдѣлалъ съемку его долины, также какъ и долинъ верхней Катуни до Чуи. Составленная имъ карта, къ сожалѣнію, не находится въ изданіи Палласа.

Съ тѣхъ поръ какъ были открыты прекрасныя яшмовыя и порфировыя ломки на Коргонѣ (лѣвомъ притокѣ Чарыша, см. Т. II, ст. 299) и изслѣдованы верховья Чарыша до Катуни (340), Чарышская долина сдѣлалась доступнѣе для наблюдателей и была заселена русскими поселенцами, вслѣдствіе чего калмыцкіе обитатели ея постепенно удалились отсюда. Гидрографическая сѣть карты Колывано-воскресенскаго горнаго округа, изданной въ 1816 г. русскимъ Генеральнымъ Штабомъ на 12 листахъ, нанесена со съемокъ Шангина. Въ 1816 г., по стопамъ Шангина, послѣдовалъ Спасскій (341); онъ повторилъ только наблюденія Шангина до верховья Чарыша, гдѣ въ него съ правой стороны впадаетъ р. Канъ. Гораздо поучительнѣе были въ 1826 г. путешествія ботаника Бунге (342) по всей долинѣ Чарыша, отъ деревень Бѣлой и Чагирской вверхъ теченія рѣки черезъ Чечулиху и Коргонъ на В. къ верховьямъ Чарыша, къ водораздѣлу между Ябаганомъ, правымъ притокомъ Чарыша, текущимъ съ С.-В., и Урсуломъ (лѣвымъ притокомъ Катуни) и до самой Катуни (отъ 30 марта до 17 мая) и верхней Чуи.

Бунге изслѣдовалъ здѣшнюю весеннюю флору какъ ботаникъ (Шангинъ былъ только горный инженеръ и минералогъ). Для изслѣдованія лѣтней флоры послѣдовалъ за нимъ спутникъ

---

(340) Schangin Beschr. e. merkw. mineralog.-botanisch. Reise im höchsten Altaischen Geb. въ Pallas N. N. Beitr. T. VI. 1793. p. 27—118.

(341) Спасскаго путешествіе черезъ Коргонскіе бѣлки къ алтайскимъ Калмыкамъ, въ Сибирск. Вѣстн. 1823, перев. Oldec. Zeitschr. XIV. 1824. p. 302—345.

(342) Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II. 12—54.

*

его, Ледебуръ (343) (отъ 8-го до 25 іюня), который послѣ того вторично (отъ 12 до 30 іюля) предпринялъ путешествіе въ самыя горы для изслѣдованія позднѣйшей растительности. Въ первую поѣздку изъ Риддерска, онъ, первый послѣ Шангина, открылъ истокъ рѣки Чарыша въ Коксунскихъ горахъ. Отсюда спустился онъ по долинѣ до Чечулихи, потомъ направивъ путь на В. къ верховьямъ Керлика (праваго притока Чарыша) и далѣе до Коксуна, достигъ до Уймона. Во время втораго путешествія, онъ посѣтилъ преимущественно открытыя Шангинымъ, замѣчательныя Коргонскія яшмовыя ломки. Изъ Чарышской долины переѣхалъ онъ потомъ черезъ Коргонское плоскогоріе и возвратился черезъ болѣе южную Убинскую долину въ Риддерскъ. Только изъ критическаго сравненія сихъ источниковъ, можно почерпнуть свѣдѣнія объ упомянутыхъ Алтайскихъ цѣпяхъ и долинахъ. Мы изложимъ въ главныхъ чертахъ важные, богатые по содержанію, но до сихъ поръ мало оцѣненные, результаты, полученные наблюдателями, за которыми послѣдуемъ на пути ихъ съ запада, вверхъ по долинамъ. Съ той же стороны мы проникнемъ и далѣе въ эту terra incognita внутренняго Алтая, потому-что до сихъ поръ сюда еще не проложено пути ни съ какой другой стороны.

2. Система Чарыша, источники и притоки его.

Истоки Большаго Коксуна (на востокъ отъ Катуни) и Чарыша находятся недалеко одинъ отъ другаго, на С.-В. отъ Риддерска и истоковъ Убы (см. выше, стр. 109) у восточной оконечности Коргонскаго плоскогорія, тамъ гдѣ оно переходитъ въ Коксунскіе бѣлки, т. е. подъ 102° в. долготы отъ Ферро, подъ однимъ меридіаномъ и почти подъ 51° с. ш. Истоки Чарыша лежатъ нѣсколько сѣвернѣе истоковъ Коксуна, который самъ можетъ назваться западнымъ истокомъ р. Оби.

---

(343) Ledebour Altai R. T. I. 135—200; 224—256.

Ледебуръ, отправясь изъ Риддерска къ С.-В., на третій день (10 іюня), на высотѣ 5,692 ф. надъ ур. моря, достигъ въ Коксунскихъ горахъ до истока Малаго Коксуна ([344]). На слѣдующій день, далѣе къ сѣверу, доѣхалъ онъ до истоковъ Большаго Коксуна, а на третій день (или пятый съ выѣзда изъ Риддерска), переѣхалъ еще сѣвернѣе горный проходъ или сѣдло, возвышающееся на 5,953 ф. надъ ур. м. при восточной оконечности Коргона, и здѣсь достигъ истоковъ Чарыша, текущаго съ тамошнихъ высотъ въ направленіи къ С.-В.

Сѣдло, съ котораго течетъ рѣка, лежитъ по барометрическимъ измѣреніямъ на высотѣ 5,953 футовъ надъ ур. моря. Высшая изъ сосѣднихъ вершинъ, лежащая недалеко оттуда на С.-З., была также измѣрена Ледебуромъ и оказалась въ 7,184 ф. (на картѣ 7,284). Съ нея течетъ рѣчка Татарка, устремляющаяся къ Ю.-В. и впадающая въ р. Коксунъ. Самая большая высота, на которой растутъ еще деревья, а именно сибирскій кедръ (Pinus cembra), равняется 6,541 ф. Первый ночлегъ Ледебура былъ въ шести верстахъ отъ источника, на лѣвомъ берегу Чарыша, на высотѣ 5,112 футовъ. Посреди этой горной пустыни, гдѣ путешественникъ впервые снова встрѣтилъ человѣческія существа, а именно нѣсколькихъ горныхъ Калмыковъ, разбившихъ свои лѣтнія юрты миляхъ въ двухъ оттуда, вытекаетъ шумными, пѣнящимися водопадами Чарышъ. Онъ течетъ по сѣверному слону Алтайскихъ бѣлко́въ, огибаетъ большою дугою всю сѣверную подошву Коргонскаго плоскогорія, направляясь къ С.-З. мимо Чарышской крѣпости; тамъ пересѣкаетъ новую пограничную линію (см. Т. II, ст. 297) и вступаетъ въ предгорія Алтая. Отсюда принимаетъ онъ уже болѣе сѣверное направленіе, протекаетъ мимо городка Чарыша, и южнѣе Барнаула впадаетъ въ р. Обь. Чарышъ принимаетъ въ себя по крайней мѣрѣ 12-ть значительныхъ горныхъ рѣчекъ, приносящихъ ему свои обильныя воды съ снѣж-

(344) Ledebour Altai R. R. T. I. p. 147, 161.

ныхъ вершинъ Коргона и Тигерецкихъ бѣлкòвъ. Рѣчки эти слѣдующія: 1) Керликъ и 2) Ябаганъ или Абаганъ, два правые притока съ восточной стороны, ближайшіе къ источнику. Съ сѣвера, или съ правой стороны, изъ Ануйскихъ и Башалыцкихъ бѣлкòвъ, текутъ: 3) рѣчка Канъ, 4) Талица и 5) Башалыкъ, впадающія въ Чарышъ восточнѣе Чарышской крѣпости. Наконецъ гораздо западнѣе, не столь значительныя: Маралиха, Камышенка, Березовка и другія. Гораздо значительнѣе и обильнѣе водами тѣ рѣчки, которыя вытекаютъ съ южной стороны съ Коргонской плоской возвышенности: 6) Харъ-Кумынъ, 7) Коргонъ, 8) Сентелекъ и 9) Тулата (ниже Чарышской крѣпости), а также 10) Иня, ниже Чарышской, принимающая въ себя у Тигерецкой крѣпости два Тигерека и вытекающая изъ Тигерецкихъ бѣлкòвъ. Изъ горъ, находящихся между Коргономъ, Синей Сопкой и Колыванскимъ предгоріемъ Алтая, вытекаетъ также 11) обильная водами р. Бѣлая. Наконецъ около Синей же Сопки, далѣе другихъ на западъ, находится истокъ 12) Локтевки, съ которой мы уже познакомились выше.

3. Нижнее теченіе Чарыша.

Ниже впаденія р. Бѣлой и Маралихи, близь деревни Карповой, тамъ, гдѣ рѣчка Камышинка теченіемъ своимъ на С.-В. обозначаетъ, съ правой стороны, границу нагорья ([345]), Чарышъ течетъ съ нагорья къ низменности и постепенно поворачиваетъ къ сѣверу. Воды Локтевки, текущей прямо съ Ю. на С. даютъ ему окончательно совершенно сѣверное направленіе къ рѣкѣ Оби и такимъ образомъ навсегда отдаляютъ его отъ горной системы Алтая. Отъ Харлова къ С. и С.-З., пишетъ Палласъ, разстилается одна только обнаженная степь; холмистыя высоты состоятъ уже изъ однихъ только глинистыхъ наносовъ. Съ высоты ихъ, видны на

(345) Pallas R. R. T. 577.

Ю.-В. совершенно ясно вершины снѣжныхъ горъ и синеватая вершина такъ называемой Синей Сопки, которая, впрочемъ, видна и еще сѣвернѣе за 14 или 15 г. м. (100 верстъ). Менѣе 10-ти верстъ на западъ отъ рѣчки Камышинки, параллельно съ нею впадаетъ въ Чарышъ Березовка, первая степная рѣка, лѣниво катящая свои воды по мягкому дну и образующая многочисленныя извилины. На этой рѣчкѣ находилась прежде деревня Арапова, но ее перевели потомъ ближе къ горамъ, на земли болѣе удобныя для хлѣбопашества. Многія деревни получили еще прежде, по той же причинѣ, позволеніе переселиться въ болѣе возвышенныя горныя долины, близь Чагирскаго форпоста и вокругъ него, между рѣками Тулятой и Иней; слѣдовательно, еще въ предѣлахъ новой линіи. Въ этихъ долинахъ, известковыя породы покрыты черноземомъ, а потому, также какъ и въ Харловѣ ([346]), лежащей на известковой почвѣ, земли въ нихъ довольны удобны для произрастанія хлѣбовъ. Всѣ травы растутъ на этихъ известковыхъ горахъ, въ туманномъ и сыромъ горномъ воздухѣ, также гораздо лучше, красивѣе и роскошнѣе, нежели въ степяхъ, подверженныхъ сухимъ вѣтрамъ и палящимъ солнечнымъ лучамъ. Вотъ почему горная и степная флоры столь противоположны между собою. Даже въ болѣе холодныхъ Алтайскихъ долинахъ, лежащихъ еще выше, до Тигерецкаго форпоста на новой линіи, казаки собираютъ болѣе хлѣба, нежели въ жаркихъ степяхъ страны, и потому селятся тамъ охотнѣе.

Ниже Харловой (19-ю верстами), близь деревни Карповой, гдѣ пролегала прежде дорога изъ Колыванскихъ заводовъ въ Барнаулъ и была устроена переправа черезъ Чарышъ, рѣка имѣетъ 300 саженъ ширины. Здѣсь Чарышъ очень глубокъ и быстръ. До этого мѣста поднимаются изъ Оби осетры, стерляди и сибирскія бѣлыя лососи. Отсюда же, вверхъ по теченію, рѣка начинаетъ изобиловать превосходными породами фо-

---

(346) Schangin Reise въ Pallas N. N. B. T. II p. 28.

релей, доходящихъ до снѣжныхъ ручьевъ и составляющихъ здѣсь лучшее кушанье. Ниже этого мѣста, Чарышъ продолжаетъ свое теченіе уже по степямъ. Въ 12-ти верстахъ, на югъ отъ Карповой, возвышаются первыя небольшія горы глинистаго сланца, до которыхъ распространяются древнія Чудскія копи. Русскіе, заложившіе здѣсь Мурзинскій мѣдный рудникъ, при рѣчкѣ Мурзинкѣ, были только послѣдователями чудскихъ рудокоповъ. Глинистый сланецъ ([347]) образуетъ здѣсь повсюду горную окраину, и только нѣсколько верстъ выше, можно встрѣтить отдѣльныя обнаженныя, дикія скалы гранитнаго пояса, вѣроятно, выдвинувшагося изъ-подъ этой коры, имъ разорванной, и лежащаго по горнымъ скатамъ ихъ въ разнообразно поднятыхъ слояхъ.

4. Среднее теченіе Чарыша, съ притоками: Иней, Бѣлой, Тулятой (до Чарышской крѣпости). Тигерецкіе Бѣлки.

Отъ Харловой, на быстромъ Чарышѣ, по берегамъ, поросшимъ только ольхой и ивовымъ кустарникомъ, вверхъ до Чарышскаго рудника, на разстояніи 36 верстъ, дорога проходитъ черезъ деревню Маралиху (прежній Маралишинскій форпостъ, на старой пограничной линіи), гдѣ достигаетъ своего крайняго предѣла еще одинъ представитель осенней степной флоры, именно кустарникъ голубой астры ([348]), покрывающій, по замѣчанію Палласа, Обскія степи голубымъ цвѣтомъ на обширныя пространства. Отсюда до Чагирскаго рудника 5 г. м. пути (36 вер.) На отлого поднимающихся, безлѣсныхъ предгоріяхъ, начинаютъ уже встрѣчаться, говоритъ Палласъ, многія изъ горныхъ алтайскихъ растеній; кое-гдѣ выдаются изъ этихъ предгорій скалы зеленоватаго сланца съ простираніемъ

(347) Pallas R. R. T. I p. 578.

(348) Pallas R. R. T. II p. 577; Schangin въ N. N. B. T. IV p. 29; Бунге въ Ledebour Altai R. T. II p. 14.

отъ В. къ З. На р. Чагиркѣ находится деревня того же названія, извѣстная еще, во времена Палласа, своими мѣдными рудниками и въ то время бывшая еще форпостомъ. Со временъ Демидова принялись тутъ за разработку копей древней Чуди, оставившей здѣсь огромныя груды шлаковъ, которыя свидѣтельствуютъ о дѣятельности этого народа. Рудники были вырыты на половинѣ высоты горнаго хребта, тянущагося, по словамъ Палласа, на подобіе огромнаго, крутаго вала, вдоль рѣки Чарыша, и понижающагося отъ В. къ С.-В. Но въ 1761 году разработка рудниковъ окончательно оставлена.

Деревня замѣчательна, кромѣ того, такъ называемымъ чагирскимъ чаемъ, который продается здѣсь повсюду подъ именемъ *бадана*, и замѣняетъ нерѣдко настоящій чай. Вкусомъ онъ походитъ на китайскій чай, но не имѣетъ того аромата. Гора, на которой здѣшніе крестьяне собираютъ его (изъ сухихъ, прошлогоднихъ листьевъ Saxifraga crassifolia), лежитъ въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды, южнѣе, на лѣвомъ берегу Ини, при Тигерецкѣ, противъ Тулятинскаго форпоста. Эта Чайная сопка ([349]), состоитъ, по словамъ Реpopованца, изъ роговой обманки, а по свидѣтельству Шангина изъ порфировой породы; Патренъ замѣчаетъ, что вся она, отъ подошвы до вершины, покрыта зеленью. Не только здѣсь, но почти на всемъ сѣверномъ склонѣ снѣжныхъ горъ, надъ лиственничными лѣсами растетъ, во множествѣ, этотъ суррогатъ чая, который, какъ слышалъ Палласъ, называютъ также монгольскимъ, потому-что, когда временно прекращены были торговыя сношенія съ Китаемъ, Русскіе научились варить его у Монголовъ. Съ того времени, употребленіе его сильно распространилось по всей пограничной Сибирской линіи. Листья этой Saxifraga, похожіе на кожу и весьма ноздреватые, опадаютъ только на четвертый годъ; изъ нихъ выбираются только тѣ, которые особенно черны. Настой

(349) Шангина, p. 33, 38; Patrin въ N. N. B. T. IV p. 191; Pallas R. R. T. II p. 566.

ихъ красноватъ, на вкусъ очень вяжущъ и нѣсколько похожъ на чай Бохай. Недалеко отъ Чагирки находится мраморная гора, называемая Монастырскимъ Камнемъ, съ глубокими, скалистыми пещерами. Вокругъ нея, пихтовые, лиственничные и березовые лѣса, во времена Шангина, были сильно истреблены пожаромъ.

Оттуда, до устья Ини ([350]), очень значительной весною, вверхъ по широкой, прекрасной долинѣ, до Ларіоновой считается 2 добрыя мили (15 вер.), а до Тигерецкой крѣпости $3\frac{1}{2}$ г. м. (25 в.), т. е. почти 12 часовъ ѣзды. Дорога пролегаетъ сначала между высокими сланцевыми горами, потомъ мимо пестрыхъ мраморныхъ горъ съ ископаемыми кораллами и мимо семи пещеръ, идетъ въ деревню Ларіонову. Отсюда, во времена Палласа, долина считалась еще совершенно неудобною для проѣзда, такъ что онъ долженъ былъ направиться изъ Тигерецка къ С.-В. черезъ Грамматуху и Яровку, переѣхать тамъ горный хребетъ, слѣдовать вдоль новой пограничной линіи до Туляты (впадающей въ лѣвой стороны въ Чарышъ), оттуда вверхъ до Чарыпской крѣпости, и такимъ образомъ, сдѣлавъ большой кругъ, снова спуститься по Чарышу, чтобы достигнуть Чагирской, Маралихи и Харловой. Шангинъ первый проложилъ себѣ путь отъ деревни Ларіоновой вверхъ по долинѣ, и то не вполнѣ. На половинѣ пути отъ Тигерецка, скалы до того сближаются, что образуютъ узкое ущелье, которымъ и онъ, во время половодья, не могъ проѣхать. Уже здѣсь, изъ среды известковыхъ горъ, выдвигаются скалы порфира. Начиная же отъ Ини, на востокъ, въ глубину хребта, послѣдняя изъ этихъ горныхъ породъ и сопровождающіе ее яшмы и граниты, очевидно выдвинутые изъ глубины, поднятые до самыхъ вершинъ и растреснувшіеся въ разныхъ направленіяхъ, составляютъ все болѣе и болѣе отличительную черту ихъ.

Прежде нежели мы послѣдуемъ отъ устья Ини, рѣки Туляты и новой границы при Чарышскомъ форпостѣ, далѣе на во-

---

(350) Pallas R. R. T. II p. 575; Шангина, IV p. 31. Бунге, p. 14.

стокъ, вверхъ по Чарышской долинѣ до Коргона, намъ необходимо подняться отъ рѣкъ Иии и параллельной съ нею Бѣлой, къ Ю. до Тигерецкихъ бѣлкòвъ, съ которыхъ берутъ начало эти два южные притока Чарыша. Тигерецкій форпостъ, болѣе другихъ посѣщаемый и извѣстный, составляетъ центръ этой альпійской страны. Отъ сѣверо-западной подошвы снѣговыхъ горъ ея, мимо форпоста, идетъ новая пограничная линія (см. Т. II, стр. 297).

Иня и Бѣлая, въ своихъ нижнихъ теченіяхъ на С. отъ Тигерецка, отдѣляются другъ отъ друга известковою, крутою, неприступною и бѣдною рудами Иньскою горою ([351]). Такъ какъ и здѣсь на рѣкахъ нѣтъ мостовъ, то вся эта страна непроходима и не была никѣмъ посѣщаема. Верховья этихъ рѣкъ раздѣлены сѣверными отраслями Тигерецкихъ бѣлкòвъ, еще прежде посѣщенныхъ Палласомъ, Соколовымъ, Ренованцомъ и Патреномъ. Самая первая экспедиція въ Тигерекъ до Ини ([352]), была, кажется, предпринята маіоромъ Петровымъ (см. Т. II, ст. 300). Палласъ, отправившись изъ Ново-Алейска, достигъ у Бѣлорѣцкаго форпоста верховья рѣки Бѣлой (см. выше, стр. 213). Она образуется здѣсь изъ двухъ одноименныхъ источниковъ: Западной Бѣлой съ С.-З. (вытекающей изъ юго-западнаго склона Синей Сопки) и Восточной Бѣлой (соединенной съ Глухарихой) съ Ю.-В., быстраго горнаго ручья, низвергающагося со скалъ многочисленными водопадами и текущаго потомъ по продольной долинѣ ([353]), которая соотвѣтствуетъ простиранію тамошнихъ сланцевыхъ горъ; долина эта простирается вдоль сѣверной подошвы бѣлкòвъ. Она пересѣкается здѣсь новою пограничною линіею; отъ Бѣлорѣцка же, незначительнаго казачьяго форпоста, совершенно измѣняетъ направленіе, и прорывается поперечною долиною прямо на сѣверъ съ необыкновенною быстротою, черезъ передовую цѣпь бѣлкòвъ.

(351) Pallas R. R. T. II p. 572—575, 564.
(352) Falk Topogr. Beitr. T. I p. 298.
(353) Pallas R. R. T. II, p. 556.

Отсюда Патренъ поднялся къ югу, на ту часть горнаго хребта, которая раздѣляетъ высокія долины: Бѣлой на З. и Тигерека на В., до Разсыпнаго Камня, самаго высокаго изъ всѣхъ измѣренныхъ Тигерецкихъ бѣлко̀въ (Лаксманъ называетъ его Малымъ Алтаемъ; онъ имѣетъ 6,559 ф. абс. выс. по его измѣреніямъ и вычисленіямъ Бекмана) ([354]). По свидѣтельству Патрена ([355]), гора эта возвышается только на 6,177 футовъ надъ уровнемъ моря (4,252 ф. выше Змѣиной горы). Показанія эти основаны на измѣреніи горнаго чиновника Риддера, съ которымъ одновременно дѣлали барометрическія наблюденія Реповандъ въ Тигерекѣ и Лейбе на Змѣиной горѣ. Риддеръ не могъ однакоже при этомъ измѣреніи достигнуть съ барометромъ до самой вершины. Измѣрялъ ли Лаксманъ еще за 65 лѣтъ, дѣлавшій барометрическія измѣренія Алтая) ту же самую пирамидальную скалу, достовѣрно опредѣлить нельзя.

Не смотря на разности, происходящія отъ неточности произведенныхъ тогда барометрическихъ измѣреній, можно однако же положить среднее возвышеніе бѣлко̀въ, по всей къ востоку тянущейся цѣпи снѣжныхъ горъ, въ 6,000 футовъ надъ поверхностью моря. Патренъ, ученый юристъ и естествоиспытатель изъ Ліона, пріятель Палласа (сопровождавшій сибирскаго генерала Ф. Мюллера и тогдашняго губернатора Де-Вильнева), набросалъ въ Кузнецкѣ прекрасную картину здѣшней дикой, горной природы ([356]). Отъ восточной подошвы гранитнаго основанія Синей Сопки, направился онъ къ Ю.-В. на лѣвый берегъ рѣки Бѣлой. Здѣсь, говоритъ онъ, можно очень хорошо видѣть постепенное расположеніе горныхъ породъ, потому что до самой долины рѣки Бѣлой приходится проѣзжать сперва известковыя горы, потомъ сланцевыя и наконецъ гранитныя.

---

(354) Laxmann Sibir. Br. herausgeg. v. Schlözer, Götting. 1769. p. 31 Прим.
(355) Patrin въ N. N. Beitr. T. IV p. 185, срав. въ Pallas l. c. II, 363.
(356) Patrin l. c. IV, p. 178—186.

Въ дикой поперечной долинѣ течетъ Усть-Кучевская рѣчка (правый притокъ Верхней Бѣлой), очень быстрая и столь извилистая, что слѣдуя на югъ, вверхъ по направленію къ Тигереку, нужно разъ сорокъ переправляться черезъ нее. Здѣсь встрѣчаются опять сланцы, но слои ихъ имѣютъ вертикальное паденіе съ небольшимъ отклоненіемъ къ С.-В. и простираніемъ вдоль оси горнаго хребта.

Переѣхавъ чрезъ сѣверный рукавъ Тигерека, ниспадающаго каскадами съ гранитныхъ горъ, черезъ лѣсныя чащи, Патренъ достигъ послѣ четырехъ часовъ пути къ югу, у деревни Чесноковой, до передовой вершины высокаго Алтая, которая представляетъ обширную, ровную площадь. Обрушившіяся скалы, похожія на старыя стѣны, башни, водопроводы, развалины, грозящія разрушеніемъ, или на исполинскіе замки, придаютъ ей величественный видъ. Мѣстами выгорѣвшіе лѣса, съ поваленными тамъ и сямъ, сухими, подобными скелетамъ, деревьями, переломанными и полуобугленными, представляли видъ страшныхъ пожарищъ. Эти предгорія, покрытыя, въ иныхъ мѣстахъ, въ продолженіи всего лѣта снѣгомъ, представляютъ ботаникамъ богатое поле для изученія альпійской флоры. Патренъ разбилъ здѣсь, на нѣсколько дней, свою палатку. Далѣе къ Ю. вездѣ видны массы такихъ же обрушившихся скалъ, громоздящихся все выше и выше. Въ ихъ разсѣлинахъ находятся прекрасные призматическіе кристалы аквамарина, въ руку величиною и толщиною. Эти терассовидныя предгорія бѣлкóвъ, ограниченныя къ С.-В. выпуклою поверхностью, поднимаются къ Ю.-В. все выше и выше кривою дугою. Слѣдуя по нимъ два часа, можно наконецъ достигнуть до подошвы перваго, пирамидально возвышающагося, пика. Направляясь вдоль этого, болѣе ровнаго горнаго гребня, перелѣзая съ скалъ на скалы, тысячами разбросанныя здѣсь въ самомъ дикомъ безпорядкѣ, перескакивая отъ времени до времени черезъ остроконечныя вершины ихъ, можно добраться, въ два часа времени, до первой снѣжной поляны, одѣвающей бѣлоснѣжнымъ ковромъ безчисленные обрывы и

пропасти, такъ что путь чрезъ него опасенъ. И дѣйствительно, опасныя для неопытнаго путешественника трещины, проникающія въ невѣдомыя бездны, изъ которыхъ торчатъ только темныя копическія скалы, попадаются весьма часто. Горная порода здѣсь — тотъ же гранитъ, который мы находимъ на Синей Сопкѣ и у Колыванскаго озера (см. выше стр. 230), но гораздо болѣе дикій и разорванный, и представляющій тѣ же фантастическія формы. Онѣ являются и издали и вблизи, то покрытыя тѣнью, то ярко освѣщенныя солнцемъ и, особенно при закатѣ его, наполняютъ воображеніе самыми поэтическими картинами и рисуютъ ему то печальные, то радостные образы. Патренъ полагаетъ, что подобно антиподу Алтая, южной Магеллановой Землѣ Новаго Свѣта, носящей названіе Desolation du Sud, эту часть Алтая можно было бы назвать Desolation du Nord. Пространства, между надвинутыми однѣ на другіе глыбами скалъ, часто отъ 50 до 60 футовъ длины, покрыты весьма тонкимъ слоемъ земли, производящей скудныя растенія; на стѣнахъ же утесовъ не видно ни малѣйшаго слѣда ягелей. Вывѣтриваніе и разрушеніе скалъ происходитъ здѣсь въ столь исполинскихъ размѣрахъ, что вся поверхность, рѣшеткообразно пересѣченная скалистыми гребнями, уподобляется обнаженному исполинскому скелету. Обратный путь, на сѣверъ отъ этихъ высотъ, къ долинѣ дикаго Тигерека, велъ, казалось, по самой пріятной, даже роскошной долинѣ (357), если сравнить ее съ оставшимися назади высокими, полярными пустынями. Здѣсь растительность сдѣлалась разнообразнѣе, и весело порхала красивая бабочка, Papilio apollo, весьма похожая на европейскую альпійскую бабочку.

Долина рѣки Бѣлой намъ мало извѣстна; водораздѣлъ между нею и долиною Тигерека достигаетъ на полпути отъ казачьяго форпоста новой линіи — Бѣлорѣцкаго къ Тигерецкому, наибольшей своей высоты въ горѣ Осиновой, черезъ которую ве-

(357) Patrin l. c. p. 186.

детъ горный проходъ. Водораздѣлъ этотъ состоитъ изъ известковой горной породы безъ окаменѣлостей (358).

Видъ съ горнаго прохода къ югу и къ Ю.-В. на одинокія отвѣсныя скалы, по свидѣтельству Палласа, имѣетъ грозный характеръ, въ особенности когда надъ ними тѣснятся густыя облака, какъ это было во время его посѣщенія. На Ю.-В., на заднемъ планѣ, возвышаются бѣлки (т. е. Бѣлыя или Снѣжныя горы); на переднемъ планѣ—темныя долины, роскошно заросшія травами, и горы, покрытыя сосновыми и березовыми лѣсами и густымъ непроходимымъ кустарникомъ розъ, малины и другихъ ягодъ. Кое-гдѣ видны тропинки, вновь проложенныя медвѣдями—большими охотниками до ягодъ; они часто приходятъ сюда и нерѣдко похищаютъ у женщинъ и дѣтей собранныя ими ягоды, не дѣлая никому однакоже ни малѣйшаго вреда. На сѣверъ отъ Осиновой горы, къ рѣкѣ Тигереку, образующейся, подобно Бѣлой, изъ двухъ одноименныхъ источниковъ, долины между известковыми горами становятся уже болѣе открытыми. Когда проѣзжалъ по нимъ Палласъ (въ концѣ іюля), и когда на южномъ скатѣ, ближе къ степямъ, травы давно уже отцвѣли и выгорѣли, здѣсь повсюду пробивалась еще, на горахъ и въ долинахъ, новая зелень весенней флоры, съ которою знакомитъ насъ Палласъ (359). Изъ кустарниковъ начинаетъ здѣсь появляться, въ защищенныхъ мѣстахъ, прекрасная Spiraea altaica (cf. App. Descr. Plantar № III, стр. 739 и Tab. G. у Палласа). Изъ прямыхъ и гибкихъ ея прутьевъ здѣшніе казаки и охотники дѣлаютъ себѣ шомполы для ружей, и вообще этотъ кустарникъ извѣстенъ подъ именемъ ирги или кизильника. Когда Палласъ былъ здѣсь еще прежде (онъ ѣхалъ съ юга, изъ болѣе теплыхъ и сухихъ степей), то, переправившись черезъ Убу и Верхній Алей, и переѣхавъ водораздѣлъ у самаго за-

(358) Pallas R. R. T. II, p. 558.
(359) Pallas R. R. T. p. 559.

паднаго развѣтвленія бѣлковъ, онъ выѣхалъ на ихъ сѣверную, болѣе сырую и холодную сторону и замѣтилъ здѣсь первыя деревья лиственницы (Pinus larix), разсѣянныя по горамъ, и далѣе постоянно встрѣчалъ ихъ преобладающими деревьями, на всемъ пространствѣ до Чарыша. Выше мы уже замѣтили, что лѣса эти составляютъ вѣнецъ Снѣжныхъ бѣлковъ (см. выше); избѣгая сухой атмосферы Киргизскихъ степей, они лѣпятся преимущественно вокругъ ледниковъ и снѣжныхъ полянъ. На самыхъ же высокихъ, болотистыхъ мѣстахъ, здѣсь, какъ и повсюду на Алтаѣ, какъ и въ Швейцарскихъ Альпахъ надъ горою Монтанверъ у Ледянаго моря въ долинѣ Шамуни, и надъ Грехеномъ, въ долинѣ Монте Роза, первое мѣсто занимаетъ сибирскій кедръ (Pinus cembra), который почти нигдѣ не спускается отъ высоты вѣчныхъ снѣговъ въ болѣе низкія долины. Нѣкоторыя изъ болѣе плоскихъ, но не столь высокихъ вершинъ, поросли можжевельникомъ, вѣтви котораго стелятся по скаламъ (не отъ бурь ли?).

У Тигерецкаго форпоста соединяются оба Тигерека съ рѣкою Иней, текущей изъ болѣе отдаленной мѣстности на Ю.-В. съ Коргонскихъ горъ. Форпостъ этотъ, во времена Палласа, былъ очень незначителенъ ([360]), но съ того времени совершенно потерялъ всякое значеніе, потому что ему нечего и не отъ кого защищать. Патренъ хвалитъ, однакоже не безъ основанія, эту мѣстность и находитъ ее очень удобною для наблюденій естествоиспытателя. Палласъ, по слабости здоровья (1771), не могъ производить здѣсь много наблюденій; другіе же путешественники проходили тутъ гораздо позже. Патренъ окончилъ (въ 1781 г.) здѣсь свои наблюденія, Шангинъ (1786) же только началъ ихъ, и его-то измѣренія позволяютъ намъ оріентироваться, начиная отсюда, вдоль по долинѣ Инн, при обзорѣ послѣдующей сѣти горъ и рѣкъ. На югъ отъ Тигерецкаго форпоста и южнаго берега Инн, подымаются повсюду гра-

---

(360) Pallas R. R. p. 561; Patrin, l. c. IV, p. 189; Schangin, l. c. VI, p. 33.

нитный хребетъ бѣлковъ, куда Соколовъ ([361]), вмѣсто Палласа, предпринялъ свою первую горную экскурсію, впрочемъ, не доставившую намъ ничего новаго и слѣдовательно не имѣвшую никакого значенія. Шангинъ говоритъ, что гранитъ оканчивается у рѣчки Горновой. Тигерецкій форпостъ — собственно деревня, окруженная валомъ, лежитъ въ прекрасной долинѣ между известковыми и сланцевыми горами; ровная часть этой долины покрыта хорошимъ черноземомъ, подъ которымъ разстилается пластъ валуновъ, что Палласъ принимаетъ за доказательство, бывшихъ здѣсь прежде, разрушительныхъ наводненій. Въ форпостѣ было съ небольшимъ 30 казачьихъ домовъ и жители ея вообще очень зажиточны; скотоводство, охота, торговля, преимущественно мѣхами, доставляютъ имъ средства къ благосостоянію. Палласъ нашелъ на этой равнинѣ уже нѣкоторыя новыя растенія измѣнившейся Сѣверно-Алтайской флоры, напр. Trollius asiaticus ([362]), отличающійся только нектаріями отъ обыкновеннаго, но тѣмъ не менѣе прекраснаго Европейскаго полеваго цвѣтка Trollius europaeus, доходящаго до Урала. Здѣсь же нашелъ онъ впервые встрѣченную имъ въ этомъ краѣ, Cimicifuga fœtida, которую такъ хотѣлось достать великому Линнею ([363]); цвѣтокъ этотъ былъ еще прежде найденъ Лаксманомъ; отсюда онъ распространяется по всему сѣверному скату снѣжной цѣпи, гдѣ густые кусты его часто затрудняютъ путешественниковъ ([364]). Въ известковомъ кряжѣ — Иньской горѣ, простирающемся, какъ мы уже замѣтили выше, отъ сѣвернаго поворота рѣки Ини, при Тигерецкомъ форпостѣ между рѣками Бѣлой и Инью до Чарыша, очень много пещеръ. Выходы ихъ находятся довольно высоко на горныхъ скатахъ ([365]), подобно пещерамъ внутреннихъ разсѣлинъ известковаго Рау-

(361) Pallas R. R. T. II, p. 567.
(362) Pallas R. R. T. II, p. 566.
(363) Laxmann. Sibir. Br. p. 61, прим.
(364) Шангинъ l. c. VI p. 41, 49.
(365) Pallas R. R. T. II, p. 558, 563, 564.

альпа (366) въ Швабіи и въ хребтѣ Байрейтскихъ горъ (Мугендорфъ и Гайленрейтъ). Изъ замѣчанія Палласа, что здѣсь нѣтъ никакихъ окаменѣлостей, и изъ того, что слои этого сѣро-бѣловатаго, твердаго известняка падаютъ отвѣсно, можно было бы заключить, что здѣсь пещеры образовались не въ известнякѣ, но въ поднятыхъ массахъ доломита: будущіе наблюдатели могутъ повѣрить это предположеніе. Здѣсь именно Патренъ замѣтилъ (1786) огромные пласты известняка, толщиною до 10 туазовъ, изогнутые въ видѣ буквы S. Подобные же пласты были одновременно наблюдаемы Соссюромъ у Nant d'Arpenas; при Саланшѣ, въ Арвской долинѣ, также какъ и въ другихъ мѣстахъ, и получили большую важность для изученія строенія земли (см. Planche IV) (367). Чтобы вполнѣ обозрѣть изображенные Соссюромъ изгибы пластовъ въ связи съ цѣлымъ горнымъ хребтомъ, должно взобраться на высокій Roc de Chatel, у подножія Mont Haro; отсюда видѣнъ весь изогнутый пластъ, подымающійся вверхъ до высоты Aiguille de Varens. Здѣсь видна настоящая причина такъ называемыхъ фестонообразныхъ наслоеній. Живописные входы въ пещеры Иньской горы, тамъ, гдѣ Палласъ посѣщалъ ихъ, открывались на Ю.-В. Безчисленные своды пещеръ доставляли убѣжище гнѣздамъ горныхъ или каменныхъ косатокъ (Hirundo alpestris или Daurica) (368), встрѣчающихся здѣсь въ известковыхъ горахъ высокаго Алтая въ первый разъ путешественнику, слѣдующему съ запада (см. выше стр. 210) и замѣняющихъ европейскихъ ласточекъ, которыхъ здѣсь уже вовсе не видно. Ледебуръ нашелъ тѣхъ же самыхъ горныхъ ласточекъ (Hirundo alpestris) около известковыхъ утесовъ верхняго Чарыша: онѣ кажется водятся только исключительно въ известковыхъ и сланцевыхъ горахъ.

Окрестности Тигерецка, какъ мы видѣли, не лишены разно-

---

(366) Saussure Voy. dans les Alpes. Neuch. 4. 1779. T. I § 473, p. 398.
(367) Pallas R. R. T. II, Приб. 709. N 19—77.
(368) Ledebour Altai R. T. I, p. 179.

образія природы, и очень полезно было бы, еслибъ какой нибудь естествоиспытатель, послѣдовавъ совѣту Патрена ([369]), избралъ это мѣсто для продолжительнаго пребыванія. Наблюдая въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ этотъ высокій Алтай, антиподъ Огненной земли, онъ могъ бы обогатить естественную исторію и географію самыми разнообразными свѣдѣніями. Охота въ окрестныхъ горахъ послужила бы къ точнѣйшимъ изслѣдованіямъ ихъ замѣчательной, особенной фауны. Къ этой фаунѣ Палласъ относитъ альпійскаго или каменнаго зайца (Lepus alpinus) ([370]), котораго мѣстные жители, за пронзительный свистъ, называтъ пищухой; онъ водится преимущественно на высокихъ скалистыхъ горахъ; громкій свистъ его слышенъ изо всѣхъ ущелій, потому что, начиная отъ скалъ Колыванскаго озера и Синей Сопки, на востокъ, по всему Алтаю, онъ встрѣчается очень часто. Въ большомъ количествѣ водятся здѣсь также медвѣди и можно часто видѣть, какъ они валяются на снѣжныхъ полянахъ или лакомятся малиною и другими ягодами. На человѣка они не нападаютъ. Здѣсь также много лосей, очень большихъ оленей (маралей), козулей; въ особенности же россомахъ и бѣлокъ. Близь водъ: бобры, выдры, куницы, соболи (маленькіе, съ короткимъ, но чрезвычайно пушистымъ, красивымъ чернымъ мѣхомъ), колонки (Mustela Sibirica); на самыхъ же неприступныхъ высокихъ скалахъ, вдали отъ населенныхъ мѣстъ, каменные бараны. Присутствіе здѣсь каменныхъ козловъ довольно сомнительно.

Изъ Тигерецка Шангинъ отправился ([371]) вверхъ по теченію Ини къ Ю.-В., до впаденія въ нее съ правой стороны рѣчки Юныша, текущей къ С.-В. (верстахъ въ 12-ти). Вверхъ по этой рѣчкѣ чрезъ густые лѣса лиственницы, пихты и сибирскаго кедра, на высотѣ Плѣшивой Сопки, онъ достигъ источни-

---

(369) Patrin l. c. T. IV p. 190.
(370) Pallas R. R. T. II, p. 569, 618. Georgi Sibir. Reise Th. I, p. 160.
(371) Шангинъ. l. c. IV p. 34—40. Pallas R. R. T. II p. 572.

ковъ рѣки Туляты, протекающей въ 15 вер. ниже черезъ Тулятинскій форпостъ (1625 ф. н. у. м. по измѣренію Бунге) и оттуда опять возвратился къ рѣкѣ Чарышу. Страна эта была снята, уже въ 1785 году, Бугрищевымъ. При впаденіи Туляты въ Чарышъ находится, въ настоящее время, деревня Усть-Тулятинская ([372]), посѣщенная Бунге (1826). Начиная отсюда, говоритъ онъ, крестьяне зажиточны и гостепріимны. Крестьянинъ, у котораго Бунге останавливался, владѣлъ 15 лошадьми, 15 коровами, большимъ стадомъ овецъ и имѣлъ 35 ульевъ. Деревня лежитъ на высотѣ 1242 ф. н. у. м.

Отъ устья Туляты до лежащаго недалеко отъ нея Чарышскаго форпоста, чрезъ который проходитъ новая Кузнецкая линія, по направленію къ С.-В., тянется богатая лугами долина; въ горахъ, по обѣимъ сторонамъ, дѣлали поиски на мѣдь, но, кажется, безуспѣшно ([373]), потому что руды лежали здѣсь гнѣздами; добываніе ея, вѣроятно, совершенно оставлено въ настоящее время.

5. Среднее теченіе Чарыша, отъ новой линіи вверхъ до южной поперечной долины Сентелека и Коргона; Коргонское плоскогоріе; порфировыя и яшмовыя ломки; геогностическое обозрѣніе.

Путь отъ Чарышскаго форпоста непосредственно по берегу рѣки, вверхъ ея теченія, долженъ быть не совершенно удобенъ и нужно дѣлать объѣздъ по южной ея сторонѣ черезъ Тулятинскъ. А потому дорога проложена черезъ горный проходъ въ 3891 ф. надъ у. м., по свидѣтельству Бунге, къ рѣчкѣ Теплой (источники которой никогда не замерзаютъ); она возвращается назадъ къ Чарышскому берегу при впаденіи шумнаго Сентелека, текущаго съ юга изъ Коргона. Этимъ путемъ по крайней

---

(372) Бунге, l. c. II, p. 15.
(373) Шангинъ, l. c. VI, p. 40.

мѣрѣ слѣдовали Спасскій (1816) и Бунге (1826) ([374]). По описанію Шангина, Чарышъ течетъ здѣсь между высокими сланцевами и мергелевыми утесами, по каменистому дну, усѣянному подводными камнями, хотя безъ водопадовъ, и такъ мелокъ, что можно было бы перейти его въ бродъ, если бы онъ не былъ быстръ. Всѣ окружающія его горы покрыты плодоносною землею и зеленью травъ или лѣсовъ, кое-гдѣ виднѣются одинокіе горы, утесы и только вдалекѣ видны полуоткрытыя Коргонскія вершины, представляющія, при захожденіи солнца, неподражаемый видъ своимъ ослѣпительнымъ мерцаніемъ и яркостію красокъ.

Дорога къ устью Сентелека была первоначально проложена охотниками. Первою съемкою этого притока и путешествіемъ до его источниковъ обязаны мы Шангину (въ 1786 году) ([375]). Бунге, во время своего здѣсь путешествія въ 1826 г., нашелъ уже вновь выстроенную деревню Сентелекъ, расположенную на живописнѣйшемъ мѣстѣ долины, выше соединенія рѣкъ Чарыша съ Сентелекомъ, въ двухъ верстахъ отъ праваго берега послѣдняго; по Ледебуру въ 2777 ф. н. у. м. Она окружена со всѣхъ сторонъ горами. Крестьяне здѣсь богаты и, подобно обитателямъ Шамуни, считаются лучшими проводниками въ этой странѣ. Ниже деревни Сентелека, Чарышъ течетъ между отвѣсными стѣнами скалъ, по тѣсному ущелью, поросшему лѣсомъ. Страна эта обилуетъ тѣми же породами дичи, какія водятся вокругъ Тигерецкаго форпоста, рѣка богата рыбой: прекраснѣйшими лососями, форелями различныхъ родовъ (ускучь и таймень) и пр. Лѣса, какъ почти вездѣ на Алтаѣ, бѣдны пѣвчими и другими птицами; Шангинъ видѣлъ здѣсь только нырковъ въ водѣ, дроздовъ, кукушекъ и иволгъ въ горахъ.

---

(374) Спасскаго, Поѣздка и. и. у Ольдекопа. l. c. T. XIV, p. 304. Бунге, l. c. Ч. II, p. 16.

(375) Шангинъ, l. c. VI, p. 42—48. Бунге, l. c. II, 17. Ledebour Altai R. T. I, p. 252.

По долинѣ Сентелека, вверхъ до соединенія обоихъ его источниковъ, не болѣе 20 верстъ; каменистые броды, во время прибыли воды отъ таянія снѣговъ опасны; путь пролегаетъ по ровной долинѣ, между высокими сланцеватыми горами и далѣе между пластами известняка и мергеля. Между ними попадаются, сначала желваками и жилами, наконецъ цѣлыми горами, тѣ замѣчательныя брекчіи, яшмы, порфиры, которыя придаютъ всѣмъ Коргонскимъ долинамъ, или, лучше сказать, ихъ ущельямъ и трещинамъ, идущимъ отсюда на сѣверъ къ Чарышу, особенный, въ высшей степени замѣчательный, геогностическій и пластическій характеръ. За одной изъ этихъ горъ, долина дѣлаетъ расширеніе въ ¼ часа пути ширины и 2 часа длины и усѣяна небольшими отлогими известковыми холмами, на которыхъ повсюду видно множество древнихъ Чудскихъ могилъ, съ вертикально поставленными на нихъ камнями и обложенныхъ кругомъ яшмовыми, порфировыми и мраморными массами. Древность ихъ, судя по этимъ сильно вывѣтрившимся камнямъ, по мнѣнію Шангина, несомнѣнна. Здѣсь въ сторонѣ возвышается красивый лиственничный лѣсъ; въ долинѣ множество волковъ и медвѣдей; количество же рыбы, съ возрастающею быстротою горной рѣки, постепенно уменьшается. Отъ соединенія обѣихъ первоначальныхъ рѣчекъ, долина главной рѣки до того съуживается, что нужно по крайней мѣрѣ употребить день, чтобы извилистымъ и труднымъ путемъ дойти до самаго источника Сентелека. Источникъ этотъ беретъ начало на безлѣсной высотѣ между снѣжными горами, на едва растаявшей (27 мая) подошвѣ которыхъ, сквозь тончайшую кору снѣга, пробивалась уже прекраснѣйшая горная растительность. Вблизи же источника видны были только кустарники и одинокіе, изломанные бурею кедры. На третій день (28 мая) поднялся буранъ и занесъ едва пробудившуюся растительностъ новымъ слоемъ снѣга, что заставило Шангина поторопиться обратнымъ путемъ къ устью этой рѣки. Спасскій ([376]), почевав-

(376) Spassky l. c. T. XIV, p. 305.

шій здѣсь близь устья Чарыша въ началѣ сентября (1816) подъ открытымъ небомъ, увѣряетъ, что люди его, должны были изъ предосторожности противъ медвѣдей, разводить огни, а для предохраненія себя отъ множества змѣй, которыя тогда еще не попрятались въ свои зимнія норы, класть по землѣ вокругъ себя волосяныя веревки; раннимъ утромъ разбудилъ его крикъ оленей. Недалеко отсюда встрѣтилъ онъ, черезъ день послѣ того, ландшафтнаго живописца В. П. Петрова, исходившаго весь Алтай до Телецкаго озера и возвращавшагося съ портфелемъ, наполненнымъ замѣчательнѣйшими видами, ни чѣмъ не уступающими швейцарскимъ. Тутъ были и дымящіяся горы близь Телецкаго озера (?), высоко подымающіяся въ облака, и Калмыцкій чертовъ мостъ, и т. д. Ледебуръ (377), имѣвшій намѣреніе слѣдовать вверхъ по болѣе восточной рѣкѣ Коргону, былъ принужденъ, по недостатку хорошихъ проводниковъ, а можетъ быть и силою обстоятельствъ, при тамошнемъ возстаніи поселенцевъ, перейти Коргонскія горы на В. у Сентелека, а именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ смѣлый Шангинъ, застигнутый бураномъ, остановился и прервалъ свои дальнѣйшія изслѣдованія.

По Сентелеку, выше деревни, съ первыхъ высотъ, по направленію къ С.-С.-В., видны уже такъ называемыя Башалыцкіе бѣлки, окаймляющіе съ сѣверной стороны Чарышскую долину. На одной изъ вершинъ ихъ, самой высокой изъ видимыхъ оттуда, 25 іюля еще лежалъ снѣгъ. На южной сторонѣ долины, гораздо выше, возвышаются дикія снѣжныя горы Коргонскія, на которыя готовился подняться караванъ Ледебура 25 іюля 1826. Въ эту ночь, вой волковъ постоянно пугалъ подъемныхъ лошадей ихъ, а одной кобылицѣ едва удалось защитить своего жеребенка отъ нападенія голоднаго звѣря; на другой день поднялась сильная гроза и всѣ горы задернулись туманомъ. При такой погодѣ неблагоразумно было

(377) Ledebour Altai R. T. I, p. 241, 252—266.

бы пускаться въ эти горы, которыя, правда, возвышались не болѣе какъ на 6 или 7000 ф. отъ подошвы своей. Но по нимъ не было проложено никакихъ дорогъ, путешественники не имѣли ни хорошей горной карты (къ несчастію, та карта, о которой упоминаетъ Шангинъ въ N. N. Beitr. T VI p. 115 и которую Палласъ хотѣлъ издать, осталась неизвѣстною для насъ), ни хорошихъ проводниковъ, потому что здѣшніе крестьяне знали только тѣ мѣста́, гдѣ жили и охотились. Они не имѣли никакого сообщенія съ противоположными склонами горъ и долинами по ту сторону хребта, какъ это мы видимъ повсюду въ Швейцаріи и Савойѣ. Около Коргона нельзя встрѣтить горныхъ Калмыковъ, которые вообще имѣютъ свои стойбища только на опредѣленныхъ мѣстахъ и кочуютъ исключительно въ извѣстной области, о чемъ мы будемъ говорить ниже. 27-го іюля Ледебуръ приступилъ къ подъему ([378]). Первыя двѣ версты къ югу, по правому (восточному) берегу Сентелека, нужно было пробираться чрезъ густой лѣсъ пихтовыхъ деревьевъ: лиственницы, одинокихъ елей и рябины; выше начали преобладать лиственница и сибирскій кедръ (Pinus cembra), между которыми только изрѣдка появлялись одинокія березы. Очень дурная тропинка вела по сланцевымъ слоямъ, поднимаясь ступенями по скаламъ и гладкимъ крутымъ скатамъ и переходя чрезъ болота, наполненныя глинистымъ иломъ, образовавшимся здѣсь отъ вывѣтрившихся камней и стоячихъ водъ, путь по ней затруднялся множествомъ наваленныхъ деревьевъ, съ перепутавшимися сучковатыми корнями кустарниковъ и т. п. Послѣ двухъ-часоваго подъема, Ледебуръ взобрался на высоту 5254 ф. н. у. м., гдѣ видны послѣдніе здоровые и прямые кедры; выше они ростутъ уже по одиночкѣ и всѣ искривлены. На мѣстахъ, не поросшихъ деревьями, еще въ предѣлахъ лѣсной полосы, встрѣчались уже обширныя снѣжныя равнины. Поднимаясь еще съ четверть часа

---

(378) v. Ledebour Altai R. I p. 256.

по крутой снѣжной горѣ, Ледебуръ достигъ наконецъ ея сѣвернаго края, на высотѣ 6069 ф. н. у. м., предполагая, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ это было при переходѣ чрезъ другія снѣжныя горы, начнется спускъ по противоположному скату. Каково же было удивленіе путешественниковъ при видѣ обширныхъ снѣжныхъ равнинъ, еще нѣсколько поднимавшихся, но казавшихся безпредѣльными даже въ зрительную трубу! По этой-то равнинѣ, справедливо придающей горному хребту названіе Коргонскаго плоскогорія, должны были слѣдовать путешественники. Они шли между снѣжными полянами, держась южной стороны ихъ и стараясь, по возможности, пользоваться мѣстами не покрытыми снѣгомъ. На сѣверѣ возвышались еще двѣ обнаженныя вершины, отдѣленныя одна отъ другой оврагомъ; влѣво (на В.) отъ нихъ лежали снѣжныя горы, окружающія источники Сентелека; за ними, нѣсколько выше, подымались еще болѣе высокія вершины, изъ которыхъ течетъ рѣка Коргонъ въ направленіи къ сѣверу; какъ тѣ, такъ и другія были незначительно выше самаго плоскогорія. Вправо (на западъ) лежали Тигерецкіе бѣлки. Проѣхавъ 11 верстъ, путешественники достигли высоты, на которой беретъ начало рѣка Иня. Множество потоковъ, струившихся изъ большихъ ледяныхъ глыбъ и снѣжныхъ равнинъ, соединяются въ два ручья, изъ которыхъ одинъ устремляется съ Ю. на С., а другой съ Ю.-В. на С.-З. При соединеніи своемъ они принимаютъ названіе Ини и сохраняютъ его до Тигерека и Чарыша. Отъ Ини, до южнаго края Коргонскаго плоскогорія, возвышающагося на 6710 ф. н. у. м., оставалось 12 верстъ; предстоялъ еще переходъ черезъ одну большую равнину, необозримую съ В. на З., но шириною не превосходящую 600 футовъ. Здѣсь постоянно господствуетъ невыносимая стужа. На нѣкоторыхъ изъ этихъ равнинъ лежалъ еще прошлогодній снѣгъ и можно было съ перваго взгляда отличать слои этой снѣжной коры; старый снѣгъ былъ не такъ бѣлъ, скорѣе синеватъ, болѣе блестящъ и нѣсколько походилъ на ледъ въ изломѣ; въ

трещинахъ слои его имѣли футовъ пять толщиною. Для образованія ледниковъ здѣсь однако же не достаетъ еще многихъ условій. На возвышенныхъ мѣстахъ, не покрытыхъ снѣгомъ, преимущественно по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З., Ледебуръ нашелъ, кромѣ травъ и низкорослыхъ ивъ, еще слѣдующія горныя растенія, принадлежащія отчасти и европейской альпійской флорѣ, самой холодной зоны: Gentiana algida, Dryas octopetala, Potentilla grandiflora, Oxytropis sulphurea, Althamanta crinita, Gymandra bicolor, Erigeron alpinum, Androsace villosa, Valeriana alpestris, Luzula spicata.

Въ безснѣжныхъ низменностяхъ, небольшіе ручьи текли въ пологихъ долинахъ; начало ихъ должно искать или въ озерахъ, служащихъ водоемами снѣжныхъ водъ или въ болотахъ; около нихъ повсюду росли Caltha palustris и Trollius asiaticus, встрѣчаемыя на самыхъ высокихъ мѣстахъ, гдѣ только есть ручьи или озера. Мѣстами поднимались совершенно голые гранитные утесы, футовъ на сто въ вышину, а по южному краю плоскогорія выдавались кое-гдѣ скалы, похожія съ виду на острые зубцы. Къ сожалѣнію, густой туманъ не только помѣшалъ Ледебуру взобраться на нихъ, но заставилъ его сбиться съ дороги и подвергнуться здѣсь опасности заблудиться. Ширина этой возвышенной равнины, или Коргонскаго плоскогорія съ С. на Ю., простиралась на 24 версты; температура (на верху, въ концѣ іюля) была менѣе + 6°. Опасеніе заблудиться и конечно мысль о неизбѣжной въ такомъ случаѣ гибели, угрожавшей каравану во время прохожденія по этимъ снѣжнымъ высотамъ, при незнаніи дорогъ, превратили всеобщую веселость въ молчаливую задумчивость. Разгульныя русскія и калмыцкія пѣсни, сокращавшія прежде путь, теперь смолкли, и только достигнувъ южнаго края плоскогорія, смѣлые путешественники вздохнули свободнѣе. Отсюда начали они спускаться по притокамъ рѣки Убы, проѣхавъ двѣ версты достигли деревни Коровихи и черезъ двѣ версты далѣе остановились на ночлегѣ, на берегу рѣки Благодарной (чрезвычайно обильной рыбою). Измученныя лошади ихъ были

пущены на хорошій кормъ, костеръ изъ кедровыхъ сучьевъ запылалъ свѣтлымъ, отрадно согрѣвающимъ пламенемъ; а между тѣмъ, южный край плоскогорія все болѣе и болѣе застилался темными облаками. Мѣстность эта возвышается надъ у. м. на 1953 ф. Кругомъ, со всѣхъ сторонъ, подымаются довольно высокія снѣжныя горы. На слѣдующее утро, Ледебуръ началъ спускаться сначала по теченію р.р. Коровихи и Благодарной, но долины, по которымъ текутъ эти рѣки, вскорѣ до того съузились и сдѣлались неприступными, что невозможно было продолжать по нимъ дальнѣйшаго пути. Пришлось перейдти еще чрезъ одну снѣжную гору, простирающуюся съ В. на З., чтобы достигнуть берега рѣчки Кедровки (впадающей въ Коровиху) и потомъ уже спуститься долиной Малой Убы (Бѣлой), откуда дорога до Большой Убы и отъ Убы до Риддерска разсмотрѣна нами выше (см. выше стр. 110); а потому мы перейдемъ снова на сѣверъ черезъ Коргонское плоскогоріе и возвратимся къ мѣсту впаденія Сентелека въ Чарышъ.

Отъ Сентелека, у южнаго берега Чарыша, до устья рѣки Коргона ([379]), не болѣе 20-ти верстъ. На этомъ пути, не вдалекѣ отъ Чарыша, нельзя избѣжать переправы чрезъ двѣ маленькія рѣчки: Большую и Малую Татарку (сюда приходятъ каждый годъ горные Татары для охоты). Чарышъ течетъ здѣсь по узкой скалистой долинѣ, въ тѣсномъ ущельѣ, но онъ еще такъ мелокъ, что можно переходить его въ бродъ; по сторонамъ его, у самаго берега, проложены тропинки. Извилистый путь часто становится довольно скользкимъ, а тамъ, гдѣ приходится переходить высоты, довольно опаснымъ. Щеки долины состоятъ уже не изъ сланца, а изъ крупно-зернистаго гранита. Низкіе берега и острова рѣки покрыты пихтами (Pinus sibirica) и лиственницами, надъ которыми, по крутымъ боковымъ скатамъ, растутъ кусты крыжовника, а еще выше по

(379) Шангинъ, l. c. T. VI p. 48; Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 18; Спасскій, l. c. T. XIV, p. 306.

горамъ, лѣса лиственницы. Мѣстоположеніе здѣсь дикое и романтическое; съ противоположнаго, сѣвернаго берега впадаетъ другая рѣка, Бѣлая. Переправившись еще черезъ одинъ притокъ Чарыша, рѣчку Воровскую, и продолжая путь вдоль рѣки съ островами, поросшими лѣсомъ, вскорѣ достигаешь устья большой рѣки Коргона, текущей здѣсь по широкой равнинѣ съ юга.

Рѣка Коргонъ, ([380]) была если не открыта, то по крайней мѣрѣ впервые изслѣдована и по съемкѣ нанесена на наши карты Шангинымъ. Тогда не было еще поселеній въ этой Алтайской пустынѣ; по ней бродили только медвѣди, да несчастные бѣглые съ заводовъ, промышлявшіе охотою и грабежемъ. Эти-то бѣглецы, а также горные работники, рудокопы и землемѣры, первые проложили поселенцамъ дорогу отсюда, далѣе въ глубину горъ. Нынѣ, въ 6-ти верстахъ отъ устья Коргона, вверхъ по его долинѣ, на мѣстѣ названномъ Калмыцкимъ полемъ (потому что на немъ Калмыки занимались земледѣліемъ) лежитъ деревня Коргонъ; она находится въ 30-ти верстахъ отъ деревни Сентелекъ на высотѣ 2,245 ф. н. у. м. по барометрическимъ измѣреніямъ Бунге. Утромъ 24-го іюля (1826), слѣдовательно въ половинѣ лѣта, термометръ стоялъ здѣсь только на 0,5° Реом. Трава была покрыта инеемъ, окрестныя же горныя вершины снѣгомъ.—На этомъ Калмыцкомъ полѣ Ледебуръ нашелъ одно замѣчательное растеніе, которое вѣроятно еще недавно принялось здѣсь, а именно: Plumbago microntha; оно росло только на узкой полосѣ земли отъ 15 до 20 кв. саж. и какъ и всѣ общественныя растенія, вытѣснило на этомъ пространствѣ всѣ прочія. Очень вѣроятно, какъ не безъ основанія думаетъ ботаникъ, что это китайское растеніе занесено сюда, при воздѣлываніи Калмыками ячменя, вмѣстѣ съ сѣменами его, по всей вѣроятности полученными отъ Китайцевъ.—Въ этой деревнѣ, въ то время когда Спасскій посѣщалъ ее (1816),

(380) Шангинъ, l. c. p. 50—55. Bunge, въ Ledebour, l. c. T. II p. 19; Ledebour l. c. T. I, 241—252. Спасскій, l. c. T. XIV, p. 308—311.

было только четыре дома, гдѣ жили каменьщики, пришедшіе сюда для добыванія порфира, яшмы и другихъ цѣнныхъ каменьевъ, изъ которыхъ въ другихъ мѣстахъ, а именно въ Колыванской гранильной фабрикѣ, уже выдѣлывали чаши, вазы, колонны, пьедесталы для канделябровъ, плиты и т. п., о чемъ мы упоминали выше (см. выше стр. 233). Числа домовъ въ деревнѣ, Ледебуръ не опредѣляетъ въ точности; 24-го іюля онъ нашелъ ее почти совершенно пустою, вслѣдствіе возмущенія, господствовавшаго между жителями долины, и начавшагося еще во время пребыванія здѣсь Бунге (въ началѣ Апрѣля). Бунге полагалъ, что новому поселенію угрожаетъ окончательное уничтоженіе, потому что всѣ крестьяне, работавшіе въ ближайшей каменоломнѣ, недовольные требуемыми отъ нихъ уроками, превышавшими ихъ силы, ушли въ сосѣднія горы и составили тамъ разбойничью шайку. Въ деревнѣ остались только женщины, дѣти и старики. За день до его прибытія, бѣглецы разграбили мѣстный казенный магазинъ, связали и избили двухъ часовыхъ. Избѣгая явной опасности, ботаникъ поспѣшилъ уѣхать изъ этого мѣста и переправился на лодкѣ къ сѣверному берегу Чарыша въ Чечулиху, но и здѣсь шайка преслѣдовала его. Ледебуръ, находившійся въ подобныхъ же обстоятельствахъ, не могъ употребить всего своего свободнаго времени по собственному желанію. Изъ экспедиціи въ Коргонское ущелье, онъ долженъ былъ возвратиться ранѣе, нежели предполагалъ, уступая ропоту своихъ спутниковъ. Тѣмъ поучительнѣе для познанія этихъ горъ изслѣдованія Оберъ-Гиттенфервальтера Шангина, который провелъ семь дней на этой рѣкѣ и слѣдовалъ по всему теченію ея, на протяженіи 50-ти верстъ, отъ устья до источниковъ на высотахъ Алтая, недалеко отъ истока Сентелека. Почему Ледебуръ сомнѣвается въ томъ, что Шангинъ достигалъ до источника Коргона, для насъ не совсѣмъ ясно ([381]). Единственная неопредѣленность въ переводѣ Палласа состоитъ.

(381) Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II, p. 26.

кажется, въ выраженіи Aussprung (на 50 стр.); но судя по изслѣдованіямъ прекрасныхъ кремнистыхъ брекчій, можно смѣло предполагать, что онъ дошелъ почти до самаго начала этой рѣки. У деревни Коргона, долина расширяется на версту; въ двухъ верстахъ выше деревни находится казенный провіантскій магазинъ для работниковъ на здѣшнихъ порфировыхъ и яшмовыхъ ломкахъ; тутъ же выстроена и караульня. Недалеко, въ полуверстѣ отсюда, впадаетъ въ Коргонъ маленькая рѣчка Хасиниха, текущая съ Хасинской вершины, лежащей на Ю.-В.; съ другой же стороны впадаетъ въ нее маленькій ручей, съ шумомъ стремящійся внизъ съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Тотчасъ за этою рѣкою, въ 5-ти верстахъ отъ деревни, ровная прекрасная долина эта съуживается до того, что ширина ея едва равняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 100 саженямъ. Въ 7-ми верстахъ отъ деревни впадаетъ въ Большой Коргонъ рѣчка Коргонка, текущая съ Ю.-Ю.-В. между отвѣсными скалами. Какъ Коргонъ, такъ и Коргонка, въ теченіи своемъ образуютъ множество небольшихъ, пѣнящихся водопадовъ; при сліяніи ихъ долина внезапно съуживается и составляетъ почти ущелье (шириною не болѣе 20 саж.) съ высокими стѣнами совершенно отвѣсныхъ скалъ, подымающихся отъ 1600 — 2000 ф. надъ пѣнящимися водами; видъ дико-романтическій, прекрасный въ своемъ грозномъ поэтическомъ величіи. Шангинъ полагаетъ, что ширина этой долины не превосходитъ 30-ти саж., и почитаетъ Коргонъ самою быстрою изъ всѣхъ алтайскихъ рѣкъ; хотя черезъ него можно переправляться въ каменистыхъ, мелкихъ мѣстахъ, но однакоже не безъ опасности. Одного изъ спутниковъ Шангина, горнорабочаго Киселева, пустившагося въ бродъ, снесло на 100 саженъ и онъ при этомъ едва не погибъ.

Здѣсь же, немного выше впаденія Малаго Коргона въ Большой, находится каменоломня для добыванія краснаго и сѣраго порфира и яшмы; въ то время работа на ней не производилась; огромные, выломанные куски скалъ лежали кругомъ. По

всему руслу возвышаются порфировыя скалы, часто оканчивающіяся яшмовыми зубцами. Въ разсѣлинахъ этихъ твердыхъ скалъ очень мало деревьевъ, даже травы растутъ скудно. Ледебуръ восходилъ на одну изъ вершинъ, лежащихъ на западномъ берегу рѣки, на 1623 ф. надъ уровнемъ ея и 4280 ф. н. у. м. Спасскій и Ледебуръ подробно описали дикую природу этого ущелья; послѣдній считаетъ совершенно невозможнымъ достигнуть источника Коргона по самой долинѣ, и потому, вѣроятно, Шангинъ добрался туда окольными путями. Показанія Шангина во всемъ согласуются съ предыдущими: онъ говоритъ, что отъ устья Коргона къ его верховьямъ перевозка тяжестей на колесахъ возможна только на протяженіи 12-ти верстъ, далѣе, отъ каменоломни, прекращается всякій проѣздъ, потому что съ 10-й версты начинаются гранитныя горы. За ними попеременно слѣдуютъ породы сланцевыя, яшмы различныхъ цвѣтовъ, порфиры, брекчіи (кремнистая, кварцовая, яшмовая, мраморная), наконецъ мраморъ съ голубыми полосами и окаменѣлыми кораллами разныхъ цвѣтовъ. Далѣе возвышаются стѣны, нагроможденныя изъ огромныхъ валуновъ, очень твердаго голубовато-зеленаго порфира (весьма красиваго и удобнаго для выдѣлки вазъ и пр.) съ красновато-коричневою яшмовою оконечностью; все это встрѣчается на протяженіи 107 верстъ. Далѣе попадаются еще болѣе красивыя, пестрыя яшмы, порфиры и брекчіи, годныя для самыхъ дорогихъ вещей, и наконецъ отличный зеленый порфиръ (№ 16). Отсюда уже поднимается дикая тропинка [382] по склону высокаго хребта, покрытаго каменными осыпями и поросшаго лѣсомъ. На половинѣ этого склона находится уступъ; надъ нимъ высится страшная стѣна скалъ, достигающая до самыхъ высокихъ вершинъ и до половины заваленная огромными, осыпавшимися порфировыми и яшмовыми глыбами. Подъ этимъ уступомъ гора образуетъ такую же стѣну, о которую рѣка разбивается съ величайшею силою и шу-

(382) Schangin, l. c. T. VI, p. 52.

момъ. Не здѣсь ли тотъ Коргонскій водопадъ, о которомъ говоритъ Спасскій? По этой ли непробитой дорогѣ подымался Шангинъ? Во всякомъ случаѣ именно здѣсь онъ собралъ коллекцію лучшихъ порфировъ, яшмъ и пр.; двумя верстами выше на рѣкѣ Коргонѣ, по словамъ Шангина, лежитъ пестрая мраморная брекчія и далѣе слѣдуетъ горный кряжъ, состоящій изъ сѣраго кораллового мрамора (№ 18). Неподалеку отъ источника Коргона находится прекрасный мраморъ (№ 19 и 20). Наконецъ на самой вершинѣ снѣжныхъ горъ, между истоками рѣкъ Сентелека и Коргона, встрѣчается очень красивая яшма, частью желтая съ черными и красными полосами, частью голубоватая или зеленая съ чернымъ отливомъ; изъ этой яшмы состоитъ преимущественно и остальная часть горы.

Лѣса тянутся по всей Коргонской долинѣ, начиная отъ устья до верховьевъ, и состоятъ изъ сосенъ, высокихъ лиственницъ, Сибирскихъ кедровъ, пихтъ и березъ. Снѣжныя вершины безлѣсны и у подошвы ихъ видно много сломанныхъ кедровъ, свидѣтельствующихъ о частыхъ и опустошительныхъ буряхъ. Изъ кустарниковъ встрѣчаются здѣсь Ononis, шиповникъ, жимолость (Lonicera tatarica), два рода таволгъ (Spiraea), краснаго крыжовника, Сибирскаго барбариса, и на болѣе высокихъ мѣстахъ черная и красная смородина, но очень кислая и негодная къ употребленію. Истоки Коргона и Сентелека, у снѣжныхъ вершинъ, поражаютъ самою красивою и разнообразною альпійскою флорою, но вообще преобладаютъ здѣсь: Potentilla nivalis и farinosa, Anemone narcissiflora, Saxifragae, Aquilegia и проч. Медвѣди, маралы и лоси во множествѣ встрѣчаются до самыхъ снѣжныхъ горъ; на берегахъ же Коргона много выдръ, куницъ и соболей. Изъ птицъ, по снѣжнымъ горамъ много кедровокъ и подорожниковъ; къ устьямъ же Коргона залетаютъ даже цапли и журавли.

Приведенныя нами замѣчанія о послѣдовательности этихъ достопримѣчательныхъ группъ прекрасныхъ порфировыхъ по-

родъ, выходящихъ на поверхность въ Коргонскомъ ущельѣ, въ срединѣ горной системы, изъ глубокой и узкой трещины земной коры, и слѣдующія данныя, которыя могутъ считаться прямымъ результатомъ наблюденій Шангина, очевидно подтверждаютъ справедливость теоріи Леопольда ф. Буха о поднятіи порфировыхъ группъ. Подобно тому какъ въ поднятіи Тирольскаго доломита, должно искать ключъ къ объясненію поднятія Нѣмецкихъ Альповъ ([383]), порфировая яшма, съ ея различными оттѣнками, переходами, изломами, агрегатами брекчій и приподнятыми мраморами, съ ископаемыми кораллами, могутъ дать намъ ключъ къ объясненію поднятія Сибирскаго Алтая и подтвержденію вышеприведеннаго мнѣнія о распространеніи изверженныхъ (еруптивныхъ) формацій (см. выше, стр. 38) черезъ обширное, неизмѣримое пространство до самаго Тарбагатая (см. выше, стр. 164). Подобно тому, какъ у Коргона, мы находимъ порфировыя и яшмовыя массы по всей цѣпи снѣжныхъ горъ, на В. до Малаго Хаиръ-Кумына (лѣваго притока Коксуна), гдѣ также изслѣдовалъ ихъ Шангинъ ([384]), онѣ поднимаются изъ глубокихъ разсѣлинъ, въ узкихъ горныхъ ущельяхъ, и восходятъ до источниковъ рѣкъ на плоскогоріе. Должно замѣтить однако же, что яшма никогда не залегаетъ ни очень глубоко, ни очень высоко. Порфиры лежатъ нѣсколько ниже, бываютъ всегда выдвинуты изъ глубины и покрыты яшмой, очень истрескавшейся на поверхности. На вершинахъ снѣжныхъ горъ рѣдко можно встрѣтить яшму, но тамъ попадаются яшмовыя брекчіи, халцедоны, сердолики, куски аквамарина и т. п., которые подымаются почти вездѣ до самыхъ большихъ высотъ и покрываютъ яшму, что̀ мы и видимъ во многихъ мѣстахъ у источниковъ Хаиръ-Кумына и Чарыша. Близь истока Чарыша, Шангинъ приказалъ выломать прекраснѣйшую фіоле-

---

(383) Lettre à A. de Humboldt въ Annales de Chimie et de Physique Nov 1822 г. Т. XXIII, p. 276.—въ Leonh. Zeitshrift 1824 г. p. 288—331

(384) Шангинъ, l. c. T. VI, p. 102 и 113—116.

товую брекчію и добрался такимъ образомъ до твердой горной породы высшаго гребня тамошнихъ снѣжныхъ горъ. Здѣсь нашелъ онъ темный мергелевидный сланецъ, съ кусками очень красивой красной и краснобурой яшмы. Когда пробили шурфъ на глубину одного аршина, то попали на красную яшмовую брекчію, заключавшую такіе же куски яшмы, но цвѣта нѣсколько болѣе темнаго. Двадцать саженъ ниже по отвѣсной скалѣ, Шангинъ нашелъ уже чистѣйшую яшму краснаго цвѣта. Здѣсь произошло, слѣдовательно, при поднятіи массы, чистое сплавленіе яшмы; на поверхности ея еще находился сланецъ съ яшмовыми обломками.

Подъ этой чистой красной яшмой Шангинъ замѣтилъ, но только въ нѣкоторыхъ пластахъ, чрезвычайно мелкіе кристаллы полеваго шпата, разсѣянные однако же очень скудно, такъ что на квадратномъ аршинѣ нельзя было найти болѣе 2-хъ или 3-хъ такихъ кристалловъ. Но чѣмъ ниже спускались, тѣмъ замѣтнѣе становились эти зерна полеваго шпата, слѣдовательно оказывался полный переходъ къ образованію порфира. Далѣе преобразованіе порфира въ яшму было еще совершеннѣе, потому что пятьдесятъ саженъ ниже, лежалъ еще совершеннѣйшій красный порфиръ, съ точно такими же бѣлыми и желтоватыми зернами полеваго шпата, какія встрѣчаются въ различныхъ породахъ алтайскаго змѣевика. Каменныя осыпи воспрепятствовали дальнѣйшему изслѣдованію въ глубину.

И такъ, у Чарыша порфиръ переходитъ сверху въ яшму, точно также, какъ (по наблюденіямъ Ледебура) порфировая гора у Коргона оканчивается яшмовыми зубцами. Иногда впрочемъ порядокъ этотъ измѣняется и Шангинъ находилъ брекчіи, лежавшія ниже яшмы, также какъ яшму между порфирами и порфиръ между яшмами; но эти неправильности, по его же словамъ, встрѣчаются только далѣе внизу и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ снѣжныхъ горъ. Все это показываетъ, что поднятіе большихъ массъ, спокойное по срединѣ, было нарушено по сторонамъ главныхъ хребтовъ и плоскогорій. Такимъ образомъ

разрѣшается самъ собою вопросъ, почему порфиры постоянно лежатъ нѣсколько ниже и почти всегда бываютъ покрыты яшмой. Гранита же, говоритъ Шангинъ, никогда нельзя встрѣтить здѣсь надъ порфиромъ, мраморомъ и сланцевыми породами; на высочайшихъ горахъ также не находили мрамора и только у Коргона, недалеко отъ снѣжныхъ горъ, возвышается большая гора изъ кораллового мрамора (о которой упомянуто выше), составляющаго также высокую гору у праваго берега Катуни, при впаденіи въ нее Аргута. Какъ могли бы однако же кораллы достигнуть такихъ высотъ, если бы они не были подняты? И такъ, Шангинъ никогда не находилъ гранита вверху, но всегда только внизу. Изъ этого должно заключить, что его тяжелая, не легко воздымаемая масса вырвалась, въ видѣ изверженной формаціи (см. выше стр. 38), только по сторонамъ огромныхъ плоскогорій, поднявшись изъ болѣе глубокихъ разсѣлинъ южныхъ и западныхъ склоновъ (см. выше стр. 36). Она могла покрыть ближайшіе, болѣе низкіе, еще неприподнятые сланцы, тѣми почти горизонтальными гранитными пластами (см. выше стр. 56), которые большею частію наклонены нѣсколько къ западу, между тѣмъ, какъ лежащіе подъ ними слои сланца подняты въ величайшемъ безпорядкѣ и большею частію вертикально. Шангинъ замѣтилъ, что въ Алтаѣ гранитъ постоянно лежитъ пластами, какъ мы это видѣли уже выше въ Синей сопкѣ и вокругъ Колыванскаго озера (см. выше стр. 231). Пласты эти нигдѣ не расположены вертикально; склонъ ихъ, по его мнѣнію, всегда направленъ къ главнымъ долинамъ; толщина пластовъ гораздо значительнѣе близь снѣжныхъ горъ, нежели вокругъ Колыванскаго озера, слѣдовательно по окружности Алтайской системы. Гранитъ верхняго Алтая имѣетъ гораздо болѣе крупное зерно, а также заключаетъ въ себѣ болѣе крупныя массы полеваго шпата.

---

(385) Энгельгардъ, въ Ledebour Altai R. T, I p. 497. Bunge Ip. T. II, p. 21—41.

*

По коллекціямъ горныхъ породъ, собраннымъ Ледебуромъ на Алтаѣ, Энгельгардтъ вывелъ слѣдующее заключеніе о геогностическомъ характерѣ долины Чарыша и Коксуна. Въ обѣихъ долинахъ преобладаетъ грюнштейнъ; сложеніе его измѣняется и бываетъ, или зернистое, или слоеватое, или порфирообразное. Порфиръ съ лавандово-синимъ или зеленымъ или красно-бурымъ, часто полосатымъ яшмовымъ тѣстомъ, пробиваетъ грюнштейнъ и составляетъ вершины скалъ.

Порфировая формація особенно развита въ долинѣ Коргонской. Съ грюнштейномъ перемежаются глинистые и хлоритовые сланцы, между которыми находится и переходный известнякъ; гдѣ сланцевые слои не изогнуты, тамъ они простираются отъ Ю.-В. къ С.-З. и падаютъ круто къ С.-В. Западный конецъ Коргонскаго плоскогорія (съ котораго течетъ р. Тигерекъ въ Чарышъ), также какъ и западный конецъ Ульбинскихъ горъ, возвышается мысомъ надъ прилежащею къ ней съ З. стороною, которая однакоже съ своими гранитными горами, Синей сопкой и Змѣиной горой и т. д., ниже страны, лежащей вокругъ Риддерска. По ту сторону Колывани исчезаютъ горы и начинается степь. Этимъ геогностическимъ обзоромъ окончимъ мы описаніе долины Коргона и перейдемъ на сѣверную сторону Чарыша къ р. Чечулихѣ.

6. Чарышъ, среднее теченіе, продолженіе отъ Чечулихи къ Талицѣ, Хаиръ-Кумыну и черезъ три котла къ рѣкѣ Канъ. Башалацкіе и Ануйскіе бѣлки.

Противъ Коргона впадаетъ съ правой стороны въ Чарышъ небольшая рѣчка Чечулиха ([386]); она вытекаетъ изъ близь лежащей на С.-З. группы Чечулишинскихъ горъ и замѣчательна только тѣмъ, что на берегу ея заложена была въ 1824 году крестьянами, пришедшими съ Иртыша, деревня Чечулиха.

(386) Ledebour Altai R. T. I. p. 191.

Деревня эта лежитъ на обѣихъ рѣкахъ, въ 40 верстахъ восточнѣе Сентелека, и есть самое крайнее русское поселеніе со стороны кочующихъ Калмыковъ. Бунге и Ледебуръ, познакомившіе насъ съ нею, хвалятъ гостепріимство ея жителей. Бунге прожилъ здѣсь отъ 8 апрѣля до начала мая въ 1826 году, а Ледебуръ одну недѣлю въ іюнѣ того же года. Деревня расположена очень живописно, окружена высокими горами, окрестности ея хорошо воздѣланы и населеніе, въ продолженіи 2 лѣтъ, значительно увеличилось. Шангинъ не посѣщалъ ея. Крестьяне, живущіе на Иртышѣ, испрашиваютъ, отъ времени до времени, разрѣшеніе губернатора строить новыя деревни и избирать себѣ новыя мѣста. Въ продолженіи двухъ лѣтъ они могутъ измѣнить свой выборъ, но это дѣлается не легко. Отмежеванныя подъ поселенія крестьянъ земли окортамливаются. Остальная часть необитаемой и необработанной горной страны предоставлена Калмыкамъ для кочеванія и пастбища ихъ стадамъ; за это они должны однако же платить ясакъ. Подобныя поселенія не совсѣмъ нравятся Калмыкамъ, которые все еще считаютъ себя настоящими владѣтелями этой земли; имъ охотно предоставили бы тѣ же права, если бы можно было сдѣлать ихъ осѣдлыми. Эта пустынная полоса земли, не смотря на свое высокое положеніе, отличается мѣстами превосходною для земледѣлія почвою. Деревня Чечулиха лежитъ, по измѣреніямъ Ледебура, на высотѣ 2300 ф.; по измѣреніямъ же Бунге—2314 ф. н. у. м. Вся эта горная страна, впрочемъ, принадлежитъ еще Горному Округу и составляетъ исключительную собственность Императорскаго Кабинета, а потому земли эти уступаются только на время, но въ полное владѣніе не отдаются.

Чечулихинскіе бѣлки, на С.-З. отъ деревни, поднимаются терассами и почти до самой вершины покрыты густыми лѣсами сибирскаго кедра, въ которыхъ водится множество медвѣдей. Бунге нашелъ здѣсь много новыхъ растеній весною, въ то время когда противолежащіе Коргонскіе бѣлки, гораздо болѣе высокіе, еще были покрыты снѣгомъ. Горы эти состоятъ

изъ сланцевой породы, наслоенной большими плитами. Плиты часто обрушиваются и сильно нагрѣваются солнечными лучами, чѣмъ и можно объяснить раннюю и богатую здѣсь весеннюю флору (см. Бунге, l. c.). Въ половинѣ апрѣля, когда на полуденномъ солнцѣ термометръ возвышается до +28° Реом., утромъ часто бывали еще морозы и вершины горъ покрыты были снѣгомъ, вновь выпадавшимъ въ апрѣлѣ, такъ что различіе между температурами 5 часовъ утра и 2 по полудни, часто превышало 18 градусовъ. При этомъ состояніи атмосферы растительность развивалась медленно.

Подошва лежащей недалеко отсюда Хасинской сопки, которой крутая и утесистая вершина освобождается отъ снѣга толко въ іюнѣ и іюлѣ поросла лиственницей, сибирскимъ кедромъ и сибирской пихтой (Pinus Sibirica). Въ концѣ апрѣля, когда всходилъ на нее Бунге, она еще была покрыта снѣгомъ; на оттаявшихъ же мѣстахъ росли только: Anemone altaica, Viola uniflora и Erythronium dens canis, но такъ густо, что все это пространство было какъ бы покрыто трехъ-цвѣтнымъ ковромъ. Ледебуръ нашелъ въ концѣ іюня, около Чечулихи, самую обильную растительность, травы были необыкновенно густы, цвѣты росли такъ высоко, что ихъ удобно было срывать сидя на лошади; Pedicularis proboscidea часто превосходилъ 4 фут. и половина его пирамиды была уже тогда въ полномъ прекрасномъ цвѣту. Лѣса росли густо, не смотря на то, что были завалены обломками скалъ и поросли кустарниками и мхомъ. Отъ наступавшихъ жаровъ снѣгъ таялъ очень сильно и рѣки часто уносили съ собою растенія и сѣмена высшихъ зонъ въ низшія. Оттого-то на островахъ нѣкоторыхъ рѣкъ часто встрѣчались альпійскія растенія.

Гора Чеча, отъ которой деревня получила свое названіе, лежитъ въ 21 верстѣ вверхъ по теченію рѣки Чарыша; съ южной стороны она неприступна по своей крутизнѣ, съ сѣверной же покрыта густымъ лѣсомъ, и потому очень часто служитъ убѣжищемъ бѣглыхъ. Калмыки разсказываютъ, что во

времена войны ихъ съ Китайцами въ этихъ долинахъ, одинъ изъ ихъ зайсановъ, по имени Чеча, укрывался здѣсь съ своими родственниками, но что Китайцы и здѣсь нашли его; долго и храбро защищался онъ тогда въ своей горной крѣпости, пока непріятель не зажегъ лѣса; тутъ началась страшная рѣзня, и когда не было уже никакой надежды на спасеніе, многіе изъ Калмыковъ съ самимъ зайсаномъ сбросились съ утеса. Имя этого героя заимствовали гора и рѣка.

На С.-В., надъ деревнею Чечулихой, возвышаются на 2000 ф. Талицкіе бѣлки ([387]); Ледебуръ перешелъ ихъ на высотѣ 4252 ф., чтобы достигнуть восточнаго берега Талицы (праваго притока Чарыша), но до этого онъ долго долженъ былъ спускаться внизъ; у самаго берега поднялся онъ снова на высоту 1500 ф. и восхожденіе это было совершено по громаднымъ скаламъ, омываемымъ шумящимъ Чарышемъ. Отсюда онъ могъ уже любоваться прекраснѣйшимъ видомъ на снѣжныя горы, лежащія къ югу, изъ которыхъ течетъ быстрый Хаиръ-Кумынъ (лѣвый притокъ Чарыша.). Онъ нашелъ тутъ также очень богатую растительность, преимущественно изъ родовъ Gypsophila, Silene, Onosma, Sibbaldia, Onobrychis, Astragalus, Scutellaria. Часа черезъ два пути дошелъ онъ снова до знакомаго брода на рѣкѣ Чарышѣ. Бунге ([388]) видѣлъ у горы Чечи нѣсколко калмыцкихъ юртъ; это были первыя съ западной стороны. У рѣки Талицы нашелъ онъ также одинокую юрту; чаще начинаютъ онѣ встрѣчаться только далѣе на востокъ отъ рѣки Кана.

Шангинъ открылъ Талицу ([389]) еще прежде и измѣрилъ ее до самыхъ источниковъ. Онъ слѣдовалъ отъ устья Коргона вверхъ по южному (лѣвому) берегу Чарыша, черезъ рѣчку Куму (съ лѣвой стороны) до впаденія Талицы (праваго притока). Чарышъ усѣянъ здѣсь во многихъ мѣстахъ подводными камнями и значительно съуживается гранитными и сланцевыми

(387) Ledebour Altai R. F. I. p. 197—199.
(388) Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II. стр. 23—30, и 38—98.
(389) Шангинъ, l. c. T. VI. стр. 55—59.

горами. Вертикальные слои послѣднихъ образуютъ самыя странныя фигуры; на правомъ берегу Чарыша противъ Коргона лежитъ высокая яшмовая гора; на лѣвомъ берегу его много мѣстъ, удобныхъ для сѣнокосовъ. Мѣстность эта, если только морозы не чрезмѣрно сильны, могла бы быть (по мнѣнію Шангина) удобною для хлѣбопашества. Правый же берегъ, крутой и гористый, служитъ убѣжищемъ безчисленнаго множества оленей, лосей, козулей, которые находятъ между скалами самый лакомый и питательный кормъ. Въ тамошнихъ утесахъ, состоящихъ, вѣроятно мѣстами, изъ квасцоваго сланца или соляныхъ пластовъ, эти звѣри вылизываютъ углубленія, похожія на небольшія пещеры; они проложили себѣ туда непроходимыя для человѣка тропинки, на которыя невозможно смотрѣть безъ ужаса.

Шангинъ, въ своемъ путешествіи отъ 12-го до 14-го іюня, прослѣдилъ все теченіе Талицы до истока ея въ Ануйскихъ бѣлкахъ, находящихся въ 30-ти верстахъ на сѣверъ отъ Чарыша. Первый день онъ шелъ вверхъ по Талицѣ, между отлогими горами; она течетъ здѣсь въ узкой долинѣ, не глубже трехъ футовъ, по каменистому руслу. Съ обѣихъ сторонъ возвышаются сланцевыя горы, далѣе же гранитныя, поросшія отъ подошвы до вершины елями, лиственицей, березами, а на самомъ верху сибирскимъ кедромъ (Pinus cembra). На 2-й день пути онъ достигъ уже высоты снѣжныхъ горъ, раздѣляющей источники р. Ануя (Малый Ануй, на С.) и р. Песчаной (впадающей въ Ануй) отъ болѣе южныхъ притоковъ Чарыша. Эти горы ниже Коргонскаго плоскогорія. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, по свидѣтельству Шангина, съ нихъ стаяваетъ весь снѣгъ, а потому ихъ нельзя причислить къ настоящимъ бѣлкамъ, остающимся на южной сторонѣ Чарыша. Не смотря на то, высоты ихъ до того загромождены обвалами гранита въ плитахъ и глыбахъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ остроконечныхъ скалъ, у источниковъ Бѣлой и Башалыка (оба западнѣе источниковъ Талицы и составляютъ правые притоки Чарыша),

нога нигдѣ не касается материка и верхомъ невозможно добраться до вершины горы, хотя издали она кажется совершенно гладкою и доступною. Почва покрыта, впрочемъ, также какъ въ Коргонскихъ бѣлкахъ, мхомъ и тою же альпійскою флорою.

Этотъ сѣверный, не столь высокій горный хребетъ, называется по имени рѣкъ, изъ него вытекающихъ, Башалыцкими (на з.) и Ануйскими бѣлкàми; онъ, кажется, еще мало изслѣдованъ. Калмыки, кочующіе на сѣверномъ его скатѣ, переходятъ иногда черезъ этотъ хребетъ, увлекаясь охотою и презирая опасность. Когда Бунге (390) былъ въ Чечулихѣ, его посѣтилъ калмыцкій зайсанъ Дмитрій; онъ пасъ свои стада на Черномъ Ануѣ и, охотясь, дошелъ съ товарищами своими до самой деревни. На обратномъ пути къ устью Талицы, день, назначенный путешественникомъ для отдыха, обратился въ день мученій: рои комаровъ и невѣроятное множество сѣрыхъ и черныхъ змѣй не давали имъ покоя. Не смотря на то, что они зажгли вокругъ себя траву, змѣи заползали подъ ихъ войлочныя одѣяла; оставалось одно спасеніе: тотчасъ же сняться съ мѣста ночлега и переправиться на южный берегъ Чарыша, къ устью р. Хаиръ-Кумына что̀ было немедленно исполнено ими. Устья рѣки Хаиръ-Кумына, (Хаиръ-Кумынъ—значитъ бойкій, молодой парень, названіе придаваемое Татарами многимъ быстрымъ горнымъ рѣкамъ, см. ниже Катунь и выше стр. 50) (391) находится въ 8-ми верстахъ на В. отъ деревни Чечулихи; отсюда, по южному берегу Чарыша (2528 ф. н. п. м.), дорога идетъ прекрасными полями и черезъ маленькую рѣчку Куму (южный притокъ Чарыша). Затруднительна только переправа черезъ быстрый Чарышъ, по недостатку лодокъ и гребцовъ, отчего часто приходится, какъ людямъ, такъ и лошадямъ, переправляться черезъ него

---

(390) Бунге, въ Ledebour Altai R. T. II. 25.

(391) Ledebour Altai R., T. I. p. 262, 189. Шангинъ, l. c. T. VI. p. 50—66. Спасскій, l. c. T. XIV. p. 312.

вплавь. По берегамъ его растутъ тополи (Populus laurifolia). Хаиръ-Кумынъ, при своемъ устьѣ, гораздо шире Чарыша; здѣсь даже невозможна переправа на лошадяхъ; Шангинъ также нашелъ его болѣе обильнымъ водами и вообще значительнѣе Чарыша и Коргона. Спасскій разсказываетъ, что Калмыки, при переправѣ черезъ эту рѣку, часто погибаютъ въ ея быстрыхъ волнахъ. Бунге долженъ былъ запастись лодкою на колесахъ, чтобы переправиться черезъ нее во время половодья (11-го мая). Двойная переправа черезъ Чарышъ и Хаиръ-Кумынъ отняла у него цѣлый день.

Хаиръ-Кумынъ беретъ свое начало на югѣ, на Коргонскомъ плоскогоріи, и прорывается сквозь узкое ущелье съ почти отвѣсными стѣнами. Спасскій сравниваетъ шумъ его съ раскатами грома. Въ сланцевыхъ горахъ, на нижнемъ теченіи его, поймали, незадолго до проѣзда Ледебура (17-го іюня, 1826 г.), послѣднюю разбойничью шайку коргонскихъ бѣглецовъ и потому онъ не счелъ за благоразумное оставаться здѣсь долѣе. Неутомимый Шангинъ изслѣдовалъ теченіе этой рѣки до самаго верховья ея. Здѣсь, также какъ и въ Коргонскомъ ущельѣ, онъ нашелъ въ необыкновенномъ изобиліи дорогіе камни: порфиры, яшмы, змѣевики и проч. (см № 22—30). Хаиръ-Кумынъ составляется изъ слiянія трехъ рѣкъ, вездѣ прорывающихъ драгоцѣнныя скалы порфира и яшмы. Рѣки эти текутъ: Ябаганъ или Калмыцкій Абаганъ съ Ю.-В. (не должно смѣшивать его съ правымъ притокомъ Чарыша), Ярга съ Ю. и собственно Хаиръ-Кумынъ съ З.; всѣ онѣ берутъ начало изъ болѣе богатыхъ снѣгомъ вершинъ, высотою, вѣроятно, превосходящихъ Коргонскія. Судя по картѣ Горнаго Округа, изданной въ 1816 году, источникъ собственно Хаиръ-Кумына находится недалеко отъ источниковъ Коксуна (верхняго) и Становой Убы (см. выше, стр. 110). Верхнее теченіе Хаиръ-Кумына, усѣяннаго здѣсь множествомъ подводныхъ камней, не обилуетъ никакой рыбой, исключая маленькихъ пискарей, нижнее же теченіе, именно верстъ 20 отъ устья, богато харіусами

и различными родами форелей такой величины, какихъ не видѣлъ Шангинъ нигдѣ. Березовые и лиственничные лѣса покрываютъ низшія долины и предгорья; выше растутъ ели и сибирскіе кедры, до того переломанные буранами, что представляютъ въ этой пустынѣ родъ искусственной засѣки, трудно проходимой. Шангинъ полагаетъ, что не смотря на то, достаточно было бы человѣкъ 50-ти рабочихъ, чтобы въ продолженіи мѣсяца проложить отъ этихъ яшмовыхъ, порфировыхъ и др. горъ хорошую, удобную дорогу для перевозки тяжестей. Кусты розъ, акацій, таволгъ, красной и черной смородины съ очень кислыми ягодами и крыжовника, которыхъ истинное отечество находится въ Алтаѣ, затрудняли путь. Подошвы бѣлкòвъ поросли почти непроницаемою чащею голубой жимолости (Lonicera coerulea). Въ то время альпійская флора была здѣсь въ полномъ своемъ развитіи. Слѣды многочисленной горной дичи служатъ единственными и лучшими путеводителями къ болѣе удобнымъ переходамъ черезъ рѣки и ручьи. Медвѣдей видно очень много около снѣжныхъ вершинъ, но они очень робки и убѣгаютъ отъ людей, едва завидя ихъ. Горные Калмыки занимаются здѣсь прибыльною ловлею куницъ и соболей; Шангинъ находилъ повсюду разставленныя ими западни. Птицъ едва было слышно; только на самыхъ большихъ высотахъ раздавался стукъ дятла и пронзительный крикъ кедровокъ, а въ верхнихъ долинахъ летали кое-гдѣ, шумя своими крыльями, рябчики и глухіе тетерева.

Въ 5-ти верстахъ, на В. отъ Хаиръ-Кумына, вверхъ по Чарышу, впадаетъ въ него, съ сѣверной стороны, небольшая рѣчка Чела, названная по имени одного изъ враждебныхъ Русскимъ калмыцкихъ вождей, нашедшимъ здѣсь свою смерть въ схваткѣ съ отрядомъ Колыванскаго полка. Укрѣпленіе его, Челинское (392), при устьѣ рѣчки, болѣе знаменито, чѣмъ того заслуживаетъ. Шангинъ нашелъ здѣсь только уединенный круг-

(392) Шангинъ, l. c. T. VI, p. 65.

лый холмъ, обнесенный съ трехъ сторонъ, на самой вершинѣ, природною, толсто-наслоенною стѣною сланца, въ которой были пробиты, какъ кажется, бойницы; съ четвертой же стороны была выведена искусственная стѣна съ бойницами и воротами. Чтобы достигнуть отсюда, вдоль по южному берегу Чарыша, устья рѣки Кана (праваго притока Чарыша) нужно переправиться черезъ нѣсколько южныхъ притоковъ (лѣвыхъ); три изъ нихъ извѣстны подъ названіемъ: Нижній, Средній и Верхній Котлы и названы такъ потому, что вытекаютъ изъ котлообразныхъ углубленій, лежащихъ на самыхъ большихъ высотахъ. Углубленія эти, до 30-ти и болѣе саж. въ діаметрѣ, со всѣхъ сторонъ окружены крутыми, высокими утесами. Въ нихъ собираются снѣжныя воды, потомъ разливающіяся по разсѣлинамъ и узкимъ ущельямъ, слѣд. образующія горные ручьи. Образованіе этихъ котловъ, кажется, тождественно съ образованіемъ Большаго Пруда въ Силезскихъ исполинскихъ Альпахъ и Карпатскихъ воронкообразныхъ озеръ. Шангинъ утверждаетъ, что видѣлъ много такихъ котловъ на здѣшнихъ снѣжныхъ горахъ. Калмыки ([393]) называютъ Нижній Котелъ—Казаномъ, Средній, въ 6 верстахъ отъ нижняго, Топчуганомъ, а Верхній, еще 4-мя верстами далѣе, Утургеномъ. Отъ Верхняго Котла до устья Кана только одна верста, а отъ Кана до Ябагана 7 и до Керлыка 6 верстъ.

Оба берега Чарыша представляютъ здѣсь прекрасную сухую низменность, удобную для проѣзда въ экипажахъ, но съ скудною травою, постоянно истребляемою стадами горныхъ Калмыковъ. Господствующая здѣсь горная порода—мергелевый сланецъ ([394]). Шангинъ нашелъ тутъ прекрасный, совершенно чистый, лиственничный лѣсъ и замѣчаетъ притомъ, что Калмыки отличаются отъ другихъ племенъ похвальнымъ обыкновеніемъ никогда не рубить молодаго лѣса, а употреблять на топливо только поваленные вѣтромъ или изсохшія деревья. Впрочемъ, они дѣлаютъ это изъ суевѣрія, боясь лѣсныхъ ду-

(393) Шангинъ, l. c. T. VI, p. 67.
(394) Шангинъ, l. c. T. VI, p. 68.

ховъ. Не дурно было бы, прибавляетъ онъ, и русскимъ поселенцамъ подражать такому прекрасному обыкновенію. Посреди лѣса видна была длинная поляна, саженъ въ 200 ширины, простиравшаяся въ видѣ величественной лѣсной просѣки; по обѣимъ сторонамъ ея, у опушки, разбросаны были памятники и могилы древней Чуди, украшенные кусками уже довольно сильно вывѣтрившихся порфировъ, змѣевика и др. камней. Какіе аборигены оставили здѣсь патріархальные памятники звѣроловческаго и пастушескаго народа? Начиная отсюда, къ В., страна эта и въ настоящее время населена горными Калмыками. Шангинъ подпимался по долинѣ Средняго Котла до источниковъ его, окруженныхъ альпійскою флорою и берущихъ начало въ огромныхъ снѣжныхъ массахъ, болѣе замѣчательныхъ, нежели тѣ, изъ которыхъ вытекаютъ восточные притоки. Долина Средняго Котла представляетъ узкое ущелье, поросшее лѣсомъ, состоящее вначалѣ изъ сланцевъ, а далѣе изъ тѣхъ же драгоцѣнныхъ порфировъ и яшмъ, какіе мы уже видѣли по рѣкамъ Коргону и Хаиръ-Кумыну. Самая же вершина, около источника, замѣчательна великолѣпнѣйшими кремнистыми брекчіями, змѣевиками и порфирами, прекраснѣйшихъ цвѣтовъ (см. Шангина № 27, 28. № X), а также и большимъ обиліемъ звѣрей. Тутъ водятся въ большихъ стадахъ олени и кабаны, бѣлки съ прекраснымъ мѣхомъ и множество соболей, лисицъ и медвѣдей. Это самый охотничій округъ Калмыковъ.

Отъ источника Средняго Котла, Шангинъ перешелъ къ источнику Верхняго, и потомъ спустился по долинѣ его, до впаденія въ Чарышъ, въ который недалеко отсюда съ сѣверной стороны (слѣд. съ правой) впадаетъ рѣка Канъ.

7. Верховья Чарыша, отъ притоковъ Кана, Ябагана, Керлыка, до источниковъ Чарыша на восточномъ краѣ Коргонскаго плоскогорія.

Чарышъ, имѣющій еще 100 саж. шир. при переправѣ ниже устья Западнаго Котла, значительно уменьшается при устьѣ

Кана и, за исключенiемъ немногихъ мѣстъ, имѣетъ не болѣе ½ арш. глубины.

Прилежащiя горы ([395]) еще высоки, но менѣе разорваны. Онѣ склоняются уже гораздо незамѣтнѣе, и въ особенности въ правую сѣверную сторону распространены только пологiя известковыя горы. На лѣвой, южной сторонѣ, разстилается прекрасная низменность, на подобiе амфитеатра окруженная горами, заросшими зелеными кедровыми лѣсами; за ними кое-гдѣ видны еще снѣжныя вершины и мѣстами встрѣчаются древнiя кладбища, съ простыми каменными и яшмовыми столбами, большею частью опрокинутыми рукою жадныхъ кладоискателей (см. выше, стр. 107, 122 и пр.).

Спасскiй ([396]) замѣчаетъ, при описанiи этой мѣстности, что между многочисленными алтайскими гробницами, очень рѣдко встрѣчаются такiя, которыхъ верхушка округлена въ видѣ головы (см. выше стр. 117); на нѣкоторыхъ однако же обозначены руки и другiя части человѣческаго тѣла. Эти грубыя попытки ваянiя ограничиваются только изсѣченiемъ поверхности, едва достаточнымъ для отличенiя предметовъ, какъ напр. женщины, мужчины и четвероногаго животнаго, птицы или рыбы. Отъ Верхняго Котла ([397]), долина представляетъ совершенную плоскость, почва уже солонцовата и покрыта общеизвѣстнымъ солянымъ растенiемъ, Glaux maritima, самымъ обыкновеннымъ представителемъ соленыхъ оазисовъ отъ Нѣмецкаго Рейна до Алтая; здѣсь же находились: Plantago salsa, Chorispora sibirica, Lepidium micranthum и многiе др.

Здѣсь уже вовсе не видно сѣнныхъ покосовъ, долины дѣлаются безводными плоскостями, узкiя ущелья совершенно исчезаютъ; образуются едва замѣтно наклонныя горныя долины, похожiя на степи; съ рѣкою Каномъ, къ С.-В., совершенно измѣняется дотолѣ господствовавшiй дикiй, разорванный харак-

(395) Шавгинъ, l. c. T. VI. p. 70.
(396) Спасскiй, l. c. T. XIV. p. 314.
(397) Ledebour Altai R. T. I p. 187.

теръ скалистыхъ Алтайскихъ долинъ. На правомъ берегу Чарыша, между Каномъ и Ябаганомъ, также какъ и на Керлыкѣ, внезапно возвышается крутая, отвѣсная стѣна известняка, около 500 футовъ вышиною, которой обрывы обращены къ рѣкѣ; но за нею простираются только пологія долины. Эти известковыя стѣны (не доломитовыя ли?) усѣяны углубленіями, въ которыхъ гнѣздятся безчисленныя стаи альпійскихъ ласточекъ. По наблюденіямъ Шангина ([398]), во время его поѣздки къ верховьямъ Кана, до истока котораго, къ сожалѣнію, онъ не могъ однако же достигнуть по причинѣ неблагопріятствующей погоды (въ концѣ іюня), находятся во всѣхъ направленіяхъ отъ Кана, а также и Ябагана, известковыя горы со множествомъ пещеръ, чѣмъ объясняется различіе въ образованіи долинъ и горъ, съ простирающейся на югъ отъ Чарыша порфировою областью. Здѣсь долины превращаются уже въ плоскогорія съ обширными степными равнинами, простирающимися еще между возвышенными горами, формы, нигдѣ не встрѣчаемой далѣе къ западу; но чѣмъ болѣе приближаемся къ Ю.-В., т. е. къ сибирско-китайской границѣ, лежащей уже совершенно на верхней степи, или плоскогоріи, тѣмъ очевиднѣе является эта особенность.

Здѣсь же начинается страна наиболѣе населенная кочующими Калмыками, частію состоящими въ подданствѣ Россіи, частію такими, которыхъ можно назвать совершенно свободными по удаленію ихъ къ востоку, если бы они не платили двойной дани обоимъ своимъ могущественнымъ сосѣдямъ. На Канѣ и Ябаганѣ, Шангинъ и Ледебуръ нашли кочевья калмыцкихъ зайсановъ.

Шангинъ могъ подняться только на 9 часовъ пути (30 верстъ) вверхъ теченія рѣки Кана, потому что дурная погода не дозволяла ему изслѣдовать истока этой рѣки; онъ оставилъ однако же обоихъ унтершихтмейстеровъ въ ожиданіи болѣе

(398) Шангинъ, l. c. T. VI. p. 71—76.

благопріятныхъ обстоятельствъ для измѣренія долинъ Канской и Ябаганской.

Совершенно плоская долина Кана, между невысокими, пологими, известковыми горами, со множествомъ большихъ, глубокихъ пещеръ и гротовъ, отъ трехъ до 4 саженъ вышины, ширины и до 100 саженъ глубины, доставляющихъ естественныя убѣжища людямъ и скоту; далѣе, песчаное русло быстраго, но ровно текущаго Кана, мѣстами усѣянное мелкими валунами и потому не затрудняющее переправы, самая плоская степная долина Кана, шириною не превосходящая трехъ верстъ, обильная солончаками и небольшими мелкими озерками, до 1/4 часа пути въ длину, совершенно заросшими растеніями, доставляющими лакомую пищу стадамъ,—все это привлекаетъ сюда кочевыя племена съ ихъ стадами и юртами. А потому рѣка Канъ, съ ближайшимъ сосѣдомъ своимъ Ябаганомъ есть любимое пребываніе калмыцкихъ зайсановъ, не смотря на свою незначительность, потому что, по измѣренію Ледебура, Канъ, при своемъ впаденіи въ Чарышъ, лежащемъ на 3579 футовъ надъ уровнемъ моря (по Бунге только 3210 фут. надъ у. м.), имѣетъ не болѣе 2 1/2 саженъ шир. и 2 фут. глуб. Въ исторіи страны, особенно въ періодъ войнъ съ Китайцами за независимость, обѣ эти рѣки играли значительную роль, также какъ и соименныя имъ рѣки Канъ и Абаканъ, впадающія въ Енисей, съ которыми ихъ смѣшиваютъ иногда. На здѣшнихъ открытыхъ долинахъ трава чаще подвергается засухѣ, да и горы не поражаютъ роскошною растительностію, но Калмыки предпочитаютъ для своихъ стадъ сухія солонцеватыя пажити, доставляющія скоту такую пищу ([399]), отъ которой онъ тучнѣетъ и даже запасается жиромъ на зимнее время. Калмыцкія овцы съ курдюками, пасущіяся здѣсь, выростаютъ къ осени до значительной величины, и даже исхудалые вер-

(399) Бунге, l, c. T. II. p. 43.

блюды, снова появляющіеся здѣсь въ горахъ, возстановляютъ на этихъ кочевьяхъ свои исчезнувшіе отъ изнуренія горбы.

Скотоводство Калмыковъ процвѣтаетъ здѣсь, и путешественникъ можетъ потому разсчитывать повсюду на свѣжихъ, хорошихъ лошадей для дальнѣйшаго слѣдованія. Потому самому и долины эти наиболѣе посѣщаются, а прилежащіе къ нимъ горные проходы избираются преимущественно передъ другими. Такъ какъ въ ближайшихъ горахъ находится солонцеватый глинистый сланецъ сѣропепельнаго цвѣта, изъ котораго, по предположенію Бунге, вымывается дождевыми водами *горькая соль* и сносится въ долины, образуя тамъ солончаки, а такъ какъ дикіе звѣри любятъ ее не менѣе домашняго скота, то весь этотъ край доставляетъ богатую добычу звѣроловамъ и охотникамъ. Солонцеватыя болота и озера наполнены дичью, утками, журавлями, цаплями и пр. Ботаника ожидаетъ здѣсь также новая, обильная жатва, но лѣсъ и кустарникъ на этой болѣе открытой горной мѣстности скуднѣе; виды съ высоты на всѣ стороны очень открыты, что чрезвычайно обезпечиваетъ безопасность жителей. Число находящихся здѣсь въ настоящее время калмыцкихъ юртъ однакоже, какъ кажется, довольно незначительно въ сравненіи съ прежнимъ, потому что туземное населеніе вообще все вымерло, многія отдѣльныя горныя племена, извѣстныя подъ различными названіями, а равно и восточные Киргизы удалились отсюда уже въ концѣ XVII вѣка и оставили пустынныя равнины калмыцкимъ, джунгарскимъ, монгольскимъ и другимъ пришельцамъ, которые занимаютъ ихъ по настоящее время, но, въ свою очередь, подчинились Китайцамъ и Русскимъ. Шангинъ, Бунге, Ледебуръ нѣсколько познакомились съ здѣшними гостепріимными калмыцкими зайсанами и сообщили намъ объ нихъ много поучительнаго.

На Ябаганѣ (Абаганъ) ([400]), часахъ въ двухъ пути вверхъ

(400) Schangin l. c. T. VI, p. 76; Ledebour Alt. R. T. I, p. 185, 235; Bunge T. II, p. 53.

по теченію отъ устья рѣки Кана, были разбиты также юрты калмыцкихъ зайсановъ; обѣ рѣки похожи одна на другую, потому что вода въ нихъ мутная, и обѣ текутъ медленно, по открытымъ, едва замѣтно наклоннымъ степнымъ долинамъ, извиваясь между солонцеватыми болотами и небольшими озерами. Но Ябаганъ обильнѣе водою и шире; окрестныя горы повсюду довольно плоски, такъ что на нихъ легко взбираться верхомъ, скудно поросли лѣсомъ, но еще довольно высоки: потому что водораздѣльный горный проходъ между Ябаганомъ и Каномъ возвышается, по Ледебуру, на 4,869 фут. надъ у. м.; другой подобный же проходъ, между Каномъ и ближайшей южной рѣкой, Керлыкомъ, еще выше, а именно 5,197 фут. надъ у. м. Природа на этомъ Керлыкѣ, третьемъ восточномъ притокѣ Чарыша, та же; почва, по которой онъ течетъ, также солонцевата и безлѣсна. Такія именно мѣста Калмыки избираютъ всего охотнѣе для зимовки съ своими стадами. Повсюду въ этихъ долинахъ можно было отличить издали по растительности, мѣста, на которыхъ хотя однажды стояли калмыцкія юрты; трава на нихъ была въ человѣческій ростъ, между тѣмъ какъ на другихъ мѣстахъ она росла очень низко. При ближайшемъ осмотрѣ, на такихъ мѣстахъ оказывались преимущественно ([401]): Sisymbrium sophia, Chenopodium viride и нѣкоторыя другія растенія, которыя можно было бы назвать общежительными, потому что ими обсѣменяется каждое удобренное мѣсто; точно также въ Савойскихъ Альпахъ, мѣста, на коихъ выстроены chalêts и пастушьи хижины, повсюду обросли высокою травою, совершенно отличающеюся отъ ближайшей альпійской флоры.

Это есть первыя спорадическія обработанныя мѣста, или переходы растительности отъ совершенно дикой къ обработанной. Ледебуръ ([402]) описалъ флору этихъ плоскодонныхъ долинъ съ

---

(401) Lebebour Altai R. T. I, p. 236.
(402) Ledebour l. c. T. I. p. 179, 180.

соляною почвою, на которой топотъ коней раздается глухо, какъ будто бы подъ поверхностью ихъ находились пустые своды; онъ также изслѣдовалъ растительность известковой почвы. Шангинъ, видѣвшій 1 іюля, у устьевъ Ябагана, сильный иней, сомнѣвается въ томъ, чтобы здѣсь могъ произрастать хлѣбъ, на высотѣ 3500 футовъ надъ уровнемъ моря; по крайней мѣрѣ опытовъ хлѣбныхъ посѣвовъ здѣсь еще не было.

Замѣчательны также древніе курганы въ этихъ долинахъ, лежащихъ за Алтаемъ. Въ долинѣ Кана, Шангинъ замѣтилъ два огромные кургана, которые по его словамъ выше самаго Золотаря (имя, происходящее отъ золота ([403]), въ немъ найденнаго, см. выше стр. 122) при р. Шульбѣ и повидимому сложены изъ большихъ скалъ змѣевика и яшмы. Бугоръ золотарскій, по измѣренію Реновавца, имѣетъ при основаніи 300 футовъ въ окружности, а при вершинѣ, на высотѣ 21 фута, — 35 ф.; онъ состоитъ также изъ скалъ, перенесенныхъ издалека; къ западу отъ него, на одной съ нимъ линіи, лежатъ 15 меньшихъ кургановъ; къ сѣверу 5 и къ югу 4. Курганы, лежащіе при Канѣ, кажется, выше ихъ. Подобные курганы видѣлъ на Ябаганѣ и Керлыкѣ Ледебуръ ([404]), оказавшій большую услугу наукѣ тѣмъ, что изслѣдовалъ ихъ на лѣвомъ берегу Чарыша, противъ устья Керлыка. Результатъ его изысканій былъ слѣдующій. Снаружи эти курганы кажутся каменными насыпями эллиптической формы, но ихъ діаметръ въ самомъ широкомъ мѣстѣ не превышаетъ 14 футовъ, а на верху отъ 10 до 11 футовъ; ихъ высота простирается до 2 и 3 футовъ. Кусты дикой смородины (Ribes philostylum) покрываютъ ихъ, хотя въ окрестности нельзя найти этого растенія. Невольно рождается вопросъ: люди ли

———

(403) См. Renovantz Altai R. Reval, 1788. p. 37.
(404) Ledebour Altai R. T. I. p. 230—234.

посадили здѣсь этотъ кустарникъ, или птицы занесли сюда нечаянно сѣмена его? Нѣкоторыя могилы окружены аспидными плитами, врытыми въ землю одна подлѣ другой, впрочемъ мало выдающимися и едва засыпанными каменными насыпями. Курганы эти разбросаны или въ открытыхъ степяхъ, или въ болѣе широкихъ, верхнихъ рѣчныхъ долинахъ, но иногда скрыты и между горами, то уединенно, то цѣлыми группами, но рѣдко въ опредѣленномъ порядкѣ; только одинъ разъ при Керлыкѣ видѣлъ ихъ Ледебуръ расположенными полукружіемъ.

Первая открытая имъ могила находилась въ 2½ верстахъ отъ лѣваго берега Чарыша, въ узкой каменной долинѣ. Уже по снятіи перваго пласта, на одинъ футъ глубины, показался человѣческій скелетъ, лежавшій головою къ ю.-з. Футомъ глубже, нашли другой скелетъ, обращенный головою къ с.-з. Работники утверждали, что это трупы Калмыковъ, а не Чудей, часто встрѣчающіеся въ глинистой почвѣ. Мы уже видѣли выше (стр. 156), что Киргизы хоронятъ своихъ покойниковъ вблизи такихъ древнихъ могилъ и здѣсь, можетъ быть, были погребены и Калмыки. При дальнѣйшемъ разрытіи нашли вертикально стоящую, круглую бороздчатую колонну изъ крупнозернистаго бѣлаго мрамора, въ аршинъ вышины. Необдѣланная масса мрамора, въ ⅓ аршина вышины, служила ей пьедесталомъ и составляла вмѣстѣ съ колонною цѣльный монолитъ. Вообще все это было грубо, не шлифовано и даже не выровнено. Хотя Ледебуръ не встрѣчалъ въ окрестностяхъ бѣлаго мрамора, но можно предполагать, что онъ тамъ находится. И въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются замѣчательные слѣды грубыхъ изваяній на подобныхъ же курганахъ какъ то можно видѣть во Фроловскомъ музеѣ ([405]), въ Барнаулѣ (см. выше стр. 250). Непосредственно подъ колонною, лежалъ (какъ въ

---

(405) Ledebour l. c. T. I. p. 371. Спасскій, Сибирск. надписи.

Чудской могилѣ, которую Сиверсъ открылъ на Алтаѣ, на сѣверѣ отъ Зайсана (см. выше стр. 22) цѣлый лошадиный скелетъ съ очень заржавленной желѣзной уздечкой. Подлѣ него были небольшія бляхи отъ конской сбруи, изъ чеканенной мѣди на сгнившихъ кожаныхъ ремняхъ, съ гвоздиками изъ того же металла. Пятью аршинами глубже показался глинистый пластъ, и въ немъ человѣческій скелетъ, обращенный головою къ с.-в., вѣроятно двѣнадцати-лѣтняго мальчика. Въ трехъ дюймахъ отъ черепа къ в. стоялъ черный глиняный сосудъ грубой работы, вышиною въ 8 дюймовъ, на верху въ діаметрѣ въ 4 дюйма, внизу кругловатый, толщиною въ $^1/_2$ дюйма, и весь наполненный глиною. Подлѣ скелета находились нѣкоторыя мелочи, какъ то: проколотый жемчугъ, различныя стеклянныя вещи, дюжина круглыхъ, высохшихъ до желтизны, позвонковъ, меленькая мѣдная сердцевидная погремушка съ двойнымъ дномъ и съ заключенными въ ней камешками, и нѣкоторыя другія вещи: вырѣзанный изъ *саксаула* (Anabasis ammodendron) рогъ сайги, пара просверленныхъ кремней, орлиныя когти, идолъ изъ саксаула и нѣсколько гладкихъ досокъ изъ того же дерева. Ледебуръ взялъ съ собою только черепъ, и для утѣшенія Калмыковъ, недовольныхъ тѣмъ, что Русскіе безпокоятъ прахъ ихъ дѣдовъ, велѣлъ снова засыпать могилу. Другая могила, на плоской равнинѣ, въ $1^1/_2$ верстѣ отъ р. Чарыша, казалось, была уже однажды разрыта; на верху нашли лошадиный черепъ, кости разныхъ животныхъ, мундштукъ, стремена; глубже въ землѣ были брошены человѣческія кости. Подобныя же вещи найдены были и въ трехъ другихъ могилахъ, открытыхъ на правомъ берегу Чарыша.

Отъ Чарыша, Бунге отправился по долинѣ р. Ябагана ([406]) Долина эта сначала постепенно, потомъ быстро подымается все выше и выше до гребня горъ, изъ которыхъ вытекаютъ воды

---

(406) Бунге l. с. T. II, p. 41.

Ябагана, на 3802 фута надъ поверхностью моря. Въ долинѣ, надъ которой 12 мая разразились грозы, Калмыки дали путешественникамъ 18 лошадей для дальнѣйшей поѣздки, безъ всякаго вознагражденія, за исключеніемъ маловажныхъ подарковъ. Русскимъ, пріѣхавшимъ на калмыцкихъ лошадяхъ, не приходилось даже показывать предписанія губернатора насчетъ дальнѣйшаго отправленія. Какая значительная перемѣна въ сравненіи съ настойчивымъ упорствомъ Калмыковъ въ XVII столѣтіи! Отъ этого источника нужно было еще подниматься на 1000 ф., чтобы достигнуть до высоты горнаго прохода въ 4804 ф. надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ наброcаны были камни и сучья, покрытые лоскутьями, по обычаю туземныхъ кочевыхъ народовъ, всегда воздвигающихъ на вершинѣ священныхъ горныхъ проходовъ подобныя насыпи, увѣшанныя разнаго рода бездѣлками, приносимыми въ жертву ихъ богамъ (см. Erdkunde Th. I, 2-te Aufl. p. 79). Отсюда путешественники направились къ в. внизъ по болотистой, возвышенной плоской долинѣ ручья Яло, принадлежащаго уже къ рѣчной области Катуни. По берегамъ Яло расло много альпійскихъ растеній, каковы Ranuncul. fumariaefolius, Betula fruticosa; нѣсколько малорослыхъ ивъ составляли здѣшній кустарникъ. Земля была совершенно изрыта сусликами (Arctomys citillus), такъ что лошади часто проваливались, къ великому изумленію всадниковъ. Недалеко отъ впаденія холодной рѣки Яло въ Урсулъ, лѣвый притокъ Катуни, барометръ показалъ абсолютную высоту 3571 фут.

Еще Шангинъ ([407]) думалъ, что, отъ Чарыша вверхъ по р. Керлыку къ в., можно легко перейти въ областъ рѣки Коксуна и послалъ туда свой багажъ; но самъ онъ выбралъ себѣ другую дорогу, черезъ верховье р. Черновой, къ истоку Чарыша. Ледебуръ, отъ Чарыша, по этому пути, вверхъ по

---

(407) Шангинъ l. c. T. VI, p. 79, 82. Ledebour Alt. R. T. I, p. 199.

Керлыку, перешелъ кряжъ тамошнихъ известковыхъ горъ. Послѣ 4 часовъ (15 верстъ) подъема, достигъ онъ водораздѣльнаго сѣдла между Керлыкомъ и Коксуномъ, въ 4748 ф. надъ пов. моря. Здѣсь находилась такая же священная, неприкосновенная насыпь съ кустарниками и приношеніями горнымъ и водянымъ духамъ. Отсюда Ледебуръ спустился внизъ, на ю.-в. къ р. Талу, впадающей въ Салонъ, которая, въ свою очередь, на разстояніи 2 часовъ пути, изливается въ Сугашъ. Вся эта рѣчная система составляетъ съ сѣверной стороны верховья р. Абая, главнаго лѣваго притока р. Коксуна. Къ области р. Коксуна перейдемъ мы тотчасъ по достиженіи истока р. Чарыша. Но здѣсь мы должны присовокупить совершенно общее замѣчаніе Бунге ([408]). Узнавъ хорошо всѣ эти пути, вслѣдствіе неоднократныхъ переходовъ, и возвратясь къ Керлыку и Чарышу, вверхъ по Абаю, онъ сообщаетъ намъ слѣдующее: „Всѣ рѣки этой страны, образующей одну и ту же возвышенную долину, а именно Керлыкъ, Улайта, Канъ, Ябаганъ, имѣютъ одинаковый характеръ медленное теченіе; ихъ окружаютъ низкія, округленныя, глинистосланцевыя горы, совершенно безлѣсныя. Между ними разстилаются пространныя равнины, покрытыя низкими травами; вся страна имѣетъ особенный характеръ спокойствія, совершенно противоположнаго въ сравненіи съ дикимъ видомъ окрестной горной страны.

Отъ устья Керлыка Чарышъ, протекавшій до сихъ поръ въ направленіи отъ в. къ з., по продольной долинѣ, поворачиваетъ къ с., слѣдуя изъ болѣе южныхъ бѣлковъ (см. выше стр. 261), стремясь съ высоты 7184 ф. чрезъ дикія ущелья, шумящими водопадами, въ долину, въ которой въ него изливается текущій съ ю.-в., первый изъ значительныхъ правыхъ притоковъ его — Керлыкъ. Недалеко отъ ихъ сліянія, Ледебуръ ([409]), спускаясь съ высоты бѣлковъ встрѣтилъ крутыя известковыя горы со многими пещерами и гнѣздами альпійскихъ ласточекъ. Вершины

(408) Bunge l. c. T. II, p. 120.
(409) Ledebour Altai R. T. I, p. 178.

этихъ горъ подымаются только на 700 ф. надъ пов. Керлыка, который, уже при своемъ впаденіи въ Чарышъ, лежитъ на 3838 фут. надъ уровнемъ моря; слѣдовательно известковыя вершины, по опредѣленію Ледебура, подымаются надъ океаномъ на 4538 ф. Отсюда, вверхъ по Чарышу, на одинъ день пути (15 вер.) долина остается все еще ровною ([410]); Чарышъ образуетъ уже только пороги, а не водопады, встрѣчаемые выше, однако же и здѣсь теченіе его усѣяно скалами, а горы на восточной сторонѣ становятся круче. Въ долинѣ растетъ лѣсъ, состоящій изъ елей, лиственницъ, березъ и ивъ. Восточный берегъ ровнѣе и богатъ растеніями, встрѣчающимися только въ долинахъ, а не на высотахъ. До сихъ поръ простираются чудскія могилы, заросшія смородиной; въ окрестностяхъ стоятъ калмыцкія юрты, и недалеко отъ нихъ ихъ майраны (жертвенники), на которыхъ они приносятъ жертву вѣтрамъ и духамъ, обвѣшивая ихъ заячьими, бараньими и лошадиными шкурами, пестрыми тряпками и т. п. При послѣднемъ расширеніи долины Чарыша, простирающемся до 4 верстъ, Ледебуръ расположился на второмъ привалѣ (слѣдуя отъ истоковъ Чарыша), на высотѣ 3623 ф. надъ поверх. моря. Здѣсь же, въ продолженіе трехъ дней отдыха, впервые посѣтили его зайсаны Калмыковъ, или князья этихъ горныхъ обитателей.

Отсюда вверхъ, долина все болѣе и болѣе стѣсняется и превращается въ глубокое ущелье, отъ котораго до источника остается только одинъ день пути. Шангинъ подымался туда вверхъ, при неблагопріятной погодѣ. Ледебуръ, пройдя черезъ горное сѣдло въ истокѣ Большаго Коксуна (5953 ф. надъ пов. моря), спустился внизъ мимо истока Чарыша, и расположился первымъ лагеремъ на 5112 ф. надъ пов. моря, слѣдовательно на 1489 фут. выше втораго лагеря, и наибольшая измѣренная имъ горная высота на с.-в. отъ истока Чарыша, возвышалась на 7184 ф. надъ уровнемъ моря. При основаніи

(410) Ledebour Alt. R. T. I, p. 166; Шангинъ l. c. T. VI. p. 79.

конуса этой горы росли сибирскіе кедры (Pinus cembra); послѣдній, уже изсохшій стволъ, встрѣченъ былъ на высотѣ 6541 ф. надъ пов. моря, нѣсколько сотъ футовъ выше попадались только малорослые кизильникъ и березы (Mespilus uniflora, Betula nana) на 6741 фут. надъ ур. моря. На этой высотѣ, 12 іюня, очень многія растенія не достигли еще полнаго своего развитія; сѣверная сторона горы была еще совершенно покрыта снѣгомъ. Южный скатъ заваленъ камнями и дикими скалами роговокаменнаго порфира. Альпійская флора, на высокихъ мѣстахъ, очень интересовала ботаника. Долина Чарыша становится здѣсь узкою и окружена высокими скалами, въ 1000 ф. вышиною, но въ особенности отличается роскошною растительностью; съ обѣихъ сторонъ вливаются въ нее ручейки. Самая рѣчка, на 5 верстъ, представляетъ рядъ непрерывныхъ каскадовъ, между скалами роговокаменнаго порфира и грюнштейна. Такимъ образомъ вся рѣка превращается въ одну огромную массу пѣны. Вторая значительная рѣка, неимѣющая никакого названія и принимаемая Ледебуромъ за притокъ Чарыша, вѣроятно есть та самая, которую Шангинъ, вмѣстѣ съ другими ручьями, считалъ первоначальнымъ источникомъ Чарыша. Она вытекаетъ изъ снѣжныхъ горъ, у восточной оконечности Коргонскаго плоскогорія, которое здѣсь, по свидѣтельству Шангина ([411]), все состоитъ изъ яшмы. Различные образцы ея скалъ обозначены въ его собраніи нумерами отъ 42 до 47. Сланецъ, встрѣчающійся только въ ущельяхъ, отдѣляетъ яшмовыя скалы, а гранитъ здѣсь вовсе не попадается. Почва, казалось, здѣсь суше, нежели на западномъ Коргонѣ, и мшистыхъ пространствъ, видѣнныхъ Шангинымъ, вовсе не было.

Теперь мы легко и удобно можемъ перейти къ послѣдней большой рѣчной области Алтая, именно къ области Катуни.

---

(411) Шангинъ, l. c, T. VI, p. 80.

§ 45.

Изложение 5-е. *Алтайскіе бѣлки, продолженіе. Рѣчная область Катуни, съ ея притоками: Коксуномъ, Уймономъ, Урсуломъ и Чуей; горные Калмыки. Телецкое озеро съ рѣками Башкаусомъ и Чулышманомъ.*

1. Обозрѣніе, источники, изслѣдователи.

Наблюдательные путешественники проходили до сихъ поръ по пяти различнымъ путямъ черезъ водораздѣлы, отдѣляющіе западную область Чарыша отъ восточной области Коксуна, впадающаго въ Катунь. Перечислимъ ихъ, въ порядкѣ съ юга къ сѣверу.

a) Ледебуръ ([412]) перешелъ въ первый разъ Коксунскіе бѣлки изъ Риддерска, черезъ верховья Убы и черезъ истоки Малаго и Большаго Коксуна, къ источнику Чарыша (въ началѣ іюня 1826 г.), о чемъ было выше упомянуто.

b) Онъ же, возвращаясь ([413]) къ р. Убѣ въ Риддерскъ, изъ долины Коксуна, отъ нижняго Абая, вверхъ по Карагаю, на с.-з. мимо южнаго Абая, перешелъ горный проходъ, между Коксунскими и Тургусунскими бѣлками въ началѣ іюля того же года.

c) Шангинъ, ([414]) перешелъ черезъ горный проходъ отъ источниковъ Чарыша къ Сакмарѣ (вѣрнѣе Курсагану) и Коксуну, а вверхъ его теченія до его истоковъ. Это было первое его путешествіе (1786 г. въ іюлѣ). Потомъ онъ спустился на Катунь, и слѣдовалъ по ней внизъ до Осиповки (лѣваго ея

---

(412) Ledebour Altai R. T. I. p. 135—162.
(413) Ibid. T. I. p. 215, 224.
(414) Шангинъ въ Pallas N. N. B. T. VI p. 82 — 106,

притока) и до устья Аргута (праваго притока, см. выше стр. 82), отъ котораго Катунь поворачиваетъ къ сѣверу. Отсюда онъ повернулъ назадъ по Катуни, вверхъ, до малаго Хаиръ-Кумына (ея праваго притока), поднялся по этой рѣкѣ черезъ средину Коксунскихъ бѣлкòвъ и вышелъ на большой Хаиръ-Кумынъ, впадающій въ Бухтарму (см. выше стр. 60).

d) Ледебуръ перешелъ водораздѣлъ ([415]) изъ долины Чарыша, отъ Керлыка, черезъ горный проходъ (на 4748 ф. надъ поверхностію моря) къ Абаю и Коксупу, о чемъ мы говорили выше (стр. 311), и продолжалъ свой путь внизъ до соединенія Коксуна съ Уймономъ, или до Катуни.

e) Бунге ([416]) перешелъ водораздѣлъ изъ долины Чарыша, въ срединѣ мая, вверхъ по Кану и Ябагану къ Ялу и Урсулу (лѣвому притоку Катуни), и вверхъ по послѣднему къ Катуни. Смѣлый путешественникъ Бунге проникъ по р. Чуѣ также до верхней ступени ея долины. Оттуда онъ поднялся по Катуни до Уймона; во второй разъ онъ повторилъ этотъ переходъ позднѣе (10 іюля) и возвратился къ Катуни и Чуѣ; оттуда онъ пробрался черезъ водораздѣльный хребетъ на рѣку Башкаусъ, впадающую въ Телецкое озеро.

Всѣ эти предпріятія можно назвать труднѣйшими путешествіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезнѣйшими открытіями для науки и познанія природы нашей планеты. Подобныя путешествія служатъ къ открытію совершенно новыхъ странъ, и намъ остается желать, чтобы совершившіе ихъ путешественники нашли бы себѣ скоро подобныхъ имъ послѣдователей. Не прежде какъ по истеченіи цѣлыхъ столѣтій, послѣ примиренія еще противоположныхъ теперь политическихъ интересовъ, пустыни этихъ пограничныхъ областей будутъ населены просвѣщенными, цивилизованными народами и на живописномъ Телецкомъ озерѣ, так-

(415) Ledebour Altai R. T. I, p. 199 — 215.
(416) Бунге l. c. T. II, p. 54 — 100, 100 — 113, 120—151.

же какъ на плодоносныхъ Катунскихъ долинахъ, воздвигнутся промышленые, веселые города, подобные швейцарскимъ и тирольскимъ, окруженные многочисленными горными деревнями и хижинами, какъ въ оживленной уже европейской альпійской системѣ. Тогда только имена первыхъ мирныхъ ученыхъ изслѣдователей доставятъ водворившимся тамъ музамъ воспоминанія болѣе радостныя, нежели память о завоевателяхъ Новаго Свѣта — Бальбоа, Кортесѣ, Пизарро, проникавшихъ туда разрушителями, а не возбудителями просвѣщенія. Имена упомянутыхъ азіятскихъ путешественниковъ сохранятся нѣкогда въ воспоминаніи всѣхъ образованныхъ людей Алтая, подобно тому, какъ имя Ксенагора, перваго измѣрителя высоты Ѳессалійскаго Олимпа, сохранено Плутархомъ ([417]) отъ забвенія и подобно тому, какъ имя А. Гумбольдта увѣковѣчено въ исторіи Кордилльеровъ и всей вообще Америки.

Образованіе верхняго теченія Катуни изъ большихъ вѣтвей: западной — Коксуна и восточной — Чуи имѣетъ свой особенный характеръ. Обѣ эти рѣки, текущія по одной и той же продольной дорогѣ, простирающейся вдоль сѣвернаго склона бѣлкôвъ, имѣютъ однакоже совершенно противоположное направленіе и истоки, отдаленные другъ отъ друга на полные 5° долготы. Коксунъ и Чуя сливаются между собою въ томъ мѣстѣ, гдѣ вырывается къ нимъ съ юга изъ снѣжныхъ горъ значительный Аргутъ; онѣ соединяются подъ именемъ Катуни, и прорываютъ поперечною долиною всю ширину сѣверныхъ алтайскихъ цѣпей, до соединенія своего съ долиной Біи въ Бійскѣ. Многіе, только по имени извѣстные, ручьи впадаютъ здѣсь въ Катунь; изъ нихъ мы обстоятельнѣе всѣхъ знакомы, благодаря Бунге, только съ первымъ лѣвымъ ея притокомъ, а именно — Урсулóмъ. Свое названіе „Катунь“ вся рѣчная система получаетъ только по соединеніи западной своей вѣтви Коксуна съ однимъ изъ ея южныхъ

(417) Плутархъ въ Vita Paul. Aemil.

притоковъ, Уймономъ. Хотя и самый Уймонъ ([418]) называется Катунью, до истока своего на снѣжныхъ вершинахъ Катунскихъ бѣлко̀въ, какъ мы сами называли его выше (см. стр. 80), по примѣру Бунге, для краткости, но Шангинъ ([419]) замѣчаетъ особенно, что только по сліяніи Коксуна съ Уймономъ, рѣка получаетъ имя Катуни. Уймонъ очень обиленъ водою и Катунь заимствуетъ отъ его мутныхъ и бѣловатыхъ волнъ свой цвѣтъ, походящій на цвѣтъ рѣки Оби, образовавшейся изъ Катуни и Біи. Имя Катунь ([420]) (отъ Хатунь-царица; Катунь-голъ, т. е. Царицына рѣка, какъ Хуанъ-хэ, см. Т. I, стр. 490), на языкахъ монгольскихъ и татарскихъ, значитъ княгиня. Бегъ, бей, бій, значитъ князь. Имя Обь (или Обѣ по русски=обѣ рѣки, обѣ соединившіяся рѣки) хотѣли произвести изъ зырянскаго языка или изъ турецко-татарскаго слова *абъ*, *объ*, что значитъ вода. Происхожденіе этого названія впрочемъ еще не объяснено. Шлёцеръ думалъ, что оно зырянскаго происхожденія (Обдоръ), и водворилось вслѣдствіе торговыхъ сношеній; Лербергъ ([421]) полагалъ, что оно бухарское; но, по свидѣтельству Фишера, туземное татарское названіе Оби есть Умаръ, съ чѣмъ соглашается и Палласъ ([422]). Почему Бія и Катунь называются царицыными рѣками, также неизвѣстно, какъ и то, почему Телецкое озеро получило названіе Алтынъ-нора, т. е. Золотаго озера. Такъ какъ мы все еще не въ состояніи рѣшить, какія рѣки должно принимать за главные источники Катуни: Коксунъ, Уймонъ или Чую, то и здѣсь будемъ слѣдовать, какъ и при теченіи Чарыша, направленію ихъ открытія, съ з. на в., все далѣе и далѣе въ восточныя горы.

---

(418) Bunge въ Ledeb. Altai R. T. II, p. 519.

(419) Шангинъ l. c. T. VI, p. 95.

(420) Fischer Sibir. Gesch. T. II, p. 550, прим. 4; введ. T. I. прим. 7. Ledebour Altai R. T I, p. 147; Сиверса письма о Сибири, стр. 104.

(421) Shlözer Allgem. nörd. Gesch. p. 393. Lehrberg Untersuchungen z. alten Gesch. Russl. 1816, 4. p. 42. прим. 3.

(422) Pallas R. R. T. II. p. 641.

2. Коксунъ съ его притоками, до Уймона и Катуни.

Изъ Риддерска до западнаго склона Коксунскихъ снѣжныхъ горъ считается не болѣе 2 дней пути, 10 г. м. (70 верстъ) черезъ верхнія долины Ульбы и Убы (см. выше стр. 96 и 108). Мимо западныхъ склоновъ этихъ горъ течетъ Черная Уба, истоки которой лежатъ еще далѣе къ югу. При впаденіи въ нее Калмыцкой рѣчки, долина ея возвышена на 4288 ф. надъ уровнемъ моря. Отсюда Ледебуръ перешелъ черезъ Коксунскіе бѣлки къ источнику Малаго Коксуна, текущаго съ сѣверо-восточнаго ската. Бѣлки эти имѣютъ здѣсь, въ противоположность съ общимъ нормальнымъ направленіемъ, вѣроятно только кажущееся направленіе съ юга на сѣверъ, какъ бы связывая высокую массу Коксункихъ бѣлкòвъ на ю.-в. съ Коргонскимъ плоскогоріемъ на с.-з., которое представляетъ дальнѣйшее продолженіе Коксунскихъ горъ къ с. Онѣ образуютъ водораздѣлъ рѣкъ Убы къ з. и Коксуна къ в.

Къ западу отвѣтвляются отъ нихъ Ульбинскія снѣжныя горы, къ ю. примыкаютъ онѣ къ Тургусунскимъ бѣлкàмъ, а къ ю. в. къ Холсунскимъ.

Всѣ эти горы склоняются къ западу почти незамѣтно, къ востоку же во многихъ мѣстахъ очень круто; такъ напр. подъемъ отъ ночлега на Калмыцкой рѣчкѣ, на 4288 абсолютной вышины, черезъ рѣдкій лѣсъ, такъ пологъ почти до вершины Коксунскихъ бѣлкòвъ, образующихъ здѣсь, 1244 футами выше, широкое плоскогоріе, что на восхожденіе потребно было $1\frac{1}{2}$ часа. Это Коксунское плоскогоріе лежитъ на 6532 фута надъ у. м.; оно загромождено обломками скалъ, уже отчасти вывѣтрившимися и превратившимися въ дресву; отсюда открывается великолѣпнѣйшій видъ на всѣ западныя алтайскія цѣпи, особенно привлекательный рѣзкими противоположностями величественныхъ снѣжныхъ массъ на самыхъ вершинахъ, яркой зелени на склонахъ и совершенной тѣни въ узкихъ скалистыхъ долинахъ внизу. При восхожденіи, Ледебуръ замѣтилъ здѣсь, какъ и по-

всюду на Алтаѣ (а это извѣстно также и въ швейцарскихъ альпахъ) ([423]), что граница лѣсовъ лежитъ въ настоящее время ниже, нежели прежде, очень важное замѣчаніе, какъ для хозяйственной экономіи, такъ и для народнаго богатства этого края. При этомъ случаѣ нельзя не вспомнить о благородномъ, драгоцѣнномъ, покойномъ другѣ моемъ Эбелѣ; которому было посвящено первое изданіе этого сочиненія объ Азіи: онъ первый въ главѣ швейцарскаго общества естествознанія практически возбудилъ этотъ вопросъ, заботясь о благѣ своего втораго отечества.

При этомъ восхожденіи на Коксунскія горы, надъ деревьями еще прозябающими въ настоящее время, видны были другіе уже давно высохшіе пни, въ особенности сибирской сосны значительной толщины; одна изъ нихъ, на одинъ футъ надъ корнемъ, имѣла по измѣренію 11 футовъ 3 дюйма въ окружности. На восточномъ склонѣ, на высотѣ 5692 фут., такой пень въ 13 фут. 7¾ дюймовъ въ окружности, составлялъ границу древесной растительности въ настоящее время, и деревья здѣсь не были искривлены. Конечно, это не есть естественная граница лѣсовъ, потому что и до этой высоты нерѣдко, по небрежности калмыцкихъ охотниковъ, огромныя пространства опустошаются лѣсными пожарами и алтайскіе бури и бураны, ломаютъ очень много деревъ, въ особенности сибирскихъ сосенъ (Pin. Cembra), которыя не пускаютъ корней въ глубь, но только распространяютъ ихъ на поверхности скалъ. Высшая граница березы (Betula alba) находится здѣсь, по наблюденію Ледебура, на 5263 фута надъ у. м. Единственные кустарники, которые здѣсь являются ползучими и плотно пригнѣтенными къ землѣ, были Mespilus uniflora и Juniperus lycia; альпійская флора бы-

---

(423) Kasthofer: Ueber die Veränderungen im Klima des Bernischen Hochlandes; сочиненіе, увѣнчанное преміею Швейцарскаго общества естествознанія. Ааргау 1822 г. 8.; ср. его же: Bemerkungen üb. d. Wälder und Alpen des Bernerischen Hochgebirges. Aargau. 1828. 8.

ла бѣдна, ползучая Dryas octopetala, извѣстный житель вершинъ Швейцарскихъ Альповъ, одѣвала и здѣсь своею пріятною зеленью всѣ скалы, но еще не раскрыла подъ солнечнымъ лучемъ своихъ бѣлыхъ цвѣтковъ, похожихъ формою на розы. Цвѣли только анемоны (An. narcissiflora), лютики (Ran. isopyroides), генціаны (Gent. altaica, septemfida), Draba hydrophila, Pedicularis versicolor, Anthericum striatum, Dracocephalum altaiense, Patrinia sibirica, Althamanta crinita и др.

Тургусунскіе бѣлки казались отсюда выше всѣхъ другихъ. Болѣе крутой восточный склонъ Коксунскихъ снѣговыхъ горъ гуще западнаго поросъ различными породами малорослыхъ ивъ и березъ (Betula nana, fruticosa). Первая береза, какъ было замѣчено при спускѣ горы, росла на высотѣ 5263 фут. надъ у. м. Надъ нею, на высотѣ 5692 фут. выступаетъ изъ-подъ огромной скалы обильнѣйшій источникъ Малаго Коксуна; температура его равнялась + 1°6 по Реомюру, слѣдовательно едва превосходила точку замерзанія. Источникъ ([424]) Малаго Коксуна находится еще на 3000 фут. надъ Коксунскимъ плоскогоріемъ, т. е. на 9692 фута надъ у. м.; слѣдовательно самое колоссальное возвышеніе всего, доселѣ извѣстнаго Алтая равняется почти 10,000 футовъ. Но это однакоже единственная, до сихъ поръ измѣренная возвышенная точка въ этомъ родѣ; къ сожалѣнію, во всемъ путешествіи, нѣтъ никакого ближайшаго изслѣдованія прилежащихъ къ ней высотъ (см. стр. 146—148, 222 и пр.). Оттуда, въ продолженіи трехъ часовъ (10 верстъ), не безъ опасности спускались по болотистой почвѣ, по лѣсистымъ уступамъ, черезъ ручьи и мимо ужасныхъ пропастей въ скалахъ глинистаго сланца и далѣе по лѣвому берегу Малаго Коксуна, пока, пройдя около 3½ г. м. (24 версты), остановились для ночлега на Маломъ Коксунѣ на высотѣ 4062 фут. надъ у. м. Передъ тѣмъ, на абсолютной высотѣ 4255 фут., про-

---

(424) Ledebour Alt. R. Th. I. табл. высотъ № 53, p. 404.

или мимо Сметанскаго источника ([425]), близь котораго здѣсь производились шурфовки на значительной высотѣ. Вообще въ этомъ мѣстѣ дѣлано было много шурфовъ не только въ новѣйшее время русскими, но и въ древности чудскими племенами, исчезнувшими для исторіи, но оставившими слѣды своихъ рудокопныхъ работъ. Здѣсь найдено множество новыхъ альпійскихъ растеній и нѣсколько породъ ивъ, распростравшихъ свои вѣтви по землѣ. Въ рѣчкѣ наловили форелей (Salmo thymallus и coregenoides Pall.) и другихъ рыбъ для ужина; но дичи вовсе не нашли, хотя ночью,казалось, слышали крикъ маралей. Калмыки не доходятъ до этой высоты. Только завернувшись въ шубу и съ сѣткой, сплетенной изъ лошадинаго волоса на головѣ, можно было противостоять ночному холоду и безчисленному множеству комаровъ, слетавшихся къ костру.

Во второй день (11 іюня) путешественники слѣдовали по мягкому болотистому грунту; камни, корни, тернистый кустарникъ и множество ручейковъ затрудняли путь и дѣлали его опаснымъ для лошадей; дорога пролегала по направленію къ с. и с.-в., постоянно вдоль Малаго Коксуна, мимо небольшаго озера Кавата ([426]), чрезъ которое протекаетъ эта рѣка, выше слiянія ея съ Большимъ Коксуномъ (называемымъ также Ночнымъ Коксуномъ), ниспадающимъ съ ближайшихъ высотъ на западѣ. Отсюда Коксунъ принимаетъ болѣе восточное направленіе. На сѣверной сторонѣ его должно было снова переходить черезъ горный проходъ, на которомъ беретъ начало третій, лѣвый притокъ Коксуна, Шилганъ. Здѣсь, на опушкѣ лѣса сибирскихъ сосенъ, на 5692 фут. надъ у. м., остановились для ночлега. Ближайшая, самая возвышенная здѣсь точка, на которую восходилъ Ледебуръ, находилась на 6,314 фут. надъ у. м. На этой высотѣ найдены были также старые засохшіе пни. Путешественники перешли и

(425) Ledebour T. I. стр. 149.
(426) Ledebour Altai R. T. I, стр. 125, 227.

этотъ водораздѣлъ, съ котораго къ ю.-в. стекаютъ воды въ Коксунъ, къ с. въ Чарышъ (на выс. 5953 ф. п. у. м.) и въ сѣверномъ, имъ образуемомъ сѣдлѣ, достигли источниковъ Чарыща, о которыхъ было уже упомянуто выше (см. выше стр. 261).

Ледебуръ, совершивъ свою поѣздку въ Уймонъ и возвращаясь изъ Катуньской и Коксунской долинъ въ Риддерскъ, вышелъ съ Абая на ту же самую часть теченія Верхняго Коксуна, но слѣдовалъ по ея противоположному, т. е. правому или юговосточному берегу. Онъ не переѣзжалъ на этомъ пути ни Шилгана, ни Большаго Коксуна, потому что обѣ эти рѣки впадаютъ въ Малый Коксунъ съ лѣвой стороны, но долженъ былъ переправляться чрезъ другіе правые притоки его, текущіе въ Малый Коксунъ отъ в. къ з. Начиная отъ истока до самаго низкаго мѣста они называются: 1) Южный или верхній Абай, впадающій въ Коксунъ нѣсколько ниже слiянія двухъ его истоковъ, съ правой стороны; 2) Карагай, съ правой; 3) Сауссаръ съ лѣвой; 4) Большой или сѣверный Абай, въ соединеніи съ Сугашемъ, съ лѣвой. Близь впаденія Сауссара, Ледебуръ переправился съ лѣваго берега Коксуна на правый въ лодкѣ, которая была спрятана въ этомъ мѣстѣ охотниками. На болотистомъ берегу, до впаденія Карагая, въ $^1/_4$ часахъ пути отсюда (при переправѣ, находящейся на 3695 фут. надъ у. м.) онъ нашелъ только водяныя европейскія растенія. На этой рѣкѣ стояли калмыцкія юрты, послѣднія со стороны снѣговыхъ Коксунскихъ горъ. Рѣка Карагай течетъ на протяженіи 7 часовъ пути въ направленіи къ с.-в. внизъ по Коксунской долинѣ; съ восточной стороны одного изъ с.-з. предгорій, состоящихъ въ непосредственной связи съ Холсуномъ, но примыкающихъ съ з. къ Коксунскимъ бѣлкамъ; съ западной стороны того же предгорія ниспадаетъ Малый, Верхній или Южной Абай ([427]), текущій къ с.-з. также въ Коксунъ. Ле-

(427) Ledebour l. c. T. I, p. 219.

дебуръ, проѣхавшій через горный проходъ, составляющій водораздѣлъ обѣихъ рѣкъ, по чрезвычайно трудному, болотистому пути, нашелъ его въ 4916 фут. н. у. м.; но его же измѣренію истокъ этого Карагая лежитъ на 5491 ф. надъ у. м. Съ этого горнаго прохода видны были къ Ю.-В. Холсунскіе бѣлки, съ сѣверной стороны покрытые еще повсюду снѣгомъ, также какъ къ ю.-з. Тургузунскіе, а къ з. Коксунскіе бѣлки. Дорога отъ этого высокаго, болотистаго водораздѣла, посѣщаемаго безчисленнымъ множествомъ медвѣдей, слѣды которыхъ видны были повсюду, склоняется въ юго-западномъ направленіи къ Абаю, гдѣ путешественники расположились для почлега, вечеромъ 1-го іюля, на абсолютной высотѣ 4646 футовъ. Абай дѣлаетъ сначала поворотъ къ югу, и потомъ къ сѣверу. Пройдя 5 верстъ отсюда, іюля 2-го, путешественники достигли уже извѣстнаго намъ Малаго Коксуна, миновали озеро, имѣющее около 200 саж. длины и 100 ширины, и послѣ 4 легкихъ часовъ пути (12 верстъ), далѣе къ Ю.-З. перешли водораздѣлъ коксунскихъ альповъ немного южнѣе вышеупомянутаго Коксунскаго плоскогорія (6532 фута, см. выше стр. 318), какъ кажется при нѣсколько меньшей абсолютной высотѣ. По западному склону этого водораздѣла ниспадаетъ источникъ Черной Убы (5009 футовъ надъ у. м.), направляющійся въ большую Убинскую долину, въ которой скоро соединяется съ Бѣлою Убою.

Шангинъ (428), слѣдуя къ источникамъ Чарыша, вверхъ теченія его, старался, отъ самыхъ верхнихъ его источниковъ, которые однако находились еще въ порфировыхъ горахъ, переѣхать, какъ можно ближе къ его истоку въ Коксунъ, и достигнуть послѣдняго поближе къ верховьямъ; но кажется, это не удалось ему въ той мѣрѣ, какъ оно удалось Ледебуру. Поклажу свою онъ велѣлъ перевезти отъ Чарыша по удобному,

---

(428) Шангинъ въ Pallas N. N. Beitr.: T. VI p. 82—84.

доступному проходу въ долинѣ Керлыка (правый притокъ Чарыша), черезъ пространство, раздѣлявшее источники обѣихъ рѣкъ, къ Сугашу, лѣвому притоку сѣвернаго Абая, который въ свою очередь впадаетъ въ Коксунъ съ лѣвой стороны. Отсюда онъ переправился черезъ болѣе южныя горы, и слѣдуя теченію одного изъ истоковъ къ ю.-в., все еще нашелъ продолженіе яшмовыхъ горъ, которыя содержатъ въ себѣ самыя разнообразныя породы брекчій, яшму всѣхъ цвѣтовъ и краснобурый порфиръ. Далѣе, по теченію другаго ручья, впадавшаго въ первый, онъ достигъ долины Коксуна, пройдя три г. м. (21 версту). Этотъ ручей быстро течетъ по каменистой почвѣ, по обѣимъ сторонамъ его простираются прекрасные луга; горы, сопровождающія его теченіе, плоски и невысоки, состоятъ изъ сланца и покрыты густою травою (6 іюля). Мѣстами возвышались скалы зеленой яшмы. Около ручья попадалось много лиственницъ, и нѣсколько малорослыхъ сосенъ; березъ совершенно не было видно, исключая кустарныхъ. На изсохшихъ лиственницахъ и на сланцевыхъ стѣнахъ скалъ, ласточки вили свои гнѣзда; ручей изобиловалъ язями и ускучами. Когда на другой день путешественники пришли къ тому мѣсту, гдѣ ручей, послѣ 10 верстъ теченія, впадаетъ въ Коксунъ съ лѣвой стороны, то находившійся между ними рудокопъ Зубовъ (который жилъ здѣсь прежде, будучи въ бѣгахъ) узналъ въ немъ притокъ, называемый калмыками Сакмарою (429), или вѣрнѣе, по свидѣтельству Шангина, слышавшаго названіе его отъ самихъ калмыковъ, Корсаганомъ. Но такъ какъ подобнаго имени на картахъ до сихъ поръ не было показано, то, весьма трудно было опредѣлить, говоритъ Шангинъ, въ какомъ именно мѣстѣ мы достигли Коксуна. Чтобы убѣдиться въ томъ, что при впаденіи Корсагана (на русскихъ картахъ означеннаго именемъ Сакмара), онъ дѣйствительно достигъ Коксуна, Шангинъ, оставивъ свои вьюки, от-

---

(429) Шангинъ, l. c. T. IV, p. 85—87.

правился по главной долинѣ назадъ къ сѣверу, за 7 г. м. (50 верстъ), не смотря на дурную погоду и на то, что это было сопряжено съ большими трудностями, съ цѣлью изслѣдовать главный источникъ рѣки, на что требовалось не менѣе 4 дней (отъ 9 до 12 іюля). Желательно, чтобы другіе путешественники, слишкомъ легко пріобрѣтающіе въ отдаленныхъ частяхъ свѣта славу открытія источниковъ большихъ рѣкъ земнаго шара, брали себѣ въ примѣръ неутомимыя, добросовѣстныя изслѣдованія Шангина о теченіи водъ. Но за всѣмъ тѣмъ надобно замѣтить, что въ гидрографическихъ опредѣленіяхъ остались еще нѣкоторыя невѣрности, какъ это нашелъ и Ледебуръ ([430]) и что мы принуждены соединять на нашихъ картахъ по видимому противорѣчащія одинъ другому указанія, относительно верхнихъ источниковъ Коксуна. Не есть ли этотъ Корсаганъ Шангина то же что Татарка Ледебура?

На разстояніи безъ малаго трехъ г. м. (20 вер.) выше впаденія Корсагана, Шангинъ нашелъ Коксунъ гораздо обильнѣе водами, нежели Чарышъ; здѣсь онъ течетъ черезъ разстилающіяся по долинѣ луга, между глинистыми береговыми горами; дно его состоитъ изъ хряща и теченіе быстрѣе теченія Оби. Выше онъ сливается со многими другими небольшими ручьями, луга уменьшаются, русло наполняется гранитными и сланцевыми валунами. На поверхность береговъ выходитъ ломкій сланецъ, покрытый травою, гранитъ встрѣчается не прежде, какъ при самомъ источникѣ Коксуна. Болота, сопровождающія его теченіе, не могутъ дать хорошихъ сѣнокосовъ; въ сухихъ мѣстахъ растутъ кустарники таволги (Spiraea), Potentillae, кустарныя березы (Betula fruticans), которая растетъ пирамидально, но рѣдко достигаетъ значительной вышины. Горы покрыты лиственницами, елями, и изрѣдка малорослыми и обыкновенными соснами. Шангинъ не нашелъ здѣсь всѣхъ

---

(430) Ledebour Altai R. T. I. p. 208—226. *Примѣч.* l. c. p. 213.

альпійскихъ растеній Коргона, и вообще почиталъ этотъ хребетъ менѣе значительнымъ, чѣмъ онъ оказался по изслѣдованіямъ Ледебура. Калмыки, говоритъ Шангинъ, посѣщаютъ эти горы преимущественно для охоты; но для соболей мѣстность показалась ему слишкомъ открытою и лѣсъ недовольно густымъ. Выдры ловятся у рѣки въ большомъ количествѣ русскими бѣглецами, также черныя векши, колонки (Mustela siberica), горностаи и полосатыя векши. Здѣсь показываются также многія болотныя птицы: утки въ большомъ количествѣ, нырки, небольшіе дикіе гуси, и Шангинъ даже увидѣлъ здѣсь въ первый разъ большаго китайскаго гуся. Рѣка изобилуетъ язями, ускучами, весьма большими тайменами и форелями. 10-го іюля, Шангинъ почувствовалъ въ этихъ горахъ, при шумѣ, похожемъ на отдаленный громъ, весьма сильное землетрясеніе, первые три удара котораго были въ состояніи обрушить горные утесы и даже цѣлую часть глинистаго рѣчнаго берега. Трескъ деревьевъ, раздавшійся затѣмъ, наводилъ не малый ужасъ на наблюдателя; но послѣдовавшія колебанія, продолжавшіяся болѣе минуты, были уже не такъ сильны.

Отъ Корсагана Шангинъ пошелъ (14 іюля) внизъ по Коксуну, на 5 г. м. (35 верстъ.), до впаденія малаго Хаиръ-Кумына съ правой, или южной стороны. Эта рѣка находится ниже Абая, но Ледебуръ ([431]) слышалъ, что ее называютъ Аракымъ. Первое имя, Хаиръ-Кумынъ (т. е. молодой парень), дается еще и другимъ быстро текущимъ горнымъ потокамъ. До этого мѣста, Коксунъ ([432]) течетъ еще по хрящеватому дну, между наносными берегами, въ менѣе широкой, но также болотистой долинѣ. Болотистая почва принуждаетъ иногда ѣхать верхомъ сначала между сланцевыми, потомъ между известняковыми горами. Кое-гдѣ выходитъ на поверхность гнейсъ и трапъ (діоритъ); Шангинъ нашелъ здѣсь флору уже не столь разно-

---

(431) Ledebour Altai R. T. I. p. 213.

(432) Шангинъ l. c. T. VI. p. 88.

образною, какъ у источниковъ; трава представляетъ превосходныя пастбища, лѣсъ состоитъ изъ лиственницъ; между кустарниками попадается и красная смородина. По лѣвой сторонѣ (?) текли, среди густаго лѣса, рѣки Крутая и Поперечная, которыя Шангинъ, 15 числа, велѣлъ измѣрить вверхъ по теченію. 16 и 17 іюля, онъ провелъ еще у впаденія Хаиръ-Кумына, гдѣ измѣрилъ полуденную высоту солнца и нанесъ остальныя наблюденія на свои карты. Здѣсь, слѣдовательно, находится одинъ изъ тѣхъ немногихъ пунктовъ, могущихъ служить намъ довольно твердою точкою исхода для того, чтобы оріентироваться въ этой странѣ. Отсюда рождается нѣкоторое недовѣріе къ картѣ Ледебура. Шангинъ говоритъ, что 17 числа послѣ обѣда онъ прошелъ внизъ по Коксуну ([433]) еще 12 верстъ, слѣдовательно почти на 2 г. м., и остановился при впаденіи въ Коксунъ двухъ притоковъ, изъ которыхъ лѣвый ему назвали Сугашемъ, а правый Шарачамагуномъ (см. карту горнаго округа 1816 г.). Аракымъ же Ледебура, или Хаиръ-Кумынъ Шангина, находится на Ледебуровой картѣ гораздо ниже Сугаша, который, соединясь съ Абаемъ (этой рѣки нѣтъ у Шангина), впадаетъ въ Коксунъ; слѣдовательно Сугашъ не могъ бы находиться, по этому указанію, двумя милями ниже Хаиръ-Кумына, какъ это изображено на картѣ горнаго округа, согласно съ показаніемъ Шангина. У кого произошла ошибка, — рѣшить нельзя, но во всякомъ случаѣ Сугашъ у Шангина есть то же, что Суяшъ у Ледебура.

Шангинъ избралъ теченіе малаго Хаиръ-Кумына на возвратномъ пути съ Катуни, черезъ горы Котогоръ по южной сторонѣ большаго горнаго узла бѣлковъ, чтобы дойти до большаго Хаиръ-Кумына (см. выше стр. 60) и долины Бухтармы. Вѣроятно онъ шелъ по дорогѣ, пробитой бѣглецами рудныхъ округовъ въ свои каменныя деревни на Бухтармѣ (см. стр. 84). Съемкою этихъ гидрографическихъ линій окончи-

---

(433) Шангинъ l. c. T. VI. p. 88.

лись изслѣдованія Шангина, и ему первому мы обязаны вѣрными картами этихъ мѣстъ. Шангинъ употребилъ цѣлыхъ шесть дней на этотъ первый намъ извѣстный, но до сихъ поръ оставленный безъ вниманія и никѣмъ неупомянутый переходъ черезъ замѣчательный узелъ Алтайскихъ горъ (1786) (434) изъ долины Коксуна въ долину Бухтармы. Здѣсь мы можемъ внести какъ эпизодъ описаніе этого пути (для сравненія со вторымъ переходомъ Бунге далѣе къ в. см. выше стр. 80).

Первый день пути (14 августа). Шангинъ слѣдовалъ отъ устьевъ Малаго Хаиръ-Кумына, 7 верстъ вверхъ по его долинѣ, до впаденія въ него слѣва ручья Аджо, текущаго, подобно главной рѣкѣ, по плоской долинѣ, вдоль которой можно удобно ѣхать на колесахъ. До сихъ поръ продолжаются еще известковыя горы. Отъ устьевъ Аджо, вверхъ, выходятъ на поверхность красные порфиры, яшма, красная брекчія, а за ними слѣдуетъ яшма желтая, съ жилками. Отсюда до верхнихъ притоковъ Тулагана (слѣва) и Хайталки (справа) и до источника Малаго Хаиръ-Кумына, длина котораго къ сожалѣнію не означена верстами, Шангинъ употребилъ весь *второй день* (15 августа) до поздней ночи, на обзоръ цвѣтныхъ камней, выходящихъ здѣсь на поверхность (къ путешествію Шангина приложенъ списокъ различныхъ нумеровъ собранныхъ породъ яшмы, змѣевиковъ, брекчій, порфира всѣхъ цвѣтовъ и отличныхъ качествъ, см. № 56 до 62). Главная долина была бы довольно широка для перевозки этихъ драгоцѣнныхъ находокъ, но за то долина Тулагана совершенно непроходима, и подобно долинѣ Коргона есть не болѣе, какъ узкая пропасть съ отвѣсными стѣнами. Растительность одна и та же, дичи встрѣчается больше, но птицъ и рыбъ мало. *Третій день* (16 августа). Шангинъ слѣдовалъ отъ упомянутаго ручья къ ю. въ гору, по довольно сносному пути, который, исключая немногихъ мѣстъ, можно было бы сдѣлать удобнымъ и для экипажей; 4 версты по переходѣ черезъ горный хребетъ

---

(434) Шангинъ l. c. T. VI. p. 98—101—107.

достигли источниковъ Большаго Хаиръ-Кумына. Весь горный хребетъ состоитъ здѣсь изъ плоскихъ, довольно сухихъ возвышенностей (снѣжныхъ вершинъ вовсе не видно), безъ болотистыхъ поросшихъ мхомъ пространствъ, столь часто встрѣчаемыхъ на другихъ горныхъ равнинахъ снѣжныхъ бѣлковъ. Самый гребень горнаго прохода ниже сосѣднихъ горъ: природа какъ будто старалась сдѣлать его удобнымъ для перехода, говоритъ Шангинъ. Горы состоятъ изъ сланца и брекчіи, какъ и на Баста-Кумѣ; но ближе къ источникамъ Большаго Хаиръ-Кумына попадается и гранитъ (см. выше стр. 55). Лѣсъ прекращается уже на сѣверной сторонѣ около источниковъ Малаго Хаиръ-Кумына; на бо̀льшей высотѣ вовсе его не было (конечно по тѣмъ же причинамъ, какъ и на Листвяжномъ хребтѣ) (см. выше стр. 67 и слѣд.); здѣшняя флора давно уже замерзла и покрылась снѣгомъ (16 августа). На *четвертый день* пути (17 августа) Шангинъ спускался съ горъ, вдоль Большаго Хаиръ-Кумына 17 верстъ (около 5 миль), до ручья Гребневки (справа); рѣка течетъ съ быстротою, соотвѣтствующею своему названію Хаиръ-Кумына, черезъ крутыя пропасти, по сторонамъ которыхъ проложены охотниками скользкія тропинки; безчисленные ручейки, впадающіе въ нее со всѣхъ сторонъ, затрудняютъ переходъ. Кое-гдѣ, въ скалахъ, показываются гранитъ и роговики; верхняя, разрушенная часть хребта, состоитъ изъ мергелистаго сланца. Лиственницъ, соснъ, елей здѣсь совершенно нѣтъ; не отъ вліянія ли доходящихъ сюда сухихъ степныхъ вѣтровъ, отъ которыхъ повсюду уничтожается лиственничный лѣсъ? Здѣсь исчезла даже поросль, столь распространенная на сѣверномъ склонѣ Алтая, равно какъ и извѣстные тамъ таволжникъ (Spiraca), могучникъ (Potentilla), кустарныя березы и пр. За то здѣсь вскорѣ начали показываться сосны, перемѣшанныя съ березами, также Spiraca crenata, Prunus padus и такая высокая трава, что ее можно было рвать, не сходя съ лошади, но флора однакоже нисколько не измѣнилась. Температура, замѣчаетъ Шангинъ, перемѣнилась совершенно, испаренія не могли такъ скоро выходить изъ столь

тѣсной долины и воздухъ сдѣлался нестерпимо душнымъ. Цѣлыя тучи комаровъ и мошекъ увеличивали густоту атмосферы до такой степени, что почти нельзя было открыть глазъ. Утреннихъ морозовъ, уничтожившихъ всю растительность за бѣлкàми, здѣсь казалось, вовсе не было; альпійская флора еще цвѣла и зеленѣла. Хаиръ-Кумынъ изобиловалъ водою; снѣга было довольно и во многихъ мѣстахъ рѣка протекала подъ снѣжными сводами, которые очевидно держатся здѣсь долѣе потому, что дневная теплота и ночные морозы превращаютъ рѣчную поверхность въ ледяную кору, образующую сводообразные мосты, чего нѣтъ на сѣверной сторонѣ. Но здѣсь сколько извѣстно не образуется ледяныхъ массъ, какъ это бываетъ на Тянь-Шанѣ, который превосходитъ Алтай высотою (см. Т. II, стр. 18). Лѣсные звѣри, въ весьма большомъ количествѣ, здѣсь смирнѣе нежели у береговъ Коксуна, потому что ихъ мало стрѣляютъ; птицъ не слишкомъ много, но насѣкомыя нестерпимы. На *пятый день* пути (18 августа) Шангинъ подвинулся немного, вверхъ по Гребновкѣ, потомъ внизъ, 3 г. м. (21 версту) черезъ сланцевыя и известковыя горы, въ которыхъ встрѣчается и яшма. На шестой день (19 августа), Шангинъ слѣдовалъ съ величайшею поспѣшностію, чтобъ избавиться отъ нападенія комаровъ, черезъ сланцевыя горы, около 2 г. м. (12 верстъ) до широкой Бухтарминской долины, при впаденіи Хаиръ-Кумына, гдѣ показалось туземное дерево — бальзамическій тополь (рай-дерево у русскихъ) во всей своей прелести.

Теперь мы возвращаемся отъ Бухтармы къ долинѣ Коксуна, гдѣ унтеръ-шихтмейстеръ Шангинъ получилъ предписаніе отъ оберъ-гитенфервальтера П. Шангина, сдѣлать съемку вверхъ теченія Сугаша ([435]), изливающагося съ сѣвера въ Коксунъ. Онъ повѣствуетъ, что преслѣдуя это теченіе, на протяженіи 7 г. м. (50 верстъ), онъ дошелъ до трехъ источниковъ, изъ которыхъ образуется Сугашъ, и что оттуда очень удобно пере-

(435) Шангинъ, l. c. T. VI. p. 90.

браться через плоскія, обильно поросшія травою и прикрытыя плодоносною почвою горы, въ долину Чарыша (чрезъ Черную рѣку). Здѣсь однако же выходятъ кое-гдѣ на поверхность обнаженныя скалы краснаго, бураго и зеленаго порфира и змѣевика, по сторонамъ же поднимаются цѣлыя горы этихъ породъ, которыхъ образцы были собраны. Противъ впаденія Сугаша (Абая у Ледебура), самъ Шангинъ сдѣлалъ съемку впадающаго тамъ Шарачамогуна, текущаго изъ ущелья сланцевыхъ горъ на разстояніи 3 миль (18 верстъ) съ юга. По обѣимъ сторонамъ впадающихъ въ Коксунъ рѣкъ Сугаша и Шарачамогуна образовалась низменность, около 2 часовъ пути въ ширину. Эта низменность при Сугашѣ представляла, по свидѣтельству Шангина, превосходные сѣнокосные луга, а почва, удобная къ обработкѣ, способствовала бы учрежденію колоніи; мѣстность, говоритъ онъ, наполнена лѣсомъ и кустарниками: брусники (Vaccin. Myrtillus), черной, кислой смородины, барбариса и пр.). Намекъ Шангина не пропалъ даромъ. Ледебуръ ([436]), совершившій путь отъ Чарыша, вверхъ по Керлыку, черезъ горный проходъ (4748 ф. надъ пов. мор.) къ Сугашу, котораго нижнюю часть онъ называетъ Абаемъ, нашелъ, въ 2 часэхъ пути (6 верстъ) выше его впаденія въ Коксунъ, на высотѣ 3588 ф. надъ поверхностью моря, вновь построенную (1826 г.) деревню Абай, въ широкой долинѣ. Она впрочемъ состояла еще только изъ одного двора, къ которому впослѣдствіи вѣроятно присоединились еще другія. Въ 12-ти верстахъ отсюда въ сторону, Ледебуръ остановился на ночлегѣ на Юстутѣ, лѣвомъ притокѣ Коксуна, на высотѣ 3452 ф. надъ поверхностью моря.

Шангинъ ([437]) прошелъ отъ Сугаша, по лѣвому берегу Коксуна, почти 4 г. м. (28 верстъ) до впаденія Бастакыма (у калмыковъ), или Красноярки (у русскихъ), значительнаго пра-

(436) Ledebour, T. I, p. 200.
(437) Шангинъ, l. c. VI, p. 90.

ваго, т. е. южнаго притока Коксуна, противъ котораго съ лѣвой стороны, по свидѣтельству Ледебура, впадаетъ въ Коксунъ маленькая р. Хольдъ-Аразу. Каменистое дно и мягкіе берега Коксуна продолжаются и далѣе; по валунамъ ясно видно, сколько разъ рѣка измѣняла свое русло. Долина остается широкою до Баста-Кыма; но далѣе (въ этомъ согласны оба путешественника) она постоянно съуживается и наконецъ превращается въ ущелье или пропасть, замкнутую весьма возвышенными крутыми горами, вдоль по скаламъ которыхъ, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ надъ поверхностью рѣки, проходятъ только узкія охотничьи тропинки. Эти тропинки вѣроятно проложены уже за нѣсколько столѣтій до прибытія русскихъ и даже самыхъ калмыковъ, дикими звѣрями. Протоптанныя въ скалахъ, онѣ нерѣдко ведутъ черезъ самые крутые обрывы къ мѣстамъ содержащимъ соль; но и звѣрей иногда постигаетъ опасность паденія. Одинъ калмыкъ видѣлъ зимою, въ подобномъ мѣстѣ, выдающіяся изъ-подъ снѣга оленьи рога; подойдя ближе, по замерзшей рѣкѣ, онъ нашелъ 13 мертвыхъ оленей, зарытыхъ подъ снѣгомъ и вѣроятно задавленныхъ лавиною. Я самъ помню, что видѣлъ нѣсколько скелетовъ дикихъ козъ, въ подобномъ же положеніи, подъ отвѣсною стѣною Pas aux Ponts, на краю mer de glace долины Шамуни.

Отъ устья Баста-Кыма (Бастыгима у калмыковъ, или Красноярки у русскихъ) Шангинъ и шихтмейстеръ Шишковъ, изслѣдовали эту рѣку вверхъ (отъ 22 до 25 іюля) и измѣрили ее со всѣми притоками на разстояніи 6 г. м. (40 верстъ) до самыхъ истоковъ. Полагаясь на вѣрность прежнихъ картъ, вѣроятно начерченныхъ при экспедиціи Петрова ([438]), 1761 г., въ которой участвовалъ и Кизингъ (см. Т. II, стр. 300); Шангинъ хотѣлъ во второй день пути, вверхъ по этой рѣкѣ, чрезъ водораздѣлъ Котогоръ, прямо дойти до Кара-Кема (ручья, впадающаго слѣва въ Уймонъ); но обманутый картою, онъ пере-

(438) Ledebour, l. c. T. I, p. 202.

шелъ, хотя и безъ большаго труда, но къ своему неудовольствію, черезъ водораздѣлъ къ югу и достигъ горной рѣчки. Преслѣдуя теченіе ея на 3 г. м. (20 верстъ), онъ убѣдился, что она впадаетъ въ Бухтарму (вѣроятно нижняя Черновая), противъ деревни Мяхники (см. выше стр. 61); ее не должно смѣшивать съ верхнею Черновою, см. выше, стр. 79). Послѣ этой ошибки, онъ долженъ былъ возвратиться къ устью Баста-кыма, не найдя ближайшей дороги къ Уймону. Два дня его сопровождала ужаснѣйшая гроза, которая вообще бываетъ здѣсь довольно часто (Ледебуръ пострадалъ отъ града (439), при Абаѣ 25 іюня). Подъ хребтомъ Котогоромъ, можно разумѣть только сѣверную вѣтвь Холсунской цѣпи, которую перешелъ здѣсь Шангинъ, не называя ее особымъ именемъ; хребетъ Котогоръ, говоритъ Ледебуръ, нынѣ неизвѣстенъ; рѣчка Котогорка, правый притокъ Баста-Кыма означенъ на картѣ горнаго округа, и приводитъ къ Кара-Кему (лѣвому притоку Уймона). Три другіе ручья, носящіе названіе Котогорки (440), встрѣчаются, какъ правые притоки Катуни, еще ранѣе Аргута, текущаго съ ними параллельно, но также впадающаго въ Катунь. Между тѣмъ, спутники экспедиціи измѣрили и сняли на карту Аюту (можетъ быть Тюгурюкъ у Ледебура), лѣвый притокъ Коксуна, неозначенный ни на картѣ, ни въ дневникѣ Ледебура; Аюта нанесена на картѣ русскаго горнаго округа: она выходитъ изъ гранитныхъ и сланцевыхъ горъ и протекаетъ по узкому дикому ущелью.

Ледебуръ говоритъ также, что между Баста-Кымомъ и Тюгурюкомъ, текущимъ съ сѣвера, съ водораздѣла Урсула, извѣстнаго подъ именемъ Терекшанскихъ бѣлковъ, долина Коксуна дѣлается болѣе дикою; вездѣ масса дикихъ скалъ, обросшихъ темнымъ лѣсомъ, увеличивается; съ нихъ повсюду ниспадаютъ пѣнящіеся водопады. Только съ нѣкоторыхъ возвы-

(439) Falk Topogr. Beitr. T. I, p. 307.
(440) Ledebour Altai R. T. I, p. 200.

шенныхъ пунктовъ, куда ведутъ узкія горныя тропинки, взоръ путешественника проникаетъ чрезъ густой сосновый лѣсъ въ глубокую долину Коксуна. Поверхность водъ этой рѣки раздѣляется лѣсистыми островами; грозы часто собираются въ этой дикой, но прекрасной мѣстности прелесть которой увеличивается еще болѣе раскатами грома и блескомъ молніи. До Уймона, впадающаго съ правой или южной стороны, Ледебуръ считаетъ 30 верстъ, Шангинъ 27.

3. Уймонъ и Катунь.

На этомъ мѣстѣ, гдѣ сліяніе обѣихъ рѣкъ Коксуна и Уймона принимаетъ, начиная отсюда, названіе Катуни (441) (царицыной рѣки), долина расширяется на 2 или 3 часа пути (8 верстъ по Ледебуру, 10 по Шангину) и удерживаетъ эту ширину на протяженіи 3 геогр. миль. Одною милею (7 верстъ) ниже сліянія обѣихъ горныхъ рѣкъ, на правомъ берегу, лежитъ деревня Уймонъ (3144 ф. надъ поверхностью моря по измѣренію Ледебура), основанная въ концѣ XVIII столѣтія бѣглецами и преступниками, которые, подобно каменщикамъ (см. выше стр. 84) на Бухтармѣ, были помилованы Императрицею Екатериною II и обязались платить ясакъ, но въ прочихъ отношеніяхъ остались свободными. Деревня получила свое названіе отъ рѣки. При посѣщеніи этой деревни Ледебуромъ и Бунге, назначившихъ ее мѣстомъ своей встрѣчи, чтобы отсюда предпринять новыя ботаническія изслѣдованія, она состояла, въ 1826 году, изъ 4 дворовъ, расположенныхъ въ полукругѣ, тѣсно заключенномъ между горами и содержащимъ менѣе часа пути въ поперечникѣ; по задней сторонѣ къ югу возвышались бѣлки. Пшеницы не сѣютъ здѣсь болѣе, рожь поспѣваетъ также не каждый годъ, какъ напримѣръ въ 1825 году, когда она вся погибла отъ мороза, и вообще здѣсь трудно добывать хлѣбъ, необходимый для пропитанія. Пчеловодство также не удается, потому что въ жестокія зимы

---

(441) Schangin l. c. VI, p. 94; Ledebour l. c. T. I, p. 205; Bunge, ibid. T. II, p. 113, 115—120.

недостаетъ пчеламъ пищи и онѣ часто покидаютъ улья. Эта неуспѣшность пчеловодства казалась Бунге тѣмъ болѣе странною, что на западѣ, въ сосѣдствѣ, въ лѣсахъ долинъ Капа и Чарыша, обитаетъ такое множество дикихъ пчелъ, что собираніе ихъ меда составляетъ важный промыселъ форпостныхъ казаковъ (см. выше стр. 42). Но не смотря на то, крестьяне живутъ зажиточно отъ своихъ стадъ и отъ продажи мѣховъ, добываемыхъ ими на охотѣ. О рогатомъ скотѣ и лошадяхъ они мало заботятся: какъ и у Калмыковъ, эти животныя должны сами отыскивать себѣ пищу подъ снѣгомъ. Въ окрестныхъ лѣсахъ жители косятъ небольшое количество сѣна, развѣшиваемое на деревьяхъ, чтобы въ случаѣ надобности, во время зимы имѣть готовый запасъ. Очень прибыльна также охота на оленей, весною, когда рога ихъ еще мягки и покрыты шерстью. Мягкій рогъ жители сушатъ на воздухѣ и даютъ ему окрѣпнуть, потомъ продаютъ его по кускамъ, или цѣлыми рогами, какъ лекарство, довольно дорого, монголамъ и китайцамъ, которые платятъ отъ 50 до 100 р. ас. за одинъ рогъ; вслѣдствіе чего китайскіе товары, при удобномъ положеніи Уймона для торговли, уже не составляютъ здѣсь рѣдкости. Гребцы обѣихъ лодокъ, взятыхъ для переправы черезъ Катунь, были одѣты въ широкіе халаты изъ китайской полушелковой матеріи; лошади, какъ и на Чарышѣ, должны были переправляться вплавь. Жителей Уймона Ледебуръ изображаетъ людьми кроткими, добросовѣстными и весьма гостепріимными, что вдвойнѣ отрадно видѣть въ такой дикой странѣ между людьми, бывшими прежде преступниками. Главнѣйшее ихъ занятіе зимою есть охота.

Повѣствованія Шангина ([442]) объ этой мѣстности, кажущіяся съ перваго взгляда нѣсколько похожими на сказку, въ главныхъ чертахъ своихъ подтверждаются Ледебуромъ. Начиная съ вечера до полуночи, говоритъ онъ, въ этихъ мѣстахъ слышенъ странный стукъ, похожій на выстрѣлъ изъ винтовки. Онъ происходитъ будто бы оттого, что горные бараны, которыхъ очень много въ здѣшней

---

(442) Шангинъ, l. c. T. VI, p. 96.

скалистой странѣ, ударяютъ другъ друга рогами; туземные крестьяне принесли Ледебуру въ дѣйствительности изумительно огромные рога дикихъ барановъ ([443]): разстояніе между концами роговъ равнялось 2 ф. $4^3/_4$ пар. дюймамъ; длина изгиба 2 ф. 9 дюймовъ: каждый рогъ имѣлъ 18 выдающихся колецъ; окружность каждаго кольца, при основаніи, равнялась $9^1/_2$ дюймамъ. Такими-то рогами разъяренные бараны дѣйствительно могутъ производить звучные удары о крѣпкіе черепа своихъ товарищей. Ледебуръ получилъ также бѣлую баранью шкуру, въ подарокъ отъ старшины, и ему говорили, что дикіе бараны прежде показывались здѣсь часто. Нѣсколько экземпляровъ, доставленныхъ охотниками на Уймонъ съ Аргута, было отправлено въ дерптскій музей. Охотники бьютъ ихъ преимущественно зимою, переходя черезъ замерзшую Катунь въ горы при Аргутѣ (правомъ притокѣ Катуни). Они обитаютъ на самыхъ неприступныхъ высотахъ и именно тамъ, ниже по теченію Катуни, Шангинъ ночью слышалъ описанный нами стукъ. Дикихъ козъ и аргали (архаровъ), какъ говорятъ Ледебуръ и Бунге, здѣсь болѣе нѣтъ; мы приводили свѣдѣніе о нихъ выше (см. выше стр. 148) въ Чингисъ-Тау. Палласъ ([444]) также слышалъ, что на самыхъ неприступныхъ скалахъ Тигерецкихъ бѣлковъ, обитаютъ дикіе бараны, избѣгающіе близости людей, но самъ ихъ не видѣлъ, и получилъ черепъ такого барана далѣе на востокѣ, съ Енисея, гдѣ ихъ водится болѣе, хотя они и тамъ встрѣчаются изрѣдка. Вѣроятно прежде они были распространены повсемѣстно, и кажется историкъ Абулгази называетъ ихъ архаръ ([445]). Они встрѣчаются уже въ древнемъ сказаніи объ Прганаконѣ (см. Т. II, стр. 135), гдѣ говорится, что ими проложена крутая горная тропинка въ прекрасную долину и надобно полагать, что они тамъ очень давно извѣстны, потому что изображеніе ихъ составляетъ главнѣйшее украшеніе

---

(443) Ledebour Altai R. T. I, p. 208.

(444) Pallas R. R. T. II p. 571. T. III p. 393.

(445) Abulghasi Hist. général des Tatars p. 72; Pallas Samml. russ. Gesch. T. I. 4. p. 5.

древней металлической посуды Чудей. Но число ихъ уменьшилось, подобно тому, какъ въ швейцарскихъ альпахъ горные козлы кажется совершенно исчезли. Бунге нашелъ далѣе на востокѣ нѣсколько череповъ аргали, но самыхъ животныхъ не видалъ, а слышалъ, что они иногда показываются цѣлыми стадами, избирая своимъ мѣстопребываніемъ большею частію высокій, почти неприступный хребетъ при Чулышманѣ и всячески избѣгаютъ мѣстъ, посѣщаемыхъ людьми. По свидѣтельству Ледебура, черепъ такого животнаго, находящійся въ Дерптскомъ музеѣ, вѣситъ, вмѣстѣ съ рогами, 80 ф. (446) Кромѣ аргали, здѣсь охотятся еще на краснаго волка, котораго Бунге считаетъ за Canis alpinus Палласа. Здѣсь же попадается Moschus moschiferus, чаще встрѣчающійся, какъ говорятъ, далѣе на в., въ горахъ при Чуѣ. Онъ очень боязливъ и быстръ на бѣгу. Кожа его употребляется на ремни, подобно кожѣ серны; хвостики покупаются весьма дешево торговыми казаками, продающими ихъ обыкновенно въ городѣ Бійскѣ по 4 и 5 р. ас. за штуку. Очень хорошій и цѣнный мѣхъ даютъ суслики, которыхъ выгоняютъ изъ норъ, вливая туда воду, и потомъ убиваютъ. Кромѣ того здѣсь бьютъ въ весьма большомъ количествѣ оленей, маралей, россомахъ, соболей, медвѣдей, дикихъ кошекъ, рысей, лисицъ и волковъ, доходящихъ иногда до самой деревни.

Шангинъ, по причинѣ уже поздняго времени года и далекой цѣли своего путешествія, не могъ изслѣдовать въ подробности Уймона или верхней Катуни, какъ называютъ эту рѣку, въ Фыкалкѣ и бухтарминскомъ краѣ (см. выше, стр. 80). Ледебуръ собиралъ свѣдѣнія, съ тѣмъ чтобы отправиться туда самому, и ему сказывали, что до источниковъ (447) Катуни, по ближайшему пути, считается 17 г. м. (120 верстъ); говорили, что рѣка образуется изъ двухъ прозрачныхъ источниковъ, но что одинъ изъ нихъ протекаетъ чрезъ мутное озеро молочнаго цвѣта,

---

(446) Ledebour Altai R. T. I, p. 371.
(447) Ledebour Altai R. T. I, p. 209.

на поверхности котораго образуются пузырьки. Изъ этого озера вода вытекаетъ уже принявъ молочно-бѣлый цвѣтъ, и сообщаетъ этотъ цвѣтъ соединяющемуся съ нею прозрачному источнику. Этотъ мутно-бѣловатый цвѣтъ удерживается рѣкою до соединенія ея съ Коксуномъ и сообщаетъ мутность всему нижнему теченію самой Оби. Однакоже никто не хотѣлъ служить проводникомъ ботанику; всѣ отговаривались тѣмъ, что болота слишкомъ обширны, что много встрѣчается скалъ, и что путь слишкомъ опасенъ для лошадей. Путь отъ Фыкалки несравненно безопаснѣе. Ледебуру хорошо была извѣстна сѣверная сторона Холсунскихъ и Катунскихъ бѣлко̀въ, поднимающаяся довольно полого и вслѣдствіе того имѣющая еще болотистую почву; онъ также слышалъ о большей крутизнѣ и сухости южнаго склопа, а потому отложилъ свой планъ поѣздки туда до посѣщенія Фыкалки, но планъ этотъ остался безъ исполненія (см. выше стр. 80). Бунге открылъ источники Катуни съ этой южной стороны и отчетъ его уже изложенъ нами выше (см. стр. 80 — 84); тамъ же опровергнута басня о молочномъ озерѣ. По свидѣтельству Бунге, изъ Фыкалки внизъ по Катуни можно достигнуть до деревни Уймонъ въ 6 дней, по прямому же пути въ 3 дня. До сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній о горномъ проходѣ, ведущемъ черезъ этотъ горный узелъ Алтайскихъ бѣлко̀въ. Въ гидрографическомъ исчисленіи ([448]) притоковъ Уймона, находящемся у Ледебура, поименовано 12 рѣчекъ, и разстояніе истока Катуни отъ Уймона означено въ 150 верстъ, слѣдовательно слишкомъ въ 21 г. м.

Бунге отправился съ сѣвера отъ Урсула ([449]) (лѣваго притока средней Катуни) къ югу, вдоль ручейка Караколъ, чрезъ широкій, плоскій гребень тамошнихъ бѣлко́въ, называемыхъ Теректинскими, и къ югу вдоль Теректы (лѣваго притока Катуни); онъ-то и познакомилъ насъ ближе съ горами сѣвер-

---

(448) Ledebour T. I. p. 210.
(449) Bunge l. c. T. II. p. 107—113.

наго берега Катуни. Шангинъ ([450]) также переходилъ ихъ, но гораздо ранѣе Бунге. Онъ поднялся отъ Урсула, вдоль южнаго его притока Каракола, по крутой дорогѣ, на широкій гребень, усѣянный острыми камнями, поросшими мхомъ и болотистыми растеніями, съ кое-гдѣ уединившимися, полузасохшими деревьями. На самой вершинѣ застала его ужасная непогода; все плавало въ болотахъ, озерахъ снѣжной воды, еще подернутыхъ тонкимъ льдомъ (іюня 13), между скалистыми стѣнами и камнями; лошади спотыкались и падали на утесахъ; еще опаснѣе были снѣжныя поляны. Ноги у всѣхъ лошадей были окровавлены. Только на слѣдующій день путешественники успѣли пробраться между неизмѣримыми пропастями къ Теректы и могли считать себя внѣ опасности лишь черезъ 10 часовъ послѣ того, какъ достигли южной подошвы горы, хотя и здѣсь, при сліяніи обоихъ ручьевъ, въ то время очень быстрыхъ и глубокихъ отъ половодія, они принуждены были совершить опасную переправу. Осенью, въ этихъ же самыхъ рѣкахъ, воды бываетъ такъ мало, что онѣ не достигаютъ даже до русла Катуни. Отсюда начинается прекрасная, уже упомянутая нами выше, обширная долина, съ роскошными пажитями и окруженная поднимающимися амфитеатрально высокими горами. Вступая въ эту долину, путешественникъ сначала не замѣчаетъ далеко извивающагося теченія Катуни, потому что ему приходится проѣзжать довольно густымъ лѣсомъ. Изъ-за лѣса видиѣются только снѣжныя вершины Холсуна, за которымъ находится деревня Уймонъ, на южной сторонѣ рѣки, здѣсь довольно широкой. Въ $^1/_4$ часа пути отъ южнаго берега ея лежитъ еще небольшая деревенька, послѣдняя въ высокомъ внутреннемъ Алтаѣ, и расположенная въ глубокой долинѣ, однакоже почти на одной высотѣ съ нѣмецкимъ Брокеномъ.

Только одинъ Шангинъ прошелъ вдоль теченія Катуни, внизъ отъ Уймона до сѣвернаго поворота ея, при впаденіи Аргута и

(450) Schangin l. c. T. VI. p. 100.

Чуи, изслѣдовавъ ее гораздо менѣе верхней части; Ледебуръ, основываясь на разсказахъ ([451]) уймонскихъ жителей, сообщаетъ намъ объ этой части теченія Катуни, вѣроятно равняющейся 14 — 15 г. м. (100 верстъ), лишь одни названія правыхъ или южныхъ притоковъ, между которыми однакоже замѣчательны только Аргутъ и Чуя; съ лѣвой или сѣверной стороны впадаютъ въ Катунь нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, но названія ихъ не согласуются ни съ однимъ изъ тѣхъ, которыя сообщаетъ Шангинъ — единственный очевидецъ этой мѣстности.

Шангинъ ([452]), во время поѣздки своей внизъ по теченію Катуни, переѣзжалъ рѣки Быструху, Разсыпную и Березовку, впадающія въ нее слѣва; послѣдняя протекаетъ въ $5\frac{1}{2}$ г. м. (38 верстъ) отъ Уймона. Катунь течетъ здѣсь по каменистому руслу и гораздо быстрѣе Коксуна. Съ правой или южной стороны, она протекаетъ близь самыхъ горъ; но лѣвый или сѣверный берегъ ея образуетъ сначала широкую равнину въ нѣсколько часовъ пути, мѣстами похожую на безплодную, совершенно обнаженную степь; вскорѣ однакоже она снова съуживается. Сопровождающія ее горы состоятъ сначала изъ гранита, далѣе же изъ мергеля. Только рѣчки поросли лиственницами и березами; изъ кустарниковъ встрѣчался всего чаще гребенщикъ (Tamarix germanica), растущій здѣсь по каменистымъ берегамъ рѣки, совершенно въ такихъ же мѣстахъ, въ какихъ онъ растетъ въ савойскихъ долинахъ на южномъ склонѣ европейскихъ альповъ. Пастбищныя растенія, обусловливающія характеръ степей, начинаютъ уже преобладать здѣсь и вытѣснять другія; такъ Potentilla acaulis, Dryas geoides и др. покрываютъ исключительно огромныя пространства въ степи, только мѣстами возвышается между ними Astragalus alopecurus, высокое степное растеніе, примѣтное издали. Также и другія: астрагалы, Hedysarum procumbens, Statice speciosa и пр. встрѣчаются здѣсь

(451) Ledebour Altai R. T. I, p. 211.
(452) Schangin l. c. T. VI, p. 95.

во множествѣ. Шангинъ измѣрялъ теченіе Катуни еще на 26 верстъ ниже впаденія Розсыпной слѣва, но не доходилъ 3 версты до Луговой, впадающей въ Катунь съ лѣвой стороны противъ первой Котогорки, праваго притока Катуни. Катуньская долина снова съуживается здѣсь скалистыми горами, рѣка дѣлается глубже, но неудобна для судоходства по множеству подводныхъ камней; ближайшія горы состоятъ изъ известняка. Отсюда Шангинъ, послѣ трехъ дней поспѣшной, но очень затруднительной ѣзды (съ 31-го іюля по 2 августа) ([453]), достигъ своей цѣли, дойдя до сѣвернаго поворота Катуни при впаденіи Аргута и Чуи. Онъ долженъ былъ поспѣшить своими измѣреніями по причинѣ продолжительныхъ вѣтровъ, грозъ и проливныхъ дождей, чему должно приписать также многіе недостатки и неясности, вкравшіеся при составленіи карты этой мѣстности.

Въ первый день пути, вдоль по рѣкѣ, дорога была очень худа; чтобы достигнуть ручья Осиновки, приходилось дѣлать множество обходовъ чрезъ рѣчки Луговую, Быструху, чрезъ Большую и Малую Котогорку (которыя, по картѣ заводскаго округа, впадаютъ въ Катунь съ правой стороны). И здѣсь берега Катуни представляютъ также крутыя стѣны скалъ, теченіе ея столь же стремительно, какъ теченіе Бухтармы; хотя въ ней нѣтъ водопадовъ, но за то дно ея покрыто безчисленными обломками скалъ, чрезъ которыя она прорывается съ неумолкаемымъ шумомъ и ревомъ. Окружныя горы состоятъ изъ известняка, мѣстами появляется въ нихъ гнейсъ и глинистый сланецъ; роскошный лѣсъ лиственницъ, березъ и осинъ покрываетъ горныя вершины и спускается внизъ въ самую долину. На второй день нужно было сдѣлать съемку вверхъ по Осиновкѣ, низвергающейся съ горъ въ направленіи отъ сѣверо-запада, изъ самой средины угла, образуемаго колѣномъ Катуни; но на разстояніи трехъ часовъ пути (12 верстъ) оттуда, вверхъ ея, долина съузилась до того, что превратилась въ ущелье, а рѣка—въ про-

(453) Schangin l. c. T. VI, p. 96—100.

стой ручей. Горы на правомъ берегу ея все еще состояли изъ известняка, но на лѣвомъ, недалеко отъ прорыва Катуни, только на 2 версты отъ устья Осиновки, возвышались скалы изъ прекрасной зеленой брекчіи, а за ними цѣпь горъ состояла изъ сѣраго порфира, поднимавшагося вверхъ до самыхъ снѣговъ. Долина эта, богатая березовыми и осиновыми лѣсами, заключаетъ въ себѣ превосходный строевой лѣсъ. Третій день пути, подъ безпрерывнымъ дождемъ, ѣхали все по сухимъ равнинамъ, лишеннымъ подножнаго корма, и принуждены были торопиться изъ всѣхъ силъ, несмотря на крутую, скалистую дорогу, проходившую черезъ прекрасныя мраморныя (изъ чистаго бѣлаго или волнистаго и полосатаго мрамора) и порфировыя скалы. Но при всей поспѣшности, пустившись въ путь съ ранняго утра, путешественники только въ полдень достигли до устьевъ Аргута, впадающаго тремя верстами ниже Осиновки, въ Катунь, съ юго-восточной стороны. Изъ немногихъ указаній, бывшихъ у насъ подъ рукою, можно заключить, что онъ беретъ свое начало на самыхъ дикихъ скалистыхъ, высокихъ горахъ сѣвернаго склона возвышенныхъ Катунскихъ столбовъ (см. выше стр. 80). Доселѣ никто не достигалъ до его источниковъ. Шангинъ видѣлъ нѣсколько долинъ на южномъ берегу Катуни, около устья Аргута и его притока, Большой Котогорки (нынѣшніе крестьяне въ Уймонѣ не знаютъ этого имени (454), а тамошнюю рѣку называютъ Кучурля). Онъ смотрѣлъ на эти долины съ сѣвернаго берега Катуни и онѣ показались ему восхитительными и вполнѣ достойными изслѣдованія, уже потому только, что обѣ эти рѣки несутъ ту же бѣловатую (см. выше стр. 338) и подобную сывороткѣ воду, въ рѣку Катунь. Но Шангинъ вовсе не былъ на этой сторонѣ Катуни, которой стремительное теченіе и подводные камни удержали его отъ переправы чрезъ нее, а другихъ очевидцевъ здѣсь совсѣмъ не было. По сло-

(454) Ledebour l. c. T. I, p. 209.

вамъ Шангина, далѣе по сторонамъ Катуни, горы становятся уже такъ скалисты и раздробляются на такіе мелкіе обломки, что ни на лошади, ни пѣшкомъ нельзя продолжать пути; почему онъ здѣсь и долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго описанія Катуни. Кажется, что крестьяне деревни Уймона проникаютъ нынѣ, даже въ эту долину Аргута, но только зимою, по льду Катуни, чтобъ поохотиться за каменными баранами. Еслибъ въ то время всѣ окрестныя горы не были уже покрыты снѣгомъ (еще съ 26 іюля), то Шангинъ сдѣлалъ бы себѣ здѣсь челнъ и водою продолжалъ путь своихъ открытій въ этихъ алтайскихъ пустыняхъ, какъ дѣлали это нѣкоторые путешественники между лѣсами и скалами Мараньона и Ориноко. Строевой лѣсъ имѣлъ онъ въ изобиліи, а плаваніе по Катуни хотя и казалось все еще сомнительнымъ, но попытка такого плаванія, въ видахъ устройства будущаго воднаго транспорта, представлялась ему необходимою. Съ тѣхъ поръ и донынѣ никто не продолжалъ выполненія его плановъ и только поучительныя путешествія Бунге, съ сѣвера, вверхъ по Катуни и Чуѣ, дополняютъ отчасти прежнія, недостаточныя наблюденія этихъ мѣстностей. Шангинъ же долженъ былъ, послѣ этого, какъ можно скорѣе возвратиться къ верхней Катуни, по извѣстной дорогѣ, чрезъ горы въ источникахъ Осиновки. Снѣгъ покрывалъ уже всѣ горы этого сѣвернаго склона Алтая (отъ 3 до 16 августа) и здѣшній южный вѣтеръ былъ очень холоденъ, тогда какъ перейдя на южную сторону Алтайскихъ бѣлкòвъ къ Бухтармѣ, путешественникъ почувствовалъ нестерпимый, мучительный зной. При этомъ поспѣшномъ возвращеніи, часто приходилось однако же отдыхать по цѣлымъ днямъ, потому что изнуренныя голодомъ лошади не были въ силахъ продолжать пути, тѣмъ болѣе, что копыта совершенно обились отъ скалистой дороги, а ноги покрылись ранами. Шангинъ пользовался этими непроизвольными досугами для того, чтобы внести въ свою карту гидрографическія и геогностическія данныя, какія успѣлъ пріобрѣсти своими на-

блюденіями; но, къ сожалѣнію, обѣщаніе Палласа относительно изданія этой карты не приведено въ исполненіе.

4. Урсулъ, лѣвый притокъ Катуни.

Съ лѣвой стороны Катуни, самый большой сѣверный ея притокъ, наиболѣе намъ извѣстный, есть Урсулъ, который въ то же время параллеленъ съ Коксуномъ и имѣетъ одинаковое съ нимъ направленіе къ востоку. Съ нимъ знакомитъ насъ Бунге, за которымъ мы уже слѣдовали выше, въ сопровожденіи его гостепріимныхъ Калмыковъ, чрезъ пологій и удобный горный проходъ Ябагана (4804 ф. надъ поверх. моря), изъ Чарышской долины къ Яло, лѣвому притоку верхняго Урсула, до мѣста его впаденія въ эту послѣднюю рѣку (3571 ф. н. поверх. моря) (см. выше стр. 308). Въ трехъ дняхъ пути оттуда, внизъ по долинѣ Урсула къ востоку, Бунге достигъ Катуни въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ Урсулъ, и переправился на восточный берегъ ея (отъ 17 до 19 мая 1826 г. ([455]), съ тѣмъ чтобы потомъ пробраться вверхъ, далѣе къ Чуѣ.

Первый день пути (17 мая 1826 г.). Отъ притока Яло, внизъ по долинѣ, которая вблизи рѣчнаго берега окаймлена большимъ лѣсомъ бальзамическихъ тополей (Populus balsamifera); здѣсь поросль состоитъ изъ малорослой ивы, крововаго терна (Crataegus sanguinea), черемухи (Prunus padus) и акаціи (Robinia caragana). Долина не узка; къ сѣверу ограждаютъ ее невысокія округленныя вершины горъ (восточное продолженіе Башалацкихъ бѣлковъ); впрочемъ иногда показываются здѣсь и высокія, снѣговыя горы, отдѣляющія долину Урсула отъ сѣверной Катуни. Къ западу, вверхъ по Урсульской долинѣ, возвышается, въ отдаленіи, прекрасный бѣлокъ, съ широкою уединенною вершиной. Перейдя притоки Таботой и Кенгу (съ лѣвой, сѣверной стороны), Бунге

---

(455) Bunge l. c. T. II, p. 53—65.

достигъ къ вечеру до юртъ калмыцкаго зайсана Кучугеша, котораго жена, за отсутствіемъ мужа, угостила путешественника въ своей юртѣ, чаемъ и аракомъ, и въ знакъ своего благорасположенія часто мѣнялась съ нимъ табачною трубкой. Въ это время она и всѣ ея люди были пьяны, также какъ и зайсанъ, который пріѣхалъ домой уже поздно вечеромъ, слѣзъ съ сѣдла, пошатываясь, и сначала старался привѣтствовать гостя ломанымъ русскимъ языкомъ, но потомъ кончилъ грубыми требованіями водки; однако на слѣдующее утро, опохмѣлившись, проводилъ его съ почетомъ. Когда Бунге, въ іюлѣ того же самаго года, вторично проѣзжалъ долину Урсула отъ Кана къ Катуни, опъ проходилъ здѣсь мимо многихъ юртъ, въ которыхъ повсюду справлялись шумныя попойки. Въ то время года (въ іюлѣ и августѣ) ([456]), когда кобылы даютъ молоко, трезвыхъ между здѣшними Калмыками встрѣчается мало: напившись дома своего кумыса, они спѣшатъ изъ одной юрты въ другую на попойку, и увѣряютъ, что ихъ лошади несравненно осторожнѣе носятъ пьяныхъ, нежели трезвыхъ; очень естественно, что умнымъ животнымъ приходится тогда замѣнять своимъ инстинктомъ недостатокъ разсудка своихъ всадниковъ, которые, въ веселомъ опьянѣніи, вполнѣ предаются своей наклонности блуждать изъ юрты въ юрту и отъ одного стада къ другому. Притомъ надобно замѣтить, что большая часть переломовъ и вывиховъ калмыцкихъ ногъ относится къ этому времени года; и днемъ и ночью случается, что они падаютъ съ лошадей на всемъ скаку и остаются замертво на землѣ, что однакоже не вполнѣ доказываетъ заботливость лошадей о своихъ хозяевахъ. Калмыки съ своими стадами охотно кочуютъ въ пріятной долинѣ Урсула, отъ Катуни вверхъ до Ябагана и Кана—притоковъ Чарыша; за то долина на югъ къ Коксупу, Уймону и верхней Катуни рѣдко посѣщается ими, и здѣсь они только быстро проносятся охотничьими партіями, боясь китайскихъ и монгольскихъ объѣздныхъ командъ, которыя пре-

(456) Bunge l. c. T. II, p. 130.

жде каждый годъ на нихъ нападали и грабили ихъ. Отъ Урсула, Ябагана, Кана и принадлежащихъ имъ долинъ, начинаются более удобные переходы чрезъ сѣверныя предгорія къ долинѣ Ануя и Песчаной (вправо отъ Ануя), черезъ которую не трудно переправляться съ стадами. Эти проходы, по которымъ можно двигаться даже на колесахъ, даютъ Калмыкамъ возможность быстро передвигаться, когда они кочуютъ, во время прибытія въ эти внутреннія алтайскія долины татарскихъ пограничныхъ пикетовъ съ юга, или разбойничьихъ объѣздныхъ командъ. Какъ скоро эти отряды уходятъ въ свои китайскіе предѣлы, то и Калмыки большею частью возвращаются на свои прежнія кочевья при Канѣ и Урсулѣ, что однакожъ, по крайней мѣрѣ въ старину, совершалось обыкновенно не ранѣе конца хорошаго времени года, т. е. сентября. Однакоже эти команды не осмѣливались доходить до сѣверныхъ передовыхъ долинъ Ануйскихъ и Башалацкихъ бѣлковъ, хотя, во время Шангина 1786 ([457]), и проникали еще до Верхняго Коксуна при Сугашѣ (см. выше стр. 326), чего онъ самъ былъ очевидцемъ, и даже каждый годъ отваживались доходить до Кана и Ябагана, для грабежа тамошнихъ беззащитныхъ калмыцкихъ пастуховъ, которыхъ Русскіе не могли защитить до тѣхъ поръ, пока сами не сдѣлались обладателями и поселенцами этихъ альпійскихъ долинъ. Китайскій разъѣздъ, изъ 35 человѣкъ конницы, подобно шайкѣ разбойниковъ проскакавшій мимо палатки Шангина при Сугашѣ (12 августа 1786 г.) и закутанный въ шелковые китайскіе халаты, состоялъ, какъ кажется, изъ желтыхъ Сойоновъ; онъ былъ посланъ на рекогносцировку изъ китайскаго пограничнаго пикета на верхней Чуѣ и возвращался тогда назадъ (12 августа). Казаки, провожавшіе Шангина, узнали этихъ птицъ по полету и съ бранью послали вслѣдъ имъ крикъ: „китайцы! китайцы!“ Прежде нежели Шангинъ успѣлъ выйдти изъ своей палатки, они уже скрылись съ глазъ. Со времени основанія Уймонскаго поселенія эти безпорядки со-

(457) Шангинъ l. c. T. VI, p. 100.

вершенно прекратились въ пограничныхъ областяхъ двоеданцевъ, и калмыцкія юрты на Урсулѣ пріобрѣли спокойное и безопасное положеніе. По крайней мѣрѣ Бунге, въ верхней долинѣ Уймона, нашелъ (1826) очень большое число жердяныхъ подмостковъ, обвѣшанныхъ звѣриными шкурами, веревками и лоскутьями, которые служатъ у Калмыковъ жертвоприношеніемъ ихъ добрымъ и злымъ духамъ, и кромѣ того составляютъ первый признакъ населенности этихъ странъ.

Второй день пути (18 мая). Отъ Конги, внизъ по Урсульской долинѣ, по сѣверному берегу рѣки, къ устью Тюэкты (лѣваго ея притока), гдѣ Бунге въ первый разъ нашелъ на крутомъ склонѣ горы, въ полномъ цвѣтѣ, пышную алтайскую альпійскую розу (Rhododendron dauricum), которая, по свидѣтельству Палласа, не встрѣчается нигдѣ далѣе на з., и изрѣдка показывается только, начиная съ Енисейской области ([458]), пока наконецъ далѣе къ в. не сдѣлается преобладающимъ альпійскимъ растеніемъ Даурскаго нагорья. Отъ Тюэкты путешественники шли внизъ къ Караколу (правому притоку Урсула), къ югу отъ котораго дорога ведетъ въ гору чрезъ Теректинскіе бѣлки къ деревнѣ Уймону (см. выше стр. 338). Два Калмыка выстроили себѣ въ этомъ мѣстѣ юрты. Бунге оставилъ здѣсь часть своей поклажи, слишкомъ обременительной для дальнѣйшаго пути, въ юртѣ Джуленга Джигилека ([459]) и вѣрный Калмыкъ честно сберегъ порученное ему имущество, пока путешественникъ не возвратился сюда 11 іюля, во второй, а чрезъ мѣсяцъ и въ третій разъ. По удостовѣренію и опыту Бунге, величайшее отвращеніе отъ воровства составляетъ отличительную черту здѣшнихъ Калмыковъ. Отъ долины Каракола, измѣренной еще Шангинымъ и начинающейся узкимъ ущеліемъ, можно достичь двумя дорогами, чрезъ большую, или чрезъ малую Теректу, долины Катуни при Уймонѣ. Близъ Каракола путешественникъ переѣзжаетъ съ сѣвернаго на южный

---

(458) Pallas Sibir. Flora in R. R. T. III, p. 313—321.
(459) Bunge l. c. T. II, p. 57, 105, 131. Шангинъ l. c. T. VI. p. 100.

берегъ Урсула, раздѣляется здѣсь на многіе рукава; поверхность водъ его лежитъ въ этомъ мѣстѣ на 2819 фут. надъ уровнемъ моря. Тутъ мѣстность измѣняется, горы становятся круче, сдвигаются все ближе и ближе съ обѣихъ сторонъ, и Урсулъ, переполнясь водами, въ узкой глубокой пропасти, становится шумнымъ, бушующимъ потокомъ, среди этой дикой рамантической мѣстности. Онъ уноситъ тысячи гранитныхъ валуновъ, пробираясь сквозь разсѣлины скалъ, поросшихъ кустами акацій и жимолости, и принимаетъ въ себя съ южной стороны стремительный малый Улегуменъ. Въ юртахъ кочующихъ здѣсь Калмыковъ Бунге устроилъ свой ночлегъ подъ конецъ втораго дня.

Третій день пути (19 мая). На ю.-в. отъ малаго Улегумена, нашъ странствующій ботаникъ оставилъ Урсулъ, который тотчасъ къ с.-в. впадаетъ въ Катунь, но мѣсто его впаденія все еще намъ неизвѣстно. Здѣсь поднимается горный гребень, составляющій сѣверо-восточный выступъ Теректинскихъ бѣлкòвъ и отдѣляющій воды малаго Улегумена отъ водъ большаго Улегумена, впадающаго въ Катунь нѣсколько выше перваго. Этотъ водораздѣлъ, со временъ китайскаго владычества, продолжающагося до сей мѣстности, получилъ имя Іэти-Каманъ, т. е. семи форпостовъ ([460]) и хотя онъ далеко не достигаетъ до альпійской зоны, однако-же на него трудно взобраться, по причинѣ его крутизны и утесистой дороги. Разсѣлины его въ это время, въ срединѣ мая, были покрыты прекраснѣйшими растеніями; особенно даурскія, альпійскія розы (Rhododendron dauricum), густо усѣянныя цвѣтами, оживляли дорогу и заставляли забывать всѣ ея трудности. — Не болѣе какъ чрезъ два мѣсяца, вся эта флора уже засохла. Проходъ этотъ, по барометрическому измѣренію Бунге, лежитъ на 4,271 футъ надъ ур. моря. Еще круче спускъ отсюда, внизъ къ большому Улегумену; впрочемъ новый, прекрасный видъ на дикую природу долинъ Катуни вознаграждаетъ за опасность пути. Боль-

---

(460) Bunge l. c. T. II, p. 59, 135.

шой Улегуменъ могучимъ горнымъ потокомъ низвергался съ западной вершины внизъ, на очень низменную долину. На с.-в. долина эта ограждена менѣе высокими вершинами, кругловатыми и скудно поросшими, съ юга же, напротивъ, ее запираютъ высокія, скалистыя горы, покрытыя лѣсомъ. Въ долинѣ было построено много юртъ, внизу она осѣнена прекрасными тополями; по сторонамъ дикія группы скалъ были украшены превосходными кустами акацій, боярки, жимолости; тамъ же растетъ крыжовникъ, смородина, черемуха и разные роды ивъ, и кромѣ того представлялась взору интересная флора травъ. На свободныхъ пространствахъ здѣсь были поля, засѣянныя ярицею, пшеницею, ячменемъ, а также и коноплею ([461]); Бунге видѣлъ ихъ при своемъ второмъ проѣздѣ въ срединѣ іюля. Хотя полосы были малы и всходы слабы, потому что были вскопаны лопатою и едва орошены каналами, однако жъ онѣ все-таки свидѣтельствовали о начаткахъ земледѣлія въ этой калмыцкой пустынѣ. Впрочемъ, калмыки преимущественно воздѣлываютъ ячмень для того, чтобы пріобрѣсти муку, необходимую для приготовленія любимаго ими чая.

Обыкновенно черезъ Улегуменъ переходятъ нѣсколько ниже этого пункта, и по небольшой равнинѣ приближаются къ прекрасному широкому теченію Катуни. Спустившись по крутому каменистому берегу, переправляются чрезъ нее въ лодкѣ.

5. Переправа чрезъ Катунь и переходъ къ Чуѣ.

При катуньскомъ перевозѣ стояла юрта—пріютъ Калмыка, перевозившаго путешественниковъ на восточный берегъ въ очень ненадежномъ челнѣ, изъ выдолбленнаго ствола тополя. Мѣсто это избрано для перевоза особенно потому, что широкій потокъ здѣсь очень стѣсненъ въ своемъ теченіи; нѣсколько

---

(461) Bunge, l. c. T. II, p. 135.

выше онъ дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу подъ прямымъ угломъ и течетъ съ ужасающею быстротою, въ прямомъ направленіи отъ ю.-з. къ с.-в. По причинѣ глубины онъ дѣлается въ этомъ мѣстѣ спокойнымъ и тихимъ, впрочемъ только по наружности, потому что выше и ниже перевоза есть два значительные порога и въ высокую воду онъ подымается въ скалахъ на 15 и даже на 20 футовъ выше нежели въ обыкновенное время. Тогда переправа чрезъ него невозможна. Разсказывали, что на обоихъ берегахъ просверлены скалы, между которыми былъ прежде у китайцевъ канатный мостъ, какіе обыкновенно встрѣчаются въ Юнанѣ, Тибетѣ и Гималаяхъ. Къ сожалѣнію, самъ Бунге не видалъ этого мѣста. Тутъ же, только немного ниже, долженъ находиться камень съ отпечаткомъ человѣческой ноги и зада. Легенды въ этой странѣ такъ рѣдки и намъ остается только сожалѣть, что нельзя было ближе изслѣдовать эту интересную часть теченія Катуни. Можетъ быть къ собственно природному образованію присоединился какой нибудь историческій памятникъ? Мы уже видѣли выше, что китайцы въ своихъ набѣгахъ проникали до этихъ мѣстъ даже и въ новѣйшее время, слѣдовательно, народные памятники въ этихъ долинахъ могли бы быть очень важны для науки. Вотъ одинъ изъ калмыцкихъ разсказовъ объ этомъ мѣстѣ: два могучіе великана, отецъ и сынъ, отыскивая себѣ новое мѣсто жительства, пришли къ Катуни, которая здѣсь явилась имъ на пути, какъ бы препятствуя продолжать его. Они рѣшились запрудить потокъ; но тутъ у нихъ сдѣлался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, отецъ отправилъ за ними сына на родину къ женамъ и крѣпко наказывалъ ему не говорить ни съ кѣмъ ни слова, ибо иначе не могла удасться плотина. Нѣмъ какъ рыба оставался сынъ у женъ, только при прощаньѣ невольно вырвалось у него нѣсколько словъ. Между тѣмъ, отецъ почти окончилъ плотину и когда пришелъ сынъ, ему оставалось отломать отъ горы еще одну огромную скалу и сбросить ее въ потокъ; тогда плотина была бы готова. Но когда они

соединенными силами принялись скатывать эту скалу, нарушеніе обѣта уничтожило чары, скала разбила плотину въ дребезги, вмѣсто того, чтобы закончить ее. Въ гнѣвѣ на своего непослушнаго сына отецъ-великанъ ударилъ ногою въ скалу и слѣдъ ея остался и донынѣ, а сынъ въ глубокомъ горѣ, сидя на сосѣднемъ камнѣ, также оставилъ въ твердой скалѣ слѣдъ своего сидѣнія.—Переправа на узкомъ и шаткомъ челнѣ чрезъ глубокій потокъ, чрезъ быстрые прибои волнъ къ подводнымъ скаламъ и прибрежнымъ камнямъ, очень опасна, и представляетъ такое рискованное предпріятіе, при которомъ малѣйшая неосторожность можетъ унести пловцовъ безвозвратно въ водоворотъ нижняго порога. Впрочемъ и эта и вторая переправа, въ гораздо болѣе высокую воду ([462]), чрезъ два мѣсяца (12 іюля), счастливо окончилась для нашего путешественника. Бунге замѣчаетъ, что вода въ то время окрасилась, стала мутною и бѣловатою, тогда какъ при первой переправѣ черезъ рѣку, въ маѣ, она была совершенно чиста. Ему говорили, что этотъ цвѣтъ сообщали Катуни воды Аргута. Осадокъ воды давалъ бѣлую глину и блестящія пластинки слюды и талька, а на берегу, на той высотѣ, на какую обыкновенно поднимается вода, образовался желтоватый цементъ, скрѣплявшій молодыя брекчіи (см. выше стр. 669). Третья переправа ([463]), 14 августа, при сильномъ полноводьѣ была очень опасна и увлекла путниковъ близко къ нижнему водопаду; челнъ легъ на бокъ, вода уже проникала въ него и ему немногаго недоставало, чтобъ пойти ко дну. Потому-то, по обѣимъ сторонамъ берега, видны благодарственныя жертвы Калмыковъ (лоскутья, ленты и пр. т. п., привязанныя къ древеснымъ вѣтвямъ) за счастливую переправу и за спасеніе отъ опасности.

Песчаный восточный берегъ Катуни, весь заваленный обломками дикихъ скалъ, привелъ въ изумленіе своею роскошною

(462) Bunge, l. c. p. T. II, 137.
(463) Bunge, l. c. p. T. II, p. 166.

растительностью, при такой высотѣ поверхности ея надъ уровнемъ моря (на 2351 ф.). Акація, доселѣ малорослая (Robinia pygmaea), образуетъ здѣсь высокіе кусты, а обыкновенная акація (Robinia caragana) и ирга (Mespilus cotoneaster), до сихъ поръ показывавшіяся только въ кустахъ, здѣсь достигаютъ высоты деревъ. Многія травы были въ полномъ цвѣтѣ, ягоды созрѣли и кое-гдѣ виднѣлись самыя рѣдкія растенія Hypecoum erectum, Patrinia siberica, Polygala siberica, Viola dissecta n. sp., Clematis glauca и др. Нашъ ботаникъ говоритъ, что здѣсь росла даже Guldenstaedtia monophylla, впрочемъ уже поблекшая, а ее онъ тщетно искалъ до сего времени. Даже въ такую раннюю пору (въ половинѣ мая) здѣсь, въ узкомъ ущельѣ, было очень жарко. На возвратномъ пути (464), въ половинѣ іюня (10-го числа), Бунге нашелъ, что вся растительность красовалась въ привлекательномъ полномъ цвѣтѣ, жаръ не спадалъ даже ночью и множество насѣкомыхъ кружилось цѣлыми роями, между которыми съ шумомъ носились травяныя кобылки (465). Кажется, наблюденія энтомологовъ еще не проникали сюда.

На восточномъ берегу, при перевозѣ чрезъ Катунь, поднимается высокая, довольно обширная равнина, на которой виднѣлось еще нѣсколько цвѣтущихъ гюльденштедтій, конечно потому, что здѣсь обыкновенно не бываетъ большихъ жаровъ. Оттуда нужно было проѣхать еще три версты вверхъ черезъ каменистую, безплодную и очень высокую поверхность, по возвышенному берегу Катуни; поверхность эта называется у Калмыковъ *бомъ*. *Бомъ* значитъ (466) по-монгольски вообще крутой, горный скатъ или обрывъ надъ рѣкою, пробивающеюся чрезъ горы. Эта скалистая дорога на сѣверномъ изгибѣ Катуни

---

(464) Bunge, l. c. T. II, p. 105.

(465) Fr. Gebler Bemerkungen über die Insecten d. Altai въ Ledebour Altai R. T. p. 3 — 228.

(466) Klaproth mém. relat. à l'Asie T. I. 26. и его же magasin Asiat. T. I. 153.

очень опасна. Берегъ отвѣсно поднимается вверхъ и на самомъ краю его извивается тропинка чрезъ высокіе выступы скалъ, образующіе собою ступени, по которымъ лошади должны то взбираться, то спускаться. Не смотря на то, безопаснѣе ввѣриться ловкимъ калмыцкимъ лошадямъ, нежели карабкаться пѣшкомъ по крутизнѣ; эти опытныя, искусныя лошадки съ величайшею осторожностью и самоувѣренностью плотно соединяютъ свои заднія ноги съ передними, чтобъ только какъ нибудь удержаться на узкой плоскости скалы. Но это напряженіе верховыхъ, а тѣмъ болѣе вьючныхъ лошадей, совершенно истощаетъ ихъ, и если ночной мракъ застаетъ путниковъ въ такомъ мѣстѣ, то опасность можетъ быть велика.

По другую сторону этого прохода стояло нѣсколько калмыцкихъ юртъ на высокомъ берегу Катуни, имѣющей здѣсь тотъ же самый видъ, какой и по ту сторону *бома*. Недалеко отъ берега возвышаются горы, получившія названіе Сершальскаго хребта, отъ маленькаго вытекающаго оттуда ручья Сершала (правый притокъ Катуни). Чрезъ этотъ-то хребетъ слѣдовало теперь перейти, для того чтобы достигнуть долины Чуи. Хотя устье Чуи отстоитъ отъ этого мѣста только на 2 часа пути (5 верстъ), но при настоящей высокой водѣ рѣшительно не было возможности добраться до него вдоль по крутому берегу Катуни, тѣмъ болѣе, что при этомъ пришлось бы переѣзжать нѣсколько разъ черезъ Чую, о чемъ теперь (въ половинѣ мая) нечего было и думать, по причинѣ полноводія, и глубины этого быстраго и стремительнаго потока. Но и позже путешественники всегда предпочитали этотъ горный проходъ, такъ что до сихъ поръ остается вопросомъ, можно ли вездѣ пройти по другому крутому берегу. Объ этомъ мы ничего не знаемъ. Катунь образуетъ здѣсь границу между вѣрноподданными калмыками и двоеданцами. Вѣрноподданные калмыки состоятъ подъ властью и защитою Россіи и платятъ подать только русскому правительству; двоеданцы же подчинены также и китайцамъ, платятъ и имъ дань, а ихъ князья или зайсаны

назначаются китайскимъ императоромъ и получаютъ отъ него содержаніе серебряными ямбами отъ $1/2$ до 2 фунтовъ вѣсомъ (см. выше стр. 191). Но въ то же время и русское правительство собираетъ съ нихъ подать какъ съ своихъ подданныхъ; дѣла ихъ разбираются русскимъ исправникомъ. Зайсаны получаютъ русское потомственное дворянство и считаются въ майорскомъ чинѣ. Они вообще зажиточнѣе своихъ сосѣдей и отличаются отъ нихъ также своею одеждою. Да и самая наружность ихъ отлична отъ наружности вѣрноподданныхъ калмыковъ: лицомъ они еще болѣе похожи на манджуровъ, своихъ ближайшихъ южныхъ сосѣдей. Утварь свою, какъ-то трубки, огнива, чашки и пр. они получаютъ большею частью съ близкихъ къ нимъ китайскихъ пикетовъ; курятъ они только китайскій табакъ, между тѣмъ какъ вѣрноподданные калмыки большею частію употребляютъ все русское. Ихъ область простирается по всей Чуѣ, вверхъ до самаго ея истока.

Прежде достиженія Чуи, нужно сначала пробраться по упомянутому обходу Сершальскаго хребта мимо истоковъ Сершала и Елагуша (притоковъ Катуни), къ Айгулаку (правому, восточному притоку Чуи), а на это потребно полтора дня. — На высотѣ горнаго прохода, 5914 футовъ надъ уровнемъ моря, гдѣ только что успѣлъ стаять снѣгъ (21 мая), разстилался густой, пестрый коверъ разноцвѣтныхъ крупныхъ алтайскихъ фіалокъ (Viola altaica) и Dracocephalum altaiense. —Подъ свѣжимъ снѣговымъ обваломъ надобно было подниматься съ величайшимъ трудомъ въ гору, пробираясь сквозь заваленный валежникомъ кедровый, лиственничный и еловый лѣсъ, чтобъ достигнуть долины (467) Елагуша. Долина эта заросла густымъ лиственничнымъ лѣсомъ и въ ней выстроено нѣсколько юртъ, бѣдныхъ на видъ, но окруженныхъ большими стадами овецъ (на 4,000 фут. абсолютной высоты); юрты эти служили ночлегомъ для путеше-

---

(467) Bunge l. c. T. II. 67, 104. 139.

ственниковъ. При позднѣйшемъ посѣщеніи этихъ мѣстъ, 13 іюля, путешественникъ засталъ обитателей юртъ отдыхающими послѣ охоты, на которой они убили 18 оленей. На слѣдующій день нужно было перейти гораздо болѣе высокія горы, за предѣлами лѣсной растительности; Бунге опредѣляетъ вершину одной изъ нихъ при источникѣ Айгулака въ 7,317 фут. надъ поверхностью моря (по измѣренію барометромъ). И здѣсь также, на предѣлахъ лѣсной растительности, было много уродливыхъ деревьевъ; однакоже они все-таки имѣли высоту отъ 15 до 20 фут., а стволы отъ $^1/_2$ до 1 фута въ діаметрѣ; а выше, за этими зеленѣющими стволами, виднѣлась еще полоса засохшаго на корнѣ лѣса, въ которомъ совершенно не было ни одной молодой поросли. Нельзя еще удовлетворительно объяснить причины этого страннаго явленія, замѣченнаго уже и Ледебуромъ при переходѣ черезъ Коксунъ (см. сыше стр. 316), а Бунге видѣлъ его не только здѣсь, но и на многихъ другихъ вершинахъ горъ, даже къ востоку, до лѣваго берега Башкауса, спускающагося въ направленіи къ сѣверо-востоку. На высотѣ горнаго перехода къ Айгулаку, распространяется широкій горный гребень, съ плоскими, снѣговыми долинами и съ немногими красиво возвышающимися закругленными вершинами, между которыми изрѣдка выступаютъ острыя, обнаженныя скалы; нигдѣ нѣтъ одиноко стоящей горы или глубокой долины; однимъ словомъ здѣсь преобладаетъ форма плоскогорія. Все вообще, по словамъ Бунге, есть громадная горная масса, подымающаяся высоко надъ областью лѣсовъ и представляющая обширную волнистую плоскость, покрытую въ то время снѣгомъ на равное пространство и въ длину и въ ширину; дорога по ней очень плоха: на каждомъ шагу и конь и всадникъ подвергаются опасности глубоко увязнуть въ снѣгу. Спускъ вдоль узкаго Айгулака, въ глубокую долину Чуи, ужасенъ; горный источникъ, разбиваясь множествомъ каскадовъ и водопадовъ, течетъ зигзагомъ, такъ что на эту дорогу (25 верстъ) потребовалось 7 часовъ и 19 разъ приходилось переѣзжать съ одной стороны потока на другую. По-

томъ снова начинались лѣсныя произрастенія и вмѣстѣ съ ними увеличились опасности этой пустыни отъ множества скалъ, взгроможденныхъ одна на другую, и отъ лѣсныхъ деревьевъ; однакоже полоумные калмыки проскакали это мѣсто очень быстро. Чувство робости невольно овладѣваетъ здѣсь сердцемъ путника, особенно при наступленіи сумерекъ, при дикихъ кликахъ калмыковъ, трескѣ древесныхъ сучьевъ и ржаніи коней, которые становятся непослушными и безпокойными и часто отстаютъ другъ отъ друга въ чащѣ кустарниковъ. Къ этому присоединяются еще звонкое эхо долины и страшный ревъ потока, что еще болѣе усиливаетъ дикость и непріятность положенія, пока наконецъ лѣсъ не начнетъ рѣдѣть, а долина расширяться, и пока лай собакъ не возвѣститъ о близости первыхъ юртъ калмыцкаго кочевья на берегахъ большой Чуи. Только что путникъ успѣлъ войти въ юрту, какъ уже гостепріимный калмыкъ идетъ ему на встрѣчу съ китайскою мѣдною трубкой, набиваетъ ее китайскимъ же табакомъ и предлагаетъ гостю въ знакъ дружбы, какъ аравійскій бедуинъ свою хлѣбъ-соль. Проѣзжая вторично чрезъ эти вершины Айгулака, въ болѣе благопріятное время года лѣтомъ ([468]) (14 іюля), въ грозу, нашъ ботаникъ нашелъ здѣсь повсюду прекраснѣйшую альпійскую флору и 6 юртъ, построенныхъ калмыками, при впаденіи Айгулака въ Чую, 3,717 фут. надъ поверхностью моря.

6. Чуя, вверхъ до китайской границы.

Эта рѣка течетъ изъ отдаленныхъ мѣстъ отъ в.-ю.-в. съ высокаго Чуйскаго плоскогорія (см. выше стр. 199); тутъ ея источники лежатъ нѣсколько южнѣе государственной границы, въ неизвѣстной еще намъ мѣстности, въ китайской погранич-

---

(468) Bunge l. c. T. II. p. 139.

ной области Гобдо или Хобду, о чемъ упоминается въ географіи китайской имперіи (см. Т. II, стр. 308). Высота этого плоскогорія и истоковъ Чуи должны быть очень значительны, потому что эта рѣка протекаетъ длинную покатость, въ три градуса долготы, спускающуюся широкими уступами между высочайшихъ снѣговыхъ горъ, и послѣ всего этого близь впаденія своего въ Катунь имѣетъ еще абсолютную высоту, превышающую Брокенъ, а именно 3700 футовъ. Бунге произвелъ барометрическія измѣренія ([469]) въ трехъ различныхъ пунктахъ долины, на уровнѣ водъ Чуи, и нашелъ, что хотя покатость очень постепенна сравнительно съ длиною ея теченія, однакоже весьма значительна, и очевидно идетъ уступами. На площади высшаго уступа въ китайскихъ предѣлахъ нельзя было сдѣлать измѣренія, но должно полагать, что она превосходитъ 6,000 футовъ. Предположеніе это подтверждается тѣмъ, что: 1) начало высокой Чуйской степи въ верхнемъ ея теченіи, въ русскихъ предѣлахъ лежитъ на 5757 ф. надъ уровнемъ моря; 2) далѣе внизъ въ срединѣ теченія Чуи, конецъ Курайской степи, которая однако значительно превышаетъ берегъ Чуи, находится на 5615 ф.; Чуйская же долина немного выше впаденія рѣки Курая имѣетъ 4,842 ф. высоты; 3) наконецъ въ нижнемъ теченіи Чуи, близь ея впаденія въ Катунь, при устьѣ Айгулака, поверхность водъ ея возвышается на 3717 ф. надъ поверхн. моря. На юго-западномъ или лѣвомъ берегу Чуи, при рѣкѣ Чеганѣ (впадающей въ Чую съ лѣвой стороны), возвышается Чеганская гора (имѣющая высоты 8,351 фут. надъ поверхностью моря), на которую восходилъ Бунге, и надъ нею группы неприступныхъ снѣжныхъ вершинъ, по его мнѣнію еще на 1000 фут. выше первой; слѣдовательно отъ 9500 до 10,000 фут. надъ у. м. Противъ устья Чегана, т. е. на правомъ берегу Чуи, самое высшее измѣреніе простирается

---

(469) Bunge въ Ledebour Altai R. T. I, p. 412.

только до 6050 ф., но конечно и тамъ есть вершины, превышающія эту высоту, особенно если предположить, что наблюденія надъ другими соотвѣтствующими пунктами и болѣе точныя вычисленія могутъ значительно измѣнить и всѣ эти данныя. Очевидно, что здѣсь, вверхъ по долинѣ Чуи, мы находимъ въ высшей степени замѣчательное природное соединеніе плоскогорія и горной массы въ колоссальномъ размѣрѣ, въ томъ же видѣ, въ которомъ мы рѣшились предположить его, — впрочемъ не имѣя на то положительныхъ доказательствъ, въ другихъ пунктахъ окраины нагорной Азіи. Съ природою этой высокой степной долины внутренняго Алтая мы можемъ ближе познакомиться только изъ путевыхъ замѣтокъ ([470]) Бунге, которому поэтому и принадлежитъ честь ея открытія.

Въ Чуйской долинѣ на Айгулакѣ (23-го мая), уже не падало снѣга, какъ на его горномъ проходѣ; долина красовалась роскошною весеннею зеленью, и совершенно новая флора представляла ботанику сокровища свои (Stevenia cheirantoides, Pedicularis elegans, Oxytropis floribunda, Sibbadia grandiflora и др.). На возвратномъ пути (іюня 8-го) ([471]) климатъ этой нижней долины казался очень жаркимъ и даже знойнымъ, въ сравненіи съ средними и верхними Чуйскими степными долинами, лежащими гораздо выше. Чуя, въ этой узкой долинѣ, очень широка, быстра и обильна водою; по обѣимъ сторонамъ ея возвышаются крутыя и высокія горы; болѣе низкія солонцеватыя возвышенія изъ глинистаго сланца, приближаясь совершенно къ берегу, привлекаютъ сюда и скотъ и дикихъ звѣрей, которые съ жадностію вылизываютъ здѣсь соль, и потому-то повсюду видны небольшія углубленія (см. выше стр. 65). Горы и два островка въ рѣкѣ доставили ботанику хорошую добычу; острова поросли уже кустами ([472]) Myricaria daurica, какой

---

(470) Bunge l. c. T. II. p. 72—104, 140—152, 162—168.
(471) Bunge l. c. T. II. p. 103.
(472) Bunge l. c. p. 73, 79.

то породы ивы съ корою соломеннаго цвѣта, и сѣросеребристый кустарникъ Hippophaë rhamnoides, появляющійся здѣсь и гораздо далѣе по Чуйской долинѣ, совершенно подъ тѣми же мѣстными отношеніями, т. е. такимъ же характеристическимъ кустарникомъ, какъ повсюду на островахъ глубокихъ долинъ Арвской и Ронской, въ южныхъ швейцарскихъ альпахъ. Когда Бунге проѣзжалъ здѣсь вторично въ половинѣ іюля, вода въ Чуѣ была уже очень высока и отличалась такимъ же бѣловатымъ отливомъ какъ въ Катуни. По мнѣнію ботаника, это происходило вѣроятно менѣе отъ Аргута, какъ ему сказали (см. выше), нежели отъ Чуи, которую онъ здѣсь только впервые узналъ за значительнѣйшій изъ истоковъ катуньской системы. Слѣдовательно, онъ смотрѣлъ (473) на Чую, какъ на главную рѣку, а на Коксунъ и Уймонъ, слѣва, какъ на притоки ея. И дѣйствительно, Чуя удерживаетъ, по словамъ его, свое нормальное направленіе ниже, въ теченіи Катуни, къ с.-з., и аналогія въ этомъ общемъ направленіи образованія долины не измѣняется даже ниже катуньскихъ пороговъ. Напротивъ того, долина верхняго Коксуна и Катуни, соединяющейся съ Уймономъ (которую мы назвали выше продольною долиною, въ противоположность длинной поперечной Чуйской долинѣ), совершенно отлична отъ Чуйской, и нормальнаго продолженія ея въ среднемъ теченіи Катуни. Мы не можемъ привести лучшаго подтвержденія истины нашего систематическаго взгляда, уже высказаннаго выше. Чуйскіе берега (мая 24-го), гораздо далѣе къ верховьямъ, часто завалены обширными гранитными скалами, падающими съ прилежащихъ высотъ; самая долина то съуживается, то расширяется, горы здѣсь уже менѣе круты, и съ болѣе плодоносною почвою, а всѣ меньшіе притоки отличаются прозрачностью воды. Отвѣсныя, скалистыя стѣны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ обнажены, имѣютъ сѣрый или кирпичный цвѣтъ (нѣтъ ли и здѣсь ленточной или полосатой яшмы и порфира?). Къ сожалѣнію

---

(473) Bunge l. c. p. 140.

ботаникъ не входилъ ни въ минералогическія, ни въ геогностическія изслѣдованія. По склонамъ горъ росъ лиственничный лѣсъ и въ іюнѣ вокругъ пней уже высоко поднялось вьющееся растеніе Atrpagene alpina съ большими бѣло-желтоватыми цвѣтами; на самомъ берегу рѣки живописно смѣшивались прекраснѣйшіе тополи и березы; кустарникъ же состоялъ изъ таволгъ, акацій, шиповника и жимолости.

Первый значительный притокъ Чуи, справа, называется Сардума; отъ него внезапно открывается видъ на снѣжную вершину самой высокой горы въ этомъ краѣ, принадлежащей къ цѣпи бѣлкòвъ на лѣвомъ берегу Чуи; она не освобождается отъ своего снѣжнаго покрова ни въ іюнѣ, ни въ іюлѣ, и, по мнѣнію Бунге, выше Катунскихъ и Холсунскихъ бѣлкòвъ, хотя отдѣленныхъ Аргутомъ, и состоящихъ однакоже въ связи съ этою горою съ южной стороны (см. выше стр. 82, 341). Эта снѣжная гора на Чуѣ представляла величественнѣйшій видъ и была прекрасно освѣщена; всѣ старанія ревностнаго ботаника взойти на нее уничтожались доводомъ калмыковъ, что никогда ни одинъ изъ ихъ предковъ не всходилъ на эту гору. Они почитали ее принадлежащею къ числу тѣхъ священныхъ горъ, (Іжикъ-ту), которыя доступны только богамъ и не должны быть попираемы человѣческою ногою.

На обѣихъ сосѣднихъ рѣчкахъ Чебитѣ и Мунѣ, нѣсколько болѣе южныхъ и параллельныхъ между собою, Чуйская долина дѣлается совершенно ровною и плоскою, подобно долинѣ Кана, и рѣка извивается еще только между болотистыми берегами. Здѣсь также были калмыцкія поля (474); монгольскій зайсанъ, владѣтель этой долины, обработываетъ ее своими людьми и сѣетъ ячмень. Кочевья же его находятся въ ста верстахъ выше, близь китайской границы и никогда не простираются до сихъ поръ.

---

(474) Bunge l. c. T. II. p. 103.

На сѣверномъ склонѣ Алтая земледѣліе достигаетъ до высоты 4000 ф. надъ поверхностью моря, также какъ и въ степномъ южномъ склонѣ надъ Бухтармою въ Фыкалкѣ (см. выше стр. 67). Но здѣсь на Чуѣ земледѣліе ограничивается посѣвомъ ячменя. Выше, степная долина Чуи, по увѣренію Бунге, неудобна для земледѣлія. Въ юртѣ шуленги, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ абысомъ или камомъ (т. е. калмыцкимъ волшебникомъ и врачомъ), путешественники провели вторую ночь. Онъ очень гордился своею каменною пуговицею на шапкѣ и говорилъ, что получилъ ее отъ китайскаго императора, въ знакъ своего достоинства. Привлеченный водкою, привозимою съ собою каждымъ русскимъ, потому что здѣсь напитокъ этотъ открываетъ доступъ ко всему, старикъ часто посѣщалъ ботаника и жаловался ему, что разбилъ свой волшебный барабанъ и идолъ съ мѣдными глазами, выкинувъ ихъ изъ юрты за то, что они не помогли его больному сыну. Онъ показалъ путешественникамъ остатки ихъ, лежавшіе въ нѣкоторомъ разстояніи. Такимъ образомъ, говоритъ Бунге, калмыки поступаютъ всегда съ своими идолами, если съ ними, калмыками, случится какое нибудь несчастіе. Иногда же наказаніе смягчается, высѣченный идолъ занимаетъ свое прежнее почетное мѣсто и пользуется своими старыми правами.

На другое утро, 25 мая, возвратился сюда съ двумя казаками съ верховьевъ Чуи исправникъ, который имѣетъ свое пребываніе въ г. Бійскѣ. Одного изъ казаковъ онъ далъ ботанику для безопасности путешествія. Дорога шла вверхъ по долинѣ, то по возвышенному, во многихъ мѣстахъ покрытому лѣсомъ и альпійскими травами (напр. Primula auricula) ровному предгорію, то опять внизъ къ широкой долинѣ р. Чуи, которая отъ притока этой рѣки Курая (съ правой стороны) получила названіе Курайской степи. Тамъ, гдѣ рѣка Чуя раздѣляется на нѣсколько рукавовъ и образуетъ Курайскіе острова, была поставлена палатка для ночлега, на высотѣ 4842 футовъ надъ уровнемъ моря. Курайскіе острова были посѣщены 26 мая. Они имѣютъ большое протяженіе и представляютъ разнообраз-

ную почву, а потому растительность на нихъ также разнообразна ([475]). Это разнообразіе увеличивается еще и тѣмъ, что нѣкоторыя пространства содержатъ въ себѣ части горькозема, а также и тѣмъ, что потоки, стремящіеся съ сосѣдственныхъ возвышенностей, нанесли сюда много альпійскихъ растеній. Водяныя птицы: дикіе гуси, утки со множествомъ утятъ, также и прекрасная Anas rutila, проплыла смѣло мимо путешественника. На противоположномъ берегу паслось стадо верблюдовъ, какъ бы съ любопытствомъ смотрѣвшихъ на путешественниковъ, когда они приближались къ нимъ. Вечеръ этого дня былъ холодный; въ этихъ странахъ, послѣ захожденія солнца, невозможно обойтись безъ шубы (4 іюня, во время возвращенія путешественниковъ, здѣсь былъ сильный морозъ) ([476]). По обѣимъ сторонамъ рѣки Чуи, долина, получившая отъ горнаго потока, текущаго съ сѣвера, названіе Курайской степи, расширяется. По обѣимъ сторонамъ р. Чуи, въ 10 верстахъ отъ берега, эта долина начинаетъ возвышаться уступами ([477]), потомъ довольно круто подымается и превращается въ горный хребетъ, не слишкомъ высокій на правомъ или восточномъ берегу, но однакоже на южномъ склонѣ покрытый снѣгомъ. На лѣвомъ или западномъ берегу р. Чуи, горы представляютъ болѣе возвышенныя вершины. Ихъ сѣверный склонъ былъ до половины засыпанъ снѣгомъ, вездѣ равномѣрно, а не отдѣльными массами. Эти горы очень круты и скалисты, подошва ихъ лѣсиста, между тѣмъ какъ подошва другихъ горъ, по крайней мѣрѣ къ долинѣ р. Чуи, совершенно безлѣсна. Это тѣ же самыя горы, или, лучше сказать, высочайшая часть ихъ, которая въ такомъ величественномъ видѣ неожиданно представляется при переходѣ черезъ рѣчку Сардуму. Калмыки считаютъ ихъ недосягаемыми. Обѣ горныя цѣпи полукружіями ограничиваютъ степь и невысокими отрогами, идущими съ обоихъ концовъ хребта, почти

(475) Bunge l. c. T. II. p. 78.
(476) Bunge l. c. T. II. p. 100.
(477) Bunge l. c. T. II. p. 80.

до береговъ р. Чуи, окружаютъ всю долину, простирающуюся въ длину отъ 7 до 8 геогр. миль (50 верстъ), а въ ширину до 3 миль (20 вер.). Долина эта имѣетъ характеръ низменной степи. На сухой и очень плоской почвѣ, кромѣ низкой, скудной растительности, поднимающейся не болѣе какъ на 1 футъ отъ земли, почти не видно ни одного дерева, или кустарника, исключая прибережья рѣки и острововъ. На террасахъ, ограничивающихъ берега рѣки, опять показывается хвойный лѣсъ. Такъ какъ ботаника увѣрили въ невозможности подняться на снѣжныя горы, возвышающіяся на ю.-в. отъ Чуи, то онъ рѣшился 27 мая перейти горную цѣпь на с.-з. (478), при верховьяхъ Курая и текущей параллельно съ нимъ рѣчки Тутагома. Эта цѣпь образуетъ здѣсь водораздѣлъ Чуи и Башкауса. Дорога шла сперва черезъ степь къ юртамъ калмыковъ, живущихъ у подошвы горъ, потомъ круто поднималась по скалистой поверхности. Трудъ ботаника вознаградился открытіемъ новыхъ альпійскихъ растеній. Путешественники должны были проходить по болотамъ и скаламъ, чтобы достигнуть возвышенныхъ болотистыхъ равнинъ, на которыхъ съ обыкновенной альпійской флорой растетъ: Hedysarum alpinum, особенно же Empetrum nigrum, въ большомъ количествѣ. Послѣднее растеніе преимущественно характеризуетъ высокія равнины Башкауса. За этимъ первымъ болотистымъ плоскогоріемъ слѣдуетъ крутая каменная осыпь, почти обнаженная отъ растительности. Съ трудомъ перейдя эту осыпь, ботаникъ достигъ болѣе высокихъ горныхъ вершинъ, на поверхности которыхъ разстилается плоскогоріе, еще болѣе болотистое нежели первое, но производящее прекраснѣйшія альпійскія растенія (28 мая). Весенняя флора, на высотѣ 5615 футовъ надъ уровнемъ моря, обогатила гербарій его слѣдующими растеніями: Gymnandra bicolor, Pedicularis versicolor, Viola altaica, Veronica densiflora, Thalictrum alpinum, Claytonia acutifolia, Corydalis pauciflora, Drabae n. spec., Ra-

(478) Bunge l. c. T. II. p. 81.

nunculus frigidus, Saxifraga glandulosa и др. На этомъ плоскогоріи кое-гдѣ возвышались огромныя, гранитныя скалы, доставлявшія защиту отъ холодныхъ вѣтровъ. Набравъ достаточное количество рѣдкихъ растеній, ботаникъ отправился въ обратный путь по крутымъ осыпямъ, и счастливо достигъ вечеромъ своей палатки на р. Курaѣ. По возвращеніи сюда, 15 іюля (479), слѣдовательно среди лѣта, всѣ окрестныя возвышенности, отъ тучъ, спустившихся въ долину, были опять покрыты свѣжимъ снѣгомъ.

28-го мая путешественники рѣшились продолжать путь далѣе черезъ Курайскую степь. По берегамъ рѣки разгуливало множество журавлей и небольшія стаи галокъ особеннаго рода, съ бѣлой полосой около шеи, еще невиданныхъ до сихъ поръ. Вскорѣ горы сближаются по обѣимъ сторонамъ р. Чуи, долина возвышается сперва мало по малу, потомъ круто, и образуетъ небольшія террасы, почти подъ прямымъ угломъ отъ горъ къ рѣкѣ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ она прорѣзывается небольшими ручьями. При первомъ изъ нихъ Тутугомѣ (съ правой стороны) стояло нѣсколько юртъ; здѣсь почевали путешественники.

29-го мая (480) путешественники продолжали путь отъ Тутугома, вверхъ по расширяющейся долинѣ, носящей все еще названіе Курайской степи. По этой возвышенной равнинѣ очень быстро течетъ въ ущельѣ, глубиною въ 100 ф., между крутыми берегами, р. Чуя, не раздѣляясь и не образуя острововъ. Путешественники прибыли къ тремъ большимъ камнямъ, подъ однимъ изъ которыхъ они нашли большой рычагъ и вырытую пещеру. Калмыки выдаютъ это мѣсто за древнія могилы китайской царевны, ея служанки и ихъ лошади. Эта царевна была замужемъ за калмыцкимъ зайсаномъ съ Урсула; но такъ какъ супругъ, бывшій моложе ея, худо обходился съ нею, то она, по разсказамъ калмыковъ, рѣшилась бѣжать въ Китай.

---

(479) Bunge l. c. T. II, p. 114.
(480) Bunge l. c. T. II, p. 84.

(Подобныя указанія о супружествахъ китайскихъ царевенъ съ отдаленными вассалами, см. Т. I стр. 624, 629, 650, Т. II стр. 129).

На этомъ мѣстѣ она была застигнута мятелью и замерзла вмѣстѣ съ провожатыми. Въ такомъ положеніи нашелъ ихъ преслѣдовавшій зайсанъ и, торжественно похоронивъ умершихъ, приказалъ на ихъ могилы положить эти огромныя скалы, дабы никто не могъ похитить сокровищъ, положенныхъ съ тѣлами. Не смотря на то, китайцы, узнавъ объ этомъ, сдвинули скалы съ могилъ, вырыли тѣла и сокровища и перенесли ихъ въ Китай. Рычаги были такъ крѣпки и сдѣланы изъ такого хорошаго лиственничнаго дерева, что, по словамъ калмыковъ, они до сихъ поръ поддерживаютъ скалу надъ вырытою ямой.

Поднимаясь вверхъ, путешественники достигли мѣста, гдѣ степь, или вѣрнѣе долина, на правомъ берегу Чуи, ограничивается горами. Не много выше, въ Чую впадаетъ съ лѣвой стороны значительная рѣка Чеганъ. Здѣсь, опять съ правой стороны долина начинаетъ расширяться и горы удаляются. При уменьшеніи склона долины рѣка раздѣляется на рукава и образуетъ Чеганскіе острова, похожіе на Курайскіе, но лежащіе ступенью выше. Мѣсто ночлега, избранное путешественникомъ при второмъ возвращеніи (18 іюля), противъ устья р. Чегана, находилось, по измѣренію, на высотѣ 6050 футовъ надъ уровнемъ моря, впрочемъ довольно высоко надъ р. Чуею ([481]). 19 іюля, Бунге направился отсюда на с.-в. отъ Чуи къ горамъ, съ которыхъ течетъ Чеганъ. Измѣренная высота на 1000 футовъ ниже высочайшей вершины достигала уже 8531 ф. Здѣсь ботаникъ нашелъ альпійское растеніе Biebersteinia odora, и другія сокровища альпійской флоры. На вершину снѣжной горы нельзя было подняться, потому что стороны ея состояли изъ крутыхъ скалъ, къ тому же нужно было, какъ можно скорѣе, привести въ порядокъ ботаническія находки. При своемъ второмъ путешествіи въ это время года (18 іюля), Бунге сдѣлалъ за-

(481) Bunge l. c. T. I, p. 412.

мѣчаніе касательно цвѣта водъ, чего, при первомъ путешествіи, онъ не замѣчалъ. Ниже впаденія Чегана, Чуя сохраняетъ все еще бѣлый цвѣтъ, замѣченный имъ уже прежде; но какъ удивился путешественникъ, когда немного выше отъ впаденія Чегана, вода Чуи сдѣлалась темнобурою. Потому именно, поѣхалъ онъ опять внизъ по теченію до устья Чегана и до Чеганскихъ островов. Здѣсь вода Чегана имѣетъ совершенно бѣлый цвѣтъ, и только при сліяніи видна бѣлая полоса Чегана въ кофейнаго цвѣта Чуѣ, но ниже, по смѣшеніи водъ, рѣка принимаетъ бѣловатый цвѣтъ.

Замѣчательно, говоритъ Бунге, что по измѣненіи цвѣта воды, измѣняется самая рѣка и берега ея. Нижняя часть ея, съ бѣлою водою, имѣетъ видъ горной рѣки: она быстра, не глубока и ограничена круглыми скалистыми берегами. Верхняя часть, съ коричневою водою, похожа на степную рѣку: она течетъ медленно, глубока, съ безчисленными извилинами, въ ровныхъ болотистыхъ и поросшихъ кустарникомъ берегахъ, и потому, чтобы узнать, отчего происходитъ бѣлый цвѣтъ Чегана, нужно искать тому причины при его верховьяхъ. Источники его находятся въ группѣ Божьихъ горъ (Іжикъ-ту), на однѣхъ и тѣхъ же высотахъ съ Катунью и Аргутомъ, и оттого безъ сомнѣнія эти три рѣки имѣютъ одинъ цвѣтъ воды. Далѣе вверхъ отъ Чеганскихъ острововъ, возвышаются на ровной долинѣ Чуи нѣсколько странныхъ холмовъ бѣло-желтоватаго цвѣта. Холмы эти почти обнажены отъ растеній, состоятъ изъ сухой и крѣпкой глины, смѣшанной съ пескомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыты солью и изрыты многими руслами горныхъ потоковъ. Прекрасная Corydalis stricta была единственнымъ встрѣчавшимся на нихъ растеніемъ. Позже (19 іюля) ([482]) эта мѣстность доставила большое количество растеній, а именно до 40 породъ, которыхъ прежде Бунге не находилъ. Между ними было 8 генціанъ, растущихъ преимущественно на по-

---

(482) Bunge l. c. T. II. p. 88 и 145.

добной почвѣ. Здѣсь стояло нѣсколько калмыцкихъ юртъ. По ту сторону холмовъ, за которыми слѣдовали холмы, состоящіе изъ такой же странной почвы и съ новыми рѣдкими растеніями, простирается обширная равнина по обѣимъ сторонамъ р. Чуи. Сначала она узка, но потомъ расширяется отъ 4 до 6 г. м. (отъ 30 до 40 верстъ) и сперва быстро возвышается террасами, а потомъ дѣлается совершенно ровною. На всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ ни одного дерева. Здѣсь растутъ низкіе, круглые кусты двухъ новыхъ видовъ робиній, которые прежде нигдѣ не встрѣчались, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по берегу Чуи, ивовые кусты. Почва дѣлается глинисто-песчаною и солонцеватою. На ней растутъ не многія, очень низкія соляныя растенія, въ видѣ кустарниковъ, подъ которыми находятся небольшіе насыпные холмики, подобные тѣмъ, которые набрасываются кротами. Гладкія, покрытыя травами пространства смѣняются каменистыми. Берегъ Чуи таковъ же. Большія пространства, кромѣ кустовъ робиній, производятъ траву, но она такъ жестка, что скотъ не дотрогивается до нея и потому она растетъ нѣсколько лѣтъ.

Путешественники встрѣтили на высокихъ уступахъ р. Чуи множество стадъ, особенно же верблюдовъ, искавшихъ пастбища. Они болѣе топчутъ нежели ѣдятъ траву и ихъ любимый кормъ составляютъ солончаковыя растенія, которыя они выдергиваютъ съ корнемъ. Возвышенныя равнины Средней Азіи суть собственно отечество этихъ двугорбыхъ верблюдовъ и съ этихъ-то равнинъ они безъ сомнѣнія зашли и сюда. Въ сѣверной Сибири, и въ болѣе дикихъ долинахъ Алтая ихъ нѣтъ; они зимуютъ только въ болѣе ровныхъ долинахъ на рѣкахъ Канѣ и Ябаганѣ ([483]). Все придаетъ этой обширной возвышенной степи, носящей у ея обитателей названіе Чуйской, особенный видъ, и нѣсколько значительныхъ озеръ, которыхъ вода, не смотря на соляную почву, прѣсна, но непріятна на вкусъ, сообщаютъ

---

(483) Ledebour T. I, p. 185.

ей еще болѣе особенностей. Чуя течетъ здѣсь очень медленно, дѣлая много изгибовъ и образуя множество полуострововъ; теченіе ея иногда совершенно незамѣтно и вода кажется стоячею. При всемъ томъ, она очень глубока и только въ немногихъ мѣстахъ ее можно переѣхать верхомъ въ бродъ. Путешественники ночевали въ юртахъ одного богатаго шуленги.

(30 мая). Солончаковыя растенія (484) цвѣтутъ здѣсь очень поздно. Они, вмѣстѣ съ нѣсколькими артемизіями, составляютъ большую часть здѣшней совершенно степной флоры. Горы восточной стороны все болѣе и болѣе удаляются отъ степи. Для достиженія террасъ, имѣющихъ 5 вер. шир. и образующихъ переходъ отъ степи къ горамъ, должно слѣдовать три часа (10 верстъ) чрезъ безплодную, совершенно ровную степь. Эти горы очень круты и потому на нихъ очень трудно взобраться. Здѣшняя флора была такая же, какъ и въ горахъ за Курайской степью. Здѣсь былъ найденъ очень большой черепъ архара съ рогами (Aegoceros argali). Значительную абсолютную высоту этой степи доказываетъ растущая при подошвѣ горы Gymnandra bicolor, свойственная только высочайшимъ альпамъ и полярнымъ странамъ. Кромѣ нея растетъ еще здѣсь Senecillis glauca, Sedum elongatum и др. Когда ботаникъ возвратился вечеромъ съ экскурсіи, то нашелъ всѣхъ пьяными и его приглашали также пить кумысъ. Не задолго предъ тѣмъ, въ одной изъ юртъ, умеръ домохозяинъ ея. 31-го мая отправились въ дальнѣйшій путь чрезъ Чуйскую степь. При переправѣ черезъ р. Чую, росла небольшая роща лиственницъ. На лѣвой, сѣверо-западной сторонѣ рѣки, степь была одинаковаго характера. По мѣрѣ удаленія въ сторону отъ рѣки, холмистыя равнины, покрытыя галофитами и простирающіяся до подошвы незамѣтно возвышающихся горъ, становятся многочисленнѣе и обширнѣе

---

(484) Bunge T. II, p. 90.

Здѣсь ботаникъ ([485]) нашелъ впослѣдствіи (20 іюля), очень много растеній для своего гербарія (Ranunculus plantaginifolius, Polygonum hastatum, Salicornia foliata, Holalachne songarica, Tragopyrum pungens, Artemisiae и пр.) Многочисленныя, пасущіяся на сихъ равнинахъ, стада верблюдовъ, доказывали своими прямыми, острыми горбами, что даже такія безплодныя страны, иногда на большихъ пространствахъ непроизводящія никакихъ растеній, могутъ доставить хорошій кормъ этимъ животнымъ, столь необходимымъ для кочующихъ обитателей этихъ возвышенныхъ степей. Должно полагать, что здѣсь коренное отечество сихъ животныхъ.

Одинъ богатый калмыкъ, по имени Морто, имѣвшій здѣсь свою юрту, и занимавшій должность демечи, т. е. калмыцкаго старшины, подчиненнаго зайсану, подарилъ путешественнику въ знакъ дружбы серебреное кольцо. Проѣхавъ верхомъ отъ 20 до 25 верстъ, путники достигли рѣки Тегагома ([486]), текущей медленно, съ лѣвой стороны, чрезъ Чуйскую степь и образующей много небольшихъ островковъ, покрытыхъ кустарниками. Тутъ находились юрты зайсана Монгола, повелителя этихъ долинъ; тутъ же и путешественники поставили палатку для ночлега.

Предѣлъ путешествія былъ достигнутъ и идти еще впередъ не предстояло возможности. Тутъ проходитъ граница имперій Русской и Китайской, двухъ величайшихъ государствъ на свѣтѣ. Большую часть года эти мѣста покрыты непроходимымъ снѣгомъ; лѣтомъ иногда проходятъ здѣсь съ своими стадами только калмыки, заботящіеся лишь о настоящемъ и находящіе величайшее наслажденіе въ пьянствѣ. Только зайсаны съ демечи и шуленгами, т. е. князья съ своими ближайшими чиновниками обращаютъ иногда взоръ свой къ отдаленнымъ столицамъ своихъ монарховъ на западномъ берегу Европы и на восточномъ берегу Азіи. Двоеданцы эти служатъ одновременно обоимъ монархамъ. Такое политическое отношеніе можетъ существовать

(485) Bunge l. c. T. II, p. 146.
(486) Bunge l. c. T. II, p. 94.

только при великомъ равнодушіи обоихъ государствъ къ этимъ кочевымъ народамъ.

7. Возвышенная Чуйская степь и алтайскіе горные калмыки.

Когда пріѣхалъ Бунге, молодаго калмыцкаго князя (487) не было въ аулѣ; мѣсто его заступалъ избранный изъ подданныхъ слуга его. Молодой зайсанъ Монголъ отправился въ отстоящій оттуда въ 30 верстахъ китайскій форпостъ, котораго имени и положенія, мы, къ сожалѣнію, не знаемъ. Зайсана ждали въ скоромъ времени назадъ. Онъ жилъ съ своей матерью, второю женою недавно умершаго зайсана Чебека. Она была дома; первая жена покойнаго была также жива. Путешественнику сказали, что она пьяна и спитъ въ ближайшей юртѣ. Не смотря на то, тотчасъ стали угощать Бунге чаемъ, при чемъ онъ замѣтилъ большую чистоту—явленіе необыкновенное у калмыковъ. Вскорѣ явилась и калмыцкая княгиня. Хотя ей было уже лѣтъ 40, но она отличалась еще красотою и живостью въ рѣчахъ и тѣлодвиженіяхъ. Старшая дочь ея Эрко, сестра молодаго, неженатаго зайсана, имѣла удивительно правильныя черты лица и отличалась отъ другихъ женщинъ рѣдкою у калмыковъ бѣлизною кожи, такъ что она и между европейскими женщинами заслужила бы названіе красавицы. Обѣ женщины были очень прилично одѣты въ шелковыя дорогія платья. Внутри юрты также все соотвѣтствовало жилищу калмыцкаго княжескаго семейства. Княгиня-мать стала разспрашивать Бунге черезъ толмача о цѣли его путешествія и показала при этомъ много ума и даже остроумія. Зайсанъ, какъ говорили, также отличался этими качествами и былъ хорошимъ правителемъ. Онъ скоро пріѣхалъ самъ, верхомъ на прекрасной лошади, и пригласилъ путешественниковъ въ свою юрту. Ему казалось около 25 лѣтъ; лицо его было, настоящее калмыцкое, но пріят-

---

(487) Bunge l. c. T. II, p. 94 — 100.

ное, съ черными проницательными глазами и съ выразительною улыбкою. На немъ былъ очень чистый шелковый халатъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, перемѣны трубокъ и проч., зайсанъ пригласилъ къ себѣ путешественниковъ и свою мать на чай и на водку; послѣдняя особенно нравилась его матери. Зайсанъ пилъ очень умѣренно, мать же его до тѣхъ поръ вкушала волшебный напитокъ, пока наконецъ ее не вынесли изъ юрты. На слѣдующее утро гости помѣнялись съ хозяиномъ нѣсколькими небольшими подарками. Подарки зайсана состояли изъ матерій бумажной и шелковой и изъ прекраснаго китайскаго табака. Въ юртѣ зайсана, на богатомъ коврѣ, въ ящикѣ, лежали мѣдные идолы, обернутые кусками шелковой матеріи. Передъ ними стояла мѣдная чашка съ жиромъ, подлѣ которой тлѣла дымясь, безъ пламени, тонкая китайская свѣчка. Зайсанъ съ трудомъ согласился открыть ящикъ съ идолами и сдѣлалъ это съ знаками величайшаго къ нимъ почтенія.

Путешественники отправились чрезъ степь, къ ближайшей цѣпи холмовъ, которые, казалось, были очень близки, однакоже были достигнуты только къ полудню и этотъ обманъ чувствъ, повторяющійся очень часто на всѣхъ альпійскихъ высотахъ въ чистомъ и высокомъ воздухѣ, доказывалъ значительную высоту этой равнины. Бунге опредѣлилъ высоту Чуйской степи на 5757 фут. надъ поверхностью моря; но такъ какъ это опредѣленіе сдѣлано было кажется ниже, то среднею высотою Чуйской равнины при р. Тегагомѣ можно считать 6,000 ф.

Почва степи содержала въ нѣкоторыхъ мѣстахъ столько соли, что можно было отдѣлять ее тонкими слоями. Холмы состояли изъ сланца; въ щеляхъ цвѣла красивая Pulsatilla и бѣлая Oxytropis съ длинными бѣлыми иглами и толстыми листьями. Въ степи не было воды; воздухъ былъ очень теплый и жажда заставила всадниковъ ѣхать къ снѣжной полянѣ, которая казалась въ 2 верстахъ оттуда, но и здѣсь они обманулись, потому что должны были проѣхать не менѣе 10 верстъ. Трудъ ихъ былъ вознагражденъ находкою прекрас-

ныхъ растеній, особенно же Astragalus galactites, Draba lactea, Salix berberifolia, и мн. др. На горѣ дулъ холодный вѣтеръ и шелъ снѣгъ (1-го іюня). Климатъ такой же, какъ и на высокомъ плоскогоріи Гоби. Такъ какъ солнце уже садилось, то должно было спѣшить, чтобы еще до наступленія ночи достичь палатки, которую, къ счастью, можно было видѣть въ подзорную трубу; иначе нельзя бы было найти ее, говоритъ Бунге, потому что въ этой странѣ нѣтъ ни одного возвышеннаго предмета, могущаго служить путеводнымъ знакомъ. И такъ здѣсь разстилается совершенно гладкая нагорная равнина, и только норы сусликовъ причиняютъ здѣсь много препятствій верховой ѣздѣ. Стада, отъ 10 до 20 козулей, смѣло бѣгали по степи, потому что въ это время года калмыки занимаются приготовленіемъ и питьемъ своихъ любимыхъ напитковъ кумыса и арака. Есть ли въ этой мѣстности джигетаи, какъ полагалъ Ледебуръ ([488]) по разсказамъ двухъ калмыковъ съ р. Чуи, въ точности нельзя было узнать. Вскорѣ по прибытіи Бунге къ палаткѣ, возвратился и зайсанъ Монголъ и приказалъ приготовить путешественникамъ лошадей для возвратнаго пути. Утромъ, на другой день, зайсанъ показалъ путешественникамъ при прощаніи китайскую серебряную ямбу (см. выше стр. 190); она имѣла форму серебряной чашки съ китайскимъ клеймомъ. вѣсомъ въ одинъ фунтъ. Онъ получалъ ежегодно 6 такихъ ямбъ отъ китайскаго императора. Зайсанъ, показывая этотъ даръ, съ почтеніемъ поцѣловалъ его, точно такъ же какъ до того дѣлалъ это съ своими идолами. Эти ямбы суть единственныя употребительныя здѣсь монеты, но и то служатъ только украшеніями. Русскія мѣдныя деньги служатъ здѣсь товаромъ или украшеніемъ; нѣкоторые извѣстные предметы мѣны замѣняютъ монету. Отсюда Бунге отправился въ обратный путь внизъ по Чуѣ и чрезъ Теректинскіе альпы къ Уймону (см. стр. 336). Жаль, что ученый не собралъ здѣсь, когда къ тому представ-

---

(488) Ledebour Altai R. T. I, p. 86.

лялся лучшій и единственный случай, свѣдѣній о китайской сторонѣ Чуйскаго плоскогорія. Здѣсь можно было бы узнать названіе ближайшихъ китайскихъ пограничныхъ пикетовъ, разстояніе между ними, и направленіе дорогъ въ средину провинціи Гобдо къ Джабакану или къ малоизвѣстному озеру Упсѣ и р. Тесу, или же на сѣверѣ Танъ-ну-Ола къ Кемчику или въ Улясутай (см. Т. II, стр. 308). Эти и другія извѣстія, могли бы имѣть большую важность, какъ для русскаго правительства, такъ и для науки, потому что здѣсь, за Алтайскими бѣлкàми, начинается, какъ кажется, настоящее, еще столь мало извѣстное нагорье внутренней Азіи.

При вторичномъ посѣщеніи этого плоскогорія при рѣкахъ Чуѣ и Тегамомѣ 20-го іюля ([489]), монгольскій зайсанъ перевелъ свои юрты выше. Обрадованный прибытіемъ стараго знакомаго, онъ принялъ его очень гостепріимно, особенно потому, что надѣялся получить свѣжей водки. Бунге обратилъ теперь все свое вниманіе на лѣтнюю альпійскую степную флору лѣваго берега Чуи. Онъ дѣлалъ приготовленія, чтобы перейти водораздѣлъ на правомъ, или восточномъ берегу Чуи, противъ устья Тегагома вверхъ по рѣчкѣ Кокорго (правой притокъ Чуи), съ цѣлью спуститься на другую сторону возвышенной, но болотистой равнины, по рѣчкѣ, образующейся отъ тающихъ снѣговъ и называющейся также Кокорго, и достичь этимъ путемъ Башкауса, а отсюда отправиться на Телецкое озеро, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Всѣ лишнія вещи ботаникъ оставилъ на храненіе монгольскому зайсану: послѣдній принялъ ихъ только по угощеніи его водкою. Онъ только что возвратился отъ своей невѣсты и былъ въ праздничномъ нарядѣ, состоявшемъ изъ ярко-краснаго шелковаго халата, широкихъ шелковыхъ шальваръ, зеленыхъ сапоговъ съ толстыми подошвами и загнутыми вверхъ носками, и изъ зайсанской шапки. Шапка была его лучшимъ украше-

(489) Bunge, l. c. T. II, p. 148.

ніемъ; она имѣла видъ полушарія, была сдѣлана изъ темно-синей шелковой матеріи, вышита бѣлымъ шелкомъ, съ отогнутыми вверхъ черными бархатными полями, впереди шире и выше нежели сзади. На шапкѣ была прикрѣплена металлическая пуговица въ видѣ еловой шишки, отъ основанія которой спускались красные шелковые снурки по всей шапкѣ. Эта пуговица дается китайскимъ императоромъ и означаетъ чинъ того лица, которое ее носитъ. По случаю устройства юрты, т. е. свадьбы ([490]), собралось до 200, по удостовѣренію же другихъ до 500 калмыковъ. Бунге видѣлъ, при своемъ возвращеніи съ Телецкаго озера, эту прекрасную новую юрту на Тегагомѣ (3-го августа). Чтобы дать понятіе о празднествѣ, калмыки разсказывали, что какъ со стороны невѣсты, такъ и со стороны жениха было привезено огромное количество водки въ кожаныхъ сосудахъ (турсукъ), и что только немногіе изъ гостей были не пьяны. Пиршество продолжалось три дня. Войдя въ юрту, Бунге увидѣлъ собраніе женщинъ; посреди ихъ сидѣла новобрачная, въ шелковомъ цвѣтномъ платьѣ. Мужчинъ въ юртѣ не было; почетное мѣсто въ собраніи занимала старуха, бабка зайсана. Полъ былъ покрытъ войлокомъ и коврами, во всемъ выказывалась чистота и богатство и, при самомъ входѣ путешественниковъ въ юрту, имъ подали чай въ новой посудѣ. Отсюда они пошли къ старымъ юртамъ, и взявъ оставленныя ими вещи, опять отправились въ обратный путь внизъ по Курайской степи, по извѣстной дорогѣ чрезъ Айгулакъ и Сершальскую горную цѣпь. Въ первую недѣлю августа, калмыки уже оставили открытыя долины и избрали кочевья вблизи лѣсовъ, гораздо болѣе удобныхъ для зимовки. Вся Курайская степь сдѣлалась теперь (6 августа) безлюдною, тогда какъ прежде на ней находилось болѣе 50 юртъ. Потому-то путешествіе въ этихъ странахъ дѣлается очень затруднительнымъ и даже калмыки очень неохотно берутся быть

---

(490) Bunge, l. c. T. II, p. 163.

проводниками и часто покидаютъ вещи, ввѣренныя имъ для храненія, съ лошадьми, чтобы избавиться отъ этой тягостной обязанности. Путешествіе въ выше лежащихъ странахъ дѣлается совершенно невозможнымъ. И потому, Бунге только 13 августа могъ перейти Сершальскій хребетъ, и 14-го достигнуть извѣстной переправы чрезъ рѣку Катунь. По причинѣ осенней прибыли водъ, эта переправа была вдвойнѣ опасна.

Примѣчаніе. Горные калмыки въ Алтаѣ.

Мы уже указали выше (смотри Т. II. стр. 276, 277, 279, 285, 288, 293, 295, 304, 306 и выше стр. 293, 294, 300, 301, 303 и др.) на нѣкоторыя отношенія языческихъ обитателей Алтайскихъ горъ ([491]). Изъ этихъ указаній можно заключить о томъ, что старожилы здѣшнихъ мѣстъ—восточные киргизы ([492]) (см. Т. II. стр. 133) и другіе, были вытѣснены отсюда и замѣнены народами монгольскаго племени, въ особенности со времени возвращенія Чингисъ-ханидовъ изъ Китая (см. Т. II. стр. 139, 140), а нынѣшніе кочевники Алтая, такъ называемые горные калмыки, принадлежатъ къ отраслямъ этого послѣдняго племени. Они одержали верхъ надъ прежними туземцами, въ особенности во времена элютскаго (см. Т. II. стр. 145) и джунгарскаго (см. Т. II. стр. 150) владычества. Но послѣ изгнанія и покоренія ими этихъ туземцевъ (см. Т. II. стр. 141) они въ свою очередь были покорены съ двухъ сторонъ китайцами и русскими. Послѣ паденія галдана элютовъ (см. Т. II. стр. 146), и кукътайдши джунгаровъ (см. Т. II. стр. 151), ослабленныхъ и уничтоженныхъ китайцами, восточныя отрасли монгольскаго племени получили рѣшительный перевѣсъ надъ западными, такъ какъ орды этихъ послѣднихъ, разбитыя и разсѣянныя, принуждены были искать убѣжища на земляхъ чуждыхъ имъ сѣверныхъ сосѣдей (см. Т. II. стр. 148), для того чтобы избѣжать совершеннаго истребленія (см. Т. II. стр. 159). Эти слабыя западныя отрасли

---

(491) Pallas, Samml. histor. Nachr. üb. die Mongol. Völkersch. T. I, p. 6.
(492) Klaproth Asia polyglotta p. 234.

монголовъ получили въ то время отъ своихъ магометанскихъ сосѣдей презрительное названіе калмыковъ (см. Т. II, стр. 159, Калмакъ), имъ самимъ неизвѣстное, а отъ русскихъ сибиряковъ — черныхъ калмыковъ, и въ то же время постепенно заняли очищаемыя киргисъ-кайсаками горныя кочевья сѣверо-западной окраины Алтайской системы и проникли въ благопріятное время до Оби, Алея, Иртыша за Зайсаномъ и низменныхъ степей, гдѣ войны ихъ съ восточными киргизами получили всеобщую извѣстность. Къ этому періоду относится и перенесеніе ими сюда особаго поклоненія своего буддійскимъ идоламъ, которыхъ они вездѣ возили съ собою, хотя не были достаточно богаты для того, чтобы, подобно халхасамъ, имѣть настоящихъ ламъ въ своихъ юртахъ, а потому придерживались вмѣстѣ съ тѣмъ своего стараго туземнаго поклоненія демонамъ и своимъ камамъ или чародѣямъ. Съ этого-то времени калмыки сохранили особенное уваженіе къ китайскому императору, не смотря на то, что нынѣ состоятъ подъ владычествомъ русской державы, сохранили также сказаніе о находящейся въ Курайской степи могилѣ китайской принцессы, убѣжавшей отъ своего калмыцкаго супруга. Съ другой стороны съ тѣхъ поръ какъ русскіе возстановили горный промыселъ въ Алтайскихъ рудныхъ горахъ, основали поселенія и новыя пограничныя и форпостныя линіи, калмыки были отбиты на западъ и должны были ограничиться кочевьями во внутреннихъ долинахъ Алтая, не переставая однако же считать себя настоящими властителями занятыхъ русскими поселенцами земель. Здѣсь же именно, ближе къ нагорью и китайской границѣ они принуждены были, уступая силѣ русскихъ, подчиниться ихъ ясаку и сдѣлаться даже двоеданцами. Впрочемъ мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о спеціальной исторіи этого народа, и то, что можетъ пролить на нее какой нибудь свѣтъ, относится къ сношеніямъ русскихъ съ Алтынъ-Ханомъ на Убса-норѣ и верхнемъ Енисеѣ, и къ покоренію теленгутовъ, о которыхъ мы будемъ говорить ниже съ бо́льшею подробностью. Мы должны однакоже замѣтить, что уже въ 1676 г.,

одинъ русскій промышленникъ Тимоѳей Серебряникъ ([493]), проникшій до южной оконечности Телецкаго озера и рѣки Чулышмана, привезъ въ Томскъ первое свѣдѣніе о томъ, что на р. Канѣ (притокъ Чарыша) живутъ черные калмыки. Ихъ тогдашній тайдша Матуръ Самаргановъ отправился въ то время съ 300 человѣками на помощь другому тайдшѣ противъ третьяго; въ его подданствѣ находились сойоны, тоджи и мунгалы. Эти и другія междоусобія калмыковъ продолжались непрерывно; на берегахъ же Чулышмана жилъ тогда князь Точеулко. На самомъ озерѣ жили телеуты (теленгуты), народъ монгольскаго племени, принявшій, по свидѣтельству Абульгази ([494]), туркскій языкъ. Эти телеуты были отчасти уже покорены тогда русскими, а отчасти удалились къ югу, искали убѣжища у сойотовъ на юговосточной сторонѣ Алтая и смѣшались съ калмыками. Клапротъ напротивъ принимаетъ телеутовъ за народъ туркскаго племени, который, вслѣдствіе порабощенія калмыками, примѣшалъ къ языку своему калмыцкія слова. Отъ этихъ такъ-называемыхъ въ Сибири черныхъ калмыковъ (ихъ подданные теленгуты назывались неизвѣстно почему бѣлыми калмыками) произошли нынѣшніе горные калмыки (см. ниже Телецкое озеро).

Вытѣсненные изъ долинъ Алтая, занятыхъ русскими поселеніями, они появляются хотя рѣдко съ Катуни, Ануя, Кана и Ябагана на западъ въ Риддерскѣ и Чечулихѣ, подобно тому какъ во времена Гмелина они являлись съ верховьевъ Чарыша въ Колывань (см. Т. II, стр. 294). Чаще всего приходятъ они въ Риддерскъ ([495]), какъ ближайшее мѣсто, въ которомъ находятъ сбытъ своихъ товаровъ. Ледебуръ встрѣтилъ здѣсь двухъ калмыковъ съ длинными лицами и особенными формами калмыцкой физіономіи и грязнымъ свѣтло-бурымъ цвѣтомъ кожи. Сверхъ широкихъ шальваровъ и темносинихъ камзоловъ

---

(493) Спасскій, въ Oldekop. l. c. T. XIV, p. 321.
(494) Klaproth, Asia polyglotta, l. c. p. 230.
(495) Ledebour Altai R. T. I, p. 85.

изъ грубой китайской бумажной матеріи (дабы) они носили шубы изъ жеребячьихъ шкуръ, шерстью на выворотъ, отороченныя спереди маральимъ мѣхомъ. Сверхъ того они надѣвали еще тулупы; эти калмыки были большіе любители нюхательнаго табаку.

Бунге встрѣтилъ перваго калмыка не ближе Чечулихи, недалеко отъ которой онъ имѣлъ свою юрту ([496]), но далѣе которой къ з. не кочуетъ ни одинъ калмыкъ. Старикъ съ своимъ сыномъ возвратился съ охоты; онъ имѣлъ ружье и былъ одѣтъ въ овчинный тулупъ на голомъ тѣлѣ; это есть обычная одежда калмыковъ и лѣтомъ и зимою, и только-богатѣйшіе изъ нихъ носятъ рубашки изъ бумажной матеріи. Поясъ съ мѣдными бляхами стягиваетъ тулупъ; съ лѣвой стороны его виситъ ножъ, съ правой, на длинномъ ремнѣ, огниво; въ немъ кожанный мѣшочекъ съ листьями лопушника и артемизій вмѣсто трута. Голова калмыка была обрита, за исключеніемъ толстой косы, и покрыта бараньею шапкою. Кожанный кисетъ для табаку былъ спрятанъ въ широкихъ сапогахъ, трубка была мѣдная изъ цѣльнаго куска въ 1 ф. длины, съ маленькой головкой. Калмыки дѣлаютъ эти трубки сами. Также выковываютъ они для своихъ ружей желѣзныя пули очень гладко и отчетливо и носятъ ихъ въ поясѣ; ружья ихъ, называемыя ими мултыкъ, а казаками турка, также, по свидѣтельству Бунге, сдѣланы ими самими; хотя эти ружья очень грубы и тяжелы, но бьютъ далеко. Стволъ имѣетъ отъ 1 до 5 ф. длины и кладется на сошки для прицѣла. Ружья зажигаются фитилемъ; порохъ ([497]), какъ говорятъ, калмыки приготовляютъ сами, добывая селитру въ горѣ, о которой Ледебуръ впрочемъ не могъ узнать ничего положительнаго. Спасскій слышалъ, что ихъ селитра и мягкій камень (сѣра?), изъ котораго они приготовляютъ порохъ, добывается при впаденіи Урсула въ Катунь, и что калмыки умѣли приготовлять его

---

(496) Bunge l. c. T. II, p. 21.
(497) Ledebour Altai R. T. I, p. 172; Spassky l. c. XIV, p. 323.

гораздо ранѣе чѣмъ познакомились съ русскими. Научились ли они этому искусству у китайцевъ, или изобрѣли порохъ въ третій разъ? Въ чудскихъ памятникахъ по крайней мѣрѣ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда искусства взрывать скалы порохомъ.

Табакъ былъ лучшимъ подаркомъ этимъ людямъ. Одна очень бѣдная ихъ юрта стояла въ 2 часахъ пути отъ деревни на Талицѣ; она была сдѣлана изъ войлока, навѣшаннаго на подпоркахъ, съ отверстіемъ вверху для дыма и съ боковымъ отверстіемъ для двери, завѣшаннымъ войлокомъ же. Кругомъ на деревьяхъ висѣла домашняя утварь и запасъ мяса павшаго скота или убитой дичи; хозяинъ юрты пригласилъ путешественниковъ съ радушіемъ; посрединѣ ея стоялъ на очагѣ огромный котелъ, въ которомъ варилось мясо; передъ нимъ сидѣла женщина съ голымъ груднымъ ребенкомъ на колѣнахъ, и двое старшихъ дѣтей. Противъ входа на почетномъ мѣстѣ калмыкъ разстилалъ войлокъ для своего гостя. Идолы представляли человѣческія фигуры, выточенныя изъ дерева, съ ремнями, бляхами, кораллами; орлиную шкуру съ когтями, калмыкъ называлъ при спросѣ путешественниковъ: что это такое? русскимъ именемъ богъ, причисляя ее къ своимъ идоламъ. Ротъ одного изъ небольшихъ деревянныхъ истукановъ былъ обмазанъ саломъ. Калмыкъ вынулъ изъ своего сапога кисетъ, набилъ желѣзную трубку, закурилъ ее и передалъ гостю въ знакъ уваженія; при чемъ гость передалъ ему свою. Онъ полюбовался этой послѣднею, два раза потянулъ изъ нея дымъ и потомъ возвратилъ.

Третья встрѣча произошла въ деревнѣ Чечулихѣ съ калмыцкимъ зайсаномъ или княземъ Митреемъ, кочевавшимъ на черномъ Ануѣ [498], но пришедшимъ сюда на охоту. Подобно всѣмъ русскимъ подданнымъ изъ калмыцкихъ зайсановъ, онъ имѣлъ маіорскій чинъ и потомственное дворянство; сверхъ того въ награду за свою вѣрную службу—двѣ зо-

(498) Bunge l. c. T. II, p. 25.

лотыя медали, но впрочемъ одеждой своей ничѣмъ не отличался отъ простыхъ калмыковъ. Его угощали чаемъ, и подарили турецкаго табаку и гилянъ-башъ (змѣиная головка, т. е. раковина Cypraea moneta, которой 16 штукъ идетъ на женское украшеніе калмычекъ) (499). Онъ принялъ подарки и не имѣя чѣмъ отдарить, взялъ съ путешественниковъ слово, что они посѣтятъ его юрту. Нѣсколько позже пришелъ въ ту же деревню съ р. Кана за 50 вер. калмыцкій демечи, т. е. старшина именемъ Баранъ (500), съ сыномъ и племянникомъ, для того чтобы посовѣтоваться о здоровьѣ послѣдняго съ прибывшимъ докторомъ. Такъ какъ онъ говорилъ, хотя дурно, по-русски, то скоро сдружился съ Бунге, при чемъ они обмѣнялись трубками. Этотъ демечи былъ одинъ изъ богатѣйшихъ окрестныхъ калмыковъ, но жаловался, что въ послѣднюю зиму у него похитили 350 барановъ, 50 штукъ рогатаго скота и множество лошадей. По двумъ своимъ женамъ состоялъ онъ въ родствѣ съ 2-мя зайсанами и пользовался большимъ уваженіемъ. Находясь въ подданствѣ, онъ начальствовалъ по всей р. Кану до ближайшихъ русскихъ поселеній. Такихъ демечи состоитъ въ вѣдѣніи одного зайсана отъ 3 до 5-ти. Подъ ними состоятъ шуленги, которыхъ также немного, а еще степенью ниже—арбанаки, имѣющіе въ своемъ вѣдѣніи только 10 человѣкъ. Остальные калмыки равны между собою и различаются другъ отъ друга только численностью своихъ стадъ и богатствомъ. Мнимыя познанія въ ботаникѣ этого калмыка, который при разсмотрѣніи гербарія Бунге, давалъ каждому растенію особое названіе, при чемъ сынъ его изъявлялъ свое подтвержденіе наклоненіемъ головы, изумили доктора, но скоро обратились въ прахъ, потому что слова, имъ произносимыя, значили красный, бѣлый, желтый и синій цвѣты и калмыки оказались очень дурными ботаниками, потому что они имѣютъ свои названія только

(499) Cp. Erdkunde v. Africa. Th. I, 2 Ausg. 1822. p. 1039.
(500) Bunge l. c. T. II, p. 37.

для самыхъ употребительныхъ древесныхъ породъ и для небольшаго числа другихъ растеній.

Первый калмыцкій аулъ ([501]), встрѣченный Бунге, состоялъ изъ 5 разсѣянныхъ юртъ на Чарышѣ, при впаденіи рѣчки Чечи, выше Чечулихи. Нѣкоторые изъ нихъ были красивѣе вышеупомянутыхъ и свидѣтельствовали о зажиточности ихъ обитателей. Слово юрта, которыхъ нѣсколько составляютъ аилъ (по-киргизски аулъ), т. е. жилище, не принадлежитъ къ калмыцкимъ ([502]). Эти юрты состояли изъ круглой, вертикально поставленной деревянной рѣшетки въ ростъ человѣка. На ней прикрѣплены жерди, сходящіяся на верху своими концами, въ видѣ усѣченнаго конуса, который имѣетъ вышину рѣшетки. Они поддерживаются другими жердями внутри юрты, а наверху связаны и образуютъ отверстіе для дыма. Все это сверху покрыто войлокомъ; на восточной сторонѣ вставлена рама для двери, завѣшанная красивымъ пестрымъ войлокомъ. Встрѣчаются и деревянныя двери, но рѣдко, и только у богатыхъ. Внутреннее устройство юрты вездѣ одинаково. При входѣ направо стоитъ кожаный сосудъ (турсукъ), величиною въ человѣческій ростъ, прикрѣпленный жердью къ юртѣ, четырехугольный или округленный и кверху быстро съуживающійся вдвое; въ него вставлена саженная жердь. Верхнее отверстіе закрыто недубленною кожею, а боковое заткнуто. Въ этотъ турсукъ сливается ежедневно все молоко, получаемое отъ различнаго домашняго скота, и окисляется. Каждый въ свою очередь подходитъ иногда къ турсуку, мѣшаетъ и бьетъ жидкость жердью, пока не устанетъ. Это кислое, сырное молоко составляетъ главную пищу калмыковъ; оно дѣйствительно вкусно, но могло бы быть почище. Далѣе стоятъ другіе сосуды для сохраненія свѣжаго молока и сосудъ для доенія, также изъ кожи, иногда оплетенный сверху и рѣдко чугунный. Маленькіе турсуки, служащіе для сбереженія кумыса, при-

(501) Bunge l. c. T. II, p. 31.
(502) Bunge l. c. T. II, p. 135. Not.

готовляемаго калмыками, имѣютъ форму желудка. Кислое молоко называется у нихъ вообще чеганъ ([503]), если же оно кобылье, то — кумысъ; дистилированная же изъ молока водка называется аракъ, и составляетъ любимый, также кисловатый напитокъ калмыковъ. Далѣе, въ той же юртѣ, находится постель изъ наложенныхъ одинъ на другой войлоковъ и ковровъ, по большею частію только одна, даже въ многочисленныхъ семействахъ. Направо отъ нея и прямо противъ входа лежатъ кожаные мѣшки въ числѣ 4, 8 и даже, смотря по богатству, до 16-ти въ два ряда. Въ нихъ заключается движимость калмыковъ, состоящая изъ шкуръ, платьевъ, войлоковъ, бумажныхъ и шелковыхъ матерій, кирпичнаго чая и т. д. Это собственно кожаные вьюки, устроенные такъ, что два мѣшка, связанные вмѣстѣ, образуютъ вьюкъ лошади; у богатыхъ они сдѣланы изъ красной кожи, украшенной пестрымъ сафьяномъ; всѣ они покрыты коврами. Послѣ стадъ они составляютъ главное богатство калмыковъ. Надъ ними висятъ калмыцкіе идолы, состоящіе изъ выточенныхъ деревянныхъ фигуръ съ стеклянными или коралловыми глазами, также бѣличьи и сусликовыя шкуры, или свернутыя тряпочки, или орлиныя когти и т. д. Влѣво ([504]) отъ двери висятъ обыкновенно мужскіе доспѣхи: ружья, охотничьи сумы и т. д. Съ этой стороны находится также почетное мѣсто, на которомъ сидятъ мужчины и гости. Женщинамъ запрещено не только сидѣть на этихъ мѣстахъ, но и проходить между огнемъ и идолами. Имъ за то предназначена правая сторона юрты. Здѣсь всегда бываетъ прикрѣплена веревка; къ ней привязаны маленькія ягнята и козлята, которыхъ матки доятся три раза въ день. Посреди юрты — очагъ, часто сложенный изъ камней, и на немъ котелъ; только у богатыхъ и сосѣднихъ съ русскими калмыковъ, есть желѣзный треножникъ, съ котораго котелъ рѣдко снимается. Надъ очагомъ прикрѣплены перекладины для сушенія, иногда же деревянная рѣшетка для коп-

---

(503) Bunge l. c. T. II, p. 46; Ledebour id. I. p. 181.
(504) Спасскій въ Oldekop. l. c. T. XIV, p. 317.

ченія сыра, который тогда нанизывается на нитки и вывѣшивается на высокихъ жердяхъ передъ юртою, или раскладывается для той же цѣли на войлокѣ, покрывающемъ юрту. Въ небольшомъ разстояніи отъ юрты всегда есть столбъ, къ которому привязываются лошади. Устройство юрты вездѣ одинаково, и то, что должно быть налѣво, никогда не ставится направо. Въ каждой изъ этихъ пяти юртъ на Чечѣ путешественники были приняты гостепріимно и всѣ хозяева обмѣнивались съ ними трубками, не исключая и женщинъ. Въ одну изъ юртъ вошла хорошенькая калмыцкая дѣвушка, невѣста, одѣтая, какъ и мужчины, въ тулупъ, по болѣе красивый; на головѣ у нея была красная шапка, отороченная мѣхомъ. Главное украшеніе ея состояло въ головномъ уборѣ; блестящіе черные какъ смоль волосы густо падали съ головы на плеча осьмью толстыми косами и каждая коса была украшена змѣиными головками, стеклянными бусами и перломутровыми пуговицами, такъ что съ каждымъ движеніемъ головы слышалось бряцанье. Въ одной изъ юртъ Бунге видѣлъ (505) въ первый разъ барабанъ чародѣя, имѣвшаго грубо выточенное лицо, и у котораго въ мѣсто глазъ вставлены были мѣдныя пуговицы, а внизу—поперечная желѣзная палка съ такими же кольцами и съ погромкомъ, какъ извѣстно изъ древнихъ описаній сибирскихъ народовъ.

Эти добродушные калмыки на Чечѣ (506) безпрепятственно дали путешественнику, по требованію его толмача, лошадей для дальнѣйшаго пути. Четыре калмыка, отчасти еще пьяные отъ ночнаго угощенія, немедленно привели 18 лошадей; лошади эти были даны безъ всякой платы деньгами или товаромъ, за небольшіе добровольные подарки. Большею частію Бунге и не приходилось показывать губернаторскаго предписанія; какъ только калмыки усматривали издали русскихъ, приближавшихся на калмыцкихъ лошадяхъ, такъ знали уже, что ихъ обязанность

(505) Bunge l. c. T. II, p. 35.
(506) Bunge l. c. T. II, p. 42.

доставлять ихъ далѣе. Калмыки очень пріятные и веселые спутники, чрезвычайно оживлены и поютъ пѣсни на лошадяхъ, которыхъ погоняютъ въ галопъ, даже и съ вьюками. Ледебуръ ([507]) свидѣтельствуетъ также, что калмыки хорошіе и веселые спутники, пріучены къ трудностямъ и лишеніямъ, никогда не ропщутъ, отличные наѣздники, скачутъ близъ пропастей и только боятся горныхъ потоковъ. Вообще, говоритъ Ледебургъ ([508]), при ближайшемъ общеніи съ ними выказываются многія прекрасныя ихъ свойства, которыя Спасскій ([509]) впрочемъ нѣсколько преувеличиваетъ, говоря объ ихъ простотѣ золотаго вѣка. Калмыки имѣютъ и недостатки, а именно страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, праздность и неопрятность. За то они чрезвычайно честны, добродушны, услужливы, обязательны и привѣтливы; при всякой встрѣчѣ сходятъ съ лошадей съ поклономъ и словами: „менду, аморъ" (будь здоровъ, покоенъ) и охотно провожаютъ путешественниковъ. Ихъ добродушіе часто употребляется во зло тѣми, которые имѣютъ съ ними дѣло, и правительство должно было бы обратить вниманіе на эти злоупотребленія, случавшіяся и во время Ледебура. Съ этимъ добродушіемъ не сопряжено никакой слабости и путешественникъ ([510]), обращавшійся съ ними привѣтливо, приводитъ многія прекрасныя ихъ черты. Калмыки съ большимъ любопытствомъ смотрятъ на все новое, съ удовольствіемъ перебираютъ вещи путешественника, но даже самые простые изъ нихъ никогда ничего не похищаютъ. Съ глубокимъ уваженіемъ къ чужой собственности, они не прикасались даже къ оставленнымъ русскими подпоркамъ палатокъ, хотя вообще они всегда употребляютъ подобныя палки на топливо. Послѣдній остатокъ палатки казался этимъ кочевникамъ неприкосновенною святынею, даже и послѣ отъѣзда путешественниковъ.

---

(507) Ledebour Altai R. T. I, p. 185.
(508) Ibid. T. I, p. 173.
(509) Spassky въ Oldekop. l. c. T. XIV, p. 316.
(510) Ledebour Altai R. T. I, p. 217, 218, 173.

ніе къ воровству есть общее свойство калмыковъ ([511]). Они бываютъ очень благодарны за подарки, но очень скромно принимаютъ ихъ ([512]), даже бываютъ смущены, если имъ нечѣмъ отдарить; плату же принимаютъ они очень рѣдко. Въ обращеніи калмычекъ замѣтно много нравственности и стыдливости; подарки очень смущаютъ и даже иногда пугаютъ ихъ. Особенности калмыцкой физіономіи ([513]), а именно короткій лобъ и узкіе глаза не позволяютъ назвать калмычекъ красавицами, по крайней мѣрѣ въ европейскомъ смыслѣ этого слова, но онѣ совсѣмъ не такъ дурны собою какъ киргизки.

О главныхъ кочевьяхъ ([514]) этихъ вѣрноподданныхъ калмыковъ на верхнемъ Чарышѣ, Канѣ, Ябаганѣ, Керлыкѣ и Урсулѣ мы уже упоминали выше (см. ст. 304). Мѣстности эти состоятъ преимущественно изъ усѣянныхъ солончаками открытыхъ плоскихъ долинъ, весьма различныхъ по своей степной природѣ отъ альпійскихъ. Здѣсь живутъ самые многочисленные калмыцкіе роды съ своими стадами, между которыми они разводятъ и верблюдовъ, коихъ нѣтъ у калмыковъ альпійскихъ долинъ. Калмыки степныхъ долинъ перекочевываютъ для охоты и въ альпійскія, а именно на южную сторону Чарыша и не далѣе южной стороны Коксуна. Въ сосѣднихъ дикихъ Коргонскихъ горахъ ([515]) калмыки не кочуютъ даже мимоходомъ, говоря: „что предки ихъ не посѣщали этихъ мѣстностей и ни одинъ калмыкъ туда не заходитъ". Такъ какъ однакоже въ этихъ долинахъ много древнихъ чудскихъ могилъ (см. выше ст. 301, 307), то должно заключить, или что калмыки забыли исторію своихъ предковъ, или что упомянутыя могилы дѣйствительно принадлежатъ совсѣмъ не предкамъ ихъ, а чужой, исчезнувшей націи (Чуди). Также и на южномъ склонѣ главной цѣпи бѣлковъ за высокимъ Холсуномъ до верхней Бухтармы и

(511) Bunge. l. c. T. II. p. 58.
(512) Ledebour Altai R. T. I. p. 171.
(513) Ledebour Altai R. T. I. p. 182 cf. p. 217.
(514) Ibid. I. p. 238.
(515) Ibid. I. p. 256.

Фыкалки не распространяются калмыки ([516]); поэтому кочевья ихъ занимаютъ очень ограниченное пространство; какъ далеко распространяются калмыки на с. къ Аную, намъ неизвѣстно. За Біей въ Кузнецкихъ горахъ калмыки, обратившіеся въ христіанскую вѣру и перешедшіе къ осѣдлости, не отставъ отъ однихъ обычаевъ и вѣрованій и не приставъ къ другимъ, находятся еще въ невыгодномъ переходномъ состояніи.

Обширное пространство долинъ и горныхъ хребтовъ, до Катуни, предоставлено для кочевьевъ калмыкамъ, платящимъ ясакъ, и стадамъ ихъ; лѣтомъ переходятъ они дѣйствительно съ мѣста на мѣсто, разбивая то здѣсь, то тамъ свои юрты, зимою оставаясь въ защищенныхъ лѣсныхъ ущельяхъ. Очень естественно, что они смотрятъ съ неудовольствіемъ на основаніе русскими деревень Чечулихи и Уймона, потому что это обстоятельство лишаетъ ихъ многихъ пастбищъ и кочевьевъ. Сначала уймонское поселеніе было даже поставлено подъ покровительство калмыцкаго зайсана ([517]). Но скоро калмыки были все болѣе и болѣе стѣсняемы въ своемъ владычествѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и крестьянамъ русскихъ горныхъ деревень ([518]), для ихъ полей и пастбищъ, начертаны были опредѣленныя границы, въ избѣжаніе будущихъ споровъ, при быстромъ увеличеніи этихъ деревень. Горные же калмыки еще не имѣютъ никакого стремленія къ осѣдлости. На вопросъ: почему они не хотятъ жить на одномъ мѣстѣ и зачѣмъ остаются въ постоянныхъ и затруднительныхъ перекочевкахъ? они отвѣчаютъ, что религія предписываетъ имъ кочевую жизнь и что русскимъ не дано благословенія стадъ именно потому, что они живутъ на одномъ мѣстѣ и чистятъ свои молочные сосуды. Въ настоящее время этотъ добродушный кочевой народъ состоитъ еще подъ покровительствомъ своихъ кановъ и абиссовъ, т. е. чародѣевъ, и созданныхъ ими идоловъ, замѣняю-

(516) Ibid. I. p. 308.
(517) Bunge l. c. T. II. p. 113.
(518) Ledebour T. I. p. 192.

щимъ имъ всякую философскую систему или теорію; по современемъ, при распространеніи между ними цивилизаціи, ихъ ожидаютъ многія преимущества, сопряженныя конечно только съ истиннымъ обращеніемъ въ христіанскую вѣру, а не съ принудительнымъ крещеніемъ или принятіемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ.

Правительство всѣми мѣрами старается поощрять калмыковъ, желающихъ сдѣлаться осѣдлыми; однакоже до тѣхъ поръ, пока они сами не пользуются обширными землями для земледѣлія (которыя, не смотря на свое высокое положеніе, представляютъ къ тому большія удобства), то каждый русскій поселенецъ имѣетъ право просить для себя земельные участки, которые впрочемъ даются ему не на правѣ полной собственности, потому что весь Алтайскій округъ есть принадлежность Императорскаго Кабинета. Только убѣдясь личнымъ опытомъ въ скоромъ развитіи благосостоянія русскихъ поселенцевъ, калмыки можетъ быть постепенно получатъ желаніе промѣнять трудности и опасности кочевой жизни на постоянныя жилища, земледѣліе и трудъ, въ особенности если къ тому на помощь явится голодъ, падежъ скота и истребленіе дичи. О нѣкоторыхъ попыткахъ земледѣлія у зайсановъ на Чуѣ мы упоминали выше (см. стр. 349). Только на верхнемъ Чарышѣ, Канѣ и Ябаганѣ замѣтно благосостояніе между вѣрноподданными горными калмыками; тамъ же находятся мѣстопребыванія ихъ зайсановъ, которые нынѣ уже не боятся болѣе китайскихъ разъѣздовъ и разбойничьихъ нападеній китайскихъ аванпостовъ, какъ это было во времена Шангина (см. выше стр. 346). Число ихъ (519) съ тѣхъ поръ значительно увеличилось, потому что во времена Шангина на р. Канѣ было ихъ немного. Онъ называетъ ихъ общеупотребительнымъ именемъ горныхъ татаръ, и говоритъ, что они средняго роста, имѣютъ плоскія лица, но сложены лучше калмыковъ. Палласъ въ осо-

(519) Шангинъ l. c. T. VI. p. 73.

*

бомъ замѣчаніи присовокупляетъ, что онъ считаетъ ихъ смѣсью калмыцкой (монгольской) и татарской (восточно-туркской или киргизской) крови, при которой черты лица всегда становятся пріятнѣе. Объ этомъ трудно сказать что нибудь опредѣлительное; въ настоящее время по крайней мѣрѣ здѣсь нѣтъ рѣчи ни о какомъ смѣшеніи. Женщины ихъ, по свидѣтельству Шангина, имѣютъ пріятныя лица, но старухи становятся отвратительными отъ пьянства и дурной жизни. Нравы и обычаи ихъ сходны съ калмыцкими. Казаки, говоритъ Шангинъ, увѣряли его, что они сожигаютъ умершихъ; онъ однакоже не повѣрилъ этому. За всѣмъ тѣмъ они и не зарываютъ ихъ въ землю какъ древніе чуди, потому что онъ находилъ многіе трупы ихъ въ полной одеждѣ съ конской сбруей въ пещерахъ на высокихъ скалахъ или на жердяхъ.

Когда Ледебуръ, на второмъ своемъ стойбищѣ на Чарышѣ (3623 п. ф. см. выше стр. 312) былъ въ первый разъ посѣщенъ двумя зайсанами (520) съ р. Кана, то они вошли въ его палатку въ сопровожденіи 9 человѣкъ и послѣ перваго поклона сѣли, скрестя ноги, на разложенный на полу коверъ. Зайсаны были одѣты въ плотныя пестрыя китайскія шелковыя ткани, подбитыя лисьимъ мѣхомъ и отороченныя соболями; свита ихъ была одѣта въ болѣе грубыя ткани. Длинный халатъ былъ опоясанъ; на поясѣ висѣли огниво, кремень и трутъ, въ китайскомъ кожаномъ мѣшкѣ, съ замкомъ хорошей работы, украшеннымъ бронзою и серебромъ. Въ черныхъ полусапогахъ сохраняли они кисетъ и трубку. Одинъ изъ этихъ калмыковъ говорилъ немного по-русски и разговоръ зашелъ о горныхъ проходахъ и рѣкахъ. Согласно съ обычаемъ всѣ обмѣнивались трубками, переходившими изъ устъ въ уста; потомъ пошло угощеніе чаемъ и сухарями. Всѣ показывали большое вниманіе старику, дѣду одного изъ зайсановъ, и около него сосредоточивались всѣ угощенія и водка, отъ которой онъ ни разу не отказывался и слѣдовательно получилъ болѣе всѣхъ;

---

(520) Ledebour, T. I, p. 170.

наконецъ крѣпкіе напитки подѣйствовали на калмыковъ; они вышли изъ палатки и расположились около разложеннаго огня. Вскорѣ зайсаны возвратились въ палатку съ подарками; одинъ принесъ соболью шкуру, другой лисью. Они были отдарены водкой, табакомъ, золотой и серебряной тесьмой, змѣиными головками, пулями, кремнями, иголками и другими мелочами. Всѣ эти подарки они приняли съ удовольствіемъ и объяснили толмачу въ какой степени они были смущены, получая за свои небольшіе подарки столь цѣнныя вещи. Тогда начались переговоры и они обѣщали доставить на другой день въ распоряженіе путешественнику 4 человѣка и 7 лошадей. Удовольствіе ихъ все увеличивалось; они вскорѣ приказали принести цѣлый кожаный мѣшокъ съ молочною водкою. Ледебуръ съ удивленіемъ осматривалъ эти мѣшки, сдѣланные изъ кожи съ тиснеными фигурами, вѣроятно китайскаго издѣлія. Поздно вечеромъ калмыки простились съ Ледебуромъ, разсыпаясь въ благодарности, и поѣхали домой. Такова ихъ обыденная жизнь; попойки играютъ въ ней главную роль, и въ извѣстные періоды, особенно лѣтомъ, очень трудно найти зажиточнаго калмыка въ трезвомъ видѣ, чѣмъ чрезвычайно затрудняются всякія дѣловыя сношенія съ ними, а въ особенности путешествія въ ихъ странахъ встрѣчаютъ большія препятствія. Не смотря на этотъ весьма распространенный между ними порокъ, по замѣчанію Бунге ([521]), они рѣдко бываютъ одержимы водяною. Запрещеніе ([522]) продавать этимъ горнымъ калмыкамъ водку и порохъ всѣмъ извѣстно, но часто бываетъ нарушаемо въ видахъ прибыльной торговли. Зажиточные калмыки, обладатели обширныхъ стадъ, продаютъ лошадей, барановъ и рогатый скотъ купцамъ нерѣдко рублей на тысячу разомъ, а такъ какъ правительство имъ очень покровительствуетъ, то зажиточныхъ между ними не мало. При всемъ томъ

---

(521) Bunge l. c. T. II. p. 83.
(522) Ledebour l. c., I. p. 173, 182.

они рѣдко измѣняютъ свой образъ жизни и бѣдность ихъ юртъ, защищаемыхъ зимою отъ страшныхъ холодовъ только кучами снѣга, есть совсѣмъ не послѣдствіе ихъ бѣдности, а слѣдствіе ихъ привычекъ. Лѣтомъ (523) мужчинамъ почти нечего дѣлать, кромѣ нѣкотораго присмотра за табунами, а потому они проводятъ свое время въ переѣздахъ изъ юрты въ юрту, при чемъ у нихъ бываютъ попойки и разсказы разныхъ новостей, распространяющихся съ необыкновенною быстротою. Этимъ умѣютъ въ особенности воспользоваться ихъ камы (колдуны) для того, чтобы придать вѣроятіе своимъ предсказаніямъ и пріобрѣсть тѣмъ самымъ особое уваженіе. Ихъ кочевая жизнь, ихъ дальнія поѣздки для леченія больныхъ и для открытія воровства очень развиваютъ въ нихъ эти познанія, потому что они останавливаются у каждой юрты и ловятъ на лету каждое слово, которое можетъ имъ быть полезно. Зимою мужчины занимаются охотою, а женщины ихъ, также какъ и киргизки — всякою домашнею работою. Даже зимою калмыки не имѣютъ особенныхъ попеченій о стадахъ своихъ, потому что скотъ добываетъ самъ себѣ пищу, а калмыки заготовляютъ весьма небольшое количество сѣна для больнаго и молодаго скота, развѣшивая это сѣно на деревьяхъ. Только загонъ скота стоитъ имъ не малаго труда, въ особенности когда имъ приводится ловить лошадей арканами, при чемъ они показываютъ большую ловкость и искусство. Бунге (524) видѣлъ подобный ловъ лошадей изъ табуна въ 100 головъ на Ябаганѣ и описываетъ его какъ очень оживленное и интересное зрѣлище. Лошади, чувствуя инстинктивно свою участь, прячутся и уклоняются съ большою хитростью отъ ловящихъ ихъ калмыковъ. Онѣ скучиваются между собою, потомъ внезапно разбѣгаются въ двѣ или три разныя стороны быстрымъ галопомъ. Но преслѣдующему ихъ калмыку всякій разъ удается

(523) Bunge l. c. T. II. p. 48.
(524) Bunge l. c. T. II. p. 53.

загнать ихъ и заранѣе предназначенная къ поимкѣ лошадь никогда не избѣгаетъ своей участи. Завидѣвъ лошадь, которую онъ ищетъ, калмыкъ быстро и вѣрно набрасываетъ ей арканъ на шею, на полномъ скаку бросается съ сѣдла на землю и даетъ тащить себя нѣкоторое время по землѣ, до тѣхъ поръ пока лошадь, удерживаемая арканомъ и описывающая все меньшіе и меньшіе круги, не остановится наконецъ въ утомленіи. Конечно случается неоднократно, что арканъ бываетъ заброшенъ и неудачно. Дикіе крики калмыковъ, ржаніе и раздающійся топотъ лошадей пробуждаютъ горное эхо: сцена такъ интересна, что поглощаетъ все вниманіе наблюдателя: то онъ невольно сочувствуетъ быстрымъ движеніямъ прекраснаго коня, хитро уклонившагося отъ преслѣдованій, то радуется ловкости стараго калмыка, мѣтко и опытною рукою набросившаго свой арканъ. Эти сцены нерѣдко предшествуютъ снаряженію путешественника въ путь, потому что лошади немедленно сѣдлаются, вьюки привязываются и поѣздъ приступаетъ къ совершенно другому роду движенія.

При посѣщеніи этихъ зайсановъ на Ябаганѣ, вообще было соблюдаемо менѣе церемоніи чѣмъ при подобномъ посѣщеніи близь китайской границы на верхней Чуѣ: пріемъ первыхъ отличался отъ пріема простыхъ калмыковъ только угощеніемъ чаемъ. Чай этотъ приготовляется изъ общеизвѣстнаго кирпичнаго чая ([525]), съ прибавленіемъ соли и молока, но безъ сахара, а иногда съ толченымъ ячменемъ и саломъ для приправы (въ такомъ видѣ буряты называютъ его сатуранъ). Точно въ такомъ же употребленіи чай былъ уже въ срединѣ XV в. у монгольскихъ князей Чингисъ-Ханова дома ([526]), которые вѣроятно получали его изъ Китая, и при дворѣ монгольскихъ Алтынъ-Хановъ (1640) на Убса-норѣ ([527]), гдѣ угощали имъ русскихъ

(525) Timkowsky Voy. ed. Paris. T. I. p. 36, II. p. 299; Potocky Voy. ed. Klaproth. Paris, 1829. T. I. p. 64.

(526) Ssanang Ssetsen Mongol Gesch. übers. v. Schmidt. p. 181.

(527) Fischer Sibir. Gesch.; Th. II. p. 694, 697.

посланцевъ и навязали его въ подарокъ, въ то время когда чай совсѣмъ еще не былъ въ употребленіи въ Россіи. Введеніе чайнаго напитка здѣсь во всякомъ случаѣ не ново, а путь, по которому чай привозимъ былъ въ юрты калмыцкихъ зайсановъ вмѣстѣ съ китайскими принцессами до Чуи, Катуни и Чарыша, несомнѣненъ, вслѣдствіе чего чай подается и нынѣ у калмыцкихъ князей не безъ нѣкоторыхъ церемоній (528).

Слабое вѣрованіе этихъ горныхъ калмыковъ въ демоновъ и шамановъ относится въ особенности къ леченію больныхъ, отысканію покражи и разбойниковъ, къ предсказаніямъ и погребенію умершихъ. Все это совершается камами (529) (камгаръ т. е. колдовать, отсюда русское слово камлать) и абиссами, которые въ Восточной Сибири называются шаманами, но вѣра эта не имѣетъ ничего особеннаго, потому что давно была извѣстна между кочевыми племенами Сибири. Здѣшніе калмыки сохранили многіе древніе обычаи шаманства, хотя ихъ другіе монгольскіе сродники сдѣлались приверженцами буддійской и магометанской вѣры; также отличаются они отъ сосѣдей и нарѣчіемъ своимъ (530). Они прорицаютъ при закланіи животныхъ по плечевымъ костямъ ихъ (531), бросаемымъ ими въ огонь, какъ во времена Чингисъ-Хана; волшебный барабанъ есть главный инструментъ ихъ для изгнанія шайтановъ (т. е. сатаны, злыхъ демоновъ); доброму генію хутаю (т. е. хода, бода, Gott, богъ) посвящаютъ они бѣгающихъ на свободѣ лошадей, которыя для этой цѣли украшаются лентами. На этихъ лошадяхъ уже не ѣздятъ всадники, иначе онѣ считаются оскверненными и должны быть окуриваемы. Способъ и мѣсто погребенія умирающихъ зависитъ большею частію отъ камовъ. Бунге подтверждаетъ показаніе Шангина, что иногда, хотя рѣдко, калмыки сожигаютъ трупы, иногда же

---

(528) Bunge l. c. T. II. p. 45.
(529) Bunge l. c. T. II. p. 47, 49, 83, 123, 132, 141, 167, 168.
(530) Spassky въ Oldekop T. XIV. 1834. p. 323.
(531) Ibid. II. p. 92.

закутываютъ ихъ въ войлокъ и выставляютъ въ лѣсахъ и на скалахъ, гдѣ ихъ съѣдаютъ волки; при этомъ приносятся жертвы и отправляются нѣкоторые обряды. Калмыкъ празднуетъ иногда день смерти усопшаго тѣмъ, что приходитъ на мѣсто его погребенія и напивается тамъ. Каменныхъ гробницъ и кургановъ калмыки не дѣлаютъ и чудскія могилы принадлежатъ совершенно другому племени. Они имѣютъ и волшебныя пѣсни ([532]), которыя даже поются, хотя совсѣмъ не музыкально ([533]). Какъ у крымскихъ горныхъ татаръ пѣніе это состоитъ изъ произношенія словъ на распѣвъ, то тише, то громче, при чемъ ротъ открывается иногда болѣе, иногда менѣе, но при этомъ нѣтъ никакой модуляціи или мелодіи. При пѣніи слова произносятся торжественно, серьезно и отчетливо и очень просто; вечеромъ и посреди горъ пѣніе это кажется особенно унылымъ. Національныхъ пѣсенъ калмыки кажется не имѣютъ, но поютъ импровизируя; однакоже основаніе этихъ пѣсенъ у нихъ всегда въ головѣ и относится къ извѣстнымъ событіямъ, заученнымъ ими и часто повторяемымъ безъ особаго усилія. Такія фразы путешественникъ слышалъ повторяемыми неоднократно, какъ напр. „Тамъ бѣжитъ олень, я хочу убить его". Засимъ слѣдуютъ неясные звуки, а потомъ: „Вотъ дерево, а подъ деревомъ зарыта дѣвушка". Или „Я скачу весело своимъ путемъ, другъ! послѣдуй за мною", и. т. д.

Калмыки имѣютъ и инструментальную музыку ([534]), хотя очень грубую. Когда Спасскій находился вечеромъ въ своей юртѣ на р. Канѣ, къ нему пришли два музыканта: одинъ игралъ на кумургѣ, другой на таншурѣ (родъ балалайки). Оба садились вмѣстѣ съ веселою молодежью юрты вокругъ огня и играли поочередно. Игра послѣдняго изъ нихъ была лучше игры перваго, который акомпанировалъ ее пѣніемъ или, лучше сказать, говорилъ подъ

---

(532) Bunge l. c. T. II. p. 141.
(533) Ledebour Altai R. T. I. p. 183.
(534) Spassky въ Oldekop. Zeitschr. Th. IV. p. 317.

музыку по распѣвъ. Орфей этихъ степей внушалъ своимъ слушателямъ то страхъ, то сожалѣніе, то веселость, выражавшуюся на ихъ холодныхъ недовольныхъ лицахъ. Намъ же, говоритъ Спасскій, игра его казалась слишкомъ однообразною, голосъ его дикимъ и страннымъ. Онѣ воспѣвали битвы своихъ героевъ, могущество любви и дружбы.

Образъ жизни двоеданцевъ на восточной сторонѣ Катуни въ долинѣ Чуи до верховьевъ этой рѣки, на сибирско-китайской пограничной линіи, по наблюденіямъ Бунге, не представляетъ большаго различія съ жизнью калмыковъ, живущихъ къ з. отъ Катуни. Они имѣютъ болѣе китайскую или маньчжурскую физіономію и много вещей китайскаго произведенія. Вообще они зажиточнѣе, зайсаны ихъ богаче и пользуются большимъ уваженіемъ; сосѣдство Китая даетъ имъ болѣе важности и достоинства. Сохраняютъ ли калмыки тотъ же характеръ до своего провинціальнаго города Уляссутая, въ которомъ преобладаютъ сойоны, монголы и маньчжуры, намъ неизвѣстно. Къ в. же отъ Чуи тѣ же калмыки обитаютъ въ долинахъ Башкауса и Чулышмана до Телецкаго озера, за исключеніемъ необитаемаго дикаго ущелья нижняго Башкауса ([535]). Но число ихъ здѣсь менѣе значительно чѣмъ на Чуѣ. Въ долинѣ верхняго Башкауса ниже горнаго прохода Кокорго кочевали подданные зайсана Шюрмеге; калмыки же, обитавшіе при сліяніи Башкауса и Чулышмана до Телецкаго озера и занимавшіеся посѣвами ячменя и пшеницы, были подданными зайсана Могола, пребывавшаго на Тегагомѣ. Такимъ образомъ владѣнія сего послѣдняго распространялись очень далеко отъ Телецкаго озера вверхъ по Башкаусу и также по Чуйской и Курайской степи внизъ до Сардума ([536]), гдѣ у зайсана опять были пашни, а можетъ быть и далѣе черезъ Айгулакъ до Катуни; по крайней мѣрѣ здѣсь не было рѣчи о третьемъ зайсанѣ. Общее число алтайскихъ калмыковъ

---

(535) Bunge l. c. T. II. p. 151, 153, 158, 159.
(536) Bunge l. c. T. II. p. 103.

въ 1816 году простиралось до 500 семействъ ([537]), изъ которыхъ одна треть двоеданцевъ, т. е. живущихъ на китайской границѣ, состоящихъ подъ китайской администраціей, но платящихъ ясакъ обоимъ государствамъ. Съ обѣихъ сторонъ имъ оставлены права ихъ, и даже зайсаны ихъ имѣютъ право суда и расправы, и только сами въ свою очередь подлежатъ какъ русскому суду, такъ и китайскому въ Улясутаѣ (см. выше ст. 308). Еще въ XVIII в. (1720) эти калмыки были, какъ кажется, гораздо могущественѣе чѣмъ нынѣ, потому что во времена Гмелина ([538]) разрушили крѣпость Бійскъ до основанія, такъ что нужно было построить ее совершенно вновь.

8. Телецкое озеро съ Башкаусомъ и Чулышманомъ.

Здѣсь, отъ Чуйскаго плоскогорія до дикаго альпійскаго озера, имѣемъ мы возможность послѣдовать только за однимъ и то быстро проѣхавшимъ черезъ эту страну путешественникомъ, Бунге. Другаго же путешествія мы въ этой мѣстности не знаемъ, а потому многое осталось въ ней еще неоткрытымъ. Непонятно, почему всеобщее любопытство нынѣшняго времени обращается съ нѣкоторою односторонностью на внутренность Африки, между тѣмъ какъ въ центральной Азіи любознательность можетъ найти еще такъ много для удовлетворенія высшихъ интересовъ человѣчества, для объясненія настоящаго прошедшимъ, а также для содѣйствія государственному благосостоянію и успѣху европейской цивилизаціи.

23 іюля 1826 г. Бунге ([539]) оставилъ аулъ зайсана Могола и направился черезъ горный проходъ водораздѣла Коксуна и Башкауса, на которомъ разстилается болотистое плоскогоріе. Переходъ совершился по самому удобному, хотя

---

(537) Spassky въ Oldekop l. c. T. XIV. p. 323.
(538) Gmelin Sibir. Reise T. I. p. 262.
(539) Bunge l. c. T. II. p. 149—162.

удобному, хотя очень затруднительному пути черезъ водораздѣлъ Чуи и Башкауса. На вершинѣ его была навалена калмыками, въ видѣ жертвоприношенія, груда камней. Каждый изъ этихъ камней выражалъ благодарность за благополучный переходъ черезъ гору. Широкія болотистыя площади, между массами скалъ, и снѣжныя озера покрываютъ это плоскогоріе. Изъ средины самаго большаго озера возвышается островъ съ остроконечною сопкою. Воды стекаютъ съ возвышенности на двѣ противоположныя стороны и сливаются въ два противоположные ручья, которые оба извѣстны подъ именемъ Кокорго. На нихъ калмыки смотрятъ какъ на одну и ту же рѣку. Ширина плоскогорія 4 часа пути (15 вер.) и переходъ черезъ него очень затруднителенъ. Кокорго, притокъ Башкауса, прорываетъ себѣ ниже глубокое русло, на высокомъ берегу котораго дорога проходитъ черезъ лиственничный лѣсъ. Небольшія тропинки висятъ часто надъ глубокими пропастями, образовавшимися отъ обваловъ и промоинъ, которыхъ повторенія грозятъ путешественнику ежеминутно опасностью. О горныхъ породахъ Бунге не упоминаетъ ничего, но вѣроятно горы здѣсь состоятъ изъ сланца. Черезъ нѣсколько часовъ пути онъ достигъ сперва р. Башкауса, вѣроятно недалеко отъ лежащаго къ ю.-в. отсюда истока его, потому что рѣка здѣсь еще незначительна. Она окружена округлыми, не очень высокими горами и легко переходима въ бродъ. На берегу ея, послѣ перехода черезъ холодную вершину, опять согрѣлъ путешественника привѣтливый солнечный лучъ. Дно долины, по правому прибрежью Башкауса, нерѣдко пересѣкалось пѣнистыми, свѣтлыми какъ хрусталь ручьями, какъ напр. значительными Кумурлу, Арлашъ и. т. д., превращающими скоро Башкаусъ въ значительную рѣку. Самый Башкаусъ шумно стремится вдоль долины, то расширяясь и образуя наносные острова, то съуживаясь между скалами и прыгая черезъ нихъ небольшими катарактами. Мѣстность напоминаетъ природу Урсула; только лѣвый берегъ поросъ лѣсомъ, правый обнаженъ, и въ это, хотя непозднее

время года, а именно въ августѣ, представляла для ботаника неутѣшительный видъ. Малочисленныя юрты на берегу рѣки бѣдны и состоятъ подъ властью упомянутаго зайсана Шурмеге; въ сосѣдней рощѣ путешественники остановились на почлегѣ.

24 іюля. На второй день пути путешественники перешли черезъ многочисленные притоки, часто изливающіеся подъ прямымъ угломъ въ Башкаусъ и извѣстные подъ общимъ именемъ Кара-су (черной воды); самый значительный изъ нихъ есть Сарыту. Часто приходилось подниматься по сторонамъ на предгорія, поросшія лиственицами, елями и кедрами. Пихтъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ—дерево это исчезло, начиная отъ Чечулихи на Чарышѣ (см. выше ст. 293); оно, какъ кажется, любитъ низкія, песчаныя мѣстности и характеризуетъ тамъ гранитныя горы. Ночлегъ около пріятнаго огня въ сосѣдствѣ юртъ былъ избранъ на маломъ Улаганѣ, впадающемъ съ правой стороны въ Башкаусъ.

25 іюля. На третій день пути (540) путешественники перешли терезъ малый Улаганъ, гдѣ долина Башкауса раздвигается въ широкую равнину. Ближайшій притокъ есть большой Улаганъ, но Башкаусъ поворачиваетъ внезапно къ с.-в. и прорываетъ горы скалистымъ, глубокимъ и непроходимымъ ущельемъ. Только до этого мѣста берега рѣки обитаемы; дикое ущелье совершенно недоступно и мы ничего о немъ не знаемъ. Дорога вверхъ по Улагану, вдоль долины ею, медленно и почти незамѣтно поднимающейся къ в., ведетъ между округленными лѣсистыми вершинами на водораздѣлъ между Башкаусомъ и паралельнымъ и сосѣднимъ съ нимъ на в. Чулышманомъ. Холодная, дождливая погода, гроза и трудность путешествія не позволили Бунге дѣлать какія бы то ни было наблюденія и, прежде чѣмъ была достигнута вершина горнаго прохода, пришлось сдѣлать привалъ.

27 іюля. На четвертый день путешественники слѣдовали

---

(540) Bunge l. c. T. II. p. 153.

съ ранняго утра, поднимаясь постепенно, хотя нѣсколько круче, въ гору, черезъ густой лиственничный лѣсъ. Прежде полудня Бунге достигъ до безлѣсной высоты, откуда въ прекрасную погоду открылся чудный видъ ([541]). Здѣсь опять начинается живописная альпійская природа, которую конечно можно было бы найти и въ тѣснинахъ Башкауса. Къ в., въ глубокой долинѣ, у нашихъ ногъ, говоритъ Бунге, протекалъ широкій Чулышманъ, раздѣленный на нѣсколько рукавовъ, обнимающихъ острова, заросшіе тополями. За рѣкою, непосредственно надъ восточнымъ ея берегомъ, возвышается до страшной высоты обнаженная огромная горная стѣна, переходящая на своей вершинѣ въ волнистое плоскогоріе, котораго высшіе пики были одѣты снѣгомъ. Направо и налѣво въ этой горной стѣнѣ видны два ущелья, въ которыхъ низвергаются необыкновенной красоты водопады, составляющіе большую рѣдкость въ Алтаѣ. Правый изъ нихъ живописнѣе, хотя не такъ высокъ какъ лѣвый: масса низвергающейся воды значительнѣе и паденіе непрерывно. Другой образуетъ отдѣльные каскады, падающіе почти отвѣсно футовъ на 100. Водопады очень хорошо видны, но не слышны, потому что ревъ широкой рѣки совершенно заглушаетъ ихъ. Бунге былъ восхищенъ этимъ ландшафтомъ, но ближайшій и крутой спускъ въ долину поглотилъ все его вниманіе, и нужно было вооружиться смѣлостью калмыковъ и довѣріемъ къ ихъ вѣрнымъ лошадямъ при опасномъ спускѣ по узкой тропинкѣ, извивающейся зигзагомъ. Съ этой высоты, на которую восходили въ теченіе полутора дней, путешественники спустились (къ с.-в.) въ одинъ часъ; но это возможно совершить только пѣшкомъ, и даже самые калмыки сошли съ лошадей. Только у подошвы обрыва, люди и лошади могли дать отдыхъ своимъ дрожащимъ колѣнамъ. Путь продолжали далѣе внизъ по лѣвому берегу Чулышмана; эта широкая, величественная рѣка,

---

(541) Bunge l. c. T. II. p. 154.

говоритъ Бунге ([542]), протекаетъ вдоль узкой долины, по обѣимъ сторонамъ которой возвышаются крутыя, обнаженныя скалы, отвѣсно поднимающіяся до альпійской высоты; исполинскіе утесы нагромождены одинъ на другомъ и на страшной высотѣ нависли, къ ужасу удивленнаго путника, скалистыя массы, грозящія безпрестаннымъ паденіемъ. Множество такихъ обрушившихся массъ лежали передъ глазами путешественниковъ въ долинѣ: частію на берегахъ рѣки поросшія мхомъ и обвитыя ліаною (Atragene alpina), частію въ самой рѣкѣ, которая, шумя и пѣнясь, не въ силахъ сорвать исполинскіе утесы. Дикими, пѣнистыми волнами и серебристою пылью несется она мимо и черезъ эти утесы, падая съ нихъ иногда стремительными каскадами. Калмыки стараются проходить это пространство только при хорошей погодѣ, потому что при сыромъ воздухѣ и грозахъ (какъ въ Val Tremola близь С.-Готарда въ Швейцаріи, или въ ущельѣ Іезеленъ, или долинѣ Ведро близь Симплонскаго горнаго прохода въ Валезѣ) ([543]), падаютъ часто съ страшнымъ трескомъ огромные обвалы. Далѣе внизъ по теченію рѣки скалы тѣснятся ближе къ ея берегу, едва оставляя узкую тропинку для всадника, который иногда бываетъ принужденъ дѣлать страшные переходы черезъ осыпи и пропасти. Только что Бунге сдѣлалъ подобный переходъ, какъ вдругъ съ поворотомъ долины открылось новое зрѣлище, остановившее на себѣ удивленный взоръ путешественника. Съ неизмѣримой горной высоты падалъ ручей небольшими пѣнящимися каскадами, все болѣе и болѣе расширяясь до отвѣсной стѣны скалъ, съ которой онъ однимъ прыжкомъ низвергался съ высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ. Этотъ алтайскій Штаубахъ превращался въ тончайшую пыль, уносимую вихремъ въ облака. Отсюда опасныя тропинки идутъ далѣе: однѣ подпимаясь на

---

(542) Bunge l. c. T. II. p. 156.

(543) J. G. Ebel. Anleitung die Schweiz zu bereisen etc. 3-te Ausg. Zürich 1810 IV. p. 260 etc.

стѣну скалъ, другія по правому берегу, черезъ скалистыя ворота съ отвѣсными обрывами. Бунге избралъ послѣдній путь, мимо бушующей рѣки, по которой тропинка спускается каменными ступенями. Осторожныя лошади прыгали со ступени на ступень, люди сползали по скаламъ, сѣли внизу опять на коней и поѣхали внизъ, вдоль болѣе спокойнаго теченія рѣки къ воротамъ, образуемымъ двумя исполинскими скалами, покоящимися на третьей подводной и сходящимися своими вершинами, такъ что все это образуетъ мрачный проходъ, столь низкій, что всадникъ долженъ проѣхать его припавъ на лошади, и столь узкій, что порядочно навьюченная лошадь задѣваетъ своими вьюками за обѣ стѣны. Вдоль этого прохода, образующаго естественную тунель, подобную нѣкоторымъ швейцарскимъ, какъ напр. Урнеръ-Лоху, или многимъ другимъ искуственнымъ, протекаетъ вода. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ образуетъ изгибъ и внутри совершенно теменъ. Длина его отъ 5 до 6 саженъ и проѣздъ черезъ него невольно возбуждаетъ ужасъ и воцаряетъ молчаніе. Далѣе опять является нѣсколько водопадовъ; шпоры выдающихся утесовъ и осыпи прижимаются все болѣе и болѣе къ бѣшеной рѣкѣ, такъ что надъ головою видно только узкое пространство небосклона. Черезъ нѣсколько времени однако долина расширяется и дѣлается ровнѣе; величественныя горы, раздвигаясь, покрываются растительностью; рѣка получаетъ на нѣкоторомъ пространствѣ болѣе тихое теченіе и отражаетъ въ зеркальной поверхности своей живописныя прибрежья. Чѣмъ далѣе путешественники подвигались впередъ, тѣмъ шире разстилались равнины, тѣмъ спокойнѣе и красивѣе становился ландшафтъ. День былъ тепелъ и пріятенъ; вечеромъ поднялась гроза и крупныя капли дождя падали въ то время, когда Бунге, послѣ двухъ дней пути, достигъ опять до первыхъ юртъ, расположенныхъ при впаденіи ручья Ц-гола въ Чулышманъ.

28 іюля. На слѣдующій пятый день пути (544) пройдено

(544) Bunge l. c. T. II. p. 159.

было не болѣе 3 г. м. (20 в.) до впаденія Чулышмана въ Телецкое озеро. Переходъ по ровной мѣстности былъ не труденъ, но дождь заставлялъ часто заходить во многія юрты, которыхъ жители были подданные зайсана Монгола.

На первыхъ песчаныхъ островахъ, образуемыхъ Чулышманомъ, снова показались первыя пихты, дающія наблюдателю доказательства пониженія этой мѣстности, потому что дерево это исчезло въ высокомъ Алтаѣ, начиная отъ Чечулихи на Чарышѣ. Здѣсь сливаются Башкаусъ съ Чулышманомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ первый вырывается изъ ущелій своего прорыва, какъ широкая, глубокая, но все еще очень стремительная рѣка. Бродъ черезъ нее, при значительной прибыли воды, былъ очень затруднителенъ; калмыцкій демечи далъ русскимъ особаго проводника для этой переправы. Караванъ слѣдовалъ густою толпою, и притомъ такъ, что лучшіе всадники на большихъ лошадяхъ переправлялись выше, защищая отъ напора волнъ слѣдовавшихъ ниже вьючныхъ лошадей. Далѣе дорога шла по лѣвому берегу вдоль соединенныхъ въ одну подъ именемъ Чулышмана рѣкъ, черезъ тѣнистые березовые лѣса, вдоль подошвы крутаго и лѣсистаго хребта. На выдающихся скалахъ, одѣтыхъ мхомъ, росли группы папоротниковъ и растеній съ мясистыми листьями (Sedum populifolium, S. aizoon, S. Ewersii), также Orchis cuculata, Circaea alpina и т. д. На полянахъ попадались небольшія пашни калмыковъ, засѣянныя ячменемъ, пшеницею и табакомъ,—произведеніями, которыя при уединенности этой мѣстности и недостаткѣ сообщеній, пріобрѣтаютъ тѣмъ большую цѣнность.

Такимъ образомъ достигнута была цѣль путешествія—Телецкое озеро или Алтынъ-Куль, т. е. золотое озеро калмыковъ. На южномъ прибрежьѣ и именно въ этомъ пунктѣ имѣетъ оно не болѣе версты ширины; половина этого пространства занята устьемъ Чулышмана. За нимъ поднимается мысъ, на восточной сторонѣ котораго въ озеро впадаетъ рѣчка Киги. По обѣимъ сторонамъ, т. е. направо и налѣво отъ глубокаго ущелья, за-

пятаго озеромъ, поднимаются круто и непосредственно надъ водною поверхностью, высокія и крутыя горныя стѣны, такъ что ни на той, ни на другой сторонѣ нѣтъ дорогъ. Здѣсь слѣдовательно природа поставляетъ преграду всякимъ другимъ сообщеніямъ, кромѣ водныхъ. Поверхность озера не широка и выдающіяся съ обѣихъ сторонъ скалы замыкаютъ въ нѣкоторомъ разстояніи горизонтъ. Плаваніе по озеру раскрыло бы здѣсь новые ландшафты, какъ на Лаго-Маджіоре и на Комскомъ озерѣ; только на берегахъ Телецкаго озера нѣтъ ни городовъ, ни виллъ, ни виноградниковъ, ни садовъ, ни альпійскихъ хижинъ. Мы не знакомы еще ни съ однимъ плаваніемъ по этому альпійскому озеру, которое при первомъ своемъ открытіи было театромъ кровавыхъ распрей, окончившихся очищеніемъ береговъ его отъ многочисленнаго туземнаго населенія. Бунге не могъ продолжать путешествія своего далѣе; время года было такое позднее, что нужно было думать о возвращеніи; желательно было бы, чтобы другіе путешественники избрали здѣшнюю романтическую, совершенно неизвѣстную альпійскую природу средоточіемъ своихъ изслѣдованій.

Во время пребыванія здѣсь ботаника, вдоль скалистаго хребта простирались одинъ надъ другимъ два паралельные, горизонтальные, правильные слоя, такъ что между ними видны были скалистыя горы, а надъ верхнимъ слоемъ торчали еще высшіе пики (перспективный видъ облаковъ, нерѣдкій въ узкихъ долинахъ, но всегда интересный для наблюдателя). Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колебало зеркальной поверхности водъ, отчетливо отражавшей исполинскія темныя массы скалъ, съ ихъ двойнымъ облачнымъ покрываломъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ озера, берега Чулышмана перестаютъ быть обитаемы и нигдѣ не видно юртъ. Происходитъ ли это отъ опасенія переправъ съ сѣвера? Мѣстность не позволяла дѣлать экскурсій. Горы налѣво отъ озера были неприступны, а направо широкій Чулышманъ полагалъ предѣлъ

всякимъ попыткамъ. Только небольшое число еще доселѣ невстрѣченныхъ растеній обрадовало путешественника (напр. Sagittaria alpina и Swertia corniculata). Озеро было обильно рыбою; два калмыцкіе проводника говорили, что они знаютъ, что въ водѣ водится рыба, но никогда еще не ѣли ея и не умѣютъ ее ловить: калмыки континентальныхъ степей слѣдовательно плохіе рыболовы. Они не хотѣли вѣрить, чтобы можно было ловить рыбу удочками, которыя показывалъ имъ Бунге, но когда удостовѣрились въ справедливости его словъ, то обратились въ бѣгство при видѣ пойманной рыбы, потому что все это казалось имъ колдовствомъ. Едва могли ихъ уговорить попробовать жареную рыбу, вкусъ которой имъ очень понравился. Бунге снабдилъ ихъ удочками; они заранѣе радовались преимуществу, которое ужеліе рыбы дастъ имъ передъ ихъ друзьями и знакомыми. Слѣдовательно земледѣліе и рыболовство проникаютъ къ номадамъ этого альпійскаго нагорья очень медленно.

30 іюля Бунге пустился въ обратный путь тою же дорогою. Переправа черезъ Башкаусъ сдѣлалась еще опаснѣе; позднее время года принуждало къ поспѣшности и 3-го августа путешественникъ опять достигъ до Чуи, не успѣвъ сдѣлать никакихъ новыхъ наблюденій. Отсюда уже былъ предпринятъ обратный путь.

Телецкое озеро заключаетъ и наши описанія, которыми мы въ первый разъ попытались ввести систематическое возможно-полное, для настоящаго историческаго момента, изученіе всего Алтая въ сферу положительной науки, думая тѣмъ самымъ оказать землевѣдѣнію навсегда истинную услугу. Затѣмъ мы переходимъ ко второй главной, а именно *средней* группѣ Алтая (см. Т. II. стр. 303). Но здѣсь именно, далѣе къ в. отъ Телецкаго озера, простирается совершенная terra incognita. Стокъ же озера къ с. черезъ посредство р. Біи, въ точности неизслѣдованный, принадлежитъ къ сѣверной наружной сторонѣ Алтая, склоняющейся къ сибирской низменности. Длина

судоходной отъ самаго озера р. Біи ([545]), по свѣдѣніямъ барнаульской канцеляріи ([546]), составляютъ 30 г. м. (205 вер.), до соединенія ея съ Катунью, которая по тѣмъ же опредѣленіямъ имѣетъ болѣе 54 г. м. (380 в.) длины, но не судоходна, по причинѣ многочисленныхъ пороговъ и подводныхъ скалъ. Телецкое же озеро съ с. на ю., по тѣмъ же свѣдѣніямъ, имѣетъ 9 г. м. (60 вер.) длины и до 3 г. м. (20 в.) ширины. Въ этихъ же свѣдѣніяхъ, повторяемыхъ старыми русскими ландкартами, Башкаусъ названъ Тальбахо, а рѣка, которую выше (см. Т. II. стр. 260) мы называли Джабганомъ, по ипотезѣ картографовъ (Arrowsmith Mapof Asia) 822) ошибочно соединяется съ Чулышманомъ. Клапротъ ([547]) уже указалъ на эту ошибку, хотя истокъ Чулышмана никѣмъ еще не былъ открытъ, а Бунге ([548]), впервые увидѣвшій Чулышманъ, нѣсколько выше сліянія его съ Башкаусомъ, нашелъ его столь значительнымъ, что называетъ его широкою, величественною горною рѣкою. Откуда она вытекаетъ, и чѣмъ обязана обилію своихъ водъ? можемъ мы узнать съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ только изъ китайскихъ источниковъ. Здѣсь остается намъ бросить еще историческій взглядъ на открытіе этого озера въ половинѣ XVII вѣка и затѣмъ перейти къ Енисею.

Примѣчаніе. *Открытіе Алтынъ-Нора или Телецкаго озера и его прибрежныхъ жителей: телессовъ, телеутовъ или теленгутовъ, покоренное и исчезнувшее племя.*

Нынѣшніе обитатели береговъ Телецкаго озера суть тѣ же горные калмыки монгольскаго племени, которые были описаны нами далѣе къ з. въ Алтаѣ (см. выше стр. 375). Они проникли сюда, на сѣверную сторону горной системы, въ разные періо-

---

(545) Gmelin Flora Siberica Petrop. 1747 T. I, Praef. p. XXX.

(546) J. P. Falk Beitr. z. topogr. Kenntniss des R. R. 1785 T. I. p. 337.

(547) Klaproth observat. s. la nouvelle carte de l'Asie въ Journ. Asiat. 1826 T. VIII. p. 67.

(548) Bunge l. c. T. II. p. 155.

ды ([549]), преимущественно въ XVII в. (1621, 1637 г.) съ южнаго ея склона, откуда были вытѣснены войнами съ монголами, джунгарами, и внутренними междоусобіями. Но калмыки эти заняли земли другихъ туземныхъ народовъ восточно турко-татарскаго племени, отчасти истребленныхъ русскими, отчасти удалившимися, подобно киргизъ-кайсакамъ къ ю.-з. Пришлые калмыки нашли высокія долины сѣверныхъ склоновъ Алтая къ системамъ Оби и Енисея занятыми слабыми остатками древнихъ турко-татарскихъ и самоѣдскихъ племенъ, или даже совсѣмъ пустынными, и легко могли овладѣть ими. Уцѣлѣвшіе малочисленные аборигены исчезли или смѣшались съ калмыками, а различныя калмыцкія племена, состоявшія подъ властію многихъ владѣтельныхъ тайдшей, подчинились, со времени основанія элютскаго или джунгарскаго царства, т. е. съ половины XVII в. (1650 г.), побѣдоносному владычеству верховнаго главы всѣхъ калмыковъ или элютовъ Батуръ-Кунъ-Тайдши, отца знаменитаго Галдана (см. Т. II. стр. 146); Батуръ умеръ въ 1660 г.) ([550]), съ участью котораго мы ознакомились выше, изъ описанія его войнъ съ монголами и китайцами. Въ этотъ-то періодъ времени Телецкое озеро было открыто въ первый разъ томскими казаками, подъ предводительствомъ боярскаго сына Петра Собанскаго (1633 г.), и названо по имени обитателей его Теленгулъ, а впослѣдствіи Телецкимъ озеромъ. Эти обитатели, называвшіеся тогда телессами, телеутами (у калмыковъ теленгутами), были отчасти покорены, отчасти вытѣснены русскими до 1676 г. Отъ нихъ-то озеро получило свое названіе, но сами они исчезли совершенно. Трудно опредѣлить, гдѣ именно находятся остатки этихъ аборигеновъ. Можетъ быть они смѣшались съ малоизвѣстными намъ свободными горными калмыками верховьевъ Башкауса и Чулышмана или съ сойонами верхняго Енисея, послѣдними своими союзниками. Теленгуты впрочемъ встрѣчаются и нынѣ

---

(549) Müller Sibir. Gesch. въ Samml. Russ. Gesch. T. VIII, p. 281, 342.
(550) Müller Samml. Russ. Gesch. VIII p. 434.

далѣе къ ю.-з. и з. какъ крѣпостные и рабы киргизовъ Средней орды въ Киргизской степи, куда они несомнѣнно вышли съ перекочевавшими туда въ XVII в. восточными киргизами; д-ръ Мейеръ ([551]) находилъ ихъ въ Киргизской степи Каркаралинскаго округа. Нѣкоторыя отрасли теленгутовъ, сдѣлавшіяся осѣдлыми въ деревняхъ на Томи, въ Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ, довольно извѣстны ([552]) и только по ошибкѣ Арроусмита на его Map. of Asia, перенесены на берега озера ([553]). Боясь нападеній калмыковъ, они до самыхъ временъ Гмелина (1743 г.) ([554]) все подвигались къ с., гдѣ архіепископъ Филофей окрестилъ ихъ на р. Чулымѣ.

Абульгази ([555]), писавшій въ 1660 г., причисляетъ теленгутовъ къ элютскимъ или монгольскимъ племенамъ, вѣроятно потому, что ихъ участь была тѣсно очень связана впослѣдствіи съ участью калмыковъ и киргизовъ; но древнѣйшія ([556]) русскія свѣдѣнія, относящіяся еще къ тѣмъ временамъ (1604), когда многочисленныя сродныя съ ними туркскія племена киргизъ-кайсаковъ и менѣе значительныя, съ тѣхъ поръ исчезнувшія туркскія отрасли гнѣздились какъ аборигены ([557]) въ этихъ долинахъ (см. Т. II. стр. 133 и посл.), причисляютъ ихъ къ татарскимъ племенамъ, т. е. туркскимъ парѣчіямъ. Это тѣмъ болѣе справедливо ([558]), что даже въ русскомъ канцелярскомъ слогѣ, они были отличаемы именемъ бѣлыхъ ([559]), отъ настоящихъ, такъ называемыхъ черныхъ калмыковъ. Прав-

(551) Meyer въ Ledebour Altai R. T. II, p. 461.

(552) Falk Topogr. Beitr. z. Kentn. d. R. R. T. III, p. 559; Georgi Beschr. all. Nationen d. R. R. Petersb. 4. 1776. p. 241—247.

(553) Klaproth. Observat. Journ. Asiat. VIII, p. 66.

(554) Gmelin Sibir. Reise T. I, p. 264, 336.

(555) Abulghasi Hist. Généalog. des Tatars Leyde. 1726. 8. p. 114.

(556) Müller Sibir. Gesch. въ Samml. Russ. Gesch. T. VI, p. 523; Fischer Sibir. Gesch. T. I, p. 309.

(557) Klaproth Journ. As. T. II, p. 6; Mem. rel. à l'Asie T. I, p. 88; T. III, p. 332—382.

(558) Klaproth Asia polyglotta p. 230.

(559) Müller Samml. Russ. Gesch. T. IV, p. 250. VI, p. 135.

да, что подобныя названія, какъ напр. бѣлые и черные монголы довольно неопредѣлительны и употребляются иногда даже для отличія свободныхъ народовъ отъ данническихъ. Однакоже историкъ Миллеръ, видѣвшій нѣкоторыхъ изъ потомковъ ихъ, поселившихся въ Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ, говоритъ, что названіе бѣлыхъ калмыковъ совершенно соотвѣтствуетъ ихъ наружности, потому что они отличаются отъ настоящихъ калмыковъ болѣе высокимъ и стройнымъ ростомъ и болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи. Если они даже и жили прежде въ смѣшеніи съ калмыками, то самый физическій ихъ типъ обличаетъ различное отъ калмыковъ происхожденіе, также какъ и языкъ ихъ, принадлежащій, подобно киргизскому, къ турко-татарскимъ, а не къ монгольскимъ языкамъ.

Имя телеутовъ (теленгутовъ) упоминается въ первый разъ въ 1604 г., съ именами другихъ сосѣднихъ народовъ, особенно въ связи съ Киргизъ, Чаты, Юшталаръ, когда князь сихъ послѣднихъ, именемъ Тоянъ, властвовавшій надъ своими кочевниками на верховьяхъ Томи и Оби, слѣдовательно къ с. отъ Телецкаго озера, добровольно подчинился русскому владычеству, съ условіями не платить дани, но допустить основаніе русскаго города (вслѣдствіе чего въ 1605 г. былъ выстроенъ Томскъ). При этомъ онъ обѣщалъ принудить своихъ сосѣдей, въ томъ числѣ и телеутовъ, вступить въ русское подданство и платить ясакъ. Этихъ телеутовъ считалось въ то время до 1,000 человѣкъ. Они состояли подъ владычествомъ князя Абака ([560]) и обитали на лѣвомъ берегу Оби. Здѣсь-то основатель города Томска Гаврило Писемскій (1605 г.) ([561]) требовалъ ихъ подчиненія Россіи, на что они согласились только послѣ долгаго сопротивленія, поддерживая постоянно набѣги сначала киргизовъ, а потомъ калмыковъ. Какъ и у сихъ послѣднихъ, частыя подчиненія и обѣщанія платить ясакъ русскому правительству

---

(560) Müller l. c. VI, p. 530; Fischer l. c. I, p. 309.
(561) Müller l. c. VI, p. 535.

безпрестанно смѣнялись возстаніями противъ наложеннаго на нихъ ига и отпоромъ сборщиковъ ясака и казацкихъ партій. Безъ сомнѣнія многіе изъ этихъ телеигутовъ были оттѣснены на з., вмѣстѣ съ ордами киргизовъ и калмыковъ, потому что отдѣльные ихъ князья и орды сдѣлались извѣстными на Иртышѣ и Ишимѣ и до Тары ([562]), а часть ихъ перешла къ осѣдлости и земледѣлію около Томска и Красноярска.

Эти телеуты занимали впрочемъ въ то время не одинъ лѣвый берегъ Оби, но также и земли къ ю. отъ Томска и Кузнецка (основаннаго въ 1618 г.) ([563]) и около Біи при выходѣ ея изъ Телецкаго озера, хотя это и не объяснено въ подробности въ заимствованныхъ нами свѣдѣніяхъ. И дѣйствительно въ 1609 г. ([564]) телеутскій князь Абака рѣшился платить русскимъ ясакъ, опасаясь нападеній Алтынъ-Хана, могущественнаго въ то время монгольскаго властителя на верхнемъ Енисеѣ, Кемчикѣ и Упса-норѣ, о которомъ при этомъ случаѣ упоминается въ первый разъ ([565]); мы будемъ говорить о немъ ниже. Телеуты, боявшіеся нападеній Алтынъ-Хана съ Саянскихъ горъ, принуждены были искать покровительства русскихъ въ Томскѣ и нашли его; съ тѣхъ поръ они начали доставлять на томскій рынокъ лошадей и рогатый скотъ, а съ ними пріѣзжали и калмыки. Но все это продолжалось немного времени, потому что происшедшіе вскорѣ послѣ того междоусобія между монголами и калмыками прекратили эти мирныя сношенія. Три калмыцкіе князя Биней, Бакай и Узекей также просили въ Томскѣ русскаго покровительства. Но когда разрѣшеніе на это было послано имъ съ партіею казаковъ, то они уже были запутаны въ войну съ Алтынъ-Ханомъ и оставили свои кочевья. Такъ разсказывали по крайней мѣрѣ Телеуты, которые отказали казакамъ въ пропускѣ черезъ

(562) Müller l. c. I, p. 138; IV, p. 250, VIII, p. 370.
(563) Müller l. c. VI, p. 548; Fischer l. c. I, p. 317.
(564) Müller l. c. VI, p. 537; Fischer l. c. I, p. 312.
(565) Müller l. c. VI, p. 536; Fischer l. c. I, p. 318.

свои земли и въ проводникахъ ([566]) (1608 г.). Въ это время Алтынъ-Хану удалось, какъ кажется, склонить на свою сторону не только киргизовъ, но и телеутовъ, для того чтобы дѣйствовать за одно съ ними противъ калмыковъ. Онъ поддерживалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и разбойничьи набѣги киргизовъ на юныя русскія поселенія, приводя новыхъ поселенцевъ въ отчаяніе и отнимая у нихъ скудныя средства къ ихъ существованію.

Тутъ начался періодъ всеобщей войны и отложенія почти всѣхъ прежде покоренныхъ или наружно данническихъ горныхъ племенъ (особенно въ 1614 и 1621 г.) ([567]), періодъ сношеній съ Алтынъ-Ханомъ ([568]) на Убса-Норѣ и верхнемъ Енисеѣ (съ 1616 до 1659), продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока сей послѣдній, слѣдуя всеобщей участи, не былъ покоренъ галданомъ элютовъ. Въ этотъ же періодъ упомянутое альпійское озеро (Телецкое) было открыто одною изъ казачьихъ экспедицій, а обитавшіе на берегахъ его аборигены исчезли вскорѣ вслѣдъ за ихъ открытіемъ. Къ сожалѣнію, въ архивахъ не нашлось болѣе положительныхъ свѣдѣній объ исторіи города Кузнецка ([569]), которыя могли бы объяснить какъ эти событія, такъ и исторію Саянскаго хребта. Только о телеутахъ находимъ мы нижеслѣдующія свѣдѣнія ([570]).

Прежнія попытки построить острогъ на сліяніи Біи съ Катунью встрѣчали постоянныя препятствія отъ набѣговъ телеутовъ. Наконецъ въ 1633 г. Петръ Собанскій, проникъ съ отрядомъ казаковъ, изъ Томска до истока Біи изъ Телецкаго озера, которое калмыки называли Алтынъ-Норъ, т. е. Золотымъ озеромъ. На немъ обитало немногочисленное татарское (туркское) племя, называвшее себя *Телесъ*. Отъ него русскіе назва-

(566) Müller l. c. VI, p. 539; IV, p. 473; Fischer l. c. I. p. 314.
(567) Müller l. c. VIII, p. 163; Fischer l. c. I, p. 319.
(568) Fischer l. c. I, p. 367—384, II, p. 663—719.
(569) Fischer l. c. I, p. 334.
(570) Fischer l. c. II, p. 551, 616—648; Spassky въ Oldekop Zeitschr. XIV 1824 p. 318—321.

ли озеро Телецкимъ, а отсюда уже произошло имя телеутовъ. Князь ихъ Мандракъ вышелъ на встрѣчу русскимъ съ вооруженными силами, но обращенъ былъ въ бѣгство. Жена его, сынъ (именемъ Айдаръ) и невѣстка были захвачены въ плѣнъ и привезены въ Томскъ. Въ слѣдующемъ году смиренно явился въ Томскъ князь Мандракъ въ сопровожденіи телеутовъ, принялъ тамъ присягу и обѣщалъ съ каждаго подданнаго платить ясакъ по 10 соболей въ годъ. Обрадованные русскіе дали телеутамъ свободу, но обѣщаніе князя не было исполнено.

Девять лѣтъ спустя Собанскій, посреди зимы, вышелъ съ казачьимъ отрядомъ противъ телесовъ; противъ всякаго ожиданія нашелъ онъ озеро не замерзшимъ. Пришлось построить лодки на сѣверной сторонѣ для того, чтобы проникнуть къ жилищамъ телесовъ. Между тѣмъ князь Мандракъ успѣлъ укрѣпиться. Для ускоренія своего предпріятія, Собанскій послалъ атамана Петра Дорофѣева съ 80 русскихъ и татаръ для осады князя телесовъ. Произведенная со стороны осажденныхъ вылазка была совершенно разбита и самъ Мандракъ, пытавшійся бѣжать черезъ озеро къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ сойонамъ въ Саянскія горы, попался въ плѣнъ казакамъ. Сынъ князя, оставшійся въ укрѣпленіи, защищался храбро. Послѣ 12-ти дневной обороны, сосѣднія племена пришли черезъ озеро на его выручку. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Айдаръ сдѣлалъ вылазку, при звукахъ оружія, но былъ взятъ въ плѣнъ русскими, при чемъ бóльшая часть людей его была перебита. Остатки телесовъ бросились въ лодки; въ большомъ замѣшательствѣ и преслѣдуемые казаками они почти всѣ утонули.

Въ то время русскіе имѣли понятіе о связи Алтынъ-Нора съ Обью только изъ неясныхъ разсказовъ; Собанскій получилъ отъ томскаго воеводы князя Семена Мосальскаго приказаніе изслѣдовать окрестности озера, перезимовать тамъ съ 60 русскими и 18 татарами, и основать укрѣпленіе въ удобномъ мѣстѣ. Собанскій переѣхалъ черезъ озеро и для своего обезпеченія дѣйствительно выстроилъ маленькій острогъ, но каменистый и скали-

стый берегъ представлялъ слишкомъ мало пространства для устройства благонадежнаго острога. Предложеніе Собанскаго построить острогъ на р. Лебеди (правомъ притокѣ Біи) не было приведено въ исполненіе. На своемъ зимовьѣ Собанскій приказалъ привести къ себѣ плѣннаго Мандрака, который призналъ владычество Россіи и за свое освобожденіе обѣщалъ собирать ясакъ съ жителей береговъ Чулышмана, впадающаго въ озеро съ южной стороны (см. выше стр. 400). Онъ былъ освобожденъ и дѣйствительно вернулся черезъ 12 дней съ ясакомъ изъ 50 соболей, изъ чего должно заключать, что въ то время телесы обитали и во всей долинѣ Чулышмана, прежде чѣмъ заняли ее калмыки, потому что только исключительно телесы могли оказать такое послушаніе своему князю въ немедленномъ доставленіи ясака.

Когда рѣки очистились отъ льда, Собанскій пустился водою въ обратный путь, захвативъ съ собою плѣннаго князя со всѣмъ его семействомъ. Князю удалось бѣжать на дорогѣ, но все же онъ прибылъ съ изъявленіемъ покорности въ Томскъ, гдѣ и былъ задержанъ, между тѣмъ какъ сынъ его Айдаръ и всѣ остальные члены его семейства были отпущены домой. Пока былъ живъ отецъ, сынъ платилъ ясакъ, но прекратилъ эту плату съ смертью его, послѣдовавшею черезъ три года.

Въ 1646 году томскіе казаки, подъ начальствомъ сына своего воеводы, Бориса Зубова, опять вышли въ походъ противъ телесовъ, перебили и взяли въ плѣнъ многихъ, но все еще не могли подчинить ихъ въ малодоступномъ убѣжищѣ за дикимъ альпійскимъ озеромъ. Сосѣдніе обскіе телеуты, которыхъ береговые телесы составляли вѣроятно только отдѣльную отрасль, присвоили себѣ въ 1652 дань съ ослабленныхъ телесовъ береговъ озера, взяли князя Айдара подъ свое покровительство, и увезли его со всѣмъ его семействомъ, вѣроятно въ орду кунъ-тайдши элютовъ ([571]), которому подчинился

(571) Fischer l. c. II, p. 640.

въ томъ же году телеутскій князь Кока, получивъ въ награду начальство надъ 3,000 войска кунъ-тайдши. Въ томъ же году сойоны ([572]), восточные сосѣди телеутовъ, напали на слѣдовавшій изъ горъ на Енисеѣ съ ясакомъ и товарами казачій отрядъ и ограбили его. Въ этомъ разбоѣ принимали участіе и телесы, искавшіе себѣ убѣжища у самоѣдскихъ племенъ на в., на Енисеѣ и Кемчикѣ, въ неприступныхъ еще русскимъ Саянскихъ горахъ, и соединились слѣдовательно съ этими племенами противъ общаго своего врага ([573]). Когда же въ слѣдующемъ 1653 году русскіе прибыли опять на берегъ озера для собиранія дани, то нашли берега эти совершенно безлюдными. Впослѣдствіи враждебные телеуты правда опять приведены были въ русское подданство, а телессы водворены на свои прежнія земли, но надолго ли—неизвѣстно. Между тѣмъ джунгарскіе властители, сдѣлавшіеся могущественными (Батуръ-кунъ-тайдши съ 1650 г.) явились побѣдителями всѣхъ этихъ племенъ. Поддерживая наружно дружественныя отношенія съ русскими сибиряками, они были бы однакоже опасными ихъ соперниками, еслибъ въ свою очередь не были покорены китайцами. Въ сибирскихъ лѣтописяхъ упоминается еще о безплодныхъ посольствахъ русскихъ въ кочевыя резиденціи усиливавшихся кунъ-тайдшей по Или, Имилю, Боротала, Кобокъ-Сари (см. Т. II. стр. 146, 147, 123) и Алтынъ-Хановъ на Упса-Норѣ (см. Т. II. стр. 261, 124), которыхъ значеніе исчезаетъ совершенно въ междоусобной войнѣ монголовъ съ калмыками. О телесахъ же русская исторія умолкаетъ совершенно. Только въ позднѣйшихъ свѣдѣніяхъ временъ галдана элютовъ (см. Т. II. стр. 146) упоминается еще, что онъ подчинилъ себѣ теленгутовъ ([574]) и киргизовъ (послѣ 1680), а съ тѣхъ поръ извѣстны только

(572) Spassky l. c. XIV, p. 320.
(573) Fischer l. c. T. II, p. 642.
(574) Unkowsky Neue Historie d. östl. Kalmuckey въ Müller Samml. russ. Gesch. T. I. p. 126.

горные калмыки на южномъ берегу Телецкаго озера, подчиненные зайсану Монголу на верхней Чуѣ, по китайской границѣ. Телесы принадлежатъ къ многочисленнымъ, исчезнувшемъ народамъ Азіи. Число ихъ семействъ не должно было быть очень значительно, потому что они были покорены сотнею казаковъ. Намъ совершенно неизвѣстно, находились ли телессы между тѣми телеутами, которыя отторглись во время голода отъ князя Кока (1665) ([575]) и сдѣлались осѣдлыми посреди русскихъ. Однако же еще и впослѣдствіи упоминается о дани трехъ сотъ телесскихъ семействъ, которыя были уже столь бѣдны, что не могли платить болѣе 60 соболей, что составляло не свыше $^1/_{30}$ части ([576]) прежняго ихъ ясака.

---

(575) Fischer l. c. T. II. p. 648.
(576) Fischer l. c. T. II. p. 631.

ГЛАВА V.

ОПИСАНІЕ САЯНСКИХЪ ГОРЪ.

---

§ 46.

Саянская горная группа между рѣчными областями Иртыша и Селенги по верхнему Енисею отъ Телецкаго озера до озера Коссогола въ Хангаѣ и до истоковъ Селенги.

Уже остроумный и превосходный естествоиспытатель Гмелинъ, въ своемъ предисловіи къ сибирской флорѣ, воспѣтомъ Галлеромъ, какъ безсмертное произведеніе того времени, говоритъ, что, слѣдуя отъ Балтійскаго моря къ в., онъ встрѣтилъ настоящую Азію только съ береговъ Енисея (non ego Asiam ingrede mihi visus sum antequam Jeniseam fluvium attingerem) ([377]), потому что до сихъ поръ всѣ животныя, растенія и камни сохраняли свой обычный европейскій характеръ. На в. же отъ Енисея все пріобрѣтаетъ другой видъ, другую силу; разсѣянные до сихъ поръ или прерванные горные хребты являются уже горными массами сплошнаго нагорья; европейскія растительныя и животныя формы, переходящія вездѣ далеко за восточные склоны Урала, теряются мало по малу, замѣняясь новыми, совершенно особенными формами. Подобно Инду, обра-

---

(577) J. G. Gmelin Flora Siberica T. I. Praef. fol. XLIV.

зующему рѣзкую естественную границу между ближнею и дальнею Индіею, на ю. отъ азіятскаго нагорья, Енисей образуетъ такую же, не менѣе рѣзкую границу на с. Наблюденія Палласа ([578]) подтверждаютъ также эту великую перемѣну и даже противоположность явленій, усиливающуюся далѣе къ в. мимо озера Байкала и Дауріи до самаго Восточнаго Океана. Конечно наблюденія эти относятся ко внѣшней сторонѣ нагорья, внутренность котораго осталась непосѣщенною наблюдателями, но тѣмъ не менѣе замѣчаніе естествоиспытателя остается вѣрнымъ для этой стороны и служитъ источникомъ важныхъ соображеній для географа, желающаго оріентироваться въ странахъ, окружающихъ упомянутое нагорье. Приведенное наблюденіе Гмелина поучительно еще и потому, что раздѣляетъ наглядпымъ образомъ для насъ на двѣ главныя группы все необозримое разнообразіе явленій распредѣленія организмовъ и пластики этой части земной коры, занимающей столь обширное пространство, и характеризуетъ общее ея впечатлѣніе. Палласъ, на этомъ основаніи, раздѣлилъ все царство сибирской флоры отъ Урала до Амура на 7 большихъ географическихъ областей ([579]); Ледебуръ и Мейеръ ([580]) послѣдовали ему въ изслѣдованныхъ ими въ бо́льшей точности географическихъ отдѣлахъ и присоединили къ этому раздѣленію географическую и физическую область растеній вокругъ Алтая. До Енисея и Амура не проникалъ съ тѣхъ поръ еще ни одинъ новѣйшій ботаникъ. Нынѣ лучшія наши желанія и надежды на новое обогащеніе этой части землевѣдѣнія сопровождаютъ новѣйшаго наблюдателя отдаленнаго сибирскаго востока, любезнаго соотечественника нашего (Хр. Фр. Лессинга), счастливаго изслѣдователя скандинавскаго сѣвера. Сибирская фауна, въ измѣненіи своемъ отъ з. къ в., слѣдуетъ тѣмъ же закономъ какъ и сибирская

(578) Pallas R. R. T. III p. 313.
(579) Pallas l. c. III p. 312 — 321.
(580) Ledebour Flora Altaica X; его же Altai Reise T. I. p. 340, 357; D. Meyer ibid. T. II. p. 491 — 498.

флора. Мы должны однако же не упускать при этомъ изъ виду, что упомянутое наблюденіе Гмелина и Палласа относительно Иртыша и Енисея распространялось только на среднія ступени Алтайскаго и Саянскаго хребтовъ, и что только Сиверсъ и д-ръ Мейеръ (см. выше стр. 19 — 27) успѣли бросить легкій взглядъ на внутреннія горы азіятскаго нагорья въ одномъ только пунктѣ, а именно въ горахъ Сары-тау, недалеко отъ Зайсана. Ледебуръ же достигалъ только до Фыкалки на верхней Бухтармѣ (см. выше стр. 71), Бунге до высокой Чуйской степи (см. выше стр. 370) Палласъ и Гмелинъ, а за ними и всѣ остальные не проникали по Иртышу далѣе Усть-Каменогорска, а по Енисею далѣе Саянска и Абаканска, и не имѣли случая видѣть верховьевъ этихъ рѣчныхъ системъ. Слѣдовательно упомянутое воззрѣніе не относится до внутренности нагорья, а наблюденія тамъ именно могли бы подтвердить или измѣнить его. Открытіе же этихъ странъ весьма мало подвинулось впередъ послѣ вышеизложеннаго въ § 39 (см. выше стр. 303 — 308), и хотя многія изъ туземныхъ наблюденій остались для насъ недоступными, отсутствіе сибирскихъ источниковъ едва ли можетъ подать поводъ къ большому о томъ сожалѣнію, потому что даже собственный трудъ енисейскаго губернатора о подвѣдомственной ему странѣ, превосходящей величиною любое королевство, не представилъ для насъ, ожидавшихъ съ большимъ нетерпѣніемъ его перевода, ровно ничего замѣчательнаго ([581]). Мы будемъ поэтому преслѣдовать Енисей сначала отъ малоизвѣстныхъ его источниковъ въ предѣлахъ Китая черезъ едва извѣстныя земли кочевниковъ, до того мѣста, гдѣ эта дикая и еще невидавшая судоходства рѣка пробивается черезъ Саянскій хребетъ, служащій границею между Россіею и Китаемъ, а потомъ изслѣдуемъ его дальнѣйшее теченіе съ болѣе извѣстными сибирскими его притоками: лѣвымъ Абаканомъ и правыми Тубой, Сидой и Маной, съ ко-

---

(581) Степанова Обзоръ Минусинскаго округа Енисейской губерніи, въ Енисейскомъ Альманахѣ 1822 Русск. оригин. сообщ. Ад. Эрманомъ.

торыми насъ ознакомили уже европейскіе наблюдатели. Далѣе продолжимъ мы наши изслѣдованія черезъ возникшія въ странахъ кочевниковъ русскія поселенія Саянскъ, Минусинскъ и Абаканскъ до Красноярска, гдѣ въ Енисей впадаетъ съ правой стороны р. Канъ и нѣкоторые другіе притоки, берущіе начало на границахъ рѣчной области Байкальскаго озера, въ томъ же пограничномъ Саянскомъ хребтѣ, прорываемомъ только Енисеемъ. Такимъ образомъ, обозрѣвая Саянское нагорье, достигнемъ мы постепенно до сибирской низменности, которая начинается уже при Красноярскѣ, потому что уровень Енисея не превосходитъ здѣсь 635 ф. надъ ур. м., по барометрическимъ измѣреніямъ Ад. Эрмана, хотя абсолютная высота береговъ, круто возвышающихся надъ глубоко врѣзанною долиною рѣки, достигаетъ еще до 1500 ф., указывая на то, что до сихъ поръ простирается еще послѣдняя и нижняя ступень плоскогорія, глубоко прорѣзанная рѣчными долинами. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ ни одного измѣренія высотъ на Енисеѣ выше Красноярска, или въ Саянскихъ горахъ, а потому находимъ здѣсь предѣлъ своимъ научнымъ изысканіямъ, въ которыхъ, вмѣсто изслѣдованія отношеній и законовъ, должны довольствоваться одними лишь топографическими описаніями.

Изложеніе *1-е: Верхнее теченіе Енисея въ китайскихъ предѣлахъ, Кемъ, Да-Киму. Линія пограничныхъ столбовъ, пограничный хребетъ.*

Малоизвѣстный Танъ-ну-Ола, о которомъ мы упоминали выше, какъ о второй главной вѣтви Алтая, простирающейся отъ в. къ з. (см. Т. II стр. 188, 232), опредѣляетъ нормальное направленіе верхнѣй продольной долины Енисея, которая, судя по китайскимъ картамъ (см. Т. II стр. 308) ([582]), несомнѣнно простирается

(582) См. Табл. I Улясутай, т. е. область истоковъ Кема или верхняго Енисея въ Да-цынъ-и хой-т'-янъ. 1818.

отъ в. къ з. Русскія карты ([583]) и немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о сей странѣ, подтверждаютъ этотъ характеръ устройства верхне-енисейской долины. Изъ самыхъ отчетливыхъ сравненій русскихъ и китайскихъ специальныхъ картъ слѣдуетъ, какъ кажется, что верхній Енисей течетъ почти въ паралели 51^0 с. ш., отъ истока своего на протяженіи 66 г. м. отъ в. къ з., и затѣмъ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ прямо на с. (подобно тому какъ Рона въ Валлезской долинѣ отъ Мартиньи къ Бексу), и, пробиваясь черезъ предлежащій пограничный хребетъ дикимъ ущельемъ, начинаетъ путь свой къ с. подъ 90^0 в. д. отъ Ф. Теченіе Енисея отъ русско-сибирской границы мимо городовъ Саянска, Минусинска, Абаканска, до Красноярска и Енисейска, сохраняетъ, при небольшихъ извилинахъ, тоже направленіе, на протяженіи отъ прорыва черезъ горы до Красноярска 90 г. м., а оттуда до Енисейска еще 30 г. м. Енисейскъ, по наблюденію Ганстена ([584]), лежитъ подъ $58^0\ 27'\ 19''$ с. ш. и $109^0\ 51'\ 21''$ в. д. отъ Ф., а Красноярскъ подъ $56^0\ 1'\ 2''$ с. ш. и $110^0\ 37'\ 32''$ в. д. Слѣдовательно прежде достиженія Енисеемъ низменности при Красноярскѣ, т. е. до выхода его изъ горъ, составляющихъ сѣверную окраину нагорной Азіи, рѣка эта уже протекла 150 г. м., сначала по верхней продольной своей долинѣ, а потомъ по поперечной до Красноярска. Длина эта превосходитъ на цѣлую треть длину Иртыша отъ его истока до Семипалатинска (100 г. м.). Отсюда можно заключить о важности этой судоходной отъ Саянска рѣки, богатой многочисленными притоками. Впрочемъ долина верхняго Енисея простирается къ з. далѣе теченія самой рѣки, потому что съ западной стороны въ колѣно, образуемое поворотомъ Енисея, впадаетъ текущій съ з. на в. въ китайскихъ предѣлахъ самый значительный притокъ его Кемчикъ, имѣющій по

---

(583) Познякова генеральная карта Азіятской Россіи, изданная Военно-топогр. депо. 1825.

(584) Schumacher Astron. Nachr. Bd. VIII 1831. p. 251.

крайней мѣрѣ 30 г. м. длины. Слѣдовательно вся продольная долина, медленно поднимающаяся вверхъ по Кемчику къ з., имѣетъ отъ 90 до 100 г. м. длины, т. е. размѣръ колоссальный въ сравненіи съ продольными долинами европейской альпійской системы: Ронской (30 часовъ), Иннской (60 часовъ отъ Куфштейна) и Дравской (80 часовъ, т. е. менѣе 50 г. м.). Даже продольная долина верхняго Иртыша не можетъ сравниться съ верхней Енисейской, потому что вся длина ея не превосходитъ 40 г. м. до озера Зайсана, отъ котораго Иртышъ уже поворачиваетъ къ с., начиная свой прорывъ черезъ горы къ Бухтарминску и Усть-Каменогорску. Впрочемъ изъ сравненія верхнихъ теченій Иртыша и Енисея (котораго долина продолжена къ з. притокомъ) несомнѣнно слѣдуетъ, что обѣ рѣки, принадлежа къ одной и той же алтайской горной системѣ, слѣдуютъ въ направленіяхъ и очертаніяхъ своихъ одинаковымъ законамъ.

Обѣ сопровождающія продольную долину горныя цѣпи, по южной и сѣверной сторонѣ Енисея, называемаго здѣсь китайцами Кемъ или Да-Киму, т. е. большой Кемъ и его лѣваго притока, Кемчика, означаемъ мы общеупотребительными именами Танъ-ну на южной сторонѣ подъ 50° с. ш., и Саянскихъ горъ на сѣверной; ближайшія же части сего послѣдняго хребта на з. и в. отъ Енисея носятъ названія Хоинъ-Давана на восточной и Шабинъ-Давана ([585]) на западной сторонѣ рѣки, отъ горныхъ путей ведущихъ къ поставленнымъ тамъ пограничнымъ столбамъ. Первый, т. е. южный хребетъ Танъ-ну, простирающійся совершенно въ предѣлахъ Китайской имперіи, въ пограничной провинціи Гобдо-Уляссутай, намъ почти совершенно неизвѣстенъ (см. Т. II ст. 303). Саянскій же хребетъ, служащій границею между Россіею и Китаемъ, былъ иногда переходимъ съ сибирской стороны русскими, а также посѣщаемъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ топографами и сборщиками ясака, но не из-

(585) Pallas. R. R. T. III. p. 369.

слѣдованъ ни однимъ научно образованнымъ европейцемъ и большею частію составляетъ также terra incognita.

По этому болѣе сѣверному (простирающемуся между 51 и 53° с. ш.) Саянскому хребту проходитъ линія опредѣленныхъ нерчинскимъ трактатомъ пограничныхъ столбовъ, которыхъ отъ Кяхты или Селенги до Шабина-Давана, на западной сторонѣ Енисея, къ ю.-в. отъ Телецкаго озера, считается 24 ([586]); мы означили эту линію уже выше (см. Т. II стр. 307) именемъ абаканской. Имѣющіяся у насъ положительныя данныя большею частію ограничиваются этою линіею, а все, что лежитъ къ ю. отъ нея, извѣстно намъ только по разсказамъ или догадкамъ. Такъ какъ къ отдѣльнымъ пунктамъ этой линіи пріурочиваются поѣздки русскихъ разсыльныхъ партій и вообще разсказы русскихъ, то мы считаемъ за лучшее перечислить по порядку эти пограничные столбы и пріурочить къ нимъ всѣ скудныя гидро- и этнографическія данныя, которыя мы имѣемъ. Они составляютъ западное продолженіе тѣхъ же самыхъ пограничныхъ столбовъ (по-русски маяковъ, по-монгольски *обо*) упомянутаго выше восточнаго ряда (тамъ было ихъ 63, а всего 87), который служилъ намъ въ верховьяхъ системы Амура для изученія хинганской системы (см. Т. II стр. 226).

Въ этомъ перечисленіи будемъ мы слѣдовать принятому нами порядку отъ з. къ в., хотя пограничнымъ трактатомъ принятъ порядокъ обратный отъ Кяхты съ 1 до 24-го №. Мы сохранимъ однако тотъ же порядокъ нумеровъ, только начнемъ съ 24-го, выигрывая этимъ то, что будемъ подвигаться отъ болѣе извѣстныхъ намъ окрестностей Телецкаго озера къ менѣе извѣстной юго-западной оконечности Байкала.

1. *Шабина-Даванъ* № 24 ([587]) подъ 52° с. ш. и 108°

---

(586) Klaproth De la frontière russe et chinoise въ Mem. rel. à l'Asie 1825. T. I. p. 22 — 27.

(587) Ibid. T. I, p. 26.

в. д. отъ Ф. на картахъ) ([588]) есть послѣдній 24-й пограничный столбъ отъ Кяхты къ з. и первый къ в. отъ Телецкаго озера. Онъ отстоитъ въ 18 г. м. (125 вер.) къ з. отъ лѣваго берега Енисея, гдѣ послѣдній, ниже своего поворота къ с., прорывается черезъ дикое ущелье, называемое Енисейскій *бомъ*. Къ с. отъ этого маяка простирается Кузнецкій округъ. Потому уже Фалькъ (1771) имѣлъ свѣдѣніе объ этомъ пограничномъ столбѣ изъ воеводской канцеляріи окружнаго города и сообщилъ даже его рисунокъ ([589]). Онъ говоритъ именно, что на границѣ Кузнецкаго округа и джунгарской или китайской степи, стоятъ два замѣчательные пограничные знака и находятся нѣкоторыя древности, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ обитателей этихъ странъ. Оба пограничные знака, какъ русскій, такъ и китайскій, изображены на приложенномъ Фалькомъ рисункѣ. Они стоятъ очень близко одинъ отъ другаго, на большихъ подножіяхъ, состоящихъ изъ значительныхъ грудъ камней, большею частію красноватыхъ, слоистыхъ песчаниковъ, нецементованныхъ между собою. На этихъ подножіяхъ возвышаются деревянные столбы: русскій съ греческимъ крестомъ, китайскій съ надписью на китайскомъ языкѣ. О древностяхъ, находимыхъ въ сосѣдствѣ этого хребта, далѣе на с. по Абакану, будетъ упомянуто ниже.

Палласъ, проникавшій до Таштыпскаго караула (см. Т. II, стр. 307) на верхнемъ Абаканѣ, собралъ также объ этомъ пограничномъ хребтѣ разспросочныя свѣдѣнія ([590]) отъ туземцевъ (1772). Ему называли эти горы Сабинъ-Даванъ и разсказывали, что онѣ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и что за ними начинается китайская Монголія, что Енисей прорывается черезъ восточное ихъ продолженіе, а Абаканъ течетъ съ сѣвернаго ихъ склона въ Енисей къ с.-в. Къ сожалѣнію позднее время

(588) Познякова, генеральная карта Сибири 1825.
(589) J. P. Falk. Topogr. Beitr. 1783 T. I. p. 347, Tab. 2.
(590) Pallas, R. R. T. III. p. 364—367.

года и глубокіе снѣга ([591]) не позволили Палласу лично посѣтить эту часть горнаго хребта. Таштыпъ есть лѣвый притокъ Абакана, значительная рѣка, такъ сильно прибывающая весною, что переправа черезъ нее бываетъ почти невозможна. Она течетъ между известковыми горами, простирающимися здѣсь также вдоль Абакана, покрытыми пихтовымъ и лиственничнымъ лѣсомъ и прорѣзанными прекрасными открытыми долинами. Въ 30 верстахъ ниже впаденія Таштыпа въ Абаканъ лежитъ Таштыпская деревня, а 3 версты выше ея обнесенный рогатками Таштыпскій караулъ. Палласъ перечисляетъ притоки этой рѣки, но говоритъ, что они не были вѣрно нанесены ни на одну карту; карта же Алтайскаго горнаго округа 1816 г. не заслуживаетъ довѣрія для этихъ мѣстностей. Изъ упомянутой деревни Палласъ видѣлъ на лѣвомъ берегу Абакана, лежащаго въ 6 г. м. (40 верст.) оттуда, болѣе высокій хребетъ, который называли ему Кансынъ, и изъ котораго вытекаютъ южные притоки Таштыпа. Между этимъ и еще болѣе южнымъ высокимъ гребнемъ Кирсы, Абаканъ течетъ стремительно къ ю. съ высокаго снѣжнаго хребта, въ которомъ, по свидѣтельству Пестерева ([592]), лежитъ его источникъ въ очень высокой скалистой горѣ. Оба высокіе горные гребня Кансынъ и Кирсы (7 сентября) уже нѣсколько недѣль, т. е. съ конца августа были занесены снѣгомъ, который началъ выпадать здѣсь съ начала августа, между тѣмъ какъ долины покрылись инеемъ. Это обстоятельство заставляетъ насъ заключить о довольно высокомъ положеніи этой мѣстности, которая во всякомъ случаѣ лежитъ не ниже Телецкаго озера, и даже на нѣсколько сотъ футовъ выше его.

Отъ этого пограничнаго казацкаго пикета до кузнецкой линіи и слѣдовательно къ Телецкому озеру и Томи на з. и

---

(591) Pallas R. R. T. III. p. 371.

(592) Pesterev, Remarq. s. les peuples de la front. chinoise etc. въ Klaproth Magas. Asiat. T. I. 1825 p. 170.

с.-з., говоритъ Палласъ, черезъ всю дикую горную страну не проведена никакая граница, не устроено ни одного пикета и все, за исключеніемъ естественныхъ стѣнъ, остается открытымъ. Кажется и въ новѣйшее время тутъ не произошло значительныхъ перемѣнъ. Здѣсь-то простирается обширная неизвѣстная область къ в. и ю.-в. отъ Телецкаго озера, въ которой кочуютъ двоеданцы съ своими стадами (см. выше ст. 375). Къ нимъ-то былъ посыланъ для собранія ясака изъ Кузнецка Пестеревъ (1775) (593), единственный человѣкъ, сообщившій свѣдѣнія объ этой странѣ. Впослѣдствіи онъ ѣздилъ, какъ пограничный коммисаръ, къ Новиковскому пикету (см. Т. II стр. 297) и оттуда черезъ земли двоеданцевъ къ Шабина-Даванъ, не сообщивъ однако же точныхъ свѣдѣній объ этомъ пути.

Деревня Таштыпская была, во времена Палласа, самымъ послѣднимъ къ ю. русскимъ жилищемъ этого пограничнаго хребта и на картѣ горнаго округа (594) 1816 г. нѣтъ ни одного новаго, болѣе южнаго поселенія. Палласъ говоритъ, что деревня эта состояла изъ семи дворовъ красноярскихъ казаковъ, добровольно поселившихся здѣсь съ тѣмъ, чтобы они и потомки ихъ были навсегда освобождены отъ рекрутства; она была прислонена къ подошвѣ высокихъ горъ, покрытыхъ лѣсами, которыхъ нѣтъ далѣе къ с. въ Абаканскихъ степяхъ, но которые распространяются отсюда къ ю. непрерывно черезъ всѣ горныя высоты. Жители деревни занимаются скотоводствомъ, земледѣліемъ и охотою: жатвы бываютъ здѣсь вообще хороши, но иногда страдаютъ отъ инеевъ и саранчи. Сѣнокосы здѣсь превосходны и тѣмъ болѣе необходимы, что начиная отъ р. Тіэ (болѣе сѣверный притокъ Енисея, паралельный съ Таштыпомъ) къ ю. снѣга бываютъ уже несравненно глубже, чѣмъ далѣе къ с. на нижнемъ Абаканѣ и въ Абаканской степи, гдѣ скотъ всю зиму остается на под-

(593) Id. l. c. p. 123—171, 153.

(594) Пансиера карта Колывано-воскресенскаго горнаго округа, Петерб. 1816.

ножномъ корму. Сверхъ того здѣсь слишкомъ много хищныхъ звѣрей, напр. медвѣдей и волковъ, опасныхъ блуждающимъ на свободѣ стадамъ. За то для охотниковъ здѣсь много дичи, впрочемъ соболи были уже и во времена Палласа сильно истреблены. Въ его время таштыпскіе казаки легко вымѣнивали на свой хлѣбъ и кашу мѣха у своихъ сосѣдей, татаръ. Палласъ замѣчаетъ, что вообще отъ Таштыпа къ с.-з. до самой кузнецкой линіи (см. выше стр. 276 и Т. II, стр. 296) можно было бы основать много поселеній, и еслибъ эта совершенно открытая между Обью и Енисеемъ граница была заселена казаками, то она была бы обезпечена отъ нападеній съ ю. Отъ Таштыпскаго караула $4^1/_2$ г. м. (32 вер.) къ в. на Абаканѣ, какъ узналъ Палласъ ([595]), лежитъ второе поселеніе — Абаканскій караулъ (его не должно смѣшивать съ болѣе сѣвернымъ городомъ Абаканскомъ на Иртышѣ), почти въ той же широтѣ (2 г. м. къ ю. отъ 53^0 с. ш.), которые вмѣстѣ съ третьимъ Саянскимъ острогомъ (2 г. м. къ с. отъ 53^0 с. ш.) на Енисеѣ, и съ карауломъ, лежащимъ въ горахъ за Енисеемъ, образуетъ родъ линіи, служащей для прикрытія енисейскихъ поселеній. Это и есть упомянутая уже абаканская линія (см. Т. II, стр. 307), которая проходитъ по южной части степи у подошвы горъ съ з. къ в. черезъ Минусинскій округъ Енисейской губерніи, но отстоитъ вездѣ въ 15 до 42 г. м. на с. отъ настоящей линіи пограничныхъ столбовъ, простирающейся черезъ дикую горную страну.

Гарнизоны Таштыпскаго и Абаканскаго карауловъ обязаны посѣщать поочередно пограничные столбы и ревизовать опредѣленную трактатомъ линію, вслѣдствіе чего былъ описанъ и путь къ столбу на высокомъ снѣжномъ хребтѣ Шабина-Даванъ. Дорога идетъ вверхъ по правому (восточному) берегу Абакана до впаденія въ него ручья Шебашъ, далѣе по этому ручью и по притоку его Чаганъ-Махану. Хотя все разстояніе это, по измѣренію 1772 г., не превосходитъ 13 г. м.

---

(595) Pallas R. R. T. III. p. 366.

(90 верстъ), но горныя дороги такъ затруднительны, что къ Шабина-Даванъ можно попасть только на третій день. Лошади возвращаются обыкновенно съ этой поѣздки хромыя.

Въ пограничномъ трактатѣ подъ № Шабина-Даванъ сказано, что здѣсь проходитъ дорога ([596]) изъ Сибири, по которой можно ѣхать въ Монголію, что она проложена съ давнихъ поръ и доступна для всадниковъ. Въ самомъ дѣлѣ Даванъ означаетъ на монгольскомъ и туркскомъ языкахъ гору, черезъ которую идетъ дорога ([597]), т. е. горный проходъ. Палласъ слышалъ также положительно, что прежде ([598]), когда граница не была охраняема съ китайской стороны, здѣсь происходили сношенія между Сибирью и Монголіею. Съ Чаганъ-Махана путешественники слѣдовали, оставляя горы Сабинъ (Шабина) вправо, т. е. по восточной сторонѣ ихъ къ горному ручью Ханъ-Тигиръ и чрезъ высокій горный хребетъ къ Кемчику (лѣвому притоку Енисея), гдѣ (т. е. въ верхней долинѣ Енисея) мѣстность становилась открытѣе. И дѣйствительно, это та самая дорога, по которой слѣдовалъ Пестеревъ въ 1775 изъ Таштыпа на Шабина-Даванъ. Я слѣдовалъ, говоритъ Пестеревъ ([599]) съ Шабина, по старой китайской дорогѣ, перешелъ черезъ Ханъ-Тигиръ и по Тослѣ (правый южный притокъ Ханъ-Тигира) дошелъ до истока сей послѣдней. На вершинѣ тамошнихъ горъ находятся большія груды камней, наваленныхъ туземцами. Съ этихъ высотъ при истокахъ Тослы Пестеревъ видѣлъ множество ручьевъ, которые направляются къ бому Кемчика, т. е. крутому скату, обращенному на югъ къ этой рѣкѣ.

Пестеревъ, какъ пограничный коммисаръ, зналъ очень хорошо, что рѣка эта съ притокомъ ея принадлежитъ Китаю, однакоже онъ преслѣдовалъ ее для того, чтобы познакомиться съ сосѣдями. Вскорѣ встрѣтилъ онъ на берегахъ Юкина китайскихъ сойотовъ

---

(596) Klaproth Frontière russe etc. въ Mem. rel. à l'Asie T. I, p. 27.
(597) Pesterev въ Magas. Asiat. I. p. 132. Not.
(598) Pallas R. R. III. p. 366.
(599) Pesterev. l. c. Magas. Asiat. I. p. 153.

изъ племени Улетъ, которые остановили его какъ пограничные стражи. Сначала зайсаны племени улетъ, которымъ Пестеревъ объяснилъ свое желаніе проникнуть до границы Кема, Кемчикъ-бома, не хотѣли дозволить ему ѣхать далѣе. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, позволили поставить крестъ ([600]), въ видѣ пограничнаго знака, при устьѣ р. Тослы. Пунктъ этотъ, на картѣ Енисейской губерніи означенъ также пестеревскимъ пограничнымъ крестомъ на ю.-в. отъ Шабина-Даванъ. Но на слѣдующее лѣто сойоты сорвали его, о чемъ было доставлено извѣстіе объѣзжими казаками. Когда Пестеревъ упрекалъ въ этомъ сойотовъ, то они ссылались на то, что современи сооруженія креста выпало у нихъ столько снѣга, что всѣ стада ихъ погибли; вслѣдствіе того они сняли крестъ и просили не воздвигать его опять. Это было допущено казаками, съ тѣмъ условіемъ, чтобы сойоты не перекочевывали въ русскія владѣнія, какъ они это дѣлали прежде. Но до тѣхъ поръ русская граница была здѣсь совершенно неизвѣстна, а потому сойоты охотились и въ русскихъ предѣлахъ, такъ какъ въ нихъ было болѣе дичи: соболей, бѣлокъ, выдръ, дикихъ козъ, каменныхъ барановъ, лосей, маралей, оленей, и даже русскіе подданные сойоты, не зная границъ своихъ владѣній, платили китайскимъ за позволеніе охотиться на своихъ собственныхъ земляхъ, принадлежащихъ Россіи по трактату. Такъ какъ пограничныя китайскія земли не такъ гористы и высоки, то китайскіе сойоты, какъ страстные охотники, старались присвоить себѣ русскія земли. Современи же сооруженія пестеревскаго пограничнаго креста кончились всѣ эти безпорядки и сойоты отказались отъ своихъ притязаній на р. Тослу и Ханъ-Тигиръ, такъ что позднѣйшія рекогносцировки казаковъ уже не встрѣчали съ ихъ стороны никакихъ препятствій.

На китайской провинціальной картѣ ([601]) р. Ханъ-Тигиръ

---

(600) Ibid. p. 154.
(601) См. Табл. I. Uliassutai. l. c.

означена именемъ Ану, Тосла же осталась безъ названія, а кочующіе тамъ номады названы Улянхай. Названіе это тождественно съ Улетъ Пестерева; племена эти принадлежатъ къ сойотамъ и относятся къ восточно-самоѣдскимъ. Съ истока Тослы Пестеревъ возвратился на с.-в. къ Шабинъ-Даванъ, не найдя вожака отъ Ханъ-Тигира. Дорога оттуда показалась ему совершенно непроходимою, да онъ и не могъ собрать о ней никакихъ свѣдѣній (602). А потому онъ возвратился на с. въ Абаканскъ. Должно замѣтить, что пограничный столбъ Шабина-Даванъ былъ опредѣленъ нерчинскимъ и послѣдующими трактатами, потому что въ тѣ времена начиналось здѣсь Джунгарское царство, почему далѣе къ з. китайская граница не могла быть опредѣлена. До сихъ же поръ безспорно простирались владѣнія монголовъ, подчиненныя императоромъ Канъ-хи послѣ пораженія галдана элютовъ. Граница же за Шабина-Даванъ могла опредѣлиться только послѣ паденія Джунгарскаго царства, что однакоже не произошло офиціальнымъ путемъ посредствомъ трактатовъ, а установилось само собою на западъ отъ Шабина-Даванъ, гдѣ являются двоеданцы, неимѣющіе даже опредѣленыхъ границъ.

Примѣчаніе. Terra incognita двоеданцовъ отъ истока Ханъ-Тигира и Шабина-Даванъ до Чуйскаго плоскогорія. Гипотеза объ истокахъ Чулышмана по китайскимъ картамъ.

Всѣ русскія карты, принимаютъ, вмѣстѣ съ Ледебуромъ и Бунге, здѣшнюю высокую степь за естественную границу имперіи. Пространство между Шабина-Даванъ и верховьемъ Чулышмана составляетъ для европейцевъ terra incognita до самыхъ истоковъ Башкауса и Чуйскаго плоскогорія. На всѣхъ европейскихъ картахъ пространство это совершенно пусто и только въ Китайской государственной географіи пекинскаго изданія 1818, таб. II, на провинціальной картѣ Гобдо-Хото, пространство это замѣщено озеромъ и рѣкою Артай или Ортай и р. Ходжунъ, которыя, соединяясь на с., текутъ къ с.-з. По картѣ Гримма, съ точностью и умно составленной на основаніи всѣхъ имѣющихся оригинальныхъ матеріяловъ, этому направленію соотвѣтствуетъ текущая съ ю.-в. р. Чулышманъ, которой истоки намъ неизвѣстны. Бунге свидѣтельствуетъ, что рѣка эта, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, очень значительна, а при устьѣ ея онъ даетъ ей ширину 1/2 версты. Она приходитъ слѣдовательно изъ отдаленной и обильной водою мѣстности. Вотъ почему нѣкоторыя русскія карты (и карта Арроусмита), ошибочно соединяли ее съ Джабганомъ (см. Т. II, стр. 260). Арроусмитъ, а за нимъ

(602) Pesterev. l. c. I. p. 156.

цѣлая толпа картографовъ принимаетъ Джабганъ за притокъ р. Тальбаха (? Башкаусъ), впадающей въ Телецкое озеро. Арроусмитъ обозначаетъ впрочемъ такую гипотезу пунктиромъ; Клапротъ опровергаетъ ее весьма основательно тѣмъ, что Джабганъ впадаетъ въ Эхэ-Аралъ-Норъ, неозначенный на картѣ Арроусмита, но по китайскимъ описаніямъ неимѣющій никакого стока. Генеральная карта Сибири Познякова впрочемъ не повторяетъ этой ошибки, хотя и дѣлаетъ другую, заставляя течь р. Тесь въ Убса-Норъ съ з. къ в., между тѣмъ какъ рѣка эта течетъ напротивъ на протяженіи $4^1/_2{}^\circ$ долготы къ з. въ это озеро, окруженное съ с.-з. горами Танъ-ну (см. Т. II стр. 261). Это служитъ доказательствомъ того, что позняковская карта также заключаетъ въ себѣ мало положительныхъ данныхъ. А потому мы нисколько не удивляемся, что она даетъ Чулышману столь малое теченіе и ничего не упоминаетъ объ Артаѣ, на который мы должны смотрѣть какъ на озеро, служащее истокомъ этой рѣкѣ. Когда же Клапротъ, въ свой рецензіи на карту Арроусмита, говоритъ, что Телецкое озеро принимаетъ съ юга нѣсколько ничтожныхъ притоковъ, то онъ ошибается, потому что ему не былъ еще извѣстенъ открытый Бунге (1826) Чулышманъ, но при его ученомъ знаніи китайской литературы, можемъ мы ожидать отъ него новыхъ изысканій объ этомъ предметѣ. Чулышманъ долженъ приходить издалека изъ китайскихъ предѣловъ, для того чтобы быть столь обильнымъ водою; по приведенной же китайской провинціальной картѣ источникъ его долженъ лежать къ ю.-в. отъ Телецкаго озера, по крайней мѣрѣ 50 или 60 г. м. далѣе, чѣмъ доселѣ предполагали, и этимъ объясняется недоступность страны, о которой говоритъ Пестеревъ. Эта горная мѣстность лежитъ вѣроятно на продолженіи того же горнаго хребта Ергикъ и Таргекъ, пробиваемаго Енисеемъ, текущимъ черезъ ущелье Бомъ пятью каскадами. Чулышманъ пробивается можетъ быть также черезъ этотъ хребетъ и Бунге видѣлъ послѣдніе каскады сего прорыва. Посреди же этой дикой страны, т. е. къ ю. отъ нея простирается вѣроятно однообразная, нагорная степь, съ которою познакомилъ насъ Бунге на р. Чуѣ. Тотъ же самый горный хребетъ съ крутымъ сѣвернымъ скатомъ ведетъ на з.-ю.-з. къ Божьей горѣ Ижикъ-ту (см. выше стр. 82, 366), а далѣе къ прорыву Катуни и наконецъ къ Коргонскому плоскогорію.

Верховье Чулышмана, по нашему мнѣнію, есть слѣдовательно тоже, что стокъ озера Артая, и состоитъ изъ двухъ источниковъ, возникающихъ недалеко отъ этого круглаго озера, а именно изъ западной длиннѣйшей вѣтви Наръ-хэ, берущей начало между р. Гобдо (впадающей въ озеро того же имени или Эхэ-аралъ-Норъ) и двумя истоками Бухтармы (сѣвернымъ р. Бѣлой и южнымъ р. Буруленъ); всѣ три текутъ съ с.-в. склона Эктагъ Алтая (см. выше ст. 78), означаемаго этой новѣйшею китайскою географіею именемъ Алтая, между тѣмъ какъ пребывающіе тамъ народы извѣстны подъ именемъ 7 хоругвей Ортай-урянхай. Эта часть Эктагъ-Алтая обозначена на китайской картѣ еще спеціальнымъ именемъ Тенгеръ-ойтуръ-Шань. Упомянутый выше (ст. 79) неизвѣстный Наръ-хо есть поэтому вѣроятно длиннѣйшій западный истокъ, получающій далѣе, по соединеніи съ другимъ, имя Ходжунъ, а далѣе Шатунъ; значительнѣйшій его притокъ съ западной стороны, текущій отъ з. къ в., названъ на китайской картѣ Хенъ-ки, также какъ и озеро, изъ котораго онъ вытекаетъ. Это вѣроятно та самая рѣка, которая течетъ на в. отъ истока Чуи и на которую ѣздилъ молодой монгольскій зайсанъ съ кочевья своего на Тегагомѣ. Здѣсь же проходятъ вѣроятно тѣ удобныя дороги въ Гобдо и китайскій торговый городъ Кемчикъ, о которыхъ говорили Леде-

буру. Этимъ-то путемъ вѣроятно слѣдовали и каменщики изъ Чингисъ-тея въ Гобдо (см. выше стр. 86, 174, 177).

Вторая же вѣтвь верхняго Чулышмана есть Артай, вытекающая изъ озера того же имени. Озеро это переноситъ слѣдовательно имя Алтая еще на высокую степь, на которой оно какъ кажется и лежитъ. Названо ли оно такъ китайцами? или гораздо ранѣе туземцами (см. выше стр. 201 и Т. II стр. 177), и не называли ли его джунгары и элюты совершенно иначе? Во всякомъ случаѣ оно прежде было совершенно упускаемо изъ виду и кажется открыто только при заселеніи и устройствѣ военныхъ округовъ Гобдо и Уляссутая.

Китайская государственная географія, по переводу Неймана (см. Т. II стр. 308), помѣщаетъ это озеро Артай или Алтай на с.-в. отъ хоругвей Алтай-Норъ и Улянхай. Оно лежитъ къ с.-з. отъ большаго озера Убса и истока Кемчика, огибаемаго высшею частью горнаго хребта Танъ-ну-ола, который ограничиваетъ озеро Алтай и стокъ его съ с.-в. и означенъ здѣсь на картѣ спеціальнымъ именемъ Орхо-Шань. По китайскому тексту у этихъ 7 алтайскихъ и уляихайскихъ хоругвей къ ю.-з. отъ озера Артая берутъ начало рѣки Чорчай, Шагинъ, Башкусъ и Аспатъ, которыя соединяясь къ с., совокупно впадаютъ въ озеро Алтай. Въ то же озеро текутъ съ в. Ки-ки, а съ з. Башъ-Чайли, Эхэ-Чайли и Артаръ. Всѣ эти рѣки вытекаютъ изъ озера подъ именемъ Артая къ с.-з. отъ Танъ-ну и мимо Уляихайцевъ. Здѣсь слѣдовательно находится западная оконечность Танъ-ну (см. Т. II, стр. 188, 201), къ с.-з. отъ озера Убса и къ с.-в. отъ озера Артая, и въ то время какъ по одну сторону гребня простирается ровная степь съ озерами Убса и Артаемъ, съ другой стороны гребень этотъ ограниченъ глубоко врѣзанными долинами, изъ которыхъ по одной ниспадаетъ Кемчикъ къ Енисею, а по другой Башкаусъ къ Чулышману. Этимъ гидрографическимъ обзоромъ объясняется отчетъ посольства (1616) Ивана Петрова изъ Томска къ Алтынъ-хану, имѣвшему тогда свою резиденцію на Убса-Норѣ. Посольство шло на Абаканъ, Частые броды (вѣроятно по извилистому теченію Чаганъ-Маханъ), Ханъ-Тигиръ, Кемчикъ ина-Убса-Норъ, гдѣ въ то время пребывалъ Алтынъ-Ханъ. Слѣдовательно съ Ханъ-Тигира, посольство пришло на Кемчикъ, что можно объяснить только принимая р. Ану, берущую начало на тѣхъ же высотахъ, съ которыхъ течетъ Кему-Чихи, за одно и тоже съ Ханъ-Тигиромъ. Обѣ вышеупомянутыя рѣки: Артай къ в., Ходжунъ или Нархо съ з., соединяясь, и принимая названіе Шатуна, текутъ на с.-з., по свидѣтельству Китайской географіи, которая впрочемъ умалчиваетъ о дальнѣйшемъ ихъ теченіи. Мы полагаемъ, что Бунге видѣлъ эту рѣку подъ именемъ Чулышмана ниже прорыва черезъ горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она изъ страны водопадовъ течетъ въ занимающее болѣе низкую долину, Телецкое озеро (*).

(*) Все это примѣчаніе напечатано особымъ мелкимъ шрифтомъ, потому что оно заключаетъ въ себѣ такія предположенія Риттера, которыя совершенно падаютъ передъ тщательнымъ изученіемъ мѣстности по прекрасной картѣ центральной Азіи Клапрота, новѣйшимъ русскимъ картамъ Западной и Восточной Сибири, и новѣйшимъ наблюденіямъ очевидцевъ Гельмерсена и Чихачева, такъ что собственно слѣдовало бы опустить въ переводѣ все это примѣчаніе, какъ спутывающее географическія понятія объ этой мѣстности; здѣсь оно сохранено только для полноты перевода.

Риттеръ, при совершенной еще неизвѣстности въ 1830 г. страны, простирающейся къ ю. отъ Телецкаго озера, былъ введенъ въ совершенное заблужденіе сбивчивыми показаніями китайской карты провинцій Хобдо и Китайской географіи, заимствованными, какъ кажется китайцами изъ разспросовъ сойотовъ и двоеданцевъ.

2. *Кемъ-кемчикъ-бомъ* № 23 ([603]) или второй пограничный столбъ (маякъ), называемый также Кемъ-кемчикъ-бокцыръ, находится при устьѣ Кемчика, впадающаго съ западной стороны въ Енисей. Бомъ вообще по-монгольски значитъ крутой скатъ къ рѣкѣ, пробивающейся черезъ ущелье (см. выше стр. 352). Уже Палласу ([604]) разсказывали, что къ в. отъ Шабина-Даванъ находится второй пограничный знакъ при устьѣ Кемчика, но

Уже Гельмерсенъ опровергъ преувеличенное понятіе Риттера о протяженіи и размѣрахъ гидрографической сѣти Чулышмана, а Чихачевъ, открывъ его истоки, показалъ, что они лежатъ совсѣмъ не такъ далеко на ю.-в., а напротивъ находятся недалеко отъ истоковъ Чуи и къ с.-в. отъ нихъ. Тамъ дѣйствительно есть небольшое альпійское озеро Джулу-Куль, изъ котораго непосредственно вытекаетъ Чулышманъ, но выше котораго не простирается система этой рѣки; озеро это, по самымъ своимъ размѣрамъ не имѣетъ значительныхъ притоковъ, а потому и не можетъ быть принято за упоминаемый Риттеромъ Артай или Алтай-Норъ.

Въ этихъ-то новѣйшихъ наблюденіяхъ находимъ мы ключъ къ объясненію и исправленію ошибки великаго географа. Подъ именемъ Алтай-Нора у калмыковъ и сойотовъ извѣстно Телецкое озеро и слѣдовательно Артай-Норъ Риттера и китайскихъ картъ есть не что иное какъ Телецкое озеро. Перенося имя Алтай-нора съ созданнаго ошибочною гипотезою Риттера и несуществующаго въ Саянскомъ нагорьѣ озера, на изслѣдованное новѣйшими наблюдателями Телецкое озеро, мы легко можемъ объяснить и самыя показанія Китайской географіи. Географія эта помѣщаетъ озеро Алтай (т. е. Телецкое) на с.-в. отъ алтайскихъ и урянхайскихъ т. е. двоеданническихъ хоругвей и на с.-з. отъ Убса-Нора. Она заставляетъ впадать въ него рѣку, образующуюся изъ соединенія нѣсколькихъ рѣкъ, изъ коихъ главныя называются Чорчай, Шагинъ, Башкусъ и Аспатъ. Это и есть Чулышманъ, образующійся изъ нѣсколькихъ вѣтвей, между которыми въ семъ перечисленіи нельзя не узнать Башкауса и Чульча или Чорча, значительнѣйшаго изъ притоковъ Чулышмана. Далѣе Китайская географія говоритъ, что съ восточной стороны въ озеро Артай впадаетъ Ки-ки. Въ этой рѣкѣ нельзя не узнать Киги, впадающей въ ю.-в. уголъ Телецкаго озера. Въ западныхъ притокахъ Алтая—Башъ-шайли и Экэ-шайли нельзя не узнать обѣихъ рѣкъ Чили, дѣйствительно впадающихъ въ Телецкое озеро съ западной стороны. Наконецъ изъ озера течетъ къ с.-з. р. Артай или Алтай, т. е. Бія и соединяется съ р. Ходжунъ или Шатунъ или Хатукъ, въ которой нельзя не узнать Катуни.

Доказавъ несомнѣнно, что Алтай или Артай Китайской географіи есть не что иное какъ Телецкое озеро, мы легко можемъ объяснить, почему Чихачевъ нашелъ истоки Чулышмана совсѣмъ не такъ далеко на ю.-в., какъ то полагалъ Риттеръ, а также и то, что великій географъ долженъ былъ неминуемо спутать всю топографію страны ошибочною гипотезою, переносившею это имя Алтая на несуществующее болѣе юго-восточное озеро, чрезъ которое, по его мнѣнію, долженъ былъ протекать Чулышманъ, послѣ образованія своего изъ нѣсколькихъ вѣтвей и довольно продолжительнаго теченія. *Примѣчаніе пер.*

(603) Klaproth frontière russe etc. T. I. p. 26; Pesterev l. c. p. 153.
(604) Pallas P. R. T. III. p. 366.

что туда по дикости мѣста можно проникнуть только зимою по льду Енисея. А потому мѣстность эта мало посѣщаема. Объ этой санной дорогѣ слышалъ и д-ръ Мессершмидтъ (1723 г.) ([605]), первый обстоятельный наблюдатель этихъ мѣстъ, котораго рукописи къ сожалѣнію остались неизвѣстными ученому міру, но кажется заслуживаютъ особое вниманіе даже по прошествіи цѣлаго вѣка, судя по сообщеннымъ Палласомъ и Клапротомъ изъ нихъ извлеченіямъ. Санная дорога на 2 дня пути вверхъ по Енисею очень хороша, но далѣе становится опасною, потому что рѣка эта, при устьѣ Ханъ-Тигира, заключаетъ въ себѣ множество проваловъ и незамерзающихъ пространствъ, и ледъ вообще такъ обманчивъ, что русскіе и татары не разъ находили здѣсь свою погибель. Къ устью Кемчика санная дорога опять становится удобною. Посылаемый же ежегодно изъ Красноярска пограничный коммисаръ достигаетъ до этого знака черезъ Нарисагойскій караулъ, лежащій къ в. отъ Енисея въ 23 г. м. (163 в.) отъ Абаканска, но не означенный на русскихъ картахъ.

Пестеревъ ([606]) предпринималъ подобное путешествіе изъ Саянска въ 1776 г., по долинѣ или ущелью Енисея, слѣдуя въ лодкѣ вверхъ его теченія, до пограничнаго знака Кемъ-кемчикъ-бомъ. Отъ самой границы до Саянска, говоритъ Пестеревъ, Енисей течетъ непрерывно между столь крутыми и высокими стѣнами, что до границы едва можно встрѣтить 5 пунктовъ, къ которымъ можно было бы причалить для того, чтобы продолжать путь верхомъ въ горы. Пограничные вожаки избираютъ эти пункты для своихъ ночлеговъ. Пестеревъ употребилъ вообще два года на обзоръ пограничныхъ странъ. Неизвѣстно, почему тобольскій губернаторъ, пославшій въ то время Пестерева, по предписанію иркутскаго губернатора гр. Брюля, или преемникъ его не обнародовали его отчетовъ, и это тѣмъ болѣе необъяснимо, что здѣсь не было никакихъ полити-

(605) Извлеченіе изъ манускрипта Мессершмита 25 янв. 1793. въ Klaproth Asie polyglotta p. 149.

(606) Pesterev. l. c. p. 156, 157.

ческихъ интересовъ, которые могли бы заставить держать эти свѣдѣнія въ тайнѣ. Въ то время какъ въ другихъ странахъ, и при морскихъ путешествіяхъ въ отдаленныхъ моряхъ, каждая малѣйшая скала, какъ новое открытіе, опредѣляется астрономически и вносится въ сокровищницу науки какъ пріобрѣтеніе для будущихъ вѣковъ, здѣсь, посреди азіатскаго материка, въ странахъ, превосходящихъ величиною европейскія королевства, погибаютъ важнѣйшія открытія, увеличивая тѣмъ самымъ невѣдѣніе о происшедшемъ и умножая трудности и заблужденія въ будущемъ. Какъ полезно было бы напр., еслибъ Императорская Академія Наукъ предприняла изданіе оригинальныхъ наблюденій д-ра Мессершмита, по его сохранившимся рукописямъ, тѣмъ болѣе, что извлеченія изъ нихъ, находящіяся въ другихъ сочиненіяхъ, совершенно недостаточны. Въ какой степени поучительны его замѣчанія, подтверждается тѣмъ, что даже Палласъ (напр. Nota S. 322 R. R. T. III.) обогащалъ свой текстъ замѣчаніями своего предшественника, не упоминая, что эти данныя собраны Мессершмитомъ. Въ 1778 г. Пестеревъ прибылъ съ Амуля, Уса и Ишима, восточныхъ притоковъ Енисея, на правый его берегъ въ узкое ущелье, черезъ которое онъ прорывается, образуя на пути своемъ страшные пороги (607). Ущелье это образуется двумя скалами, нависшими съ двухъ сторонъ рѣки и почти соприкасающимися, потому что между ними остается дефиле въ 40 локтей ширины и $^1/_2$ верс. длины, черезъ которое рѣка протекаетъ чрезвычайно стремительно. Мѣстами это теченіе еще прервано выдающимися скалами (можетъ быть какъ при Бингерлохѣ на Рейнѣ или Штруделѣ при Грейнѣ на Дунаѣ) и быстрая рѣка замерзаетъ зимою только на одинъ локоть отъ берега.—Въ 1773 русскіе взорвали эти скалы, рѣка стала нѣсколько спокойнѣе, но и теперь замерзаетъ не всегда. Китайцы, говоритъ Пестеревъ, не знаютъ о перемѣнѣ, сдѣланной русскими въ теченіи рѣки. Вотъ все, что намъ извѣстно объ этой мѣстности, при которой уже на

(607) Pesterev l. c. p. 159.

картѣ Штраленберга помѣщены слова „hic magnae cataractae". Никто еще не проникалъ въ долину верхняго Енисея выше его прорыва.

3. *Хойнинъ-Дабага* (608) № 22, пограничный столбъ, лежащій въ 12 г. м. (85 вер.). къ в. отъ берега Енисея, на высокой и крутой скалѣ, называемой Хойнинъ-тагъ (баранья скала). Къ с. отъ этой скалы монгольскій ханъ Лоцзанъ пробилъ извилистую тропинку въ скалѣ; прежде здѣсь пройти было невозможно, да и теперь путь очень затруднителенъ.

4. *Пограничный знакъ на Усѣ* № 21, который по трактату не получилъ особаго названія, но лежитъ вблизи пикета Кебежа о которомъ Пестеревъ (609) говоритъ только, что близь него протекаетъ рѣка 4-й пограничный знакъ расположенъ только въ $2^1/_2$ г. м. (19 в.) къ в. отъ Хойнинъ-Дабага на лѣвомъ берегу Уса, текущаго съ в. на з. въ Енисей. Пестеревъ нашелъ этотъ знакъ въ 1779 г. при истокѣ Уса, и вмѣсто стараго деревяннаго креста поставилъ новый (610). Не смотря на двукратное посѣщеніе Пестерева, мы не имѣемъ точнаго понятія объ этой мѣстности; показанія Пестерева объясняются только свѣдѣніями, собранными Палласомъ; карта же Енисейской губерніи оказывается и здѣсь очень недостаточною. Четыре правые притока Енисея, текущіе съ в. и ю.-в., берутъ здѣсь начало многочисленными источниками изъ высокаго китайскаго пограничнаго хребта. Вся ихъ рѣчная область принадлежитъ Россіи по трактатамъ, но сибирское начальство ничего не знало о ней до Пестерева, а изслѣдованіе ея было затрудняемо перекочевкою сюда подданныхъ Китаю пограничныхъ племенъ. Эти четыре притока Енисея суть: а) *Утъ*, б) *Усъ*, в) *Ой* и г) *Туба*, изъ которыхъ два впадаютъ въ Енисей сѣвернѣе, а два южнѣе Саянска.

а) *Утъ* Палласа не означенъ ни на какой новѣйшей картѣ,

---

(608) Klaproth frontière russe l. c. T. I. p. 26.
(609) Pesterev l. c. p. 132.
(610) Ibid. p. 158.

хотя на древней картѣ Штраленберга ([611]) онъ нанесенъ подъ именемъ Укъ. Пестеревъ называетъ его Оядъ, Клапротъ по манджурскимъ картамъ Угутъ. Д-ръ Мессершмидтъ называетъ его Утъ и говоритъ о немъ обстоятельнѣе другихъ. Калмыкъ съ р. Уса, сообщившій ему свои показанія (въ дневникѣ 3 февр. 1723 г.), ([612]) говорилъ: перейдя Усъ, поднимешься на горы Хойнинъ-даванъ, а за ними спустишься на р. Утъ. Утъ течетъ съ в. въ Енисей, и устья обѣихъ рѣкъ вѣроятно находятся другъ отъ друга не далѣе 15 часовъ. Обѣ эти рѣки впадаютъ независимо другъ отъ друга въ Енисей. Слѣдовательно пограничный столбъ Хойнинъ-даванъ лежитъ между обѣими рѣками, въ чемъ согласуются и отчеты Палласа и Пестерева.

б) *Усъ* впадаетъ въ Енисей сѣвернѣе предъидущаго; на немъ, какъ мы видѣли, расположенъ 4-й пограничный столбъ. Истокъ рѣки Усъ лежитъ по монголо-китайскимъ картамъ, приводимымъ Клапротомъ, на горѣ Кендженъ-маданъ-даванъ ([613]), съ которой она течетъ къ з., между тѣмъ какъ Утъ течетъ къ ю. Такъ какъ Хойнинъ-даванъ лежитъ далѣе къ з., между обѣими рѣками, то онъ есть западное продолженіе первой. Палласу разсказывали, что казаки, приходя съ с., съ пикета на Кебешѣ, поднимались вверхъ по этому Кебешу, восходили на ручей Тараданъ (сѣверный правый притокъ Уса) и спускались по немъ вдоль горнаго хребта Усунъ-арга до Уса; на южной же сторонѣ этой рѣки, круто поднимаетсяу помянутый Хойнинъ-даванъ, до самыхъ облаковъ. Съ дороги видна вдали на в. разорванная скалистая вершина Иргенъ-Таргэкъ. Въ пограничномъ трактатѣ, на западной оконечности этого хребта, названной Эргикъ-Таргэкъ-Тайга, упоминается источникъ Кендженъ-маданъ ([614]), соединяющійся съ Усомъ; несомнѣнно, что

(611) J. v Strahlenberg Nova descriptio geographiae Tatariae Magnae et. 1730
(612) Asia polyglotta p. 150.
(613) Klaproth. Note l. c. p. 124.
(614) Pallas R. R. T. III. p. 391.

это есть правый сѣверовосточный притокъ его. Здѣсь стоитъ 5-й безъименный пограничный знакъ (№ 20), котораго разстояніе отъ 4-го составляетъ $2^1/_2$ г. м. (18 вер.), откуда можно заключить о краткости теченія ручья Кенджень-мадана. Государственная граница проходитъ болѣе къ в. черезъ Усъ, такъ что высокія горы въ истокахъ этой рѣки, простирающіяся вдоль Кичи-Кема или сѣверной вѣтви Енисея и дающія далѣе, какъ узналъ Палласъ, начало Селенгѣ, принадлежатъ уже не Сибири, а Монголіи. Это подтверждаютъ и манджуро-китайскія карты, которыя, начиная отъ Кендженъ-маданъ-давана къ в., означаютъ хребетъ именемъ Эргикъ-Таргэкъ (615), что на туркскомъ языкѣ означаетъ гребень съ вырѣзками, названіе, распространяющееся до истоковъ Енисея, Тенгиза и Оки. На китайской провинціальной картѣ таб. I. Уляссутая, пограничный хребетъ, сосѣдній съ Енисеемъ, названъ Эргикъ-шань, далѣе же къ в. до самаго истока этой рѣки Таргэкъ-шань; оба имени соединены кажется въ Эргикъ-Таргекѣ. Когда Пестеревъ (616), выѣхавъ изъ казацкаго пикета Кебежа (Ой-Кебешъ у Палласа на р. Кебешѣ), въ 1773 г. въ первый разъ посѣтилъ р. Усъ, протекающую по границѣ между Хойнинъ-даваномъ и Эргикъ-Таргэкомъ, то онъ не могъ найти здѣсь настоящей границы имперій и перешелъ къ болѣе южному Ояду (т. е. Утъ) и направился вверхъ по оному, гдѣ онъ засталъ пограничныхъ стражей, китайскихъ сойотовъ, на охотѣ. На слѣдующій день прибыли къ нимъ китайскіе пограничные инспекторы Сангинъ-зайсанъ-нонаякъ, старшина племени Байгарпнъ и зайсанъ Кумажей, старшина племени Матаръ. Послѣдняго сопровождали нѣсколько слугъ и старшинъ; онъ спросилъ о цѣли поѣздки Пестерева, причемъ удивлялся, что ему не было сообщено имя Пестерева, какъ пограничнаго коммисара. Сойоты удивлялись также

---

(615) Klaproth not. l. c. p. 124.
(616) Pesterev l. c. p. 132.

*

разспросамъ Пестерева о пограничныхъ мѣстахъ; потому что прежніе ревизоры никогда подобныхъ разспросовъ не дѣлали. Однакоже они не могли не знать, что Усъ и всѣ его притоки, какъ Койартъ, Сараха, а также рѣки Амуль и Ишимъ, въ силу пограничныхъ трактатовъ, принадлежатъ русскимъ. Удивленные требованіями Пестерева, казавшимися имъ несправедливыми, и тѣмъ, что Пестеревъ обвинялъ ихъ въ совершенномъ невѣдѣніи пограничныхъ отношеній, они преградили русскому чиновнику переходъ черезъ ихъ земли къ Кемъ-кемчикъ-бому. А потому онъ счелъ за лучшее вернуться въ свой форпостъ Кебешъ и послать оттуда донесеніе губернатору о недостаточности пограничныхъ свѣдѣній и картъ, и необходимости собрать новыя данныя о границѣ имперій. Нѣсколько лѣтъ спустя, а именно въ 1779 г. удалось Пестереву добраться до истоковъ Амуля (впадающаго въ Тубу) и Уса и поставить новый пограничный крестъ. Внизъ отъ этого истока ([617]), около котораго поверхность становится ровнѣе и гдѣ сбѣгается много дичи, на 10 г. м. (70 вер.) по обѣимъ сторонамъ рѣки до впаденія въ нее съ лѣвой южной стороны Ишима тянется очень густой лѣсъ, покрывающій многочисленныя скалистыя горы и болота, часто такъ близко подходящія къ рѣкѣ, что едва можно проложить себѣ мимо ихъ тропинку. На этихъ высотахъ, по свидѣтельству Пестерева ([618]), водятся козлы, очень похожіе на домашнихъ (вѣроятно каменные козлы, по-татарски *теге*, по-монгольски *такья*, которыхъ нѣтъ въ Сибири, но которые обитаютъ здѣсь въ снѣжныхъ горахъ на Усѣ, по свидѣтельству Палласа). Кочевники, подданные китайцевъ, называютъ ихъ иму-итеки; козлы эти живутъ въ большихъ стадахъ и высылаютъ отъ 2 до 3 караульныхъ, почему даже и сойотамъ очень трудно убивать ихъ. Главный врагъ этихъ козловъ есть красный волкъ, который здѣсь, какъ и на Катуни,

---

(617) Ibid. I. p. 157.
(618) Ibid. I. p. 158.

производитъ страшныя опустошенія между дичью; одинъ, два или три волка гонятъ къ самымъ неприступнымъ скаламъ цѣлое стадо дикихъ козловъ, откуда сіи послѣдніе, бросаясь, разбиваются и становятся добычею своихъ хищныхъ преслѣдователей. Тамъ, гдѣ прекращаются эти скалистыя горы на Усѣ, простирается прекрасная ровная степь до устья Ишима; здѣсь охотно кочуютъ сойоты зимою и лѣтомъ, потому что находятъ тутъ много дичи, особенно козловъ, лосей, маралей, рысей, кабановъ, и. т. д. На этомъ Ишимѣ Пестеревъ въ 1779, при посѣщеніи сойотскихъ племенъ Байгаринъ и Матаръ, нашелъ китайскаго мандарина ([619]) съ краснымъ шарикомъ на шапкѣ и павлиньимъ перомъ. На лѣвомъ берегу Уса простираются прекрасные луга; ложе его усѣяно небольшими островами, гдѣ сойоты ловятъ много рысей, выдръ и россомахъ. Ишимъ, Уютъ и другіе притоки протекаютъ черезъ степь, а Усъ впадаетъ въ Енисей въ одномъ значительномъ днѣ пути отъ Саянска. На южномъ его берегу горы поднимаются до болѣе значительныхъ высотъ, чѣмъ на сѣверномъ, и имѣютъ страшныя и крутыя долины, да и вообще берега Енисея до самаго Саянска состоятъ изъ отвѣсныхъ скалъ ([620]) и даже на сѣверной сторонѣ Уса дикія горы еще не прекращаются. Слѣдуя изъ Саянска вверхъ по Енисею, путешественникъ скоро замѣчаетъ широкую вырѣзку въ горномъ хребтѣ, прорванную этою рѣкою. По обѣимъ сторонамъ этой вырѣзки поднимаются двѣ высокія снѣжныя горы: на з. отъ Енисея Итемъ Койбаловъ, на в. еще болѣе высокій, но не столь широкій — Бурусъ. Обѣ сохраняютъ снѣгъ въ глубокихъ тѣнистыхъ ущельяхъ сѣверныхъ склоновъ своихъ вершинъ въ теченіи всего лѣта. Уже въ августѣ Палласъ нашелъ ихъ покрытыми новымъ снѣгомъ и инеемъ. Вершина Буруса, какъ утверждаютъ, вся покрыта бѣлымъ мхомъ, съ виду походящимъ на снѣгъ; гора

(619) Ibid. I. p. 159.
(620) Pallas R. R. III. p. 379.

эта находится въ одномъ днѣ пути отъ Саянска; у южной ея подошвы протекаетъ Усъ въ Енисей. На западномъ продолженіи Итема поднимается высокій гребень Омай-Тура (621), за которымъ горный хребетъ начинаетъ склоняться къ болѣе ровной Абаканской степи. Зеленый малахитъ, найденный на этой горѣ, подавалъ надежды на открытіе здѣсь хорошаго мѣднаго рудника, и дѣйствительно здѣсь былъ открытъ единственный въ сей южной части Саянскихъ горъ Майскій или Маинскій рудникъ, но скоро и слишкомъ поспѣшно, по мнѣнію Палласа, оставленъ послѣ прорытія шахты въ 20 саженъ. Мѣсто названо Майскій острогъ вмѣсто Омайскій, потому что буква О была пропущена по опискѣ.

в) *Ой* (Оя у Мессершмита) есть третій правый притокъ Енисея. Истоки его Кебешъ, Ой и Коя (622) текутъ съ довольно высокихъ горъ, а именно съ сѣвернаго склона упомянутаго Усунъ-арга. Истокъ Коя, по разсказамъ калмыковъ, лежитъ въ 2 дняхъ пути отъ восточнаго берега Енисея, но это показаніе довольно неопредѣлительно, потому что въ то время туда не было извѣстно никакой дороги. Этотъ хребетъ, лежащій въ источникахъ рѣки, говорятъ, очень мало доступенъ и для проѣзда менѣе удобенъ, чѣмъ горы на западной сторонѣ Енисея въ верховьяхъ Хапъ-Тигира. О рѣкѣ Коѣ упоминаетъ только Мессершмитъ; Палласъ же знаетъ только Ой и нѣсколько выше его ручей Шушъ (623), впадающій въ Енисей съ правой стороны при деревнѣ Шушской и орошающій широкую степь праваго прибрежья Енисея ниже Саянска и ближайшей прибрежной деревни Каптеревой. Горы отстоятъ здѣсь далеко отъ Саянской степи, да и самый лѣсъ остается въ сторонѣ отъ рѣки. Обширная же степь покрыта многочисленными курганами, которые уже всѣ опустошены русскими искателями кладовъ, превратившими это занятіе въ особый промыселъ. Теперь

(621) Gmelin Sibir. R. III. p. 292; Pallas R. R. III. p. 381.
(622) Messerchmidt l. c. въ Asia polyglotta p. 149.
(623) Pallas R. R. III p. 390.

въ этихъ чудскихъ могилахъ находятся только скелеты, да остатки оружія. Богатыхъ могилъ вообще было здѣсь мало потому, какъ думаетъ Палласъ, что и тогда, какъ теперь, самые зажиточные кочевники держались на западной сторонѣ Енисея и Абакана, оставляя лѣсистую и удобную для охоты сторону бѣднѣйшимъ изъ нихъ. Кому могли принадлежать укрѣпленія, которыхъ остатки въ нѣсколько линій, длиною до 1000 шаговъ, находятся на ручьѣ Шушѣ, — намъ неизвѣстно. Можетъ быть многочисленные курганы свидѣтельствуютъ, какъ курганы троянской равнины о томъ, что здѣсь было поле битвы. Деревня Шушская, въ 1772 г., состояла изъ 26 дворовъ зажиточныхъ крестьянъ и 5 казачьихъ домовъ. На Оѣ во времена Мессершмита (1721) ([624]) обитали еще остатки самоѣдскаго племени Циза или Циляръ, которыхъ впрочемъ значительнѣйшая часть уже перекочевала съ киргизами. Отъ Шуша на с.-в. къ р. Ой слѣдовалъ Палласъ по другой дорогѣ, черезъ низменную кочковатую степь, вдоль праваго берега Енисея; Ой, въ половодье, имѣлъ при впаденіи въ Енисей 60 саж. ширины. Переправа черезъ него не безопасна, и только ниже есть черезъ рѣку паромъ въ Усть-ойской деревнѣ, обитаемой и крестьянами и казаками, служащими пограничною стражею. Здѣсь распространяются пласты краснаго песчаника ([625]), составляющіе ниже Абакана лѣвый берегъ Енисея, а здѣсь переходящіе и на правый. Они распространяются вверхъ по Енисею немного далѣе, образуя какъ бы заливъ, окруженный кристаллическими породами южнаго хребта, а также ограниченный тѣми же породами и съ сѣверной стороны. А именно гранитъ переходитъ черезъ Енисей между Абаканскомъ и Красноярскомъ и простирается къ югу. Руды находятся въ породѣ только гнѣздами при устьѣ Оя. Отъ Усть-Ойской деревни въ 10 г. м. (70 вер.) вверхъ по Ою при устьѣ Кебеша лежалъ Ой-Кебешскій караулъ ([626]), при подошвѣ горнаго хребта

(624) Messerchmidt l. c. въ Asia polyglotta p. 153 not.
(625) Pallas R. R. T III p. 394.
(626) Ibid. III. p. 391.

а 7 или 8 г. м. оттуда при впаденіи въ него ручья Нарисса караулъ Нариссогойскій. Сей послѣдній лежитъ ближе къ Енисею, въ 23 г. м. (163 в.) къ з. отъ Абаканскаго караула; разстояніе же его отъ Абаканскаго острога составляетъ 27½ г. м. (193 вер.) ([627]). Изъ этихъ обоихъ казачьихъ пикетовъ ежегодно производился осмотръ пограничной линіи. Они лежатъ въ одной линіи съ упомянутыми уже выше, а именно: 1) Таштыпскій караулъ, 2) Абаканскій, 3) Саянскій, 4) Нариссогойскій, 5) Ой-кебешскій и далѣе къ в. 6) Шадатскій на Амулѣ или Тубѣ, ведущій насъ къ 4-му правому притоку Енисея—Тубѣ. Пестеревъ перечисляетъ только 5 карауловъ, пропуская Нариссогойскій ([628]). Въ каждомъ изъ этихъ пикетовъ содержалось по 10 казаковъ, посѣщавшихъ пограничные знаки высокой цѣпи: изъ Нариссогойскаго караула—знакъ при устьѣ Кемчика и Хойнинъ-Даванъ, лежащій отъ караула въ 8 г. м. (57 в.) къ ю. за Усомъ. Изъ Ой-кебешскаго караула до того же пограничнаго знака считается 15½ г. м. (108 вер.), а до знака на истокѣ Уса всего только 10 г. м. (70 вер.). Послѣдній посѣщался и изъ Шадатскаго караула. Горы такъ дики и опасны, что едва проходимы въ лучшее время года, да и то всадникъ часто бываетъ принужденъ слѣзать съ лошади и гнать ее передъ собою. Между растеніями, покрывающими эти горы, Палласъ въ особенности слышалъ по разсказамъ казаковъ о верескѣ (Iuniperus sabina) и желтой альпійской розѣ (Rhododendron chrysanthum) ([629]), которая растетъ здѣсь на обнаженныхъ мшистыхъ предгоріяхъ снѣжныхъ горъ, также какъ далѣе къ в. въ Дауріи на Становомъ хребтѣ. Безспорно растетъ здѣсь также и прекрасная даурская альпійская роза (Rhododendron dauricum) ([630]), которую можно узнать во всякое время года по

---

(627) Ibid. III. p. 366, 391.
(628) Pesterev l. c. I p. 170.
(629) Pallas R. R. III p. 369. App. Descr. plant. p. 729; Tabul. N fig. 1.
(630) Pallas R. R. III p. 96, 303.

ея вѣчно зеленымъ листьямъ. Она распространена въ особенности во всѣхъ лѣсахъ и гористыхъ болотахъ за Удою по всей Дауріи, но была находима Бунге и на Урсулѣ, а по свидѣтельству Палласа украшаетъ и Саянскія горы. Въ высокихъ же горахъ собственно по обѣимъ сторонамъ Енисея: Хойнинъ-Даванѣ на в. и Шабина-Даванѣ на з. всѣ скалы и тропинки, ведущія къ пограничнымъ столбамъ, покрыты Rhododendron chrysanthum. Тамошніе Койбалы употребляютъ его въ лекарство и называютъ кашкара или трава сабина. Татары же называютъ ее чай, потому что употребляютъ ея листья въ напитокъ, на подобіе чая. Но этотъ напитокъ производитъ пустоту въ головѣ, а сокъ этого растенія—опьяненіе, которое впрочемъ скоро проходитъ. Казаки привозятъ всегда эту лекарственную траву съ своихъ пограничныхъ поѣздокъ въ подарокъ своимъ знакомымъ.

г) *Туба* ([631]), которую татары, по свидѣтельству Палласа, называютъ Убса, есть 4-й изъ вышеприведенныхъ правыхъ притоковъ Енисея. Онъ получаетъ свое имя только 2 г. м. (15 в.) выше деревни Курагинской, гдѣ образуется изъ сліянія Козыра (справа) и Амуля (слѣва), текущихъ съ ю.-в. Немного ниже соединенія этихъ рѣкъ, на Тубѣ, при впаденіи ручья Шадата находился Шадатскій караулъ, о которомъ была уже рѣчь выше. Во времена Палласа (1772) это былъ главный восточный караулъ Красноярской области; разстояніе его отъ перваго Удинскаго караула было тогда не измѣрено, по дикости промежуточныхъ горъ. Ниже Шадатска и Курагинскаго по рѣкѣ Тубѣ въ 1772 г. существовало 6 деревень: Пойлово, Шалаболинское, Лиссаково, Мальцово, Копрановское и Тубинскій городокъ: три первыя на правомъ, три послѣднія на лѣвомъ берегу. Послѣднее мѣсто лежитъ только въ 10 вер. отъ впаденія Тубы въ Енисей, которое находится на 19-ть верстъ сѣвернѣе устья Абакана. Около соединенія этихъ трехъ рѣкъ возникъ съ тѣхъ поръ окружный городъ Минусинскъ. Туба есть самая обитае-

(631) Ibid. III. p. 397, 391, 392.

мая изъ рѣкъ выше Абаканска. Пестеревъ ([632]) выходилъ обыкновенно изъ Шадатска на свои обзоры границъ, изъ которыхъ такъ ясно оказывается недостатокъ свѣдѣній объ этихъ мѣстностяхъ. Амуль есть сильнѣйшая вѣтвь системы Тубы. Онъ получаетъ много притоковъ изъ Эргикъ-Таргэкъ-Тайга или пограничнаго хребта. Здѣшніе туземцы—Моторы, бѣдное самоѣдское племя, живущее охотою, поднимаются на немъ въ берестяныхъ лодкахъ ([633]). Амуль есть, по свидѣтельству Палласа, замѣчательнѣйшая вѣтвь системы, потому что она окружена высокими лѣсистыми горами и беретъ начало изъ озера Маджара, на которомъ находится много островов и которое богато крупною рыбою. Здѣсь, и преимущественно на лѣсистыхъ островахъ озера, во времена Палласа, происходилъ лучшій въ странѣ уловъ соболей. Татары отправлялись туда верхомъ до озеръ, переправлялись на острова на плотахъ и предавались случайностямъ охоты до тѣхъ поръ, пока уже имъ приходилось возвращаться по льду. По свидѣтельству Пестерева ([634]) рыба въ Амулѣ многочисленна и превосходна, и казакамъ случалось одною сѣтью вытаскивать ее столько, что вся лодка наполнялась ею. На притокахъ Амуля, также какъ на притокахъ Оя и Уса много бобровъ и выдръ. Озеро же богато омулями (Salmo migratorius), спускающимися по Тубѣ.

Мессершмитъ ([635]) слышалъ, что р. Амуль, въ среднемъ ея теченіи, именно тамъ, гдѣ, слѣдуя отъ нее прямо къ ю., можно выйти на Кою, восточную вѣтвь Оя, называютъ также Амуль-уса. Ни одинъ наблюдатель не посѣтилъ этой рѣки до ея истока, а потому Пестеревъ даже не упоминаетъ о томъ, что озеро Маджаръ, посѣщаемое Моторами, принадлежитъ къ Амулю. Однакоже и озеро и рѣка Мазаръ, которую онъ сое-

---

(632) Pesterev l. c. p. 125, 132, 145, 169.
(633) Pesterev. l. c. p. 132. Asia polyglotta. p. 153.
(634) Pesterev. l. c. p. 169.
(635) Klaproth Asia polyglotta. p. 149. Not.

диняетъ съ р. Тюдгетъ, текущею изъ озера Тигиръ-Куль, есть то же что Маджаръ Палласа; только Пестеревъ заставляетъ впадать свой Мазаръ въ сѣверную вѣтвь Амуля Козиръ. Въ Мазарѣ по его свидѣтельству ловятся таймени (Salmo hucho), щуки въ 3 и 4 пуда и сиги (Sulmo lavaretus) въ $^3/_4$ ар.

Пестеревъ, проникшій въ 1777 г. съ в. къ з. изъ Окинска черезъ дикія горы Эргикъ-Таргэкъ, слѣдовалъ отъ 6-го столба на Торосъ-Даванѣ (лежащаго въ 54 г. м. или 378 в. отъ 5-го пограничнаго столба Кенджен-Маданъ близь истоковъ Уса) ([636]) по государственной границѣ, мимо истоковъ Енисея. Онъ хотѣлъ найти истоки Амуля, но не нашелъ ихъ, заблудившись слишкомъ далеко къ ю., что и доказываетъ малое знаніе этой страны. Слѣдуя по неизвѣстнымъ тропинкамъ, Пестеревъ ([637]) искалъ пограничную линію то въ русскихъ, то въ китайскихъ владѣніяхъ, но не нашелъ ничего замѣчательнаго до тѣхъ поръ, пока не набрелъ наконецъ на рѣку, которую принялъ за Амуль. Здѣсь онъ встрѣтилъ партію охотившихся алтайскихъ сойотовъ изъ племени Тожинъ. Мѣстность до сихъ поръ была гориста и камениста, но отъ времени до времени появлялась и порядочная почва. Рѣка текла къ ю. и хотя Пестеревъ зналъ, что Амуль течетъ къ з., онъ слѣдовалъ по ней, принимая ее за Амуль и полагая, что она повернетъ къ з. Послѣ двухъ часовъ пути вдоль рѣки (5 вер.) встрѣтилъ онъ оставленное кочевье; онъ полагалъ, что оно принадлежало Моторамъ Красноярской области. Но такъ какъ по ближайшему осмотру нашлась здѣсь голова сѣвернаго оленя, то это не могли быть русскіе подданные Моторы, потому что они не держатъ оленей и слѣдовательно рѣка эта не могла быть Амуль. Однакоже Пестеревъ изъ любознательности отправился далѣе по рѣкѣ для того, чтобы познакомиться съ прибрежными ея жителями. Черезъ 3 часа (10 вер.) онъ встрѣтилъ

(636) Klaproth Frontiére russe l. c. I p. 23.
(637) Pesterev l. c. I p. 137—145.

уже юрты китайскихъ сойотовъ. Обитатели ихъ, никогда невидавшіе русскихъ, были очень смущены и вступили въ разговоръ только по полученіи небольшихъ подарковъ и угощеніи чаемъ. Пестеревъ узналъ отъ нихъ, что рѣка, на которой они находились, совсѣмъ не Амуль, а Систи-гемъ. Это есть одинъ изъ главныхъ притоковъ верхняго Енисея и протекаетъ уже совершенно въ территоріи китайской провинціи Уляссутай. Одинъ изъ сойотовъ поспѣшилъ къ начальнику округа, съ донесеніемъ о случившемся. Уже на слѣдующій день (8 августа 1777) ухериде, т. е. китайскій чиновникъ Самону-Сангинъ-Мупке, начальникъ племени Тожинъ, жившій въ 2 г. м. (15 в.) отъ юртъ сойотовъ, прислалъ трехъ зайсановъ своего округа, которые съ поклонами и колѣнопреклоненіями приглашали къ себѣ Пестерева. Пестеревъ отзывался, что ему нѣтъ времени и говорилъ, что лошади его устали, но все это не помогло. Зайсаны отъѣхали и начали совѣщаться о чужеземцѣ, котораго они приняли не за пограничнаго коммиссара, а за шпіона и за предвѣстника нападенія. Они вернулись съ 10-ю вьючными лошадьми для Пестерева и его 6 спутниковъ, и русскіе рѣшились послѣдовать за сойотами для избѣжанія враждебныхъ ихъ дѣйствій. Вечеромъ Пестеревъ прибылъ къ ухеридѣ ([638]), принявшему его въ клеенчатой палаткѣ. Ухерида встрѣтилъ русскихъ въ длинномъ пестромъ халатѣ, на которомъ превосходно вышиты были разноцвѣтныя птицы. Поясъ былъ серебряный, за поясомъ кинжалъ съ рукояткою, украшенною драгоцѣнными камнями, въ серебряныхъ ножнахъ. Его темнокрасная шелковая шапка, съ чернымъ бархатнымъ поднятымъ кверху околышемъ, была украшена серебряною пуговицею съ краснымъ драгоцѣннымъ камнемъ — знакомъ его достоинства. Сзади этой пуговицы въ серебряную трубочку были вставлены павлиньи перья, данныя ему императоромъ. До 30 субальтерныхъ офицеровъ окру-

(638) Pesterev l. c. I p. 140.

жали его. Онъ встрѣтилъ русскихъ привѣтствіями; послѣ обычныхъ вопросовъ о благополучномъ состояніи обѣихъ имперій, началось угощеніе чаемъ и бараниной. Только послѣ угощенія, ухерида началъ упрекать своего гостя въ томъ, что онъ нарушилъ пограничныя права. Сей послѣдній оправдывался тѣмъ, что нигдѣ не встрѣтилъ стражи. На слѣдующій день ухерида явился на зовъ Пестерева въ его палатку, подарилъ людямъ его убитаго быка, но не хотѣлъ согласиться на предложеніе Пестерева проводить его до границы съ тѣмъ, чтобы поставить пограничный знакъ, отвѣчая ему то шутками, то обиднымъ упрекомъ, что онъ шпіонъ или торговецъ, перешедшій границу. Пестеревъ отвѣчалъ, что если онъ не вѣритъ въ его званіе какъ пограничнаго коммиссара, то пусть представитъ его главнокомандующему областью (Уляссутая). Но ухерида не согласился на это, угрожая Пестереву осмотромъ его вьюковъ, въ которыхъ ему конечно хотѣлось найти что нибудь для себя. Между тѣмъ онъ сдѣлалъ видъ, что отправилъ рапортъ главнокомандующему области, а самъ послалъ людей осмотрѣть дорогу, по которой пришелъ Пестеревъ. Они не нашли ничего особеннаго, кромѣ веревки, протянутой по песку; тогда китайцы рѣшили осматривать вьюки. Русскій однакоже перехитрилъ китайца, удержавъ его разными разговорами и приглашеніями внѣ своей палатки до самой ночи; въ полночь же бросилъ всѣ вещи, казавшіяся ему подозрительными какъ-то веревки, астролябію, буссоли и всѣ лишнія бумаги въ Систигемъ, на которомъ впрочемъ уже поставленъ былъ караулъ изъ 20 сойотовъ для того, чтобы помѣшать русскимъ изслѣдовать эту рѣку. Буссоль поставили посреди палатки, а въ мѣшкѣ остались только письма и бѣлая бумага. На другой день съ ранняго утра начался осмотръ. Такъ какъ ничего подозрительнаго найдено не было, Пестеревъ былъ признанъ пограничнымъ коммиссаромъ и по прошествіи нѣкотораго времени получилъ обѣщаніе, что его проводятъ до границы Хойнинъ-Давана или къ истоку Ишима. Ухерида дѣйствительно сдержалъ слово, но

только на 18-й день мѣсяца перешелъ на первый разъ 5 вер. ниже къ р. Камсарѣ, остановился тамъ опять и выслалъ своихъ сойотскихъ стрѣлковъ изъ лука на охоту; они убили для него до 30 козъ и маралей. Пестеревъ долженъ былъ выжидать терпѣливо. Причиною проволочки было, какъ казалось, ожиданіе повелѣній отъ главнокомандующаго. Ночевали на р. Утъ. На слѣдующее утро ухерида вошелъ въ палатку Пестерева съ запечатаннымъ письмомъ. Этимъ письмомъ, какъ говорилъ ухерида, предписывалось отослать Пестерева въ Иркутскъ съ конвоемъ въ 10 человѣкъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, говорилъ онъ, у него спрашивали: какимъ образомъ пропустилъ онъ иностранца такъ далеко въ китайскіе предѣлы? Когда же Пестеревъ при позднемъ времени года отказывался возвратиться въ Иркутскъ, то ухерида грозилъ препроводить его силою. Пестеревъ требовалъ, чтобы его доставили къ ближайшей русской границѣ, грозилъ жалобою своему начальству и соглашался скорѣе быть доставленнымъ въ Кяхту или Уляссутай, чѣмъ по дальнимъ и труднымъ дорогамъ въ Иркутскъ. Цѣлый день прошелъ въ спорѣ. На слѣдующій день ухерида сдѣлался снисходительнѣе и обѣщалъ своему плѣннику доставить его на русскую границу. Вожаки повели русскихъ по указанію китайцевъ. Съ высокой горы показали Пестереву ручей, по которому шла дорога, казавшаяся издали ровною. Пестеревъ вскорѣ вышелъ на Кандатъ, который нѣсколько ниже впадаетъ въ Амуль (та ли эта рѣка, которая на картѣ Енисейской губерніи показана текущею къ с. въ Амуль подъ именемъ Тайгохъ?) Пестеревъ былъ чрезвычайно удивленъ тѣмъ, что вмѣсто пространства, казавшагося ему степью, онъ не нашелъ на этомъ южномъ притокѣ Амуля на протяженіи 3 г. м., ничего кромѣ горѣлаго лѣса, переплетеннаго густою травою и поросли. Непроходимыя, усѣянныя скалами болота простирались по обоимъ берегамъ Кандата. Пестеревъ долженъ былъ съ ужаснымъ трудомъ для своихъ людей прокладывать дорогу; три дня путники боролись съ голодомъ, потому что ухерида Мунке далъ имъ только очень мало

мяса и, какъ видно, желалъ наказать ихъ обративъ ихъ на самый дурной путь. Наконецъ 3-го сентября всѣ трудности были преодолѣны и путешественники достигли до Шадатскаго караула, откуда легко могли ѣхать въ Абаканскъ. Такимъ образомъ кончилась непріятная прогулка по китайскимъ владѣніямъ; свѣдѣнія, собранныя о тамошнихъ ордахъ и пограничной провинціи Уляссутай, будутъ приведены ниже. Въ слѣдующемъ 1778 г. Пестеревъ ([639]) узналъ, что ухерида Мунке былъ строго наказанъ за свой поступокъ китайскими властями. Письмо, полученное имъ отъ начальства, оказалось выдумкою, и весь его поступокъ былъ собственнымъ его произволомъ. Потомъ онъ отправился въ Уляссутай съ донесеніемъ къ своему начальнику, надѣясь получить награду за свои дѣйствія. Но уляссутайскій губернаторъ сдѣлалъ ему строгій выговоръ за дурное обращеніе его съ пограничнымъ русскимъ чиновникомъ, исполнявшимъ свою обязанность, въ силу трактата. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нарушилъ гостепріимство, тогда какъ онъ былъ обязанъ, если не зналъ какъ поступить съ русскимъ чиновникомъ, доставить его въ Уляссутай, гдѣ его приняли бы очень ласково. Въ наказаніе китайскій губернаторъ велѣлъ, связавъ руки Мунке и заковавъ ноги въ деревянныя колодки, повѣсить его на три дня на крюкъ, съ тѣмъ чтобы научить его любезному обращенію съ русскими сосѣдями. Этотъ замѣчательный разсказъ объясняетъ намъ положеніе пограничной области и отношенія побѣдителей къ побѣжденнымъ, даже къ ихъ князьямъ. Онъ очень поучителенъ также для предпріятій подобнаго рода, и даетъ надежду, что нынѣ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, есть возможность проникнуть за китайскую границу для научныхъ цѣлей.

Кандатъ и Амуль суть слѣдовательно южные верхніе притоки Тубы; Козыръ ([640]) и Кегиръ (по свидѣтельству Пестерева и карты Енисейской губерніи третья самостоятельная рѣ-

---

(639) Pesterev l. c. I p. 151.
(640) Pallas R. R. III, p. 391.

ка, о которыхъ мы ничего не знаемъ кромѣ того, что въ одну изъ нихъ съ с.-в. впадаетъ ручей Химда), суть сѣверные притоки Тубы. Съ горъ, въ которыхъ они берутъ начало, къ с. и с.-в., текутъ рѣки Канъ, Бирюса и Уда, болѣе сѣверные большіе притоки системы Енисея, лежащіе между нимъ и выходомъ Ангары изъ Байкала. Пестеревъ (641) два раза проходилъ съ Кана черезъ ручей Химда на Тубу, мимо соединенія всѣхъ четырехъ вѣтвей и въ Шадатскій караулъ. Между Каномъ и ручьемъ Химда кочуютъ Камаши, на Козырѣ Кандинцы. Въ истокѣ Козыра, по свидѣтельству Пестерева (642), возвышается, между множествомъ скалистыхъ горъ, очень высокая гора Эпія. Издали гора эта походитъ на столбъ, и на вершинѣ ея есть вѣчный снѣгъ. Высота ея слѣдовательно значительна и вѣроятно не менѣе 6000 ф. При хорошей погодѣ она покрыта шапкою облаковъ; какъ скоро эта шапка расширяется, то падаетъ дождь. Вотъ все, что мы знаемъ о сихъ четырехъ притокахъ Енисея изъ очень спутанныхъ и несвязныхъ показаній, дающихъ намъ однакожъ понятіе о природѣ пограничнаго хребта, къ пограничнымъ знакамъ котораго мы опять возвращаемся.

5. *Пограничный знакъ* Кенджень-Маданъ № 20, только $2^1/_2$ г. м. (19 верстъ) къ в. отъ 4-го на Усѣ (см. выше стр. 435).

6. *Пограничный знакъ на горѣ Торосъ Даванъ* (643) № 19, 54 г. м. (378 в.) къ в. отъ предъидущаго (см. выше стр. 443); этотъ горный проходъ Торосъ лежитъ между истоками Камсара-Кема, впадающаго въ Бей-Кемъ, и Беде-Кема, впадающаго съ правой стороны въ Камсара-Кемъ.

7. *Пограничный знакъ на восточной оконечности горы Эрикъ-Таргэкъ-Тайга* № 18. Онъ лежитъ при источникѣ Тенгизъ, текущемъ къ ю. и впадающемъ въ Шишкитъ. Пограничный знакъ находится въ 19 г. м. (133 в.) къ в. отъ Тороса.

---

(641) Pesterev l. c. I. p. 125—130.
(642) Ibid. I p. 168.
(643) Klaproth Frontière russe l. c. 21 p. 25.

8. *Пограничный знакъ на горѣ Нухетъ-Даванъ* № 17, при истокѣ Наринъ-хоро, впадающаго на китайской сторонѣ въ озеро Коссоголъ. Отъ этого маяка, лежащаго въ 2 г. м. (13 вер.) отъ предъидущаго, начиналась прежде Красноярская область. На картѣ Иркутской губерніи на ю.-в. истокѣ р. Оки означенъ караулъ Наринъ-Хоройскій.

9. *Пограничный столбъ* № 16, Хангинскій, на с.-з. оконечности горной цѣпи Гурби, гдѣ беретъ начало р. Ханка, текущая на ю. въ озеро Коссоголъ (см. Т. II стр. 196, 231, 233), слѣдовательно принадлежащая къ системѣ Селенги. Хангинскій столбъ находится въ 7 г. м. (46 вер.) отъ предъидущаго № 17-го. Прежде, недалеко отъ устья р. Ханки, стоялъ выстроенный русскими Коссогольскій острогъ. Около этого большаго горнаго озера простирается хребетъ Гурби (644) пограничныхъ трактатовъ, прежде называемый русскими Тункинскими горами (напр. на Strahlenberg mappa Sibiriae). Здѣсь, въ Тункинскомъ округѣ, беретъ начало Иркутъ, текущій на в. въ Байкалъ. Онъ протекаетъ мимо Тункинскаго острога, послѣдняго въ точности опредѣленнаго нерчинскимъ трактатомъ 1689 и повѣркою границъ въ 1727 г. пограничнаго поста къ з. отъ Кяхты. Вотъ гдѣ оканчиваемъ мы перечисленіе пограничныхъ знаковъ, потому что, слѣдуя линіи ихъ, мы уже перешли истоки Енисея. Озеро Коссоголъ лежитъ ниже истока р. Ханка, вытекающей недалеко отъ пограничной станціи Хангинской, означенной на картѣ Иркутской губерніи къ ю. отъ истока Иркута. Сложность разстояній, показанная между девятью поименованными пограничными столбами, составляетъ около 100 г. м., а именно 693 вер. До сихъ поръ простирается, слѣдовательно, рѣчная область Енисея, а отсюда начинаются области Иркута, Селенги и вообще озера Байкала. Продолженіе этого перечисленія пограничныхъ знаковъ отъ горъ Гурби, черезъ горы Уденъ-сунъ къ Байкалу, Селенгѣ и Кяхтѣ, послѣдуетъ ниже. Караулы (645) здѣсь, какъ

(644) Ibid. I p. 24.
(645) Speransky Allg. Uebers. Sibiriens въ Oldekop X, p. 260.

и въ рѣчной области Енисея, лежатъ сѣвернѣе самыхъ знаковъ и не должны быть смѣшиваемы съ ними; взаимное разстояніе ихъ въ Тункинскомъ округѣ составляетъ отъ 2 до 17 г. миль (15—123 вер.).

Здѣсь мы должны еще прибавить свои комментаріи къ ближайшему географическому опредѣленію упомянутыхъ пограничныхъ знаковъ 7-го, 8-го и 9-го. Воды, текущія тутъ на сибирскую сторону, были посѣщены Пестеревымъ; къ сообщаемымъ же имъ свѣдѣніямъ остается намъ присовокупить критически изложенныя данныя о рѣкахъ, текущихъ въ китайскихъ предѣлахъ, т. е. о верхнихъ притокахъ Енисея.

Отъ упомянутаго 9-го пограничнаго столба Хангинскаго, мимо верховьевъ р. Иркута, проходитъ отъ з. къ в. пограничная горная цѣпь Гурби, которую также можно назвать Коссогольскою цѣпью. Длина ея не превосходитъ 9 г. м. до начала дикой горной цѣпи Эргикъ-Таргэкъ-тайга, которая, отъ восточной своей оконечности—горы Нукету, простирается къ з. до Кенджень-мадапа и склона своего къ р. Усъ на 75 г. м. (524 вер.). Отсюда, до берега Енисея при Саянскѣ, на продолженіе пограничной цѣпи, до поперечной долины этой рѣки, приходится еще 17 г. м. (123 в.).

Точнѣйшимъ знакомствомъ съ восточными ея частями въ сибирскихъ предѣлахъ обязаны мы только отчетамъ Пестерева, который посѣтилъ къ з. отъ Байкала верховья всѣхъ сибирскихъ рѣкъ системы Енисея, текущихъ сначала безъ исключенія съ ю. къ с., и слѣдовательно болѣе или менѣе паралельныхъ между собою. Онъ посѣтилъ эти рѣки за Иркутомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: а) Ока, б) Ія (впадаютъ съ лѣвой стороны въ Ангару), в) Уда, г) Бирюса (обѣ соединяются подъ именемъ Чуны и впадаютъ съ лѣвой стороны въ Тунгузку) и д) Канъ, протекающій мимо Канска и впадающій въ Енисей ниже Красноярска. Пестеревъ доходилъ всегда до истоковъ этихъ рѣкъ на границѣ имперіи, и иногда, послѣ нѣсколькихъ

попытокъ, можно сказать открывалъ ихъ. Также доходилъ онъ, какъ мы уже замѣтили выше, до верховьевъ Тубы и Амуля.

а) *Ока* и б) *Iя*. Въ 1773 г. Пестеревъ слѣдовалъ съ большой и малой Оки ([646]) къ Iѣ, которая впадаетъ въ первую при деревнѣ Архангельской, между тѣмъ какъ большая Ока впадаетъ въ Ангару при Братскомъ острогѣ (Бурятскомъ? см. Т. II стр. 320). Въ то время для этихъ мѣстностей нельзя было достать опытныхъ вожаковъ и въ новѣйшее время сибирскіе генералъ-губернаторы ([647]) причисляли верховья Оки и Уды, также какъ и Телецкое озеро, къ самымъ малоизвѣстнымъ мѣстностямъ Сибири. Георги ([648]) впрочемъ разсказываетъ, что уже въ 1764 и 65 годахъ восходила ученая экспедиція подъ начальствомъ иркутскаго городоваго медика Ваксмана, для разысканія настоящаго ревеня, съ Ангары въ Байкальскія и Саянскія горы до Iи, и что сопровождавшій экспедицію топографъ снялъ точную карту этой мѣстности, которая вмѣстѣ съ дневникомъ находится въ иркутской губернаторской канцеляріи. Однако же Пестеревъ не зналъ этой карты и мы не могли найти и слѣдовъ этой работы, которая вѣроятно принадлежитъ къ многочисленнымъ сокровищамъ, пропадающимъ безъ пользы въ Сибири. На Окѣ былъ основанъ редутъ, а недалеко отъ него казацкій пограничный пикетъ. Именно въ этотъ Окинскій караулъ ([649]) привелъ Пестеревъ въ 1774 казацкую команду изъ сосѣдняго Тункинскаго округа. Караулъ лежитъ въ высокихъ горахъ и былъ присоединенъ къ Иркутскому намѣстничеству только въ 1772 г. По разспросамъ Палласа ([650]) въ 1772 г. разстояніе этого Окинскаго караула отъ послѣдняго пограничнаго караула кяхтинской дистанціи составляетъ 23 г. м. (161 вер.), отъ горъ Гурбанъ (Гурби) 19 $1/2$ г. м. (137 в.), а отъ Ховнъ

(646) Pesterev Rem. l. c. I p. 125.
(647) Speransky въ Oldekop. St. Petersb. Zeitschr. 1823 T. X, p. 277.
(648) Georgi R. im R. R. 1772. St. Petersb. 4. T. I, p. 148.
(649) Pesterev l. c. p. 136.
(650) Pallas R. R. T. III, p. 300.

*

Давана 20 г. м. (139 в.); болѣе западный Удинскій пограничный караулъ находится отъ Окинскаго въ 22 г. м. (154 вер.). Противъ Окинскаго караула на другой сторонѣ Оки живутъ платящіе ясакъ буряты, зависящіе отъ Тункинска. Они очень бѣдны, имѣютъ мало скота, обработываютъ маленькія пашни и торгуютъ скотомъ и звѣриными шкурами. Зимою питаются они сыромъ, корнями сараны (Lilium Martagon) и марьинымъ корнемъ (Paeonia officinalis), также какъ и сушеными стеблями листьевъ Rheum Rhaponticum. На верховьяхъ Оки и ея притоковъ много дичи: лосей, маралей, оленей, каменныхъ барановъ, какъ и на Усѣ, рысей, соболей и бѣлокъ. Ясакъ свой буряты платятъ мѣхами двухъ послѣднихъ, а за недостаткомъ ихъ—серебромъ.

Лѣвый западный притокъ окинской системы, текущій съ Эргикъ-Таргэкъ-тайга, есть Ингулакъ ([651]). Онъ впадаетъ въ юговосточную вѣтвь системы, текущую къ с.-з. мимо Наринъ Хоройскаго караула. Три вѣтви Оки, сливающіяся выше устья Ингулака, названы на китайскихъ картахъ Гурбанъ-менъ-неши ([652]) и отъ нихъ-то вѣроятно и сосѣднія горы получили названіе Гурби. Ингулакъ беретъ начало въ высокихъ скалистыхъ горахъ. Въ верховьяхъ его находится круто поднимающаяся долина, въ которой нѣтъ ни лѣса, ни травы. Вся она состоитъ изъ черныхъ скалъ, похожихъ на металлосодержащій минералъ и, какъ говоритъ Пестеревъ, какъ бы искуственно пробита въ немъ. Если проходить этотъ оврагъ пѣшкомъ, то можно разорвать себѣ всю обувь прежде чѣмъ достигнешь до его конца: до такой степени остры его камни. Лошадямъ также трудно проходить по обломкамъ (не лавы ли или стекловидныхъ шлаковъ?). Эта черная горная порода простирается вдоль береговъ Ингулака до самой Оки. Въ томъ же черномъ скалистомъ хребтѣ находятся и истоки Енисея; въ

(651) Pesterev l. c. p. 136.
(652) Ibid. p. 124 и Not.

здѣшнихъ горахъ всегда слышенъ глухой шумъ водъ, стремящихся изъ-подъ камней. Къ в. отъ трехъ истоковъ Гурбанъ-менъ-неши беретъ начало Тенгиръ. Съ истоковъ Ингулака, описаніе которыхъ невольно наводитъ на мысль о кратерѣ и застывшемъ потокѣ лавы, Пестеревъ достигъ до ближайшаго пограничнаго знака Торосъ-даванъ, а оттуда обратился на ю. къ Систи-кему. Пестеревъ (653) замѣчаетъ, что большая Ока орошаетъ близъ Окинскаго караула только узкую степную и большею частію каменистую долину, въ которой нельзя развести пашень, а потому казаки получаютъ провіантъ изъ Тункинскаго острога. На берегахъ Оки растутъ береза, лиственница, пихта, ель, а изъ ягодъ только рябина (Sorbus aucuparia), да красная и черная смородина. Въ ближайшихъ горахъ растетъ кедръ (Pinus cembra), котораго орѣхи впрочемъ рѣдко созрѣваютъ, немного земляники, а въ болотахъ голубика и другіе кустарники. Ока богата рыбою: тайменями (Salmo hucho), ленками (S. salvelinus), харіусами (S. thymallus), сигами (S. lavaretus); щукъ и окуней мало. Въ лѣсахъ много тетеревовъ, куропатокъ и рябчиковъ. Упомянутыхъ видовъ форели много и во всѣхъ западныхъ притокахъ Оки, Іи, Уды, въ большой и малой Бирючѣ, большомъ и маломъ Канѣ и верхнихъ притокахъ Амуля. Точно также распространены и растенія, и кедръ встрѣчается еще чаще въ истокахъ упомянутыхъ рѣкъ.

в) *Уда.* Отъ Окинскаго редута и караула казачій конвой проводилъ Пестерева на Уду (654), которая ниже и далѣе къ с. протекаетъ мимо города Нижне-Удинска (см. Т. II стр. 307) и подъ именемъ Чуны впадаетъ въ Ангару уже тамъ, гдѣ сія послѣдняя получаетъ названіе верхней Тунгузки. Удинскій острогъ (655) былъ построенъ въ 1644 на большой дорогѣ и служилъ прежде только караульнымъ домомъ для строенія, которое было предназначено

---

(653) Pesterev l. c. p. 167—168.
(654) Ibid. p. 135.
(655) Gmelin Sibir. R. III p. 393.

къ тому, чтобы служить магазиномъ звѣриныхъ шкуръ, собираемыхъ казною въ видѣ ясака. Во время проѣзда Гмелина въ 1740 г. здѣсь было только 4 дома, кругомъ жили буряты. Пестеревъ хотѣлъ поставить казацкій пикетъ ближе къ границѣ на верхнюю Уду и именно въ Удинскій караулъ, который, по свидѣтельству Палласа (656), находится въ $27^1/_2$ г. м. (192 вер.) къ ю. отъ города Удинска, на р. Удѣ, при впаденіи въ нее ручьевъ Карабуренъ и Кудручу. Караулъ этотъ находится только въ 6 г. м. ($42^1/_2$ вер.) отъ пограничнаго знака на горахъ Иргенъ-Таргакъ, и близь горы Мустигъ-тагъ. Такъ какъ во времена Палласа, т. е. до Пестерева, этотъ караулъ былъ занятъ только таёжными татарами изъ родовъ Карагасъ и Кангатъ, то онъ назывался Удинскимъ таежнымъ карауломъ. Пестеревъ приказалъ выстроить здѣсь постоялый дворъ для пріѣзжихъ; прежде окрестные народы были почти совершенно неизвѣстны. Этотъ караулъ есть безъ сомнѣнія тотъ самый, который на картѣ Иркутской губерніи означенъ именемъ Нижне-Удинскаго. Въ Уду течетъ съ ю.-з., съ Эргикъ-Таргэка, изъ окрестностей Торосъ-давана, ручей Сенцза; при впаденіи его въ Уду на лѣвомъ его берегу Пестеревъ нашелъ два теплые источника, которые въ прежнія времена были выложены камнемъ на 10 ф.; камень этотъ поднимался надъ почвою еще на 1 ф. Температура ключа была такова, что можно было держать въ немъ руку только короткое время. Бурятовъ, живущихъ около Удинскаго острога, называютъ подостроженцами (657); они дѣлятся на 5 племенъ: 1) Корчунъ, 2) Шурто, 3) Байбери, 4) Турали, 5) Каранотъ. Многіе изъ нихъ вступили въ бракъ съ русскими, занимаются земледѣліемъ, косятъ сѣно и живутъ какъ русскіе крестьяне, между тѣмъ какъ другіе остались кочевниками. Они держатъ лошадей, рогатый скотъ и овецъ, но

---

(656) Pallas R. R. III p. 300.
(657) Pesterev l. c. I. p. 129.

въ небольшомъ количествѣ, потому что большею частію бѣдны; ясакъ свой платятъ деньгами.

Кочевые жители ([658]) упомянутыхъ черныхъ скалистыхъ горъ къ ю. отъ Удинскаго острога, изъ которыхъ течетъ Ингулакъ, малочисленны, но раздѣляются на нѣсколько племенъ, называемыхъ русскими: 1) Сильпигурцы, 2) Удинцы, 3) Караганцы, 4) Камгатцы. Послѣдніе принадлежатъ къ туркскому племени ([659]), а первые три вѣроятно къ остаткамъ самоѣдскихъ племенъ. Пестеревъ говоритъ, что каждое племя состоитъ не болѣе какъ изъ 100 ясачниковъ; въ послѣднее время много ихъ вымерло отъ заразительныхъ болѣзней (вѣроятно оспы). Два первыя племени жили охотою и переносили свои юрты между Удою и Іею въ густые лѣса и на высокія горы; два послѣднія племени жили между Удою и большимъ Каномъ. Всѣ 4 племени не имѣютъ стадъ, потому что страна ихъ не питаетъ домашнихъ животныхъ, кромѣ оленей, которыхъ они имѣютъ съ незапамятныхъ временъ. На оленяхъ-самцахъ ѣздятъ они верхомъ, отъ самокъ же получаютъ молоко. Богатѣйшіе изъ нихъ имѣютъ до 100 оленей, но съ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка множество оленей погибло. Здѣсь кажется юговосточная граница распространенія сѣверныхъ оленей, какъ домашнихъ животныхъ. Животное это на охотѣ и для ѣзды по лѣсамъ и болотамъ заслуживаетъ предпочтеніе передъ всѣми другими; оно двигается по болотамъ какъ по лучшей торной дорогѣ; никто изъ туземцевъ не промѣняетъ своего оленя на лучшую лошадь. Онъ можетъ бѣжать 24 часа не отдыхая, а зимою на немъ охотятся за большими маралями. Здѣшніе кочевники перемѣняютъ свое мѣстопребываніе по обстоятельствамъ: зимою кочуютъ они тамъ, гдѣ болѣе соболей и бѣлокъ, а лѣтомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ ихъ любимыя травы: сарана (Lilium Martagon), марьинъ корень (Paeonia officinalis), и ревень (Rheum rha-

(658) Ibid. I p. 126, 131.
(659) Klaproth Asia polyglotta p. 27; Ibid. p. 160.

ponticum); они ѣдятъ корни первыхъ двухъ и стебли листьевъ послѣднихъ, но кромѣ того питаются корнями кандыка (Erythronium dens canis) и орѣхами сибирскаго кедра (Pinus cembra). Какъ только упомянутыя животныя и растенія становятся рѣже, они переходятъ на другое мѣсто. Ихъ юрты или палатки покрыты дублеными шкурами оленей, маралей и лосей, или березовою корою. Ихъ жены умѣютъ хорошо стрѣлять изъ ружей. Жена, мать или сестра снаряжаетъ охотника, снабжаетъ его провизіею, порохомъ и пулями, уздаетъ его оленя, по возвращеніи же обираетъ у него все, такъ что ему не о чемъ заботиться. Они всѣ окрещены въ греко-россійскую вѣру, но постовъ не соблюдаютъ, хлѣбъ ѣдятъ рѣдко, муку покупаютъ изъ Удинска. Цѣлое семейство не расходуетъ болѣе 5 пудовъ хлѣба. Старшины доставляютъ ясакъ въ Удинскъ; онъ состоитъ изъ соболей и серебра. Пестеревъ видѣлъ многихъ туземцевъ, никогда не бывавшихъ въ городѣ и никогда не видавшихъ русскихъ.

г) *Бирюсса*, ниже называемая Она, впадаетъ съ лѣвой стороны въ Чуну и служитъ до бирюссинской станціи границею между Иркутской и Енисейской губерніями, а именно между Красноярскимъ и Нижне-Удинскимъ округами. Дороги съ Уды къ близкимъ другъ отъ друга истокамъ Бирюссы ([660]) и Кана очень дурны и проходятъ чрезъ лѣса, болота и горы. Въ верховьяхъ своихъ Бирюсса орошаетъ гору, въ которой много хорошей слюды, очень распространенной на в. отсюда и въ особенности же около Байкала ([661]); для добыванія этой слюды сюда прибываютъ иногда промышленники изъ сибирскихъ городовъ. Когда Палласъ ([662]) проѣзжалъ здѣсь въ 1772, эти ломки слюды были только что открыты между Бирюссою и Удою на ручьяхъ Шель-

---

(660) Pesterev. l. c. p. 125.

(661) Georgi Reis. im R. R. 4 T. I. p. 144, 147, Laxmann Brief v. Irkutsk въ Pallas N. N. Beitr. T. V. p. 305.

(662) Pallas R. R. T. III. p. 95.

мѣ, Собѣ и Перехѣ; слюдяныя таблицы были очень велики. По этому случаю Палласъ посѣтилъ владѣльца этихъ ломокъ, князька Худунова, крещенаго бурята, здѣсь обитавшаго. Впрочемъ мѣстность эта, лежащая къ ю. отъ большой дороги изъ Красноярска на Нижне-удинскъ и Балаганскъ въ Иркутскъ, мало посѣщается. Жители прибрежья этой рѣки, получившіе отъ нее названіе бирюсинцевъ, принадлежали къ восточно-туркскому племени ([663]), но чрезвычайно уменьшились въ числѣ, и отчасти удалились къ Абакану, гдѣ они управляются своими башлыками (старшинами), которые доставляютъ ясакъ въ казну. Они живутъ бѣдно охотою и скотоводствомъ, сѣютъ мало хлѣба и раздѣляются на 4 аймака: Кобинъ, Каргинъ, Каинъ и Шаскинъ.

д) *Канъ.* Рѣка эта беретъ начало въ самыхъ сѣверныхъ изъ доселѣ перечисленныхъ отраслей Саянскаго хребта и вытекаетъ, судя по картамъ, изъ озера, которое впрочемъ намъ неизвѣстно. Здѣсь развѣтвленія сѣвернаго склона Саянскаго хребта выступаютъ кажется наиболѣе къ с.; уже Палласъ ([664]), слѣдовавшій по большой дорогѣ изъ Красноярска въ Иркутскъ, замѣтилъ, переѣзжая Канъ при Канскомъ острогѣ, что на восточной сторонѣ его простирается гористая тайга до самой р. Уды и далѣе до Ангары, даже и Тунгузки, такъ что обѣ Тунгузки должны пробиваться черезъ нее многими порогами. прежде чѣмъ достигаютъ низменности. Красноярскъ, въ узкой, но живописной ([665]) долинѣ Енисея, лежитъ только на 695 ф. выше ур. м., по измѣренію Эрмана; Канскъ и Удинскъ уже значительно выше, а возвышающееся надъ ними плоскогоріе имѣетъ далѣе 1,500 ф. в., Иркутскъ же на Ангарѣ 1,355 ф., а уровень Байкала, судя по паденію Ангары на 300 ф. выше,

---

(663) Asia polyglotta p. 229.
(664) Pallas R. R. T. III. p. 95.
(665) A. Martinoff Voy. pittor. de Moscou aux front. de la Chine Peters. 1819 fol. p. 39.

слѣдовательно на 1,655 ф. надъ ур. м. Это постепенное повышеніе къ в. дало поводъ къ справедливому впрочемъ раздѣленію Сибири ([666]) на гористую восточную Сибирь, въ противоположность съ низменною западною, контрастъ, который въ особенности поясненъ со времени наблюденій Ад. Эрмана. На р. Канѣ поднятіе выдается уже далеко къ с. и служитъ причиною того, что сѣверный склонъ Саянскаго нагорья до Канскаго острога очень мало удобенъ для проѣзда. Вблизи этого мѣста Гмелинъ (1740) ([667]) уже нашелъ мѣстность гористою, дикою, богатою лѣсомъ, водопадами и дичью, которая уже столь истреблена въ другихъ мѣстностяхъ. Знаменитѣйшіе соболиные охотники, говоритъ онъ, живутъ въ Канскѣ и около этого города закупали соболей въ то время всѣ торговцы, шедшіе въ Кяхту. При большихъ прибыляхъ, получаемыхъ сборщиками ясака, происходили изъ-за этихъ мѣстностей безпрестанные споры между енисейскою и красноярскою канцеляріями до тѣхъ поръ, пока между округами не установлены были опредѣленныя границы.

Богатая ловля дикихъ звѣрей распространялась тогда и до Удинска: соболи, бѣлки, лисицы, волки и медвѣди доставляли здѣсь лучшую мягкую рухлядь. Это самое, безъ сомнѣнія, было причиною того, что все пространство этой горной лѣсистой страны, въ продолженіе долгаго времени, было опасно для проѣзжихъ. Нападенія на нее киргизовъ и соединенныхъ съ ними туземцевъ, именно татарскихъ народовъ (т. е. восточно-туркскаго племени) продолжались весьма долго. Наконецъ эти страны были подчинены русскому владычеству, въ то время какъ сѣверъ, западъ и востокъ Сибири уже давно находились во власти Россіи. Потому прежняя дорога шла большою дугою около горной, лѣсистой страны изъ Зап. Сибири въ Восточную: отъ Томска или Кузнецка чрезъ Енисейскъ по

---

(666) Speransky Allg. Uebers. Sibiriens въ Oldekop. l. c. X. p. 266.
(667) Gmelin Sibir. R. T. III. p. 387, 393.

р. р. Тунгузкѣ и Ангарѣ въ Иркутскъ и къ Байкальскому озеру. Только за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, говоритъ Гмелинъ (въ 1735 г.), именно съ 1730 г., эти страны сдѣлались безопасными, потому что киргизы удалились въ земли калмыковъ. Съ того времени жители открыли довольно прямой путь отъ с.-в. къ ю.-в. Онъ шелъ черезъ Томскую степь, Красноярскъ и т. д. до Иркутска. Этотъ путь особенно удобенъ для лѣтнихъ переѣздовъ, потому что здѣсь никогда не бываетъ недостатка ни въ водѣ, ни въ кормѣ для скота. Основаніе селеній по дорогѣ, еслибъ оно было возможно, сдѣлало бы ее удобною и для зимняго пути. Дорога къ Байкалу сократилась такимъ образомъ на нѣсколько сотъ верстъ и только со времени этого сокращенія возвысился Красноярскъ. Въ настоящее время лѣса эти сдѣлались доступнѣе. Чрезъ нихъ идетъ часто посѣщаемая и населенная главная почтовая дорога изъ Зап. Сибири въ Восточную. Она касается сѣвернаго края Саянскихъ горъ близь Канскаго острога. Южнѣе этого мѣста сохранились большіе остатки туземцевъ, переживишихъ покореніе Сибири и съ своими обычаями сдѣлавшихся данниками Россіи. Туземцы эти состоятъ впрочемъ изъ весьма разнообразныхъ и слабыхъ народовъ, составившихъ отдѣльныя группы, безъ всякой силы политическаго самосохраненія. Они лишились значительной опоры съ отбытіемъ киргизовъ, въ союзѣ съ которыми имѣли еще значительную силу къ защитѣ и сопротивленію. Всякому, оставшемуся здѣсь отдѣльному племени или уединенной ордѣ, насильно или добровольно не присоединившемуся къ киргизамъ (какъ напр. Телеуты и другіе народы), оставалось платить ясакъ Россіи или Китаю. Необходимымъ послѣдствіемъ этого было уменьшеніе силы и числа ихъ; даже нынѣшнее состояніе саянскаго народонаселенія зависитъ болѣе или менѣе отъ этихъ обстоятельствъ. Къ такому обозрѣнію привела насъ самая сѣверная часть горъ, выдающаяся по р. Кану.

Народы близь Канскаго острога, имѣютъ отчасти плодоносныя поля и большія стада. Здѣсь они приняли русскій образъ

жизни, но выше по Кану остались номадами: охотниками и пастухами (668). Тамъ охотятся они на лосей, оленей, бобровъ, выдръ и соболей, изъ которыхъ послѣдніе однако очень уменьшились въ достоинствѣ. Завоеватели Красноярска, во время Пестерева, брали съ нихъ ясакъ.

Ближайшія горныя воды, на западѣ, отъ верхняго Кана, кромѣ малаго Кана (слѣва), суть рѣки: Химда и Кезыръ, съ которыми мы познакомились какъ съ верхними притоками р. Тубы, впадающей въ Енисей. Юго-западнѣе большаго Кана къ Химдѣ кочуютъ Камаши, держащіе для ѣзды сѣверныхъ оленей, но впрочемъ по образу жизни сходные съ номадами (669) близъ Удинска. Число ихъ уже во время Пестерева уменьшилось до 20 ясачниковъ. Соболи и куницы ловятся у нихъ очень хорошіе. Пространство, заселенное этими народами и доходящее на западѣ до береговъ малаго Кана (Кангусъ) и Рыбно (сѣвернѣе Рыбинской), въ недавнемъ времени было опустошено сибирскою язвою. Оставшихся жителей русскіе называютъ степными камашами (670), или вѣрнѣе, канъ-машами, отъ р. р. Кана и Маны. Послѣдняя немного сѣвернѣе Красноярска также съ правой стороны впадаетъ въ Енисей, подобно р. Рыбно. Камаши издавна уже покорились русскимъ (1629 г.) и въ то время уже были очень слабы. Они, кажется, составляютъ остатокъ сильнаго въ древности племени самоѣдовъ, потому что ихъ языкъ ближе всего подходитъ къ языку кайбаловъ и сойотовъ. Они остались шаманскими язычниками и во время Пестерева платили свой ясакъ соболями и серебромъ чиновникамъ, высылаемымъ изъ Красноярска. Скота они держали мало, часть ихъ жила совершенно по-русски, занимаясь хлѣбопашествомъ, охотою и продажею мѣховъ. Съ ними, вѣроятно, сродно небольшое племя, живущее по дикимъ возвышенностямъ Саянскимъ,

---

(668) Pesterev. I. c. T, I. p. 131.
(669) Pesterev. I. p. 130.
(670) Pesterev. l. c. I. 130. Asia polyglotta. p. 160 Sprachatlas Messerschmidt 26. Decembr 1721. Not 160.

на сѣверъ отъ верхняго Кана до Кезыра. Пестеревъ, здѣсь путешествовавшій, называетъ этотъ горный округъ Кандыкъ (можетъ быть отъ кандыка, котораго корни растутъ тутъ во множествѣ). Данники, живущіе по Кезиру ([671]), не имѣютъ домовъ, но жилища ихъ постоянны и состоятъ изъ юртъ, покрываемыхъ лѣтомъ берестою, зимою же войлокомъ. Прежде ихъ страну считали самою богатою въ Красноярскомъ округѣ, но во время Пестерева она была опустошена оспою: теперь остатки жителей находятся въ жалкомъ положеніи. Два раза въ годъ они ходятъ на охоту по рѣкамъ Кезыру и Химдѣ. Первую поѣздку на охоту они совершаютъ на челнахъ изъ бересты, а назадъ съ добычею изъ собольихъ мѣховъ, средняго достоинства, возвращаются пѣшкомъ. Вторую охоту они совершаютъ въ февралѣ, на лыжахъ, и въ маѣ возвращаются въ берестяныхъ челнахъ, оставленныхъ въ первую поѣздку въ верховьяхъ рѣки. Тогда они приносятъ шкуры лосей, сѣверныхъ оленей, собольи и куньи мѣха. Они занимаются довольно успѣшно и рыбною ловлею, доставляющую имъ пищу въ продолженіе значительнаго времени. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются и землепашествомъ, но мало. Самые богатые не могутъ обработать болѣе десятины. Богатство ихъ обыкновенно не превосходитъ десятка лошадей и такого же числа головъ рогатаго скота.

Въ сосѣдствѣ съ камашами между р. Амулемъ, верховьями Кана и Шадатскимъ карауломъ живутъ Моторы, сродные съ Камашами и по происхожденію и по образу жизни. Они также поднимаются до мѣста Амуля, живутъ бѣдно, земли не обработываютъ, а питаются корнями растеній: сарапы, марены и кандыка; съ нихъ во время Пестерева, завоеватели Красноярска также собирали ясакъ. Эти Моторы, (мати, маторцы, модоры) ([672]) принадлежатъ также къ самоѣдскому племени.

---

(671) Pesterev. l. c. T. p. 131.
(672) Klaproth, Asia polyglotta, 155.

§ 47.

Изложеніе 2. *Продолженіе. Верховья Енисея въ китайскихъ предѣлахъ. Кемъ и Да-киму съ притоками. Горная область Да-киму.*

Послѣ обозрѣнія сѣверной или сибирской стороны Саянскаго горнаго хребта и текущихъ съ него къ с. рѣкъ, переходимъ мы къ южной, лежащей въ китайскихъ предѣлахъ. До сихъ поръ эта страна не была посѣщена ни однимъ европейскимъ путешественникомъ, и въ прежнихъ описаніяхъ Азіи, даже спеціальныхъ, она оставлена совершенно безъ вниманія. Между тѣмъ, она заслуживаетъ полнаго вниманія, потому что ея горная область даетъ начало Енисею со всѣми его верхними притоками, до Кемчика. Хотя мы можемъ представить только весьма неполное описаніе горной области Да-киму и верховьевъ большаго Кема (т. е. Енисея), однако оно будетъ имѣть достоинство перваго, въ своемъ родѣ, географическаго описанія этой части Азіи.

Намъ извѣстны только двѣ попытки проникнуть сюда съ сѣверной сибирской стороны. Первая, сообщенная нами уже въ подробности, совершена Пестеревымъ, который заблудившись, собралъ подробныя свѣдѣнія о мѣстности между Амулемъ и Систигемомъ (673). Второе извѣстіе объ этой странѣ, сообщенное др. Месершмидтомъ (13 февраля 1723 г. его рукописнаго дневника (674), основано на показаніяхъ калмыка Ивана Меркульева, который ежегодно отправлялся для собиранія дани съ сойотовъ и такимъ образомъ доходилъ до верховьевъ Кема или Енисея и р. Селенги. Кромѣ того мы пользовались трудами Клапрота и о. Іакинѳа, а также рукописными переводами Неймана съ подлинныхъ китайскихъ

---

(673) Pesterev l. T. l. 145—151.
(674) Klaproth Asia Polyglotta, 149—150.

рукописей. Мы рѣшились сообщить на первый разъ только главныя изъ данныхъ объ этой странѣ, повѣряя ихъ манджуро-китайскими подлинными картами государственной Китайской географіи (Tay-Thsing-hoei-tien), изданной въ Пекинѣ, по переводу доктора Шотта. Эти карты составляютъ отдѣлъ Линь-Фань-юань или 27 книгъ, подъ заглавіемъ; „Дворъ для управленія иностранцевъ", содержащихъ въ себѣ описаніе управленія провинціями внѣ границъ срединной имперіи Китая. Карты эти есть слѣдующія: 1) Уляссутай (по Нейману Wu-li-ya-su-taï); 2) Гобдо-хото (Khoputo). Ими мы пользовались, послѣ разсмотрѣнія ихъ геометромъ Гриммомъ и сличенія съ русскими картами и новѣйшими географическими опредѣленіями нѣкоторыхъ пунктовъ Сибири — А. Эрмана. Но всѣ эти пособія и источники еще очень недостаточны. Это доказываетъ, сколько еще ученыхъ трудовъ должно быть совершенно европейцами въ Азіи и даже въ ближайшихъ къ образованнымъ государствамъ пограничныхъ округахъ, чтобы избѣжать упрека въ равнодушіи къ незнанію этой страны.

Теперь мы переходимъ къ гидрографіи верховьевъ Енисея, какъ она представлена на китайскихъ картахъ.

1. Гидрографія по китайскимъ картамъ. На с.-з. отъ Коссогольскаго озера, изъ котораго вытекаетъ Эхе (ст. 528) и на с. отъ верховьевъ Селенги, на горныхъ высотахъ, соединяющихъ своимъ гребнемъ восточную оконечность Тан-ну-ола (см. Т. II стр. 188) съ восточною оконечностію Саянскаго хребта, или Эргикъ-Таргэкъ, а именно на горахъ Гурби (по Палласу Гурбанъ), берутъ начало, одинъ подлѣ другаго, оба восточные истока большаго Кема. Эти истоки на китайской картѣ называются: Хуа-киму и Бей-киму (Бейкемъ на русскихъ картахъ), а горы ([675]) (отъ Таргэкъ-шань на востокъ), съ которыхъ онѣ текутъ къ югу, Толоцзы-линь, (т. е. горный проходъ Толоцзы; отъ линь — не гора, а горный проходъ), лежащая на Улусъ-

(675) Frontière Russe et Chinoise въ Mém. de Klaproth. I. p. 25.

Кай, т. е. русской границѣ. Хуа-киму, т. е. юго-восточная вѣтвь, течетъ дугою на югъ въ направленіи Коссогольскаго озера и принимаетъ съ лѣвой стороны Улуху, вытекающую изъ Мусунъ-шань, и протекающую чрезъ большое озеро Тао-то (Тао-то-Пу). На ю.-з. отъ Мусунь-шаня, Улуху течетъ прямо на западъ. Послѣ принятія небольшихъ притоковъ съ ю. изъ Танну-шаня, отдѣляющаго ее отъ Теса, притока озера Упса, Хуакемъ опять склоняется нѣсколько на сѣверъ. Здѣсь, соединившись съ с.-з. рукавомъ Бей-киму, который, какъ и Хуа-киму описываетъ небольшую дугу, идетъ на западъ, въ направленіи продольной долины. Это направленіе сохраняетъ и сліяніе обѣихъ рѣкъ до Бомъ-Кемчикъ. Соединившіяся вѣтви обтекаютъ пространство, имѣющее видъ трапеціи. На этомъ рѣчномъ островѣ — два поселенія: одно — Улян-хай (Урян-хай), отчего оба притока на в. получили названіе Улян-хай подъ четырьмя цулинь (цулинь—отдѣленіе, состоящее подъ управленіемъ генералъ-маіора) ([676]). Другой притокъ на зап. называется Чассакту-ханъ-Улянъ-хай одного цулинь (отряда Чассакту-хана). Въ сѣв. рукавъ или Бей-Киму, съ юга, впадаютъ только незначительные источники, какъ это видно на китайской картѣ. Съ сѣвера же, именно съ горы Таркокъ-шань (Эргикъ-Тайгэкъ-тайга), текутъ значительнѣйшіе потоки. Всѣхъ притоковъ съ правой стороны 6, изъ нихъ 3 восточные и вытекаютъ изъ трехъ длинныхъ, вѣроятно, горныхъ озеръ. Они имѣютъ слѣдующія названія: 1) *Бей-киму* (у русск. Бейкемъ) ([677]), который течетъ на югъ съ Толоцзы-линя, расширяется и образуетъ озеро Бейлукъ (по Штраленбургу—Тере-куль) ([678]) и выходѣ изъ него направляется къ западу. 2) Паралельный съ первымъ *Озасъ*, также расширяется въ озеро Ду-цзы (по Штраленбергу Тодше, по Мессершмидту—Тодши-куль) и по выходѣ

(676) Timkovsky Voy. T. II, p. 43.
(677) Всеобщ. карта Сибири—Познякова. 1825 г.
(678) Nova descriptio geographica Tatariae magnae etc. Штраленберга.

изъ него впадаетъ въ Бей-киму. 3) *Хо-ян-сара-му* (по Штраленбергу Консара, въ пограничномъ трактатѣ Хамсара), далѣе на западъ отъ предъидущаго притока, исходитъ изъ озера Тирликъ-Бо (по Штраленбергу—Боссъ) и впадаетъ съ правой стороны въ Бей-Киму, который недалеко отъ своего устья принимаетъ еще притокъ 4) *Бейзцы-кемъ* (у Штраленберга Кицзы-Кемъ). Этотъ притокъ въ пограничномъ трактатѣ ([679]) называется Беде-кемъ. Беде-кемъ и Хамсара, какъ видно изъ пограничнаго трактата, берутъ начало по обѣимъ сторонамъ Торосъ-Давана, гдѣ находится шестой межевой столбъ. 5) Пятый притокъ на картѣ, къ сожалѣнію, не имѣетъ названія. Можно было бы подумать, что это и есть Систигемъ, еслибъ не имѣли нѣкоторыхъ причинъ полагать, что подъ именемъ Систигема должно разумѣть Озасъ. Это послѣднее мнѣніе основано на показаніи самого Пестерева. А именно съ Систигема Пестеревъ вышелъ на Консару ([680]), спустился по ней, потомъ перешелъ на Утъ и отсюда вышелъ къ верховьямъ Кандата и Амуля. Такимъ образомъ попалъ опять на с.-з. границу. 6) Шестой притокъ, менѣе другихъ замѣчательный, есть Ипуки. Противъ сего послѣдняго съ лѣвой или южной стороны въ Бей-киму впадаетъ вторая главная вѣтвь системы Хуа-киму, по соединеніи съ которою образуется главная вѣтвь Енисея подъ именемъ Да-киму или большаго Кема (на русскихъ картахъ Улукемъ) ([681]). Юго-восточная вѣтвь Хуа-киму, вѣроятно, есть Хокемъ Штраленберговой карты или ея Шишкитъ. Изъ пограничныхъ трактатовъ видно, что на восточномъ краю Эргикъ-Таргэкъ-тайга, въ 19-ти миляхъ (133 версты) отъ Торосъ-Давана къ ю.-в., находится истокъ р. Тенгиса (отстоящій отъ пограничнаго столба № 17 въ 2 миляхъ или 13 верстахъ). Съ горы Нухету-Даванъ течетъ Нарин-хоро къ озеру Коссоголъ, которое слѣдовательно находится недалеко

---

(679) Frontière Chinoise въ Klaproth Mém. 1 p.
(680) Pesterev, l. c. p 143.
(681) Позняковъ l. c.

отсюда. Названіе рѣки Тенгизъ хотя не встрѣчается на манджуро-китайскихъ картахъ, но такъ какъ на турскомъ языкѣ оно означаетъ большое озеро, то должно полагать, что упомянутое въ трактатѣ и нанесенное на карту озеро Дао-до, котораго истокъ находится недалеко отъ Коссогола, есть то же, что Тенгизъ. Рѣка Тенгизъ течетъ къ югу и впадаетъ въ Шишкитъ (Хихкитъ) (682).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что китайская р. Гуа-киму есть то же, что рѣка Шишкитъ (Шишкинъ по Штраленбергу), упоминаемая въ пограничныхъ трактатахъ. Это тѣмъ болѣе любопытно, что даетъ намъ возможность опредѣлить положеніе главнаго города области Улятай, который, по Пестереву, находится на лѣвомъ берегу рѣки.

Прежде нежели мы будемъ говорить о ней, окончимъ перечисленіе гидрографическихъ именъ по китайской картѣ. Начиная отъ соединенія двухъ первоначальныхъ вѣтвей, или отъ того пункта, отъ котораго принимаетъ названіе Да-киму или большаго Кема, у русскихъ Улукемъ и течетъ на западъ до упомянутаго поворота къ сѣверу; она принимаетъ слѣва (съ юга) пять притоковъ, а справа (съ сѣвера) четыре. Всѣ они текутъ съ с. и берутъ начало на горной границѣ. Названіе притоковъ слѣдующія: 1) Ту-ланъ; 2) Улан-усу; 3) безъ имени; 4) Тимуръ-усу. Всѣ другія, текущія съ сѣв. склона Тан-ну-шань, незначительны и направлены съ в. на з. Они суть: 1) Муши-ги; 2) Пала-ги; 3) безъ имени; 4) Цаханъ-Оларъ; 5) безъ имени (вѣроятно Илигисъ-Мессершмидта). Далѣе слѣдуетъ вышеупомянутая р. Кемчикъ, т. е. малый Кемъ, текущая съ запада. Она въ срединѣ своего теченія называется также Цзирхэ-ху. Главное свое названіе получила она отъ находящагося на ней, по свидѣтельству Ледебура, торговаго мѣста Кемчикъ, впрочемъ на китайской картѣ не означеннаго. Ниже впаденія Кемчика, Енисей, про-

---

(682) Frontière Russe et Chinoise l. c.—p. 25.

рвавшись чрезъ горы, направляется къ сѣверу, гдѣ мы его уже разсматривали.

1. Показанія калмыка Ивана Меркульева.

Теперь мы будемъ слѣдовать свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Иваномъ Меркульевымъ ([683]), которыми мы уже воспользовались въ обозрѣніи праваго берега Енисея до Ута. Свѣдѣнія эти, хотя ограничивающіяся общими чертами, доводятъ насъ однако до нашей конечной цѣли. Меркульевъ переправился черезъ рѣку Утъ недалеко отъ ея впаденія въ Енисей, имѣя въ виду пробраться въ горы, простирающіяся за Енисеемъ. Тутъ нужно всегда держаться, говоритъ онъ, берега Енисея, называемаго уже въ этихъ мѣстахъ Улукемъ (Иликемъ) или большой Кемъ. Далѣе должно итти по продольной долинѣ рѣки, вверхъ ея теченію, къ востоку. Къ сожалѣнію показанія калмыка очень неполны. Сначала онъ шелъ черезъ неизвѣстный намъ Туз-ту-юлъ (соленой ручей), потомъ перешелъ черезъ Кисти-кема и Хансара-кема, недалеко отъ ихъ устьевъ. Между Улукемомъ (т. е. Бей-киму) справа и Хансарою слѣва, нужно прокладывать себѣ дорогу, говоритъ онъ, на востокъ до Тоджи-кула (т. е. озера Туцзы-кула, черезъ которое протекаетъ р. Озасъ), отстоящаго отъ устья Хансары въ одномъ днѣ пути. Далѣе отъ озера Тоджи до истоковъ Шишкишъ (Шишкитъ, пограничнаго трактата) путь чрезъ лѣсистыя горы очень неудобенъ. Съ верховьевъ Шишкита можно выйти на рѣку Селенгу. Путешествіе Меркульева было чрезвычайно затруднительно, и онъ, въ продолженіе 10 дней не нашелъ ни одной юрты. Кромѣ того, обширныя болота заставляютъ путника ѣхать здѣсь только налегкѣ, а зимою чрезъ эти страны можно ѣздить только на сѣверныхъ оленяхъ. Напротивъ путь отсюда къ Кемчику, Илигису (южный притокъ Да-киму, по которому дорога поднимается на хребетъ Тан-ну, спускаясь съ перевала къ озеру Упса),

(683) Messerschmidt, въ Asia Polyglotta с. 149.

и р. Ктесъ (т. е. Тесъ) несравненно удобнѣе, также какъ и дальнѣйшій путь черезъ кочевья монголовъ къ Сангинъ-Далаю (см. Т. II стр. 197) или источникамъ Селенги; на всемъ этомъ пространствѣ попадаются юрты и можно достать себѣ подводы (лошадей). Вотъ все, что сообщаетъ намъ калмыкъ Меркульевъ. Хотя извѣстія эти не полны, но заслуживаютъ особеннаго вниманія, потому что они суть единственныя объ этомъ горномъ округѣ и подтверждаютъ въ общихъ чертахъ достовѣрность китайскихъ картъ. Сіи послѣднія, конечно, не имѣютъ европейской точности въ изображеніи мѣстностей, подобно почти всѣмъ спеціальнымъ картамъ прекраснаго въ свое время (въ половинѣ прошлаго столѣтія) нюренбергскаго атласа Германской Имперіи.

2. Наблюденія и открытія Пестерева (1780) и Тимковскаго (1819 года).

Вторымъ путешественникомъ, въ сей опасной горной области, былъ Пестеревъ, но онъ достигъ только до сѣвернаго входа въ нее, на верхнемъ Систигемѣ. Наблюденія свои онъ старался дополнить разспросами. Ему сообщили, что резиденція губернатора (Цзянъ-Цзюна) сосѣдней области Улятай (Дулатай), былъ городъ Улятай ([684]), куда ухерида (т. е. начальникъ калмыцкихъ войскъ) ([685]), послалъ свой рапортъ, и гдѣ онъ впослѣдствіи, какъ мы уже знаемъ, былъ строго наказанъ. Городъ Улятай, продолжаетъ Пестеревъ, лежитъ на лѣвомъ берегу р. Шишкитъ (Гуа-киму); вѣроятно это то самое мѣсто, гдѣ на китайской картѣ на сѣверномъ изгибѣ рѣки (предъ образованіемъ р. Дакиму) означено поселеніе, но безъ имени. Слѣдовательно то, что сказано о мѣстоположеніи этого города и о дорогахъ, туда ведущихъ, въ Asia polyglotta (стр. 178), подлежитъ исправле-

(684) Pesterev l. c. p. 152.
(685) Klaproth Asia Polyglotta p. 147 Not.

нію. Вѣроятно, что упомянутое поселеніе, означенное на китайской картѣ, есть тотъ самый городъ Улятай, о которомъ говоритъ и Пестеревъ, по словамъ коего городъ этотъ находится въ 350 вер. отъ границы. Разстояніе совершенно согласно и съ показаніемъ Asia polyglotta, не смотря на то, что въ ней положеніе этого города перенесено гораздо далѣе къ ю., а именно на рѣку Уляссутай, ниже принимающую названіе Илу и по соединеніи съ р. Баянту образующую Джабганъ. Въ китайской государственной географіи, рѣка эта имѣетъ названіе Вулясутей отъ города того же имени. По удостовѣренію Asia polyglotta, дорога въ Уляссутай съ верховьевъ Селенги проходитъ между рѣками Бейкемъ и Тесъ, чрезъ скалистыя снѣговыя горы Тан-ну. По свидѣтельству же Пестерева выходитъ, что дорога туда идетъ между рр. Бейкемъ и Шишкитъ. Простирающійся здѣсь скалистый хребетъ не можетъ быть Тан-ну, потому что хребетъ Тан-ну лежитъ на ю. отъ р. Шишкитъ и слѣдовательно дорога чрезъ него вела бы сначала къ р. Тесъ, и до р. Джабаганъ нужно еще перейти хребетъ Улангомъ, что бы вывело путешественника изъ провинціи Уляссутай. Слѣдовательно тамошнее, можетъ быть, одноименное мѣсто, отстояло бы отъ русской границы гораздо далѣе, нежели на 350 верстъ (*).

(*) Всѣ заключенія, выведенныя здѣсь Риттеромъ изъ ошибочныхъ показаній Пестерева, совершенно ошибочны. Городъ Уляссутай, резиденція Цзянъ-Цзюня (генералъ-губернатора), дѣйствительно лежитъ, согласно съ показаніемъ Asiae polyglottae, на р. Уляссутаѣ, которая, по сліяніи своемъ съ Баянту, образуетъ извѣстную рѣку Джабганъ, впадающую въ озеро Эхэ-Аралъ-норъ. Дорога, ведущая съ верховьевъ р. Селенги и обозначенная на китайскихъ картахъ рядомъ карауловъ или пикетовъ, дѣйствительно переходитъ черезъ снѣжную цѣпь Тан-ну, между верховьями системы Бей-кема (южными притоками Гуа-Кема) и рѣкою Тесомъ, выходитъ на сію послѣднюю, и потомъ поворачиваетъ прямо на ю. въ Уляссутай, сначала черезъ степь, а потомъ черезъ весьма невысокій, какъ кажется, степной кряжъ Улангомъ, далѣе къ в. извѣстный подъ именемъ Малаха-Ола. Разстояніе Уляссутая отъ русской границы не превосходитъ 400 верстъ. Почему калмыки сообщили Пестереву столь ложныя показанія, введшія и Риттера въ полное заблужденіе, можно объяснить только догадками, а именно тѣмъ, что въ ихъ интересахъ было приблизить въ глазахъ русской партіи разстояніе китайскаго города отъ ихъ кочевьевъ.

Рѣка Шишкитъ течетъ, какъ утверждаютъ, чрезъ безплодныя, обнаженныя степи (вѣроятно, черезъ горныя степи ([686]), подобныя всей полосѣ, простирающейся на югѣ отъ Саянскаго хребта до Чуйскихъ степей, и всему степному плоскогорію истоковъ Селенги и верховьевъ системы Амура). Впрочемъ здѣсь есть и горы. Такъ Пестереву, путь отъ Систигема (Сесте-кемъ) па Шишкитъ описывали какъ очень затруднительный, потому что между Бей-кемомъ и Шишкитомъ (Гуа-кемомъ) простирается горная цѣпь (вѣроятно съ в. на з.). Черезъ нее приходится переходить по дорогѣ въ Уляссутай, что согласно и съ показаніями картъ. Городъ Уляссутай, по разсказамъ калмыковъ, отстоитъ отъ руской границы на 350 верс. (50 миль). Онъ окруженъ такимъ глубокимъ рвомъ, что упавшій въ него не можетъ выбраться безъ посторонней помощи. На городской сторонѣ рва находятся укрѣпленія изъ фашинника, наполненнаго камнями и землею и покрытаго глиною, а на противоположной сторонѣ—палиссады. Сюда доставляютъ дань сойоты изъ племенъ Тожинъ, Матларъ, Бангаринъ и Улекъ и всѣ орды, кочующія между Кяхтою и Селенгою до Джунгарскихъ земель (Т. II стр. 161). Въ гор. Улятаѣ живутъ монголы Кархи (вѣроятно Кара-Китай, обитающіе, по Клапроту ([687]), во многихъ городахъ земли Джунга); калмыки почитаютъ ихъ людьми жестокими. Кромѣ того здѣсь также находятся китайскіе купцы, ведущіе торговлю съ русскими преимущественно въ Кяхтѣ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Тимковскимъ, видно, что тоже существуетъ и нынѣ. Когда начальникъ русской миссіи, въ 1819 г. въ сентябрѣ, на дорогѣ изъ Кяхты въ Пекинъ, остановился въ Ургѣ,

---

Самое время, употребленное ими на сношенія съ Уляссутаемъ, показываетъ, что разстояніе этого города несравненно далѣе чѣмъ они старались увѣрить въ томъ Пестерева. Рѣка Шишкитъ отстоитъ всего только въ 150 вер. отъ русской границы, и на ней, также какъ ни на одной изъ рѣкъ енисейской системы, нѣтъ постоянныхъ китайскихъ поселеній. *Пр. Пер.*

(686) Pesterev l. c. p. 145.

(687) Pesterev, l. c. 146. Note 1.

то ему встрѣтился бухарскій караванъ въ 40 верблюдовъ. Караванъ этотъ шелъ изъ торговаго города Урги (Маймачина) съ кирпичнымъ чаемъ, въ городъ Уляссутай (тополевая роща), (688) лежащій на с.-в. отъ Селенги, на югъ отъ Алтайскаго хребта. Тимковскому говорили, что разстояніе отъ Урги до Уляссутая составляетъ 171½ геогр. мили (1200 верстъ); караваны проходятъ его въ 40 дней пути, слѣдуя каждый день отъ 8 или 9 часовъ. Столько же времени нужно было и китайскимъ купцамъ для перехода всей степи Гоби отъ Калкана до Кяхты. Тимковскому называли городъ Уляссутаемъ, а не Улятаемъ, какъ Пестереву; въ немъ пребываетъ манчжурскій генералъ (цзянъ-цзюнъ), который вмѣстѣ съ тѣмъ есть главнокомандующій всѣхъ халхасскихъ войскъ. Такимъ образомъ, Уляссутай есть главное мѣсто военнаго пограничнаго управленія на сѣверѣ, подобно городамъ Или на з. и Урумчи на ю., въ которыхъ также пребываютъ цзянъ-цзюны. Въ Уляссутаѣ находится многочисленный гарнизонъ, огромные магазины съ просомъ и большіе запасы золотой и серебряной монеты, присылаемой сюда для раздачи жалованья войску. Вотъ все, что сообщаетъ Тимковскій объ этомъ городѣ.

Пестеревъ узналъ далѣе, что многіе монголы служатъ здѣсь въ войскѣ. Въ 1778 г. въ Улятаѣ (Уляссутаѣ) было два губернатора, баханъ (т. е. маленькій) и эхэ (т. е. большой) цзянъ-цзюнъ (генералъ); послѣдняго звали Намузъ (689). Онъ управлялъ войскомъ и кочующими ордами. Въ городѣ до 2,000 домовъ, построенныхъ прямыми улицами (въ китайскомъ вкусѣ, какъ и въ Хами. Тимковскій (1820 г.), на возвратномъ пути имѣвшій удобный случай узнать о состояніи управленія и войска въ этой странѣ (690), причисляетъ ее къ монгольскимъ провинціямъ. Земли монголовъ-халхасовъ

(688) Timkovsky Voy. a Peking. ed. Klaproth. Paris. 1827. 8. T. I, p. 155.
(689) Pesterev l. c. p. 146.
(690) Timkovsky Voy l. c. T. II.

въ этой странѣ были раздѣлены между 4-мя ханами, независимыми другъ отъ друга. Они жили между собою въ несогласіи, поддерживаемомъ китайскимъ правительствомъ, опасавшимся соединенія всѣхъ монгольскихъ силъ въ рукахъ одного хана. Военное управленіе занимается наборомъ войска изъ монгольскихъ ордъ и отправленіемъ его въ назначенныя мѣста. Кочующія орды приписаны къ разнымъ полкамъ, начальники которыхъ называются: Ванъ, Бейле, Бейссе, Кунъ, Тайдши и Табунанъ (какъ упомянутый ухерида Мункэ начальникъ Тожиновъ, принявшій Пестерева въ клеенчатой палаткѣ). Имъ подчинены многіе офицеры съ особенными титулами; а симъ послѣднимъ другіе, имѣющіе титулъ зайсановъ, какъ наприм. трое посланныхъ къ Пестереву. Офицеры отправляютъ военную и гражданскую службу. Земля принадлежитъ князьямъ, которымъ данники платятъ умѣренныя подати рогатымъ скотомъ и доставляютъ работниковъ и пастуховъ. Князья, въ спорныхъ дѣлахъ, пользуются правами юрисдикціи; тѣже права они имѣютъ и въ управленіи войскомъ. Манджурскихъ генералъ-инспекторовъ (цзянъ-цзюневъ) назначаетъ самъ китайскій императоръ начальниками различныхъ частей своей арміи. Генералъ-инспекторъ или генералъ-губернаторъ халхаскихъ войскъ имѣетъ постоянную резиденцію въ городѣ Уляссутаѣ, лежащемъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Тимковскимъ, въ сосѣдствѣ сибирской границы на з. отъ Селенги. Ему на помощь, для каждаго изъ четырехъ отдѣленій халхасовъ, назначается по адъютанту; они снабжены по своей должности императорскими инструкціями и имѣютъ помощниками тайныхъ секретарей. Всѣ важныя дѣла начальниковъ хоругвей представляются общему съѣзду членовъ княжескихъ домовъ. На эти съѣзды члены княжескихъ домовъ собираются чрезъ каждые три года. Съѣзды халхасскихъ князей происходятъ въ Уляуссутаѣ ([691]), и на нихъ-то рѣшаются ихъ дѣла. На каж-

---

(691) Timkovsky s. c. Voy. l. c. T. II p. 321.

домъ съѣздѣ избирается предсѣдатель джульганида, и совѣтники изъ собравшихся членовъ: хановъ, вановъ, бейссе, бейде и куновъ, впрочемъ только совершеннолѣтнихъ, безъ различія состояли ли они на службѣ, или нѣтъ. Чтобы воспользоваться своимъ преимуществомъ, всѣ князья, имѣющіе право присутствовать въ общемъ собраніи, должны прежде явиться въ Пекинъ на утвержденіе къ императору. У халхасовъ, какъ и другихъ монгольскихъ народовъ, каждые три года производилась народная перепись. Какъ скоро трибуналъ иностранныхъ дѣлъ въ Пекинѣ получаетъ повелѣніе отъ императора, то отсылаетъ его тотчасъ къ генералъ-инспектору въ Уляссутай, а также къ амбаню (т. е. генералъ-лейтенанту въ Гобдо и къ президенту общаго собранія, который есть четвертый ханъ халхасовъ). Каждая хоругвь получаетъ гербовую бумагу, на которой должно записывать новорожденныхъ и вычеркивать умершихъ. Самыя незначительныя ошибки въ статистическихъ таблицахъ ([692]) наказываются строго, потому что эти показанія отсылаются для повѣрки въ Пекинъ, въ „трибуналъ иностранныхъ дѣлъ“. Копіи съ сихъ таблицъ остаются въ полковыхъ архивахъ и сообразно съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ населенія производится дѣленіе войска на полки, эскадроны и проч. Эскадронъ (сомунъ) состоитъ только изъ 150 человѣкъ. Главное управленіе Монголіею, а слѣдовательно и этою областью принадлежитъ „трибуналу иностранныхъ дѣлъ“ ([693]) въ Пекинѣ. Онъ болѣе извѣстенъ подъ именемъ джурганъ, т. е. монгольскаго трубунала. Въ Манджуріи онъ называется: тулерги-голо-бейдассара-джурганъ; у китайцевъ—лифань-юань. Изъ архива сего заимствовано вышеозначенное описаніе этой области, помѣщенное въ Императорской географіи, а также и карты, на которыя мы ссылались. Пестеревъ собралъ еще слѣдующія разспросочныя извѣстія на р. Сесте-кемъ. Въ горныхъ долинахъ Да-киму есть и

(692) Ibid. T. II p. 322.
(693) Timkovsky Voy. T. II p. 324.

другія поселенія кромѣ Улятая (Пестеревъ всегда называетъ его Улатай, Тимковскій Улятай, но это одно и то же съ Уляссутай или Улястай по Клапроту ([694]) резиденція генералъ-губернатора). Такъ напр. Пестереву назвали поселеніе Танга ([695]) между р. р. Камсара-кемомъ и Бейкемомъ, на высокомъ утесистомъ горномъ кряжѣ (безъ сомнѣнія при Торосъ-Дабага). Степи, орошаемыя этими рѣками, представляютъ прекрасный видъ. Постоянный гарнизонъ поселенія состоитъ болѣе, нежели изъ 500 монгольскихъ воиновъ, но за то оно не имѣетъ укрѣпленій. Солдаты лѣтомъ живутъ въ палаткахъ, а зимою въ войлочныхъ юртахъ. Въ 1774 г. начальникомъ ихъ былъ Кумыжикъ-джисту-джичикъ-нойонъ, получившій отъ китайскаго императора пуговку и павлинье перо на шапку. Неимѣющіе чина, носятъ на шапкахъ султаны изъ красной шерсти, и собольяго или бѣличьяго мѣховъ.

Китайцы ([696]), живущіе въ Улятаѣ, по свидѣтельству Пестерева, почти всѣ купцы или ремесленники. Немногіе изъ нихъ занимаютъ должности оберъ-офицеровъ (точно также какъ въ (Или; см. Т. II стр. 105 въ Урумчи, въ Тарбагатаѣ, см. Т. II стр. стр. 72, 116). Чтобы производить ремесло, они должны платить пошлину. Большую часть военныхъ чиновъ избираютъ изъ монголовъ, а гражданскихъ—изъ манджуровъ. Въ каждомъ городѣ находится большое число водворенныхъ солдатъ. Нѣкоторые занимаются ремеслами и платятъ подати, но въ случаѣ нужды ихъ призываютъ на службу и даютъ жалованье. Вооруженіе ихъ составляютъ: лукъ, стрѣлы, сабля и что-то въ родѣ топора. Они ходятъ въ высокихъ сапогахъ съ войлочными подошвами и будучи дурною пѣхотою, составляютъ отличную конницу. При переправѣ чрезъ рѣки они снимаютъ сапоги. Пестеревъ, въ этой китайской странѣ, нигдѣ не нашелъ ни лодокъ, ни па-

---

(694) Asia polyglotta p. 147.
(695) Pesterev, l. c. T. I. 146.
(696) Ibid l. c. T. I, p. 147.

ромовъ. Для переправы чрезъ рѣки китайцы и монголы срубаютъ нѣсколько деревъ, связываютъ ихъ лошадиными волосами и привязавъ эти плоты къ хвостамъ лошадей, гонятъ сихъ послѣднихъ въ воду. Такой способъ переправы чрезъ рѣки показываетъ крайнее неискусство континентальныхъ народовъ въ обхожденіи съ водою.

О жителяхъ этой страны Пестеревъ ([697]), какъ очевидецъ, сообщаетъ слѣдующее: сойоты, кочующіе у границъ, платятъ свой ясакъ собольими, рысьими, бѣличьими мѣхами и корнями сараны (Lilium martagon) и марены. Каждый платитъ 3 собольи мѣха безъ хвостовъ, или въ замѣнъ того одинъ рысій мѣхъ, или 6 волчьихъ, или 12 лисьихъ, или 100 бѣличьихъ. Кромѣ того, комендантъ Улятая получаетъ для себя отъ каждаго жителя по одной куницѣ, или по 2 другихъ мѣха. Потомъ ясакъ отсылается въ Пекинъ. Люди, посылаемые въ Пекинъ, употребляютъ на проѣздъ туда и обратно въ Улятай цѣлый годъ. Опи садятся на лошадей, или верблюдовъ, и не перемѣняютъ ихъ ни разу во всю дорогу. (Комендантъ караула Чингистей, лежащаго гораздо западнѣе пограничной провинціи, Гобдо, увѣрялъ, что онъ сдѣлалъ путешествіе изъ Пекина въ два мѣсяца, а депеши отъ двора получалъ 14 дней (см. выше стр. 76). Изъ этого можно заключить, что постороннія обстоятельства замедляютъ означенный переѣздъ, потому что отсюда до Кяхты только 40 дней пути, а оттуда 40 дней до Калгана, слѣдовательно всего 80 дней до Пекина, даже для самыхъ тяжелыхъ караванахъ. Сойоты изъ племени Тожинъ, кочующіе по рѣкамъ Тадату (Озасу?), Камсарѣ и Систе-гему, имѣютъ небольшое количество быковъ, овецъ, козловъ и лошадей, недостаточное даже для необходимыхъ потребностей, но за то богаты серебромъ. Прежде эти сойоты, живя въ лѣсахъ, имѣли домашнихъ оленей, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ ихъ истребила язва. Ни одинъ изъ

---

(697) Pesterev, l. c. T. I. p. 148.

сойотовъ не занимается земледѣліемъ; они питаются только мясомъ, корнями и кедровыми орѣхами. Когда же во всемъ этомъ обнаруживается недостатокъ, то въ крайности они прибѣгаютъ къ кирпичному чаю, который сильно солятъ. Пестеревъ давалъ имъ сухари, но они нашли ихъ не совсѣмъ вкусными.

Монголы роста высокаго, крѣпкаго тѣлосложенія и довольно опрятны, сойоты же ([698]), особенно кочующіе по границамъ, чрезвычайно неопрятны и грубы; они, кажется, не знаютъ даже, что значитъ мыть одежду и не снимаютъ шубъ. Нѣкоторые изъ нихъ такъ грубы, что, по словамъ Пестерева, едвали заслуживаютъ названіе людей. Нѣкоторыя орды вовсе не имѣютъ стадъ и когда зимою не находятъ пищи, то ѣдятъ ремни и кожаные мѣшки. (Это было послѣднею пищею и капитана Франклина и доктора Ричардсона на отдаленномъ сѣверѣ, во время путешествія ихъ по полярнымъ странамъ). Наконецъ они ѣдятъ даже дѣтей своихъ, а если и этого недостаточно, то мужья — своихъ женъ и на оборотъ; молодые старыхъ. И это, говоритъ Пестеревъ, не басня, а совершенная истина и даже случилось въ мое время (1781 г.). Мы не имѣемъ средствъ повѣрить это показаніе, но замѣтимъ, что русскіе издавна называютъ самоѣдовъ сыроѣдами ([699]). Такъ какъ самоѣды соплеменны съ сойотами, то быть можетъ случайное значеніе этого слова на русскомъ языкѣ подало поводъ къ подобному о нихъ мнѣнію. Богатыя ([700]) единоплеменныя орды на китайской сторонѣ нисколько не чувствуютъ состраданія къ своимъ бѣднымъ собратьямъ и даже не считаютъ ихъ за единоплеменниковъ и не помогаютъ имъ ни въ чемъ. Вину ихъ бѣдности они возводятъ на ихъ отцевъ, ничего неоставившихъ своимъ дѣтямъ. Богатые рѣшительно не помогаютъ бѣднымъ и только иногда берутъ ихъ дѣтей въ работы, родителей же предоставляютъ голодной смерти.

---

(698) Pesterev l. c. T. I. p. 149.
(699) Klaproth. Asia polyglot. p. 138.
(700) Pesterev l. c. T. I. p. 150.

Пестеревъ приводитъ ужасные примѣры жестокости во время голода.

Въ 1780 г. китайское правительство хотѣло помочь несчастнымъ; императоръ приказалъ раздать каждому изъ нихъ по лошади, коровѣ, овцѣ, козлу и перевести самыхъ бѣдныхъ на берега озера Тоджи (Туцзы-норъ на манджуро-китайскихъ картахъ; Тоджикуль у Мессершмита на рѣкѣ Озасъ). Пестереву случилось видѣть здѣсь многіе примѣры китайскаго правосудія и способа наказанія (701) преступниковъ за воровство и другія преступленія.

3. Пограничная провинція Уляссутай, по Китайской государственной географіи (1818 г.).

Мы заключимъ описаніе этой провинціи нѣкоторыми замѣчаніями о нынѣшнемъ ея состояніи. Свѣдѣніями объ Уляссутаѣ обязаны мы сообщенному К. Ф. Нейманомъ (702) рукописному переводу китайскаго подлинника, къ которому мы присовокупили отъ себя нѣсколько замѣчаній, необходимыхъ для поясненія словъ Неймана, слѣдуя ему впрочемъ въ правописаніи именъ.

а) Раздѣленіе.

Пограничный главнокомандущій имѣетъ мѣстопребываніе въ крѣпости Уляссутай (Вуляссутай). Ему подчиненъ зайсанъ, живущій въ крѣпости Хопуто (Гобдо). Подъ управленіемъ вуляссутайскаго главнокомандующаго находятся: 1) 20 киргизскихъ хоругвей Тушэту (хана, живущаго на верховьяхъ Селенги (703) въ окрестностяхъ Эрденицзао (см. Т. II стр. 199, 233). 2) 24 киргизскія хоругви Сангинъ-нойонъ

(701) Pesterev l. c. T. I. p. 152.

(702) Изъ Tai-thsing-hoei thien lib. X p. 58, lib. XI. p. 2. LII p. 21, по рукописи Неймана.

(703) Timkovsky Voy. T. II. p. 43.

(Сангинъ-Далай при истокѣ Селенги см. Т. II стр. 197). 3) 23 киргизскія хоругви Гюй-чинъ-хана. 4) 17 киргизскихъ хоругвей Джассакту-хана, живущаго на з. (704) отъ всѣхъ остальныхъ хановъ и на югъ отъ Тан-ну и Улангома (см. Т. II стр. 188), на р. Джабганъ (Т. II стр. 260). 5) 5 хоругвей Тан-ну-Улянхай, состоящихъ подъ управленіемъ трехъ генералъ-майоровъ (цзо-линь). Непосредственно зайсану Хопуто (Гобдо) подчинены: 1) двѣ хоругви Синъ или Ду-эрлъ-ба-та (т. е. Дурботъ, Т. II стр. 142); 2) одна хоругвь Хо-чи-ти (вѣроятно Хошодъ, Т. II стр. 142); 3) 16 хоругвей Юй-эрлъ-ба-ти; 4) 7 хоругвей Арлтай-ву-лянъ-хай (т. е. Алтай-Уранхай или восточно-самоѣдскія племена, которыя (см. Т. II стр. 294, 304) имѣютъ свои кочевья около озера Алтай, Артай, Ортай); 5) 2 хоругви Арлтай-норъ-вулянхай; 6) одна хоругвь Гилюй-ти (т. е. элютовъ, Т. II стр. 143); 7) одна хоругвь Мингати (т. е. Манкатъ, самоѣдское племя), и 8) одна хоругвь Ча-ча-синь.

б) Народонаселеніе.

1. Въ Вуляссутаѣ и Танну-вулянхаѣ:		
	семействъ, ежегодно платящихъ по 2 куницы . . .	595
	„ „ „ по 80 бѣлокъ . . .	412
2. Въ Хопуто и Арлтай-вулянхаѣ:		
	семействъ, платящихъ по 2 куницы.	256
	„ „ „ 4 лисицы.	429
3. Въ Арлтай-норъ-вулянхаѣ:		
	семействъ, платящихъ по 2 куницы.	147
	„ „ „ 80 бѣлокъ	61
	Всего .	1900

Такъ какъ китайцы считаютъ въ каждомъ семействѣ по шести ртовъ, т. е. лицъ (слѣдоват. не такъ, какъ европейскіе статистики производятъ исчисленія душами), то по ихъ счету число всѣхъ кочевниковъ составило бы 11,400 человѣкъ.

---

(704) Timkovsky Ibid.

в) Горы.

1. Гора Хан-нгай (Хангай, Т. II стр. 195), на з. отъ хоругвей Ту-шэ-ту-хана, служитъ границею отъ Сан-гин-нойонъ.

2. Гора Генъ-ти (т. е. Кентей, Т. II стр. 205) къ с.-в. отъ праваго крыла и крайнихъ хоругвей лѣваго орды Ту-шэ ту-ханъ. Она составляетъ границу съ ордою Гю-чинъ-ханъ.

3. Гора Тан-ну, близь хоругвей Тан-ну-вулянхай.

4. Гора Гинь (золото) на монгольскомъ языкѣ называется Арлтай (Алтай), лежитъ западнѣе Хо-пу-то и служитъ границею съ Та-рл-баха-тай (Тарбагатай, см. Т. II стр. 111).

5. Гора Хань южнѣе Кулуна (*).

г) Рѣки.

1. Рѣка Ки-лу-лунъ (Кэруленъ Т. II стр. 237) или Люй-гю (**) вытекаетъ близь крайнихъ улусовъ орды Гю-чинъ-ханъ.

2. Си-лен-ги (Селенга); ея главная вѣтвь называется Цзи-ла-ту (Т. II стр. 231), она принимаетъ много притоковъ и по соединеніи съ Ха-суй, впадающею въ нее съ юга (***), получаетъ имя Селенги и течетъ на с.-в.

3. Джа-буго (т. е. Джабганъ см. Т. II стр. 260) беретъ начало у крайнихъ правыхъ хоругвей праваго крыла орды Сангинъ-нойонъ, принимаетъ р. Вулассутай и другія и впадаетъ въ озеро А-ла-ки (т. е. Эхэ-аралъ-норъ или большое озеро Аралъ). Рѣка Хобду беретъ начало у улусовъ Арлтай-вулянхай, подъ именемъ Суго-ки, направляется къ востоку и принимаетъ текущую съ с. рѣку Вулассуту. Ее должно смѣшивать съ Вулассутай, получившую названіе свое отъ города того же имени въ рѣчной области Джаб-

---

(*) Можетъ быть Хинганъ, южнѣе Кулунъ-нора; въ описаніи рѣкъ географъ также слѣдуетъ отъ востока къ крайнему западу и потомъ опять разомъ перескакиваетъ къ самымъ крайнимъ восточнымъ предѣламъ провинцій. *Пр. Пер.*

(**) Люй-гю есть древнее названіе Кэрулена. *Пр. Пер.*

(***) Цзилату вытекаетъ изъ озера Уджейту-чаганъ-нора къ ю.-в. отъ Сангинъ Далая; Хассуй къ в. оттуда, недалеко отъ истоковъ Тамира, притока Орхона. Обѣ рѣки соединяются въ меридіанѣ Тункинска. *Пр. Пер.*

ганъ). По впаденіи Сугоки, Хобду заимствуетъ свое имя отъ города, мимо котораго протекаетъ, и вливается въ озеро А-ла-ки. По китайской картѣ, таблицѣ II, Хопуто или Гобдо лежитъ на правомъ или южномъ берегу р. Гобдо, недалеко отъ ея устья.

4. Во-нанъ (т. е. Ононъ, Т. II стр. 223); кромѣ того:
5. Бай-да-ли-ки (Байдарикъ, Т. II стр. 262).
6. Да-цзу.
7. Суй (Туй, см. Т. II стр. 262).
8. Ки-рлъ-ки (Киркизъ) и также другія степныя рѣки.
9. Шатунъ (Катунь).
10. Ти-цзы (Тесъ) (см. Т. II стр. 261).
11. Ки-му (Кемъ), котораго истоки называются здѣсь Хуакиму и Гюй-киму.

д) Озера.

Всѣхъ озеръ въ приведенномъ описаніи показано 11, изъ которыхъ мы здѣсь назовемъ только нѣкоторыя. Во 1-хъ озеро Алаки на востокъ отъ города Хобдо; монголы называютъ его Эхэ-Алаки, т. е. Эхэ-аралъ (Эхэ, т. е. большое, и Алаки озеро; Т. II стр. 261). 2. Ву-пу-цза (Упса) близь хоругвей лѣваго крыла Дурботъ (Т. II стр. 261). 3. О-ло-ки, у кочевьевъ Далай-лама Эрдени-банды. 4. Ки-цзы-рлъ-ба-ши (Кызылъ-башъ) близь знаменъ Артай-Вулянъ-хай, т. е. на ю.-з. отъ Гобдо и очень близко къ истокамъ р. Иртыша (Т. II стр. 75, 124).

е) Всѣ монголы, живущіе въ Ву-ля-ссу-таѣ и Гобдо, какъ означено въ государственной географіи ([704]), раздѣлены на три класса: 1) пограничную стражу; 2) военныя колоніи и 3) кочевниковъ.

Мы предоставляемъ будущимъ изслѣдователямъ входить въ подробности такого рода перечисленій, которыхъ результаты изложены нами въ предъидущей главѣ. Онѣ далеко еще не полны, не смотря на всѣ старанія, потому что изученіе китайской литературы въ Германіи подвигается очень медленно. Ея

(704) Книга Т. II, стр. 21.

историческая сторона далеко не нашла къ себѣ такого сочувствія, какого она заслуживаетъ.

Теперь мы сообщимъ топографическія замѣчанія по государственной географіи Лифань-юань, о двухъ мѣстностяхъ, до сихъ поръ почти совсѣмъ неупоминаемыхъ въ европейскихъ географіяхъ, именно: во 1-хъ, городѣ Гобдо (Т. II стр. 116, 143, 261, 308 и т. д.) и во 2-хъ, озерѣ Упса. Мы передаемъ ихъ буквально по китайскому оригиналу, желая представить образецъ его сухости, но вмѣстѣ съ тѣмъ и точности, превосходящей европейскія географическія описанія.

1. *Хобду* (Гобдо) лежитъ на с.-з. отъ столицы (Пекина) и на западѣ отъ Ву-ляссутая (Уляссутай). Его превосходительство цзянь-цзюнъ имѣетъ здѣсь главное мѣстопребываніе. На юго-западѣ отъ города находятся двѣ хоругви Синъ или Новыхъ Тургутъ (*). Къ югу область Хобду простирается до рѣки У-рунъ-гу (Улюнгуръ, Т. II стр. 124). Къ западу граничитъ она съ сѣверною частью области Или и хоругвями Тургутъ. Къ с.-з. отъ нея находятся хоругви Синъ или новыхъ Хошотъ. На з. отъ города Хобду течетъ р. Цзинъ-ки-цзы, на восточной сторонѣ которой расположены хоругви Ча-ча-синъ. На западѣ отъ города находится также Бур-цзинъ. Хоругви Мингатъ (Манка, т. е. самоѣдовъ) расположены южнѣе озера Аликъ (т. е. Ала-ки, Эхэ-аралъ-норъ) или Арикъ. На в. отъ озера находятся три хоругви лѣваго крыла Дурботъ и задняя хоругвь Хой-ти-хя (т. е. турксkія племена; всѣ они кочуютъ южнѣе озера Упса. Три хоругви лѣваго крыла Дурботъ граничатъ на ю.-в. лѣвыми хоругвями лѣваго крыла Джассакту-хана (т. е. западная область халхасовъ). На сѣверъ отъ Дурботъ находятся двѣ хоругви Артай-норъ и Улянъ-хай. Племена Дурботъ расположены прямо на югъ отъ озера Артай. Границею ихъ на вос-

(*) Это калмыки (тургутъ-элюты), бѣжавшіе съ Волги. *Прим. перев.*

токѣ служитъ Ву-ляс-су-тай, котораго касаются Тан-ну и Вулян-хай. На ю.-з. (отъ Артай) находятся 11-ть хоругвей праваго крыла Дурботъ и переднія знамена Хой-ти-хя. На югъ отъ этого озера улусы О-лу-ты (т. е. элюты); на западѣ отъ нихъ 7 хоругвей Артай и Вулян-хай. Всѣ они съ юга касаются Алтайскаго хребта, а съ сѣвера служатъ границею между Россіею и Китаемъ.

2. *Озеро Убса.* Оно лежитъ на сѣверъ отъ улусовъ лѣваго крыла Дурботъ и граничитъ на с. и з. съ Тан-ну и Улянхай. Рѣка Кела-кили (на китайской картѣ рѣка эта означена какъ южный притокъ Убса) и воды озера Кузанъ (Гузанъ-норъ) берутъ начало близъ хоругвей лѣваго крыла Дурботъ и имѣютъ сѣверное направленіе. Рѣка Сах-ли-ша-ли (Сахли Кара? которая по картѣ течетъ въ озеро Упса съ запада), беретъ начало тутъ же и имѣетъ восточное направленіе. Обѣ рѣки вливаются въ озеро Упса, котораго главный притокъ съ в. есть Ти-цзы, т. е. Тесъ у русскихъ.

Примѣчаніе. Алтынъ-ханы на Кемчикѣ и озерѣ Упса; русскія посольства къ нимъ въ XVII в. Ламайскіе храмы на рѣкахъ Тесъ и Кемчикъ.

Здѣсь кстати вспомнить о томъ періодѣ русско-сибирской исторіи, когда европейцы въ первый разъ познакомились съ именами озера Упса и Кемчика—западнаго истока Енисея. Это было въ началѣ XVII в.; и съ тѣхъ поръ свѣдѣнія объ этихъ странахъ весьма мало подвинулись впередъ. Между тѣмъ повѣствованія сибирскихъ историковъ, относящіяся къ цвѣтущему времени киргизскихъ племенъ и періоду могущества монгольскихъ Алтынъ-хановъ, нерѣдко должны были касаться этихъ странъ, потому что въ это время сюда пріѣзжали частыя посольства отъ русскихъ пограничныхъ правителей и даже изъ самой Москвы, чтобы склонить къ себѣ или даже покорить своей власти правителей этихъ ордъ. Изъ этихъ-то большею частію весьма неточныхъ разсказовъ, сообщенныхъ посылаемыми туда дѣтьми боярскими и казацкими посланцами, почерпаемъ мы древнія

географическія свѣдѣнія объ этихъ странахъ. До сихъ поръ географія не воспользовалась этими замѣчаніями и они сохранились только въ сибирской лѣтописи государственнаго исторіографа Миллера и академика Фишера. Кромѣ того, мы имѣемъ нѣкоторыя данныя о томъ же времени, собранныя докторомъ Мессершмидтомъ и его товарищемъ Штраленбергомъ. Изъ нихъ мы выбираемъ такія географическія свѣдѣнія, которыя могутъ служить для объясненія исторіи страны и народа.

Монгольскихъ хановъ, которымъ ихъ сѣверные и западные сибирскіе и магометанскіе сосѣди, въ особенности киргизы, калмыки и казаки, въ началѣ XVII столѣтія, дали титулъ Алтынъ-хановъ, т. е. золотыхъ, не должно смѣшивать съ древними Алтынъ-ханами турковъ, въ Эктагъ-Алтаѣ или съ манджурскою династіею Гинь, которую арабскіе писатели (706) также называютъ Алтынъ-ханами и о которыхъ мы уже говорили выше (Т. II стр. 179). Господство монгольскихъ Алтынъ-хановъ не было продолжительно, такъ какъ предѣлъ ему былъ положенъ, съ 1650 г., возвышеніемъ Кунъ-Тайдши элютовъ. Государство Алтынъ-хановъ, передъ концемъ самостоятельности монголовъ и образованіемъ могущественныхъ государствъ элютовъ и джунгаровъ и ихъ подчиненіемъ Китаю, занимало только западную часть Монголіи. Эти монгольскіе ханы, получившіе за свое богатство названіе Алтынъ или золотыхъ царей, приняли еще титулъ Кунъ-Тайдши (707), подобно своимъ сосѣдямъ элютскимъ ханамъ. Это-то обстоятельство завлекло Алтынъ-хановъ въ споры съ сими послѣдними, продолжавшіеся до тѣхъ поръ, пока ханы элютовъ не одержали верха надъ всѣми монгольскими ханами. Алтынъ-ханы были также въ постоянной враждѣ съ киргизскими ханами, помогавшими

(706) Дегинь, у Деннерта. Т. I р. 257.

(707) Müller Samml. Russ. Gesch. T. VIII. p. 281, 367 и пр. Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 143.

*

Кунъ-Тайдши элютовъ, но за то находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ русскими до 1690 г., т. е. до того времени, пока не подчинились элютскому царству Галдана (Т. II стр. 145). Мѣстопребываніе Алтынъ-хановъ находилось преимущественно на озерѣ Упса, а также и на р. Кемчикѣ, и сюда-то пріѣзжали и русскіе посланцы. Рѣка Кемчикъ, еще до завоеванія этой страны монголами, служила границею (708) между русскими и монгольскими владѣніями. Въ первый разъ (709) имя Алтынъ-хана монголовъ встрѣчается въ 1609 г., а въ 1616 и 1619 гг. прибыли къ нему первые русскіе посланцы. Въ 1620 г. киргизы, жившіе у верхняго Енисея и Абакана, бывшіе подданные русскихъ, искали у него помощи (710). Потомъ, въ 1629 г., они, прибывъ въ Красноярскъ, просили защиты противъ Алтынъ-хана, обѣщая за то платить 100 собольихъ мѣховъ ежегодно. Они совѣтовали основать на р. Кемчикѣ (711) острогъ, потому что тутъ идетъ главная дорога къ Алтынъ-хану и эта рѣка составляетъ границу между Россіею и Монголіею. Но зависть (712), пробудившаяся въ то время между томскимъ и красноярскимъ воеводами, воспрепятствовала исполненію этого предложенія, которое впослѣдствіи могло быть очень полезно для Россіи. Такимъ образомъ это предложеніе не имѣло никакого результата; безпокойства и нападенія киргизовъ продолжались и вновь основанныя пограничныя поселенія часто подвергались опасности. Съ 1635 г. (713) русскіе отправляли нѣсколькихъ посланцевъ къ Алтынъ-хану, съ просьбою возстановить спокойствіе между киргизами, и въ то время пронесся слухъ (714), что самъ ханъ хочетъ покориться русскому вла-

(708) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 312.
(709) Müller Samml. Russ. Gesch. T. VI. Sibirische Gesch. p. 537.
(710) Ibid. T. VIII. p. 162.
(711) Ibid. T. VIII, p. 166. Fischer Sibir. Gesch. T. I. c. 417.
(712) Müller l. c. VIII. p. 171.
(713) Müller l. c. 79.
(714) Fischer l. c. T. I. p. 318. II. p. 663.

дычеству, о чемъ онъ, впрочемъ, и не помышлялъ. Къ этому времени (1632, 1636, 1638, 1659) относятся отчеты русскихъ посланцевъ, изъ которыхъ мы и почерпаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ горныхъ странахъ.

1. *Поѣздка казацкаго атамана Василія Туманца* ([715]) *и десятника Ивана Петрова къ Алтынъ-хану въ 1616 г. Изъ подлинника, найденнаго въ томскомъ архивѣ.* Посольство отправилось съ дарами отъ царя Михаила Өедоровича къ Алтынъ-хану 15 декабря, 1616 г., черезъ земли киргизовъ, которые должны были предупредить хана о прибытіи русскихъ. Посланцы были встрѣчены людьми Алтынъ-хана: Тайбинъ-мурзою (мурза или князекъ; такъ называли казаки тамошнихъ тайдшей, или туземныхъ князей низшаго чина) и конвоемъ изъ 30 человѣкъ. Мурза заботился о снабженіи пословъ съѣстными припасами и провожалъ ихъ до золотаго царя Кункандшей (можетъ быть Кунъ-Тайдши?). Это было собственно монгольское имя хана, говоритъ Фишеръ. Киргизы за его богатство прозвали его Алтынъ-ханомъ, а русскіе—золотымъ царемъ ([716]). Дорога шла чрезъ Саянскія горы въ землю Маци (?); ихъ князь Кундугенъ принялъ русскихъ ласково и проводилъ ко двору. Здѣсь они получали пищу, питье, угощенія и палатку возлѣ Алтынъ-хана и все это изъ уваженія къ бѣлому царю (т. е. царю Московіи). На другой день они имѣли аудіенцію въ палаткѣ Кутухту, гдѣ, кромѣ ихъ, были: пѣвецъ его и посланникъ желтаго царя Кошудшина (вѣроятно изъ Тибета), также киргизы и другіе князья. Алтынъ-ханъ былъ въ парчевой одеждѣ. Въ отчетѣ казаковъ сказано, что Алтынъ-ханъ, выслушавъ полный титулъ московскаго царя, нѣсколько приподнялъ шапку, тогда какъ всѣ другіе, тутъ бывшіе, обнажили головы. Потомъ они уговаривали хана присягнуть царю въ вѣрности, что онъ, по ихъ словамъ,

---

(715) Fischer l. c. I. p. 368. срав. Müller l. c. T. W. p. 476.
(716) Fischer l. c. p. 369. Примѣч.

и сдѣлалъ, при чемъ пѣвцы (т. е. жрецы) поднимали своихъ идоловъ. Этимъ аудіенція и кончилась. Потомъ они отдали подарки, и пиръ заключилъ это торжество. Обратное путешествіе казаки совершили въ 10 дней. Палатки, которыя они тамъ видѣли, были приспособлены къ перевозу ихъ на вреблюдахъ. Оружіе подданныхъ Алтынъ-хана состояло изъ лука и стрѣлъ. Отъ резиденціи его до Китая можно доѣхать въ мѣсяцъ, слѣдуя все по ровнымъ мѣстамъ, и нигдѣ не проходя ни черезъ горы, ни черезъ рѣки. Изъ земли киргизовъ казаки доѣхали до резиденціи Алтынъ-хана только въ мѣсяцъ. Сначала они слѣдовали 10 дней по крутымъ горамъ, гдѣ нашли древнія каменныя зданія, каменныя мечети (т. е. ламайскіе храмы, какъ въ Аблайкитѣ). Старожилы говорили имъ, что тутъ прежде жили китайцы, подданные Алтынъ-хана (буддійскій монастырь?). На возвратномъ пути казаки проѣзжали также мимо трехъ снѣжныхъ горъ, но около резиденціи хана уже не нашли снѣга. (Тутъ они пробыли отъ 18 до 26 октября). Слѣдуя въ эту резиденцію изъ земли киргизовъ, они переѣзжали рѣки Абаканъ, Частые-броды (т. е. Цаханъ-Маханъ, правый притокъ Абакана, стр. 1011), рѣку, текущую въ узкой скалистой долинѣ, на три дня пути, по дорогѣ къ Ханъ-Тигиру (Кантегиръ) и Кемчику. Съ сего послѣдняго они перебрались уже къ озеру Упса, гдѣ и нашли Алтынъ-хана. Недалеко отсюда находится соленая гора—именуемая Кукей.

2. *Посольство казаковъ Ивана Петлина и Петунки Киселева къ Алтынъ-хану; 1619 г. Лусанъ-китъ на р. Тесь* (717). По найденному Миллеромъ въ томскомъ городскомъ архивѣ донесенію, посольство это было отправлено тобольскимъ воеводою И. С. Куракинымъ и въ 10 дней пути достигло до киргизской земли. Здѣсь было мѣстожительство князя Нѣмча.

---

(717) Müller T. IV. p. 477—478 и Fisher. l. c. T. I p. 382—384.

Отсюда, въ 6 дней, казаки достигли р. Абакана; откуда въ 9 дней до р. Кемчика и наконецъ отсюда, въ 3 дня, до большаго озера, въ которомъ, по ихъ словамъ, находятся блестящіе и прозрачные камни (аспидъ и сафиръ?). Казаки, по возвращеніи, разсказывали, что озеро это имѣетъ 12 дней верховой ѣзды въ окружности. Въ него впадаютъ четыре рѣки, текущія съ с.-з. ю. и з.; къ нимъ принадлежитъ и р. Кесъ (безъ сомнѣнія р. Тесъ, Ти-цзы-хэ), по которой они поднимались 15 дней, потому что кочевье Алтынъ-хана находилась въ то время на этой рѣкѣ. Это почти единственное извѣстіе объ открытіяхъ по р. Тесъ; оно тѣмъ болѣе еще важно, что соотвѣтствуетъ извѣстіямъ объ этой рѣчной области изъ китайскихъ источниковъ. Русскіе забыли объ этихъ извѣстіяхъ до новѣйшаго времени. Озеро это не что иное, какъ Упса (возраженія Фишера и ошибочные его взгляды по сему предмету, см. Ч. I. стр. 883 Прим. 49, падаютъ сами собою); то же извѣстіе упоминаетъ, что, слѣдуя отъ этого озера къ югу (къ ю.-з.), можно дойти въ 3 или 4 дня до истоковъ Иртыша, впадающаго въ озеро Зайсанъ. Свѣдѣнія, найденныя въ томскомъ архивѣ, оканчиваются озеромъ Упса, потому что выписка архива имѣла только въ виду представить справку объ упомянутыхъ блестящихъ камняхъ, о которыхъ однако же мы болѣе ничего не знаемъ. Фишеръ думаетъ, что продолженіе извѣстій этого посольства могло бы быть отыскано въ московскомъ архивѣ (*). Миллеръ ([718]) утверждаетъ, что названіе озера Упса есть татарское, т. е. туркское, и что у монголовъ это озеро называется Сангинъ-Далай (Саншинъ по Мессершмидту, вѣрнѣе Сангинъ, какъ называетъ его Миллеръ, потому что это въ переводѣ значитъ бурное море), по священному мѣсту, на-

---

(*) Весь подлинный отчетъ Петлина былъ обнародованъ Спасскимъ въ Сибирскомъ Вѣстникѣ 1818 г. См. ниже Дополненія во 2-й части III тома Прим. Перев.

(718) Müller l. c. IV. p. 478. Прим.

ходившемуся вблизи отъ него (*), т. е., вѣроятно, буддійскому храму, какъ въ Аблайкитѣ. Миллеръ (719) полагаетъ, что основателемъ этого храма былъ нѣкто Сангинъ, или, какъ пишетъ Мессершмидтъ, Саншинъ. Названіе это монгольское и отъ него и самое озеро получило свое имя Саншинъ-китъ. Мессершмидтъ (720) утверждаетъ напротивъ, что р. Тесъ, на востокѣ, вытекаетъ изъ озера Сангинъ (вѣроятно то самое, недалеко отъ котораго находятся источники рѣки Тесъ), а на западѣ впадаетъ также въ озеро Сангинъ. Вслѣдствіе этого показанія, писатели совершенно сбились въ опредѣленіи теченія р. Тесъ и смѣшали между собою два озера, отстоящія одно отъ другаго, по крайней мѣрѣ, на 15 дней пути. Изъ позднѣйшихъ извѣстій (вѣроятно Степана Гречанина, второе посольство 1659, подъ № 4) оказывается, что на берегахъ р. Тесъ были построены храмы, о которыхъ исторіографъ Миллеръ (721) слышалъ въ Красноярскѣ (1735) слѣдующее: нужно ѣхать, отъ мѣста соединенія обѣихъ главныхъ вѣтвей Енисея (Бей-кемъ и Улу-кемъ), прямо на югъ къ р. Тесъ. На правомъ берегу ея находятся два храма—въ одинаковомъ разстояніи отъ вышеупомянутыхъ озеръ, слѣдовательно на срединѣ теченія р. Тесъ, на возвышенномъ скалистомъ мѣстѣ. Одинъ изъ храмовъ двухъ-этажный; въ нижнемъ его этажѣ русскіе путешественники нашли на стѣнахъ, покрытыхъ живописью, деревянные образа, покрытые лакомъ. Въ нижней же части одного деревяннагѳ шкафа нашли рукописи (какъ и въ храмовой библіотекѣ Аблай-кита), изъ которыхъ однако ни одна не дошла до Красноярска. Другой храмъ одно-

---

(*) Сангинъ-Далай есть совершенно другое озеро, лежащее къ в. отъ истоковъ Теса. *Пр. Перев.*

(719) Müller de scriptis Tanguticis etc. въ Commt. Acad. scientiar. Imp. Petrop. 1738 T. X. 4. p. 458—460.

(720) По указанію Штраленберга въ Tabula nov. de scr. Tattar. magnae.

(721) Müller l. c. de scriptis Tanguticis p. 456.

этажный и безъ всякихъ украшеній. Подобныя зданія, какъ имъ говорили, находятся и на лѣвомъ или южномъ берегу р. Тесъ, но никто изъ русскихъ не посѣщалъ ихъ. Во время образованія Галданова государства, эта страна была болѣе всего опустошаема, во время войны между монголами и калмыками (Элютъ), потому что она лежала на границѣ обоихъ владѣній. Впослѣдствіи, незадолго до прибытія въ Сибирь Мессершмидта и Миллера (1735 г.), на лѣвомъ берегу р. Тесъ находились постоянные китайскіе пикеты, для охраненія монголовъ. Китайцы на южномъ берегу озера Упса (Сангинъ) построили укрѣпленіе съ палисадами, для помѣщенія двухъ тысячъ пограничныхъ воиновъ. На первой таблицѣ спеціальной карты Уляссутая (1818 г.), отъ истоковъ Селенги вдоль праваго берега р. Тесъ, означены 11 такихъ пикетовъ. Они носятъ слѣдующія названія: 1) Цзирле; 2) Баянъ-булакъ; 3) Эрсунъ; 4) Самуголъ (Самгайтай); 5) Алаки (Алакъ-обо близъ восточной оконечности озера Упса); 6) Эргиху (Эргэ-ху-булакъ). На сѣверномъ берегу: 7) Ирхэ-цзицзи-кона (Цзицзиръ-гана) и близъ с.-з. оконечности озера въ направленіи къ истокамъ Кемчика; 8) Ханта-коту (Хандагай-ту). Основателемъ вышеупомянутыхъ храмовъ почитаютъ монгольскаго хана Лоозана (Лузана по Фишеру; Лу-цзана по Палласу), сына Алтынъ-хана, царствовавшаго съ 1660 — 1680; съ его именемъ мы встрѣтимся и еще далѣе. По имени хана мѣсто это называлось Лозанъ-китъ (какъ Аблай-китъ); у русскихъ Лозановы палаты. Сей послѣдній властитель изъ рода Алтынъ-хановъ, въ 1690 г., былъ вытѣсненъ изъ своего царства на р. Тесъ и озеро Упса ([722]) галданомъ элютовъ. Съ тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ до паденія владычества джунгаровъ, постоянныя безпокойства и волненія препятствовали развитію какой бы то ни было цивилизаціи на р. Тесѣ и озерѣ Упса. Эти самыя обстоятель-

---

(722) Müller l c. de scriptis Tanguticis. p. 457.

ства были также причиною недостаточности свѣдѣній объ этихъ странахъ.

3) *Посольство Степана Гречанина къ Алтынъ-хану, въ 1636 г.* ([723]). Частыя посольства между обоими княжескими домами породили въ Алтынъ-ханахъ алчность къ подаркамъ царя московскаго и неумѣренность въ требованіи ([724]) ихъ. Обыкновенно русскіе исполняли подобныя, иногда весьма странныя, требованія монгольскихъ пословъ. Съ однимъ изъ такихъ посольствъ былъ посланъ боярскій сынъ Гречанинъ и его письмоводитель Андрей Самсоновъ. Другой посланникъ боярскій сынъ Бартанъ-Карташевъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправленъ, въ знакъ особаго уваженія, къ Кутухту-Лама, жившему тогда не у Алтынъ-хана, а у брата его Даинъ-Нойона (Нойонъ, т. е. тайджа), въ качествѣ совѣстнаго совѣтника. Они выѣхали изъ Томска въ 1636 г. ([725]), были встрѣчены на монгольской землѣ зятемъ Алтынъ-хана и прибыли въ ханскій улусъ, расположенный тогда у рѣки, называемой Гузунъ-такай; здѣсь ихъ принимали братья Алтынъ-хана. Послѣ трехъ аудіенцій, на которыхъ сдѣлано было очень много протестовъ противъ требованія отъ русскихъ присяги въ вѣрности ихъ царю, говоритъ Гречанинъ, лама и его министры выпили за здоровье царя чашу золотаго вина. Послѣ того ханъ подписалъ присягу на подданство и обѣщалъ покорить киргизовъ и обратить ихъ въ подданство Россіи. Вскорѣ потомъ начали просить новыхъ подарковъ: мать хана Цеценъ-хатунь, лама, хранитель сокровищъ, министры, самъ ханъ, два его брата, пребывавшіе на Кемчикѣ, требовали подарковъ; послѣдніе и черезъ собственныхъ пословъ. Русскіе принуждены были раздать не только свое платье, но лучшее свое оружіе. Съ трудомъ возвратилось русское посольство чрезъ р. Кемчикъ, гдѣ оно было задержа-

---

(723) Fischer, sibir. Gesch. T. II. 669—676.
(724) Ibid. 663—666.
(725) Ibid. T. II. 672.

но въ продолженіи двухъ недѣль, а потомъ чрезъ Саянскія горы подъ монгольскимъ конвоемъ, и чрезъ землю возмутившихся киргизовъ. Довольно счастливо переправились посланцы чрезъ рѣки Абаканъ и Уйбатъ (лѣвый притокъ нижняго Абакана на з. отъ Абаканска, по которому жили киргизы Алтырцы), потомъ чрезъ р. Бѣлый Юсъ, гдѣ тогда кочевали киргизы Алты-сары, производившіе въ это время хищническій набѣгъ. Такимъ образомъ Гречанинъ благополучно возвратился въ Томскъ.

4) *Посольство Василія Старкова и Степана Невѣрова къ Алтынъ-хану, въ 1638 г.* ([726]). Изъ Томска эти посланцы слѣдовали до р. Уйбатъ, гдѣ алтырскіе киргизы отказались дать имъ подводы. Отсюда, въ теченіи 14 дней, продолжали они путь свой, какъ кажется, по той же дорогѣ, по какой слѣдовали ихъ предшественники. Они прошли чрезъ горный проходъ Шабина на рѣку Кемчикъ къ мингатскому князю Кушаку; здѣсь они получили отъ Алтынъ-хана повелѣніе остановиться. Между тѣмъ, уже въ трехъ дняхъ пути отъ р. Сай-колъ (Цзя-кулъ Штраленберга; рѣка эта есть ближайшій къ Кемчику притокъ Кема или Енисея, текущій съ ю. къ с.), ихъ встрѣтилъ двоюродный братъ хана, и тайный его совѣтникъ Дураль-Табунъ и пригласилъ къ обѣду въ свою палатку. Здѣсь они должны были пробыть три нѣдѣли до 9-го ноября; этотъ день былъ назначенъ для аудіенціи у Алтынъ-хана. Тутъ начался споръ объ исполненіи этикета. Алтынъ-ханъ съ Юргуту (можетъ быть Иргалтай, или Циргу-ту правый или южный притокъ р. Кемчика, на табл. 1-й Уляссутай) перенесъ свой улусъ далѣе, на р. Кемчикъ, для зимовки. Русскіе послы страдали въ горахъ 4 дня отъ голода; наконецъ на 5-й день имъ доставили пищу. Кутухту-Лама также пріѣхалъ, принялъ пословъ съ дарами очень радостно и ста-

---

(726) Fischer, Sibir. Gesch. T. II. 681—699.

рался быть посредникомъ между ними и упрямымъ ханомъ. Братъ хана имѣлъ свой улусъ на Енисеѣ и звалъ къ себѣ русскихъ пословъ, которые отдали подарки уже на слѣдующій день (слѣдовательно, мѣсто аудіенціи было на р. Юргуту, недалеко отъ Енисея).

Между тѣмъ Кутухту-Лама и Даинъ-Нойонъ перенесли свои улусы на другое мѣсто въ Алтынъ-Кадузинъ, т. е. золотая долина. Два брата Алтынъ-хана требовали также подарковъ. Первый Тайчинъ — жилъ внизъ по Кемчику у источника Ахта, въ разстояніи двухъ дней пути отъ ханскаго улуса. Здѣсь онъ предавался въ уединеніи молитвамъ и постамъ, но, не смотря на это, принялъ дары тотчасъ. Ко второму брату Даинъ-Нойону, у котораго былъ и Кутухту, Старковъ долженъ былъ отправиться, вѣроятно послѣ перекочевки, сначала внизъ по р. Кемчику, потомъ влѣво, т. е. на югъ къ источнику Барлы (ни на одной картѣ не означенному, но вѣроятно небольшому притоку Кемчика, который, судя по таблицѣ 1-й Уляссутая, долженъ вытекать недалеко отъ озера Упса, изъ вершинъ, простирающихся по сѣверному берегу). По этой рѣкѣ посланцы дошли до ея истоковъ, потомъ перешли чрезъ горы къ озеру Уручу (вѣроятно небольшое горное озеро), далѣе чрезъ другой хребетъ (оба, вѣроятно, составляютъ самую дикую и высочайшую западную оконечность Тан-ну) къ озеру Алатори, т. е. къ пестрому озеру (въ переводѣ Старкова Пѣгое озеро, потому ли, что русскіе такъ называютъ, по свидѣтельству Фишера [727]), всѣ озера, имѣющія острова; или по прозрачнымъ и блестящимъ камнямъ, находимымъ на ихъ берегахъ. Это озеро нельзя принять ни за что иное, какъ за озеро Упса (*); недалеко отъ Алатори былъ зимній улусъ хана. Озеро это, говоритъ Старковъ, очень велико и при-

---

(727) Fischer, sibir. Gesch. T. I. 349 Прим. 12. т. II. 691.

(*) Заключеніе Риттера ошибочно и весь путь Старкова объясненъ имъ неправильно. См. дополненія во 2-й части III тома. *Пр. перев.*

нимаетъ въ себя многія рѣки, но ни одна не вытекаетъ изъ него. Оно окружено прекрасными лугами и лѣсами, вокругъ которыхъ простираются скалистыя и обнаженныя горы (Тан-ну-Ола). Юрты Даши-Нойона стояли въ сосѣдней съ озеромъ равнинѣ, называемой Алтынъ-Кадузинъ, т. е. золотая долина (у Старкова Золотой Приколъ; вѣроятно, отъ золотыхъ подпорокъ палатокъ Алтынъ-хановъ, имѣвшихъ здѣсь свои улусы) и орошаемой источникомъ Алтынъ-Кадузинъ. Русскіе называютъ эту мѣстность Займищемъ (что значитъ равнина, усаженная деревьями и ограниченная съ одной стороны рѣкою или озеромъ, а съ другой горою или холмомъ) и Алтынъ-ханъ, по свидѣтельству пословъ, считали ее самою лучшею во всей странѣ. Историкъ Фишеръ ([728]) думаетъ, что титулъ Алтынъ-хановъ, бывшій въ употребленіи у киргизовъ и русскихъ, заимствованъ отъ золотой долины и золотаго источника, гдѣ была собственно главная резиденція Алтынъ-хановъ, точно также, какъ имя Халхасъ-хановъ и Халхасъ-монголовъ заимствована отъ незначительной рѣчки Халха.

Здѣсь, во время аудіенцій на золотой нивѣ (Алтынъ-Кадузинъ), русскихъ угощали очень худо, именно: въ первый разъ — чаемъ, который Старковъ называетъ совершенно незначительною и негодною для торговли вещью, отказавшись отъ него, когда онъ былъ предложенъ ему въ подарокъ. Споры, подобные прежнимъ, поднялись и здѣсь на прощальной аудіенціи изъ-за церемоній. Алтынъ-ханъ поднялся внезапно для того, чтобы отправиться къ старшему брату своему Каланчинъ-Нойону, жившему въ 20-ти дняхъ пути отъ озера къ востоку, на границахъ Китая (слѣдовательно, вѣроятно, недалеко отъ истоковъ р. Тесъ); эта кочевка продолжалась три года.

Русскіе посланцы могли почитать себя счастливыми въ томъ, что остались невредимыми при быстромъ своемъ возвраще-

---

(728) Fischer, sibir. Gesch. T. II, p. 693.

ніи ([729]) по дорогѣ къ Абакану, потому что всѣ тамошніе народы возстали въ это время. Сначала монгольскіе разбойники ограбили русскихъ, потомъ киргизы при проходѣ чрезъ ихъ земли, причинили имъ не менѣе вреда, а жившіе при устьѣ Абакана, Караиты, племя тубинскихъ киргизовъ, хотѣли воспрепятствовать ихъ переправѣ черезъ рѣку. То же случилось съ ними и на Юсѣ. Такимъ образомъ посольство это не имѣло никакого успѣха. Въ продолженіи слѣдующихъ лѣтъ, Алтынъ-ханы нѣсколько разъ, въ 1642, 1652, 1657 годахъ, нападали на сѣверныхъ киргизовъ, жившихъ на Енисеѣ, доходили до Абакана и Юса и даже до Красноярска; но неизвѣстно, имѣли ли они враждебные замыслы противъ русскихъ или смотрѣли на нихъ дружелюбно; во всякомъ случаѣ военныя приготовленія русскихъ удерживали ихъ отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Въ 1657 году сынъ Алтынъ-хана—Лусанъ ([730]) (Лосанъ, см. выше) одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ киргизами и, склонивъ на свою сторону телеутскаго князя, онъ угрожалъ нападеніемъ русскимъ городамъ на Енисеѣ и Томи, но, получивъ въ концѣ года извѣстіе о смерти своего отца (Алтынъ-хана), возвратился въ свое государство за Саянскія горы на озеро Упса. Послѣ онъ предпочелъ остаться съ русскими въ мирѣ, чтобы утвердиться на своемъ престолѣ. Но это не спасло его впослѣдствіи. Въ теченіи 20-ти лѣтъ онъ царствовалъ на престолѣ своихъ отцовъ и одерживалъ неоднократныя побѣды надъ врагами, но въ 1690 г. ([731]) былъ изгнанъ изъ своего царства Бушукту-ханомъ, т. е. галданомъ элютовъ (см. стр. 449) и принужденъ, подобно своимъ монгольскимъ сродникамъ, искать защиты въ Китаѣ. Въ его правленіе въ 1759 г. ([732]) было послѣднее сношеніе русскихъ съ Алтынъ-Ханомъ.

---

(729) Fischer l. c. T. II 698.
(730) Fischer l. c. T. II 702.
(731) Müller l. c. de scriptis Tanguticis 457.
(732) Fischer l. c. T. II 709—720.

5. *Второе посольство подъ начальствомъ Степана Гречанина къ Алтынъ-хану, Лусану въ 1659 году.* Посольство отправилось въ сентябрѣ изъ Томска на Абаканъ, гдѣ въ то время чиновникъ Алтынъ-хана, Мергенъ-Дега, собиралъ для него дань съ алтырскихъ киргизовъ. Гречанинъ долженъ былъ ждать его возвращенія на Абаканѣ для того, чтобы получить отъ него проводниковъ. Только съ половины февраля 1660 г., посланникъ могъ продолжать свое путешествіе вверхъ по Абакану, потомъ по рѣкѣ Азабасу (т. е. Шебасу) къ Чеганъ-Маха (т. е. Цаханъ-Маханъ). Отсюда русскіе отправились къ Карасиби (можетъ быть Ханъ-Тигиръ), гдѣ должны были перейти чрезъ горы, чтобы достигнуть р. Ануя (можетъ быть Ану). Въ продолженіе четырехъ дней они шли вверхъ по рѣкѣ Аную, которая почитается самымъ большимъ изъ монгольскихъ притоковъ Енисея (здѣсь по ошибкѣ сказано Енисея вмѣсто Абакана) ([733]). На пятый день перешли они черезъ высокую гору къ р. Ака, текущей между этою горою и высокою горою Коко-Котелъ (?). Перешедши и эту гору, они достигли р. Аласа (?), а далѣе р. Конделена (?), по которой вышли на Кемчикъ. На Кемчикѣ стояло нѣсколько саянскихъ и мингатскихъ юртъ, въ которыхъ путники переночевали и наняли лошадей. Отсюда они отправились къ рѣкѣ Иргалтаю (можетъ быть Юргурту), а отсюда наконецъ, 11 марта, въ ханскій улусъ, находившійся недалеко отъ большаго озера Упса, въ урочищѣ Кентугенъ-туру. Здѣсь имъ дали палатку. Лусанъ-Сагенъ-Конътайша (т. е. Лусанъ-ханъ сынъ Алтынъ-хана), вскорѣ послѣ данной посольству аудіенціи, отправился съ озера Упса черезъ рѣчки Алты-тай и Кара-Усунъ на рѣку Тесъ, гдѣ и расположился на кочевьѣ (вѣроятно, только на лѣто?) въ двухъ дняхъ пути отъ улуса Кутухту. Гречанинъ долженъ былъ посѣтить и сего послѣдняго. Кутухту принялъ посланника дру-

(733) Fischer l. c. T. II, 710.

желюбно и спросилъ его, не приметъ-ли царь его пословъ. Онъ сказывалъ, что съ его землями граничатъ царства Бухарія, Яркенъ, Кашкаръ, Турфанъ, Тангутъ и что онъ всегда готовъ на пути туда снабжать русскихъ посланниковъ лошадьми и проводниками. Въ эту-то поѣздку русскіе видѣли, вѣроятно, тѣ два храма на правомъ берегу р. Теса, о которыхъ было говорено выше. Лусанъ-Ханъ вызвалъ пословъ въ свой улусъ, но такъ какъ супруга его Мачика ([734]) умерла здѣсь, то, по туземному обычаю, онъ долженъ былъ перекочевать на другое мѣсто, а вмѣстѣ съ нимъ отправились и русскіе посланники вверхъ по р. Тесу на новое мѣсто. При прощальной аудіенціи ханъ объявилъ, что не можетъ сдѣлаться подданнымъ русскаго царя и что отецъ его не можетъ служить ему примѣромъ. Онъ обѣщалъ однако же почитать царя, какъ младшій братъ старшаго, или какъ сынъ отца. Такимъ образомъ кончились всѣ сношенія съ монгольскими ханами, властвовавшими на озерѣ Упсѣ и на р. Тесѣ и тѣмъ прекратились дальнѣйшія географическія свѣдѣнія о рѣчныхъ системахъ этой страны. Черезъ два мѣсяца Гречанинъ возвратился въ Томскъ. О посольствѣ Байкова (въ 1654 г.), со свитою изъ 100 человѣкъ, отправлявшимся чрезъ эти страны въ Китай къ Чунчи, первому императору изъ манджурской династіи, было уже говорено выше (Т. II стр. 257 и выше Т. III стр. 136).

Къ этому періоду посольствъ, безъ сомнѣнія, относится и сказаніе о пещерѣ въ скалѣ, украшенной скульптурой и письменами, о которой Мессершмидтъ (1728 г.) и Миллеръ (1735 г.) ([735]) собрали неточныя свѣдѣнія. У Мессершмидта сказано (подъ 19 числомъ февраля 1722 г. въ его дневникѣ): „что на р. Енисеѣ, выше впаденія въ нее Кемчика, на полъ-дня пути отъ устья Джакула есть пещера, въ которой находится много рѣдкостей, особенно же идоловъ

(734) Fischer l. c. T. II, 715.
(735) Müller, l. c. de scriptis Tanguticis 453.

и рукописей. Миллеръ узналъ отъ одного красноярскаго мѣщанина, который передалъ нѣкоторыя рукописи Мессершмидту, что эта пещера находится въ 10-ти миляхъ отъ устья Кемчика, составляющаго границу обоихъ государствъ. Рѣка Джакулъ (Цзякулъ по Штраленбергу, Са-колъ по Старкову) течетъ тамъ съ в. (или лучше сказать съ ю.-в.) въ Енисей; двѣ мили ниже ея устья и три мили въ сторону отъ западнаго берега Енисея находится эта пещера, посреди могильныхъ кургановъ. Входъ въ нея, со стороны Енисея, тѣсенъ и низокъ. На наружной сторонѣ скалы высѣчены изображенія идоловъ, весьма грубой работы. Табл. VII сочиненія Миллера даетъ намъ о нихъ очень худое понятіе. Утверждали, что въ пещерѣ было много свитковъ, также какъ и въ Аблайкитѣ, но что они большею частію испорчены. Эта пещера служила складомъ для идоловъ, которымъ окрестные жители приносили жертвы. Разсказываютъ также о развалинахъ ([736]) древняго города, но показанія о немъ Гмелина ([737]) кажутся намъ совершенно баснословными.

§ 48.

Изложеніе 3.—*Верхнее теченіе Енисея въ русскихъ предѣлахъ: Минусинскій округъ, Абаканъ, со своими лѣвыми притоками, и обитатели окрестныхъ степей Бирюссы, Бельтиры, Сагаи и Качинцы.*

Согласно съ нашею системою, мы будемъ преслѣдовать здѣсь теченіе Енисея только по сѣверной окраинѣ нагорной Азіи, до выхода его изъ Саянскихъ горъ. Описаніе окрестностей Красноярска, Енисейска, а также Ачинска на з. и Канска на в. отъ Енисея отложимъ мы до описанія средняго теченія рѣкъ и низменностей Сибири, потому что, по природѣ

(736) Asia Polyglotta p. 150.
(737) Gmelin sibir. Reise T. III, 320.

своей, онѣ ближе къ послѣднимъ, нежели къ южному нагорью. Здѣсь преимущественно мы должны описать Минусинскій округъ Енисейской губерніи, чрезъ который протекаютъ рѣки Енисей и Абаканъ; о другихъ же верхнихъ притокахъ, выходящихъ изъ Саянскихъ горъ, было уже сказано выше. Этотъ отдѣлъ заключимъ мы нѣсколькими свѣдѣніями о народахъ этого нагорья.

1. Минусинскій округъ по описанію А. Степанова.

Минусинскій округъ, по свидѣтельству бывшаго енисейскаго гражданскаго губернатора А. Степанова ([738]), есть самый лучшій во всей Сибири; онъ окруженъ Саянскими горами на ю., Телецкими на з., Сабинскими на в., Кемчугскими на с., (на ю. отъ Кемчуга, впадающаго съ лѣвой стороны въ Чулымъ).

Енисей выходитъ, чрезъ Саянскія горы, въ Красноярскій округъ и омываетъ высокія голыя стѣны, состоящія изъ темнаго сланца и украшенныя хвойными лѣсами и древними іероглифами. Писанные камни ([739]) на Енисеѣ встрѣчаются близъ Красноярска и у Перевозной горы, недалеко отъ Бнджи, т. е. письменной рѣчки у Абаканска ([740]). Съ правой стороны Енисей принимаетъ Тубу, медленно текущую изъ Сабинскихъ горъ (т. е. Шабина-Даванъ? который впрочемъ лежитъ на з. отъ Енисея), покрытыхъ травой и кедровымъ лѣсомъ (Pinus cembra). Съ лѣвой стороны течетъ въ Енисей Абаканъ изъ Саянскихъ горъ. На Абаканѣ все очень измѣнчиво: его берега, окрестности, русло и теченіе водъ. Рѣка эта возбуждаетъ удивленіе (?) и придаетъ всей странѣ высшую прелесть. Отъ лѣваго берега Абакана къ Телецкому озеру на з. и къ Чулыму

---

(738) Взглядъ на физическое состояніе Минусинскаго округа Енисейской губерніи А. Степанова, въ Енисейскомъ Альманахѣ, 1822 года.

(739) Описаніе его въ Gmelin I. c. T. I. p. 378.

(740) Pallas R. R. T. II. p. 986; T. III p. 398, 405; сравн. N.N. Beitr. T. V. 237—245.

(образующемуся отъ сліянія Бѣлаго и Чернаго Юса) на с. простирается Сагайская степь,—равнина, съ которой возвышаются красноватые глинистые холмы; прибрежья рѣчекъ украшены пикульникомъ (Iris), образующимъ иногда, подобно камышамъ, цѣлые лѣса. За голубымъ ковромъ его цвѣтовъ часто скрываются юрты кочеваго народа, покрытыя березовой корой. Большія стада пасутся на равнинахъ, обильно поросшихъ солончаковыми растеніями.

На восточной сторонѣ Енисея, граничащей съ Иркутскою губерніей, есть высокія горы (см. выше Эргикъ-Таргэкъ и др.) и много густыхъ хвойныхъ лѣсовъ; въ горахъ попадается богатая серебряная руда. Равнины между этими рѣками, Енисеемъ и Абаканомъ, украшены прекрасными растеніями, благоухающими лиліями, красными піонами, анемонами, высокими дельфиніями, Lilium martagon, Lychnis, Campanula и т. д. и цѣлебными травами, особенно же генціанами и ревенемъ. Изъ кустарниковъ замѣчательны: красный багульникъ (Rhododendron dauricum; Ledum palustre, по увѣренію Ад. Эрмана, называется у тамошнихъ русскихъ тѣмъ же именемъ), потомъ бѣлыя и желтыя таволги (Spiraea), красная смородина, малинникъ, ночная фіалка, иссопъ и нѣкоторыя другія пахучія растенія. Тамъ же растетъ много дикой конопли (Urtica cannabina), дикаго льна (Linum perenne) ([741]), дикой сибирской гречихи (кырлыкъ, изъ котораго приготовляется у татаръ молочная каша подъ названіемъ батху) ([742]), и наконецъ знаменитое растеніе Rhododendron chrysanthum, которое мѣстные жители называютъ кашкара̀; это есть прекрасная порода альпійской розы съ желтыми цвѣтами. Все это пространство усѣяно курганами, прорѣзано безчисленными ручьями, оживлено стадами; погода здѣсь ясная и дѣйствуетъ

(741) Pallas l. c. T. III p. 362.

(742) Pallas l. c. T. III p. 351.

*

благотворно даже и въ концѣ октября, не смотря на то, что эта мѣстность лежитъ между 52° и 54° с. ш.

Вотъ все, что говоритъ слегка объ этой странѣ Степановъ. Гмелинъ и Палласъ хвалятъ климатъ и флору этой области. Поэтому Миллеръ ([743]), сопровождавшій перваго изъ нихъ, а послѣ него Фишеръ — два первые историка Сибири, согласны съ мнѣніемъ естествоиспытателя, что здѣсь должно искать не только естественную, но и историческую границу между западною и восточною Сибирью. И они въ нѣкоторомъ отношеніи правы, потому что здѣсь проходятъ раздѣлительныя линіи: не только климатическая, которой причины уяснились изотермическими линіями А. Гумбольдта и новѣйшими наблюденіями физиковъ ([744]), но также гидрографическая, орографическая и этнографическая. Потому также встрѣчаемъ мы въ этой пограничной полосѣ между западомъ и востокомъ, на сѣверномъ склонѣ нагорной Азіи, замѣчательныя развалины и остатки совершенно неизвѣстныхъ или исчезнувшихъ, или вытѣсненныхъ отсюда народовъ. Эти немногочисленные памятники ихъ бытія обращаютъ на себя наше вниманіе.

Жаль, что Гмелинъ, Палласъ и Сиверсъ не могли изслѣдовать этого края; новыхъ же изслѣдователей въ этой странѣ совсѣмъ не было. Эти мѣстности чрезвычайно интересны въ отношеніи къ исторіи азіятскихъ народовъ, но, къ сожалѣнію, здѣсь мало памятниковъ; большая часть ихъ истреблена въ безпрестанныхъ войнахъ, а древніе народы или вытѣснены отсюда, или вымерли здѣсь.

Во время своего путешествія (1735 г.) изъ Красноярска, Гмелинъ проникъ только на нѣсколько часовъ пути на югъ по Енисею, до трехъ пещеръ и писаннаго камня ([745]), возвыша-

---

(743) Müller Samml. russ. Gesch. T. III, p. 183; Fischer sibir. Gesch. T. I, p. 423.

(744) A. de Humboldt Fragm. asiatiq. Paris. 1831. T. II. Considerat. s. l. temperature etc. p. 310 etc.

(745) Gmelin. Sibir. R. T. I, p. 374—379.

ющагося на скалистомъ берегу рѣки. Онъ отправился оттуда на в., прямою дорогою къ Канску и Удинскому острогу. Только на возвратномъ пути (1739 г.) (746) удалось ему проникнуть, на югъ отъ Красноярска, до Сагайской степи, подъ 54° с. шир. и до параллели Абакана и Уйбата, впадающаго съ лѣвой стороны въ Абаканъ. Отсюда онъ достигъ до остроговъ Саянскаго и Абаканскаго, и потомъ уже спустился водою внизъ по Енисею въ Красноярскъ (отъ 4 сентября до 7 октября 1739 г).

Палласъ, черезъ Томскъ и Ачинскъ, достигъ до Чулыма и Юса; отъ сліянія Бѣлаго и Чернаго Юса онъ проѣхалъ на югъ въ Абаканскъ, по Енисею. Отсюда онъ возвратился въ Красноярскъ, частію сухимъ путемъ, частію водою (путешествіе его отъ мѣста сліянія Юсовъ до Красноярска продолжалось отъ 7 сентября до 11 октября 1771 года) (747). Чтобы дополнить наблюденія, сдѣланныя въ это время, Палласъ употребилъ, на своемъ возвратномъ пути изъ Сибири, еще нѣсколько времени, а именно отъ 19 августа до 23 сентября (748), для своей второй поѣздки на югъ отъ Красноярска черезъ Уйбатъ, Тіэ и Таштыпъ къ Абакану и Саянскому острогу.

Сиверсъ (въ 1792 году) (749) и нѣкоторые другіе, еще менѣе занимались изслѣдованіемъ этихъ странъ; новѣйшихъ изслѣдователей здѣсь совсѣмъ не было.

2. Абаканъ и лѣвые его притоки: Таштыпъ, Тіэ, Иса; бирюсинская степь.

Абаканъ. Ни одинъ путешественникъ не преслѣдовалъ Абакана, важнѣйшаго лѣваго притока Енисея, до его источниковъ;

(746) Gmelin l. c. T. III. p. 279—343.
(747) Pallas l. c. T. II. p. 677—700.
(748) Ibid. T. III. p. 324.
(749) Письма Сиверса изъ Сибири. С. Пб. 1796. VIII письмо, стр. 91—104.

даже и Пестеревъ не сообщаетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этихъ истокахъ. Палласъ поднимался по этой рѣкѣ только до Абаканскаго пограничнаго пикета. Лѣвый берегъ ея былъ покрытъ березовымъ лѣсомъ и представлялъ широкую низменность. На открытыхъ возвышенностяхъ, близкихъ къ берегу, опять показался (750) кустарникъ Алтайскихъ предгорій Robinia frutescens, который не растетъ на сѣверныхъ низменностяхъ, начиная отъ Колывани и Барнаула, и, по увѣренію Палласа, не переходитъ за Енисей на востокъ; здѣсь же онъ принялъ совершенно другой видъ. Всѣ скалы обильно поросли кустарникомъ Juniperus sabina. При перевозѣ къ деревнѣ Байкаловкѣ (751), лежащей на правомъ берегу Абакана и состоявшей тогда только изъ трехъ дворовъ и не означенной на новѣйшихъ картахъ, рѣка имѣетъ 80 саж. ширины, т. е. болѣе 500 футовъ. Она здѣсь очень глубока и течетъ, какъ стрѣла, въ особенности при полноводіи, что дѣлаетъ плаваніе по ней небезопаснымъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки возвышаются горы, которыя все болѣе и болѣе подымаются и съуживаютъ рѣчную долину. Пятнадцать верстъ далѣе, вверхъ теченія быстрой рѣки, находится пограничный Абаканскій караулъ въ весьма защищенной мѣстности, въ которую уже нельзя проѣхать на колесахъ, а только верхомъ. Здѣсь впадаетъ въ Абаканъ рѣчка Караджёлъ. Между Абаканскимъ карауломъ и Байкаловкою, гдѣ, также какъ и въ Таштыпской деревнѣ, поселились казаки для защиты границы, впадаютъ въ Абаканъ однимъ устьемъ еще двѣ рѣчки: Арбатъ и быстрый Шебашъ (выходящій изъ горъ съ правой стороны).

---

(750) Pallas. T. III. p. 371.

(751) Она означена на Joh. Islenieff Vigiliarum Prefecti, Mappa fluvii Jrtisz partem meridianalem Gub. Siberiensis perfluentis, cum pristino territorio stirpis Kalmukorum Soongaricae. A. 1777. Эта рѣдкая и очень важная карта была доставлена мнѣ, послѣ долгихъ поисковъ, г. Тухомъ только при окончаніи втораго отдѣла объ Азіи, и потому въ первыхъ отдѣлахъ на нее нѣтъ указаній.

Названій другихъ горныхъ рѣчекъ Палласъ не могъ узнать. По его увѣренію, ни одинъ изъ тамошнихъ татаръ не зналъ ничего подробнаго о верховьяхъ Абакана; имъ было только извѣстно, что истокъ его находится недалеко отъ истока рѣки Мрасы, впадающей съ лѣвой стороны въ Томь ([752]). Но на картѣ Исленьева источникъ Абакана отнесенъ гораздо далѣе на югъ, къ юго-восточной оконечности Телецкаго озера, въ совершенно никѣмъ не изслѣдованную, дикую, гористую страну, сосѣднюю съ устьемъ Чулышмана. Сію послѣднюю рѣку Исленьевъ ошибочно проводитъ издалека, соединяя ее съ болѣе отдаленнымъ и южнымъ Джабаганомъ, вслѣдствіе совершенно ошибочной гипотезы.

Ниже этого караула, въ Абаканъ, обильный водою, на краткомъ его теченіи до впаденія въ Енисей, изливаются нѣсколько значительныхъ притоковъ, текущихъ съ сѣвера и сѣверо-запада изъ Сагайской степи. Они берутъ начало на тѣхъ же самыхъ вершинахъ кузнецко-енисейской границы, съ которыхъ текутъ рѣки: *Томь* на западъ и *Юсъ* на сѣверъ. Эти притоки суть слѣдующіе: Таштыпъ, Тіэ, Иса, (Эсъ у Гмелина), Аскишъ, Сыра и Уйбатъ съ притоками.

Таштыпъ, текущій съ запада къ востоку и впадающій въ Абаканъ подъ 53° с. шир., образуетъ здѣсь границу высокихъ горъ, простирающихся на южной сторонѣ его. По свидѣтельству Палласа ([753]), на сѣверной сторонѣ Таштыпа нѣтъ высокихъ горъ, однако же и здѣсь есть нѣсколько трудно-проходимыхъ параллельныхъ кряжей. Между этими цѣпями простирается нѣсколько долинъ и то, что называется Сагайскою степью, совсѣмъ не представляетъ горизонтальной равнины. Долины около Таштыпскаго караула покрыты густою травою; на возвышенностяхъ Палласъ нашелъ ту же флору, какъ на р. Юсѣ и въ Алтаѣ. Однако же здѣсь росли уже нѣкоторые

(752) Pallas. T. III, p. 372.
(753) Pallas l. c. T. III, p. 363.

астрагалы, свойственные восточной Сибири и Дауріи. На низменныхъ берегахъ рѣки росли боярышникъ, калина (Viburum opulus), Cornus alba, черемуха (Prunus padus), Mespilus cotoneaster, Robinia caragana; по всему берегу возвышался во множествѣ Verbascum thapsus, достигая значительныхъ размѣровъ. Hedysarum obscurum и Juniperus sabina покрывали скалистыя известковыя горы, въ которыхъ водится много медвѣдей (754), оставляющихъ вездѣ свои слѣды. Число ихъ такъ велико, что эта мѣстность также, равно какъ и верховья Енисея, въ нѣкоторыя времена года дѣлается очень опасною для путешественниковъ; вслѣдствіе чего Палласъ (12 сентября) не отважился проникнуть далѣе. Обыкновенный путь сообщенія между Таштыпскимъ карауломъ и Кузнецкомъ на с.-з. идетъ черезъ рѣки: Тіэ, Аскышъ и верховья Томи, потому что прямо отсюда на з. къ истокамъ Мрасы, или къ Телецкому озеру и рѣкѣ Біи нѣтъ дороги. До Томи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно доѣхать отчасти верхомъ, отчасти на плотахъ, съ Аскыша въ 4 дня пути. Въ два дня можно доѣхать (755) верхомъ отъ Таштыпа до р. Мрасы, по которой есть возможность спуститься на плотахъ или маленькихъ лодкахъ до Кузнецка. Во время Палласа, на Таштыпѣ кочевали нѣкоторыя изъ восточнотуркскихъ племенъ, вытѣсненныхъ къ з. бирюссами. Ихъ называли каинскими и кобинскими татарами. Они были, впрочемъ, такъ незначительны, что первое изъ сихъ племенъ состояло только изъ 25 ясачныхъ. Шорское племя (Хорзы у Пестерева), кочевавшее ниже къ Мрасѣ, состояло изъ 50 ясачныхъ. Палласъ нашелъ ихъ посреди дикой, никѣмъ не посѣщаемой мѣстности въ крайней бѣдности; у нихъ было очень мало скота; земледѣліемъ они не занимались, а питались кореньями и дичью и были язычники. При наступленіи зимы, они приближались съ своими стадами къ берегамъ Таш-

---

(754) Pallas l. c. T. III, p. 367, 389.
(755) Pallas l. c. T. III, p. 367.

тыпа, потому что тамъ снѣга бываютъ не очень глубоки. Ловля соболей здѣсь незначительна. Поэтому здѣшнія племена иногда переходятъ чрезъ Енисей на восточную его сторону, чтобы добыть звѣрей для уплаты ясака; но живущія тамъ самоѣдскія племена нападаютъ на нихъ, отнимаютъ сѣти и охотничьи снаряды и, причинивъ имъ много вреда, прогоняютъ за Енисей.

Незначительнѣе Таштыпа притоки: Тіэ (Тея у Пестерева) и Нсь (Иса у Пестерева ([756]) Иесе у Палласа, Эсъ у Гмелина) до большаго Аскыша. Съ береговъ Тіэ видѣнъ на ю. высокій Саянскій хребетъ; вдоль береговъ этой рѣки простираются невысокіе скалистые гребни, называющіеся у татаръ Кокоя. Здѣсь Палласъ ([757]) набралъ много рѣдкихъ сѣмянъ. Скалы, обращенныя на югъ, оживлены безчисленнымъ множествомъ куропатокъ. Въ началѣ сентября пролетали здѣсь съ с. стаи Charadrius morinellus чрезъ степи, заросшія дикимъ льномъ (Linum perenne), здѣсь ни на что неупотребляемымъ.

Примѣчаніе 1-е. Бирюссы восточно-туркскаго племени.

На рѣкѣ Тіэ, Палласъ посѣтилъ юрты кобинскихъ татаръ, т. е. туркскихъ бирюссовъ и былъ ими очень гостепріимно принятъ. Старѣйшины (князья) трехъ племенъ кобинцевъ (у Пестерева они называются кебинцами), каргинцевъ и каинцевъ (койсы — Пестерева) были въ это время дома. Первое племя состояло изъ 53 луковъ, т. е. 53 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, каргинское изъ 40 луковъ, каинское (20) въ соединеніи съ шорскимъ (у Пестерева — хорзы; названіе ихъ произошло можетъ быть такъ отъ рѣки Чоръсу ([758]), притока Томи и, вѣроятно, племя это тождественно съ Шаскъ — Asia polyglotta, p. 229 и Шаскъ Георги) ([759]) изъ 50 луковъ; слѣдовательно всего 168 луковъ (около 1000 душъ).

---

(756) Пестеревъ въ Magas. Asiat. T. l, p. 161.
(757) Pallas l. c. T. III, p. 362.
(758) Pallas l. c. T. III, p. 353.
(759) Georgi Beschr. aller Nationen d. russ. Reiches Petersb. 1776 4, p. 253.

Эти племена извѣстны, вообще, подъ именемъ бирюссовъ. Во время Палласа, они находились въ зависимости отъ Кузнецка. Кобинцы и каргинцы жили прежде въ горахъ и снискивали себѣ скудное пропитаніе охотою; но съ тѣхъ поръ, какъ они распространились на Бельтирской землѣ при рѣкахъ Тіэ и Абаканѣ, они сдѣлались нѣсколько зажиточнѣе, вслѣдствіе размноженія ихъ скота. Прежде они кочевали на восточной сторонѣ Енисея на рѣкѣ Бирюссѣ. Они не различаются отъ сѣверныхъ своихъ сосѣдей бельтировъ ни языкомъ, ни образомъ жизни, ни нравами и живутъ, какъ и всѣ татарскіе, т. е. восточно-туркскіе кочевые народы въ юртахъ, покрываемыхъ зимою войлоками и овечьею шерстью, а лѣтомъ березовою корою. Пестеревъ ([760]), посѣтившій эти племена нѣсколько лѣтъ позже Палласа, говоритъ, что каргинцы богаче всѣхъ другихъ скотомъ; однако же ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи продать болѣе 5 или 6 воловъ. За 35 лѣтъ они оставили горы около истоковъ Мрасы и спустились на упомянутые притоки Абакана, находясь въ то время въ самомъ бѣдномъ положеніи. Впослѣдствіи они научились косить сѣно и воздѣлывать землю; теперь состояніе ихъ видимо поправляется съ году на годъ. Они иногда, подобно прежнимъ своимъ сосѣдямъ киргизамъ, угоняютъ чужой скотъ; въ особенности каинцы и шорски. Несмотря на бѣдность, говоритъ Пестеревъ, они обращаются съ своими работниками гордо и надменно и даютъ имъ только мясо и шкуры мертваго скота. Немногіе изъ нихъ крещены. Охотятся они особенно за соболями, рысями, бобрами, выдрами, россомахами, бѣлками, кабанами и оленями.

3) Отъ Тіэ къ Аскышу и Уйбату; Бельтирская и Сагайская степь.

Аскышъ ([761]) (Аскисъ у Исленева) течетъ сѣвернѣе Иси и есть одинъ изъ самыхъ значительныхъ притоковъ Абакана.

(760) Пестеревъ въ Magas. Asiat. T. I, p. 161.
(761) Pallas l. c. T. III, p. 353.

Источникъ его находится близь верховьевъ р. Нёны (впадающій съ правой или южной стороны въ Уйбатъ), въ западныхъ, высокихъ снѣжныхъ горахъ Карлыганъ-Тау. На з. отъ сихъ послѣднихъ возвышаются горы Томь-Башъ, изъ которыхъ беретъ свое начало р. Томь, текущая къ с.-з. Палласъ перечисляетъ слѣдующіе притоки Аскыша, начиная отъ сліянія его съ Абаканомъ у Аскышской: Бази-Кугъ и Сыра съ лѣвой стороны; Байда съ правой; Уй или Юй (Іокъ у Гмелина), Панджикъ и Силатъ съ лѣвой, и малый Аскышъ съ правой. Рѣчка Бази, впадающая въ Аскышъ, течетъ изъ рудоносныхъ Базскихъ горъ, въ которыхъ горный промыселъ существовалъ уже во время Гмелина (въ 1739 г.). Базинскій мѣдный рудникъ ([762]) состоялъ, впрочемъ, только изъ одной штольни съ двумя шахтами; Гмелинъ видѣлъ еще здѣсь нѣсколько хижинъ рудокоповъ и баню, но все это было пусто. Кажется, что это есть самый южный предѣлъ русскихъ рудныхъ поисковъ въ Саянскихъ горахъ. Палласъ, переѣхавшій Базскія горы съ большой Сыры ([763]) на Аскышъ, говоритъ, что онѣ очень круты и высоки, и богаты мѣдною рудою. Лѣсъ состоялъ изъ лиственницъ и березъ; между ними росла во множествѣ Phaca alpina, а всѣ выдающіяся скалы были покрыты Dryas pentapetala. Руда была распространена преимущественно въ широкой долинѣ, простирающейся до рѣчки Бази. Въ 8-ми верстахъ ниже впаденія рѣчки Бази въ Аскышъ, Гмелинъ замѣтилъ на лѣвомъ берегу рѣки высѣченную скалу, съ углубленіемъ или пещерою, которой внутренность была покрыта похожимъ на алебастръ известковымъ натекомъ. Эту сталактитовую пещеру татары называютъ Куртуякъ-Ташъ ([764]), т. е. старымъ бабьимъ камнемъ, имя, которое они даютъ также грубымъ древнимъ изваяніямъ. Впрочемъ, здѣшнія изваянія суть, какъ кажется, не что

---

(762) Gmelin Sibir. R. T. III. p. 283.
(763) Pallas R. R. T. III. p. 346.
(764) Gmelin l. c. T. III. p. 284.

ное, какъ формы сталактитовъ, подобно какъ въ Баумановой пещерѣ въ Германіи. Гмелинъ видѣлъ, однакоже, при входѣ въ пещеру, каменное изваяніе ребенка; всѣ изваянія обращены лицомъ къ югу; на сосѣднихъ кустахъ висѣли лоскутки матерій, принесенные въ жертву татарами. Фалькъ (Tabula 4. Fig. 2. A. 3.) изображаетъ на рисункѣ двѣ фигуры Куртаякъ-Таша при Аскышѣ и эти фигуры похожи на дѣйствительныя изваянія. Онъ упоминаетъ еще о многихъ подобныхъ фигурахъ: Синъ-Ташъ, т. е. оленья скала, Атъ-Ташъ, т. е. лошадиная скала, и говоритъ, что ему насчитали во всей степи до 25 камней ([765]) этого рода. Дорога идетъ вверхъ по теченію большаго Аскыша, до впаденія въ него малаго Аскыша, потомъ вдоль сего послѣдняго, чрезъ высокія горы Уленны-Синъ, при переходѣ которыхъ язычники приносятъ въ жертву сучья и хворостъ, къ рѣчкѣ Балыксѣ и р. Томи. Здѣсь русскіе торговцы, доставляющіе скотъ чрезъ Кузнецкъ на Алтайскіе рудники, строятъ плоты, чтобы на нихъ сплавиться внизъ по Томи. По этой дорогѣ слѣдовалъ студентъ Кошкаревъ, посланный Палласомъ на Иртышъ. Рѣчка Балыкса означена на картѣ Исленева. Отъ впаденія ея въ Томь и до Кузнецка, Кошкаревъ на плоту спустился въ три дня. Этотъ горный проходъ при горѣ Уленны-Синъ, есть, кажется тотъ самый, который у Фалька — называется Поклонною горою ([766]), потому что каждый язычникъ, поклоняясь здѣсь солнцу, приноситъ въ жертву вѣтвь, которыхъ накопились тамъ уже большія кучи. Фалькъ слышалъ, что высокія горы, лежащія между алтайскою и саянскою системами, совершенно неизвѣстны и оставлены въ полное распоряженіе кочевниковъ, а что вершины ихъ состоятъ изъ степныхъ нагорныхъ равнинъ, только мѣстами покрытыхъ лѣсомъ, не изрѣзанныхъ долинами и не увѣнчанныхъ снѣжными бѣлками (Terra incognita). Горы,

---

(765) Falk Topogr. Beitr. T I, p. 349.
(766) Falk Topogr. Beitr. St. Petersb. 1785. 4. T. I, p. 344.

лежащія къ с. ниже; Абаканскія же горы достигаютъ только средней вышины.

Внизъ по Аскышу (767) и далѣе по Абакану, текущимъ чрезъ широкія равнины, встрѣчаются только обнаженныя горы, на которыхъ нѣтъ другой лѣсной растительности кромѣ той, которая встрѣчается въ Абаканской низменности. Во всей этой рѣчной области, отъ сліянія Абакана съ Енисеемъ до устья Таштыпа и ея высокихъ горъ, во всю зиму бываетъ мало снѣга, такъ что скотъ всегда находитъ себѣ хорошій подножный кормъ. При устьѣ Аскыша, во время Палласа, была построена церковь (768), для новокрещенныхъ сагаевъ, около которой образовалось село Аскышское. Здѣсь жилъ священникъ и недавно крещенный башлыкъ (голова) сагаевъ, по имени Амсоръ. Какъ крещеные, такъ и некрещеные, обязаны были доставлять священнику продовольствіе; многіе начали уже воздѣлывать землю, особенно на южномъ берегу Аскыша и Абакана. Но Палласъ думаетъ, что едва ли удастся сдѣлать сихъ туземцевъ осѣдлыми, потому что они обладаютъ богатыми стадами.

Отъ рѣки Тіэ на с. до обильнаго водою Аскыша простирается степь, составляющая область бельтировъ (769); она продолжается и по лѣвой сторонѣ Абакана и даже переходитъ на правую его сторону. Башлыкъ (голова) ихъ, называвшійся во время Паласа (1772 г.) Эптышемъ, управлявшій и южными бирюссами, устроилъ себѣ зимовье въ 8-ми верстахъ къ югу отъ Аскыша. Отъ сѣвернаго берега Аскыша до Уйбата простирается область сагаевъ (770), которые платили тогда свою дань въ Кузнецкъ. Къ сѣверу отъ Уйбата, послѣдняго значительнаго лѣваго притока Абакана, начинается обширная степная область каштаровъ или качинскихъ племенъ, простирающаяся до Бѣлаго и

(767) Pallas R. R. T. III, p. 354.
(768) Pallas R. R. l. c. p. 347.
(769) Pallas R. R. T. III, p. 354.
(770) Ibid. p. 342.

Чернаго Юсовъ, которые, сліяніемъ своимъ, образуютъ судоходную рѣку Чулымъ.

И такъ по имени племенъ, живущихъ въ гидрографическихъ границахъ, нами очерченныхъ, мѣстности отъ с. къ ю. называются: а) Бирюсская степь у Саянскихъ горъ, б) Бельтирская, в) Сагайская, и наконецъ г) Качинская степь. Онѣ слѣдуютъ одна за другою по лѣвому берегу Абакана и раздѣлены между собою его притоками. Племена, живущія на этихъ степяхъ, не суть ихъ аборигены. По имени сагайцевъ русскіе называютъ весь западный берегъ Абакана Сагайскою степью. Уже изъ вышесказаннаго видно, что еще около 1600 года восточные киргизы были властвующимъ народомъ по обѣимъ сторонамъ Абакана и Енисея. Коренное ихъ отечество находилось, впрочемъ, на югѣ отъ Саянскихъ горъ, на р. Да-Киму или Кемъ, какъ они сами называли Енисей. Они безпрестанно нападали на слабыя племена, покоряли ихъ, и такимъ образомъ распространили свое владычество отъ подошвы Саянскихъ горъ по плодоносным обширнымъ степямъ, но здѣсь наконецъ столкнулись съ русскими. Когда же киргизы принуждены были уклониться къ з., тогда покоренные или стѣсненные ими народы получили возможность покинуть свои неприступныя дикія ущелья и раздвинуться въ степяхъ, гдѣ они заняли такимъ образомъ лучшія пастбища и новыя мѣста для охоты. Потому мы видимъ между этими племенами такое смѣшеніе, какъ въ языкѣ, такъ и въ обычаяхъ, и чужіе памятники, находящіеся на ихъ землѣ, о которыхъ они сами не имѣютъ никакого извѣстія, преданія, или воспоминанія.

Примѣчаніе 2. Бельтиры и сагаи.

Бельтиры, туркскаго племени ([771]), состояли изъ 150 ясачныхъ, которые платили Россіи ясака на 300 рублей. Они сходны съ своими сѣверными и южными сосѣдями, какъ по своему обличью,

(771) Asia Polyglotta, p. 229; Georgi Beschreibung aller Nationen des Russ. R. p. 258; Pesterev l. c. p. 159; Pallas R. R. T. III. p. 355—357.

такъ и по испорченному турскому нарѣчію. Во время Палласа, они уже начали воздѣлывать землю, вспахивая ее своимъ *обыломъ* (родъ сохи) или также плугомъ. Жатву они собираютъ въ сентябрѣ, который у нихъ и называется *оргакъ-ай*, т. е. мѣсяцъ жатвы. Они сѣяли ярицу (арышъ) и ячмень (ашъ); осенью, когда у нихъ молоко въ изобиліи, они почти всѣ пьяны. Богатые имѣютъ по нѣскольку женъ. Они бо́льшею частью остались еще язычниками и придерживаются своихъ „камовъ", т. е. волшебниковъ. Бельтиры, кузнецкіе телеуты и нѣкоторые другіе горные татары суть единственные народы Сибири, которые, по свидѣтельству Палласа, не погребаютъ своихъ покойниковъ, но ставятъ гробы ихъ въ уединенныхъ мѣстахъ, на деревья. Палласъ нашелъ нѣсколько такихъ гробовъ на рѣкѣ Таштыпѣ. Сами они не хотѣли сознаться въ этомъ обычаѣ. Пестеревъ, познакомившійся съ этимъ народомъ позже Палласа, говоритъ, что бельтиры кочуютъ отъ Абакана къ югу до Таштыпа, а зимою удаляются на острова Абакана и собираютъ тамъ сѣно. Вѣроятно, они удалились вообще на с. въ русскіе предѣлы для того, чтобы избавиться отъ притѣсненій горныхъ калмыковъ. Когда Гмелинъ (772) былъ на р. Тіэ, тогда онъ слышалъ, что калмыки часто нападаютъ на нихъ и требуютъ дани. Они принадлежали тогда къ двоеданцамъ и калмыки самымъ безчеловѣчнымъ образомъ собирали съ нихъ ясакъ (состоящій преимущественно изъ желѣза и кожъ). Русскіе только иногда защищали ихъ. Съ того времени, когда они поступили подъ защиту Россіи и стали заниматься земледѣліемъ, участь ихъ улучшилась, но все однако же корни Lilium martagon и Erythronium dens canis остаются для нихъ лакомствомъ. Болѣе всего они боятся оспы, какъ всѣ вообще тамошніе пограничные народы. Какъ скоро эта болѣзнь показывается, они, оставляя больнаго на произволъ судьбы, убѣгаютъ.

---

(772) Gmelin Sibir. R. T. III. p. 285.

Сагаи или саяи, т. е. турки съ Саянскихъ горъ ([773]), называются также, по свидѣтельству Георги, сойонъ или сойонъ-тау (Саянскія горы); Георги говоритъ, что они кочуютъ отъ истоковъ Абакана до Енисея, но это показаніе произошло, кажется, оттого что онъ смѣшалъ ихъ съ сойотами. Симъ послѣднимъ именемъ китайцы означаютъ самоѣдскія племена, живущія въ сихъ странахъ. Можетъ быть Сагаи прежде жили выше, въ горахъ, но Палласъ нашелъ ихъ кочующими между Аскышемъ и Уйбатомъ до Базскихъ горъ на з.; тамъ же встрѣтилъ ихъ и Пестеревъ. Послѣдній говоритъ, что они охотятся на з. до истоковъ Томи и ея притоковъ, но мѣха, добываемые ими, очень посредственны; въ замѣнъ того у нихъ есть большія стада, особенно же сильныя лошади и очень большие быки. Они, по замѣчанію Палласа, не легко привыкаютъ къ осѣдлой жизни. Стада свои они перегоняютъ съ гористыхъ лѣтнихъ пастбищъ на зиму, въ прекрасныя безснѣжныя степи. Число ихъ, во время Палласа, не превышало 150 луковъ, слѣдовательно отъ 900 до 1000 человѣкъ. Пестеревъ говоритъ, что большая ихъ часть крещена; Палласъ же, бывшій тамъ 10-ю годами ранѣе, встрѣтилъ въ сагайскихъ юртахъ, на Большой Сырѣ, знаменитаго ихъ волшебника, по имени Училая ([774]), который хвалился тѣмъ, что въ борьбѣ съ невидимыми духами потерялъ ногу. Несмотря на то, онъ совершалъ еще очень хорошо свои волшебные скачки на деревянной. Еще довольно бодрый волшебникъ Степанъ, казалось, былъ столь же ловокъ и съ такимъ же искусствомъ производилъ свои волшебства, какъ и старый, и оба имѣли значительное вліяніе на свой народъ. У Палласа есть изображеніе ихъ волшебныхъ шапокъ и раскрашенныхъ барабановъ; онъ же описалъ устройство ихъ *сюге* или волшебнаго жезла, состоявшаго изъ

---

(773) Asia Polyglotta, p. 229; Georgi Besch. l. c. p. 255—257; Пестеревъ l. c. p. 162; Pallas R. R. T. III. p. 345—349.

(774) Pallas l. c. T. III. p. 345, 347, Tabul. V.

46-ти ровныхъ, съ обѣихъ сторонъ обожженныхъ, камышевыхъ кусковъ. Сидя у огня, они держатъ этотъ жезлъ въ лѣвой рукѣ, бормочатъ свои заклинанія, обращая концы жезла къ огню, потомъ съ громкими криками раздѣляютъ жезлъ лѣвою рукою на 3 части, отсчитываютъ изъ каждой части по 4 членика, и по числу остающихся предсказываютъ счастіе или несчастіе. Палласъ находитъ, что очертаніе лица сагаевъ совершенно отлично отъ калмыцкаго, но очень близко къ татарскому (туркскому). Они густо обросли волосами; члены у нихъ крѣпче и сильнѣе, нежели у ихъ сѣверныхъ сосѣдей качинцевъ. Вѣроятно, говоритъ Палласъ, они въ своихъ неприступныхъ ущельяхъ гораздо менѣе смѣшались съ монгольскою кровью. Самые богатые изъ нихъ имѣютъ отъ 80 до 100 лошадей, столько же рогатаго скота и нѣсколько сотъ овецъ; у бѣдныхъ не болѣе 10 или 20 головъ крупнаго скота, но у степныхъ народовъ и этого количества достаточно для прокормленія семейства, потому что люди питаются кореньями и умѣютъ отыскивать ихъ запасы въ норахъ степныхъ мышей (Mus socialis). Палласъ (775) сообщаетъ намъ главнѣйшія названія сихъ корней: кандыкъ (Erythronium dens canis), чегна (Paeonia), сарана (Lilium martagon) и другіе.

Степь, простирающаяся отъ Тіэ до Яскыша и Уйбата, по мнѣнію академиковъ Миллера и Гмелина, ее изслѣдовавшихъ, а также и Палласа, болѣе всѣхъ другихъ приенисейскихъ (776) странъ обилуетъ древними курганами (чудскими могилами) и памятниками значительной величины. Объ этихъ чудскихъ памятникахъ мы будемъ говорить ниже.

4. Уйбатъ; Качинская степь.

Уйбатъ есть послѣдній лѣвый притокъ Абакана; ниже его устья Абаканъ вскорѣ соединяется съ Енисеемъ, въ который

(775) Pallas, l. c. T. III. 349—351.
(776) Gmelin, Sibir. R. T. III, p. 311—320; Pallas, R. R. T. III, p. 357—359.

далѣе впадаютъ только небольшія рѣчки изъ западной степи, какъ напр. Коша, Тесъ (у Абаканскаго острога), Юрба и другія. Покрытая многими озерами и солонцами и прорѣзанная ручьями степь простирается къ сѣверу до обоихъ Юсовъ(777) (у Гмелина эти рѣки называются Цаганъ-Юсъ, т. е. бѣлый Юсъ, у Палласа: Акъ-Юсъ, т. е. бѣлый и Кара-Юсъ, т. е. черный; послѣдній есть сѣверная вѣтвь), текущихъ съ ю.-з. и образующихъ своимъ сліяніемъ судоходную рѣку Чулымъ, которая поворачиваетъ сначала на с., потомъ на с.-в. и изливается въ Обь. Судоходнымъ дѣлается Чулымъ ниже слiянія двухъ главныхъ вѣтвей его, тамъ, гдѣ необыкновенное теченіе его еще направлено на в. къ Енисею, но потомъ за нѣсколько верстъ не доходя до этой рѣки вдругъ подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ къ сѣверу. У поворота рѣки лежитъ Легостаево (778), пристань для судовъ, которыя каждую весну перевозили съ Енисея желѣзную руду и другія произведенія въ Ачинскъ и внизъ по Оби. Къ югу отъ обоихъ Юсовъ, обилующихъ мелкою рыбою, и даже осетрами, стерлядами, нельмою и форелями, начинается (779) прекрасная степь, извѣстная своимъ благорастворенымъ климатомъ и простирающаяся до Саянскихъ горъ, гдѣ она обильно орошается Уйбатомъ и его притоками. Эта степь богата пастбищами, климатъ ея даже зимою очень умѣренъ и снѣгу выпадаетъ такъ мало, что скотъ можетъ быть на подножномъ корму цѣлую зиму. Осень, по свидѣтельству Палласа, здѣсь очень пріятная, потому что горы, окружающія эту степь, защищаютъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ и хотя ночью бываютъ морозы, но небо всегда ясно. Палласъ пишетъ, что на Юсѣ до декабря часто не бываетъ морозовъ и снѣгу, и что ледъ на рѣкѣ очень непостояненъ. Также и ботаникъ Сиверсъ, посѣтившій въ 1799 г.

---

(777) Gmelin, l. c. T. III, p. 276; Pallas, l. c. T. II, p. 670.
(778) Pallas, R. R. T. II, p. 671.
(779) Pallas, l. c. T. II, p. 678.

эту степь ([780]), хвалитъ ее и называетъ лучшею мѣстностью Сибири, даже свободною отъ несносныхъ комаровъ.

О рѣкѣ Уйбатѣ мы можемъ сообщить весьма немногое. Гмелинъ ([781]) переѣзжалъ черезъ нее недалеко отъ впаденія ея въ Абаканъ и нашелъ здѣсь очень плодородную почву. Южная половина степи, около 30 верстъ до рѣки Нёни или Нины, покрыта курганами, богатыми растительностью, впрочемъ уже отцвѣтшею въ началѣ сентября. Вечеромъ 3-го сентября сдѣлалось очень холодно, такъ что, когда пили чай, чашки примерзали къ блюдечкамъ; 4-го сентября выпалъ иней. Близь рѣки Нёни, Гмелинъ видѣлъ каменное изваяніе, которое назвалъ медвѣжьимъ идоломъ; это грубое изваяніе, въ аршинъ вышины, дѣйствительно изображало медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ; оно находилось въ скалистой пещерѣ. Вблизи паслись козы,—рѣдкое явленіе въ этой степи. Отыскивая многочисленные слѣды древнихъ чудскихъ копей ([782]), русскіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вырыли шурфы, которые Гмелинъ называетъ Сыринскими рудниками. Во время своего перваго пути въ Абаканскъ, Палласъ не достигъ до Уйбата, потому что онъ держался ближе къ Енисею; онъ переѣхалъ черезъ Юрбу у Юрбинской и черезъ рѣку Тесъ у деревни Тесской ([783]). На возвратномъ уже пути, онъ переѣхалъ Уйбатъ ([784]), какъ и Гмелинъ, въ нижней его части, недалеко отъ Акъ-кула, т. е. Бѣлаго степнаго озера, какъ называютъ его тамошніе кочевники, потому что оно покрыто солью. Отсюда Палласъ увидѣлъ гору Иссыкъ, у подошвы которой Уйбатъ впадаетъ въ Абаканъ. Иссыкомъ ([785]) или теплою, гора эта называется потому, что здѣсь, по разсказу Пестерева, произошло кровопролитное сра-

---

(780) Sievers, Sibir. Br. T. VIII, p. 91—104.
(781) Gmelin, l. c. T. III, p. 279—283.
(782) Pallas, R. R. T. III, p. 337.
(783) Pallas, R. R. T. II, p. 687.
(784) Pallas, III. c. p. 132.
(785) Pesterev, l. c. p. 170.

женіе между красноярскими и кузнецкими казаками и киргизами, (?) когда послѣдніе были еще обладателями обоихъ береговъ Енисея. Оттуда Палласъ поѣхалъ черезъ богатую курганами сагайскую степь. къ р. Нёпи, также какъ и Гмелинъ, а оттуда къ Малому-Сыру (Кичи-Сыръ), мимо старыхъ золотосодержащихъ шурфовъ древнихъ рудокоповъ, которыхъ русскіе называютъ Чудаками. Здѣсь, впрочемъ, искали счастья и русскіе рудокопы, кузнецкіе крестьяне изъ деревни Сенявиной ([786]). Затѣмъ Палласъ проѣхалъ по пласту краснаго песчаника, содержащаго въ себѣ жилы мѣдной руды и многія чудскія копи, оставшіяся впрочемъ еще неразработанными. Сіи рудники доказываютъ, что всѣ эти страны были прежде очень хорошо населены; но обитатели ихъ исчезли и исторія о нихъ ничего не знаетъ. Наконецъ Палласъ достигъ Большаго Сыра, впадающаго съ лѣвой стороны въ Аскышъ. Тутъ посѣтилъ онъ юрты сагаевъ, видѣлъ волшебство хромаго Училая и достигъ сѣверной границы согайскаго племени; потому что отъ Юса до этой мѣстности живутъ качинцы, о которыхъ мы еще должны говорить, какъ о жителяхъ лѣвой или сагайской степи при Енисеѣ и Абаканѣ.

Примѣчаніе 3-е. Качинцы.

Каштары (также качары) или кашмалары ([787]), по-русски качинцы, принадлежатъ къ туркскому племени. Русское названіе они получили отъ рѣки Качи (на ихъ языкѣ она называется Исыръ-Су, а самихъ себя они называютъ Исыръ-Кичи). Эта рѣка течетъ у подошвы горъ, образующихъ водораздѣлъ между Енисеемъ и Чулымомъ и впадаетъ на с.-з. ниже Красноярска, съ стремительною быстротою ([788]), въ Енисей. Качинцы живутъ, впрочемъ, не только на этой сѣверной рѣкѣ, но и по всей западной сторонѣ Енисея; распростаняясь къ югу до Уйбата

(786) Pallas, R. R., T. III, p. 343.

(787) Asia Polyglotta, p. 227; Georgi Beschr. russ. Völkersch, p. 233—239; Pallas, R. R. T. II, p. 678—985, T. III, p. 399—404; Pesterev, l. c. p. 164—168.

(788) Pallas, R. R. T. III, p. 324.

и къ з. до истоковъ Юса. Нынѣ многіе изъ нихъ поселились на с. отъ обоихъ Юсовъ, приняли крещеніе и, сдѣлавшись земледѣльцами, живутъ между русскими; но кочующихъ Гмелинъ (въ 1792 г.) и Палласъ (въ 1771 г.) ([789]) (у Гмелина они называются кастинскими татарами) нашли только на южныхъ берегахъ обоихъ Юсовъ. Палласъ говоритъ, что поселившіеся въ другихъ частяхъ Сибири къ сѣверу до Красноярска и Томи и въ Чулымскихъ горахъ татарскія племена, получившія оттого названіе чулымскихъ, ничего не приняли отъ христіанской религіи, кромѣ креста, который они носятъ на шеѣ, или ставятъ у себя въ юртахъ, а изъ русскихъ обычаевъ усвоили себѣ только женскую одежду и начатки земледѣлія ([790]). Татаръ, обитающихъ къ югу отъ Ачинска, Палласъ нашелъ въ худыхъ лѣтнихъ юртахъ, построенныхъ изъ березовыхъ кольевъ и покрытыхъ березовою корою. Зимнія юрты ихъ состояли изъ тонкихъ березовыхъ балокъ, поставленныхъ вертикально и укрѣпленныхъ горизонтально, съ нѣсколько наклоненными стѣнами; передняя часть юрты открыта, а задняя замкнута стѣною и всегда заперта дверью. Она представляетъ довольно плохое подобіе татарскаго лѣтняго жилища. Сѣверная гористая страна между Томью и Чулымомъ сурова, бываетъ засыпана глубокимъ снѣгомъ и наполнена хищными звѣрями. Во время Палласа, эти татары были приписаны къ приходу села Шерешинскаго (при впаденіи Шереша съ лѣвой южной стороны въ Чулымъ). Жаль, что мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ успѣхахъ христіанской религіи у этихъ народовъ, состоящихъ подъ опекою европейцевъ.

Изъ качинцевъ, которые живутъ къ югу отъ Юса до Абакана и Уйбата, въ луч ей части Красноярскаго округа, и называются каштарами,—очень немногіе приняли крещеніе. Они, по очертанію лица и по нарѣчію, принадлежатъ къ туркскимъ

---

(789) Gmelin, Sibir. R. T. III, p. 276, Pallas, T. II, p. 678.
(790) Pallas, R. R. T. II, p. 670, 672—673.

племенамъ, но приняли въ свой языкъ много монгольскихъ словъ, непонятныхъ западнымъ родамъ того же племени. Сиверсъ полагаетъ, что ихъ языкъ болѣе приближается къ якутскому ([791]). Палласъ также замѣтилъ, что въ очертаніи лица, одеждѣ и обычаяхъ, они много заимствовали отъ сосѣднихъ племенъ, потому что долгое время находились подъ игомъ калмыковъ, вслѣдствіе чего нѣсколько переродились. Мнѣнія Палласа въ этомъ отношеніи весьма важны, потому что они основаны на убѣжденіяхъ, составившихся во время долговременнаго путешествія посреди этихъ народовъ и знакомства съ ними ([792]).

Мужчины стригутъ себѣ рѣдкую бороду, по обычаю калмыковъ, оставляя только усы; свои черные волосы они заплетаютъ назади въ косу. Зимою они носятъ шубы изъ оленьихъ шкуръ, на голомъ тѣлѣ; болѣе же богатые—овчинные тулупы и только самые богатые носятъ шелковое исподнее платье. Бѣдные, кромѣ шубы, носятъ холщевые шальвары и сапоги. Одежда и головной уборъ женщинъ такіе же какъ у калмыковъ ([793]). Юрты ихъ Палласъ нашелъ совершенно сходными съ киргизскими или калмыцкими, желѣзные котлы и корыта изъ березовой коры составляютъ ихъ домашнюю утварь; но они не моютъ посуды и потому она очень не чиста. Внѣшность юртъ, которыхъ березовая кора, по своей бѣлизнѣ, видна уже издалека, имѣетъ пріятный видъ, потому что онѣ пріятно отдѣляются отъ зелени луговъ и задняго плана темныхъ лѣсистыхъ горъ. Число сихъ качинцевъ Палласъ полагаетъ до 1,105 человѣкъ, платящихъ дань въ Красноярскомъ округѣ. Они платятъ ясаку на 2,196 рублей. Кромѣ ихъ обитаютъ здѣсь еще до 222 человѣкъ изъ четырехъ другихъ племенъ. Князьки ихъ утверждаются вмѣстѣ съ качинскими князьками въ Краснояр-

---

(791) Sievers, Sibir. Br. T. VIII, p. 94.
(792) Pallas, R. R. T. III, p. 399.
(793) Sivers l. c, p. 95.

ской канцеляріи. Всѣ они раздѣлены на 6 волостей или аймаковъ (или улусовъ). И такъ, полагая въ каждой семьѣ по 6 человѣкъ, все народонаселеніе состоитъ изъ 1,500 душъ.

Войлоки для зимнихъ юртъ сохраняютъ они лѣтомъ въ сухихъ пещерахъ; замѣняя въ лѣтнее время эти войлоки берестою. Въ іюлѣ они сдираютъ кору съ березъ, почему и называютъ этотъ мѣсяцъ *тосъ-ай* (т. е. березовый мѣсяцъ). Они умѣютъ такъ искусно вываривать эту кору, что она теряетъ весь свой клей, дѣлается мягкою и гибкою и почти не гніетъ (см. выше о березовой корѣ стр. 135). Богатство качинцевъ состоитъ въ стадахъ, которыя находятся на подножномъ корму въ теченіи круглаго года; рогатый скотъ большею частью пѣгій и сильный; лошади ихъ малорослы; между ними есть вороныя съ сѣрою головою. Въ степяхъ восточной стороны, между Абаканомъ и Енисеемъ, говоритъ Пестеревъ, было прежде очень много дикихъ лошадей ([794]), а потому, вѣроятно, онѣ попадались и на западной сторонѣ, о чемъ однакоже другіе путешественники не упоминаютъ. Качинскія лошади не дорого цѣнятся, потому что онѣ худо бѣгаютъ, но за то ихъ очень много; нѣкоторые держатъ отъ 30 до 40 головъ. Воловъ у нихъ еще болѣе и нѣкоторые продаютъ русскимъ быковъ (отъ 50 до 100 штукъ разомъ). Овцы ихъ имѣютъ небольшіе курдюки (жирные хвосты). Скотоводство есть единственный промыселъ качинцевъ, потому что они очень рѣдко ходятъ на охоту, не воздѣлываютъ полей и изрѣдка сѣютъ только ячмень и сибирскую гречиху. Съ работниками своими они обходятся гораздо лучше, нежели бельтиры. Съ русскими всегда живутъ въ дружбѣ, готовы на всѣ услуги и очень довѣрчивы.

Пастбища у нихъ раздѣлены между различными родами ихъ племени. Всѣ люди одного рода считаютъ себя родными братьями, и потому никто не можетъ жениться на дѣвушкѣ изъ

---

(794) Pesterev, l. c., p. 169.

одного съ нимъ рода, между тѣмъ какъ жениться на сестрѣ и даже матери своей жены дозволено. Они сватаются очень рано и сватовтсво продолжается иногда до 5 лѣтъ. По вступленіи въ замужство, невѣстка никогда не смѣетъ показываться своему тестю; если же она съ нимъ встрѣтится, то должна броситься лицомъ на землю. Родильницъ они считаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ нечистыми. Непринявшіе крещенія очень часто разводятся; жена беретъ свое приданое назадъ, только въ томъ количествѣ, въ какомъ она доставила его мужу, которому остается все его приращеніе, а потому часто женятся на богатыхъ и, нажившись, разводятся съ ними. Новорожденный получаетъ имя перваго пришельца, вмѣстѣ съ именемъ отца, потому у качинцевъ встрѣчается много русскихъ именъ. Жены, говоритъ Пестеревъ, большею частью управляютъ мужьями, бьютъ ихъ за всякій проступокъ, къ чему пьянство сихъ послѣднихъ представляетъ очень много поводовъ; при этомъ мужья рѣдко сопротивляются. Если показывается оспа, то они дѣтей своихъ, изъ уваженія къ ней, приводятъ въ то мѣсто, гдѣ она показалась, чтобы они не умерли, а лучшихъ лошадей больнаго, во все время болѣзни его, не выпускаютъ въ поле и варятъ для нихъ кашу съ масломъ.

Они очень уважаютъ свѣтло-сѣрыхъ лошадей, называютъ ихъ *маханъ-анъ*, никогда на нихъ не ѣздятъ, посвящая ихъ только своимъ богамъ. Для жертвоприношеній они избираютъ гору на рѣкѣ Ундатѣ. Тутъ они собираются ежегодно, обвертываютъ бѣлаго жеребенка въ различныя матеріи, закалываютъ его, часть мяса сожигаютъ, прочее съѣдаютъ сами. Приносящій жертву украшаетъ себя матеріею. Палласъ говоритъ, что качинцы поклоняются доброму духу (Улу-Худай); а злому посвящаютъ въ весенній праздникъ *танъ* воронаго, сѣраго или гнѣдаго жеребца, украшая его хвостъ цвѣтными лентами и пуская бѣгать на волѣ; на немъ нельзя ѣздить верхомъ до тѣхъ поръ, пока выпадетъ первый снѣгъ. Посвященныхъ жи-

вотныхъ они называютъ *исыкъ*. Весенній праздникъ *танъ* бываетъ у нихъ тогда, когда они начинаютъ доить кобылъ, т. е. въ іюнѣ (Илу-шилкиръ-ай). Торжественная жертва называется *худайга-башерага*. Лошадь обмываютъ молокомъ съ полынью и окуриваютъ; ее нельзя закалывать. Мертвымъ они приносятъ въ жертву лошадь, украшенную лентами, которую, при монотонныхъ вопляхъ, закалываютъ и съѣдаютъ; кумысъ при этомъ необходимъ. Умершихъ они погребаютъ одѣтыми, кладутъ съ ними разныя мелочи: чашку для питья и т. п. Главный порокъ качинцевъ, также какъ и калмыковъ, есть пьянство. Кумысъ ([795]) они приготовляютъ нѣсколько иначе нежели тунгузы, монголы и калмыки; табакъ курятъ мужчины и женщины. Ихъ камы или волшебники дѣлаютъ такія же кривлянья, какъ и калмыцкіе. Между качинцами часто свирѣпствуютъ опустошительныя болѣзни — оспа и сифилисъ. Пѣсни ихъ отличаются, подобно калмыцкимъ, унылымъ напѣвомъ, пляска похожа также на калмыцкую. Палласъ ночевалъ въ юртѣ при рѣчкѣ Бирджи или Письменной, у Енисея, не далеко отъ устьевъ Абакана и Уйбата. Здѣсь находилось много богатыхъ качинскихъ татаръ, заготовлявшихъ сѣно для своихъ зимовьевъ на островахъ рѣки. Владѣтель этихъ острововъ умѣлъ играть на инструментѣ, называемомъ у Сиверса *чѐтаганъ*, и былъ настоящимъ трубадуромъ. Каждый куплетъ пѣлъ онъ сперва съ аккомпаниментомъ, потомъ безъ него, смѣшнымъ речитативомъ. Качинцы, говоритъ Палласъ, поютъ какъ и калмыки, аккомпанируя себѣ на своемъ инструментѣ, однообразнымъ, гортаннымъ, какъ бы скрипящимъ, напѣвомъ, но на открытомъ воздухѣ его можно слушать не безъ удовольствія. Иногда они поютъ съ воодушевленіемъ и какъ бы принужденнымъ голосомъ не пѣсни, а ничего незначущіе слоги, оканчивающіеся большею частію на *ейдö*, *идö*, *ейдумъ*,

---

(795) Pallas, R. R. T. III, p. 404.

дидö. Чѐтаганъ (796) по разсказу Сиверса, есть родъ корыта, въ сажень длиною и въ 4 дюйма шириною, на немъ натянуто 6 струнъ изъ лошадиныхъ волосъ. Ударяя по этимъ струнамъ, качинцы производятъ однообразные звуки и поютъ басомъ; ихъ *хöмусъ* всегда почти сопровождается игрою на инструментѣ, на которомъ, какъ на цитрѣ, можетъ играть даже слѣпой, если натянуты 2 или 3 струны. Эта безъискуственная музыка восхищаетъ безпечный народъ, забывающій все на свѣтѣ и довольный всѣмъ, если при этомъ у него есть еще кумысъ и табакъ. Пестеревъ очень хвалитъ качинцевъ и сагаевъ за многія ихъ добрыя качества (797); они гостепріимны, даютъ путешественникамъ лошадей безъ платы и предлагаютъ имъ пристанище, не требуя за то возмездія. Вмѣстѣ съ ними, Пестеревъ упоминаетъ о койбалахъ, хотя они не относятся къ турксному, или, такъ называемому, татарскому племени, но, по мнѣнію Палласа (798) и Клапрота, къ самоѣдскому. Если же проѣзжій находится съ ними во враждѣ, то они отказываютъ ему во всемъ: въ лошадяхъ, въ пристанищѣ и ничего не даютъ ни за какія деньги. Они очень покорны приказаніямъ начальства; юношей своихъ они пріучаютъ ранѣе тридцатаго года не пить водки, по крайней мѣрѣ въ обществѣ, чтобы сохранить свое доброе имя.

§ 49.

Изложеніе 4-е. *Верхнее теченіе Енисея въ русскихъ предѣлахъ; продолженіе; степь между Абаканомъ и Енисеемъ (койбальская степь); Саянскъ; Минусинскъ; Абаканскъ.*

Степь между Енисеемъ и Абаканомъ есть продолженіе сагайской. Она изобилуетъ (799) травами и ограничивается съ ю.

(796) Sievers, Sibir. Br., l. c., p. 100.
(797) Pallas R. R. T. III. p. 373; Asia Polyglotta. p. 154.
(798) Pesterev, l. c., p. 167.
(799) Pesterev, l. c., p. 168.

рѣкою Итемомъ и предгоріемъ Омай-тура на ю.-з. отъ Саянска. Между Байкаловой, при переправѣ черезъ Абаканъ, и Саянскимъ острогомъ на в., степь простирается въ ширину только на 80 верстъ по измѣренію 1772 года (800). Палласъ, возвращавшійся осенью (9 сентября) по дорогѣ, ведущей черезъ эту степь мимо сѣверной подошвы Итема, говоритъ, что она представляетъ равнину, хотя весьма возвышенную. Къ югу возвышаются горы; ихъ выдающіеся углы состояли изъ гранита и граувакки, которой пласты простирались отъ з. къ в. и круто падали къ югу. Изъ этихъ горъ выходитъ 7 или 8 значительныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Абаканъ. Около истоковъ рѣчекъ Джабата, Бея и Калы, сибирскіе крестьяне собираютъ для аптекъ Rheum raponticum. На скалистыхъ выступахъ Итема и Омай-туры уже появляется Rhododendron dauricum. Всю степь между Абаканомъ и Енисеемъ занимаютъ кайбалы, самоѣдское племя. Въ одной изъ юртъ, при подошвѣ горъ, Палласъ ночевалъ въ первый день пути (801) и отправился отсюда, на второй, за 6 верстъ, на лѣвый берегъ Енисея, до котораго онъ достигъ въ 10-ти верстахъ выше Саянскаго острога. Мы уже упоминали выше, что отсюда онъ посѣтилъ Маинскій мѣдный рудникъ (открытый въ 1772 г.) (802). Горы падаютъ здѣсь къ Енисею очень круто, лѣсистыми скатами. Здѣсь степь оканчивается; небольшую рѣчку Кичи-каракулакъ (803), текущую съ Омай-туры на в. въ Енисей, можно почитать границею ровной степи съ дикою Саянскою горною страною. Противъ этой рѣчки на восточномъ берегу Енисея, въ урочищѣ, называемомъ Означеннымъ, предполагали первоначально построить Саянскій острогъ. Отъ этого урочища вся равнина получила названіе Означенной. Отсюда доро-

---

(800) Pallas, R. R. T. III, p. 372.
(801) Pallas, R. R. T. III, p. 373
(802) Pallas, R. R. T. III, p. 396.
(803) Pallas, R. R. T. III, p. 388.

га вверхъ теченія Енисея становится очень затруднительною отъ скалъ и лѣсистыхъ горъ. Однако же Палласъ могъ еще слѣдовать въ маленькой телѣжкѣ вверхъ, около 8 верстъ, до рѣки Сизой (Сисэ.). На всѣхъ скалахъ въ обиліи росли рѣдкія растенія Sedum populifolium и Leonurus sibiricus; на пригрѣвахъ солнечныхъ цвѣла Athamanta condensata. Отъ Сисэ Палласъ продолжалъ путь верхомъ; проѣхавъ $2^1/_2$ версты и переправившись черезъ стремительную рѣчку Джиксу (по-русски Голубую), онъ достигъ укрѣпленія, лежащаго верстою выше и называемаго здѣшними крестьянами Логиновою осадою (Палласъ полагаетъ: осада Лоцзана, см. выше стр. 433). Татары называютъ близлежащія горы и Саянскій острогъ Омайтура, т. е. крѣпость Омая ([804]). Это укрѣпленіе находится въ самомъ углу дефиле, гдѣ горы своими отвѣсными утесами тѣснятся къ берегамъ Енисея, не оставляя мѣста для дороги по его берегу. Скалистая почва покрыта лиственничнымъ лѣсомъ. Отъ крутаго горнаго обрыва до пересохшаго рукава Енисея, по которому вода стремится только во время половодья, возвышается валъ, безъ рва, насыпанный изъ земли и камней и простирающійся на 100 саженъ. Въ немъ едва видны слѣды воротъ. Преданіе гласитъ, что за этимъ валомъ, до прибытія русскихъ, укрылась зимою, со своими стадами, тѣснимая киргизами,—орда, разломавъ за собою ледъ на рѣкѣ для бо̀льшей безопасности отъ враговъ, съ тѣмъ, чтобы оставшись здѣсь до весны, удалиться впослѣдствіи въ горы Монголіи. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ событіи нельзя было получить. Въ то время, когда производились работы въ рудникахъ на р. Уѣ, текущей съ з. изъ Омай-Туры и впадающей въ Енисей ([805]), тутъ устроенъ былъ перевозъ черезъ сей послѣдній, для рабочихъ, потому что устье р. Уя находится прямо противъ насыпи. Это былъ крайній южный предѣлъ путешествія Пал-

(804) Pallas, R. R. T. III, p. 389.
(805) J. Jslenieff, Mappa fluvii Jrtisz, etc. 1777.

ласа; проникнуть далѣе онъ не отважился, потому что множество медвѣдей, начавшихъ свое странствованіе по горамъ, дѣлало эти страны опасными. На сѣверномъ склонѣ сихъ дикихъ горъ, къ степи, естествоиспытатель встрѣтилъ (12 сентября 1772 г.) большія стаи куропатокъ и перепеловъ, которымъ высокія горы препятствовали летѣть далѣе къ югу. Снѣга на этихъ горахъ всегда выпадаютъ гораздо ранѣе, нежели осень вытѣсняетъ изъ долинъ сихъ перелетныхъ птицъ, а потому онѣ находятъ путь къ югу прегражденнымъ для себя; но опытъ не дѣлаетъ ихъ умнѣе. На слѣдующій день Палласъ отправился въ обратный путь въ Саянскъ; его сопровождалъ (13 сентября) ужасный буранъ съ ю.-з., продолжавшійся и на слѣдующій день; буранъ этотъ, поворотивъ мало по малу, началъ дуть съ с.-з. и произвелъ жестокій морозъ. Выше Саянскаго острова, по Енисею до самыхъ границъ, русскіе крестьяне еще занимаются ловлею осетровъ и стерлядей ([806]), поднимающихся по Абакану и Енисею и ихъ притокамъ; рѣки сіи богаты впрочемъ и другими породами рыбы. Земледѣліемъ занимаются на ровныхъ берегахъ Енисея пограничные абаканскіе казаки. Пестеревъ распорядился постройкою для нихъ домовъ и отводомъ земельныхъ участковъ, достаточныхъ не только для ихъ прокормленія, но и для продажи хлѣба. Степь между Абаканомъ и Енисеемъ, по свидѣтельству Пестерева, изобиловала прежде дикими лошадьми, которыхъ вытѣснили кочевые народы, а нынѣ славится большими птицами, которыя имѣютъ иногда вѣсу отъ 15 до 20 фунт. (не драхвы ли?); кромѣ того, въ ней водится очень много утокъ, лебедей, журавлей, соколовъ, коршуновъ, куликовъ, скворцовъ, дроздовъ и другихъ перелетныхъ птицъ. Поля крестьянъ, поселившихся ниже пограничныхъ пикетовъ по Енисею, Тубѣ и другимъ протокамъ, — очень хорошо воздѣланы. Пестеревъ платилъ (въ 1780 г.) тамошнимъ казакамъ за пудъ

(806) Pesterev, l. c. T. I, p. 169.

ржи лучшаго качества отъ 3 до 7 копѣекъ, за пудъ пшеницы отъ 10 до 15 копѣекъ. Крестьяне и казаки занимаются овцеводствомъ и продаютъ овецъ кузнецкимъ, томскимъ, красноярскимъ и енисейскимъ торговцамъ; лучшій быкъ стоилъ 4 или 5 руб., лошадь отъ 6 до 8 руб., баранъ 40 копѣекъ. Нынѣ цѣны эти, вѣроятно, измѣнились.

Саянскій острогъ принадлежитъ къ числу тѣхъ сибирскихъ городовъ (807), которые были основаны прежде, нежели нашлись для него жители; въ то время окрестные поселенцы не занимались еще хлѣбопашествомъ; кочующіе народы не думали объ осѣдлости; безопасныхъ и удобныхъ дорогъ еще не было и только Енисей соединялъ Саянскъ съ другими городами. Пунктъ этотъ, находящійся внѣ всѣхъ сибирскихъ системъ путей сообщенія, потому что съ юга естественныя и политическія преграды не позволяли проникнуть далѣе, былъ избранъ Петромъ Великимъ для помѣщенія въ немъ военнаго отряда, съ цѣлію удержать киргизовъ отъ набѣговъ на берега Енисея. Острогъ (808) былъ основанъ въ 1709 году; въ то время здѣсь была водворена сотня казаковъ, которая въ короткое время освободила эту страну отъ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ на далекое пространство, такъ что впослѣдствіи представилась возможность уменьшить гарнизонъ на половину. Но и этотъ остатокъ оказался излишнимъ. Гмелинъ думалъ (1739 г.), что ополченіе изъ крестьянъ было достаточно для защиты и принесло бы гораздо болѣе пользы. Дѣйствительно, во времена Палласа, уже только 5 казаковъ съ своимъ начальникомъ жили въ острогѣ, остальные 45 занимались различными промыслами. Такимъ образомъ, 30 лѣтъ послѣ Гмелина, Палласъ нашелъ острогъ уже почти совершенно пустымъ, хотя его зданія были въ очень хорошемъ состояніи (809) (въ 1772 г.). Острогъ

(807) Сперанскій; Общее обозрѣніе Сибири, въ Oldekop. Zeitsch. T. X, p. 284.
(808) Gmelin, Sibir. R. T. III, p. 295.
(809) Pallas, R. R. T. III, p. 387.

построенъ въ видѣ квадрата, каждая сторона котораго имѣетъ 50 саженей, окруженъ деревянною стѣною, рвомъ и палисадами, съ четырьмя башнями и двумя воротами, внутри было 5 казармъ, провіантскій магазинъ, пороховой погребъ, 6 желѣзныхъ пушекъ; но только 7 казаковъ гарнизона. Такъ какъ скалистая почва около острога неудобна для земледѣлія, то остальные казаки жили въ ближайшихъ деревняхъ и посылали въ острогъ отъ времени до времени по два караульныхъ для охраненія пороха и пушекъ. Палласу казалось, что окрестности острога были бы удобны для плантацій ревеня и это подало поводъ къ путешествію Сиверса на Енисей (1792 г.) ([810]). Ниже Саянска до Абаканскаго острога, по берегу Енисея, есть много деревень; Палласъ нашелъ ихъ обитателей зажиточными, отъ рыбнаго и звѣринаго промысловъ. Бѣдные кайбалы нанимаются у нихъ въ работники и позволяютъ имъ охотиться ([811]) за козулями, выхухолью, горностаями, бѣлками; бобровъ же, выдръ, рысей и соболей ловятъ только богатые. У Каптеревой, первой деревни ниже Саянска, состоявшей во время Палласа изъ 16 дворовъ и 5 казаковъ и находившейся въ въ одномъ днѣ пути внизъ по Енисею,—ширина рѣки при перевозѣ составляла 1200 фут. (200 саж.) ([812]). Палласъ говоритъ, что здѣшняя почва очень плодоносна, но двѣ причины препятствуютъ обильной жатвѣ, именно: ранніе холодные инеи, выпадающіе уже въ августѣ и причиняющіе низкимъ полямъ много вреда, и легко распространяющійся керлыкъ ([813]), т. е. сибирская гречиха, которая на правомъ берегу Енисея подавляетъ всякіе посѣвы. Крупа ея составляетъ любимую пищу татаръ.

Далѣе внизъ, находятся устья Оя и Тубы; между ними

---

(810) Sievers, Sibir. Br. l. c. VIII., p. 100.
(811) Pallas, l. c. T. III, p. 381.
(812) Pallas, l. c. T. III, p 381.
(813) Pallas, l. c. T. III, p. 383,395—351.

на правомъ берегу Енисея возникъ городъ Минусинскъ, отъ котораго получилъ свое названіе цѣлый округъ Енисейской губерніи.

Окружный городъ Минусинскъ, бывшій, во время Палласа, деревнею, получилъ свое имя отъ рѣчки Минуссы ([814]), впадающей съ в. въ рукавъ Енисея. Онъ возникъ изъ развалинъ неудавшихся окрестныхъ горныхъ заводовъ. Гмелинъ, первый изслѣдователь этой страны, нашелъ, что всѣ лѣсистыя окрестности на восточной сторонѣ Енисея наполнены многочисленными углубленіями и ямами, величиною въ квадратную сажень. Осмотрѣвъ ихъ тщательно, онъ узналъ въ нихъ древнія плавильныя печи исчезнувшаго народа (Чуди); около нихъ было много шлаковъ желѣза и мѣди. Никто еще не дѣлалъ химическаго анализа этихъ шлаковъ. Каменныя стѣны плавильныхъ печей, находящихся въ землѣ, обросли корнями пихтъ. Вся восточная и западная Енисейская степь покрыта безчисленными курганами ([815]), но большая часть ихъ уже изрыта искателями кладовъ. Это доказываетъ, что нѣкогда эти страны были очень хорошо населены. Русскіе шли по слѣдамъ древнихъ рудокоповъ, которые хотя и не углублялись далеко и не показывали много искусства, но добывали даже золото изъ здѣшнихъ охръ. Передъ прибытіемъ сюда Палласа нашли здѣсь древній желѣзный плугъ, изъ чего можно заключать, что здѣсь жили земледѣльцы. Недалеко отъ южной рѣки Оя, на ручьѣ Луказѣ, впадающей въ Енисей, русскіе построили плавильные заводы, получившіе названіе Луказскихъ. На островахъ Енисея, лежащихъ противъ устья Луказа, и преимущественно на Каменномъ растетъ хмѣль; при этихъ островахъ была устроена удобная переправа черезъ Енисей. Заводы находились только въ 9 верстахъ въ сторонѣ отъ Енисея. При Гмелинѣ, заводы эти, основанные за 10 лѣтъ до его прибытія, были въ цвѣтущемъ состояніи (отъ

---

(814) Pallas l. c. T. III, p. 397; Gmelin l. c. T. III, p. 300.
(815) Gmelin, l. c. T. III, p. 309—319.

1740—1750 г.). Здѣсь плавили руды изъ рудниковъ Маинскаго (мѣднаго, открытаго въ 1732 г., въ 65 верстахъ отсюда), пяти Сыринскихъ (открытыхъ въ 1737 г., въ 85 верстахъ), 2-хъ Базскихъ, Потаповскаго, Ключевскаго, Ѳедоровскаго и Таштыпскаго, лежащихъ въ западной Енисейской и Абаканской степяхъ, въ разстояніи отъ 90—170 верстъ отъ завода. Впрочемъ, всѣ эти рудники имѣли только временное существованіе. Въ песчаной мѣстности, богатой пихтовымъ лѣсомъ, съ чрезвычайною поспѣшностью были выстроены обширныя зданія съ плавильными печами, и эти-то постройки получили названіе Луказскаго завода ([816]). Тутъ была сооружена церковь и къ ней причислены всѣ деревни, лежащія вверхъ по Енисею. Сюда были выписаны плавильщики и рудокопы, набраны рекруты, переселено 100 ссыльныхъ, а комендантомъ этого мѣста сдѣланъ былъ артиллерійскій поручикъ. Красивые дома были построены по образцу екатеринбургскихъ, на Уралѣ; между ними находилась канцелярія, харчевня, мастерскія для рабочихъ. Здѣсь былъ устроенъ также и госпиталь, подъ присмотромъ фельдшера, которому однакоже запрещено было держать лекарства, чтобы онъ не могъ вредить больнымъ. Поселеніе было огорожено палисадами; но это не помѣшало ссыльнымъ разбѣжаться; крестьяне же, присланные для работъ издалека, также мало по малу разошлись, потому что по недостатку хлѣба должны были питаться исключительно произведеніями стадъ. Такимъ образомъ поселеніе опустѣло; никто и не думалъ воздѣлывать плодоносной почвы. Рудники скоро истощились. Когда Палласъ посѣтилъ эту несчастную колонію (1772 г.), она уже находилась въ развалинахъ и въ ней обиталъ только одинъ смотритель, состоявшій на пенсіи. На правомъ, нижнемъ притокѣ (отъ с.-в.) Тубы, Ирбѣ, русскіе устроили Ирбскій желѣзный заводъ ([817]), на лѣвомъ берегу рѣки. Эта плавильня,

(816) Gmelin, l. c. T. III, p. 297; Pallas, l. c. T. III, p. 395.
(817) Gmelin, l. c. T. III, p. 302; Pallas, l. c. T. III, p. 397; T. II, p. 671. Gmelin l. c.

съ 6-ю небольшими печами, долго славилась своею рудою, отправляемою на плотахъ и лодкахъ по Енисею въ Чулымъ (черезъ узкій волокъ у Легостаевой) и внизъ по Оби въ Томскъ; но въ 1771 году ирбскіе горнозаводскіе работники были переведены въ Колывань и мѣсто это утратило свое значеніе. Остальные ссыльные были переведены въ деревню Минуссу, для воздѣлыванія земли, и Палласъ нашелъ ихъ, въ 1772 году, занимающимися жатвою (14 сентября). Деревня была превращена въ окружный городъ; о нынѣшнемъ ея состояніи мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Абаканскій острогъ выстроенъ прежде Саянскаго, съ тою же цѣлью, но онъ не имѣлъ особеннаго значенія. Это мѣсто принадлежитъ къ незначительнымъ городамъ Сибири и находится въ странѣ столь мало населенной, что здѣсь и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ одного столѣтія не было бы достаточно для образованія города. Во всей Енисейской губерніи, по счисленію 1820 года ([818]), было только 135,000 жителей обоего пола; такимъ образомъ въ 5-ти округахъ губерніи густота населенія не превосходила 20 человѣкъ на квадратную милю. Въ главномъ городѣ губерніи, Енисейскѣ, было только 5,356 жителей и онъ причислялся къ первому разряду сибирскихъ городовъ; Красноярскъ, имѣвшій 3,140 жителей—ко второму классу. Во время посѣщенія Палласомъ Абаканска (въ 1771 г.) ([819]), въ немъ было только 600 жителей мужескаго пола. Острогъ находится въ 52 верстахъ ниже широкаго устья Абакана, образующаго тутъ множество острововъ, и въ 40 верстахъ ниже устья Тубы (праваго притока Енисея), на восточномъ берегу Енисея. Рѣка сія, послѣ впаденія въ нея упомянутыхъ притоковъ, имѣетъ на перевозѣ черезъ главный рукавъ 1,800 фут., или 300 саженъ ширины и становится отсюда очень значительною. Абаканскъ

(818) Сперанскаго, Общее обозрѣніе Сибири, въ Oldekop Zeitschr. T. X, p. 293.
(819) Pallas, l. c. T. II, p. 689; T. III, p. 397; Sievers Sibir., l. c. T. VIII, p. 101.

имѣетъ пріятное мѣстоположеніе, но представляетъ мало удобства для жителей. Во время Палласа онъ былъ въ упадкѣ; въ немъ находилась деревянная церковь и нѣсколько домовъ (Сиверсъ насчиталъ ихъ, въ 1792 года, до 56). Въ острогѣ и прилежащихъ къ нему деревняхъ было не болѣе 600 жит. муж. пола, въ томъ числѣ нѣсколько отставныхъ, довольно зажиточныхъ казаковъ. Такъ какъ острогъ построенъ на низкомъ песчаномъ берегу Енисея, то при половодьѣ онъ подвергается опасности отъ наводненія. Укрѣпленіе находится въ упадкѣ; управитель или комендантъ его, съ своимъ управленіемъ, имѣетъ юридикцію надъ ближайшими русскими деревнями, а также качинцами, койбалами и другими татарами, живущими въ западной и восточной Енисейской степи. Жители Абаканска занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и торговлею скотомъ. Воздѣлываніе земли не требуетъ большихъ усилій; рогатый скотъ превосходнаго качества; его много сбывается въ Кузнецкъ и горный Алтайскій округъ, даже до Тобольска. Скотъ гоняютъ на продажу только лѣтомъ, потому что тогда хороши дороги. Дикій хмѣль, растущій на островахъ Енисея, служитъ также предметомъ торговли. Зима въ здѣшнихъ мѣстахъ, въ сравненіи съ красноярскою, очень коротка и умѣренна. Причину тому Палласъ находитъ въ существованіи Красноярскихъ, хотя и не высокихъ, горъ (Степановъ называетъ ихъ Кемчугскими), простирающихся по сѣверной сторонѣ степи отъ запада въ востоку и вообще въ защищенномъ положеніи Енисейской долины. Палласъ полагаетъ, что обнаженныя, легко нагрѣвающіяся скалы содѣйствуютъ также теплотѣ этой страны и дѣлаютъ ее лучшею частью Сибири ([820]). Одинъ живущій здѣсь малороссіянинъ, начавшій сѣять (подъ 54° сѣв. шир.) табакъ и арбузы, сравнивалъ здѣшнюю зиму съ малороссійскою около Кіева (подъ 51° сѣв. шир.); онъ надѣялся, что здѣсь будутъ расти фруктовыя деревья и хотѣлъ заняться пчеловодствомъ.

(820) Pallas, l. c. T. II, p. 690.

Многочисленные острова Енисея покрыты небольшимъ лѣсомъ и кустарникомъ; въ нихъ изобилуютъ разнаго рода птицы, какъ то: подорожники (Emberiza cia), трясогузки (Motacilla cyanurus), синицы (Parus scythicus), дятлы (Picus tridactylis), Loxia sibirica, которыя тутъ и зимуютъ. До этихъ мѣстъ проникло, за два года до прибытія Палласа, множество бѣлыхъ съ пятнами медвѣдей, совершенно тощихъ, слабыхъ и голодныхъ; они ворвались изъ сосѣднихъ горъ въ деревни, гдѣ были всѣ перебиты.

Сиверсъ ([821]) плылъ, въ 1793 году, отъ Абаканскаго острога, при половодьѣ, по Енисею весьма удобно со всѣмъ своимъ багажемъ. Въ 2 дня онъ спустился по теченію рѣки на 43 геогр. мили (300 верстъ), мимо ея хорошо обработанныхъ береговъ, зажиточныхъ деревень, мимо нѣсколькихъ ущелій, водоворотовъ и живописныхъ мѣстъ и достигъ Красноярска.

Палласъ и Гмелинъ частію еще и раньше совершили это путешествіе, приведшее ихъ къ низменностямъ. Здѣсь на порогахъ Енисея, докторъ Мессершмидтъ претерпѣлъ кораблекрушеніе.

Намъ остается бросить еще одинъ взглядъ на кочующихъ жителей степи, простирающихся между Енисеемъ и Абаканомъ, на койбаловъ, такъ какъ о племенахъ, обитающихъ на восточной сторонѣ Енисея, мы уже говорили при описаніи восточныхъ притоковъ этой рѣки.

Примѣчаніе. Койбалы.

Койбалы ([822]) принадлежатъ къ самоѣдскимъ племенамъ и суть, какъ кажется, единственное, изъ сихъ племенъ оставшееся несмѣшаннымъ внутри Россійской Сибири и перешедшее на

---

(821) Sievers Sibir. T. VIII, p. 102; Gmelin Sibir. R. T. III, p. 326—343; Pallas, R. R. T. II, p. 691—700; T. III, p. 405—408.

(822) Asia Polyglotta, p. 154—159; Georgi Beschr. aller russ. Völkersch., p. 285; Pallas. R. R. T. III, p. 373—378; Pesterev, l. c. 163.

западную сторону Енисея; потому что всѣ его сѣверо-западные сосѣди — турко-монгольскаго происхожденія. О распространеніи ихъ ближайшихъ единоплеменниковъ, извѣстныхъ у русскихъ подъ различными именами, по восточной сторонѣ Енисея и сосѣднимъ горамъ на югѣ въ русскихъ и китайскихъ предѣлахъ, мы уже говорили выше. Самые сродные съ койбалами изъ племенъ, обитающихъ на восточной сторонѣ Енисея, суть моторы на Амулѣ и обитатели береговъ Кезира и Кандина, которые по языку и по нравамъ совершенно сходны съ ними и отличаются отъ нихъ только мѣстными оттѣнками.

Палласъ насчитываетъ до пяти, по численности своей впрочемъ очень незначительныхъ койбальскихъ племенъ на восточной сторонѣ Енисея. Поэтому имя койбаловъ переходитъ и на восточный берегъ Енисея, и распространяется на многихъ изъ тамошнихъ народовъ, живущихъ звѣриною ловлею. Койбалы получили первоначально названіе свое отъ одного изъ своихъ князей Койбала; еще до своего подчиненія русскому владычеству, они состояли изъ нѣсколькихъ родовъ, изъ коихъ нѣкоторые вмѣстѣ съ киргизами, которымъ они вѣроятно служили рабами, были совершенно вытѣснены и изгнаны на западъ за Иртышъ. Въ позднѣйшія времена они получили отъ русскихъ также названіе *кыстымъ*, или *кыштымъ*, что па сибирско-татарскомъ языкѣ значитъ — рабъ.

Это же презрительное названіе было присвоено и другимъ народамъ, какъ то: коттамъ, канмашамъ, а потому названіе кыштымскіе татары, послужило ко многимъ этнографическимъ ошибкамъ. Моторо-койбальскій словарь сообщенъ Клапротомъ по просьбѣ, оказавшаго столь важныя услуги этнографической наукѣ, графа Іоанна Потоцкаго. Палласъ и Пестеревъ нашли ихъ главныя мѣста жительства въ междурѣчьѣ Абакана и Енисея, состоящими подъ владычествомъ Красноярска. Палласъ исчисляетъ ближайшіе къ Красноярску ихъ роды въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) Тарагакъ — 32 души; 2) Большой-Байгатолъ

3) Карнатъ — 32; 4) Ургъ—30; всѣхъ 130 человѣкъ. По восточную сторону Енисея: 1) архиповскій родъ 23; 2) сысковскій—15; 3) васкозовскій—8; 4) кольскій—16; 5) ангаровскій—31; всѣхъ вообще 93; слѣдовательно около 1,400 человѣкъ. Георги, причисляющій къ нимъ, по примѣру Палласа, еще 5 моторскихъ и другихъ родовъ, живущихъ на Тубѣ, говоритъ, что койбалы вообще раздѣляются на 15 родовъ и что между ними считается 400 человѣкъ способныхъ носить оружіе. Палласъ нашелъ койбаловъ совершенно отличными отъ другихъ, до сихъ поръ разсматриваемыхъ нами татаръ (т. е. народовъ туркскаго племени), не столько по нынѣшней ихъ одеждѣ и образу жизни, сколько по происхожденію, языку и самой наружности; потому что ихъ лица походятъ на тунгузскія, также круглы, плоски, но съ довольно большими бородами. Палласъ первый изъ всѣхъ наблюдателей весьма остроумно причислилъ этотъ народъ, по составленному имъ словарю, къ самоѣдскому племени, живущему выше Енисея, и принялъ его за коренную отрасль оттѣсненныхъ до Сѣвернаго моря самоѣдовъ. По свидѣтельству Палласа, почти всѣ койбалы крещены и совершенно оставили языческіе обычаи, хотя у нихъ иногда еще и встрѣчаются волшебства ([823]). Они занимаются охотою, земледѣліемъ, пашутъ русскимъ плугомъ, сѣютъ болѣе хлѣба, чѣмъ имъ нужно, и продаютъ излишекъ его другимъ татарамъ. Они съ большою ловкостью отнимаютъ у горныхъ зайцевъ (Lepus alpinus, у койбаловъ *кильбе*) заготовленные сими животными зимніе запасы сѣна, и кормятъ ими свой слабый скотъ, между тѣмъ какъ сильный и зимою выгоняется на подножный кормъ. Изъ этого обстоятельства и вообще изъ всего ихъ образа жизни обнаруживается ихъ гибкій, несвойственный татарамъ характеръ.

Показанія Пестерева сходны съ вышеизложеннымъ, но онъ полагаетъ, что прибыль отъ ихъ земледѣлія и скотоводства еще

(823) Pallas, R. R. T. III, p. 376.

не очень велика, потому что недостатокъ въ сѣнѣ причинялъ у нихъ частый скотскій падежъ, вслѣдствіе чего ихъ скотоводство, находившееся въ прежнія времена въ цвѣтущемъ состояніи, очень упало, а заразительная оспа произвела между ними также большія опустошенія. Георги говоритъ, что койбалы владѣютъ и донынѣ многочисленными стадами, состоящими нерѣдко изъ 100 лошадей, такого же числа рогатаго скота, овецъ (съ курдюками) и даже нѣсколькихъ верблюдовъ. Предѣлъ распространенія верблюдовъ простирается здѣсь слѣдовательно еще нѣсколько далѣе къ сѣверу, нежели на Чуйской степи, и сѣверная граница верблюдоводства совпадаетъ здѣсь непосредственно, къ юго-западной чертѣ, съ границею оленеводства, такъ что, къ удивленію, самоѣдскія племена соединяютъ обѣ породы животныхъ. Осенью койбалы разсѣеваются партіями для ловли дичи и особенно соболей на восточной сторонѣ Енисея, къ верховьямъ Оя и Тубы и на дикихъ бѣлкàхъ (Ташкылъ, или по-моторски Бейга); въ августѣ они ходятъ на оленей; въ декабрѣ на соболей, бобровъ, выдръ и рысей; въ мартѣ, когда обледенѣвшій снѣгъ еще не стаялъ, они бѣгаютъ на лыжахъ за лосями, оленями и другими животными. Лосиными и олеными шкурами платятъ они дань; соболей продаютъ мѣховщикамъ и доплачиваютъ остальной ясакъ деньгами. Койбалы вообще очень искусные охотники.

Древніе обычаи мало у нихъ сохранились; Палласа поразилъ только головной уборъ женщинъ. Многіе койбалы имѣютъ зимнія, деревянныя жилища и въ окружающихъ ихъ юртахъ держатъ куръ. Они болѣе другихъ татарскихъ племенъ собираютъ дикую пеньку и ленъ и плетутъ изъ нихъ веревки. Умершихъ взрослыхъ они зарываютъ въ землю, а мертвыхъ дѣтей, по белтирскому обыкновенію, вѣшаютъ на деревья.

§ 50.

Изложение 4. *Коренные и нынѣшніе жители горной страны на верхнемъ Енисеѣ; киргизскія и самоѣдскія племена.*

Мы заключаемъ наши изслѣдованія о Саянскомъ хребтѣ точнымъ указаніемъ на его древнія этнографическія отношенія, въ то время когда племена восточныхъ киргизовъ властвовали еще во всей области верхняго Енисея; потому что намъ неизвѣстно, есть ли еще нынѣ киргизы въ горной области Да-Киму, и мы принуждены ограничиться обзоромъ здѣшнихъ соіотскихъ или самоѣдскихъ племенъ. Перечисленіе замѣчательныхъ памятниковъ на Енисеѣ сдѣлаемъ мы впослѣдствіи, при общемъ обзорѣ чудскихъ памятниковъ.

Первоначальные владѣтели страны; древніе восточные киргизы на верхнемъ Енисеѣ; Кянъ-кюнъ или народъ при Кянѣ; Хака-цзы или Хакасы; Ки-ли-ки-цзы въ Ханхона во время Чингисханидовъ; киркисъ, киргизы; касаки и буруты; новѣйшіе киргизъ кайсаки.

На сѣверной сторонѣ Тан-ну-ола, какъ уже мы говорили выше (см. Т. II стр. 188), обитали, по свидѣтельству китайскихъ лѣтописей, съ давнихъ временъ хакасы, или киргизы, которыхъ, при ихъ бѣлокурыхъ волосахъ и голубыхъ глазахъ (824), и ихъ туркскомъ языкѣ, можно считать народомъ соплеменнымъ съ индо-германскими усунями, смѣшавшимися съ туркскими хойху. Конечно, мы выражаемъ такое мнѣніе только предварительно до тѣхъ поръ, пока дѣло не разъяснится новѣйшими изслѣдованіями объ этомъ племени и его отечествѣ; потому что всякія гипотезы (Рашидъ-Эддинъ,

(824) Visdelou, Bibliothèque orientale Suppl., in-fol. 1780, p. 78—88 Article Kie-kia-sse.

Абульгази, Цапанъ-Цеценъ и др.) ([825]) по сему предмету уже исчерпаны. Во всякомъ случаѣ мы находимъ, что это туземное племя восточныхъ киргизовъ, по свидѣтельству древнихъ китайскихъ лѣтописей, несомнѣнно жило уже на Кемѣ и Енисеѣ при танской династіи (618—907 г.). Изъ европейскихъ знатоковъ китайской исторіи, Виеделу первый описываетъ ихъ посольства къ китайскому императору и ихъ исторію съ 648 до 874 г. ([826]); несравненно лучше объяснена эта исторія Клапротомъ, котораго выводы подкрѣплены и распространены Абелемъ Ремюза. Свѣдѣнія сіи о восточныхъ киргизахъ относятся къ тому періоду, когда они, состоя въ борьбѣ съ Хой-ху (см. выше Уйгуръ и Хой-хэ, Т. II стр. 134—138), охотно искали дружбы, какъ арабовъ на ю.-з., такъ и китайцевъ на ю.-в., чтобы, при помощи ихъ, справиться сколько нибудь съ своими гордыми южными сосѣдями, которымъ они уже съ древнѣйшихъ временъ, кажется, принуждены были платить дань, точно также, какъ впослѣдствіи платили ее монголамъ и джунгарамъ.

Абель Ремюза переводомъ и объясненіемъ китайскаго дорожника временъ династіи Т'анъ изъ Каракорума на западъ къ верховьямъ Енисея, ясно доказалъ, что эта рѣка, извѣстная на новѣйшихъ картахъ подъ именемъ Кема, или *Киму*, въ древнѣйшія времена называлась Канъ. Изъ Каракорума и съ сѣвернаго берега Селенги, какъ значится въ этомъ дорожникѣ ([827]), дорога ведетъ прямо къ Кулиханамъ, народу, живущему на с.-з. отъ Байкала. Отъ ихъ мѣста жительства отстоитъ въ 20 дняхъ пути къ з.-с.-з, Кянъ-Кюнъ, гдѣ находится гора Ляо (Эргикъ-Таргэкъ, Торосъ-Дабога, или Турбанъ) и рѣка Кянъ, а при

---

(825) Klaproth Mém. sur les antiquités trouveés en Siberie въ Mém. rel. à l'Asie ч. I стр. 157—171; Descript. de la Russie trad. du chinois того же. ч. I стр. 81—115; того же sur la langue des Kazak et des Kirghiz avec vocabulaire въ mém. rel. à l' Asie T. III p. 332—369.

(826) Visdelou l. c. 79.

(827) Abel Remusat, Rech. sur la ville de Karakorum. Paris. 1825 p. 4. 15—18.

ией живетъ народъ Кянъ-кюнъ (въ позднѣйшее время царство Кянъ-Кюнъ-фу, съ китайскимъ титуломъ). Но этотъ народъ Кянъ-кюнъ есть тотъ же самый, который впослѣдствіи назывался Ки-кэу и еще позже киликицзы ([828]), (у Дегиня и Виcделу, по мнѣнію Клапрота, они ошибочно названы Кіэ-кяцзы, у Аб. Ремюза ([829]), руководствовавшагося китайскимъ сочиненіемъ Вен-хян-тунъ-хао, прим. 345 стр. 7 употреблена транскрипція Кяй-кяцзы, что значитъ киргизы, коихъ страна лежитъ на с.-з. отъ Хой-ху и на с. отъ Уйгуровъ. Китайскій лѣтописецъ ([830]), которому какъ современнику монголовъ, познакомившихъ китайцевъ съ сибирскими народами, страны ихъ были уже болѣе извѣстны, довольно точно описываетъ земли киргизовъ, называемыхъ имъ Киликицзы. По его этимологіи, 40 китаянокъ вступили въ бракъ съ 40 мужчинами изъ племени Уцзы (Уценъ); отсюда произошло имя киргизъ (отъ слова *киркъ*, что значитъ на туркскомъ языкѣ сорокъ и *кызъ* — дѣвушка). Царство киргизовъ, продолжаетъ лѣтописецъ, имѣетъ длины 1,400 ли (около 100 геогр. м.), а ширины въ половину менѣе, и раздѣляется на двѣ части рѣкою Кянъ (т. е. Енисеемъ), текущею на с.-з.

Это описаніе совершенно соотвѣтствуетъ горной долинѣ Да-киму, или большаго Кема, носящаго это названіе и у самыхъ обитателей его береговъ. Монголы назвали его Кемъ, что доказываютъ ихъ лѣтописи 1292 года ([831]). Въ то время монгольскій императоръ Хубилай-ханъ послалъ киргизскій гарнизонъ въ Каракорумъ, который обязанъ былъ защищать эту столицу отъ мятежниковъ, слѣдовавшихъ къ ней съ запада. Старшины киргизовъ получили отъ императора приказаніе спѣшить на помощь столицѣ.

Кемъ, или Енисей, въ это время былъ покрытъ льдомъ, по

---

(828) Visdelou, l. c., p. 79.
(829) Abel Remusat Rech. sur les langues Tartares. Paris. 1820. 4 p. 301.
(830) Sou houng-kian-lou. Liv. XLII, p. 73. Ab. Remusat. p. 19.
(831) Sou-houng-kian-lou. Liv. XX, p. 3. Ab. Remusat.

которому киргизы шли нѣсколько дней вверхъ теченія рѣки и наконецъ, оставивъ ее, прибыли въ Холинъ (Каракорумъ), куда вступили побѣдителями. Тунгузы называютъ и нынѣ Енисей Кемою, а самоѣдскія племена *Кемомъ*. Іезуиты, на своихъ китайскихъ картахъ, изданныхъ Д'Анвилемъ, удержали то же самое имя, даваемое Енисею манджурами, а именно: Кемъ (т. е. рѣка). Имя же Енисей было имъ совершенно неизвѣстно, потому что оно было дано этой рѣкѣ русскими казаками по ошибкѣ ([832]). Кетскіе казаки переправились чрезъ эту большую рѣку въ первый разъ по открытіи ея, въ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ городъ Енисейскъ, т. е. въ 10 геогр. м. (70 верстъ) ниже соединенія ея двухъ главныхъ вѣтвей: лѣваго Кема и праваго — (Ангары, текущей изъ Байкальскаго озера), гдѣ кочующіе тунгузы даютъ этой рѣкѣ названіе Іондези. Названіе рѣки, образующейся изъ слiянія Кема и Ангары, было перенесено казаками по невѣдѣнію на единственную тогда извѣстную западную вѣтвь, при чемъ Іондези былъ переменованъ въ Енисей, или Іенисей, и это ошибочное названіе было принято русскими, а потомъ и европейцами для означенія киргизскаго Кема, который русскіе столь же ошибочно ([833]) приняли за главную вѣтвь всей рѣчной системы, между тѣмъ какъ Ангара или Тунгуска, какъ стокъ водъ Байкальскаго озера, гораздо значительнѣе Кема.

Китайскія лѣтописи, временъ предшествовавшихъ танской династіи, упоминаютъ о сѣверной странѣ ([834]) Махинъ, а жителей ея называютъ Динь-линь (т. е. почтенные старцы). Во время ханьской династіи лѣтописи упоминаютъ и о Кянъ-кюнахъ и о Динь-линяхъ и говорятъ, что шань-юй Хунновъ, покоривъ своихъ сѣверныхъ сосѣдей (Усунь и Уги) направился

---

(832) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 388, not. 52; Klaproth Notice sur l'origine de la nation des Mandchoux, въ Mém. rél. T. I, p. 454.

(833) Gmelin Sibir. R. T. III, p. 120.

(834) Visdelou l. c.; Klaproth Description de la Russie traduite du chinois, въ Mém. rel. à l' Asie. T. I, p. 81—116.

къ западу, гдѣ разбилъ Кянъ-кюновъ, а на сѣверъ отъ нихъ и Динь-линей. Слѣдовательно Кянъ-кюны жили на сѣверъ отъ Усуней на западъ отъ Уги, а Динь-лини, еще сѣвернѣе ихъ, въ самыхъ сѣверныхъ странахъ. Если Кянъ-кюны на Кемѣ занимали горную долину Да-киму, то Динь-лини были ихъ сѣверными сосѣдями, слѣдовательно ихъ нужно искать тамъ, гдѣ нынѣ кочуютъ другія самоѣдскія коренныя племена, въ такъ называемыхъ русскими Саянскихъ горныхъ областяхъ. По Динь-лини (835) (около 100 лѣтъ до Р. Х.) распространялись отъ Байкала, вокругъ сѣверной окраины нагорной Азіи до самой Согдіаны; и принадлежали къ тѣмъ шести бѣлокурымъ и голубоглазымъ народамъ Средней Азіи, которыхъ Клапротъ причислялъ къ индо-германской расѣ, а слѣдовательно они не могли принадлежать къ самоѣдскому племени. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что въ то время еще ни одно изъ племенъ самоѣдскихъ не занимало, какъ нынѣ, странъ, лежащихъ непосредственно на сѣверъ отъ Да-киму, слѣдовательно переселеніе туда сойотовъ, должно полагать, произошло позже. Эти Динь-лини не имѣя политической самостоятельности, кажется, въ позднѣйшее время уже совсѣмъ смѣшались съ киргизами.

Во времена династіи Т'анъ кочевали здѣсь Ха-кацзы (Хакасъ) Кули-ханы и другія орды. Ха-кацзы и Кянъ-кюнъ, которые являются сначала отдѣльными, а потомъ соединенными племенами, жили на з. отъ Уйгуровъ на с. отъ Ян-ки (Харашаръ), нѣсколько въ сторону, т. е. на с. отъ Бо-шаня или Бѣлой горы, т. е. Тянь-Шаньской системы. Ихъ называли также Гюй-вы и Кіе-коу; племена ихъ были смѣшаны съ динъ-линьскими. Если принимать Динь-линей, по мѣсту ихъ жительства, за самоѣдское племя, то столь раннее

(835) Klaproth, Peuples de race blonde, статья IV. Tingling въ Tableaux histor. de l'Asie, p. 167.

соединеніе двухъ совершенно различныхъ расъ могло бы конечно броситься въ глаза, но оно не слишкомъ сильно поразило бы насъ, потому что мы уже изъ вышесказаннаго знаемъ, что они смѣшивались съ Усунями, кои были, правда, ихъ соплеменниками, но скоро также начали сливаться и съ совершенно чуждыми имъ народами, даже съ китайцами (потомками храбраго вождя *Ли-линя*). Они и сами признавали эти смѣшенія и считали ихъ за честь себѣ, какъ нынѣ жители Хами. Къ тому же, въ древнѣйшихъ своихъ народоописаніяхъ, китайцы упоминаютъ, что ихъ мужчины ([836]) жили распутно внѣ брака, за что китайцы обыкновенно порицаютъ чужестранцевъ.

Имя Кянъ-кюнъ измѣнилось въ Кіэ-ку, согласно съ древнимъ восточнымъ обычаемъ, существовавшимъ при перемѣнѣ династіи, повсюду, гдѣ только вводились придворные обычаи, и обратилось въ почетный титулъ Хе-ку, Хе-ку-цзы, т. е. Хекасъ, или Ха-ка-цзы, т. е. Хакасъ; это имя Ха-ка-цзы, на языкѣ ихъ побѣдителей Хойху означало „красно-желтыя лица" (Visage jaunes-rouges, у Висделу).

Эти Хакасы ([837]), граничили къ югу съ горами Танъ-муанъ (Танъ-манъ у Висделу), т. е. Тан-ну; страна ихъ, лѣтомъ вся была наполнена болотами, зимою покрывалась толстымъ слоемъ снѣга. Всѣ Хакасы были очень высокаго роста, съ рыжими волосами, бѣлыми лицами, зелеными глазами (голубыми по Висделу). Черные волосы были у нихъ дурнымъ признакомъ и черноволосые считались потомками китайскаго Ли-линя. Висделу говоритъ то же самое о черноглазыхъ ([838]). Полководецъ Ли-линь былъ китайскій изгнанникъ (въ 97 г. до Р. Х.), котораго Хунну возвели на свой престолъ, по одержаніи побѣды надъ своими сѣверными сосѣдями, причемъ легко могло произойти смѣшеніе съ кpropгиз-

(836) Visdelou, l c. Biblioth. orient. p. 78.
(837) Klaproth Mem. rel. à l'Asie T. I, p. 88; Tableau histor. de l'Asie, p. 168.
(838) cf. Tableaux histor. de l'Asie, p. 168.

скимъ племенемъ. И другихъ восточныхъ поражали всегда бѣлокурые волосы западныхъ народовъ (персы называли русскихъ сперва rus (т. е. лисицами, a capillis rufis ([839]) и. т. д). У Хакасовъ рождалось гораздо болѣе мальчиковъ, нежели дѣвочекъ. Народъ этотъ былъ очень гордъ и спѣсивъ; численность его простиралась до нѣсколькихъ сотъ тычячъ, изъ нихъ до 80,000 способныхъ носить оружіе. Мужчины были очень храбры; послѣ свадьбы они всегда татуировали себѣ тѣло на рукахъ, женщины же на шеѣ.

Климатъ въ землѣ Хакасовъ былъ такъ суровъ, что рѣки замерзали до половины своей глубины. Жители сѣяли рожь, ячмень, просо; ихъ лошади были большаго роста и сильны. Король ихъ назывался *аже* или *оже*, съ именемъ своего дома; его столица была въ Цзинь-шанѣ, т. е. на Синей горѣ, по Клапроту. Висделу переводитъ слово Цзинь-шань: черною горою. Отъ царскаго стойбища Мидиджита (Митихито, говоритъ Висделу, что означаетъ у нихъ палатку, шатеръ) ([840]) до столицы Хой-ху (тогдашняго Холина, т. е. Каракорума, основаннаго ими, при танской династіи, въ 755 г. (см. Т. II, стр. 263), считалось 40 дней пути для вьючныхъ верблюдовъ, слѣдовательно то же разстояніе, какое считается нынѣ отъ Маймачина до Уляссутая. Изъ Цзиня-шань (или Синей горы), который слѣдовательно мы не можемъ принимать вмѣстѣ съ Клапротомъ ([841]) за малый Алтай, и еще менѣе за болѣе отдаленную Синюю гору ([842]) Цзунь-линь на ю.-з. отъ Кашгара), текла рѣка Кянъ. Ее переплывали въ двухъ связанныхъ лодкахъ; она протекала страну съ юга на сѣверъ, принимая въ себя многія рѣчки и вливаясь въ море.

---

(839) Fraehn Ibn Fozlan. С.-П.-Б. 1823. 4. p. 33.
(840) Visdelou l. c. bibliothèque orient., p. 78.
(841) Tabl. hist. de l'Asie, p. 70. примѣч.
(842) Ab. Remusat. Hist. de la ville de Khotan., p. VII, Klaproth Mém. rel. à l'Asie T. II, p. 295 — 415; и Humboldt üb. vulc. Inn. Asiens, 321.

Это верхне-енисейское племя Хакасъ отправило первое посольство въ Китай въ 648 г., въ то время когда ихъ сосѣдніе притѣснители, ослабѣвшіе Хой-хэ, покорились династіи Т'анъ. Китайскій императоръ принялъ Хакасовъ благосклонно и возвысилъ дворъ царя ихъ въ *фу* или первый классъ съ титуломъ Кянъ-кюнъ-фу, съ цѣлію найти себѣ въ киргизахъ хорошую опору въ тылу опасныхъ для Китая Хой-ху, по извѣстной китайской политикѣ. Эти сношенія Китая съ Хакасами (т. е. киргизами) продолжались только до тѣхъ поръ, пока сіи послѣдніе были побѣдоносны надъ своими южными сосѣдями (843), вслѣдствіе чего они перенесли на нѣкоторое время свое стойбище до самаго Янки (Карашара) при Бо-шанѣ, и распространились далѣе на в. къ Орхонѣ и Тулѣ, до столицы Хой-ху, Холина. Эти связи продолжались только до 759 г., слѣдовательно одно столѣтіе, послѣ чего Хой-хэ снова усилились и, обязавшись охранять китайскія границы, окончательно покорили сѣверныхъ своихъ сосѣдей Хакасовъ и на нѣкоторое время отрѣзали ихъ отъ прямыхъ сношеній съ Китаемъ(844). Императоры т'анской династіи, кромѣ титула, даннаго ими царю Хакасовъ, назначили его командующимъ императорскими войсками лѣваго крыла и дали ему должность ту-ту, т. е. губернатора провинціи, подчинивъ его однако же китайскому генералиссимусу, точно также, какъ они поступили при завоеваніи Уйгуровъ и другихъ чуждыхъ имъ странъ средней Азіи. Поэтому довольно понятно, что вслѣдствіе этихъ сношеній съ китайцами, къ Хакасамъ на рѣку Кемъ проникла нѣкоторая цивилизація; это тѣмъ понятнѣе, что посольство хакасскаго *ажe* въ Китай къ династіи Т'анъ, въ 709 г., было принято китайскимъ императоромъ Чунъ-цзуномъ съ слѣдующими благосклонными словами: „Ваше царство и мое имѣютъ одно и то же

(843) Klaproth Tableau historiq. de l'Asie, p. 129; его observations critiq. въ mém. relat. à l,Asie Ч. II, стр. 352.

(844) Visdelou Biblioth. orient, l. c., p. 79. Klaproth Tableau hist. de l'Asie p. 171.

происхожденіе“, потому что его родовое имя было Ли, а царь Хакасовъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ китайскаго вождя Ли-линя. Хойху (Уйгуры) дали этому хакасскому *аже* титулъ Би-хатунь-кіэ-кинъ, быть можетъ Кіэ-кинъ, т. е. князь Біи и Катуни, какъ полагалъ Клапротъ (845), такъ какъ ихъ господство простиралось также отъ Кема до Оби; съ этого же времени должны начаться китайскія сказанія о Катуни и Чуѣ.

Съ новымъ ослабленіемъ Уйгуровъ, послѣ 20 лѣтней войны, царь Хакасовъ, съ санкціею Китая (846), угрожаемый тогда набѣгами тибетцевъ (тангутовъ и искавшій себѣ храбрыхъ союзниковъ, принялъ титулъ кахана, а для своей супруги титулъ хатуни. Онъ побѣдилъ и убилъ царя Уйгуровъ, но отослалъ съ полнымъ почетомъ его супругу, родомъ китайскую принцессу, въ Китай въ 841 г. по Р. Х. Впрочемъ, принцесса была перехвачена на дорогѣ Укяемъ, который былъ избранъ ханомъ остальными Хой-ху, и убита вмѣстѣ съ сопровождавшими ее Хакасами.

Укяй вскорѣ послѣ того былъ убитъ (846 г.) въ свою очередь и ему наслѣдовалъ, только на 2 года, его меньшой братъ О-ніэ, послѣдній изъ хойхусскихъ хановъ, который наконецъ былъ изгнанъ и бѣжалъ къ Шивейцамъ. Хакасы заняли уйгурскіе города 'Аньси (Ку-ча) и Бей-динь (Урумчи), при подошвѣ Тянь-шаньскаго хребта, и сдѣлались властителями обширнаго царства Хой-ху (Уйгуровъ) и послѣдніе члены уйгурскаго владѣтельнаго дома искали защиты на сѣверѣ у тунгусскаго племени Шивей (847), которое вскорѣ также было разбито и покорено Хакасами въ 848 г. Только западныя орды

---

(845) Tableaux hist. de l'Asie, p. 172.

(846) Visdelou l. c. Biblioth. orient. l. in fol. 80; Deguignes Gesch. d. Hunnen b. Dähnert T. II, p. 27 — 29.

(847) Deguignes Gesch. d. Hunnen въ Dähnert T. II. p. 29 Tabl. histor. de l'Asie, 31.

Хой-ху пережили стыдъ и истребленіе своихъ восточныхъ 10-ти братьевъ, падшихъ отъ оружія хакасовъ, которые въ то время всюду славились своими побѣдами и которыхъ Дегинь называетъ въ своей исторіи сибирскими ки-ли-ки-цзы (киргизы). Въ послѣдствіи *оже*—каханы хакасовъ, которыхъ посольства въ Китай упоминаются до 874 г. (848), просили императора переслать имъ классическія книги, а вскорѣ потомъ и китайскій календарь, принятіе котораго и до сихъ поръ еще служитъ у кочевыхъ народовъ выраженіемъ покорности Китаю, точно такъ, какъ подчиненіе азіятскихъ племенъ русскимъ казакамъ выражалось осушеніемъ чарки водки и подписаніемъ присяжнаго листа. Но эти богатства письменности и литературы хакасовъ въ IX в., кажется, остались у нихъ безъ послѣдствій, какъ это можно заключить изъ позднѣйшаго знакомства русскихъ съ киргизами, въ XVII в. Однакоже эти начатки цивилизаціи, перешедшіе къ нимъ въ IX вѣкѣ съ в. отъ китайцевъ, и въ VIII в. посредствомъ торговли съ арабами, не лишены интереса и можетъ быть даже остались не совершенно безъ послѣдствій, хотя въ сибирскихъ лѣтописяхъ русскіе казаки представляютъ ихъ самыми невѣжественными изъ враждебныхъ имъ племенъ.

Владычество хакасовъ, впрочемъ, и на этотъ разъ, какъ кажется, было кратковременно: ихъ каханъ вскорѣ предпочелъ новой своей резиденціи на Орхонѣ прежнюю на верхнемъ Енисеѣ и возвратился въ 970 г. въ свое стойбище на Кемѣ. Покоренныя имъ орды мало по малу опять пріобрѣли свою независимость; новый самостоятельный родъ уйгурскихъ царей возникъ снова подъ покровительствомъ китайцевъ. Царство Киданей (849) овладѣло вскорѣ послѣ того всѣми странами между Китаемъ и Байкаломъ и возвратило хакасовъ къ прежнему ихъ политическому ничтожеству, и исторія умалчиваетъ о

(848) Visdelon, l. c. fol. 79, 80; Дегинь у Деверта Т. II, стр. 27.
(849) Klaproth. Tabl. histor. de l'Asie, p. 174, 89.

нихъ до временъ Чингисъ-Ханидовъ, когда они, съ 1200 г., снова появляются передовыми отрядами монголовъ подъ именемъ киргизовъ.

Такъ произошелъ более нежели столетній пробелъ въ исторіи хакасовъ, которые впоследствіи, при династіи Юанъ, т. е. въ то время, когда монгольскіе императоры уже владели Китаемъ, снова упоминаются у китайскихъ писателей въ ихъ прежнемъ месте жительства, въ горной долине Да-киму, сперва подъ именемъ килики-цзы (т. е. киргизы), где ихъ страна была названа Ханхана, съ городами: Кянъ-чжеу (безспорно столицею древнихъ Кянъ-Кюнъ съ китайскимъ титуломъ Чжеу, какъ резиденціею *ожe*—кахана хакасовъ), Иланъ-Чжеу (т. е. змеиный городъ; неизвестно где?) и другими (850). Ихъ страна лежала, въ 10,000 ли (750 геогр. миль), къ з. отъ Пекина и имела 100 геогр. миль (1,400 ли) длины и 50 ширины (700 ли). Кянъ или Енисей протекалъ эту страну на с.-з., а къ с.-з. отъ него находился Юсю (Юсъ, верховье Чулыма). Главныя произведенія страны были: хорошія лошади, белые и черные соколы: слово Ханъ-хона, какъ называютъ монгольскіе летописцы эту страну при верхнемъ Енисее, значитъ большой мешокъ съ маленькимъ отверстіемъ; названіе свое страна получила отъ того, что она въ действительности иметъ такую форму; въ ней беретъ свое начало Кянъ. На ея границе находятся два узкіе дефиле между горъ, образующихъ входъ и выходъ изъ этой страны. Она покрыта горами, лесами, реками и кустарникомъ. Дороги здесь очень неудобны. Лучшаго описанія горной долины Да-киму сделать невозможно; изъ этого должно заключить, что она была очень хорошо известна монгольскимъ летописцамъ по близкому ея соседству съ Монголіею. Городъ Кянъ-чжеу получилъ свое имя отъ реки Кяна и лежалъ прямо въ ю.-в. углу страны киргизовъ (которая на з. простиралась до Оби), къ ю.-з. отъ

---

(850) Klaproth. Mém. rel. à l'Asie. T. I, p. 91.

Кяна и къ с. отъ горы Тан-лу (т. е. Тан-ну). Иланъ-Чжеу— змѣиный городъ (отъ слова иланъ—змѣя, на всѣхъ туркскихъ и киргизскихъ языкахъ) называется такъ потому, что предъ его основаніемъ жители видѣли на горѣ змѣю въ 10 футовъ длиною, пившую въ пещерѣ рѣчную воду.

Объ этихъ двухъ городахъ мы не знаемъ ничего достовѣрнаго; изъ одного же сходства имени Иланъ-чжеу (змѣиный городъ) съ именемъ Змѣиной горы, Змѣиногорска въ западномъ Алтаѣ, слишкомъ было бы смѣло заключать о ихъ тождествѣ, по примѣру Клапрота ([851]), тѣмъ болѣе, что у киргизовъ много такихъ змѣиныхъ городовъ (напр. Иланды ([852]) на Ишимѣ и др.), и потому, что такое предположеніе растянуло бы страну киргизовъ слишкомъ далеко на западъ по Алтаю, въ особенности же потому, что мы во всемъ горномъ округѣ не находимъ никакихъ слѣдовъ подобнаго киргизскаго города, хотя изо всѣхъ памятниковъ выходитъ несомнѣнно, что въ Алтаѣ было когда-то многочисленное населеніе; но какого народа? неизвѣстно. Когда русскіе проникли въ Сибирь, въ половинѣ XVII вѣка ([853]), тогда главныя кочевья киргизовъ выдвинулись уже далеко на с.-з. (до Оби), Алтирцы жили тогда на Абаканѣ и Уйбатѣ, Алтысары многочисленными ордами своими выдвинулись на бѣлый Юсъ.

Между тѣмъ удивительнымъ и, быть можетъ, подтверждающимъ существованіе и другихъ, болѣе древнихъ киргизскихъ переселеній на западъ, кажется то обстоятельство, что въ описаніи похода Гулагу-хана (1253 г. см. Т. II, стр. 124), еще гораздо далѣе къ ю.-з., въ той же самой странѣ Али-мали (Алмалы), до которой мы выше сопровождали этого полководца; на югъ отъ упомянутаго нами города Илійской долины, по случаю перехода черезъ горные проходы Тянь-Шаня, отъ станціи

(851) Klaproth Mém. relat. à l'Asie. T. II, p. 163—164.
(852) Ph. Nazarow Voy. à Khokand, въ Magas. asiat. T. I. p. 13.
(853) Fischer Sibir. Gesch. T. II. p. 650—677. Journ. asiat. T. VIII., p. 68.

Маа-джунъ говорится: „здѣсь употребляются для перехода тележки, возимыя лошадьми, а также здѣсь есть люди, переносящіе на себѣ большія тяжести и, притомъ совершающіе переходы весьма скоро; они называются килики-цзы ([854]), т. е. киргизы; они охотно вымѣниваютъ собакъ на лошадей. О нихъ не упоминается болѣе ничего, но и этого достаточно, чтобы доказать, что въ половинѣ XIII вѣка киргизы жили не только на верхнемъ Да-киму, но разселились и несравненно далѣе, и именно до того мѣста (было ли оно ихъ первоначальнымъ жилищемъ, или они сюда переселились, мы не отваживаемся рѣшить), гдѣ они живутъ донынѣ, подъ именемъ бурутовъ. Слѣдовательно киргизы обитали на сѣверномъ склонѣ Тянь-Шаня несравненно ранѣе, нежели произошло позднѣйшее переселеніе восточныхъ киргизовъ, въ началѣ XIII вѣка, изъ покоренной русскими Сибири, которому могли предшествовать и многія другія, болѣе раннія переселенія. О значительномъ числѣ настоящихъ киргизовъ (бурутовъ) въ китайскомъ Туркестанѣ, около Кашгара и другихъ мѣстъ, будетъ упомянуто ниже. Не смѣшались ли они впослѣдствіи съ другими народами, напримѣръ Шу-лэ (Сулэ у Дегиня и Аб. Ремюза, или Гиньша) (Кашгарами) ([855]), вторымъ племенемъ изъ породы бѣлокурыхъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія въ тождествѣ чистаго туркскаго языка этихъ киргизовъ монгольскаго времени, съ языкомъ хакасовъ династіи Танъ, принадлежащимъ вмѣстѣ съ нынѣшними языками трехъ киргизскихъ ордъ: Средней, Большой и Малой отъ западнаго Алтая и Зайсана до Волги къ чисто-туркскому нарѣчію и сходствующимъ съ турецкимъ константинопольскимъ, если въ семъ послѣднемъ не принимать въ соображеніе примѣси

(854) Ab. Remusat Rech. s. la ville de Karakorum., p. 40. Nouv. mélanges Asiat. Ч. I., 1829, p. 175.

(855) Chou-le въ Tableaux histor. de l'Asie, p. 166. Ab. Remusat sur les langues Tartares, p. 291.

арабскихъ и персидскихъ словъ; тождество это доказано трудами Клапрота ([856]), Жобера, Гамакера ([857]) и другихъ. Что же касается весьма немногихъ монгольскихъ словъ, вошедшихъ въ восточный киргизскій языкъ, со времени монгольскаго владычества и ихъ торговыхъ сношеній съ калмыками и джунгарами, то они не могутъ служить доказательствомъ монгольскаго происхожденія этой отрасли народа, отъ котораго они достаточно отличаются и своею наружностью.

Абулгази, слѣдуя Рашидъ-эддину, производитъ киргизовъ отъ одного баснословнаго родоначальника и называетъ вмѣстѣ два народа Киркизъ и Кемъ-кемджутъ ([858]). На границѣ владѣній Кемъ-кемджутъ, говоритъ онъ, лежатъ двѣ сосѣднія страны (или орды), одна при Селенгѣ, другая при Уйгуръ-Мурэнѣ, состоящей изъ двухъ рѣкъ. Страна киргизовъ лежитъ при рѣкахъ Оби и Сырѣ. Ложное объясненіе заставило принимать Уйгуръ-Мурэнъ за Хуанъ-хэ, а киркизовъ за монголовъ, или вышедшихъ оттуда Тата. Но Уйгуръ-Мурэнъ то же, что Енисей, восточный притокъ котораго и нынѣ называется Кемъ-кемчикъ. Этотъ притокъ и есть самый Кемъ, а жители его суть восточные киргизы, переселившіеся на ю.-в. и извѣстные здѣсь въ восточномъ Туркестанѣ, со времени китайскаго владычества, подъ именемъ бурутовъ, въ противоположность съ западными степными киргизами, отъ Иртыша до Волги. Рѣка Уйгуръ-Мурэнъ названа такъ по имени уйгуровъ, потому что эти послѣдніе, какъ хой-хэ, долгое время господствовали въ тамошней странѣ, до самаго времени Чингисъ-ханидовъ; она течетъ, по Албугази, въ Аджи-ден-

---

(856) Klaproth, sur la langue des Kirghiz, въ mém. III., p. 336.

(857) H. A. Hamaker. въ Censurae Biblioteca critica nova, Ludg. Bat. 1825. Vol. I., p. 185 и др.

(858) Klaproth. Asia Polyglotta. p. 231—235; Antiq. de la Siberie въ Mém. T. I. p. 161.

гизъ ([859]) т. е. въ Горькое море, а не въ Сѣверное. Это и есть Енисей, который въ тѣ времена могъ впадать въ сѣверныя сибирскія тундристыя и болотистыя низменности, составлялъ, по сказанію древнѣйшихъ китайскихъ лѣтописей, сплошное болотное море, покрывающее тамошнія степи и донынѣ богатыми и обширными соляными озерами.

Слѣдовательно киргизы, какъ то ясно видно и изъ другихъ источниковъ, несомнѣнно были извѣстны китайскимъ лѣтописямъ, подъ именемъ Кян-кюйъ, еще за 100 лѣтъ до Р. Х., какъ коренные жители горной долины Да-киму, откуда они часто выходили, но всегда опять возвращались туда. Они были однимъ изъ шести бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ и бѣлолицыхъ (Цзинъ-янъ-чи-сюй по китайскимъ писателямъ въ Венъ-хянъ-тунъ-хао, гл. 337 стр. 9) народовъ восточной Азіи. Самъ остроумный Аб. Ремюза, какъ увѣряетъ, безъ большаго труда призналъ ихъ за готскій народъ ([860]), который съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался независимымъ (канъ У-суни отъ хунну) образовалъ опредѣленныя границы (Limes Imperii для народовъ туркскихъ на западѣ). Чрезъ эти границы должны были пробиться турко-татарскіе народы, чтобы вторгнуться въ западную Азію. Бѣлокурыя племена огибали нагорную Азію широкимъ полукругомъ, и жили къ сѣверу отъ могущественныхъ хунну, начиная отъ Байкала, на отдаленномъ востокѣ, гдѣ исторія ихъ, хотя и довольно поздно, соприкасается съ исторіею тунгусовъ, дауровъ (Манджу) и монголовъ, языки которыхъ не только смѣшаны съ индо-германскими корнями ([681]), но даже въ самомъ строеніи своемъ имѣетъ граматическія формы, сходныя съ нѣмецкимъ языкомъ.

Сродные же съ ними Усуни жили въ то время на югѣ, на верховьяхъ Хуанъ-Хэ, при вступленіи въ проходную страну

(859) Asia Polyglotta, p. 232; Tableaux hist. de l'Asie, p. 175; Mém. rel. à l'Asie, Ч. I, p. 464.
(860) Ab. Remusat Recherches sur les langtart. Paris. 1820. 4, p. 327.
(861) Tabl. histor. de l'Asie, p. 162.

на границѣ тибетскихъ народовъ. Здѣсь нѣкоторое время они были отдѣлены хуннами отъ сѣверныхъ племенъ до тѣхъ поръ, пока въ 150 г. до Р. Х. удаленіе ихъ на западъ къ берегамъ Или (см. Т. II, стр. 128) опять не соединило ихъ съ большимъ вѣнцомъ группы бѣлокурыхъ народовъ, распространявшейся до Согдіаны, которые, своимъ общимъ языкомъ и по своему физическому строенію, принадлежали (см. Т. II, стр. 130) къ индо-германскому семейству (famille des nations hindo-gothiques) у Аб. Ремюза (862).

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ прибавить еще оставленное безъ вниманія, но замѣчательное мѣсто изъ китайскаго сочиненія Пянъ-и-тянъ (863), сообщенное Аб. Ремюза, и именно, что уже сами китайцы, расширившіе чрезъ посольства свои свѣдѣнія о западныхъ народахъ, присоединяютъ Усуней черезъ Бактрійское царство къ индійскимъ племенамъ. Они говорятъ: „если идти чрезъ горы Цзунь (т. е. Цунь-линь, западный Кунь-лунь), то можно найти весьма сходный съ Усунями по одеждѣ народъ Юнъ-ду (колоніи индусовъ), на с.-в. отъ котораго живутъ Да-вань, а на сѣверъ У-суни. Эти Юн-ду ведутъ однакоже кочевую жизнь на горахъ Цзунь и принадлежатъ къ племени Сай. Это есть первое свѣдѣніе китайцевъ, полученное ими объ индусахъ, и относящееся къ тому времени, когда они за 100 лѣтъ до Р. Х. заключили союзъ съ владѣтелями Бактріи и Персіи, въ то же время, какъ У-суни распространились до ихъ предѣловъ. Жаль, что ничего не говорится о ихъ языкѣ, на которомъ они конечно могли понимать другъ друга; не санскритскій ли это?

Китайскія лѣтописи, описывая посольства Кянь-кюновъ, которыхъ они постоянно называютъ хакасами въ Х столѣтіи, во время Хой-ху (см. Т. II, стр. 32, 142 и 263) утверждаютъ, что хакасы имѣли одинаковый языкъ съ турксками Хой-ху (т. е. восточными уйгурами), слѣдовательно ихъ также должно

(862) Ab. Remusat, въ Journal des savans. 1822. Oct., p. 596.
(863) Ab. Remusat, Recherches sur les langues Tartares., p. 288. Not.

отнести къ восточно-туркскимъ племенамъ. Не смотря на то, судя по филологическимъ изслѣдованіямъ Клапрота ([864]), хакасы должны были быть народомъ индо-германскаго происхожденія, смѣшавшимся съ господствующимъ тамъ туркскимъ племенемъ и перемѣнившимъ постепенно свой родной языкъ на турецкій. При этомъ между сосѣдними племенами весьма часто происходили браки, а такія смѣшенія, при которыхъ одна часть народа утрачиваетъ свой родной языкъ, нерѣдки въ средней Азіи. Такъ было съ теленгутами, съ западными киргизами ([865]), коихъ первоначальный туркскій языкъ принялъ въ себя столько калмыцкихъ словъ, что уже Рашидъ-эддинъ и Абулгази причисляли ихъ къ ойратамъ (элютамъ), а Аделунгъ ([866]) превратилъ ихъ языкъ въ самостоятельный монголо-татарскій, что уже было опровергнуто Аб. Ремюза.

Хакасы называли свой городъ, какъ мы видѣли выше, Иланъ (т. е. змѣиный городъ); это слово во всѣхъ турецкихъ языкахъ означаетъ змѣю. Начало года въ ихъ языкѣ называется мусъ-ай (мао-цзы-хай, у Висделу) — ледяной мѣсяцъ (отъ *мусъ*, ледъ, и *ай* — мѣсяцъ, на всѣхъ турецкихъ нарѣчіяхъ). Они имѣли уже при монголахъ, манджурахъ, японцахъ и тибетцахъ свой собственный кругъ лѣтосчисленія, состоявшій изъ 12 лѣтъ; каждый годъ назывался именемъ какого нибудь звѣря; третій годъ носилъ названіе тигра. Этотъ кругъ, какъ собственное произведеніе хакасовъ, есть единственное наслѣдіе, которое они оставили исторіи; это изобрѣтеніе ихъ распространилось гораздо далѣе ихъ владычества, говоритъ Ремюза ([867]) въ своемъ поучительномъ сочиненіи о татарскихъ языкахъ. Циклъ 12 звѣрей, изобрѣтенный древними

(864) Tableaux histor. de l'Asie, p. 169.

(865) Назарова Путешествіе въ Коканъ въ Nouv. magas. Asiat. Not. Klaproth. Paris, 1825. T. 1, p. 19.

(866) Adelung. Mitridates. Berlin. 1806. T. 1, p. 492. Remusat, Recherches sur les langues. Tartares. p. 305.

(867) Remusat, Recher. sur les lang. Tartares., p. 301.

хакасами, въ настоящее время находится почти въ повсемѣстномъ употребленіи у восточныхъ народовъ всей Азіи. Образцомъ ему служилъ, безспорно, древній десятилѣтній циклъ китайцевъ; но замѣна ничего неозначающихъ китайскихъ знаковъ именами животныхъ, и въ особенности домашнихъ, есть, по точному удостовѣренію *Венъ-хянъ-тунъ-кяо* (Гл. 348 стр. 7), изобрѣтеніе *Ки-ли-ки-зцы* (киркизовъ). Въ составъ его входятъ полезнѣйшія животныя: быкъ, заяцъ, лошадь, теленокъ, курица, собака, свинья. Также кошка. змѣя, тигръ (у Клапрота Истор. Табл. стр. 169), который, какъ доказалъ Эренбергъ, еще и донынѣ свойственъ Сибири (но Аб. Ремюза переводитъ его леопардомъ); обезьяна и драконъ дополняютъ дюжину. Если даже, говоритъ Ремюза, оспаривать заслугу этого изобрѣтенія у киргизовъ, какъ то, кажется, желаетъ сдѣлать Клапротъ въ Tabl. histor. de l'Asie, p. 169, и полагать вмѣстѣ съ нимъ, что этотъ циклъ не есть выдумка средне-азіятскаго народа, то, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, нельзя указать страны, болѣе способной къ изобрѣтенію подобнаго цикла.

Изъ остальныхъ свѣдѣній о хакасахъ, встрѣчающихся въ лѣтописяхъ династіи Юань, мы заимствуемъ только нѣсколько характерическихъ чертъ, выражающихъ намъ степень ихъ образованности, по которой этотъ народъ никакъ не можетъ быть отнесенъ къ числу совершенно грубыхъ и варварскихъ народовъ, и это, можетъ быть, броситъ нѣкоторый свѣтъ на объясненіе многихъ историческихъ памятниковъ его страны.

Въ главной резиденціи (868) хакасскаго царя *Аже* или *Оже* постоянно развѣвалось царское знамя; члены собственной его орды одѣвались въ красную одежду; другія орды назывались по фамиліямъ своихъ главныхъ начальниковъ; богатые ходили въ собольихъ шубахъ, зимою Аже или Оже носилъ соболью шапку, лѣтомъ заостренную и украшенную золотою филигранною

---

(868) Visdelou. l. c. Bibl. orient. fol. 78. Klaproth Tabll. histor. de l'Asie p. 170.

работою. Шапки его подданныхъ были сдѣланы изъ бѣлаго войлока. На поясѣ носили они саблю и точильный камень. Страна въ верховьяхъ р. Томи славится своими точильными камнями (869), попадающимися также и въ Сагайской степи на Юсѣ, гдѣ озеро Билэ-куль получило отъ нихъ свое имя. Простой народъ одѣвался въ звѣриныя кожи и ходилъ съ открытою головой: женщины носили платья суконныя, саржевыя, парчевыя и изъ шелковыхъ матерій, покупаемыхъ хакасами у арабскихъ купцовъ, которые съ VIII столѣтія проникли въ землю Уйгуръ до 'Аньси (Куча) и Бей-Диня (Урумчи), прежде нежели прибылъ туда китайскій посланникъ Бамъ-Янте (въ 983 г.). Мирные въ торговыхъ спошеніяхъ (до 'Аньси и Бэй-Диня, говоритъ Виздelу) и воинственные на полѣ битвы, хакасы проникали нѣсколько разъ столь далеко на югъ, и на этихъ южныхъ путяхъ вошли въ дружелюбныя отношенія съ арабами, туфанями (тибетцами) и Ко-лу или Го-лу (не Шулэ ли? или Кашгаръ?) живщими отъ нихъ на западъ. Арабскіе купцы, изъ боязни быть ограбленными уйгурами (Хой-ху) остались тогда у этихъ Го-лу (это была, слѣдовательно, уже извѣстная по звѣздамъ Птоломею дорога, черезъ Кашгаръ), до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нимъ отрядъ хакасовъ для охранительнаго сопровожденія ихъ въ дальнѣйшій путь. Утверждаютъ, что арабы изготовляли въ то время золотую матерію (парчу) такой тяжести, что требовалось 20 верблюдовъ для перенесенія одного куска (870), который для этой цѣли разрѣзывался на 20 частей. Каждые три года доставляли они по такому куску парчи въ подарокъ хакасамъ (вѣроятно для золотой палатки, потому что Виделу упоминаетъ о такой палаткѣ *кум-чу*, или китайской принцессы, сожженной хакасами въ столицѣ ка-хана — Хой-ху послѣ 20 лѣтней войны). Не отъ золотой ли палатки произошелъ титулъ Алтынъ-ханъ?

(869) Pallas, R. R. T. I, p. 665. T. III, p. 331.
(870) Visdelou I. c. Bibl. orient. Suppl. fol. 79. Klaproth. Tabl. histor. 172.

въ какомъ цвѣтущемъ положеніи должна была находиться торговля арабовъ, уже въ концѣ VIII столѣтія, кода они проникали въ тѣ страны между туркскими племенами! По этому пути арабовъ черезъ земли Хой-ху и горы Тянь-шань, проникло безпрепятственно ученіе Магомета до хакасовъ еще ранѣе, нежели они приняли названіе киргизовъ, — ученіе, обрядамъ котораго они, подобно своимъ сосѣдямъ Хой-ху (871) всегда отдавали преимущество, хотя смѣшивали его съ язычествомъ; между тѣмъ, какъ ихъ южные и восточные сосѣди — индусы и тибетскія племена преимущественно предались буддизму.

Этотъ фактъ несомнѣнно дошелъ до насъ въ искаженныхъ извѣстіяхъ, переданныхъ арабскимъ географомъ Эдризи (латинскій переводъ его Geographia Nubiensis въ Clima V. Pars IX и Clima VI. Pars IX), гдѣ онъ говоритъ о народѣ *Torci Odhcos* (872), имя, сообщенное конечно въ его арабскомъ искаженіи. Въ правленіе абассидскаго халифа Вазика (Уатегбиллахъ у Дегиня) въ 846 — 847 г. (842 у Дегиня; это значитъ 231 или 232 по Френу), говоритъ Эдризи, Саламъ, толмачъ этого князя, предпринялъ далекое путешествіе въ землю Chofsach (кипчакъ?) и къ крайнимъ сѣвернымъ горамъ Гогу и Магогу, чтобы донести своему владѣтелю о знаменитомъ походѣ *Искендера* (Александра) черезъ горы. Онъ слѣдовалъ отъ предѣловъ Бесгерта (страны Паскатировъ, т. е. Башкировъ, туркскаго народа на сѣверо-востокѣ отъ Каспійскаго озера) въ темную землю (Terra nigra) на разстояніи 10 дней пути, и потомъ провелъ еще мѣсяцъ въ путешествіи по пустынямъ, въ которыхъ всѣ поселенія и памятники были раззорены народами Гога и Магога (турками). Наконецъ достигъ онъ горной страны, обитатели которой говорили по-арабски и по-персидски. Ихъ

---

(871) A. Remusat, Recherches sur les langues Tartares, p. 292.

(872) Edrisi, Geographia Nubiensis ex Arabico a Gabr. Sionita etc. Paris, 1619. 4 p. 247, 267; cf Herbelot Biblioth. orient. Artic. Iagiouge.

начальникъ назывался каханъ Одкосъ; у жителей были выстроены мечети и школы. Они были очень рады услышать еще разъ что нибудь о вѣрныхъ, потому что уже много лѣтъ тому, разсказывали они, какъ прибылъ къ нимъ одинъ святой мужъ на длинномъ животномъ съ высокими ногами и горбомъ (Саламъ узналъ въ немъ верблюда) и научилъ ихъ правиламъ Корана.

Отсюда Саламъ поѣхалъ назадъ въ Хорасанъ. Уже ученый Дегинь (873) признавалъ этого кахана Одкоса за хана Хой-ху; Шпренгель называетъ его Адкашъ (874). Ученый оріенталистъ Френъ измѣняетъ это правописаніе Geographiae Nubiensis въ Онгишъ или Онги (875), и потому видитъ въ немъ Оніе, того самаго хана Хой-ху, котораго Дегинь въ своей генеалогіи уйгурскихъ хановъ этого народа называетъ послѣднимъ изъ нихъ; онъ царствовалъ только два года, 846—848, и вскорѣ принужденъ былъ бѣжать къ востоку. Если путешествіе совпадаетъ съ этимъ временемъ, то должно заключить, что твердо укоренившіеся въ столицѣ Хой-ху хакасы вскорѣ послѣ бѣгства приняли исламизмъ. Но если исправленіе правописанія еще сомнительно и подъ упомянутымъ именемъ можно разумѣть хана самихъ хакасовъ, то можетъ быть слово, прочтенное Шпренгелемъ адкашъ, согласно съ мнѣніемъ Клапрота (Адкошъ у Клапрота) (876) должно принимать за тождественное съ хакасъ, тѣмъ болѣе, что этотъ народъ уже и прежде былъ въ дружелюбныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ арабами и потомъ благосклонно принялъ пословъ калифа, чего бы не сдѣлали Хой-хе, показавшіе свое враждебное къ нимъ расположеніе. Слѣдуя этому объясненію, мы легко придемъ къ заключенію, что тотъ же самый Саламъ, котораго разсказъ, какъ замѣчаетъ Френъ (877), есть

---

(873) Deguignes. Geschichte d. Hunnen, см. Dähnert, T. II p. 29.

(874) Sprengel Gesch. d. geogr. 2 Aufl. Halle, 1792 p. 166.

(875) Fraehn Ibn Fozlan und anderer Araber Berichte über dec. Russen älterer Zeit. St.Petersb. 1823. 4 Einleitung, p. XIX.

(876) Mem. rel. a l'Asie T. 1 sur l. Antiq. de la Siberie. p. 156.

(877) Fraehn, Ibn—Fozlan. l. c.

одно изъ древнѣйшихъ магометанскихъ извѣстій объ этой сѣверной области. необратившей на себя заслуженнаго вниманія, могъ также сообщить очень хорошія замѣчанія о горахъ Тянь-шань, находившихся тогда во власти хакасовъ. Основываясь на этомъ предположеніи. мы можемъ принимать Кокайю географа Эдризи за Тянь-шань, или Небесныя горы; снѣжную гору Гогъ и Магогъ за ледяной проходъ близъ Аксу (см. Т. II, стр. 17); Круглое озеро за какое нибудь изъ озеръ тамошнихъ горъ; многочисленные огни за вулканъ Бай-шань (см. Т. II, стр. 22) или за сольфатару Урум-чи (см. Т. II, ст. 78); Фараанъ за Алтай, о которомъ путешественникъ Саламъ, если онъ только проникнулъ до Шулэ (Кашгара), или даже до 'Аньси (Куча) или до Бей-диня (Урум-чи), могъ узнать кое-что отъ Torc-Odkhos, или отъ хакасовъ. Это есть небольшое, но нелишенное интереса прибавленіе къ тому, что мы привели уже выше о киргизскомъ царствѣ изъ китайскихъ источниковъ. Эдризи говоритъ, что отъ крѣпости Гіарда (?) въ 7 дней ѣзды можно достигнуть до горы Кокайя (названіе это, сходное съ Тянь-шань? происходитъ отъ *кокъ*, *кекъ*, синій или небо ([878]) на восточно-туркскихъ діалектахъ), окружающей Гогъ и Магогъ (тамошнюю турецкую область?). Она очень крута и совершенно недоступна, потому что ея вершина вся покрыта никогда нетающимъ снѣгомъ (ob densarum nivium copiam, quae nunqum solvuntur) ([879]), и потому также, что надъ нею носятся никогда неразсѣявающіеся туманы. За горою лежатъ многіе города. Если бы кому нибудь удалось съ величайшимъ трудомъ взобраться на вершину, чтобъ осмотрѣть съ высоты, что находится за нею, то едва ли удалось бы тому возвратиться оттуда, потому что онъ былъ бы растерзанъ звѣрями, или потому, что народы означенной страны истребляютъ всѣхъ чужеземцевъ. Однако были люди, которые возвратились оттуда какимъ-то счастливымъ слу-

---

(878) Asia Polyglotta, Атласъ языковъ, табл. XXVI—XL.
(879) Edrisi, Geogr. Nubiens 1 c. p. 247.

чаемъ: они утверждали, что ночью, въ странѣ, лежащей позади горы, видѣли множество огней, по днемъ, по причинѣ густаго тумана, смѣшаннаго съ дымомъ, направо и налѣво ничего не могли разсмотрѣть. Тамошніе Торки, называемые Одкосъ (хакасъ?), имѣютъ широкое лице, большую голову, густые волосы и блестящіе глаза; они говорятъ на различныхъ туземныхъ языкахъ и поклоняются огню и вообще всему тому, что блеститъ. На сѣверѣ этой страны лежитъ огромная гора, называемая Фараанъ, длиною отъ запада до востока 18 станцій или дней пути (не Алтай ли?); на ея срединѣ лежитъ высокая плоскость, круглая какъ щитъ, а на этой плоскости находится озеро (Зайсанъ, Упса, или какое другое?) неизвѣстной глубины, поглощающее все, что въ него бросаютъ; въ немъ не можетъ плавать никакое животное и т. д. Мы считаемъ необходимымъ замѣтить здѣсь вообще, что у другихъ арабскихъ географовъ упоминается объ этомъ Фараанѣ какъ о безплодной, странѣ съ селитряною почвою и многими углубленіями, и что на картѣ Ибнъ-аль-Вардиса ([880]) между страною, имѣющею 12 паразанговъ въ окружности, называемой турецкою низменностію, и между Китаемъ, начертанъ треугольникъ, который долженъ представлять весьма обширный вулканъ (не Турфанскій ли?).

По-видимому арабскія, равно какъ и китайскія преданія, съ своимъ ученіемъ, языкомъ и письменностью, пробрались уже весьма рано къ упомянутымъ хакасамъ, или киркизамъ, вмѣстѣ съ ихъ торговлею и разнаго рода учрежденіями. Это тѣмъ болѣе удивительно, что уже прежде великій филологъ Тихзенъ, 1786, а послѣ него Клапротъ доказывали, что еще и нынѣ въ той странѣ, гдѣ нѣкогда жили эти народы, можно найти слѣды письменныхъ знаковъ ([881]), подобныхъ европейскимъ рунамъ (по

---

(880) Iohannsen. Die geographischen Ansichten der Araber nach hand-schriftl. Quellen der Pariser Bibliothek, nebst einer Erdtafel der Araber въ Hertha Stuttg. 829, T. XIV p. 251—255.
(881) Tableaux historiques de l'Asie.

Тихзену ([882]) называемымъ кельтическими и готскими буквами временъ владычества скиѳовъ надъ Сибирью). Въ нихъ легко узнать греческія, латинскія, славянскія буквы, но разборъ ихъ доселѣ ограничивался отдѣльными попытками ([883]), безъ сравненія съ другими подобными памятниками, а потому, какъ кажется, еще недалеко подвинулся впередъ. Однако этотъ замѣчательный фактъ, соединенный съ достовѣрностью, что Кангюй—предки хакасовъ имѣли синіе глаза, русые волосы и очень свѣтлую кожу, заставляетъ полагать, что сношенія, существовавшія нѣкогда между сѣверомъ Азіи и Европы, были гораздо чаще и тѣснѣе, нежели это полагалось доселѣ ([884]). Аб. Ремюза также обратилъ вниманіе на то, что туркскія племена Восточной Азіи уже съ древнихъ временъ имѣли многія отношенія съ индо-скиѳскими и готскими народами, жившими въ Татаріи, еще за нѣсколько столѣтій до Р. Х. Эти отношенія подтверждаются всѣми китайскими лѣтописями и служатъ къ объясненію введенія въ туркскомъ языкѣ вспомогательныхъ глаголовъ и сложныхъ временъ ([885]). Дальнѣйшее изысканіе объ этомъ предметѣ мы должны предоставить филологамъ. Такъ какъ китайскій лѣтописецъ Мадуань-линь говоритъ опредѣлительно, что языкъ и письмена хакасовъ и хой-ху, т. е. уйгуровъ, были тождественны, то намъ остается еще замѣтить здѣсь, что предводители Тукюэ ([886]) или древнихъ турковъ, сосѣдей хакасовъ, имѣли обыкновеніе, отдавая приказанія, дѣлать нарѣзы и зарубки на деревянныхъ биркахъ и разсылать ихъ вмѣсто письменныхъ приказовъ. Посред-

(882) Tychsen Schreiben an Pallas 19 Febr. 1786 üb.r alte unbekannte Steinschrift in Sibirien въ N. N. Beitr. T. V, p. 237—245.

(883) Григорія Спасскаго, De Antiq. quibusdam Sculpturis et Insriptionibus in Sibiria repertis Petropoli, 1822 fol. edit. Krug. Табл. IV фиг. 1 — 5. Рецензія Аб. Ремюза въ Journ. de Savans. Paris. 1822 Oct. p. 596—602.

(884) G. Ritter die Vorhalle europäischer Völkergeshichten vor Herodotus Berl. 1821. 8.; F. Bauer Symbolik u. Mythologie, Stuttg. 1824. 2. Ч. 8.

(885) Ab. Remusat, Recherches sur les langues Tartares, Гл. VI. Turk. Orient p. 306.

(886) Ст. Вэнъ-хянъ-тунъ-хао, гл. 343 стр. 3. у Аб. Ремюза Ibid. p. 65 и проч.

ствомъ числа и положенія нарѣзокъ увѣдомляли они о сборѣ войска и лошадей, о раздѣлѣ стадъ, и всегда означали въ точности число предметовъ. Къ этимъ биркамъ они присоединяли еще, какъ знакъ своей власти, стрѣлу съ золотымъ наконечникомъ и съ прикрѣпленною къ ней восковою печатью. На сей послѣдней вѣроятно были изображаемы тѣ же знаки, въ которыхъ уже Тихзенъ на надписяхъ енисейскихъ гробницъ, а также Аб. Ремюза и Клапротъ, признали шрифтъ, подобный сѣвернымъ рунамъ, какъ это ясно слѣдуетъ изъ таблицъ Гримма ([887]). Самоѣды и лапландцы ([888]) на дальнемъ сѣверѣ и донынѣ употребляютъ такія бирки, которыя со временъ Одина также вошли во всеобщее употребленіе и у германцевъ. Слѣдовательно всего естественнѣе ихъ грубое происхожденіе здѣсь въ средней Азіи, тѣмъ болѣе, что ихъ германское усовершенствованіе и календари, составленные по руническимъ палочкамъ, какъ поучительно замѣчаетъ Идлеръ ([889]), своею древностью не превосходятъ христіанскихъ календарей.

Къ этимъ общимъ изслѣдованіямъ о немаловажномъ значеніи хакасовъ (киркизовъ) для этнографіи и исторіи средней Азіи, мы прибавимъ еще нѣсколько данныхъ, заимствованныхъ изъ китайскихъ лѣтописей съ цѣлію характеризовать ихъ туземную жизнь и степень образованности до монгольскаго періода. Торговля съ арабами пріучила князей и вельможъ ихъ къ роскоши, слѣды которой можно найти и донынѣ въ золотомъ и серебряномъ богатствѣ могилъ ([890]) Киргизской степи, около Красноярска и Енисея. Но вопросъ принадлежатъ ли многія, или даже всѣ эти древнія могилы и памятники исключительно древнимъ хакасамъ и ихъ потомкамъ, еще недо-

---

(887) Grimm üb. deutsche Runen 1821. 8.

(888) Klaproth Asia polyglotta p. 166. 7.

(889) Ideler über das Alter de Runen-Kalender. въ Abhandlungen der Berlin. Acad. für Wissenschaften. 1829 Berlin, 1832. 4. p. 40—66.

(890) G. F. Müller, Observationes historicae in Sibiriae institutae. A. 1835 въ Klaproth. Mem. T I., p. 168.

статочно разъясненъ; вопросъ этотъ можетъ быть приведенъ въ совершенную ясность только при полномъ осмотрѣ всей области распространенія ихъ памятниковъ (см. ниже, чудскія гробницы). Съ тѣхъ поръ, какъ хакасы сдѣлались магометанами (это произошло во время монголовъ, хотя слѣды исламизма проникали къ нимъ уже прежде), вѣроятно окончился ихъ древній обычай погребенія умершихъ и въ то же время ихъ собственныя, руническія письмена могли быть вытѣснены арабскими или монгольскими, какъ у народа еще не возвысившагося до собственной литературы. Такія древнія грубыя руническія письмена уцѣлѣли только на могильныхъ камняхъ ([891]), немногихъ изваніяхъ, писанныхъ скалахъ и т. д. Енисейской степи.

Хакасы ([892]) питались большею частію лошадинымъ мясомъ и молокомъ и только ихъ царь употреблялъ кушанья изъ меда и изъ вареннаго риса. Ихъ музыкальные инструменты состояли изъ флейты, барабана, китайскаго органа, большой флейты, литавръ и колокольчиковъ; они охотно смотрѣли на травли звѣрей и пляски на канатѣ. Принося жертвы богамъ, геніямъ рѣкъ и травъ, они не имѣли на то опредѣленнаго времени; жрецы назывались на ихъ языкѣ ганъ-кунъ (у Клапрота, Kan-hoen у Висделу). У туркскихъ племенъ Сагайской степи, на западъ отъ Енисея, и у нынѣшнихъ горныхъ калмыковъ жрецы или волшебники называются „камъ". Ихъ грубое вѣрованіе совершенно ошибочно назвали шаманствомъ, потому что оно не заключаетъ въ себѣ ни одного догмата ученія саманеевъ ([893]), и вѣра въ высшее божество затемнена мечтаніемъ о демонахъ, такъ что у нихъ, какъ въ древнихъ вѣрованіяхъ китайцевъ и другихъ народовъ,

(891) См. изобр. въ Klaproth sur quelq. Antiq. de la Siberie, въ Mém relat. à l'Asie, I. p. 157—171, Tabl. II и III.

(892) Visdelou l. c. Bibliotheque Orientale, supl. f. 79; Tableaux hist. de l'Asie p. 179.

(893) Ab. Remusat, Observations sur la doctrine Samanéenne et la Triade suprème. Парижъ, 1831, 8. его же, Rech. sur les Langues Tartares, p. 296.

слово небо (coelum) было равносильно съ именами демонскаго божества (таковы: *тянъ* у китайцевъ, *тенгри* у монголовъ, *ла* у тибетцевъ, *дева* у индусовъ и проч.) Отъ этихъ народныхъ боговъ сродные съ ними властители хунновъ, назывались также тенгри-куту, т. е. сынами неба; тукюэ (восточные турки) приносили этому тенгри, какъ богу неба, извѣстныя жертвы и такія же жертвы бо-тенгри, богу земли. Турки IV вѣка пѣли хвалебные гимны этому тенгри — генію огня, воздуха и воды и т. д. Въ такомъ же заблужденіи жили и хакасы. Ихъ свадебные подарки состояли изъ лошадей и овецъ; богатые дарили ихъ сотнями. При погребеніяхъ они не царапали себѣ лица, но обѣгали только три раза съ воемъ около трупа и потомъ сожигали его, а кости до зарытія въ землю хранили у себя цѣлый годъ. Время отъ времени оплакивали они умершихъ на ихъ могилахъ. Все это согласно съ наблюденіями надъ древними могилами Енисейской степи. Жилища свои хакасы покрывали березовою корою (у Висделу; зимою покрывали они ихъ берестою, у Клапрота). Нѣкоторые воздѣлывали просо, пшеницу, ячмень, на 2-й мѣсяцъ сѣяли, на 9-й жали. У нихъ были ручныя мельницы; изъ зерноваго хлѣба они приготовляли хлѣбъ и вино (пиво? какъ и всѣ индо-германскіе народы, которые всегда занимались земледѣліемъ и никогда не были исключительно номадами). Главное ихъ богатство состояло изъ лошадей лучшей породы; у нихъ водились также верблюды, овцы съ курдюками и быки, а также дикія лошади, ку-ту (?), желтыя козы и т. д.; изъ рыбъ: мао, длиною 7 и 8 футовъ безъ костей, со ртомъ подъ челюстью (безъ сомнѣнія осетръ), много птицъ; березы и ели, высотою на полетъ стрѣлы. Страна ихъ была богата желѣзомъ, золотомъ, свинцомъ; въ дождливое время воды влекли съ собою родъ желѣза, называемый ими кя-ха и изъ котораго они ковали свое оружіе ([894]), столь острое, что оно могло пронзать на-

(894) Visdelou. l. c. p. 78.

сквозь кожу носорога; этимъ желѣзомъ они платили дань Ту-Кюэ. Послѣднее свѣдѣніе, сообщенное Висделу, дѣлаетъ очень вѣроятнымъ, что извѣстный родъ, такъ называемыхъ чудскихъ могилъ въ Енисейской степи, которыя заключаютъ въ себѣ желѣзныя оружія, мечи и плуги, вѣрнѣе должны быть названы могилами хакасовъ. Мы имѣемъ отличительный признакъ чудскихъ могилъ, которыя, по единодушному удостовѣренію наблюдателей не заключаютъ въ себѣ желѣза (895) и содержатъ въ себѣ только мѣдныя оружія и украшенія изъ мѣди, или бронзы, оправленной часто въ золото. Уже скиѳы (896) чтили желѣзный мечъ, какъ божество; у русскихъ язычниковъ (897), по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, мечъ съ насѣчкою пользовался не меньшимъ уваженіемъ. Торговля саблями изъ мусульманской Азіи съ хазарами, болгарами, уграми очень знаменита и играетъ важную роль въ исторіи народовъ древнѣйшихъ временъ. Многіе народы платили ими свои подати. На Томи и Енисеѣ искусство кованія желѣза осталось до сихъ поръ туземнымъ у татарскихъ народовъ, которыхъ русскіе уже вначалѣ назвали кузнецами (898). Городъ Кузнецкъ, при основаніи (899), получилъ свое имя отъ татарскихъ народовъ (напр. абинцевъ), кузнецовъ (турецкаго племени), составившихъ первое народонаселеніе города.

Гмелинъ, Фалькъ, Палласъ познакомились съ ихъ работами (900). Не только эти отдаленныя области хакасовъ къ с.-в., но также и близкія къ нагорью, равно какъ и берега Енисея очень богаты желѣзною рудою. Палласъ нашелъ здѣсь знаменитую массу мягкаго, совершенно чистаго, ковкаго желѣза

---

(895) Pallas R. R. T. III p. 416.

(896) Herodot, IV. 62.

(897) Ibn Fozlan въ Frähn l. c. p. 4 etc.; Lehrberg Abhandlung üb. d. Ugrische Land p. 38 etc., въ его Untersuchungen zur Erläuterung und ältesten Geschichte Russland's, St. Petersb. 4, 1816.

(898) Fischer Sibir. Gesch. T. I. p. 315.

(899) Falk Topogr. Beitr. T. I. p. 349. Gmelin; Sibir. R. T. I, p. 295.

(900) Pallas R. R. T. III, p. 411—416.

на правомъ берегу Енисея, на высокомъ хребтѣ къ с.-в. отъ Абаканска между рѣками Убей и Сисимъ (правые притоки Енисея); куски ея находятся во всѣхъ минералогическихъ кабинетахъ. По показаніямъ оріенталистовъ, здѣсь въ землѣ турковъ, нерѣдко падали изъ атмосферы такія желѣзныя массы ([901]); конечно онѣ не остались упавшимъ съ неба палладіумомъ для потомства, но были переработаны въ хорошее оружіе. Такимъ образомъ фактъ, сообщаемый китайскимъ лѣтописцемъ, можетъ быть за 1000 лѣтъ до Палласа, которому это показаніе было неизвѣстно, подтверждаетъ его наблюденіе. На лѣвомъ, высокомъ берегу своемъ, Енисей (у Кубековой) вымываетъ ([902]), по показанію Палласа, множество большихъ и малыхъ кусковъ окаменѣлаго дерева, превратившагося въ желѣзную руду, часто въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, большею частію толщиною въ руку, изъ которой кузнецы выковываютъ прекрасное желѣзо. Это кузнечное искусство, которымъ въ древности ([903]) отличались хакасы, можетъ быть почитаемо особенностью страны киргизовъ, тѣмъ болѣе, что такъ называемыя чудскія могилы обличаютъ незнакомство чудей съ качествами желѣза и искусствомъ кованія.

О царѣ хакасовъ ([904]) говорится еще, что его главный станъ былъ огражденъ палисадою: войлочныя палатки его превосходили величиною юрты его подданныхъ; военачальники раздѣлялись на 6 классовъ, которыхъ чины означались китайскими титулами. Когда онъ собиралъ свои войска, всѣ подданные платили ему дань, состоявшую изъ шкурокъ куньихъ, собольихъ и сѣрыхъ бѣлокъ, которыми его страна изобиловала. Туземные законы были очень строги: кто струситъ,

---

(901) Beitrag zur Gesch. d. Luftsteine aus Orientalen v. Hammer въ Fundgruben des Orients VI, Bd. p. 107.

(902) Pallas R. R. T. III, p. 140.

(903) Ibid. p. 308, etc.

(904) Visdelou l. c. 78, Tabl. hist. 170.

на полѣ битвы или, будучи посланъ гонцомъ, не привезетъ во время ожидаемаго извѣстія, или глупо разсуждаетъ о политикѣ, или учинитъ покражу и т. п., тому, говорятъ китайскія лѣтописи, немедленно рубятъ голову. Къ востоку отсюда жили еще турки, раздѣленные на три орды: Дубо, Милико, Оджи (Тупа, Мэй-ли-хэ, Го-чи у Виседелу), которыхъ начальники именовались Кигинъ (Кя-кинъ у Виседелу). Они жили въ берестовыхъ юртахъ, имѣли отличныхъ лошадей и ѣздили по льду на саняхъ (905), отталкиваясь изогнутыми шестами отъ древесныхъ вѣтвей съ такою силою, что легко откатывались на 100 шаговъ и проѣзжали огромныя пространства съ невѣроятною скоростью. Въ ночное время дѣлали они частыя хищническія нападенія, и хакасы были не разъ ими раззоряемы и обращаемы въ рабство (кто были эти народы? не тунгузы-ли?)

Объ обитателяхъ Хан-хо-на на Кемѣ, говорится еще въ исторіи Юань (906), что они были бѣдны, жили въ берестовыхъ юртахъ и не имѣли постоянныхъ жилищъ. Для ѣзды въ саняхъ употребляли они бѣлыхъ оленей (т. е. сѣверныхъ), питались ихъ молокомъ, сосновыми шишками и корнями лилій (Lilium martagon). Можно полагать однакоже, что здѣсь должно разумѣть не турецкое, но самоѣдское племя на Кемѣ (см. ниже Улянхай).

Со временъ монголовъ, какъ со времени владычества элютовъ и джунгаровъ, киргизы, сдѣлавшіеся болѣе извѣстными подъ китайскимъ именемъ Ки-ли-кицзы, тѣснимые съ юга, вошли во вражду съ своими сѣверо-западными сосѣдями. Эта распря длилась до тѣхъ поръ, пока они, жестоко тѣснимые русскими, съ начала XVII столѣтія, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка, не оставили совершенно русской Сибири и не переселились

---

(905) Klaproth, Tabl. histor. de l'Asie p. 170. Visdelou, p. 79.

(906) Klaproth, Description de la Russie traduite du chinois въ mém. relat. l'Asie, T. I. p. 113.

къ сроднымъ имъ по племени бурутамъ въ китайскій Туркестанъ и въ степи, лежащія на юго-востокъ отъ Иртыша.

Китайцы и монголы называютъ кассаками ([907]) или казаками тѣхъ киргизовъ, которые живутъ въ иртышскихъ степяхъ, отчасти также подчинены китайцамъ; сами же они даютъ себѣ то же имя казакъ, а мы, слѣдуя общему употребленію, называли ихъ киргизъ-кайссаками, не смотря на то, что прозвище киргизъ, находится у нихъ въ презрѣніи. О нихъ мы уже имѣли случай говорить выше, при описаніи Алтая, Тарбагатая, Или и другихъ мѣстъ. Тимковскій ([908]) сообщилъ о нихъ нѣсколько данныхъ, согласныхъ съ прежними и заимствованныхъ изъ Си-юй-венъ-кянъ-лу и объ ихъ послѣднемъ посольствѣ въ Жэ-хэ (Je-hol) (1819). Докторъ Мейеръ въ киргизской степи (Кар-каралинскаго округа ([909]) сдѣлалъ новыя, важныя наблюденія надъ ихъ ордами, кочующими еще далѣе на западѣ. Число такъ называемыхъ киргизъ-кайссаковъ, живущихъ въ степи, неподалеку отъ русской границы, въ точности неизвѣстно, притомъ же ихъ и нельзя причислять къ народонаселенію Сибири.

Отношенія къ Россіи даже тѣхъ киргизскихъ родовъ, которые живутъ въ русскихъ предѣлахъ, безпрестанно измѣняются ([910]). Съ бурутами или собственно кара-киргизами, съ которыми соединились сибирскіе киргизы, бѣжавшіе съ Енисея, познакомимся мы ближе при описаніи Китайскаго Туркестана. О четырехъ же различныхъ киргизскихъ ордахъ, составляющихъ 84 хоругви, состоящихъ въ подданствѣ четырехъ ха-

---

(907) Klaproth, sur la Klangue des azak et des Kirghiz, въ mém. rel. à l'Asie, T. III, 332 — 369; его же прим. въ I. Potocky Voyage dans les steps d'Astrakhan, Par. 1829 г., Прим. T. I, p. 43—46.

(908) Timkovsky voy. Paris. 1827. T. I. p. 215 — 220.

(909) Meyer, Beobachtungen über die Kirghisen. Ledebour Altai R. T. II, p. 405—475.

(910) Сперанскаго, Обозрѣніе Сибири, у Олдекопа, T. X, p. 282.

новъ (см. выше стр. 1059) и обитающихъ понынѣ въ горной области Да-Киму въ Китайской пограничной провинціи Улясутай не имѣемъ мы никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

II. Самоѣдскія племена Саянскихъ горъ; южная группа; китайскіе подданные; Улянхай или Урянхай; Сойоты.

Въ китайскомъ описаніи пограничной провинціи Уляссутай, находимъ мы указаніе на другой народъ, именно на Улян-хай (Урян-хай). Они живутъ за предѣлами ордъ киргизскихъ, въ горной области Да-киму и раздѣляются на 14 знаменъ, которыя вмѣстѣ съ 7-ю знаменами въ западной пограничной провинціи Гобдо, составляютъ 21 знамя. Они раздѣляются на два отдѣла, различаемые по названіямъ тѣхъ горныхъ хребтовъ, на которыхъ они живутъ, Тан-ну-Улянхай и Алтай-Улянхай. Въ настоящее время ихъ племена распредѣлены между горными хребтами, такъ что на хребетъ Тан-ну приходится 5, а на хребетъ Алтай (Эктагъ-Алтай) 16 знаменъ, потому алтайскихъ урянхайцевъ можно считать самыми многочисленными. Самые западные изъ нихъ находятся въ провинціи Гобдо, на сѣверномъ гребнѣ Этагъ-Алтая, между источниками верхняго Иртыша, рѣки Гобдо и Нархо или самаго южнаго источника Чулышмана. По прежнимъ даннымъ ([911]) они должны были простираться до Башкауса, но докторъ Бунге не нашелъ ихъ тамъ; вѣроятно они вытѣснены оттуда калмыками. Это самое въ точности обозначаетъ ихъ западную границу, чрезъ которую они, кажется, никогда не переходили; по крайней мѣрѣ до насъ не дошло ни какого намека на то, чтобъ они, подобно своимъ сосѣдямъ-киргизамъ, спустились съ сихъ возвышенныхъ степныхъ нагорій къ с., между тѣмъ какъ весьма вѣроятно, что они спу-

(911) Klaproth, Asia Polyglotta, p. 146.

скались съ нагорья къ с. Оффиціальное имя Улян-хай, подъ которымъ они извѣстны въ настоящее время у китайцевъ, названіе очень темно и врядъ ли ихъ родное; напротивъ, оно кажется занесеннымъ съ востока на западъ монголами, манджурами и китайцами. Урянхайцевъ иногда смѣшиваютъ съ тунгузскими или манджурскими племенами; но едва ли можно принимать за тождественное съ Урянхай, весьма созвучное имя Урянханъ, которое въ исторіи Чингисъ-хана попадается только одинъ разъ (912). Между древнѣйшими сказаніями о народномъ сеймѣ Та-чe находится указаніе, что въ ихъ странѣ, къ з., лежитъ Самаркандъ, къ в. же Вулянъ-хай (913). Этимъ именемъ, которое въ манджурскомъ текстѣ по Аб. Ремюза, должно читать Урянхай, обозначается самая сѣверная часть восточной Татаріи на з. отъ земель народа Нюй-чженьдо Японскаго и Ледовитаго морей, слѣдовательно земля Тунгузовъ. Названіе это, по толкованію Аб. Ремюза — кажется, означаетъ охотниковъ на оленей. Въ такомъ случаѣ очень легко объясняется, что подъ именемъ Урянхай, постоянно смѣшивались и самоѣдскія и тунгузскія племена, потому что и тѣ и другіе занимались охотою на оленей. То же подтверждаетъ и Клапротъ въ переводѣ описанія Россіи, китайскимъ писателемъ, который по исторіи династіи Юань, называетъ этихъ жителей Хан-хо-на, т. е. бѣлыми оленями, и говоритъ, что они питаются еловыми шишками, корнями лилій и проч. (см. выше стр. 598); мы должны считать ихъ за самоѣдскія племена на Кемѣ. Однакоже упомянутый китайскій писатель смѣшишиваетъ ихъ съ тунгусами (914), которые, по его свидѣтельству и въ его время, жили на в. отъ русскихъ. Онъ ихъ называетъ бѣднымъ народомъ Камни-ханъ. Смѣшеніе этихъ народовъ произошло только потому, что оба они держатъ у себя

(912) Цананъ Цеценъ, монгольская исторія, Schmidt St. Petersb. 4. 1829, p. 71.

(913) См. Куанъ-юй-ки, XXIV, p. 13 въ Аб. Ремюза, Rech. sur les langues Tart. p. 4 и проч.

(914) Klaproth, Descr. de la Russie, въ Mem. rel. à l'Asie, T. I, p. 113.

оленей. Между тѣмъ тунгузы ([915]), живущіе отъ Енисея на в. до Восточнаго океана, совершенно отличаются отъ самоѣдовъ, называющихъ себя Джандалъ, и языкомъ и обычаями. Далѣе тунгузы отличаются и тѣмъ, что въ различныхъ племенахъ ихъ являются историческія лица, завоеватели, основатели государствъ и что у нихъ встрѣчается образованность и литература (какъ Мо-хэ, Ши-вэй, Юйчжи, Кидань и Манджу, нынѣшніе властители Китая). Въ исторіи же самоѣдовъ, оставшихся въ маломъ числѣ въ своемъ отечествѣ и разбросанныхъ далеко къ с. и с.-в., не встрѣчается никакихъ подвиговъ; ихъ происхожденіе неизвѣстно и всѣ извѣстія о нихъ относятся къ позднѣйшему времени. Они встрѣчаются спорадически разбросанными группами, внутреннее ихъ развитіе, вслѣдствіе внѣшнихъ стѣсненій, ничтожно и не обличаетъ почти никакого прогресса.

Условія, въ которыхъ самоѣдское племя ([916]) обитало въ своей первобытной области, остались намъ совершенно неизвѣстными. Мы знаемъ это племя только въ его южныхъ и сѣверныхъ частяхъ. Оно распредѣлено въ двухъ отдѣльныхъ группахъ: 1) сѣверной, при Ледовитомъ морѣ, отъ устьевъ Енисея и сосѣднихъ съ нимъ рѣкъ на в. до устья Оби и сѣверной оконечности Урала по ту сторону Вайгачскаго пролива, до Бѣлаго моря на з.; 2) южной, отдѣленной отъ первой областью Енисейцевъ, отъ Туруханска черезъ Енисейскъ до Абаканска, и на ю. отъ Тунгуски. Единство языка обѣихъ группъ подтверждается самоѣдскою таблицею Клапрота ([917]), распредѣленною по тремъ племенамъ, при чемъ два сѣверныя раздѣлены на 14, а южное или континентальное на

(915) Ab. Remusat. Rech. sur les langues Tart. p. 21. Asia Polyglotta, p. 286—300. Klaproth, Origine de Nation Mandchoue. Mem. rel. T. I, p. 441—454.

(916) Lehrberg Untersuchungen z. ältern Gesch. Russlands, herausgegeben v. Krug. St. Petersb. 1816. 4, p. 63 etc.

(917) Klaproth, Asia Polyglotta, o самоѣдахъ, стр. 138—166; Tabl. VII, VIII, IX, X, XI.

4 нарѣчія. Ихъ языкъ весьма краткокъ въ выраженіяхъ, строй періодовъ не связанъ; слова выговариваются скоро и твердо, звуки большею частію гортанные; въ корняхъ видно большое сходство съ другими азіятскими, хотя и дальними языками, что кажется опредѣляетъ имъ мѣсто въ средней Азіи. Тѣлосложеніе потверждаетъ ихъ взаимное сродство, не смотря на ихъ разрозненность (см. выше койбалы).

Здѣсь идетъ рѣчь только о южной группѣ, обитающей по обѣимъ сторонамъ Саянскаго хребта; народы же, живущіе еще болѣе къ югу въ китайскихъ предѣлахъ, носятъ у китайцевъ опредѣленное имя Улянхай. Живущіе на сѣверномъ склонѣ уже въ сибирскихъ предѣлахъ, извѣстны подъ различными, выше-приведенными названіями и ихъ 4 нарѣчія показаны въ таблицѣ языковъ (918) подъ рубриками: камаши, койбалы, тайги, моторы. Словаря китайскихъ Урянхайцевъ до сихъ поръ еще не существуетъ. Эти Урянхай не представляютъ отрасли отличной отъ остальныхъ сѣверныхъ самоѣдовъ, по своему языку, или по другимъ этнографическимъ отношеніямъ; ихъ различіе политическое и случайное. Въ русско-китайскомъ пограничномъ трактатѣ (919) было положено правиломъ, отдѣлять подданныхъ обоихъ государствъ другъ отъ друга, если до тѣхъ поръ они жили вмѣстѣ, чтобы воспрепятствовать смѣшенію пограничныхъ племенъ. Самоѣдскія племена, названныя у китайцевъ Улянхай, у манджуровъ и монголовъ Урянхай, должны были остаться во владычествѣ того государства, которому они до сихъ поръ платили ежегодный ясакъ, состоявшій изъ 5 соболей. Это касалось преимущественно племени сойотовъ, получившихъ свое имя отъ храбрѣйшаго изъ своихъ князей Сойота, который, по покореніи его соплеменниковъ русскими на Тубѣ, въ 1618 г., перевелъ своихъ подданныхъ къ джунгар-

(918) См. также Adelung Mitridates, B. I, 552—5—5.
(919) Klaproth, de la frontiére russe et chinoise, въ Mém. rel. á l'Asie, T. I, p. 11.

цамъ, въ высокія горы, гдѣ они съ тѣхъ поръ стали называться его именемъ. Это племя жило съ тѣхъ поръ въ горахъ на верховьяхъ Енисея и около озера Коссогола. Прежде они платили подать по 5 соболей съ человѣка монголамъ, уже покорившимся китайцамъ въ началѣ XVIII столѣтія, и въ то время, по древнему обычаю, отсылали еще по одному соболю съ каждой души въ русскія канцеляріи въ Красноярскъ и Удинскъ; слѣдовательно были обложены двойною данью. Но теперь почти всѣ сойоты сдѣлались китайскими подданными. Участь остальныхъ Урянхайцевъ, платившихъ дань обоимъ государствамъ, по соболиной шкурѣ съ человѣка, была рѣшена проведеніемъ пограничной линіи. Тѣ изъ сойотовъ, которые жили при истокахъ восточныхъ рѣкъ Джида (притока Селенги) и Ури (притока Иркута) на востокъ отъ озера Коссогола, были также раздѣлены и только одна часть изъ нихъ осталась въ подданствѣ Сибири, въ вѣдѣніи Тункинскаго острога. Они составляли восточныя отрасли этой южной самоѣдской группы; но съ тѣхъ поръ пришли въ такое жалкое положеніе, что только нѣкоторыя семейства пережили свою участь.

Напротивъ того Танну-Улянхай и Алтай-Улянхай, какъ кажется, размножились. Прежде они были подъ владычествомъ джунгаровъ; съ уничтоженіемъ джунгарскаго царства сдѣлались подданными императора Кянъ-Луня (1757 г.). Князь ихъ, жившій на Алтаѣ, назывался въ то время Чадакъ ([920]), а другой, имѣвшій мѣстопребываніемъ своимъ горы Танну именовался Тубшинъ; у обоихъ вмѣстѣ было до 10,000 подданныхъ. Чадакъ получилъ отъ императора достоинство дорги-амбаня (вельможи 1-го класса съ павлинымъ перомъ на шляпѣ и главнокомандующаго надъ войскомъ); его люди были раздѣлены на 7 знаменъ и 25 ротъ. Тубшинъ получилъ титулъ сулы-амбаня (т. е. вельможи 2-го класса); подданные его раздѣлялись на 4 знамени и 16 ротъ. Въ

(920) Asia Polyglota, p. 146 и пр.

настоящее время они образуютъ уже не 11, а 21 знамя. Въ странѣ ихъ были поставлены необходимые ухериды; они получили печати и патенты. Управленіе Урянхайцами, имѣвшее своимъ средоточіемъ Уляссутай, было устроено совершенно въ манджу-китайскомъ духѣ, какъ мы уже выше о томъ замѣтили.

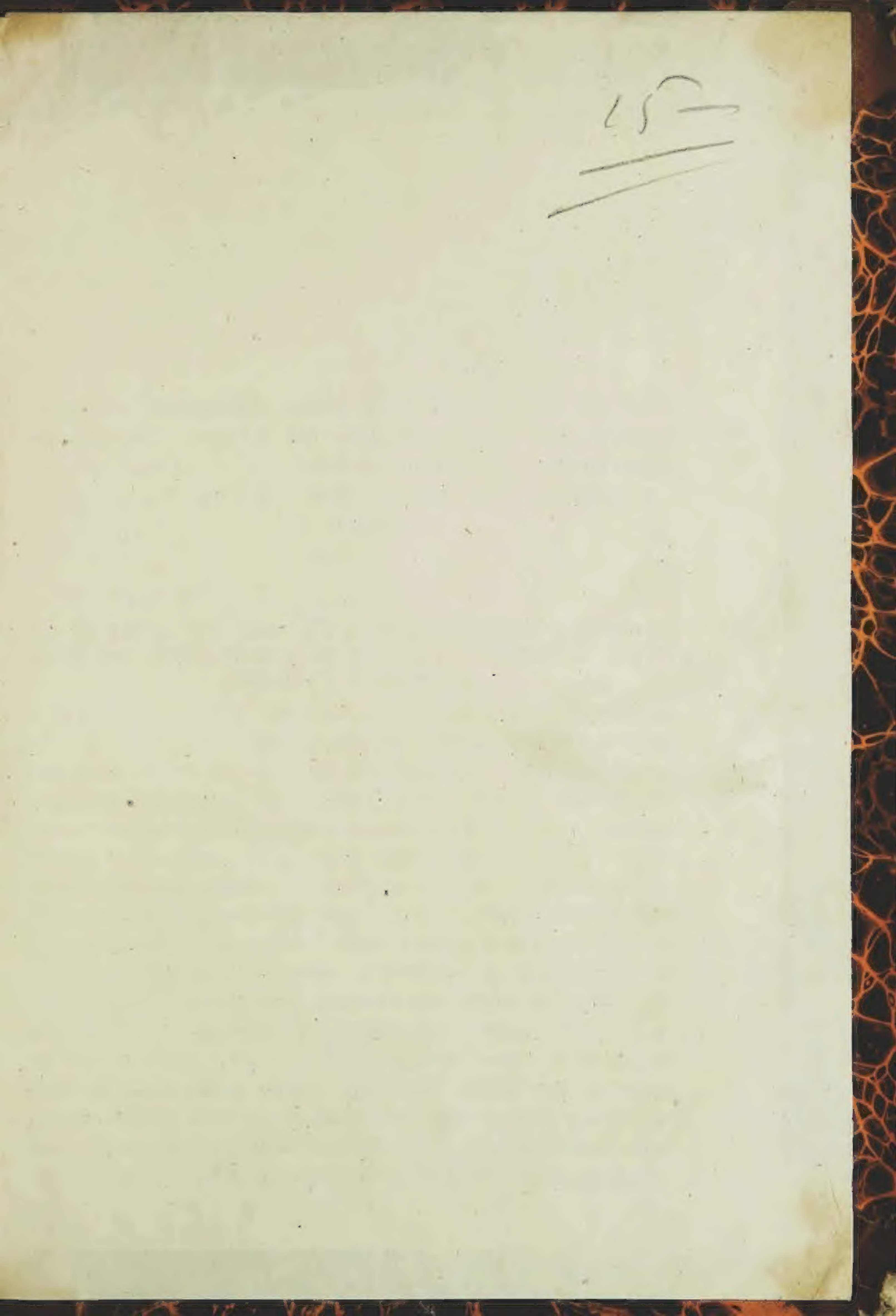
Китайскіе сойоты состоятъ изъ 4 главныхъ племенъ: багаровъ или байгариновъ; матларовъ, или моторовъ, живущихъ близъ сибирской границы около Кем-кемчикъ-бома; тожиневъ, обитающихъ на Камсарѣ, Сесте-Кемѣ, и улековъ, или улетовъ ([921]), обитающихъ на Кемчикѣ и его притокахъ. Эти послѣдніе пользуются наибольшимъ благосостояніемъ; они владѣютъ многочисленными стадами лошадей, верблюдовъ, быковъ и значительнымъ количествомъ серебра; добываютъ въ горахъ каменную соль огромными кусками, пьютъ чай и платятъ подать въ Уляссутай, откуда назначается имъ ихъ главный начальникъ.

Уже было выше говорено о китайскихъ и Тожикъ-сойотахъ (см. выше стр. 437, 443, 446, 475), также какъ и о русскихъ самоѣдскихъ племенахъ на сѣверѣ Камашахъ на Канѣ (см. выше стр. 448, 460), Карагасахъ и Капатахъ, о Силпурцахъ, Удинцахъ, Караганцахъ на Удѣ (см. выше стр. 454, 455), о Моторахъ или Мати на Амулѣ, о нихъ же на Кезырѣ (см. выше стр. 448, 460) и о Койбалахъ на Абаканѣ. Всѣ они суть кочующіе, звѣроловные и пастушескіе народы и число ихъ очень незначительно.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

---

(921) Pesterew, l. c., p. 155.



M
P55
3
T. 3